Джеральд Даррелл
Перегруженный ковчег
Гончие Бафута
Три билета до Эдвенчер
Путь кенгуренка

Аннотация

Сборник объединяет четыре книги известного английского писателя Джеральда Даррелла. Первые две из них, «Перегруженный ковчег» и «Гончие Бафута», рассказывают о поездке автора в Камерун. «Три билета до Эдвенчер» написана после экспедиции в Британскую Гвиану (ныне Гайана). Книга «Путь кенгуренка» повествует о путешествии Даррелла по Новой Зеландии, Австралии и Малайзии. Автор в увлекательной форме знакомит читателя с обитателями девственных лесов, их повадками и особенностями, описывает всевозможные приключения, связанные с поимкой диких животных. Особенно много внимания он уделяет вопросам охраны природы.

Книга рассчитана на самые широкие круги читателей.

Перегруженный ковчег

ПРЕДИСЛОВИЕ

Предлагаемая вниманию читателей книга рассказывает о шестимесячной экскурсии, совершенной мной и моим компаньоном в глубь больших тропических лесов Камеруна в Западной Африке. Поездка наша вызвана была двумя причинами: во-первых, мы хотели поймать и привезти живыми наиболее интересных животных, птиц и ящериц, обитающих в этом районе; во-вторых, мы оба уже давно мечтали увидеть Африку. Не Африку белых людей, с шоссейными дорогами, многочисленными барами и скорыми поездами, грохочущими по местности, лишенной под благодетельным влиянием цивилизации и флоры и фауны. Мы хотели увидеть один из немногочисленных оставшихся на континенте уголков, избегнувший пока подобной участи и сохранившийся примерно в таком же состоянии, в каком находилась Африка в период ее открытия европейцами.

Это была первая наша поездка за экспонатами. Джон Иелланд интересовался птицами, меня интересовали млекопитающие и пресмыкающиеся. Вместе мы составили план и собрали необходимые средства для поездки. Подобные поездки, если только зоологические сады не берут на себя их финансирование, требуют больших денег. Нас зоологические сады снабдили списками животных, наиболее интересующих их в районе предполагаемого путешествия, так что мы заранее знали, к поимке каких животных следует стремиться в первую очередь. Много написано о ловле диких зверей, но в большинстве случаев описания эти дают картину происходящего. Охотнику не приходится двадцать раз на день рисковать жизнью при встречах с враждебными племенами и дикими зверями; с другой стороны, не приходится сидеть целый день в кресле в ожидании, пока «черные» сами выполнят всю работу. Ловля диких зверей

связана с известным риском, но доля этого риска сильно преувеличена. В девяти случаях из десяти опасности, с которыми мы сталкивались, возникли по собственной нашей вине. Без помощи местных жителей, родившихся в лесах и прекрасно в них ориентирующихся, трудно поймать нужных зверей, но, когда зверь пойман, дело коллекционера сохранить его живым и здоровым.

Девяносто процентов времени уходит на содержание пойманных экземпляров и лишь десять процентов – на розыски зверей, укрывшихся в лесах и не желающих быть пойманными. Вполне естественно, однако, что, когда пишутся книги о подобных путешествиях, авторы подробнее рассказывают о ярких, запоминающихся эпизодах, чем о скучной, повседневной, будничной работе. В конце концов не доставляет большого удовольствия писать о чистке обезьяньих клеток, лечении животных от поноса и тому подобных вещах, которыми ежедневно приходится заниматься. Именно поэтому последующие страницы содержат по преимуществу описание наиболее интересных эпизодов нашего путешествия. Из этого отнюдь не следует, что нам не пришлось пережить и скучные, тягостные дни, до отказа заполненные грязными клетками и больными зверями. Временами мы удивлялись, зачем вообще затеяли эту поездку.

В заключение я хочу снять с моего спутника обвинение в том. что он является соучастником опубликования в печати этой истории. По моей вине перенес он много тяжелых испытаний в тропиках, теперь ему предстоит еще раз пострадать в печати; не сомневаюсь, что и это он вынесет с обычным своим спокойствием. Когда я сказал, что пишу книгу о нашей поездке, Джон ответил мне серьезно: «Послушай меня, старина, не делай этого…».

ВВЕДЕНИЕ

Судно пробивалось сквозь утренний туман по спокойному, ровному океану. Едва различимые возбуждающие запахи доносились к нам с невидимого берега – запахи цветов, сырой растительности, пальмового масла, тысячи других опьяняющих запахов, поднятых с земли восходящим солнцем – бледным, влажным сиянием света, слабо мерцающим в тумане. Поднимаясь выше и выше, солнце жаром своих лучей разрывало пелену тумана, висевшего над водой и над берегом. Клочья тумана, медленно поднимаясь вверх, растворялись в воздухе, открывая взору залив и очертания береговой линии. Впервые я увидел Африку.

По переливающейся в лучах утреннего солнца воде было разбросано несколько маленьких островков, каждый из которых настолько перегружен растительностью, что казалось удивительным, почему он не опрокидывается под тяжестью огромной шапки листьев. Позади островков поднимался берег, покрытый непрерывной густой стеной леса; вдали, в утренней позолоте, смутно вырисовывался величественный горный массив Камерун. После мягких пастельных тонов пейзажей Англии краски открывшегося ландшафта выглядели слишком яркими, почти кричащими, поражая глаз своей резкостью и силой. Над островками летали стайки серых попугаев, к нам доносились издаваемые ими пронзительные крики и свист. За кормой нашего судна два коричневых коршуна лихорадочно кружили в поисках чего-либо съедобного. Из редеющей паутины тумана в небе неожиданно появился охотящийся за рыбами орел, крупный, грациозный, сверкающий черно-белым оперением. Земля и залив все более освобождались от рассеивающегося тумана; все явственнее ощущался магический запах берега, запах этот становился сильнее, богаче, опьянял наше воображение картинами огромных лесов, заросших тростником болот и широких таинственных рек, мирно текущих под балдахином

листвы гигантских деревьев.

Высадившись на берег, мы почувствовали себя в мире грез, но были грубо возвращены в мир действительности: в течение получаса нам пришлось объяснять таможенным чиновникам назначение нашего необычного багажа. Наконец по грунтовой дороге мы направились в Викторию. По обе стороны дороги бежали живые изгороди кустов гибискуса, покрытых цветами; попадались участки желтой с едким запахом мимозы. Мы остановились на неделю в гостинице-небольшом белом домике, расположенном на холме, и продолжали знакомиться со всем окружающим. У нас было много всяких дел, и в любом другом месте мы утомились бы очень быстро. Здесь же мы отвечали на многочисленные вопросы, регистрировали бесконечные бумаги, покупали множество различных предметов, обедали со многими приятными людьми, купались в океане, делали тысячи других вещей – и все это в состоянии какого-то необыкновенного экстаза. Куда бы мы ни пошли – всюду видели что-то новое, необычное. Город раскинулся на берегу залива, весь в пальмах, шуршащих пышной листвой, в живых изгородях, усыпанных цветами. В каждом саду, на каждом участке виднелись ровные ряды лилий, создававших впечатление ярких огней на тонких зеленых подсвечниках. Город был очарователен, тем не менее мы с нетерпением ожидали начала нашей поездки по стране. И этот день настал.

Мы заказали грузовик к половине восьмого утра, рассчитывая быстро погрузить в него вещи и в половине девятого быть уже в пути. Было ясно, что мы новички в Африке. В десять часов мы нервно расхаживали по веранде гостиницы вокруг груды багажа, курили, ругались и пристально глядели на дорогу в ожидании обещанной машины. В одиннадцать часов на горизонте показалось облако пыли, в середине которого, подобно жуку, захваченному порывом ветра, мчался грузовик. Он со скрипом затормозил внизу, и водитель выскочил из кабины. Я заметил в кузове человек двенадцать пассажиров, мирно

беседовавших друг с другом; там же находились козы, цыплята, мешки с ямсом. бутылки с пальмовым вином и другие дорожные принадлежности. Я быстро спустился к шоферу и убедился, что в Камеруне лучше не выяснять причины опоздания машин. Мне были названы по меньшей мере шесть различных, противоречащих друг другу причин, каждая из которых представлялась убедительной лишь самому шоферу. Благоразумно отказавшись от этой темы, я заинтересовался людьми в кузове грузовика. Оказалось, что это жена шофера, кузина жены, отец механика, теща механика и т. л. После продолжительной, шумной и бестолковой перебранки пассажиры были высажены из машины со всеми хозяйственными предметами и домашним скотом. Затем шофер подогнал машину для погрузки: в связи с тем, что он при этом два раза наехал на живую изгородь и крепко задел стену гостиницы, мое доверие к его профессиональным способностям значительно уменьшилось. Имущество наше было погружено в машину с такой ужасающей быстротой и небрежностью, что я принялся гадать, какая его часть доедет до Мамфе неповрежденной. Позднее выяснилось, что пострадали лишь наиболее необходимые и труднозаменимые вещи.

Джон не принимал участия в моей беседе с шофером и в изучении генеалогии пассажиров грузовика. Позднее, когда страсти улеглись, он подошел к машине и обнаружил что-то чрезвычайно забавное. Над фронтовым стеклом большими неровными белыми буквами было выведено: «Счастливого пути. Виктория-Кумба». Джону показалось смешным, что грузовик с такой милой надписью мог опоздать на три с половиной часа. Только значительно позже мы поняли, какой насмешкой звучала надпись на машине. Выехали мы в двенадцать часов и пронеслись по улицам Виктории, поднимая тучи пыли и распугивая цыплят; мотор мужественно гудел, стремясь оправдать доброе имя машины.

Почти сразу же после выезда из Виктории дорога мягкими петлями идет на подъем среди бесконечных

пальмовых плантаций. Так мы проехали около десяти миль, куря папиросы и с нетерпением ожидая появления настоящего леса. Вдруг мотор чихнул, выправился, снова чихнул и медленно, как бы извиняясь, заглох. Машина плавно остановилась.

– Стоянка номер один, – сказал Джон, глядя на тянущиеся по обе стороны дороги бесконечные ровные ряды пальм, листья которых тихо шептались на легком ветру.

Все собрались около мотора, кричали наперебой и, обжигая пальцы, показывали друг другу, в каком месте обнаружена неисправность. Примерно через полчаса разобранный мотор валялся на дороге, а четыре человека лежали под машиной и громко разговаривали. Я начал всерьез беспокоиться, что эта скучная пальмовая роща действительно окажется нашей первой стоянкой. Я предложил Джону пойти пока пешком. Он посмотрел на разбросанные части мотора, на торчащие из-под машины черные ноги и вздохнул:

– Да, думаю, что можно идти. Если все будет благополучно, машина догонит нас раньше, чем мы дойдем до Мамфе.

Мы пошли, но по-прежнему нам было очень скучно. В листве пальм почти не водились птицы, мало было и насекомых в запыленной придорожной поросли. Вскоре грузовик нас догнал, члены его экипажа радостно улыбались, громко выражая свой восторг.

– Боюсь, – сказал Джон, – что их уверенность в собственных технических познаниях основана на недоразумении.

Когда через пять миль машина снова остановилась, я склонен был с ним согласиться. Третья наша остановка произошла после того, как машина миновала последнюю плантацию и добралась до настоящей лесной местности, поэтому мы с удовольствием покинули грузовик и медленно пошли по дороге.

Голоса наших механиков-любителей остались позади,

после первого поворота над нами нависла таинственная тишина леса. Впервые оказались мы в тропическом лесу: продвигаясь вперед, мы упивались видами и звуками, зачарованные, одурманенные обилием красок и впечатлений. С одной стороны дороги был овраг, заросший подлеском, с другой – круто поднимался склон холма. По обе стороны росли громадные деревья с широко расставленными корнями-подпорками, покрытые растениями-паразитами, папоротником и мохом. Все это переплетено лианами, которые своими петлями, кольцами и сложными спиралями проникали от подножия до самой вершины деревьев. Достигнув вершины, лианы вертикально спускаются обратно к земле. Кое-где на месте срубленных или упавших гигантских деревьев в лесу открывались окна, и здесь молодая поросль буйно вырастала над телом поваленного великана; всюду висели белые и желтые цветы вьюнков, в большом количестве виднелись и другие звездообразные ярко-розовые цветы.

В этом цветущем саду беспрерывно порхали нектарницы, отливая металлическим блеском в свете солнечных лучей: иногда они на мгновение останавливались перед цветами, поддерживая равновесие дрожащими пестрыми крылышками. На поваленных деревьях, выделяясь на фоне зелени коралловой белизной, располагались стайки карликовых зимородков, маленьких, как крапивник, сверкающих лазурно-голубым, оранжевым и светло-коричневым оперением, с темно-красными клювиками и лапками. Стаи птиц-носорогов, завидев нас, прерывали трапезу на вершинах деревьев, перелетали дорогу, хлопая большими, взъерошенными крыльями со звуком, напоминающим огромные кузнечные мехи, и громко, пронзительно кричали.

Мы пересекли несколько деревянных мостов, перекинутых через мелкие быстрые речки с чистым белым песчаным дном. По берегам, во влажных, прохладных местах, куда с трудом проникали солнечные лучи, отдыхало

множество бабочек. При нашем приближении они поднялись и начали порхать, создавая своей золотисто-голубой, зеленой, желтой и оранжевой окраской при переходах от света к тени картину фантастического калейдоскопа.

Время от времени мы проезжали поселки-группы разбросанных вдоль дороги хижин, окруженных небольшими участками маниока и одинокими пизангами, оборванные листья которых уныло свисали под лучами солнца. Своры захлебывавшихся от лая дворняг преследовали грузовик, дети с раздутыми животами стояли в канавах и, сверкая белыми зубами, энергично размахивали пальмовыми листьями. В одной деревне мы купили за полшиллинга большую связку бананов и накинулись на эти изысканные фрукты с такой жадностью, что вскоре нам стало нехорошо. В Кумбу приехали в сумерках. Над головами, в густой листве, пронзительно кричали серые попугаи. Я достаточно ясно объяснил экипажу грузовика, что утром мы хотим выехать как можно раньше. Затем мы поужинали и, усталые, закрывшись сетками от москитов, легли спать.

К нашему удивлению, в восемь часов мы были уже в пути, и, как бы компенсируя невзгоды вчерашнего дня, машина мчалась, как птица. В полдень мы перекусили на обочине дороги под раскидистыми деревьями, отстояв свои сандвичи от местных муравьев, запили завтрак теплым пивом. Между делом осмотрели окрестности с помощью полевых биноклей. Жизнь пернатых, как и вчера, казалась нам наиболее интересной: желтоголовые птицы-носороги с криками метались между вершинами деревьев, зимородки блестели на поваленных стволах, красивая ярко-коричневая и желтая кукушка с длинным клювом рассматривала нас во время нашего завтрака. Изящная кроваво-красная стрекоза пролетела над дорогой, колыхнулась в сторону и села на край моего стакана с пивом. Шесть больших муравьев медленно и методично ползли вверх по моей ноге, неожиданно к их компании по еле видимой ниточке сверху присоединилась маленькая зеленая гусеница. К вечеру мы прибыли в Мамфе и

разместились в больших, неуютных, отражающих каждый звук комнатах гостиницы. Затем мы наблюдали, как бледно-розовые гекко выползли из щелей и начали на потолке горячую охоту за насекомыми. привлеченными светом нашей лампы. Гекко почти незаметно подползали по белому потолку к отдыхающей моли или мухе, с неожиданной быстротой бросались вперед и кусали жертву. В следующий момент насекомое улетало, а гекко после короткой паузы для отдыха и размышлений направлялись на поиски новой цели.

В Мамфе мы запаслись продуктами и различными нужными вещами, после чего стали обсуждать дальнейшие планы. Джон хотел посетить деревню Бакебе, в 25 милях от Мамфе, где, по рассказам местных жителей, водится много птиц. Я хотел ехать в Эшоби. Эта деревня находится севернее реки Кросс, на окраине почти необитаемого лесного района, простирающегося сплошным массивом на сотни миль к северу и вплотную примыкающего к безлюдным горам, в которых живут гориллы. Я чувствовал, что Эшоби – идеальное место для организации промежуточной базы, основную же базу Джон создаст в Бакебе. Занимаясь млекопитающими и пресмыкающимися, я. мог также и ловить птиц для Джона; собирая в Бакебе птиц. Джон попутно мог поймать и каких-либо интересующих меня млекопитающих и пресмыкающихся. Этот план был принят, я начал искать носильщиков для перехода в Эшоби (дороги туда не было) и нанял грузовик, чтобы доставить Джона в облюбованную им деревню, расположенную, к счастью, при дороге.

Настало утро нашего расставания. Мы с Джоном завтракали под деревьями во дворе гостиницы, когда появились десять моих носильщиков. Вид их не предвещал ничего хорошего.

– Не думаю, что ты дойдешь по Эшоби в такой компании. – с сомнением проговорил Джон. – Скорее всего ты будешь съеден ими, прежде чем вы успеете пройти полмили по лесу.

Один из носильщиков широко зевнул, обнажив крупные

острые зубы. Предположение Джона стало казаться мне довольно реальным. В это время подошел парикмахер, чтобы подстричь меня перед уходом в Эшоби. Мысль о том. что перед уходом в лес следует подстричься, была высказана Джоном, и я счел ее вполне разумной.

Я сел, парикмахер почтительно накрыл меня простыней и приступил к работе. Вдруг носильщики начали дружно прыгать, отряхиваться и громко ругаться. Я ничего не понимал, пока не почувствовал на ноге несколько острых укусов; посмотрев вниз, я увидел колонну муравьев, приготовившуюся к атаке. Подо мной переливалась сплошная черная масса. Я позвал на помощь, двое слуг подскочили ко мне, закатали брюки и начали снимать с ноги муравьев. В это время во дворе появился мальчик с двумя крошечными детенышами дрила, тесно прижавшимися к нему. После непродолжительного, но шумного торга я купил обеих обезьянок. Муравьи успели уже добраться и до ног мальчугана, он бросил мне на колени обезьянок и поспешно убежал. Дрилы решили, что перемена владельца ничего хорошего им не сулит, и начали брыкаться, визжать и кусаться, как капризные дети. Создавшаяся ситуация заслуживает описания: носильщики прыгают, пытаясь избавиться от муравьев и очищая от них наш багаж, я усмиряю дрилов, путаясь при этом в простыне парикмахера, а двое слуг продолжают снимать с меня муравьев. Парикмахер давно не испытывал, очевидно, подобного удовольствия: он любовался веселой сценой, время от времени давал советы, ругал одного из носильщиков или слуг и рассеянно щелкал ножницами над моей головой. Один раз, когда парикмахер показал носильщику, какой багаж следует взять, разгорелся такой жаркий спор, что я ожидал увидеть на земле свое отрезанное ухо.

Постепенно мы распределили багаж, и Джон проводил нас до ржавого подвесного моста через реку Кросс. По другую сторону реки были лес и Эшоби. Мы стояли, наблюдая, как носильщики один за другим переходили мост в

ста футах выше уровня темной воды. Достигнув противоположного берега, они исчезали в многокрасочной чаще леса. Когда последний носильщик скрылся из виду и до нас уже едва доносились голоса из лесу, я повернулся к Джону:

– Ну, дорогой друг, я ухожу в неведомое. Встретимся месяца через три.

– Желаю счастья, – ответил Джон и добавил – Полагаю, что оно тебе понадобится.

Я прошел по шаткому скрипучему настилу моста, ящерицы убегали от меня по высушенным солнцем доскам. На другой стороне я оглянулся и помахал Джону рукой. За широкой рекой, на фоне больших деревьев, он казался мне карликом. Я повернулся и быстро пошел по лесной тропинке, стремясь догнать носильщиков.

После долгих месяцев ожидания и подготовки наступил наконец знаменательный день.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ. ЭШОБИ

ГЛАВА I. Днем в лесу

Я понимал, что когда появятся пойманные звери, мне придется уделять им много времени и я не сумею далеко уходить от базы. Поэтому я хотел использовать все возможности для скорейшего выхода в лес и, пока расчищалась площадка для нашего лагеря, сообщил в Эшоби о своем желании встретиться с вождем. Вождь, сопровождаемый четырьмя членами совета, прибыл в тот момент, когда я с нарастающим раздражением наблюдал за тщетными попытками пяти человек установить мою палатку.

Вождем оказался маленький, щуплый, смущенный человек, одетый в красно-желтую мантию, с оранжевым беретом на голове: он прижимал к груди крупную и очень рассерженную чем-то утку. Члены совета с елейными лицами и хитрыми глазами провели вождя мимо разбросанного в беспорядке снаряжения и подтолкнули ко мне. Он откашлялся, крепче прижал к себе утку и начал речь. Говорить ему, однако, было нелегко, утка окончательно вышла из терпения, захлопала крыльями перед лицом вождя и стала громко кричать грубым и жалобным голосом. Утка была большая и сильная, в один момент мне даже показалось, что она сейчас поднимется в воздух и унесет с собой вождя. Однако он устоял на месте и благополучно закончил речь. Берет его съехал при этом набок. По окончании речи вождь с облегчением сунул мне в руки утку, которую я немедленно передал Пайосу – своему помощнику-камерунцу.

Последовал продолжительный обмен любезностями между вождем и мной (в качестве переводчика выступал Пайос). Я объяснил цель своего появления в Эшоби и показал вождю и его спутникам рисунки и фотографии различных зверей: собеседники мои были очарованы, они тянулись к рисункам своими темными пальцами, смеялись, кивали головами, громко и одобрительно вскрикивали при виде

каждого нового рисунка. Мы быстро договорились, я получил от вождя обещание прислать в качестве проводников лучших охотников деревни. В заключение беседы я подарил вождю две пачки папирос, и он, довольный, побежал к деревне. Вскоре вождя нагнали члены совета и, не обращая внимания на слабые протесты, ловко освободили его от большей части моего дара.

На следующее утро в лагере появились двое охотников, присланных вождем. Я пригласил их к палатке и, заканчивая свой завтрак, внимательно их осмотрел. Первый охотник – низенький, коренастый, со скошенным лбом и выступающими вперед зубами. Его толстое тело было покрыто зеленой накидкой, щедро осыпанной большими оранжевыми и красными цветами. Второй, очень высокий и худой, картинно изогнулся и чертил ногой узоры в пыли. Накидка его представляла искусное сочетание пурпурных и белых пятен на розовом фоне.

– Доброе утро, маса, – сказал маленький, обнажив зубы.

– Доброе утро, маса, – повторил высокий, тоже улыбаясь.

– Доброе утро. Вас направил сюда вождь?

– Да, сэр, – ответили они одновременно.

– Как вас зовут?

– Сэр?

Пайос, стоявший за моей спиной, перевел вопрос.

– Элиас, сэр, – ответил сиплым голосом маленький.

– Андрая, сэр, – ответил высокий, пошатнувшись от неожиданности и опершись на плечо своего коллеги.

Я обратился к Пайосу.

– Спроси, хотят ли они стать моими охотниками. Получать они будут по шиллингу и шесть пенсов в день, и, кроме того, подарок за каждого пойманного зверя. Если попадется очень нужный мне зверь, подарок будет большой. За остальных зверей подарки будут меньше.

Пайос внимательно выслушал меня, склонив голову набок. затем повернулся и повторил мою речь надломанном

английском языке.

– Вы согласны? – спросил он в заключение.

– Мы согласны, – дружно ответили охотники.

– Они согласны, сэр, – обратился ко мне помощник, хотя в этом и не было уже необходимости.

Я показал охотникам рисунки, вызвавшие у них такой же бурный восторг, как накануне у вождя и его спутников. Они объясняли мне, где можно встретить того или иного зверя. С безошибочной точностью опознавали они каждое изображенное на рисунке животное. Среди прочих я достал рисунок верблюда, передал его охотникам и с невозмутимым видом спросил, где поблизости водится этот зверь. Они долго рассматривали рисунок, поговорили между собой и наконец признались, что ничего подобного они в жизни не встречали. Я приободрился, так как опасался услышать, что большие стада этих животных можно обнаружить в полумиле от деревни. Приказав вернуться на следующее утро, я дал им несколько папирос и долго, томимый тяжелыми предчувствиями, провожал взглядом коротенькую, переваливающуюся с боку на бок фигурку Элиаса в ярком одеянии и осторожно шагавшего рядом Андраю. В жизни не встречал я двух человек, менее похожих на охотников; чем больше думал я о них, тем меньше верил в их умение и способности. Я был очень приятно разочарован, так как в действительности они оказались превосходными охотниками. Элиас обладал большим мужеством, Андрая быстро ориентировался в сложной обстановке.

С ними должен был я провести много дней в лесу; немало и ночей провели мы, крадясь по зарослям при слабом свете факелов в поисках маленьких обитателей леса. В радиусе двадцати миль вокруг деревни моим спутникам были знакомы каждая тропинка, ручеек, водопад, почти каждый куст. Они легко пробирались через самые густые заросли, ни звуком не выдавая свое присутствие, в то время как я, неуклюжий, запыхавшийся, ковылял позади с шумом работающего бульдозера. Они учили меня находить след и

идти по нему, и, когда в первый раз я попытался сделать это самостоятельно, я заблудился через десять минут. Они показывали, как находить в лесу вкусные плоды, как отличать их от несъедобных, какие ветки можно жевать для утоления жажды, не опасаясь быть отравленным.

Тропический лес – отнюдь не такое жаркое, зловонное, опасное место, каким изображают его некоторые писатели; он и не настолько густой и заросший, чтобы быть непроходимым. Густые заросли встречаются только на ранее обрабатывавшихся и затем заброшенных участках, где гигантские деревья вырублены, солнечный свет проникает глубоко вниз и в результате молодая растительность быстро распространяется по свободному пространству, поднимаясь навстречу солнцу. В больших лесах растения только двумя способами могут пробиться к свету: или они растут в высоту, голые, без ветвей, подобные шестам, пока не достигнут листвы на вершинах окружающих деревьев, или они ползут, обвивая и переплетая стволы лесных великанов, постепенно добираясь до верхних ветвей и дневного света.

Когда попадаешь в лес, он кажется после дневного света темным, мрачным, прохладным. Свет просачивается сквозь тысячи листьев и приобретает зеленоватый оттенок, придающий всему окружающему призрачный сказочный характер. Множество опавших листьев покрывает почву толстым слоем. мягким, как ковер, издающим приятный запах земли. Кругом стоят гигантские деревья, опирающиеся на большие изогнутые корни-подпорки: толстые ровные стволы вздымаются вверх на сотни футов, верхние ветви и листва сливаются в бесконечную зеленую лесную крышу. Между взрослыми деревьями растут внизу и молодые деревца-слабая, тонкая поросль, выбившаяся из-под слоя опавших листьев, длинные, стройные стволы с горстью бледно-зеленых листьев на верхушке. Они стоят в вечном полумраке, готовые устремиться ввысь, навстречу живительным солнечным лучам. Пробираясь по лесу между стволами молодых деревьев, можно обнаружить извилистые,

едва различимые тропинки. Это дороги, по которым передвигаются лесные обитатели.

Не зная обычаев и повадок лесных жителей, в больших тропических лесах только случайно можно обнаружить живые существа. Непрерывно раздается лишь резкий, пронзительный звон цикад, да маленькая птичка, стыдливо укрываясь в чаще, сопровождает нас, время от времени окликая мягким жалобным вопрошающим «у-у-у-и-и…». Много раз подкрадывался я к этой неуловимой птичке, слышал ее голос всего в нескольких футах, но ни разу не довелось мне ее увидеть.

В отдельных местах, где тропинки расширялись, сплошная крыша наверху разрывалась и сквозь сетку листьев виднелись обрывки синего неба. Солнце прорывалось сквозь эти щели, окрашивая золотом листья и покрывая лес сотнями переливающихся пестрых бликов, в которых порхали бабочки. Две разновидности этих лесных бабочек особенно мне понравились, и я искал их при каждом своем выходе в лес. Первая-маленькие, чистые, белые, изящные бабочки, похожие на снежинки, с красивым своеобразным полетом. Они вздымались в воздух, подобно захваченным вихрем семенам чертополоха, а затем медленно опускались на землю, напоминая своими пируэтами миниатюрных балерин. На отдельных тропинках, обычно около ручьев, можно встретить двадцать или тридцать этих восхитительных насекомых, неподвижно сидящих у края воды. Потревоженные, они поднимаются, медленно кружатся, поворачиваются, скользят по воздуху, снижаются, подобно облаку пепла на зеленом фоне леса. Затем они возвращаются на старое место, низко скользя над водой и отражаясь в ее темном зеркале.

Вторая разновидность-большие красивые бабочки – встречается значительно реже первой. Их длинные, довольно узкие крылья имеют густой ярко-красный цвет. Полет у них быстрый, но блуждающий; внезапно в полумраке появляется из-за кустов яркое, дразнящее пламя, мерцает и вспыхивает в разных местах и так же неожиданно, подобно задутой свече,

снова исчезает. Лес после этого казался мне еще более мрачным.

Наиболее примечательная особенность тропических лесов – бесчисленные маленькие ручьи, мелкие и чистые, извивающиеся сложными, запутанными узорами. Они огибают гладкие коричневые камни, петляют в белоснежных песчаных берегах, деловито размывают землю под раскинувшимися корнями деревьев и, мерцая и плескаясь, исчезают в темной глубине леса. Вода журчит и пенится около миниатюрных водопадов, выдалбливает в песчанике глубокие, тихие заводи, в которых водятся голубые и красные рыбы, розовые крабы, маленькие пестрые лягушки. В сухие периоды ручьи становятся главными артериями для лесных зверей, источниками не только питья, но и еды, так как здесь собираются и хищники и их жертвы. Песчаные берега покрываются густой сетью следов; среди мелких частых узоров птичьих следов лесной малиновки, каменки, жирных зеленых голубей иногда видны крупные отчетливые следы карликового коростеля. На мягкой почве у берегов видны большие участки между корнями деревьев, вскопанные охотящимися за клубнями и крупными улитками кабанами, в вязком иле можно обнаружить длинные узкие следы кабанов и свиней и вплетенные между ними крошечные отпечатки ног поросят.

Таков был лес, показанный мне Элиасом и Андраей, и я не нашел в нем ничего страшного, опасного. Лес был очарователен. Под сенью высоких деревьев с пологом колышущейся листвы царили глубокое молчание и удивительная мирная безмятежность.

День нашего первого выхода в лес надолго останется в моей памяти: я увидел столько зверей, сколько в дальнейшем мне не приходилось видеть за такой короткий промежуток времени. Природа поистине была очень милостива ко мне в этот день. Я велел моим проводникам пройти со мной по лесу на 5–6 миль от деревни. После этого, как я им беззаботно объяснил, мы опишем по лесу полную окружность с деревней

в качестве центра круга. Много раз в течение дня я горько раскаивался в своем легкомыслии, но, чествуя, что от выполнения намеченного плана во многом зависит мой престиж, я упрямо держался за него и вернулся в лагерь поздней ночью, совершенно разбитый и обессиленный.

Вышли мы ранним утром. В это время в лагере уже слышались неописуемые крики и шум: человек двадцать жителей деревни приступили к строительству помещений для животных.

Мы прошли полосу обработанных участков, окружающих деревни: между кустами маниока и масличными пальмами кое-где виднелись огромные красные муравейники. Я с интересом рассматривал эти массивные крутостенные сооружения с многочисленными отверстиями, которыми кроме законных хозяев пользуются также и различные другие живые существа. Некоторые муравейники достигают десяти футов высоты и двадцати пяти футов по диаметру основания, стены их словно зацементированы. Этими беглыми наблюдениями пришлось пока и ограничиться. Муравейники находятся рядом с деревней, и ими можно будет заняться тогда, когда в моем лагере появится уже много животных и я не смогу от него далеко уходить. Мы пошли дальше; вскоре тропинка пересекла небольшой тихий ручеек, вода которого показалась нам ледяной. Мы выкарабкались на другой берег, вошли в лес, продираясь сквозь низкие заросли, и остановились, чтобы дать глазам время привыкнуть к полумраку.

Почти три мили прошли мы по ровной, слабо пересеченной местности, когда Элиас. шедший впереди, застыл на месте и поднял руку. Мы напряженно ожидали, прислушиваясь; Элиас бесшумно подошел ко мне и шепнул:

– Обезьяны, сэр, вот на той большой ветви.

– Какие обезьяны? – спросил я, тщетно напрягая зрение.

– Черные с белыми пятнами на морде.

«Белоносые гвеноны», – подумал я с досадой, так как при всем желании ничего не мог обнаружить.

– Видите, сэр?

– Ничего не вижу.

– Сэр, идите сюда, с этого места хорошо видно.

Мы подошли к указанному Элиасом месту, стараясь не шуметь в зарослях. Я вспомнил наконец о бинокле, достал его и быстро навел на вершины деревьев. Я смотрел на море колышущихся листьев и злился больше всего потому, что два моих охотника легко видели то, что было недоступно мне даже с помощью бинокля. Но в конце концов и я заметил на скрытой под массой листвы большой темной ветви восхитительную процессию. Впереди, с изогнутым хвостом, внимательно оглядываясь по сторонам, шествовал старый самец. Весь он был черный, как уголь, и только легкий зеленый отлив меха на спине придавал обезьяне слабо выраженную пятнистую окраску. Грудь у обезьяны была белая, на маленькой черной морде у носа тоже выделялось большое белое как снег пятно. Длинные волосы на голове вожака стояли торчком, и весь он, медленно передвигаясь по ветви, был очень похож на пугало. По пятам за ним двигались две самки, обе меньше его, обе очень осторожные, так как с ними были детеныши. Первая прижимала к груди крохотную обезьянку величиной с новорожденного котенка. Малютка обхватила мать и крепко вцепилась лапками в мех на ее спине. Второй детеныш был старше, двигался за своей матерью самостоятельно, со страхом поглядывал на открывающуюся под ним пропасть и испускал жалобные, пискливые звуки. Я восторгался детенышами и, наблюдая за ними, решил, что достану маленького белоносого гвенона, даже если мне придется затратить на это остаток моей жизни.

– Маса будет стрелять? – услышал я хриплый шепот Элиаса; опустив бинокль, я увидел, что он протягивает мне ружье. В первый момент я даже возмутился, услышав, тго мне предлагают стрелять в таких милых зверьков с забавными хохолками и клоунскими белыми носами. Позднее я понял, что не сумею объяснить спутникам свои соображения: в лесах Камеруна сентименты и чувства являются привилегией

сытых. Мясо здесь попадается редко, каждый кусок его ценится на вес золота, поэтому эстетические чувства отходят на задний план и уступают место требованиям голодного желудка.

– Нет, Элиас, я не буду стрелять. – Сказав это, я снова поднял бинокль, но обезьяны уже исчезли.

– Элиас!

– Сэр?

– Объявите в деревне, что я заплачу пять шиллингов за пойманного детеныша такой обезьяны.

– Хорошо, сэр, – отозвался Элиас, заметно повеселев.

Мы продолжали двигаться по извилистой тропинке и вышли к берегам небольшого ручья, журчавшего в мелком русле. Сырые, заболоченные берега его были покрыты зарослями широколистных растений, зеленых и сочных. Мы пошли вдоль ручья, растительность доходила мне до пояса. Вдруг Элиас подпрыгнул и закричал:

– Стреляйте, маса, стреляйте!

Я не мог ничего разобрать в возникшей впереди суматохе, не знал, куда и в кого стрелять. Андрая прыгал в зарослях, как длинноногий кузнечик, и пронзительно кричал. Судя по шуму, в кустах пряталось какое-то крупное животное; кустарник, однако, был настолько густым, что там мог укрыться кто угодно, от леопарда до гориллы, и я не знал, что произойдет дальше. Внезапно кусты раздвинулись, и я с изумлением увидел двух крупных кабанов, мчавшихся зигзагами между деревьями. Животные были ярко-оранжевого цвета, с длинными белыми кисточками на ушах и развевающейся полоской белых волос вдоль спины. Более красивых и интересных кабанов мне еще не приходилось встречать, и я смотрел им вслед с разинутым ртом. С поразительной быстротой они скрылись в лесу. Элиас и Адрая после всего случившегося вряд ли слишком высоко оценили мои охотничьи способности.

– Хорошие свиньи, – с тоской сказал Элиас, прислушиваясь к затихающему шуму убегающих животных.

– Прекрасное мясо, – грустно поддержал Андрея.

– Прекрасное мясо и для европейцев, – продолжал он, с упреком глядя на меня и подчеркивая, что разочарование его не является чисто эгоистическим.

– Это ружье не годится для кабанов, – поспешно объяснил я, – в Эшоби я возьму более сильное ружье.

– А то ружье сильное?

– Да, очень сильное, из него можно убить кабана, тигра, даже слона, – безудержно хвастал я.

– Это правда, сэр?

– Правда. Когда-нибудь мы придем в лес и убьем много кабанов.

– Да, сэр, – дружно ответили охотники.

Мы продолжили путь, охотники предвкушали обещанную жареную свинину, а я с удовольствием вспоминал великолепных животных и надеялся, что мой авторитет пока сохранен.

Много часов спустя, когда я уже еле передвигал ноги, произошла наша третья и последняя в этот день встреча. Мы вышли к участку леса, почва которого казалась вспаханной. Слой листьев на земле был разрыт, камни и ветки перевернуты, молодые растения согнутый изжеваны. Оба охотника осмотрели следы, Элиас подошел ко мне и прошептал магическос слово «соомбо». Так камерунцы называют дрила, обезьяну, забавляющую посетителей зоопарков своим сверкающим голым задом и злобными гримасами. Дрилы всегда привлекали меня в зоопарке тем, что с подкупающей искренностью показывали наиболее непростойные части своего тела, приводя в ужас посетителей. Если верить Элиасу, перед нами находилось целое стадо дрилов, и я не хотел упустить возможность увидеть их в естественном состоянии; мы начали энергично продвигаться по лесу в направлении доносившегося до нашего слуха рычания и раздраженных пронзительных криков. В течение часа мы преследовали стадо, карабкаясь и спотыкаясь, иногда даже ползли на четвереньках; один раз, несмотря на все мое

отвращение, пришлось проползти на животе около ста ярдов по болоту. Но при всех наших стараниях стадо мы не догнали, единственной наградой было то, что мы на мгновение увидели мелькнувшую в кустах серую фигуру. Наконец мы сдались, растянулись на земле и, измученные, закурили, прислушиваясь к шуму уходившего стада.

Мы продолжали путь по нашему кольцевому маршруту и уже в темноте подошли к крайним хижинам деревни. Грязный, исцарапанный, смертельно усталый, я был все же в приподнятом настроении, так как намеченный план был выполнен. Вокруг яркого костра у одной из хижин собралось в кружок несколько человек. Мальчуган, внезапно заметив мою оборванную белую фигуру, с криком спрятался в хижине. Взрослые встали и поздоровались со мной.

– Здравствуйте, маса, здравствуйте!

– Добрый вечер, маса… Вы вернулись?

Мягкие голоса, зубы, сверкающие при свете костра, приятный запах горящего дерева.

– Отдохнем здесь немного, Элиас, – предложил я и с наслаждением присел к костру. Земля была еще теплой от дневного солнца. Я чувствовал, как исчезала боль в ногах и блаженное тепло разливалось по телу.

– Маса был в лесу? – спросил старший из находившейся у костра группы.

– Да, мы были в лесу, – с важностью ответил Элиас и разразился потоком слов на родном языке, жестами показывая проделанный нами по лесу путь.

Раздались дружные возгласы изумления, последовали новые вопросы. Элиас повернулся ко мне:

– Я сказал им, маса, что мы прошли очень большой путь. Маса очень сильный… – добавил он, полагая, что мне следует польстить.

Я улыбнулся так скромно, как только мог. Элиас шутливо спросил:

– Маса нравится в лесу?

– Очень нравится, – твердо ответил я.

Все рассмеялись при мысли о том, что белому человеку нравится в лесу.

– Маса хочет сегодня ночью снова идти в лес, – сказал Элиас, в глазах его лучился смех.

– Да, я могу сегодня ночью идти в лес, – поддержал я. – Я охотник, а не женщина.

Эта остроумная шутка была встречена взрывом смеха.

– Правда, правда, – сказал Элиас. – Маса говорит правду.

– Маса настоящий мужчина, – подтвердил с улыбкой Андрая.

Я раздал папиросы; мы сидели на корточках у костра, сосредоточенно курили, говорили о различных животных, пока не появилась роса. Распрощавшись, мы пошли по деревенской улице, вдыхая запахи пальмового масла, пизанга и маниока – ужина жителей деревни. В хижинах мерцали огни, сидящие у входа обитатели хижин тепло приветствовали нас.

– Вы уже пришли, маса?

– Здравствуйте, маса, здравствуйте!

– Спокойной ночи, сэр!

Жизнь казалась мне чудесной.

ГЛАВА II. Мелкие животные

Прежде чем весть обо мне распространилась по окрестным селениям и местные охотники направились в лесные заросли на ловлю зверей для сумасшедшего, покупающего их, прежде чем немногочисленные посещения охотников с добычей перешли в сплошной поток, совершенно захлестнувший меня, я имел возможность совершить несколько вылазок в глубь леса. При этих вылазках я не столько стремился к поимке зверей, сколько искал наиболее подходящие места для установки капканов, выбирал дуплистые деревья, из которых впоследствии можно было бы выкурить интересных зверьков, основательно знакомился с окружающими Эшоби лесами. Не зная хорошо местность, почти невозможно поймать нужных животных: каждая разновидность, каждая группа животных имеет свои излюбленные участки леса, знание которых для охотника совершенно обязательно. Иногда, по счастливой случайности, нам удавалось поймать какого-либо зверя и во время таких прогулок. Одна из них, которую я совершил вдвоем с Элиасом. надолго сохранилась в моей памяти.

Андрая, как оказалось, был большим ипохондриком: малейшая боль или небольшой жар загоняли его в дальний темный угол хижины, где он корчился и стонал, словно находился на грани смерти, что страшно пугало трех его жен. В один из таких дней я договорился с Элиасом, что мы пойдем в лес вдвоем. Скоро я начал жалеть о своей затее, так как послеполуденный зной донимал нас сильнее обычного. В лагерном моем зверинце все было тихо: птицы с полузакрытыми глазами неподвижно сидели на своих жердочках, крысы и дикобразы дремали на подстилках из банановых листьев, даже обычно резвые обезьяны стали сонными и тихими. Кругом все спало, у меня тоже было большое искушение погрузиться в сон. В воздухе не чувствовалось ни малейшего дуновения, листья безжизненно свисали с деревьев. Одуряющая, цепенящая духота делает

человека ленивым и вялым. Вместе с жарой наступает тягостная, унылая тишина: не слышно даже пения птиц, лишь издалека, из прохладных глубин леса, доносится слабый звон цикад.

Большим усилием воли заставил я себя подготовиться в путь; в одну сумку я положил сети, холщовые мешки для птиц или змей, папиросы и спички. В другой сумке находились патроны, запасная коробка спичек, свеча и различные колбочки и банки для всякой мелочи – пауков, скорпионов и т. п. Я закончил чистить ружье, когда к палатке подошел Элиас; пот градом катился по его улыбающемуся лицу, всю его одежду составляла тряпка, повязанная вокруг бедер. Он имел при себе копье и неизменный тесак.

– Маса, я пришел, – приветствовал он меня. – Маса готов?

– Да, Элиас, идем. Сегодня очень жарко, правда?

– Слишком много солнца, – согласился Элиас, закидывая сумки себе за спину.

Пройдя по узкой красноземной тропинке, перейдя ручей, холодная вода которого доставала нам лишь до лодыжек, миновав подлесок, мы вступили в величественную, сумрачную, наполненную неповторимым ароматом лесную чащу. Жара, преследовавшая меня в лагере, сменилась освежающей прохладой, полумрак давал возможность смотреть на все широко раскрытыми глазами, не щурясь от яркого солнечного света. Элиас легко и свободно шел впереди по почти неразличимой тропинке, босые ноги его бесшумно ступали по лиственному ковру. Время от времени слышен был стук тесака, которым Элиас обрубал ветку, слишком низко нависшую над тропой. Большие затруднения при лесных походах доставляло мне обилие впечатлений по обе стороны тропы: я не успевал смотреть себе под ноги и все время спотыкался. Яркий цветок в листве у вершины дерева заставлял меня смотреть вверх до боли в шее, упавшее дерево, лежавшее в стороне от нашего пути и покрытое разноцветными поганками, также привлекало мое внимание; я

озирался по сторонам, желая сразу все увидеть, и непрерывно оступался и спотыкался. В этот день, однако, у меня не было определенной цели, поэтому мы скоро свернули с дороги и стали исследовать каждое укрытие, переворачивать каждую сгнившую колоду в надежде отыскать скорпиона, лягушку или какого-нибудь более крупного зверька. Эти поиски замедляли скорость нашего движения по лесу.

Примерно в двух милях от лагеря мы вышли к берегу очередного ручейка, который пенился и бурлил между кучей больших камней, заросших густыми пучками ярко-зеленого моха и перистого папоротника. В каждой расщелине росли дикие бегонии с раскинутыми по скале темно-зелеными листьями и склонившимися к воде тонкими веточками бледно-желтых цветов. Около часа бродили мы между камнями, собирая всякую мелюзгу: нам попадались испещренные пятнами жабы, большие серые лягушки с нелепыми остекленевшими глазами и длинными, узкими лапками, крупные жуки, звонко стрекотавшие, когда мы брали их в руки. В пышной растительности по берегам ручья встречалось множество больших улиток величиной и весом с крупное яблоко, старательно откладывавших в грудах влажных мертвых листьев крошечные перламутровые яички. Под маленьким камнем я обнаружил красивую зеленую и светло-желтую лягушку; это навело нас на мысль передвигать каждый камешек. Элиас, находившийся впереди, приподнял большой камень и испуганно подпрыгнул:

– Маса, змея… плохое животное…

Я подбежал к Элиасу. В сырой впадине, оставленной камнем, лежала странная змея. С первого взгляда мне показалось, что у нее нет головы, толщина змеи была совершенно одинаковой на протяжении всех двух футов ее длины. Глянцево-черная окраска ее была беспорядочно испещрена ярко-красными и желтыми полосами. Пристально вглядываясь, я постепенно различал на одном конце туловища голову змеи.

В нескольких дюймах от этой головы находилось

круглое отверстие, глубоко уходившее в землю. Не желая упускать столь любопытное пополнение моей коллекции пресмыкающихся, я осторожно подкатил пачкой небольшой камень и прикрыл им вход в нору. Элиас благоразумно стоял сзади и стонал:

– Маса, оно вас укусит! Осторожнее, маса, это дурное животное!

Змея не двигалась и только часто высовывала и убирала язык. Преградив ей путь к бегству, я почувствовал себя увереннее.

– Маса, это очень ядовитое животное.

– Замолчи, Элиас, и принеси мне быстренько большой мешок и еще одну палку.

– Хорошо, сэр, – хмуро ответил Элиас и пошел выполнять мое поручение.

Змея по-прежнему лежала совершенно неподвижно и только внимательно следила за мной; я держал палку наготове, опасаясь внезапного ее броска. Я был уверен, что передо мной не ядовитая змея, но не хотел, чтобы пострадала ее роскошная расцветка. Элиас принес холщовый мешок и длинную палку. Осторожно подвел я горловину мешка к голове змеи и слегка дотронулся палкой до ее хвоста. Я ждал, что змея будет сопротивляться моим попыткам загнать ее в мешок, но все случившееся явилось для меня полной неожиданностью. Почувствовав прикосновение палки, змея собралась в клубок, развернулась, как пружина, и оказалась в мешке. Я никогда еще не встречал такое сговорчивое пресмыкающееся. Очутившись в мешке, оно успокоилось, и нам осталось только завязать мешок.

Элиас ахнул от удивления и сказал:

– Эта змея ничего не боится. Мне кажется, что она полюбила вас. – И в дальнейшем, когда мы продолжали переворачивать камни, он часто вспоминал и смеялся своей шутке. Эта змея – Calabria reinhardti – оказалась мелким родственником семейства крупных змей-удавов. Голова и хвост ее оканчиваются одинаково, и, поскольку все туловище

покрыто небольшими круглыми ровными полосами, трудно определить, где у змеи начало и где конец. Маленькие глаза змеи почти не различимы, так как они такого же размера, цвета и формы, как и окружающие их полосы. Цветные полосы и пятна на черном туловище разбросаны без всякой системы, и с первого взгляда трудно понять, каким концом змея обращена к зрителю. Змея эта совершенно безобидное существо, которое значительную часть времени проводит, зарывшись в сырую землю; питается она мелкой добычей, пригодной для ее слабых челюстей. Если взять ее в руки – она свертывается в клубок и прыгает. Она никогда не пыталась кусать, сжимать или давить протянутую ей руку, что обязательно делают даже детеныши более крупных представителей удавов.

Calablia reinhardti была первым нашим трофеем в этот день, и мы продолжали путь в приподнятом настроении. Но хотя мы и ворочали каждый камень, который в силах были повернуть, мы не нашли другой такой экземпляр, В конце концов, собрав мешки и банки, мы пошли дальше, оставив берега ручья в таком состоянии, в каком они были бы после нашествия большого стада дрилов или лесных кабанов. Нашей конечной целью была небольшая поляна милях в пяти от деревни; Элиас нашел ее несколько дней назад и сказал мне, что, по его мнению, там должны быть животные… какие животные, он не стал уточнять. Оказалось, что Элиас обозначил путь не так хорошо, как он обычно это делал; вскоре мы остановились, и Элиас нехотя признался, что не знает точно, где мы сейчас находимся, в каком направлении от нас деревня, и в каком – поляна. Я сел на большую колоду и отказался идти дальше до тех пор, пока Элиас меня не уверит, что нашел правильный путь.

– Я подожду здесь, а ты ищи пока тропу. Когда найдешь ее, вернешься за мной.

– Хорошо, сэр, – радостно отозвался Элиас и скрылся между деревьями.

В течение нескольких минут слышал я стук тесака,

которым он делал зарубки, отмечая путь; постепенно стук этот становился слабее и наконец совсем затих. Я закурил папиросу и осмотрелся по сторонам. Неожиданно из-под колоды, на которой я сидел, послышался звон цикады. Стараясь не шелохнуться, я пристально всматривался в направлении звука. Цикады стали для меня в последнее время каким-то наваждением; обитают они во всех уголках леса, день и ночь слышны их звонкие трели, но до сих пор мне не удалось увидеть хотя бы одну из них. Теперь, очевидно, цикада пела на расстоянии фута от меня, и я очень хотел ее найти. Я тщательно исследовал ствол колоды, зеленый губчатый мох на нем, мелкие кучки темно-красных и желтых поганок, выросших в трещинах и щелях, мертвые лианы, врезавшиеся в кору дерева и продолжающие обвивать труп поверженного великана. Отчетливо виднелась проложенная муравьями извилистая дорожка, у небольшого отверстия неподвижно притаился черный паук, но цикады я так и не видел. Слегка повернув голову, я заметил в глубине мха что-то блестящее. Всмотревшись, я увидел насекомое: туловище его, длиной около двух дюймов, покрыто было сложным серебристо-зеленым красивым узором и совершенно сливалось с зеленым мохом и серой корой дерева. Обнаружил я цикаду только потому, что случайный солнечный луч заискрился на ее больших крыльях; этот отблеск, подобный солнечному зайчику, и привлек мое внимание. Я осторожно поднес руку к насекомому и схватил его. Цикада захлопала крыльями, которые, как бумага. шуршали по моим пальцам, затем в отчаянии издала долгий пронзительный крик. Я внимательно рассматривал цикаду, осторожно держа ее в руке. У нее были большие выпуклые глаза, серебристо-зеленое тело было твердо, как орех. Крылья ее напоминают лист слюды, если рассматривать их на свет, видна частая сетка жилок, сложных и красивых, как самые искусные витражи. Между лапками в специальном желобке заходится длинный и тонкий хоботок цикады. Этим хрупким инструментом цикада прокалывает кору деревьев и добывает

древесный сок. Закончив осмотр, я развернул ладонь руки. С минуту цикада беспомощно размахивала своими красивыми крылышками, затем она вспорхнула и улетела. Я не пытался сохранить цикаду, так как знал, что это хрупкое насекомое не доживет в маленькой сетчатой клетке на диете из воды и меда до нашего возвращения в Англию. Скоро вернулся Элиас, заявивший, что теперь он установил наше местонахождение и знает хорошо дорогу.

Мы снова вышли на тропинку и продолжали путь к намеченной поляне. Такие поляны образуются на отдельных участках леса, где слой почвы слишком тонок и не удерживает могучие корни больших деревьев. Эти поляны заросли низкими вьющимися растениями, для тонких корней которых достаточно нескольких дюймов почвы, покрывающей выходящую здесь к поверхности скальную основу африканских лесов. Подобные поляны густо поросли травой; в трещинах скал, на нанесенном дождями тонком слое земли растут крошечные, чахлые деревца. Со всех сторон поляны окружены густыми лесами; если почвенный слой немного утолщается – семена крупных деревьев развиваются в нем и деревья отбирают эти участки у своих низкорослых соперников.

Деревья постепенно начали редеть, стало значительно светлее, и мы вошли в густые, низкие заросли на опушке леса. Мы проложили себе путь сквозь покрытую цветами густую завесу и, шагая по колено в траве, вышли на поляну. Она расстилалась перед нами, подобно большому лугу, золотисто-зеленая под лучами солнца, тихая и пустынная, резко очерченная в своих границах величественной стеной леса.

Мы прилегли на теплую траву и закурили, купаясь в ласковых солнечных лучах. Постепенно до нас стали доходить признаки жизни обитателей поляны: звонкое стрекотание больших яркокрылых кузнечиков; пронзительные призывы древесных лягушек с берегов крохотного ручейка, извивающегося в траве; то мягкое, то

сиплое воркованье маленького голубя, сидевшего над нами в кустах. С дальнего конца поляны донеслись и эхо отразило чьи-то громкие и беспечные крики: «Карроу… карро-о-у… ко-оу-у…».

Снова и снова повторились эти громкие крики. Я навел бинокль на деревья дальней опушки леса и стал тщательно их осматривать. Вскоре я увидел трех больших блестящих зеленых птиц с длинными, тяжелыми хвостами и изогнутыми хохолками. Поднявшись, они стремительно пересекли поляну и опустились на деревья на противоположной стороне, повторив при посадке свои громкие, вызывающие крики. Не переставая кричать, они, как белки, прыгали с ветки на ветку и бегали по деревьям с поразительной легкостью и быстротой. Это были гигантские банановеды, пожалуй, самые красивые птицы в тропическом лесу. Я часто слышал их пронзительные крики в лесу, но увидел их сегодня впервые. Ловкость и подвижность этих птиц изумили меня: они прыгали и бегали по ветвям, останавливались на мгновение, чтобы клюнуть и проглотить какой-нибудь плод или огласить лес своими криками. Перелетая с дерева на дерево, они широким веером распускали хвосты; переливы зеленого и золотисто-желтого цветов в сиянии солнечных лучей поражали глаз красотой и богатством красок.

– Элиас, ты видишь этих птиц?

– Да, сэр.

– Я дам десять шиллингов тому, кто доставит мне такую птицу живой.

– Правда, сэр?

– Правда. Ты попробуешь ее поймать?

– Да, сэр… десять шиллингов… – он долго еще что-то бормотал, лежа на спине и докуривая папиросу.

Я следил, как сверкающие красками птицы, весело перекликаясь, постепенно исчезли в чаще леса; на поляне снова воцарилась тишина.

Мы приступили к работе. Распустив частые, длинные сети, мы подвесили их широким полукругом, плотно прижав

к земле нижнюю часть. Сети были натянуты очень слабо, так что попавший в них небольшой зверек быстро запутался бы в их широких складках. Затем мы очистили от травы и растительности полосу шириной в два фута, соединявшую полукругом свободные концы установленных сетей. Получилась полная окружность, одну ее половину составляли натянутые сети, другую – расчищенная нами полоса. Срезанные кустарники и траву мы сложили по внутреннему краю полосы и забросали их сверху сырыми листьями. Всю эту кучу мы слегка полили керосином и подожгли. Сырые листья не давали сухой траве разгореться, куча медленно тлела и выделяла клубы едкого дыма, стлавшегося по направлению к сетям. Но наше терпеливое ожидание не увенчалось успехом. Из дыма с возбужденным стрекотом выскочили лишь несколько крупных кузнечиков. Погасив огонь, мы установили сети в другом месте и повторили всю процедуру с самого начала. И снова сети остались пустыми. Наши глаза болели от дыма, мы были обожжены огнем и солнцем. Шесть раз мы расставляли сети, зажигали и тушили огонь, не получив никакой награды за свои труды.

Я уже начал было сомневаться в справедливости рекомендации Элиаса, но на седьмой попытке счастье нам улыбнулось. Едва мы подожгли траву, как один участок сетей начал дрожать и колебаться. Я помчался туда и увидел крупного серого зверька с длинным чешуйчатым хвостом, запутавшегося в складках сетей. Это была мешетчатая крыса величиной с котенка, серый ее мех кишел похожими на тараканов насекомыми-постоянными спутниками этих крыс.

– Элиас, я поймал интересного зверька, – закричал я. Но Элиас был увлечен чем-то у противоположного края нашего сооружения и не расслышал меня. С трудом удалось мне спрятать крысу в плотный мешок, избежав при этом ее укуса. Затем я помчался к другому краю сетей. Элиас барахтался на земле, сердито и громко ворча.

– Что случилось, Элиас?

– Крысы, сэр, – ответил он возбужденно. – Они быстро

бегают и больно кусаются. Осторожнее, сэр, они вас укусят.

По траве металось множество жирных лоснящихся крыс. Убегая от дыма, они в то же время ловко ускользали от расставленных сетей. Крысы имели равномерную оливково-зеленую окраску, только носы у них были ржаво-красного цвета. Маленькие зверьки носились у нас под ногами, убегали в траву и выбегали оттуда обратно, их лапки находились в безостановочном движении, длинные белые усы возбужденно топорщились. Крысы никого и ничего не боялись и кусались, как черти. Когда Элиас, опустившись на колени, попытался вытащить одну крысу из травы, другая пробежала по его ноге, забралась под набедренную повязку и куснула Элиаса в бедро. Спрыгнув на землю, она мгновенно исчезла в траве.

– А-а-а… – дико закричал Элиас, – она меня укусила, это очень скверные животные.

В этот момент другая крыса впилась зубами в большой палец моей правой руки и мне было уже не до Элиаса. В конце концов мы поймали десяток крыс. Когда мы вышли из дыма, у нас был вид людей, только что переживших горячую схватку с леопардом. Моя рука сильно болела от полученных пяти укусов, все лицо было расцарапано кустами. По ногам Элиаса текла кровь, у него было два укуса на ногах и один на колене. В тропиках кровотечение происходит очень обильно: из самой маленькой царапины кровь льет, как из поврежденной артерии. Выступивший от жары и напряженной работы пот залил открытые укусы и царапины, которые теперь начали страшно болеть. Я убедился, что за поимку крыс мы заплатили слишком дорогую цену.

Перед возвращением в лагерь было решено произвести еще одну попытку. Скучную работу по расстановке сетей и разведению огня мы выполнили с удовольствием, поскольку трофеи, как это всегда бывает, значительно улучшили наше настроение. Давно известно, что нет ничего более удручающего, чем повторение одной и той же работы без получения желаемых результатов. Разведя огонь, мы

перебежали к сетям и стали с нетерпением вглядываться в траву.

Первыми выбежали две красивые, ярко окрашенные ящерицы, решившие, очевидно, что поляна горит. Одну из них я поймал сачком для бабочек, вторую Элиас хотел ударить палкой, но промахнулся, и она исчезла в кустах.

– Элиас, ты упустил ее?

– Она убежала в кусты, сэр, – уныло ответил Элиас.

– Почему ты ее не поймал? – сердито спросил я, размахивая перед носом Элиаса пойманной ящерицей. – Что, у тебя рук нет, что ли?

Элиас испуганно отскочил в сторону:

– Маса, это плохая ящерица. Если она вас укусит, вы умрете.

– Чепуха, – ответил я и вложил мизинец между зубами ящерицы. Укус чувствовался не сильнее легкого щипка. – Видишь? Это самая безобидная ящерица.

Я поместил ящерицу в мешок, и мы вернулись к сетям, в которых запутались три крысы и черная злая землеройка. Крысы имели бледно-коричневую окраску, покрытую продольными полосами круглых ярко-кремовых пятен. Когда мы подняли крыс за хвосты, они повисли в воздухе расслабленно и спокойно, и мы упаковали их в мешок без всяких затруднений. Позднее я обнаружил, что эти робкие, застенчивые зверьки поддаются дрессировке лучше всех других лесных крыс: через два дня после поимки они уже безбоязненно забираются на ладонь руки, чтобы схватить предлагаемую им пищу.

Землеройка, напротив, обладала таким же черным характером, как и цвет ее меха. Хотя длина ее не превышала трех дюймов, она свирепо рвалась в сетях, а когда мы захотели ее освободить, бросилась на нас, ощерив рот и гневно раздувая ноздри. Когда нам удалось распутать сети, землеройка села на задние лапы, собралась в комок и, вызывающе вскрикивая, приготовилась к бою. С большим трудом мы загнали ее в ящик, наполненный сухой травой, но

и там она продолжала сердито ворчать. Я не собирался долго держать ее, так как это крошечное существо вряд ли выдержало бы долгий и утомительный путь в Англию. Но я хотел оставить землеройку на несколько дней в лагере, чтобы изучить ее привычки и рассмотреть ее на близком расстоянии. Тот факт, что я иногда с большими трудностями ловил животное, держал несколько дней в лагере, а затем выпускал на волю, был в глазах африканцев убедительным доказательством моего слабоумия.

Солнце склонялось к краю поляны, когда мы упаковали снаряжение и всех наших пленников и отправились в обратный путь. Снова над нашими головами появилась сплошная крыша золотисто-зеленых листьев. Ночь застигла нас в лесу, и скоро стало темно, как в подземелье. Я с трудом ковылял, спотыкался о корни, стукался головой о ветки под аккомпанемент многочисленных соболезнований Элиаса. Когда мы вышли к полям около деревни, оказалось, что сумерки только переходят в настоящую тропическую ночь. Пара попугаев с криком и свистом пролетела высоко над нами по направлению к лесу. Разбросанные по небу облака были еще окрашены золотистыми, розовыми и зелеными отблесками. Огни лагеря приветливо мигали нам, я уже чувствовал какой-то вкусный запах. Но я быстро вспомнил, что, прежде чем помыться и поесть, мне придется разместить и накормить всех наших сегодняшних пленников. Перенес я это разочарование сравнительно спокойно.

ГЛАВА III. Более крупные животные

Количество более крупных животных в лесах Камеруна также очень велико. К ним относятся все животные величиной от домашней кошки до слона. Поимка их, как правило, значительно легче и связана с меньшими трудностями, чем поимка мелких животных. Объясняется это прежде всего тем, что более крупного зверя легче обнаружить. Для мыши или белки не требуются слишком густые заросли, чтобы спрятаться от охотника; для такого животного, как, например, антилопа дукер, нужно уже солидное укрытие. Кроме того, маленькие зверьки имеют неприятную манеру пролезать сквозь ячейки сетей, если же в сетях окажется крупное животное, можно не сомневаться, что оно уже никуда не уйдет.

Однажды утром Элиас и Андрая появились в лагере необычно рано. Лежа в полумраке палатки, я слышал, как они шепотом обсуждали с Пайосом, стоит ли меня так рано будить. Пайос в этом отношении был большой педант: потребовалось много времени, чтобы втолковать ему, что вновь прибывающие животные не могут ждать, пока я закончу свои дела. Если кто-либо приходил с добычей, когда я брился, ел или чистил ружье, Пайос величественно приказывал ему обождать. Бедная жертва, вытерпевшая не слишком нежное обращение при пленении, находившаяся зачастую целый день без еды и питья, перенесшая длительное путешествие под палящими лучами солнца в малокомфортабельном мешке или корзине, могла умереть во время этого дополнительного ожидания. В особенности это касалось птиц. Я долго не мог убедить птицеловов в том, что, если они поймали птицу ночью и не принесли мне ее на следующее же утро, шансы на то, что птица выживет, очень незначительны. На такое мое объяснение всегда следовал одинаковый ответ:

– Это сильная птица, маса, она не умрет.

Учитывая такие настроения охотников, я неоднократно

объяснял Пайосу, что животные не могут ждать и, в какое бы время ни принесли пленника – во время обеда или в середине ночи, – охотника следует немедленно привести ко мне. После многочисленных внушений я решил, что эта истина Пайосом усвоена твердо: поэтому я вышел из себя, услышав, что он не пускает ко мне Элиаса и Андраю. Я предположил, судя по доносившимся ко мне обрывкам разговора, что он снова забыл мои инструкции. Мне казалось ясным, что Элиас и Андрая ночью ушли в лес, поймали там какое-нибудь интересное животное и спешили теперь продать его мне, пока оно не сдохло в их руках, а Пайос твердо решил не допускать их ко мне раньше установленного часа – половины седьмого. Рассердившись, я громко окликнул Пайоса. Он появился с чашкой чаю, что несколько умиротворило меня.

– Доброе утро, сэр.

– Доброе утро. – Я взял чашку. – Что там за шум? Что-нибудь принесли?

– Нет, сэр. Элиас и Андрая хотят позвать вас в лес.

– В такой час? Почему так рано?

– Они говорят, – с сомнением в голосе ответил Пайос, – что нашли далеко отсюда отверстие в земле.

– Отверстие в земле… ты имеешь в виду пещеру?

– Да, сэр.

Новость была хорошей. Я давно хотел осмотреть какие-нибудь пещеры в районе Эшоби, просил охотников провести меня к ним, но до сих пор они ничего не находили. Я выскочил из постели и в своем полосатом красно-голубом халате вышел из палатки.

– Доброе утро, Элиас… Андрая.

– Доброе утро, сэр, – ответили они, как обычно, одновременно.

– Что вы рассказываете о пещере? – спросил я, допивая чай и с наслаждением вдыхая бодрящий утренний воздух. Элиас и Андрая с трудом оторвали очарованные взоры от моего халата.

– Вчера я был в лесу, маса, – начал Элиас, – и нашел

такую пещеру, какая вам нужна. Я слышал, как в пещере кто-то ходил.

– А кто там ходил, ты не видел?

– Нет, сэр, не видел, – ответил Элиас, ковыряя ногой землю. Я понял, что Элиас не рискнул заглянуть в пещеру, опасаясь встречи со злыми духами, или, как их называют местные жители, ю-ю.

– Ну хорошо, что нам теперь нужно сделать?

– Маса, нужно взять четырех человек и идти в лес. Мы возьмем с собой сети и поймаем зверя.

– Хорошо, идите в деревню и найдите нескольких охотников. Через час приходите все сюда, слышите?

– Мы слышим, сэр.

Мои проводники отправились в деревню. Я попросил быстрее приготовить завтрак. Расстроенный Пайос побежал на кухню и излил свой гнев, обругав ни в чем не повинного повара.

Через час мы уже поднимались по зеленому, заросшему лесом склону холма между выступавшими корнями деревьев. Кроме Элиаса и Андраи были еще трое: ловкий с лисьим лицом человек, которого все называли Плотником, очевидно по его специальности; живой, приятный юноша, которого звали Ником; высокий изможденный человек по имени Томас. Сзади нас шел Даниель – мальчик, несший съестные припасы для всей нашей экспедиции. Все мы были в хорошем настроении, охотники громко переговаривались, жестикулировали, смеялись, не забывая отмечать на деревьях дорогу своими тесаками.

Примерно с полмили мы непрерывно поднимались в гору, затем дорога выровнялась и идти стало легче. Иногда нам попадались деревья с окружностью ствола примерно в шесть дюймов, ровные и гладкие, как жерди, исчезавшие своими стволами в густом пологе листьев над нашими головами. Кора их была усыпана множеством крошечных бледных цветов – красивых глазков, росших на тоненьких, с четверть дюйма, стебельках. Цветы были величиной с ноготь

мизинца и так плотно прилегали друг к другу, что совершенно закрывали значительные участки коры. В призрачном, напоминавшем подводный мир освещении, царившем в лесу, эти покрытые цветами стволы сияли на темном фоне, как высокие ровные колонны из драгоценных камней. В одном месте мы увидели шесть таких деревьев, которые стояли вокруг кучи валунов, покрытых зеленым бархатным мохом и желтыми цветами бегонии. После нескольких часов ходьбы по тропическому лесу глаз начинает уставать от бесконечного однообразия гладких, ровных стволов и редкой вьющейся растительности подлеска; наткнувшись на картину, подобную описанной, фантастическую по своим очертаниям и окраске, человек снова чувствовал интерес к лесу и его красоте.

Невдалеке от тропы, по которой мы шли, я заметил огромный гниющий ствол дерева длиной футов в сто пятьдесят. Несмотря на то, что дерево это свалилось очень давно, можно было проследить, как оно при падении разорвало и пригнуло более мелкую растительность, как верхние его ветви с листьями описали кривую и образовали прореху в зеленом потолке, открыв для обозрения снизу кусочек неба. Вырвавшиеся из земли черные изогнутые корни напоминали хищно растопыренную ладонь огромной руки. В середине этой ладони виднелось небольшое черное отверстие – вход в пустотелую внутренность ствола. Я обратил на это отверстие внимание Элиаса. н он тщательно его осмотрел.

– В стволе может находиться какой-нибудь зверь?

– Иногда там, возможно, кто-нибудь бывает, – осторожно ответил он.

– Хорошо, давайте посмотрим.

Андрая, Плотник и мрачный Томас пошли к вершине дерева. Ник, Элиас и я начали осматривать отверстие у основания. Вход имел в диаметре около восьми футов, так что человек свободно мог в него войти. Элиас и Ник, громко принюхиваясь и фыркая, проползли несколько футов в глубь ствола. Я чувствовал только запах гнилого дерева и сырой

земли.

– Эге, – воскликнул Элиас, с шумом втягивая ноздрями воздух, – мне кажется, что внутри сидит катар. Как ты думаешь, Ник?

– Мне тоже так кажется, – согласился Ник, ожесточенно фыркая.

Я снова втянул в себя воздух и снова ничего не почувствовал.

– Что значит катар? – спросил я Элиаса.

– Крупное животное, сэр. У него на спине кожа, как у змеи. Иногда оно делает так… – и он свернулся в клубок, пытаясь изобразить таинственное животное.

– Как же нам его достать? – спросил я.

Элиас вылез из ствола, окликнул Плотника, находившегося у противоположного конца дерева, и о чем-то быстро переговорил с ним на языке баньянги. Затем, обернувшись ко мне, он спросил, есть ли у нас фонарь. Даниель быстро достал из сумки карманный фонарь и передал его Элиасу. С фонарем в зубах Элиас опустился на четвереньки и снова исчез в стволе дерева. Я не счел момент подходящим лпя напоминания о том, что некоторые змеи предпочитают именно такие укромные места. Я не понимал, что Элиас собирался делать при встрече с животным в узком туннеле, где с трудом можно было повернуться. Внезапно футах в двадцати от входа мы услышали сильные удары изнутри по стволу и сдавленные крики.

– Что случилось? – возбужденно воскликнул Ник. Из глубины отверстия донесся поток слов на баньянги.

– Что он говорит? – спросил я Ника. и мне явственно представилась ядовитая змея, нападающая на беззащитного Элиаса.

– Элиас видит зверя, сэр. Он хочет, чтобы Плотник развел небольшой огонь у другого конца ствола, тогда дым выгонит зверя и Элиас его поймет.

– Хорошо. Пойди и скажи об этом Плотнику.

– Иду. У вас есть спички, сэр?

Я отдал спички, и Ник побежал к противоположному концу дерева. Я заполз в ствол и с трудом разглядел далеко в глубине слабый свет моего фонарика. – Все в порядке, Элиас?

– Да, сэр, я его вижу, – взволнованно отозвался Элиас,

– Что там за зверь?

– Катар, сэр, и у него на спине детеныш.

– Я могу посмотреть?

– Нет, сэр, это невозможно, здесь слишком тесно, – крикнул Элиас и закашлялся. Облако едкого дыма заполнило ствол, закрыло от меня фонарик, проникло в мои легкие. Слышался непрерывный громкий кашель Элиаса. Я быстро вылез, вытирая слезившиеся глаза,

– Андрая! – закричал я изо всех сил. – Слишком много дыма… Элиас и зверь задохнутся в дереве… вытащи огонь, сделай его меньше, слышишь?

– Да, сэр, слышу, – донеслось в ответ.

Я снова вполз в заполненное дымом отверстие.

– Как дела, Элиас?

– Я его поймал, сэр. я его поймал! – радостно ответил Элиас в промежутках между приступами кашля.

– Вынеси его, – я стоял на четвереньках, пытаясь что-либо разглядеть сквозь дым, – вынеси его быстрее…

Казалось, прошло несколько часов, прежде чем в отверстии появились черные мозолистые ноги Элиаса. Он вылез, задыхаясь и кашляя, совершенно голый, и радостно улыбнулся мне: трофей его был завернут в набедренную повязку.

– Я завернул его в мою одежду, сэр, я боялся, чтобы детеныш не упал.

– Это животное быстро бегает? – спросил я, взяв из его рук сверток и отходя немного в сторону.

– Нет, сэр.

– Оно кусается?

– Нет, сэр.

Успокоенный этими ответами, я положил сверток на землю и развернул его. Перед моими глазами предстал

совершенно необычный зверь. С первого взгляда мне показалось, что на тряпке находится большая коричневая еловая шишка, соединенная с другой шишкой, темно-серой и меньшего размера. Затем я понял, что это самка трехрогого панголина, или чешуйчатого муравьеда, свернувшаяся в клубок, с крошечным детенышем, прицепившимся к ее спине.

– Катар, сэр, – с гордостью объявил Элиас.

– Хороший зверь, – согласился я.

С трудом отделил я детеныша от спины матери и осмотрел его. В отличие от матери он нас не боялся, спокойно сидел у меня на ладони и близоруко глядел на меня маленькими влажными глазами. От конца его длинного носа до кончика чешуйчатого хвоста было около десяти дюймов, его спина, голова, ноги и хвост покрыты были маленькими, еще очень мягкими листообразными серыми чешуйками. Брюшко, подбородок, обращенные к телу части ног и грустная морда были покрыты беловатым, довольно грубым мехом, нижняя часть хвоста была совершенно голой. Морда его была очень длинной, он все время старался просунуть между моими пальцами свой мокрый вытянутый нос. Толстые маленькие задние лапы имели миниатюрные аккуратные коготки; на передних лапах находились большие кривые когти с маленькими коготками по бокам. Этими передними когтями детеныш с силой вцепился в мою руку, стремясь одновременно на всякий случай обвить хвостом мою кисть. Однако он был еще очень слаб, и при каждой попытке хвост его соскальзывал с моей руки. Самка отличалась от детеныша значительно более жесткой и темной чешуей, когти на ее лапах были обломаны и не оканчивались так изящно, как у маленького панголина. Насколько я мог судить (хотя она скромно отказывалась развернуться), в самке было около трех футов длины. Свернувшись, на напоминала размерами и формой футбольный мяч.

Охотники, конечно, шумно радовались нашему успеху. Но я припомнил все, что читал о панголине, и был настроен довольно мрачно. Панголины питаются муравьями, зубов они

не имеют, у них очень длинный, похожий на змеиный, язык и обильное количество клейкой слюны. Большими передними лапами они разрывают муравейники и быстро обшаривают языком все его закоулки. При каждом таком заходе к языку прилипает некоторое количество муравьев. Как обычно бывает с животными, питающимися ограниченным ассортиментом, муравьеды совершенно не приспособлены к заменителям и поэтому очень плохо переносят неволю. Но как бы то ни было, это были первые мои муравьеды, и я намерен был сделать все возможное, чтобы сохранить их живыми. Я водворил детеныша обратно на спину матери, он вцепился в нее большими передними лапами и прикрепился хвостом к выемке между двумя чешуйками. Закрепившись таким образом, он просунул между передними лапами свой длинный нос и заснул. Мы спрятали обоих панголинов в мешок и продолжили свой путь.

После часа ходьбы мы подошли к пещере, о которой мне рассказывал утром Элиас. Крутой склон холма был усеян большими скалами, часть которых наполовину ушла в землю, а другая часть почти исчезла под плотной завесой папоротников, бегонии и густого моха. Под одной из скал виднелась щель шириной около трех футов и высотой около двенадцати дюймов. Показав мне ее, Элиас торжественно произнес:

– Пещера, сэр.

– Это и есть пещера? – спросил я, с сомнением рассматривая отверстие.

– Да, сэр. Здесь узкий вход, но внутри достаточно просторно. Маса хочет зажечь фонарь?

– Хорошо, – смиренно согласился я.

Мои спутники расчистили от растительности вход в пещеру, после чего лежа на животе я просунул голову в нору. Действительно, внутренность пещеры имела размер небольшой комнаты; в дальнем углу пол круто опускался книзу, в глубь холма. В пещере был чистый прохладный воздух, каменистый пол был слегка усыпан белым песком. Я

выбрался наружу.

– Кто-нибудь должен войти с фонарем в пещеру, тогда мы последуем за ним, – твердо проговорил я. Но никто из охотников не выразил желания первым проникнуть в пещеру. Я выбрал Даниеля, как самого маленького ростом.

– Даниель, возьми фонарь и залезь в нору. Я и Андрая пойдем за тобой.

И Даниель и Андрая не были согласны с моим предложением.

– Масса, там в пещере спрятался зверь, – захныкал Даниель.

– Что?

– Он меня схватит!

– Ты разве не охотник? – спросил я. – Если ты охотник, как может зверь схватить тебя? Ты схватишь зверя, не так ли?

– Я боюсь, – просто ответил Даниель.

– Элиас, послушай, есть ли кто-нибудь в пещере?

Каждый по очереди засовывал в пещеру свою лохматую голову, но никто ничего внутри не услышал.

– Видишь? – обратился я к Даниелю. – Теперь ты войдешь в нору. Не бойся, мы тебя не оставим, Андрая и я пойдем сразу за тобой.

С видом осужденного, поднимающегося на эшафот, Даниель опустился на землю и залез в пещеру.

– Теперь иди ты, Андрая.

Потребовалось некоторое время, прежде чем шесть с половиной футов Андраи оказались в пещере. Мы слышали, как он ругал Даниеля сперва за то, что тот сидел у самого входа (для Даниеля это был выход), а потом за то, что он ослепил ему глаза фонарем. Постепенно Андрая исчез в норе и я последовал за ним. Когда моя голова и плечи были уже в пещере, раздались громкие крики, и меня больно ударили по голове сачком. Свет фонаря ослепил меня, и я не мог разобрать, что происходит в пещере.

– Маса, маса! – орал Даниель, снова стукнув меня сачком. – Большой удав, большая змея… назад, сэр, назад!

– Замолчи сейчас же! – крикнул я. – И перестань колотить меня этой дурацкой палкой.

Даниель, дрожа всем телом, присел на корточки: я вполз в пещеру, присел рядом с ним и взял у него из рук фонарь. Посветив кругом, я увидел и сидящего около меня Андраю.

– Андрая, в какой стороне удав?

– Я его не видел, сэр. Даниель сказал, что видел его там… – и он махнул своей длинной рукой в сторону глубокого прохода перед нами.

– Ты видел удава? – спросил я Даниеля.

– Да, сэр, я видел его вот там. У него полосатая шкура.

Мы притаились в тишине, нарушаемой только стуком зубов Даниеля. Внезапно я услышал в пещере какие-то новые звуки; по повороту головы Андраи я почувствовал, что и он обратил на них внимание. Это были неясные то свистящие, то мурлыкающие звуки, доносившиеся к нам из темноты.

– Андрая. ты слышишь? Что это такое?

– Не знаю, сэр, – озадаченно ответил Андрая.

Доносившиеся из темноты звуки казались зловещими и страшными. В пещере было очень холодно, и мы все дрожали. Я понимал, что, если не предпринять срочные меры, Даниель в следующую минуту припишет эти звуки злым духам ю-ю и бросится на меня, чтобы освободить себе выход из пещеры. Подняв фонарь, я приказал охотникам оставаться на месте и направился к тому месту, где пол пещеры начинал опускаться. Это решение было не слишком разумным, так как встреча в темноте с удавом неизвестных размеров, когда единственный слабый источник света находился у меня в руке, не сулила мне ничего хорошего. Подойдя к краю, я осветил фонарем большую впадину, из которой доносились странные звуки. В первый момент мне показалось, что пол нижней пещеры сорвался с места и начал надвигаться на меня, сопровождаемый порывами ветра и сверхъестественным завыванием. У меня мелькнула было страшная мысль, что злые духи ю-ю действительно существуют и я стану сейчас жертвой их ярости. Но затем я

понял, что вся эта черная масса состоит из сотен маленьких летучих мышей. Они держались кучно, как пчелиный рой; сотни этих существ, подобно мохнатому движущемуся коврику, плотно закрыли каменистый потолок нижней пещеры. Со странным писком кружили они вокруг меня, притягиваемые и отталкиваемые светом фонарика, воздух непрерывно колебался от взмахов множества крыльев. Осветив фонарем нижнюю пещеру, я не обнаружил никаких признаков удава.

– Андрая! – крикнул я. – Это не удав, это летучие мыши…

Ободренные этим сообщением, Андрая и Даниель присоединились ко мне и с удивлением осмотрели заполненную летучими мышами пещеру. Андрая выразил свое изумление возгласом, Даниель ничего не сказал, но перестал стучать зубами.

– Ну, в какой стороне теперь находится большой удав? – обратился я к Даниелю. Он захихикал, Андрая тоже громко рассмеялся.

– Хорошо, но чтобы больше не было таких глупостей, слышишь? А сейчас сбегай быстро к Элиасу и возьми у него веревку и сеть. Даниель направился к выходу.

– Маса хочет поймать этих животных? – спросил меня Андрая, пока мы ждали возвращения Даниеля.

– Нет, я не хочу этих маленьких мышей, я хочу поймать более крупного зверька. Внизу мы его найдем, правда?

– С помощью всевышнего мы найдем! – набожно ответил Андрая, пристально вглядываясь в глубь пещеры.

Чтобы попасть в нижнюю пещеру, мы должны были спуститься футов на пятнадцать по крутому каменистому откосу. Сделать это можно было только с помощью веревки, и я искал, куда бы закрепить ее верхний конец. Ничего подходящего мне найти не удалось. Когда Даниель вернулся с веревками, пришлось снова отправить его наружу с приказанием привязать конец веревки к стволу какого-нибудь дерева. После этого мы закрыли проход между двумя

пещерами сетью, оставили Даниеля следить за попадающими в сеть летучими мышами и начали спускаться вниз. С первого взгляда склон показался нам гладким, при ближайшем рассмотрении, однако, выяснилось, что поверхность его была испещрена маленькими продольными ложбинками и напоминала уменьшенное во много раз вспаханное поле. Гребни между ложбинками были остры, как лезвие бритвы. Окровавленные и ободранные, достигли мы наконец песчаного дна пещеры. Здесь было столько летучих мышей, что воздух дрожал от их криков и взмахов многих крыльев. Передав фонарь Андрае, я взял сачок и после нескольких попыток поймал им четырех летучих мышей. Они мне нужны были в качестве музейных экспонатов, так как сохранить этих маленьких насекомоядных и доставить их живыми в Англию мне бы конечно не удалось. Размах крыльев этих мышей около восьми дюймов, у них жирное, покрытое мехом туловище величиной с грецкий орех. Больше всего поразили меня их головы, которые я рассматривал при свете фонаря. Большие, похожие на лепестки цветов, уши, казавшиеся прозрачными при свете фонаря, отчетливо выделялись на голове. Но носу у них не было никакой растительности, бугры, канавки и наросты на их мордочках создавали впечатление замысловатого барельефа, похожего на миниатюрный герб тюдоровской Англии. Выпуклые маленькие глазки блестели, в приоткрытых ртах выделялись яркие белые зубы.

Затем мы начали искать более крупных представителей летучих мышей, питающихся не насекомыми, а плодами, так называемых летучих лисиц. Поиски наши не увенчались успехом, мы вскоре отправили Даниеля с сетями наружу, а через некоторое время и сами последовали за ним. Когда я выполз, щурясь и моргая от яркого света, Плотник бросился помогать мне подняться на ноги.

– Добрый день! – сказал он таким тоном, словно я вернулся из далекого путешествия.

– Ты думал, что меня схватили злые духи, Плотник?

– Нет, сэр, но иногда в этом месте можно встретить хищных зверей.

– А злых духов?

– Иногда и злых духов, – согласился он.

Появился Андрая, исцарапанный и грязный; мы присели отдохнуть и погреться немного на солнце после холодной пещеры.

– А где Элиас? – спросил я, заметив его отсутствие.

– Он пошел в лес искать другую пещеру, – ответил Плотник.

– Разве здесь есть еще и другая пещера? – сразу заинтересовался я.

– Возможно, что Элиас что-нибудь и найдет, – с явным недоверием ответил Плотник.

Сомнения Плотника не оправдались. Элиас вернулся и сообщил, что на расстоянии полумили есть пещера, значительно больше только что исследованной нами, и что в ней тоже находится много летучих мышей. Мы вскочили и быстро пошли за Элиасом.

Вторая пещера действительно оказалась крупнее первой; она находилась в глубине большого высокого холма, и вход в нее был почти совершенно закрыт растительностью. Длина пещеры достигала семидесяти ярдов, высота ее составляла по меньшей мере тридцать футов. Потолок был покрыт густым колышущимся слоем летучих мышей, оглашавших пещеру громким, пронзительным писком: это были летучие мыши, питающиеся плодами. Обрадовавшись, я поздравил Элиаса со счастливой находкой. Вскоре выяснилось, однако, что поймать летучую мышь в этой пещере отнюдь не просто. Наши сачки не доставали до высокого потолка, вход в пещеру был слишком велик, и мы не могли перекрыть его сетью. После продолжительных размышлений мы составили наконец план действий. Двое охотников отправились в лес и срубили там по молодому деревцу длиной около двадцати футов: деревца эти очистили от сучьев, оставив только на самой верхушке по нескольку

веток с листьями. Мы закрыли сетью часть входа, после чего я велел охотникам приготовить небольшие мягкие сумки. Подойдя затем к входу, я направил свое ружье горизонтально в глубь пещеры и выстрелил одновременно из обоих стволов. Оглушительный шум выстрелов и перекаты эха вызвали в пещере страшный переполох. Все летучие мыши, а их было внутри не меньше пятисот, сорвались с места и с криками начали метаться по пещере. Хлопанье их крыльев напоминало громкий шум разбивающихся о береговые скалы морских волн. Убедившись, что потолок не обрушился от выстрелов, мы ворвались в пещеру. Летучие мыши тучами носились по пещере, почти касались нас, обдавая ветром, вызываемым взмахами крыльев.

Мы принялись за работу и начали энергично размахивать срубленными жердями. Попытки задеть ими летучих мышей не удавались, так как они легко ускользали от палок. Выбрав место, где мышей было особенно много, мы добивались того, что неочищенные от веток верхушки наших жердей сбивали на пол несколько зверьков. Отбросив жерди, мы кидались к ним прежде, чем они успевали снова подняться в воздух. Полученные ими удары, нанесенные ветками и листьями, не были слишком сильными, но их было достаточно, чтобы на несколько секунд заставить мышей сесть на пол. Но и в этом положении они проявляли исключительное проворство, и нам с большим трудом удалось, спасаясь от их острых и длинных зубов. загнать несколько летучих мышей в приготовленные для этой цели мешки.

В течение сорока пяти минут мы непрерывно преследовали летучих мышей и поймали двадцать пять зверьков. К этому времени некоторые мыши покинули пещеру и повисли на окрестных деревьях, подобно дрожащим черным плодам. Оставшиеся в пещере успели понять, что, вернувшись к куполу пещеры, они будут недосягаемы для нас. Я решил, что для начала мне хватит и двадцати пяти экземпляров и дал команду прекратить охоту. Выйдя из

пещеры, мы присели отдохнуть, закурили и стали смотреть, как повисшие на деревьях летучие мыши одна за другой отрывались от ветвей и исчезали в темноте пещеры, присоединяясь к своим возбужденным сопленникам. Вероятно, за столетия жизни колонии летучих мышей в этой пещере впервые им пришлось испытать такие неприятности, как сегодня. Вероятно также, что пройдет еще много времени, прежде чем такая неприятность снова повторится. Учитывая это, можно считать, что летучие мыши ведут на редкость счастливую жизнь. Целыми днями спят они в темной, прохладной и безопасной пещере. Вечером, проголодавшись, они большими группами выскакивают наружу, летают в лучах заходящего солнца над позолоченными вершинами деревьев, садятся на ветки и, пока темнота окутывает лес, наслаждаются прекрасными спелыми плодами. С рассветом они возвращаются в пещеру, насытившиеся, с пятнами засохшего фруктового сока на шкурке, спорят и ссорятся из-за лучших мест на потолке и постепенно засыпают: солнце снова поднимается над деревьями, под его благодетельными лучами вырастает новый урожай плодов для следующего ночного пиршества.

Когда мы уходили, деревья уже отбрасывали на землю длинные тени. Я в последний раз взглянул на пещеру. В стене обрыва зияло черное отверстие, откуда уже вылетали первые группы летучих мышей и взмывали высоко в воздух. Сначала редкие, эти группы становились все многочисленнее и постепенно слились в сплошной поток, казавшийся на далеком расстоянии струйкой дыма. Спотыкаясь в сгущавшейся темноте леса, мы слышали высоко над нашими головами звонкие крики отправившихся на поиски пищи летучих мышей.

ГЛАВА IV. Ночью в лесу

В результате проведенных нами на охоте дней и исключительной старательности жителей окрестных деревень клетки в моем лагере скоро оказались переполненными, и я стал целые дни уделять уходу за животными. Я мог располагать для прогулок лишь тем временем, которое оставалось у меня после окончания дневной работы, поэтому мы начали охотиться ночью при свете фонарей. Из Англии я привез четыре больших фонаря, к ним я добавил еще четыре фонаря, приобретенные в Камеруне. Обеспеченные таким обилием света, мы бродили по лесу обычно с двенадцати до трех часов ночи и поймали в эти часы множество таких ночных животных, которых мы вряд ли обнаружили бы в другое время суток.

Лес ночью резко отличается от леса при дневном освещении. Все живое бодрствует, то и дело где-нибудь на дереве сверкают чьи-то раскаленные глаза, из зарослей все время доносятся шорохи и крики. Свет фонаря часто падает на раскачивающиеся, подергивающиеся лианы – в ста пятидесяти футах над нашими головами какое-нибудь животное задело их в своем движении. С шумом падают на землю спелые плоды и сухие ветки. Цикады, которые как будто не спят ни днем, ни ночью, оглашают лес своим звоном, время от времени невидимая большая птица громко выкрикивает прокатывающееся по лесу: «Карр… каррр… карр». Обычными для ночного леса звуками являются крики Dendrohyrax dorsalis. Вначале мягкий пронзительный свист разделяется правильными частыми интервалами, затем интервалы становятся все короче, пока все не сливается в непрерывый громкий и резкий свист. Совершенно неожиданно, в момент, когда свист кажется нестерпимо пронзительным, он резко обрывается, и воздух доносит лишь звуки замирающего эха. В лесу также очень много лягушек и жаб. С наступлением темноты начинаются безумолчные крики, кваканье, свист, треск и щебет. Все это доносится

отовсюду – начиная с вершин высочайших деревьев и кончая маленькими расщелинами под скалами на берегах многочисленных ручьев.

При ночной охоте расстояния в лесу представляются по меньшей мере в два раза большими, чем днем. Мы движемся под огромной, шуршащей крышей, и за пределами круга света, отбрасываемого фонарями, стоит непроницаемая черная стена. Только в маленьком радиусе от источника света можно различать цвета. При свете фонаря многое выглядит иначе, чем днем; листья и трава, например, приобретают воздушный, золотисто-зеленый оттенок. Создается впечатление, что мы бродим в глубинах подводного мира, где в течение тысячелетий не бывает солнечного света. Жалкий свет наших фонарей показывает нам участки чудовищных, извивающихся корней и блеклую окраску листьев. Серебристые мотыльки, подобно стайкам крошечных рыбок, группками порхают вокруг фонаря и исчезают во мраке. Воздух в лесу тяжелый и сырой; поднимая фонарь кверху, можно заметить, как слабые струйки тумана обвиваются вокруг ветвей и лиан, просачиваются через сплетение стволов и веток. Все представления о формах и размерах оказываются ошибочными, высокие стройные деревья кажутся бесформенными обрубками, корни их извиваются и петляют при нашем приближении, словно стремясь скрыться в темноте; иногда я готов был принять их за живые существа. Все вокруг было таинственно, очаровательно и страшно.

Первый ночной поход, который я совершил с Андраей и Элиасом, мы начали рано, так как Элиас хотел повести нас к берегам большого ручья, находившегося далеко от лагеря. Он уверял меня, что там можно поймать речного зверя. Я не знал, что имел в виду Элиас, так как название это местные охотники применяют очень широко, относя его в равной мере как к гиппопотаму, так и к лягушке. От Элиаса я мог узнать только, что это «очень хороший зверь» и что я буду рад, если мы его поймаем. Мы прошли около мили по тропинке, ведущей к лесу, и оставили уже позади последнюю

банановую плантацию, когда Элиас внезапно остановился, и я, не удержавшись, налетел на него. Элиас направил фонарь к верхушке небольшого, футов на сорок, дерева. Он обошел дерево кругом, светя фонарем из разных положений и что-то бормоча про себя.

– В чем дело, Элиас? – спросил я хриплым шепотом.

– Кролик, сэр, – последовал странный ответ.

– Кролик… ты в этом уверен, Элиас?

– Да, сэр, конечно кролик. Он забрался на дерево; видите его глаза за тем сучком?

Разглядывая при свете фонаря верхушку дерева, я лихорадочно ворошил в своей памяти все сведения о фауне Камеруна. Я был уверен, что ни разу в описаниях местной фауны не встречались кролики; больше того, я был убежден, что ни в одной части света кролики не лазают по деревьям. Каким же образом кролик, если он даже и появился в Камеруне, мог забраться на верхушку этого дерева? Разглядев две рубиново-красные точки, я направил на них фонарь и увидел «кролика». Высоко над нами на ветке спокойно сидела и облизывала свои усики серая крыса.

– Элиас, это крыса, а не кролик.

Я был доволен, что мои зоологические познания не оказались опровергнутыми. Я боялся, что открытие лазающих по деревьям кроликов вызовет в зоологической науке большое волнение.

– Крыса, сэр? Мы зовем ее кроликом.

– Можем мы ее поймать, как ты думаешь?

– Да, сэр. Вы и Андрая обождете внизу, а я поднимусь на дерево.

Мы навели фонари на крысу, а Элиас исчез в темноте. Вскоре легкое покачивание дерева дало нам знать, что Элиас полез по стволу. Крыса встревоженно посмотрела вниз, отбежала к краю ветки, на которой она сидела, и снова посмотрела вниз. Голова Элиаса показалась среди листьев в полосе света от фонарей под той самой веткой, где сидела крыса.

– В какой стороне, сэр? – спросил Элиас, щурясь от света.

– Выше, с левой стороны.

Пока мы выкрикивали указания, крыса быстро соскользнула по лиане и опустилась на ветку футах в пятнадцати ниже Элиаса.

– Она убежала, Элиас! – закричал Андрая. – Она теперь под тобой!

Медленно, прислушиваясь к нашим указаниям, Элиас спустился до ветки, на которой находилась крыса. Зверек в это время спокойно облизывался, заканчивая свой туалет. Элиас начал осторожно продвигаться по ветке, готовясь схватить крысу. Та искоса следила за ним, подождала, пока он подкрался ближе, и вдруг стремительным броском метнулась в воздух. Мы проводили ее взглядами и увидели, как она скрылась в мелком кустарнике. В это время сверху послышался треск, испуганный возглас, затем мы услышали глухой стук падения тяжелого тела. Подняв фонари, мы обнаружили исчезновение Элиаса; мы нашли его в кустах у подножия дерева, он потирал ушибленную ногу и жалобно стонал. При ближайшем рассмотрении оказалось, что Элиас отделался легкими царапинами: успокоив его, мы продолжали путь.

Некоторое время мы оживленно обсуждали вопрос о различии между кроликами и крысами. Вскоре у меня под ногами захрустел белый песок. Взглянув вверх, я понял, что мы вышли из лесу. над нами было ясное ночное небо. темнота тропической ночи подчеркивалась миганием и мерцанием многочисленных звезд. Я и не заметил, что мы шли уже по берегу речки; коричневые воды бесшумно текли здесь между ровными берегами. Речка медленно и тихо, как большая змея, проползала мимо нас. Мы покинули песчаный берег и вошли в густые высокие заросли, постепенно переходившие в лес. В этих зарослях мы и остановились.

– Здесь можно поймать речного зверя, сэр, – шепнул Элиас, и Андрая поддержал его:

– Нам только нужно тихо-тихо двигаться, и мы его поймаем.

Итак, мы начали тихо-тихо двигаться по пышным зарослям, освещая себе путь фонарем. Я на мгновение задержался, чтобы снять с листа лягушку и положить ее в банку, как вдруг Элиас кинул мне свой фонарь и нырнул в кусты. Пытаясь поймать брошенный им фонарь, я уронил свой, который ударился о камень и погас. Фонарь Элиаса я все же не сумел поймать, он упал на землю и тоже перестал светить. У нас остался только тусклый фонарик Андраи со старой отсыревшей батарейкой. Элиас боролся в кустах с каким-то, очевидно очень сильным, животным. Я взял фонарь у Андраи и при слабом его свете увидел, как Элиас барахтается в кустах, держа в руках красивую с белыми крапинками и полосками на шкуре, яростно брыкающуюся антилопу.

– Я держу ее, сэр! – кричал Элиас, отплевывая листья. – Принесите быстрее фонарь, сэр, это очень сильное животное.

Бросившись к нему на помощь, я споткнулся о камень и упал, выронив фонарик из руки. Последний наш источник света тоже угас. Я сел и принялся лихорадочно обшаривать траву в поисках фонаря, подгоняемый отчаянными криками Элиаса. Но когда мои пальцы уже нащупали фонарь, наступила неожиданная тишина. После нескольких попыток я включил свет и навел его на Элиаса, который скорбно сидел и вытирал себе лицо.

– Она убежала, сэр. Мне очень жаль, сэр, но это животное сильнее человека. Смотрите, как оно ранило меня своим копытом.

Грудь Элиаса была рассечена длинной глубокой ссадиной, из которой сочилась кровь. Эта рана была нанесена острым копытом маленькой антилопы.

– Ничего, мы поймаем ее в другой раз, – успокаивал я Элиаса, смазывая йодом его рану.

Когда мы разыскали остальные два фонаря, выяснилось, что обе лампочки разбились при падении. Запасных лампочек

у нас при себе не было, и единственным источником света остался третий фонарь, который едва горел и грозил угаснуть в любую минуту. Нам не оставалось ничего другого, как отменить охоту и немедленно возвращаться в лагерь, пока у нас еще действовал хоть один фонарь. Удрученные, отправились мы в обратный путь, стараясь идти как можно быстрее.

Когда мы подошли к полям, окружающим деревню, Элиас остановился и показал рукой на сухой сук, низко нависший над тропой. Он был совершенно голый, на нем сохранился только один высохший листок.

– В чем дело?

– Здесь, на сухой ветке, сэр.

– Я ничего здесь не вижу.

Встревоженный нашим шепотом, сухой лист высунул головку из-под крыла, бегло взглянул на нас, взмыл в воздух и скрылся в темноте.

– Птица, сэр, – объяснил Элиас.

Это была в общем очень неудачная, но вместе с тем и очень интересная ночь. После первой вылазки я понял, на что можно рассчитывать ночью в лесу. То обстоятельство, что птицы спят так близко к земле, удивило меня – в лесу достаточно высоких деревьев, где птицы могут облюбовать себе место для отдыха. Подумав немного, я понял причину такого, на первый взгляд странного, поведения птиц. Усевшись на краю длинной тонкой веточки, птица чувствует себя в безопасности, ибо любой зверь, пытаясь до нее добраться, согнет или просто обломит ветку. Поэтому не имеет большого значения, находится ли тонкая, длинная изолированная ветка на высоте ста или на высоте пяти футов над землей. Расспросив Элиаса, я узнал, что ночью часто можно встретить спящих на нижних ветвях деревьев птиц. Таких птиц легко можно обнаружить и в непосредственной близости к деревне и к нашему лагерю.

На следующую ночь, захватив большие мягкие сумки, мы вышли на охоту. Я вооружился на этот раз длинным

сачком для ловли бабочек. Невдалеке от лагеря мы обнаружили сидящего на тонкой ветке футах в пяти над землей бюльбюля – почти неразличимый на фоне листьев комок серого пуха. Пока мои спутники освещали фонарями дерево, я подвел сачок к птице и сделал стремительный рывок. Несчастный бюльбюль, вероятно, в жизни не испытывал еще такого ужасного пробуждения; взволнованно чирикая, он слетел с ветки и исчез во мраке ночи. Оказалось, что размашистое движение сачком снизу вверх было ошибочным. Вскоре мы увидели мирно дремавшего на ветке карликового зимородка. На этот раз я опускал сачок сверху, довел его до земли, и через минуту зимородок оказался уже в сумке. Попадая в мягкий мешок, птицы лежат в нем свободно и расслабленно, во время передвижения не размахивают крылышками, так что нам удавалось доставлять их в лагерь совершенно невредимыми.

Я был увлечен новым методом пополнения моей коллекции птиц, который казался мне наиболее совершенным. Более трех часов посвятили мы охоте за птицами и поймали за это время пять птиц: зимородка, двух лесных малиновок, пестро-глубокого голубя и бюльбюля. В дальнейшем, если в течение дня мне приходилось много работать и я не уходил на ночь в лес, мы бродили вечерами по часу в окрестностях деревни и редко возвращались в лагерь с пустыми руками.

Элиас болезненно переживал неудачу нашей первой ночной охоты. Через несколько дней он снова предложил мне отправиться ночью к речке, сообщив в качестве дополнительной приманки, что знает в том районе несколько пещер. В один из дней около восьми часов вечера мы направились в лес, намереваясь посвятить охоте всю ночь. Охота наша началась неудачно. Пройдя несколько миль по лесу, мы натолкнулись на скелет огромного дерева. Оно засохло, но, как это часто бывает с лесными великанами, продолжало стоять до тех пор, пока дожди, сырость и насекомые не выдолбили всю его середину, оставив одну

лишь пустую оболочку. Тогда тяжесть массы сухих ветвей на вершине оказалась слишком велика, ствол переломился футах в тридцати от земли и рухнул вниз. Основание осталось стоять на своих корнях-подпорках наподобие фабричной трубы и выглядело очень красивым и интересным. Примерно на половине высоты этого обрубка виднелось большое отверстие; направив на него фонари, мы поймали в глубине его блеск чьих-то глаз. После короткого обсуждения Андрая и я продолжали освещать отверстие фонарями. а Элиас обошел ствол в поисках возможности забраться по нему вверх. Скоро он вернулся и сообщил, что первый нижний выступ на стволе находится слишком высоко для его маленького роста и что лезть на дерево придется Андрае. Андрая скрылся за деревом, вскоре легкий шум и приглушенные восклицания дали нам знать, что Андрая начал подъем. Элиас и я придвинулись ближе к дереву, не опуская фонарей. Андрая проделал уже две трети пути, когда в отверстии показалась крупная виверра. Черная маска ее морды была обращена к нам, я успел разглядеть серое с черными пятнами туловище. Затем виверра снова скрылась в дупле. Величиной она была с небольшую шотландскую овчарку.

– Осторожнее, Андрая, это лесная кошка, – шепотом предупредил своего приятеля Элиас. Но Андрая был слишком занят и ничего не ответил: карабкаться на дерево, цепляясь за кору пальцами, – занятие не из легких. Не успел он добраться до отверстия, как виверра снова показалась на его краю и метнулась в воздух. Рассчитала свой прыжок она очень точно и через мгновение коснулась всеми четырьмя лапами груди Элиаса, потерявшего от неожиданности равновесие и упавшего на спину. Когда виверра коснулась груди Элиаса, я увидел, как раскрылась ее пасть, и услышал щелканье челюстей. Зубы зверька не вонзились в лицо Элиаса только потому, что последний в это время начал опрокидываться на спину. Второй попытки не последовало, зверек соскочил с распростертого тела Элиаса, на миг задержавшись, взглянул на меня и двумя быстрыми прыжками скрылся в лесу. Элиас

поднялся и уныло посмотрел на меня.

– Я думаю, кто-то привел к этому месту ю-ю. В прошлый раз мы упустили речного зверя, сегодня – лесную кошку…

– Будь счастлив, что твое лицо сегодня не пострадало! – прервал я его, находясь под впечатлением неожиданного проявления свирепости со стороны виверры – животного, которое я считал робким и застенчивым. В это время сверху донесся приглушенный крик. Мы осветили Андраю, прижавшегося к дереву, подобно огромному черному пауку.

– Что случилось? – вопрос вырвался одновременно у меня и у Элиаса.

– Внутри есть еще кто-то, – крикнул пронзительно Андрая. – я слышу шум в дупле.

С трудом достав из-под набедренной повязки фонарь, он осветил им внутренность дупла. Раздался теперь уже радостный крик:

– Здесь в дупле детеныш лесной кошки!

Долгое время проделывал он самые невообразимые движения, стремясь одновременно удержаться на дереве, осветить фонарем внутренность дупла и схватить одной рукой маленького зверька. В конце концов это ему удалось, в свете фонаря появилась рука, державшая за хвост фыркающего извивающегося детеныша виверры. В тот самый момент, когда Андрая торжествующе закричал:

– Смотрите на него, смотрите! – зверек укусил его в запястье.

Я уже знал, что Андрая совершенно не переносит боли; при малейшей занозе на ноге он начинал ковылять с таким видом, словно ему предстоит немедленно ампутировать обе ноги. Острые зубы виверры подействовали на него, как уколы раскаленными булавками. Испустив душераздирающий крик, он выпустил фонарь, зверька и перестал держаться за дерево. Через секунду Андрая, виверра и фонарь шлепнулись на землю.

Для меня до сих пор остается загадкой, как Андрая

остался совершенно невредим.

Злые духи преследуют нас здесь! – повторил свою прежнюю мысль Элиас. Были ли это злые духи или нет, я не знаю, но больше в эту ночь с нами ничего дурного не произошло. Наоборот, все складывалось на редкость удачно. Через некоторое время после нашей встречи с виверрой мы подошли к берегам широкого ручья глубиной около трех футов. Темно-коричневая вода казалась непроницаемой, и даже свет наших фонарей не проникал дальше ее поверхности. Нам пришлось двигаться в воде вверх по ручью около полумили, пока мы не нашли на противоположном берегу подходящую тропинку. Поверхность воды была ровной и спокойной, но внизу мы чувствовали движение подводных струй; вода казалась нам ледяной Мы шли по середине ручья настолько быстро, насколько это позволяли глубина и скорость течения. Постепенно я начал замечать, что в воде мы движемся не одни; вокруг нас, извиваясь и высовываясь из воды, находились десятки коричневых ужей. Они с любопытством кружили около нас, над поверхностью торчали их головы со сверкающими при свете фонарей крошечными глазками. Андрая заметил наших спутников почти одновременно со мной, но реагировал на их появление совсем иначе. Пронзительно вскрикнув, он выронил из рук сумку и попытался выбежать на берег. От неожиданности он, очевидно, забыл, что находится по пояс в воде и что всякая попытка бежать обречена на неудачу. Сила течения выбила его из равновесия, и он с громким всплеском опрокинулся в воду, распугав находившихся поблизости ужей. Течение протащило Андраю на несколько ярдов вниз по ручью, пока ему не удалось снова встать на ноги. Любимая его накидка, которую он бережно нес на голове, превратилась в размокшую массу.

– В чем дело? – обернулся шедший впереди Элиас и посмотрел на Андраю, который барахтался в это время в виде, как раненый кит. Элиас, очевидно, еще не заметил ужей.

– Змеи, Элиас! – быстро проговорил Андрая, – В этой

воде много змей. Почему мы не выходим на берег?

– Змеи? – переспросил Элиас, освещая фонарем ровную поверхность ручья.

– Правда, Элиас, – подтвердил я, – но это ужи. Андрая слишком их боится.

– Ты глупец, Андрая! – разгневанно воскликнул Элиас. – Разве ты не знаешь, что они тебя не укусят, когда маса здесь?

– Я забыл об этом, – смиренно признался Андрая.

– Что все это значит? – спросил я с удивлением. – Почему змея не укусит Андраю в моем присутствии?

Пока Андрая искал в воде брошенную сумку, Элиас объяснил мне:

– Если черный человек входит в воду один, хищные звери, например змеи, чувствуют его, подкрадываются и кусают. Но если черный входит в воду с белым человеком, звери чувствуют это и не подходят близко.

– И это происходит только в воде?

– Да, сэр.

Это было очень интересное сообщение, и я решил запомнить его на будущее. Андрая к тому времени собрал все брошенные вещи. По моему предложению, мы выключили фонари, так как я надеялся на возвращение ужей и хотел поймать одного из них. Мои спутники согласились без особого энтузиазма. Около получаса стояли мы в воде при абсолютной темноте, затем по условленному сигналу одновременно включили фонари. Вода кишела ужами, рисовавшими серебристые узоры на водной глади. Схватив сеть. я поднес ее к ближайшему ужу. После некоторых усилий мне удалось поймать в сеть шипящего и извивающегося ужа и перебросить его в мешок. Воодушевленные таким примером, Элиас и Андрая присоединились ко мне, и за короткое время мы выловили до двадцати ужей. Оставшиеся на свободе змеи стали осторожнее, при каждом нашем движении они ныряли в темную глубину ручья. Мы прекратили охоту и продолжали путь вверх по течению.

Я не знаю, чем этот ручей так привлекал ужей, но нигде и никогда я не встречал их в таком количестве. Быть может, здесь происходило спаривание ужей, быть может, обилие пищи привлекло их сюда – нам так и не удалось понять, в чем дело. Через несколько недель мы снова оказались ночью на том же участке того же ручья и не видели ни одного ужа. В африканских лесах часто приходится сталкиваться с подобными загадками, но, к сожалению, не хватает времени, чтобы заниматься разрешением их. Я успевал только замечать отдельные непонятные явления и гадать о возможных их причинах и источниках. При ловле зверей больше всего раздражает именно эта невозможность из-за отсутствия времени основательно исследовать непонятные, загадочные явления, хотя такие исследования сами по себе чрезвычайно интересны и увлекательны.

Мы дошли наконец до места первой нашей встречи с речным зверем, однако самые тщательные поиски в зарослях невысокого кустарника не привели к ее повторению. Потеряв всякую надежду что-нибудь здесь найти, мы пошли вдоль песчаного берега к крутому обрыву, где, по утверждению Элиаса, было несколько пещер. Когда мы обходили побелевший ствол лежавшего на берегу дерева, я заметил впереди нас какие-то отблески.

– Что это такое, Элиас? – показал я.

– Огонь, сэр, – последовал ответ.

– Огонь? В таком месте?

– Да, сэр, вероятно, какой-нибудь охотник ночует здесь.

Подойдя ближе, мы увидели, что мое внимание привлекли догорающие угольки небольшого костра. Рядом с костром находился маленький шалаш из ветвей и лиан.

– Кто-нибудь есть здесь? – крикнул Элиас.

В глубине шалаша послышался шорох, и у входа появилась черная заспанная физиономия.

– Кто здесь? – спросил владелец шалаша. Я заметил, как рука его потянулась к лежавшему рядом ружью. Мы быстро осветили себя фонарями, чтобы успокоить его подозрения.

– Ага, – облегченно вздохнул он, – и белый человек здесь? А что делает ночью в лесу белый человек? – спросил незнакомец, и я понял по его тону и выражению лица, что он еще не уверен, имеет ли он дело с людьми или со злыми духами.

– Мы охотимся за животными, – сказал Элиас. Я раздул угольки в небольшое пламя, присел к костру и достал папиросы. Незнакомец взял одну папиросу, но рука его не отпускала ружье.

– Элиас! – обратился я. – Принеси немного дров, разведи сильный огонь, пусть этот человек убедится, что я действительно белый человек, а не злой дух.

Элиас и Андрая расхохотались, на лице незнакомца появилась улыбка, и он отпустил ружье. Мы развели большой костер, сели у огня и закурили. Элиас объяснил незнакомцу, кто мы такие, что делаем в лесу и откуда пришли. Наш собеседник оказался бродячим охотником. Такие охотники живут в лесах, убивают животных и сушат их мясо. Набрав достаточное количество мяса, они отправляются в ближайший городок, продают его на базаре, на вырученные деньги покупают порох и различные нужные им предметы и возвращаются в лес. Нашему собеседнику улыбнулось счастье, и он убил четырех больших дрилов. Мы осмотрели их разделанные туши, высушенные на дыму. Самый большой дрил при жизни был великолепным представителем своего племени, на его высохшей руке, странно похожей на руку мумии, выделялись узлы мощных мышц. Кисти рук и череп дрила имели удивительное сходство с человеческими. Мы со своей стороны рассказали охотнику о своих успехах и показали ему ужей, что, впрочем, не вызвало у него большого восхищения. Перед уходом я подарил охотнику четыре папиросы и получил в виде ответного дара ногу дрила; при этом охотник уверял меня, что мясо дрила одинаково вкусно и для черных и для белых людей. Я пробовал это блюдо в тушеном виде и должен признать, что мясо дрила действительно очень сочное и обладает приятным и тонким

вкусом.

Вскоре мы добрались до пещер. Отверстия их находились на откосе скалы, густо заросли мохом и папоротником и были закрыты лианами, свисавшими с росших на вершине скалы деревьев. У покрытого кустарником подножия откоса лежало множество беспорядочно разбросанных камней. Самая большая пещера соответствовала по размерам маленькой комнате, от нее уходили вглубь несколько низких, узких проходов. Они были слишком тесны для нас, даже ползком нельзя было через них пробраться. Оставалось только освещать их фонарями в тщетной надежде что-нибудь увидеть.

Мы разделились, и каждый из нас получил для обследования участок обрыва. Мне удалось обнаружить другую пещеру с таким же лабиринтом узких туннелей. Пока я освещал их один за другим, какое-то животное выскочило из кустов и скрылось в одной из соседних пещер. Я поспешил к входу, не очень, впрочем, надеясь поймать зверя, укрывшегося уже в обширном и запутанном лабиринте. Нагнувшись, я осветил пещеру и обнаружил, что она не имеет другого выхода: футах в восьми от входа виднелась глухая стена. Пол пещеры был покрыт камешками различных размеров, угловатые, неровные стены имели много расщелин и бугров. Я не видел зверя, но предполагал, что он в пещере, так как другого выхода из нее не было. Андрая и Элиас были недалеко от меня, но я не хотел звать их на помощь, так как крик мог напугать зверя. Обвязав мешок вокруг шеи, я взял фонарь в зубы, лег на землю и начал ползком продвигаться в пещеру. Это наиболее древний и испытанный способ передвижения охотников, подкрадывающихся к дичи, но я нашел его наиболее мучительным из всех известных мне способов. Камни, обильно устилавшие пол пещеры, имели острые зазубренные края. Я даже подумал, не подбросили ли их специально для того. чтобы доставить охотникам как можно больше неприятностей.

Я упрямо продолжал ползти, пока не достиг небольшого

полукруглого зала в конце прохода. К моему разочарованию, от этого зала круто книзу вел новый, ранее мной не замеченный проход. В этом проходе раздались вдруг странные звуки – сначала резкий, шелестящий шорох, а затем, после небольшой паузы, два глухих удара. После этого снова все стихло. Я продолжал ползти вперед, и странные звуки повторялись в том же порядке. Припомнив описания всех живущих в Камеруне животных, я не нашел среди них ни одного, пребывание которого в пещере я мог бы предположить на основании услышанного. Я полз по проходу с удвоенной осторожностью и вскоре добрался до другого зала, несколько меньших размеров, чем первый. Пока я освещал фонарем это помещение, пытаясь отыскать виновника шума, снова послышался странный шелест, что-то прыгнуло мне на руку, выбив из нее фонарь, и я почувствовал острую жгучую боль в пальцах. Схватив фонарь, я поспешно выбрался из пещеры, сел и принялся рассматривать раненую руку. На тыльной части кисти было много маленьких кровоточащих ранок и несколько глубоких ссадин, причинявших мне сильную боль. Можно было предположить, что я с размаху ударил рукой по ветке кустарника, утыканной острыми колючками. Но теперь я догадался, что в пещере спряталось одно из наиболее распространенных в Камеруне животных – африканский дикобраз. Мне было досадно, что я не догадался об этом с самого начала.

Я снова вполз в пещеру, освещая себе фонарем путь. Скоро я увидел дикобраза, стоявшего боком ко мне. Иглы на его спине ощетинились, пышный большой хвост непрерывно находился в движении, иглы на хвосте громко шуршали. Время от времени дикобраз подпрыгивал и раздраженно стучал о землю задними лапами, как это обычно делает вспугнутый кролик. Дикобраз был величиной с кошку, хотя точно это трудно было установить – с взъерошенными иглами он выглядел значительно крупнее. Он еще не успел развернуться в пещере и стоял хвостом к выходу, с гневом и страхом поглядывая на меня через плечо влажными черными

глазами. Он был весь черный, только у самого края спины иглы отливали светлой, почти белой окраской. Длинный хвост, который взвился дугой над спиной, был почти полностью лишен меха и игл. Только на кончике хвоста находился забавный пучок тупых светлых игл. Кончик хвоста похож был на длинный плотный колос пшеницы. Этот пучок игл на хвосте и производил странный шуршащий звук, который я впервые услышал в пещере; иногда дикобраз напрягал хвост, и пустотелые безобидные иглы на его конце с резким щелкающим звуком стукались друг о друга. Дикобраз весь сжался и приготовился к обороне.

Я начал обдумывать, что делать дальше. Ловить дикобраза лучше вдвоем, чем одному, но если бы даже Элиас или Андрая оказались в пещере, они ничем не могли бы мне помочь; в том узком проходе, где находился зверь, с трудом мог развернуться только один человек. Я решил попытаться взять дикобраза собственными силами. Обмотав одну руку мешком и расстелив второй мешок на земле, чтобы положить в него пойманного зверя, я стал осторожно подползать к дикобразу. Он шуршал хвостом, топал лапами, издавал резкие, пронзительные крики. Выбрав удобный момент, я быстрым движением схватил дикобраза за хвост, который казался мне наиболее уязвимой и доступной частью его тела. Немедленно я получил сильный удар по руке, иглы прошли через намотанный на руку мешок с такой легкостью, словно он был изготовлен не из ткани, а из бумаги. Несмотря на боль в руке, я не выпустил дикобраза и продолжал подтаскивать его к себе. Я знал, что, если я выпущу дикобраза, он не даст мне вторично провести тот же маневр. Медленно отползал я к выходу, подтягивая за собой упиравшегося дикобраза, пока мы не оказались в маленьком зале в конце первого прохода. Здесь было больше возможностей развернуться, и я попытался накрыть мешком голову дикобраза. Он оказал упорное сопротивление и, выбрав удобный момент, ударил меня в грудь. Иглы прокололи тонкую рубашку и с силой впились в мое тело. Ограниченность помещения давала

дикобразу большое преимущество: при любом движении он задевал меня своими иглами, мне негде было укрыться от его ударов. Нужно было снова ползти по следующему проходу и выбираться на свежий воздух. В прежнем порядке продолжили мы путь. Оставшиеся футы казались мне милями. Когда мы наконец выбрались из пещеры, дикобраз сделал неожиданный резкий рывок, пытаясь высвободиться, но я вцепился в него мертвой хваткой.

С трудом встав на ноги, я поднял дикобраза в воздух, где он не мог уже ударить меня или ранить себя каким-нибудь способом. Он спокойно повис у меня на руке, совершенно утратив прежний боевой пыл.

– Андрая, Элиас, бегите сюда быстрее, я поймал зверя! – крикнул я.

Они прибежали, освещая себе фонариками путь. Увидев мой трофей, оба удивились:

– Это чук-чук, – сказал Элиас. – Где вы его нашли?

– В этой пещере. Но он меня сильно поцарапал. Положите его в мешок, у меня уже устала рука.

Элиас достал большой мешок, и я осторожно опустил в него дикобраза. Это была первая моя встреча с дикобразом, и, поймав его собственными руками, без чьей-либо помощи, я чувствовал себя героем.

Африканский дикобраз, или, как его называют местные жители, чук-чук, встречается в Камеруне довольно часто. Его можно найти в любом уголке страны и в самой различной местности. Значительная часть слабо выраженных, извивающихся тропинок в лесах проложена в результате ночных прогулок этих грызунов. Как я узнал позднее, дикобразы могут везде устраивать себе убежище, но больше всего они предпочитают пещеры, в особенности пещеры с узким входом, расположенные под массивными скалами. Почти в каждой пещере можно найти следы их пребывания: отпечатки лап на песчаном полу, несколько выпавших игл, недоеденные плоды.

В одной пещере я нашел орех, недавно сорванный с

пальмы; это доказывало, что дикобраз проделал за ночь очень длинный путь, так как до ближайшей плантации, где он мог добыть этот орех, было не менее шести миль. В другой пещере я нашел доказательства того, что дикобразы забавляются примерно так же, как это делают в Англии выдры. В этой пещере одна каменистая стена спускалась к полу под углом в сорок пять градусов. Этот склон был отполирован телами дикобразов. Судя по следам на песке, дикобразы забирались на верхушку ската, съезжали по нему вниз, снова взбирались наверх и снова съезжали вниз. Этой веселой игрой в пещере занимались, по-видимому, уже многие поколения дикобразов, так как поверхность склона блестела, как стекло. Местное название дикобраза происходит, очевидно, от английского жаргонного словечка «чук», подразумевающего колючку, шип и в особенности медицинский шприц. В английском жаргоне множественное число существительных образуется путем простого повторения, поэтому дикобраз и получил в Камеруне название «чук-чук». Я нашел это название очень подходящим, так как после первой встречи с дикобразом я был весь исцарапан и у меня все болело. Через два дня дикобраз стал совсем ручным и подходил к двери клетки, чтобы взять пищу из моих рук. Но он еще ощетинивался, дергал хвостом и топал ногами, когда я пытался коснуться его рукой. Позже он стал подходить к решетке и позволял мне щекотать ему уши и почесывать подбородок, но только при том условий, чтобы нас разделяла решетка.

Покурив и описав в самых лестных для меня красках историю пленения дикобраза, я предложил идти дальше. Вскоре мы захватили новый трофей, что также доставило мне большую радость. Хотя это и не был такой интересный зверь, как дикобраз, тем не менее он тоже был мне очень нужен. На ветке футах в десяти от земли я заметил при свете фонаря двух спящих хамелеонов. Они лежали почти рядом, большие глаза их были закрыты, ноги подобраны, туловища отливали бледной и обманчивой серебристо-зеленой окраской. Мы

обломили ветку и стряхнули хамелеонов в мешок, прежде чем они проснулись и успели понять, что произошло. Я предполагал. судя по тому, что они спали на одной ветке, что это самец и самка в период спаривания. Оказалось, что я был прав, через несколько недель самка отложила на дно клетки пять белых яиц, очень похожих по размерам на воробьиные.

Запрятав в мешок хамелеонов, я почувствовал такое воодушевление, что, ни на минуту не задумываясь, вступил бы в единоборство с леопардом, если бы он повстречался мне на пути. К счастью для меня, эти большие кошки в Камеруне исключительно осторожны. В одном месте наши фонари неожиданно осветили двух маленьких галаго. В Камеруне встречаются три вида галаго, и два из них, насколько мне было известно, не были еще представлены в зоологических садах Англии. Точно определить вид, к которому принадлежит животное, сидящее на высоте двадцати футов и освещенное слабым светом фонаря, было невозможно, поэтому я решил преследовать со всей энергией и решительностью любую обезьяну, хотя бы отдаленно напоминающую галаго. Так мы поступили и с замеченной нами парой, которая карабкалась по лианам, поглядывая на нас огромными, сверкающими, как крупные рубины, глазами. Поимка галаго явно была не под силу одному человеку, поэтому, оставив Андраю с фонарем, я и Элиас с разных сторон подошли к дереву, вскарабкались на него и начали приближаться к обезьянам. Они очень походили на пару маленьких пушистых котят, с поразительной грацией и ловкостью прыгавших по лианам. Постепенно мы подобрались к обезьянам, и я приготовил свой сачок.

После дикобраза и двух хамелеонов я рассматривал предстоящее приключение как детскую игру. В тот момент, когда я кинулся к галаго и попытался их поймать, с головокружительной быстротой произошли три события: моя рука коснулась чего-то длинного, тонкого и холодного, начавшего скользить и извиваться, сачок выпал из моей руки и полетел на землю, галаго испугались произведенного мною

шума, прыгнули и исчезли в темноте.

Я замер на месте, не рискуя двигаться по ветвям, так как не знал ни точного местонахождения змеи, ни того, какого она вида.

– Андрая! – крикнул я вниз. – Посвети мне сюда. Здесь змея, и она меня укусит, если я ее не увижу.

Андрая отозвался на крик, навел фонарь на ветку, и я увидел змею. Она свернулась кольцом на пучке веток и листьев на расстоянии фута от моей руки. Задняя часть ее тела обвилась вокруг ветви, но передняя часть была свободна, прогнулась вперед и, очевидно, была готова к боевым действиям. Змея была тонкая, с коричневой кожей и темными пятнами на ней, с короткой тупой головой, на которой выделялась пара больших глаз. Длина змеи, вероятно, достигала двух футов. Мы настороженно рассматривали друг друга. Ловить ее мне было нечем, лихорадочные поиски в карманах дали мне лишь короткий кусок бечевки. Связав из бечевки скользящий узел, я отломил большую ветку и прикрепил к ней свой самодельный силок. В это время змея решила расстаться со мной и начала быстро скользить по ветвям. Держась ногами и одной рукой за ветви, я трижды тщетно пытался накинуть силок на тонкую шею змеи. Лишь четвертая попытка увенчалась успехом, и я крепко стянул узел; змея зашипела и свернулась в клубок вокруг узла. Привязав к рукоятке силка платок, чтобы легче найти его на земле, я предупредил Андраю и бросил силок со змеей вниз. Когда я спустился, змея находилась уже в мешке. Я был очень расстроен исчезновением галаго. В дальнейшем мне больше ни разу не доводилось встречать их в лесу.

ГЛАВА V. Ископаемое кусается

Привлекательность работы зверолова в значительной степени определяется неожиданностью складывающихся обстоятельств, невозможностью заранее предсказать результат каждого выхода в лес, каждой встречи с животными. Отправляясь утром в лес с единственной целью наловить летучих мышей, я возвращался вечером с огромным удавом в сетях, с сумками, заполненными птицами, и с большим количеством гигантских тысяченожек в карманах. Затратив несколько недель на бесплодные поиски в лесу редкой разновидности белок и решив наконец остаться на один день в лагере и отдохнуть, я увидел двух представителей этой разновидности, беззаботно играющих в ветвях деревьев над моей палаткой. Желая застраховать себя от всяких случайностей, я брал с собой в лес двадцать помощников, вооруженных всевозможными принадлежностями для поимки любых животных, от слона до мухи, и в течение дня мы ничего не находили. У меня, например, было твердое убеждение, что какое-либо животное предпочитает определенный тип местности: скажем, лесные поляны. Рассказы и сообщения путешественников единодушно подтверждают этот факт. И вот я начинаю тщательно обследовать все поляны на расстоянии многих миль, расставляю капканы, прокуриваю поляны дымом, буквально прочесываю местность. Мне попадаются многочисленные разновидности крыс, мышей, кузнечиков, змей и ящериц, но только не то животное, которое мне нужно. Зная, однако, что встретить его можно только на лесных полянах, я продолжаю поиски. Обследовав территорию, дважды превосходящую по размерам площадь аргентинской пампы, я прекращаю поиски и через неделю нахожу это животное в густом лесу милях в двадцати от ближайшей поляны. В подобных курьезах есть, конечно, много раздражающего, утомительного, но, как я уже говорил, и много интересного и захватывающего; отправляясь в лес, никогда нельзя предвидеть, вернешься ли в лагерь с

пустыми руками или с несколькими нужными драгоценными экземплярами.

В Камеруне, как и в других странах, имеется множество интересных животных, и по крайней мере половина из них ни разу еще не была представлена в живом виде в Англии. Некоторые виды животных никогда не переходили даже границы лесов Камеруна. Есть и такие редкие звери, о которых знают лишь по двум-трем шкуркам в различных музеях мира; об образе жизни и привычках этих зверей совершенно ничего не известно. О некоторых зверях ученые знают только то, что они действительно существуют в природе. Таких зверей, разумеется, мы мечтали поймать в первую очередь. Представления об образе жизни и привычках зверей можно получить двумя способами: либо наблюдая за ними на воле, либо изучая их жизнь в заточении. Поскольку подавляющее большинство зоологов лишено возможности выезжать в различные уголки земного шара и наблюдать за живущими на свободе зверями, приходится в основном пользоваться вторым способом – вылавливать зверей и отправлять их к месту жительства зоологов. В связи с этим я считал более важным поймать зверя, еще не попадавшего в плен живьем, даже если этот зверь величиной не больше мыши, чем ловить более крупных, но хорошо известных животных. К сожалению, охотники кроме всего прочего связаны также и финансовыми соображениями, а более крупные представительные животные оплачиваются значительно выше.

Больше всего я хотел поймать ангвантибо – маленького, исключительно редкого лемура, который живет только в лесах Камеруна. Специальное задание на его поимку я получил от Лондонского зоологического общества, не имевшего еще такого экземпляра, представляющего огромный интерес для натуралистов и анатомов. У меня был при себе только один экземпляр рисунка этого уникального зверька. С каждым днем этот рисунок становился все более грязным и засаленным, так как я показывал его каждому

приходившему ко мне охотнику и умолял его поймать и принести мне этого лемура. Неделя проходила за неделей, никаких сведений о лемуре я не получал, и настроение мое заметно ухудшилось. Я значительно повысил цену за поимку зверька, но и это не дало никаких результатов. Было известно, что ангвантибо ведет ночной образ жизни, поэтому при каждом ночном выходе я просил Элиаса и Андраю показывать мне участки леса, особенно густо заросшие лианами и другими вьющимися растениями, надеясь случайно обнаружить нужную мне обезьяну. Во время одного из этих тщетных поисков лемура мы встретили другого, почти такого же редкого и интересного зверя.

Однажды ночью мы прошли по лесу несколько миль, много раз взбираясь на заросшие лианами деревья, но не обнаружили ни одно живое существо. В самом мрачном настроении мы сели отдохнуть и покурить. Элиас предложил дойти до протекающей неподалеку речки и поискать детенышей крокодила. Решив, что после такой неудачной охоты даже маленький крокодил представит для нас некоторую ценность, я принял предложение Элиаса. В эту ночь нас было четверо: к постоянному нашему составу присоединился молодой парень по имени Амос, на которого мы нагрузили все сети, сумки и мешки. После нескольких ночных вылазок я убедился, что у меня и моих помощников во время охоты руки должны быть свободны. Амос оказался для нас довольно странным спутником. Казалось, он совершенно не понимал цели наших ночных прогулок, и я никак не мог ему втолковать, что поймать или даже просто увидеть зверей можно лишь при условии соблюдения полнейшей тишины. Он часто спотыкался, с грохотом ронял жестяные банки, с шумом раздвигал кустарник и при каждом удобном случае цеплялся за ветки различными частями своего груза. Мы тратили больше времени на высвобождение Амоса из кустов, чем на поиски зверей.

Речка текла по гранитному дну, неровности которого образовали большое количество водопадов и заводей. Кое-где

вода пробивалась сквозь скалы, русло делилось на три и более протоков с каменистыми островками посередине. На тех участках, где речка текла спокойно, вода наносила на берег белый песок, блестевший при свете фонарей, как слоновая кость. Вырезав себе палки с развилиной на конце, мы спустились в воду и пошли вверх по течению. Через полчаса мы заметили на узком песчаном берегу два свирепо сверкающих глаза. Мы осторожно приблизились и увидели маленького крокодила длиной около восемнадцати дюймов. Он лежал на песке, приподняв голову, и настороженно следил за нашим приближением. Ослепив его светом фонарей и подойдя к нему вплотную, мы палками прижали его голову к земле. После продолжительных переговоров с Амосом, который упорно отказывался подойти к нам со своей амуницией, мы благополучно положили крокодила в коробку. Со значительно улучшившимся настроением мы направились дальше и скоро увидели высокие, футов до двадцати, скалы, между которыми с шумом неслись вспененные воды реки. Влажная поверхность скал заросла папоротником и бегонией. С большими предосторожностями стали мы подниматься вверх. На полпути, пробираясь по узкому выступу над обрывом, я заметил притаившуюся под пучком папоротников толстую и красивую жабу. Она учащенно дышала и равнодушно смотрела на меня; преобладающим у нее был яркий горчично-желтый цвет. Такой жабы у меня еще не было, и я решил присоединить ее к своей коллекции. Сделать это, однако, было трудно, я стоял на узком уступе и руками держался за неровную бугристую поверхность скалы. Поверхность эта была влажной и скользкой, и мне приходилось прилагать немало усилий, чтобы не сорваться с обрыва в бурные, пенящиеся между камнями воды реки. Взглянув вверх, я увидел, что Элиас уже достиг вершины и теперь, перегнувшись через край, фонарем освещает мне путь.

– Элиас! – крикнул я. – Здесь жаба, но я не могу ее схватить. Спусти мне конец своей повязки, я возьмусь за него и другой рукой поймаю жабу.

Элиас немедленно развязал набедренную повязку и протянул мне один ее конец. Она оказалась слишком короткой. Я обругал себя за то, что не догадался взять из лагеря веревку.

– Возьми повязку у Андраи и свяжи их вместе, – приказал я.

Наверху послышался оживленный спор. Очевидно, Андрая считал себя скромным человеком и не хотел остаться на вершине водопада совершенно обнаженным. Наконец сверху спустились повязки с большим узлом посередине. Схватившись за конец повязки, я получил возможность освободить одну руку и поймать жабу. Оказалось, однако, что, пока я был занят другими делами, жаба ускакала от меня по уступу на шесть футов. Держась за повязку, я последовал за ней. Жаба присела на самом краю уступа, и, двигаясь вслед за ней, я должен был полностью рассчитывать на прочность моей импровизированной веревки. Сделав резкое движение, я схватил жабу за заднюю лапу. Напуганный зловещей картиной бушующего под моими ногами водопада, я инстинктивно взглянул вверх и увидел, что связывающий обе повязки узел начинает расходиться. В тот самый момент, когда я добрался до прежнего места, узел развязался. Андрая с грустью следил за тем, как его повязка упала в реку и закружилась в водовороте.

Когда мы достали платок Андраи и собрались на вершине, я осмотрел жабу. Можно понять мои чувства, когда выяснилось, что эта жаба – представительница наиболее распространенного в Камеруне вида, изменившая окраску в период беременности. Я выпустил ее, и она медленными, размеренными прыжками с удивленным выражением на морде ускакала в кусты. Мы шли по берегу реки, клокотавшей и пенившейся между большими камнями, и искали крокодилов. Вскоре были пойманы еще два детеныша. Затем мы около часа шли по воде и ничего за это время не обнаружили. Амос успел уже устать и, шагая далеко позади нас, периодически издавал громкие жалобные стоны. Я

понимал, что он адресовался не к нам, а просто вслух изливал свои чувства, тем не менее его стоны раздражали меня. Элиас и Андрая шли впереди, освещая путь фонарями, я нес все наши рогатины. Когда прошло, как мне показалось, несколько часов и нам не встретилось ни одно живое существо, я выкинул рогатины, по наивности полагая, что мы в любой момент сумеем их вырезать снова. Вскоре после этого Элиас остановился, навел куда-то фонарь и протянул ко мне свободную руку за рогатиной. Я ответил, что потерял ее.

Выразив справедливое возмущение, Элиас достал свой нож мачете и осторожно начал двигаться вперед. Я вглядывался, пытаясь понять, что он обнаружил, и заметил впереди на песчаном берегу что-то темное и длинное, напоминающее по очертаниям крокодила, блекло отсвечивавшее при свете фонаря. Элиас подкрался ближе, сделал быстрый бросок и попытался прижать лежавшего зверя к песку плоской поверхностью ножа. Это ему, однако, не удалось, зверь проскользнул между ногами Элиаса и, нырнув в воду, быстро поплыл в сторону Андраи. Тот бросился ему навстречу, но зверь проскочил мимо него и, похожий на миниатюрную торпеду, устремился в мою сторону. Я был убежден, что мы имеем дело с крокодилом, поэтому, когда животное приблизилось ко мне, я бросился на него, стремясь сверху схватить его голову. Зверь судорожно метнулся в сторону, я почувствовал, как его тело скользнуло по моей груди, руки мои не успели ухватиться за него, и он поплыл дальше. Теперь на пути зверя оставался только Амос. Андрая, Элиас и я наперебой кричали, объясняя, что ему нужно делать. Амос остановился и с разинутым ртом смотрел на плывущего зверя. Приблизившись к Амосу, не сделавшему ни малейшей попытки схватить его, зверь проплыл мимо него и спокойно направился дальше, поднимая легкую волну. Он успел доплыть до груды крупных камней на берегу, а Амос все еще стоял неподвижно и следил за ним.

– Почему ты его не схватил, дурень ты этакий? – закричал Элиас.

– Я его вижу, – уклоняясь от ответа на заданный вопрос, отозвался Амос, – он спрятался под тем камнем.

Втроем бросились мы к нему, поднимая вспененные волны. Амос показал нам скалу, под которой спрятался зверь. Скала находилась около воды, чуть выше поверхности воды виднелось отверстие, в котором скрылся зверь. Горя нетерпением скорее рассмотреть нору, Элиас и Андрая одновременно склонились к ней и стукнулись с размаху головами. После короткой перебранки Андрая снова наклонился и засунул руку в нору с целью определить, какова ее длина. Зверек, очевидно, приготовился к таким действиям, через мгновение Андрая с криком боли вытащил обратно окровавленную руку.

– Этот зверь кусает людей, – произнес Элиас с видом человека, сделавшего важное открытие.

С трудом удалось нам доказать Андрае, что именно ему, как самому высокому из нас, следует снова просунуть руку в нору и извлечь оттуда зверька. В ходе острой дискуссии Элиас и Андрая взаимно обвинили друг друг в трусости и успешно доказали ошибочность подобного утверждения.

Андрая лег на живот в шести дюймах от воды и стал медленно вводить руку в нору, все время объясняя нам, как умно он это делает. Затем наступило короткое молчание, нарушавшееся только яростным сопением Андраи, старавшегося нащупать зверя. Вдруг раздался торжествующий крик, Андрая вскочил на ноги и выпрямился, держа зверька за хвост.

До последней минуты я был уверен, что мы имеем дело с очередным детенышем крокодила, поэтому, увидев находящегося в руке Андраи зверя, я был сильно удивлен. Андрая раскачивал за хвост крупную с приглаженной шкуркой водяную землеройку. В страшном гневе она издавала из-под густых. пушистых усов свистящие, похожие на шипение змеи, звуки. Меньше всего рассчитывал я этой ночью на поимку такого зверя. С восторгом и изумлением смотрел я сейчас на это сказочное существо. Землеройке,

однако, быстро надоело висеть на собственном хвосте, она слегка повернулась, грациозно подтянула свое мускулистое, гибкое тело и впилась зубами в большой палец Андраи. Гордый охотник взметнулся в воздух, стараясь вырвать палец из зубов зверька. Элиас и я включились в борьбу, пытаясь помочь Андрае, но землеройка как будто была очень довольна своим положением и время от времени только двигала челюстями, словно показывая, что она тоже принимает какое-то участие в борьбе. После длительных усилий, во время которых Андрая оглушил нас своими криками и обращениями за помощью к всевышнему, нам удалось отцепить зверька и бросить его, извивающегося, свистящего в мешок. Затем я осмотрел руку Андраи. Весь верхний сустав большого пальца был залит кровью, когда я смыл ее, оказалось, что зубы землеройки основательно искалечили палец. Укус дошел до кости, мясо висело лохмотьями, палец обильно кровоточил. Я решил немедленно возвращаться домой, отчасти из-за пальца Андраи, отчасти и потому, что хотел как можно скорее поместить моего нового пленника в хорошую удобную клетку. Мы быстрым шагом направились к деревне. Стоны Амоса и Андраи придавали нашему шествию вид похоронной процессии, а не триумфального возвращения охотников после удачной охоты.

Пока я переодевался в сухую одежду, Элиас сбегал в деревню и разбудил Плотника. Мы приступили к сооружению специальной клетки для драгоценного зверька. Бледно-зеленое небо уже начало окрашиваться предрассветным румянцем, когда мы заколотили последний гвоздь. Я бережно раскрыл мешок и осторожно вытряхнул землеройку в ее новое жилище. С минуту она сидела неподвижно, медленно поводя пышными усами, затем быстро скользнула в темную спальню. Внутри послышался шорох расстеленных сухих банановых листьев, раздался глубокий вздох, после чего все умолкло. Водяная землеройка переносила заточение очень спокойно. Весь персонал лагеря был мобилизован на обслуживание пленника. Я направил

слуг к ближайшей речке за рыбой, лягушками, ужами и крабами. Двух носильщиков я срочно откомандировал в Мамфе, поручив им достать пустую бочку, которую можно было бы переоборудовать в ванну для землеройки. Каждые пять минут я подходил к клетке, чтобы убедиться, что землеройка еще жива. Вскоре мне принесли полную корзину крабов, шесть лягушек, десять рыб и неподвижного ужа. Придвинув все это ближе к клетке, я начал кормить зверька.

Когда я постучал в дверцу спальни, землеройка выскочила в открытую часть клетки: впервые я получил возможность рассмотреть ее при солнечном свете. В длину она имела около двух футов, из которых больше половины приходилось на хвост. Эта сильная мускулистая часть тела зверька была приплюснута не сверху, как, например, у выдры, а с боков, как у головастика. Хвост был покрыт короткими лоснящимися волосами, и казалось, что он обтянут темной полированной кожей. Вся верхняя часть туловища была черной, лапы, живот, горло и грудь – белыми. У землеройки было маленькое коренастое тело и странно приплюснутая голова. Часть морды около носа казалась распухшей и увеличенной, на ней густо рос пучок жестких белых усов. Сверху голова зверька удивительно напоминала головку молотка. У землеройки были маленькие изящные лапки из густого меха, на верхней части морды блестели крошечные бисеринки глаз.

Приоткрыв немного дверцу клетки, я бросил туда змею. Землеройка, приблизившись к ужу, настороженно ощетинила усы. Уж сделал слабое движение, землеройка фыркнула, быстро отскочила назад и издала резкий свист, который я уже слышал ночью. Убрав ужа, я бросил в клетку лягушку, результат получился такой же. Тогда я бросил в клетку рыбу, служившую, по прежним описаниям, единственной пищей для водяной землеройки, и снова зверек отказался от еды. Землеройка уже начинала уставать от такой игры и поглядывала в сторону спальни, когда я бросил внутрь большого краба. Зверек приблизился к крабу, обнюхал его и,

прежде чем краб успел приготовить к обороне свои клешни, перевернул его на спину и почти разорвал пополам одним укусом в живот. Выполнив это, землеройка приступила к трапезе, громко хрустя зубами и шевеля усами. В течение получаса она уничтожила четырех крабов. Таким образом, проблема питания на некоторое время была благополучно решена.

На следующий день, спотыкаясь под тяжестью огромной бочки из-под керосина, из Мамфе вернулись посланные туда носильщики. Бочку разрезали по высоте надвое, очистили ее от ржавчины и кипятили в ней в течение двадцати четырех часов воду, чтобы совершенно отбить запах керосина. Убрав на время из клетки землеройку, мы пристроили ко дну клетки выдвижную дверцу. После этого клетка была установлена на очищенной половине бочки. Выдвигая и задвигая дверцу, я имел возможность впускать и выпускать землеройку из клетки в бассейн и обратно. Зверьку это пришлось по вкусу, каждую ночь он громко свистел и урчал в бассейне, преследуя очередного краба. Я обратил внимание на то, что вода в бассейне очень быстро портится. Приходилось менять ее по три раза в день, к большому неудовольствию мальчика-водоноса. Землеройка, разместившись в удобном помещении с доступом к воде, прижилась очень хорошо и уничтожала ежедневно по двадцать-двадцать пять крабов, что оказалось чрезвычайно выгодным для ребятишек, каждое утро приносивших их в лагерь в больших количествах.

Гигантская водяная землеройка – одно из наиболее интересных животных, встречающихся в Западной Африке. Это поистине доисторическое существо, чудом сохранившееся до наших дней, – теплокровное, дышащее, кусающее ископаемое. Potomagale Velox, как его называют ученые, впервые был открыт дю Шайю – человеком, рассказы которого об охоте на горилл вызвали в XIX веке столько сомнений у современников. В связи с тем, что он имел склонность приукрашивать достоверный фактический

материал домыслами богатого воображения, каждое его утверждение или открытие представлялось зоологам сомнительным. Однако в отношении Potomagale он, очевидно, ограничился лишь повторением того, что ему рассказали местные жители. Благодаря этому он наделил зверя в своем изложении такими привычками и вкусами, которые совершенно не соответствуют действительности.

Единственным родственником Potomagale является маленькое, похожее на мышь существо – Geogale, живущее на Мадагаскаре. Так как ископаемые формы Potomagale до сих пор не обнаружены, то нельзя пока определить, к какому времени относится его появление на Земле. Известно лишь, что он имеет древнюю историю и что много тысячелетий назад, в период, который геологи называют меловым, на Земле жил зверь с труднопроизносимым названием Palaeoryctes. Это первое известное в истории насекомоядное и следует считать предком нынешних Potomagale. Большое сходство имеют и их зубы, только у Potomagale они значительно крупнее. Таким образом, родословная гигантской водяной землеройки восходит к тому периоду, когда на нашей планете еще не было людей. У землеройки есть еще одна особенность, которая резко отличает ее от других насекомоядных и подчеркивает ее «аристократическую» уникальность: у нее нет ключицы.

Меня начала тревожить новая проблема: чем кормить землеройку во время длительного путешествия в Англию? Я, конечно, могу захватить большое количество живых крабов, но запас этот постепенно иссякнет, а в Англии, насколько мне известно, пресноводные крабы не водятся. Единственный выход – заранее приучить землеройку к другой пище, но при этой мысли у меня опускались руки, Я припомнил, что камерунцы ловят пресноводных креветок, сушат их на солнце и продают на базарах в качестве превосходного добавления к земляным орехам, блюдам из пальмового масла и другим предметам питания. Я решил испробовать сушеных креветок в качестве заменителя крабов и направил одного из слуг на

ближайший базар, поручив ему приобрести несколько фунтов этого товара. Маленькие сухие, как бисквиты, кусочки креветок я смешал с сырым яйцом и мелкими кусками разваренного мяса. Затем я выпотрошил двух крабов и заполнил их животы отвратительной смесью. Закончив все приготовления, я подошел к клетке и бросил в нее маленького живого краба, с которым землеройка быстро расправилась. После этого я кинул в клетку фаршированного краба. Подскочив к нему, зверек начал жадно грызть его. После нескольких укусов землеройка перестала есть, подозрительно обнюхала краба (в этот момент я затаил дыхание) и с минуту разглядывала его. Затем, к моей радости, она снова набросилась на краба и съела его без остатка.

Постепенно приучал я землеройку к этой новой пище, делая ее основным продуктом питания и лишь приправляя четырьмя-пятью живыми крабами. Я уже готовился продемонстрировать землеройку Джону в Бакебе, репетировал хвастливый рассказ о том, как легко содержать гигантскую водяную землеройку, – и вдруг мой драгоценный пленник скончался. В одну из ночей он находился в превосходном настроении и состоянии, а на следующее утро я нашел его мертвым. Помещая тело зверька в бутыль с формалином, я с горечью подумал, что упустил единственный в своей жизни шанс привезти живьем в Англию это уникальное и очаровательное существо.

Один из неписаных законов охоты гласит, что, как бы трудно ни было поймать первый экземпляр редкого вида животных, следующие представители этого вида попадаются значительно чаще и достаются охотнику значительно легче. Поэтому я был обрадован, но не очень удивлен, когда спустя некоторое время в лагерь пришел молодой парень, принесший сплетенную из прутьев корзину для ловли рыбы, на дне которой свернулась красивая молодая водяная землеройка. Это была самка не старше нескольких месяцев от роду, длина ее вместе с хвостом составляла двенадцать дюймов против двух футов умершего самца. Я был воодушевлен такой

удачей и надеялся, что молодой зверек гораздо быстрее свыкнется с неволей и с новой диетой, чем его взрослый предшественник. Мои расчеты оправдались, через двадцать четыре часа землеройка уже ела приготовленную по моему рецепту пищу, громко фыркала в бассейне и разрешала мне почесывать у нее за ухом – вольность, которую самец никогда не допускал. В течение месяца она благополучно жила в клетке, хорошо питалась и быстро росла. Я был убежден, что привезу в Англию первую живую водяную землеройку. Однако, словно предостерегая меня от излишнего оптимизма и стремясь доказать, что ловить зверей отнюдь не так просто, как это иногда кажется, судьба сыграла со мной злую шутку. Однажды утром, подойдя к клетке, я обнаружил, что землеройка мертва. Смерть наступила, очевидно, по таким же загадочным и непонятным причинам, как и у самца. Накануне ночью она была оживлена и весела, как обычно, во время последнего кормления ела много и с аппетитом.

Гигантская водяная землеройка была крупнейшим достижением наших ночных охот. Потеряв надежду на поимку ангвантибо (я решил, что такого зверя вообще не существует), я хотел еще раз попытать счастья с землеройкой. После смерти второй землеройки охотники, воодушевленные назначенной мною ценой, рыскали по всем речкам и ручьям в поисках третьего экземпляра. Никто из них, однако, не добился успеха, и после двух недель интенсивных ночных поисков, в ходе которых я сам страшно устал, я решил забыть о землеройках и ангвантибо, прекратил ночные вылазки и полностью занялся лагерем. Непрерывно увеличивавшаяся коллекция животных доставляла мне все больше хлопот.

ГЛАВА VI. Охотники и звери

Для оборудования нашего лагеря в густых зарослях на окраине леса была расчищена прямоугольная площадка. Футах в пятидесяти от лагеря протекала маленькая речушка, проложившая себе русло в красноземе. Моя палатка сверху была еще прикрыта слоем банановых листьев. Рядом с ней находилось довольно большое по размерам помещение – зверинец. Построен он был очень просто: циновки из банановых листьев закрывали сколоченный из тонких жердей каркас, и все это было стянуто и перевязано длинными гибкими лианами. Напротив моей палатки в небольшом шалашике размещалась кухня, а немного дальше, за высокими густыми кустами, стояла хижина для слуг.

Потребовалось много времени и сил, чтобы лагерь был построен в соответствии с моими планами и вкусами. В период строительства три бригады одновременно сооружали три различных помещения и на площадке царили невообразимые шум и суматоха. Участок по колено был завален свернутыми лианами, циновками из пальмовых листьев, ящиками с консервами, проволочными силками, сетями, клетками и различными другими предметами. Строители размахивали своими мачете с такой быстротой и беззаботностью, что мне оставалось только удивляться, как они не зарубили друг друга во время работы. В этот шум вплетались и пронзительные женские голоса. В лагерь приходило много женщин самого различного возраста: и сморщенные старухи с плоскими грудями, коротко остриженными седыми волосами и с дымящимися черными трубками во рту, и пышные молодые женщины с лоснящимися телами и звонкими задорными голосами. Одни приносили мужьям еду, другие показывали мне глиняные бутыли с лягушками, жуками, крабами и рыбками, которых они выловили в реке или около нее и надеялись теперь выгодно продать.

– Маса! маса! – кричали они, размахивая бутылями. –

Вы купите этих крабов? Вам нужны такие животные?

В начале, когда у меня еще не было клеток и помещений для зверей, я вынужден был отказываться от подобных покупок. При этом я опасался, что местные жители утратят интерес к моей затее и перестанут доставлять мне животных и пищу для них. Но мои опасения быстро рассеялись; некоторые женщины приходили ко мне по три-четыре раза в день с одним и тем же товаром, рассчитывая, очевидно, что я изменю свое решение.

После завершения основных работ по устройству лагеря мы приступили к строительству клеток для животных. С этой целью я пригласил в лагерь человека, работавшего ранее плотником; он принес с собой целую кучу разбитых ящиков и приступил к работе. Строил он быстро и добротно, не обращая ни малейшего внимания на царившие в лагере шум и суматоху. Вскоре у меня появился запас клеток, и я получил наконец возможность размещать пойманных зверей. По окрестным деревням разнеслась весть, что маса начал покупать животных. Очень скоро тонкая струйка продавцов перешла сначала в широкий ручей, а затем и в бурный стремительный поток, угрожавший захлестнуть меня и Плотника. В отдельные дни мы работали до двух-трех часов ночи при свете фонарей, лихорадочно сколачивая клетки, а в это время около нас на земле лежали мешки и сумки, колыхавшиеся и дергавшиеся при каждом движении заключенных в них пленников.

Ловцы животных делились на три категории: дети, женщины и охотники. Дети приносили различных пауков, больших коричневых пальмовых долгоносиков, хамелеонов разных видов, очаровательных серебристых и коричневых лесных пташек. У женщин я покупал речных и сухопутных крабов, лягушек, жаб, ужей, изредка черепах и птенцов различных птиц, а также больших усатых рыб из заросших тиной заводей. Наиболее интересных пленников приносили мне охотники. Я покупал у них мангустов, африканских дикобразов, белок и других редких обитателей лесной чащи.

Дети охотно брали в обмен за свои товары большие блестящие западноафриканские монеты с отверстием в центре. Женщины просили рассчитываться с ними шиллингами и часть оплаты принимали не деньгами, а солью. Охотники требовали только наличные деньги, при этом они очень не любили бумажные ассигнации и предпочитали вместо одной бумажки набрать фунта на два мелких монет по одному пенни. В лагере появлялись и маленькие карапузы, лишь недавно начавшие ходить, и старики, едва ковыляющие при помощи палок. Каждый из них обязательно приносил с собой какое-либо живое существо в сумке, корзинке, бутыли или банке. Многие появлялись в лагере совершенно голыми, завернув пленника в набедренную повязку. Каждая коробка и корзинка использовалась в качестве клетки, каждая банка из-под керосина тщательно промывалась и вскоре наполнялась лягушками и змеями. Повсюду висели бамбуковые клетки с птицами, к каждому столбику или пню были привязаны обезьяны и мангусты. Комплектование моей коллекции шло полным ходом.

Однажды рано утром, когда я брился, около палатки появился высокий мрачный человек с мешком из пальмовых листьев на спине. Сбросив мешок к моим ногам, он молча уставился на меня. Я позвал Пайоса, следившего в это время за приготовлением завтрака в кухне.

– Что принес этот человек? – спросил я его.

Пайос задал мой вопрос пришельцу.

– Речной зверь – последовал лаконичный ответ.

– Какой речной зверь? Посмотри, что у него в мешке, а я пока закончу бриться.

Пайос подошел к мешку, осторожно развязал его и заглянул внутрь.

– Крокодил, сэр, только мне кажется, что он мертв.

– Он не двигается?

– Нет, сэр, он совершенно неподвижен, – ответил Пайос и вытряхнул из мешка крокодила длиной в четыре с половиной фута. Шлепнувшись на землю, крокодил остался

лежать с закрытыми глазами.

– Он мертв, сэр, – повторил Пайос и повернулся к охотнику. – Зачем ты принес мертвого зверя? Ты думаешь, маса такой глупый, что будет платить тебе за мертвого зверя?

– Речной зверь не мертв, – ответил охотник.

– Не мертв? – гневно переспросил Пайос. – Смотри! – он схватил мешок и ударил им крокодила. Тот открыл глаза и мгновенно вернулся к жизни. Проскользнув в ногах у помощника, отпрыгнувшего с диким криком в сторону, крокодил проскочил мимо тщетно пытавшегося его задержать охотника и начал удирать по направлению к кухне. Втроем бросились мы вдогонку. Преследуемый нами крокодил, не имея времени свернуть в сторону, врезался в стенку кухни (в качестве стены служила циновка из банановых листьев). В тот момент, когда мы вбежали в кухню, крокодил исчезал в противоположной ее стене. Легко представить изумление, которое вызвало у поваров появление неожиданного гостя. В кухне возник полнейший беспорядок. Помощник повара уронил на пол сковороду с завтраком. Повар, сидевший на банке из-под керосина, свалился в корзину с яйцами и свежими мягкими фруктами. Пытаясь встать на ноги, он опрокинул кастрюлю с холодным пудингом. Крокодил тем временем устремился к лесу, к его чешуе прилипли пепел и куски пудинга. Сняв на бегу свой халат, я прыгнул и накрыл им голову крокодила. Обмотав ему морду халатом, я лишил крокодила возможности раскрывать челюсти и кусаться. Успел я вовремя, так как до густых зарослей кустарников на краю лагеря ему оставалось пробежать всего несколько ярдов. Сидя в пыли и крепко вцепившись в крокодила, я торговался с охотником. В конце концов мы с ним договорились о цене, и крокодил был помещен в небольшой бассейн, специально устроенный для этих пресмыкающихся. Крокодил не отпускал моего халата, значительная часть которого находилась уже у него в пасти. В этом вопросе мне пришлось ему уступить. Когда позднее я достал халат из бассейна, он уже не был пригоден к носке. Спустя несколько недель мне

снова принесли крокодила, с которым произошла аналогичная история: вырвавшись из наших рук, он напугал поваров и опять оставил меня без завтрака. После этого случая пойманных крокодилов мы стали распаковывать непосредственно около бассейна и обязательно в присутствии трех слуг, готовых в любой момент предотвратить все попытки к бегству.

Вскоре после этого произошло событие несколько иного сорта. Однажды я допоздна сооружал клетку и лег спать около двенадцати часов ночи. Час спустя я проснутся от диких криков, доносившихся со стороны деревни. Я отчетливо слышал пронзительные восклицания, визг, хлопанье ладоней и громкие оживленные разговоры. Считая, что жители деревни отмечают какой-нибудь местный праздник, я попытался снова заснуть. Однако шум не только не утихал, но, наоборот, становился все громче. Среди деревьев замелькали огоньки, и я заметил приближавшуюся к лагерю толпу людей. Я вскочил и быстро оделся, пытаясь сообразить, что могло побудить жителей деревни беспокоить меня в середине ночи. Толпа, в которой оказались почти все жители деревни, хлынула в лагерь. В центре беснующейся, жестикулирующей массы людей четыре человека несли на плечах огромную плетеную корзину, напоминавшую своими очертаниями гигантский банан. Они поставили корзину к моим ногам, и внезапно, словно по команде, наступила полная тишина. Вперед выступил высокий некрасивый мужчина в лохмотьях мундира цвета хаки. Почтительно поздоровавшись и приняв горделивую позу, он начал речь.

– Маса, я принес вам хорошего зверя. Я принес вам лучшего зверя, который водится в этой стране. Я хороший охотник, мне неведом страх, я пошел в лес и увидел этого зверя. Это очень сильный зверь, маса, но он сильнее меня. Я очень сильный человек, у меня много силы, я…

Мне надоела эта напыщенная хвастливая болтовня, я устал и хотел быстрее увидеть зверя, купить его и снова лечь спать.

– Слушай, друг мой, – прервал я оратора. – Я вижу, что ты хороший охотник и сильный человек. Но прежде всего я хочу знать, какого зверя ты поймал.

– Хорошо, сэр, – сконфуженно ответил охотник и подвинул корзину к свету, чтобы я мог разглядеть ее содержимое.

– Большая, большая змея, сэр, – объяснил он, – это боа.

В корзине, заполнив ее целиком, находился питон таких размеров, какого мне еще не приходилось видеть. Он был настолько велик, что не умещался в корзине; около трех футов хвоста змеи торчало наружу и было крепко притянуто лианами к внешней стороне корзины. Питон смотрел на меня сверкающими черными глазами и громко шипел. Я рассмотрел огромные размеры свившегося кольцами туловища, его глянцевитую, отсвечивающую при свете лампы пеструю кожу.

– Слушай, друг мой, – снова обратится я к владельцу змеи, – я не могу сейчас заниматься этим хорошим зверем. Оставь его здесь и приди сюда утром. Мы посмотрим змею и договоримся о цене. Согласен?

– Да, сэр, – ответил охотник.

С помощью зрителей мы перенесли тяжелую корзину в помещение для зверей и оставили ее на полу. Я вылил на змею два ведра воды, так как предполагал, что она давно уже страдает от жажды. Затем я разрезал путы, с такой силой стягивавшие хвост змеи, что на ее красивой коже отпечатались глубокие рубцы. В течение нескольких минут я массировал хвост, чтобы восстановить нормальную жизнедеятельность пострадавших участков туловища. После этого я выпроводил из лагеря всех гостей и снова лег спать.

Утром я внимательно осмотрел питона. По моему мнению, он был невредим, хотя длительное пребывание в тесной корзине, изготовленной, вероятно, уже после его поимки, доставило ему немало страданий. После продолжительного торга я купил змею по назначенной мною цене, и передо мной встал вопрос о помещении для нового

экспоната. Выбрав самый большой из имевшихся в лагере ящиков, я дал задание Плотнику срочно сделать из него клетку для питона. К полудню клетка была готова, на дно ее мы постелили толстый слой сухих банановых листьев, чтобы обеспечить питона мягкой постелью. Затем перед нами встала проблема перевода питона из корзины в клетку. При обычных обстоятельствах, имея нескольких надежных помощников, переносить питона не так уже сложно. Один человек держит голову змеи, другой удерживает ее за хвост, а остальные придерживают в разных местах туловище. Если держать питона вытянутым в длину и не давать ему возможности свернуться в клубок, он становится совершенно беспомощным. Но все несчастье заключалось в том, что у меня не было надежных помощников. Местные жители считают питона ядовитой змеей, которая отравляет своим ядом не только при укусе, но и прикосновением острого кончика хвоста. Тщетно пытался я уговорить их схватиться за туловище змеи, соглашаясь взять на себя голову питона; мне объясняли, что каждый из них может погибнуть от соприкосновения с хвостом питона. У меня не было никакого желания, выпустив змею из корзины, остаться с ней один на один, без всякой поддержки разбежавшихся помощников. После продолжительных дебатов я рассвирепел окончательно.

– Слушайте, – обратился я ко всем присутствующим, – если через полчаса змея не будет в клетке, никто из вас не получит жалованья.

Сказав это, я прорезал крышку корзины, обхватил шею питона и начал медленно вытаскивать змею наружу. По мере появления туловища змеи дрожащие черные руки, пара за парой, подхватывали его на некотором расстоянии друг от друга. Держа в одной руке голову питона, я дождался появления из корзины хвоста и схватил его другой рукой. Теперь питон был растянут по кругу: в моих руках был хвост и голова, а несколько перепуганных слуг осторожно удерживали его извивавшееся тело. Введя хвост в клетку, мы стали медленно, фут за футом, вталкивать туда туловище

змеи. В заключение я рывком втолкнул туда голову змеи, захлопнул клетку и облегченно вздохнул. Мои соратники были восхищены собственным мужеством и темпераментно объясняли друг другу, какие трудности пришлось им преодолеть. Я послал слугу в деревню, поручив ему купить цыпленка, так как, по моим предположениям, питон уже должен был проголодаться. За ночь птица была съедена целиком, и я решил, что пленник чувствует себя хорошо. А затем произошла одна из тех неожиданностей, которые так часто осложняют нашу работу: на хвосте змеи, по-видимому, в результате длительного наложения тугих жгутов, развилась гангрена. Эта болезнь, возникающая у животных, если их слишком крепко связывать, опасна и в странах прохладного климата; в тропиках же гангрена развивается и распространяется со страшной быстротой. В течение десяти дней положение питона сделалось безнадежным: он сохранял хороший аппетит, но загнивание хвоста распространялось все дальше, несмотря на применение обеззараживающих средств. Я вынужден был убить питона. Длина его составляла восемнадцать с половиной футов. При вскрытии оказалось, что это самка, внутри мы обнаружили несколько недоразвитых яиц. Питона такой величины я больше не видел, те экземпляры, которых мне приносили в дальнейшем, были значительно меньших размеров.

Общее мнение о работе звероловов сводится к тому, что охотнику нужно только поймать зверя и посадить его в клетку и на этом работа заканчивается. В действительности же только после этого и начинается настоящая работа. С какими бы трудностями ни была связана поимка зверя, содержание его в неволе, связанное с поисками подходящей пищи, наблюдением за тем, как животное ест, не болеет ли оно, не занозило ли себе лапу в деревянной клетке, не тесно ли ему, достается охотнику значительно тяжелее. К этому прибавляются ежедневные чистки клеток и кормление зверей, заботы о том, чтобы животные не находились на солнце слишком много или, наоборот, слишком мало. Некоторые

звери, попадая в неволю, совершенно отказываются от пищи, и приходится иногда часами изобретать всякие лакомства, чтобы соблазнить их на еду. Часто охотнику это удается, и зверь привыкает к определенному роду пищи. Но бывают и такие случаи, когда животное упорно отказывается от всякой пищи, и тогда остается единственный выход – отпустить его обратно в лес. В отдельных случаях, к счастью чрезвычайно редких, мне не удавалось ни накормить животное, ни отпустить его. Так получалось с пойманными молодыми животными, лишь незадолго до поимки появившимися на свет. Наиболее мучительными для меня были случаи с молодыми дукерами, доставившими мне много тяжелых переживаний.

Дукеры – антилопы, встречающиеся только в Африке. Своими размерами они напоминают крупного фокстерьера, некоторые экземпляры достигают роста сенбернара, окраска их в гамме от голубовато-серой до ярко-рыжей. В окрестностях Эшоби чаще попадались рыжие дукеры. Я попал в Эшоби вскоре после периода течки у дукеров; убив антилопу, охотники обычно находили около нее маленького детеныша. В таких случаях малютку, как правило, приносили ко мне. Попутно хочу отметить, что в Камеруне тогда не было никаких законов об охране животных и охотники имели право убивать самок вместе с детенышами. Для охотника это даже счастливый случай, так как он имел возможность убить детеныша, не расходуя при этом лишний заряд. Судя по количеству приносимого мне молодняка, избиение антилоп проводилось в больших размерах, и, хотя в настоящее время дукеры еще довольно широко распространены в Африке, есть основания опасаться, что в недалеком будущем они будут совершенно истреблены.

Когда мне принесли первого детеныша дукера, я купил его, построил отдельную клетку и от души радовался такому ценному пополнению моей коллекции животных. Но очень скоро я понял, что иметь дело с дукером гораздо труднее, чем с представителями любой разновидности ранее

встречавшихся мне оленей и антилоп. В первый день детеныш был очень возбужден и отказывался от всякой пищи. На следующий день он решил, что я не намерен его обижать, и начал ходить за мной, как собачонка, доверчиво глядя на меня большими темными влажными глазами. Но от пищи он по-прежнему отказывался. Я прибегал ко всевозможным ухищрениям. чтобы обмануть его и заставить пить молоко. Купив шкуру взрослого дукера, я разложил ее на стуле и, когда детеныш принялся ее обнюхивать, подсунул к нему из-под шкуры бутылку с соской. Детеныш сделал несколько маленьких глотков и отошел в сторону. Я давал ему горячее, теплое, холодное, сладкое, кислое, горькое молоко – и все безрезультатно. Накинув шнурок на шею дукера, я пошел с ним в ближайший лес, так как детеныш был уже в таком возрасте, когда можно переходить на прикорм. Я надеялся, что малыш наткнется на растения или листья, которые он станет есть. Но единственным его занятием во время прогулки было рытье ямок в листьях, изредка он облизывал землю. Я видел, как день за днем антилопа становилась все слабее, и решил принять крайние меры: повалив дукера на землю, мы силой влили ему в рот немного жидкости. Детеныш в это время так перепугался, что при его слабом состоянии наша затея принесла больше вреда, чем пользы. Тогда я поручил повару купить в ближайшем городе дойную козу. Козы почти не разводятся в лесных районах, и повар вернулся только через три дня; к этому времени дукер умер. Повар привел с собой самую уродливую и глупую козу из всех представителей этого рода. Она оказалась для нас совершенно бесполезной. За три месяца пребывания в лагере она дала не более двух чашек молока. При виде детеныша дукера она наклоняла голову и пыталась его боднуть. Трем человекам приходилось удерживать козу, пока детеныш сосал молоко. В конце концов ее отправили на кухню, и она составила основу нашего меню на ближайшие несколько дней.

Мне продолжали приносить детенышей дукера, они

по-прежнему отказывались от пищи, слабели и погибали. Иногда в лагере находилось одновременно до шести красивых маленьких антилоп; они растерянно бродили по отгороженному для них участку и временами грустно и протяжно блеяли, напоминая маленьких ягнят. Каждый раз, когда в лагерь приводили нового дукера, я клялся, что не буду его покупать; но, когда он прижимался влажным носом к моей ладони и смотрел на меня большими темными глазами, я не выдерживал. Я начинал надеяться, что именно этот детеныш будет вести себя иначе, чем остальные, будет нормально пить и есть. Я покупал его, и оказывалось, что он ведет себя точно так же, как все другие. При виде шести маленьких дукеров, с жалобным, голодным блеянием бродивших по лагерю и отказывавшихся принимать какую-либо пищу, настроение мое резко падало, в конце концов я отказался от дальнейших покупок детенышей этих антилоп. Я знал, что обрекаю их этим на немедленное съедение, но это была по крайней мере быстрая смерть, а не мучительное и медленное угасание. Я никогда не забуду, какую долгую, утомительную борьбу мне приходилось вести с этими маленькими существами. Часами водил я их на поводке по лесу, предоставляя им выбор всевозможных листьев и трав. Часами пытался я поить их из бутылок, но лишь редкие капли жидкости попадали в горло животных. Я вставал в три часа утра и полусонный заново повторял все свои попытки; дукеры при этом прыгали и брыкались, разрывая мой халат острыми копытцами. Ноги их слабели, шерсть темнела, большие глаза западали в глазницах и мутнели. Все эти впечатления больше, чем что-либо другое, убеждали меня в том, что работа зверолова не так легка, как это принято думать.

В период моих мучений с маленькими дукерами я нанял ночного сторожа. В Камеруне я впервые столкнулся с представителями этой профессии, доставившими мне в дальнейшем немало хлопот. Ночного сторожа я нанял по двум мотивам: во-первых, ночью нужно было разводить огонь,

кипятить воду для ночного кормления (точнее, попыток кормления) дукеров, а затем будить меня для выполнения этой процедуры, во-вторых, что значительно важнее, необходимо было постоянно следить за возможностью появления около лагеря отрядов странствующих муравьев, двигающихся совершенно бесшумно и с большой скоростью. Человек, не видевший собственными глазами движения крупных колонн муравьев, вряд ли сумеет представить себе численность, быстроту и свирепость насекомых, составляющих эти отряды.

Ширина движущейся колонны муравьев редко превышает два дюйма, но длина ее достигает двух-трех миль. По бокам движутся воины – крупные муравьи длиной до полдюйма, с большими головами и развитыми изогнутыми челюстями. В середине путешествуют рабочие муравьи; по размерам они значительно меньше воинов, но укусы их также очень неприятны. Эти колонны муравьев движутся по лесу, уничтожая все на своем пути; достигнув места, где пища имеется в достаточном количестве, колонна рассыпается, и земля вскоре превращается в сплошной черный движущийся ковер. Если такая колонна наткнулась бы на мой зверинец, все экспонаты были бы заживо съедены в течение нескольких минут.

Первым моим сторожем был высокий стройный юноша в маленькой набедренной повязке, вооруженный огромным копьем. Он приходил в лагерь с заходом солнца и уходил на рассвете. Приступил он к работе в твердой уверенности, что главная его задача ночью – хорошо выспаться у костра возле кухни. Мне пришлось разубедить его в первую же ночь, застав сторожа спящим, я разрядил ружье над самым его ухом, что произвело на него должное впечатление. В дальнейшем он спал лишь тогда, когда был уверен, что я слишком устал днем и ночью вставать не собираюсь. В первые дни он относился к своим обязанностям довольно пренебрежительно; днем его использовали в деревне в качестве продавца вина, и он считал своим долгом

основательно дегустировать то вино, которым снабжал покупателей. Зачастую он приходил в лагерь, качаясь из стороны в сторону, садился к костру и начинал дремать. Способ, которым я разбудил его в первую ночь, действовал безотказно и в дальнейшем. Но я никак не мог заставить его понять, насколько опасны для нас муравьи. Сторож почти не смотрел по сторонам, и только массированное нападение большого отряда муравьев могло бы привлечь его внимание. Но однажды ночью сторож получил такой урок, который навсегда излечил его от легкомысленного отношения к возможности появления муравьев.

Каждые две недели на главной улице деревни устраивались танцы. Это считалось крупным общественным событием: жители деревни надевали свои лучшие платья и проводили всю ночь на улице, раскачиваясь и притопывая под заунывные, дрожащие звуки флейты и торжественный стук барабанов при тусклом свете маленького фонарика. Я получил приглашение на один такой праздник и направился в деревню в пижаме и халате со стулом, столом и самым ярким из имевшихся у меня фонарей. Появление фонаря танцующие встретили восторженными возгласами, так как яркое освещение позволяло им выполнять более сложные и изощренные па. После этого случая, если я сам не приходил на танцы, то всегда отсылал в деревню фонарь, и жители приветствовали его появление радостными криками, аплодисментами и возгласами: «Спасибо, маса, спасибо!» – которые слышны были даже в лагере.

Однажды вечером мне сообщили, что в поселке в мою честь организуется специальный танцевальный праздник и меня вместе с фонарем приглашают принять участие в торжестве. Я выразил свою признательность и ответил, что, если лично и не сумею присутствовать на празднике, меня будет представлять мой фонарь. Но случилось так, что в этот вечер я рано закончил свои дела и решил пойти в деревню. Покидая лагерь, я приказал сторожу немедленно вызвать меня в случае каких-либо неожиданных происшествий. Захватив с

собой фонарь, стул и стол, я отправился на торжество. Танцы на этот раз оказались продолжительными и интересными. Через некоторое время я решил возвратиться в лагерь, так как на следующее утро мне нужно было рано вставать. Фонарь я, как обычно, оставил в деревне. У входа в лагерь при слабом свете дежурного фонаря я увидел, что сторож делает какие-то странные пируэты. Он прыгал, хлестал себя прутом и громко ругался на родном языке; иногда он свирепо колотил по земле пучком веток.

– Что случилось? – закричал я.

– Муравьи, сэр, много муравьев.

Подбежав к нему, я увидел, что сторож был весь облеплен муравьями, сплошная масса муравьев переливалась на земле под его ногами. Из кустов непрерывным потоком лились новые отряды муравьев. Насекомые расползались уже по большому участку, передние их ряды находились всего в нескольких футах от помещения для зверей. Нельзя было терять ни секунды. Я позвал на помощь всех находившихся в лагере слуг. Когда они подбежали, я был уже с ног до головы покрыт муравьями. Пришлось срочно раздеться. Обнаженные, мы приготовились к бою. Джорджа я послал за хворостом и сухими листьями. Пайоса – за керосином, сторожу и Даниелю я приказал немедленно принести из кухни головешку. Они помчались выполнять поручения.

Собрав несколько прутьев с листьями, я напал на ближайшую к стене зверинца группу муравьев, изо всех сил стегая прутьями по земле: свободной рукой я в это время пытался стряхнуть облепивших меня муравьев. Джордж притащил большую охапку сухих веток и листьев, и мы кинули ее на самое большое скопление муравьев. Смочив хворост керосином, мы подожгли его с разных сторон. Схватив банку с керосином, я побежал вдоль стены зверинца, разливая по пути керосин. Даниель бежал следом за мной, макал хворост в керосин и зажигал его. Отгородив животных огненным барьером от муравьиного войска, я почувствовал некоторое облегчение. Но теперь, однако, требовалось

внимательно следить за огнем, так как искры могли поджечь сухую крышу здания. Вся оборонительная операция была проведена нами в предельные сроки – еще немного, и ничто не могло бы спасти заключенных в клетки животных. Поручив Пайосу и Джорджу следить за полосой огня вокруг зверинца, я занялся своей палаткой. Она кишела муравьями, зеленые стенки ее превратились в колышущееся черное покрывало. Три ящика с высушенными шкурами были набиты муравьями, и шкуры пришли в полную негодность. Кровать, весь мой гардероб, патронташи, силки, сети, коробки с медикаментами – все это тщательно обследовалось тысячами муравьев. В течение трех часов очищали мы от них мою палатку: лишь на рассвете угроза дальнейшего вторжения муравьев была полностью предотвращена. Голые, грязные, усталые, собрались мы на площадке около кухни, продолжая снимать друг с друга последних муравьев.

Моя беседа со сторожем состоялась после того, как я умылся, оделся и более или менее пришел в себя. Она была довольно продолжительной и протекала бурно. В заключение беседы я приказал двум слугам связать сторожа и сообщил ему, что намерен сдать его местным властям для привлечения к суду за невыполнение служебного долга, попытку убить меня, попытку уничтожить мою коллекцию, сон на посту и за множество других грехов. Я объяснил, что начальство очень серьезно отнесется к совершенным им преступлениям и что двухлетнее тюремное заключение он может считать наилучшим для себя исходом. Побелев от страха, сторож умолял меня о прощении. С видом человека, оказывающего огромную услугу, я согласился предоставить сторожу последнюю возможность исправиться. Но при этом предупредил его, что, если муравьи еще раз появятся в ста ярдах от лагеря и он не поднимет своевременно тревогу, я поступлю с ним очень сурово. Я даже мрачно намекнул на возможность пожизненного заключения. Угроза подействовала: после описанного случая сторож нес службу образцово, и появлявшиеся в дальнейшем отряды муравьев

своевременно обнаруживались и обезвреживались.

Долго внушал я сторожу, что он лично отвечает за каждое сбежавшее ночью животное. Дважды животные находили выломанное звено решетки или разорванный участок проволочной сетки и исчезали в лесу; сторож в это время мирно дремал на банке из-под керосина, склонившись головой к древку копья. В обоих случаях я ограничился выговором, так как убежавшие животные особой ценности не представляли и их можно было легко заменить. Но я решил при первом же подходящем случае дать сторожу небольшой урок. Однажды вечером охотник принес в лагерь молодого панголина. Я купил его и на ночь поместил в пустой ящик, плотно прикрыв сверху множеством различных предметов. Зная. как сильны у этих зверей передние лапы, я предупредил сторожа, чтобы он внимательно следил за ящиком с панголином.

С первых же дней создания лагеря я взял за правило перед сном совершать обход зверинца, проверяя состояние всех клеток, всех замков и запоров. Заглянув в ящик. куда мы поместили панголина, я нашел его пустым. Каким образом он исчез, я так и не понял – все наваленные на крышу предметы остались на месте. Но я уже привык к подобным таинственным исчезновениям и не стал терять времени на решение этой загадки. Подозвав сторожа, я показал ему пустой ящик:

– Сторож, этот зверь убежал.

– Да, я его не вижу, сэр, – пробормотал сторож.

– Я знаю, что ты его не можешь видеть, потому что ты плохо выполняешь свои обязанности. Этот зверь передвигается медленно, он сейчас где-нибудь здесь в кустах. Возьми свой фонарь и ищи его. Если ты его не найдешь, я удержу из твоего жалованья пять шиллингов.

Сторож забрал фонарь и копье и отправился на поиски. Я слышал, как он в течение часа бродил по кустам, тяжело вздыхал и, чтобы поднять себе настроение, громко разговаривал сам с собой. Я уже засыпал, когда раздался его

торжествующий крик:

– Я нашел его здесь, я нашел его здесь в кустах!

– Хорошо, принеси его быстрее.

Вскоре он появился, держа панголина за хвост и сияя от удовольствия. Я отнес панголина к ящику, отметив про себя, что панголин как будто значительно вырос. Открыв ящик, я стал перестилать на дне его сухие банановые листья; неожиданно моя рука наткнулась на что-то круглое, твердое и теплое. Свернувшись под банановыми листьями, в ящике лежал панголин. Оказалось, что сторож поймал совершенно другого представителя этой породы. Я закрыл в ящике обоих панголинов и вернулся в палатку. По установленным правилам я должен был заплатить сторожу за пойманного им зверя. Но признаваться в своей ошибке я не хотел, так как это испортило бы впечатление от преподанного урока. Поэтому я решил промолчать и успокоил свою совесть, крупно переплатив ему через несколько дней за принесенных лягушек. Через несколько дней аналогичная история случилась со сбежавшим огромным пауком. На этот раз паук действительно сбежал, и сторож, разыскивая его в кустах, нашел другого громадного паука гораздо более редкой разновидности. Посадив пойманного паука на конец палки и направляясь к коллекции коробок с насекомыми, сторож чуть не раздавил ползавшего по земле в самом центре нашего лагеря первого паука.

Огромные пальмовые пауки всегда вызвали у меня отвращение. Туловище их величиной с яйцо, длинные ноги легко обхватывают большую тарелку. Обычный цвет этих пауков темно-коричневый, сверху они покрыты густым светло-коричневым мехом. Взгляд их маленьких блестящих глаз казался мне злобно вызывающим. Большинство пауков, если к ним подходят или начинают щекотать прутиком, пытаются убежать, но некоторые из них переходят в нападение. Пауки могут прыгать на расстояние до двух футов, отрываясь при этом от земли на шесть-семь дюймов. Во время прыжка они сжимаются и пытаются вцепиться в

противника большими изогнутыми челюстями и обхватить его мохнатыми передними лапами. Я знал, что укус паука ядовит, но полагал, что при всей его болезненности он не представляет опасности для жизни человека.

Однажды ко мне пришел человек с двумя плетеными корзинами в руках; в одной корзине находилась толстая красивая и смертельно ядовитая гадюка, в другой – отвратительный пальмовый паук. Когда я приобрел содержимое обеих корзинок, мужчина обратился ко мне с просьбой помочь ему и протянул руку. обмотанную грязной тряпкой. На большом пальце была глубокая рана, палец распух и посинел. Осмотрев палец, я промыл его и наложил чистую повязку. Затем я заинтересовался происхождением его раны.

– Зверь меня укусил, – лаконично ответил охотник, кивнув в сторону корзинок.

– Какой зверь? Змея или паук? – испуганно вскричал я.

– Нет, сэр, не змея, другой зверь. Мне очень больно, вы не дадите мне какое-нибудь лекарство от укуса, сэр?

Я дал ему две таблетки аспирина, стакан желтого лимонного сока и заверил его, что все кончится благополучно. Он поблагодарил меня и вернулся на следующий день с просьбой снова дать ему лекарство, которое так хорошо помогает ему. Я предложил еще два порошка аспирина, но охотник от них отказался. Нет, он хочет не это лекарство, а другое, желтое, так как именно оно и помогло ему так быстро выздороветь.

Через несколько дней после этого случая мне вновь пришлось столкнуться со своеобразной логикой местных жителей. Маленький мальчик принес мне черепаху, в панцире которого было пробито большое отверстие. Такой экземпляр меня не устраивал, и я вернул черепаху владельцу, объяснив ему причину моего отказа. Через полчаса другой юнец принес ту же самую черепаху. Решив, что первый продавец по малолетству не понял моих объяснений, я снова рассказал, по каким причинам эта черепаха мне не нужна. Вскоре эту же

черепаху принес в лагерь новый продавец. В течение всего дня множество людей разных возрастов, от карапузов до глухих стариков, предлагали мне купить эту искалеченную черепаху. Я не выдержал и спросил последнего продавца, зачем мне приносят черепаху, которую я уже несколько раз отказывался покупать, объясняя каждому приходившему, почему она мне не нужна.

– Быть может, если маса не купит черепаху у меня. он купит ее у другого – ответил временный владелец черепахи.

– Друг мой, скажи всем, что я не куплю эту черепаху.

– Да, сэр, – улыбнулся мой собеседник, – маса ее не купит.

Больше я этой черепахи не видел.

Другой характерной чертой мышления охотников было твердое убеждение, что. как бы ни был искалечен и изуродован принесенными ими зверь, меня можно уговорить купить его, без конца повторяя, что зверь этот совершенно здоров и будет жить еще много лет. В особенности это относилось к птицам. В первое время ребятишки, ватагами бродившие по зарослям, подрезая лианы и собирая появлявшуюся в надрезах белую жидкость, используемую для изготовления клея, считали, что мне нужны любые птицы в любом состоянии. Главное, чтобы птица еще дышала, а на отсутствие большинства перьев или на перелом одной или обеих ног продавцы не обращали ни малейшего внимания. Потребовалось много времени и разговоров, прежде чем ребята поняли, каковы мои требования. Окончательно убедил их случай с карликовым коростелем.

Однажды утром, осматривая принесенных мне ребятишками искалеченных птиц, я читал им лекцию о бережном обращении с пойманными экземплярами. Пока я изливал свой гнев и раздражение птицеловам, в лагерь вошла крохотная шестилетняя девочка с небольшим хитро сплетенным гнездом из сухой травы и листьев в руке.

– Что это? – спросил я.

– Птицы, сэр, – пискнула она в ответ.

Я взял из ее рук гнездо и заглянул внутрь, ожидая увидеть еще несколько изувеченных птиц. В гнезде притаились три красивые маленькие пташки, без всяких ссадин и переломов, с нетронутым оперением. У них были тоненькие ножки и длинные хрупкие пальцы, которые давно уже были бы переломаны мальчишками-птицеловами. Ни одно перышко у птичек не пострадало, а мальчики первым делом вырывали у пойманных птиц перья, чтобы лишить их возможности улететь. Принесенные девочкой птицы находились в прекрасном состоянии. Я решил использовать представившуюся мне возможность. Вытащив из гнезда одного карликового коростеля, я показал его собравшимся мальчишкам.

– Смотрите, – обратился я к ним, – девочка лучше вас ловит птиц. У этой птицы нет ни одной раны, ноги ее не порезаны веревками. Эту птицу я куплю, так как она будет жить. Почему же женщина лучше вас, мужчин, умеет ловить птиц? Вы увидите теперь, сколько я заплачу за хороших птиц.

Повернувшись к девочке, я спросил ее, сколько она просит за птиц. Девочка запросила по два шиллинга за птицу.

– Слышите? – снова обратился я к мальчикам. – Девочка просит за эту птицу два шиллинга. Это хорошая цена. Девочка увидела птичку, поймала ее очень осторожно, не ушибла ее, не связала ей ноги веревками. Так как она ловит птиц лучше вас всех, я даю ей по пять шиллингов за каждую птицу.

Из толпы ребятишек послышались удивленные и завистливые восклицания. Девочка, ничего не понявшая в моей назидательной речи, удивилась, что я дал ей значительно больше запрошенной суммы, схватила деньги, прижала руки к груди и со всей быстротой, на какую только были способны ее толстые маленькие ножки, побежала из лагеря, опасаясь, очевидно, что я могу передумать. Оживленная, жестикулирующая толпа детей последовала за ней.

С того дня птицы, за редкими исключениями, стали

поступать ко мне в лагерь в хорошем состоянии. Маленькие жители деревни начали получать заработанные деньги, а мои клетки стали заполняться пойманными интересными экспонатами.

Ребята применяли два способа ловли птиц. Оба были достаточно хороши, но лучшим я считал способ с применением клея. Надрезав кору одной из разновидностей растущих в лесу лиан, ребята добывают густой белый сок. Этот сок смешивается с соком удивительного красного плода, по вкусу ничем не отличающегося от лимона, и полученную смесь кипятят в течение двух часов на медленном огне. Застывая, смесь превращается в упругую клейкую массу. После этого птицеловы вырезают из листьев пальмовых деревьев длинные тонкие полоски и покрывают их полученной пастой. В лесу, в тех местах, где водится много птиц, ребята веерообразно расставляют эти полоски в песке около небольших водоемов. По каким-то малопонятным причинам птицы, прилетающие пить воду, садятся обычно не на песок, а на эти похожие на ветки полоски. Ножки птицы приклеиваются к пасте, пытаясь вырваться, она бьется крыльями и приклеивается перьями к находящимся рядом полоскам. Через несколько часов этот птичий клей засыхает на перьях, и птицы легко счищают его клювом. Кроме сетей, я не знаю другого такого простого и безболезненного способа ловли птиц.

Второй способ связан с применением интересной и довольно хитроумной ловушки. Гибкая палка стягивается бечевкой наподобие лука. Небольшой прут оттягивает тетиву примерно около середины палки. К одному из концов прута прикрепляется приманка, на прут накидывается скользящая растянутая петля, соединенная с основной бечевкой. Все это приспособление устанавливается или подвешивается в лесу.

Когда птица, привлеченная приманкой, садится на прут, он выскакивает из распорок, палка расправляется, бечевка удлиняется и стягивает петлю вокруг ног птицы. Этот способ довольно эффективен, но допускает многочисленные случаи

увечий птиц. Если петля стягивается слишком туго, она может раздробить птице ноги. Во многих случаях птица повисает вниз головой, и попытки вернуться в нормальное положение также обычно приводят к переломам ног. Из двух описанных способов я предпочитал первый и скоро стал покупать только птиц, пойманных при помощи птичьего клея. Этим способом были пойманы и доставлены мне самые различные представители мира пернатых: алые и черные малимбусы с бледно-голубыми, как у зяблика, клювиками; камешки с белыми полосками около глаз и с ярко-голубыми, как у сойки, пятнами на крыльях; лесные малиновки, очень похожие по размерам и окраске на английских малиновок, только коричневые спинки у первых несколько темнее, грудь их более яркого оранжево-красного цвета, а на щеках, у основания клювиков, находятся два небольших белых пятнышка. В моих клетках появились голуби – изящные серые и желтовато-коричневые птицы с переливающимися ярко-зелеными перьями на крыльях, представители различных других видов голубей, блестящие карликовые зимородки, голубые зимородки, и другие представители многочисленных видов птиц, обитающих в тропических леса Камеруна.

ГЛАВА VII. Дрилы, танцы и барабаны

Обеспечить всех насекомоядных птиц достаточным количеством пищи было серьезной проблемой, которую мне все же удалось решить. Собрав человек двадцать ребятишек, я снабдил их бутылками и отправил ловить кузнечиков. Платил сдельно, по результатам работы. Обычная моя цена – одно пенни за тридцать насекомых. Другую группу ребят я посылал в лес искать муравьиные гнезда. Такие гнезда, похожие по форме на крупные грибы, часто встречались в темных густых уголках лесной чащи. Если расколоть такое гнездо, слепленное из твердой коричневой глины, обнажается лабиринт крохотных туннелей и отверстий, в которых мечутся тысячи маленьких муравьев и лежит множество мягких белых яичек. Эти яички служат любимой пищей для птиц. В лагере всегда был большой запас муравьиных гнезд, и в течение дня непрерывным потоком приходили ребятишки с этими грибоподобными глиняными сооружениями на головах. Цепочка движущихся по извилистой лесной тропинке детей с большими грибами на курчавых головках, их громкий смех и веселая, оживленная перекличка производили необычное впечатление и немного напоминали мне шествия сказочных гномов.

В поисках муравьиных гнезд юные охотники иногда находили в лесу и других представителей животного мира, которых они с торжествующими криками приносили мне. Чаще всего им попадались хамелеоны, которых местные жители считали смертельно ядовитыми; ребята со страхом несли этих пресмыкающихся на конце длинной палки и отчаянно вскрикивали, когда хамелеон совершал какое-либо движение, пытаясь к ним приблизиться. Наиболее распространенной разновидностью были выслошеие хамелеоны длиной около восьми дюймов, обычно с ярко-зеленой окраской. Представители этой разновидности хамелеонов отличались воинственным характером: попав в плен, они меняли окраску на грязно-серую со зловещими

коричневыми пятнами. Раскачиваясь из стороны в сторону, они громко шипели, широко раскрывая рот. При благоприятной возможности они наносили короткий острый укус, который, однако, не вызывал кровотечения. Когда этих хамелеонов несли на палке, они шипели, раскачивались, бешено вращали большими выпуклыми глазами, стремясь рассмотреть все их окружавшее, и крепко обхватывали палку своими изогнутыми лапами.

Маленькие искатели муравейников однажды принесли мне рогатого хамелеона – существо настолько фантастическое, что я не сразу поверил своим глазам. По величине он несколько меньше вислошеего хамелеона, на голове у него нет того большого шлема с блестящей голубой кожей, который есть у последнего, окраска его скромнее и равномернее. Но морду этого хамелеона описать почти невозможно. От носа растут два заостренных искривленных рога длиной по полдюйма. Они похожи на приподнятые хоботы игрушечных слоников. Между двумя рогами от самого кончика носа растет еще один рог. Он длиннее остальных и совершенно прямой. Из-за этого рогового заслона удивительно осмысленным взглядом смотрели большие выпуклые глаза. Хамелеон был окрашен в приятный перламутрово-серый цвет с крупными коричневыми пятнами. Рассердившись, хамелеон менял окраску на темную, почти черную, с ржаво-красными пятнами, напоминающими отпечатки больших пальцев рук. Я предположил, что рога служат хамелеонам в качестве оборонительного средства. Когда у меня нашлось время, я проделал с хамелеонами этого вида несколько опытов. Прежде всего я начал дразнить хамелеона, но, хотя он и пытался, разозлившись, укусить меня, он вопреки моим предположениям совершенно не применял рога для борьбы. Решив, что хамелеон недостаточно рассержен, я положил его на землю и стал щекотать веткой. Хамелеон шипел, менял цвет, пытался схватить ветку, но при всех своих движениях не нанес ни одного удара рогами. Тогда я предположил, что хамелеон

использует рога лишь для схваток со своими соплеменниками. Когда у меня появился второй экземпляр рогатого хамелеона, я поместил обоих на одной ветке мордами друг к другу на расстоянии примерно трех футов. Хамелеоны страшно удивились неожиданной встрече, и это удивление немедленно отразилось на их окраске. После того как у них восстановился первоначальный цвет, хамелеоны медленно двинулись навстречу друг другу. Я с нетерпением ожидал начала боя. Когда они столкнулись мордами, один из хамелеонов прополз по спине второго с характерным для пресмыкающихся невозмутимым видом. Я снова разместил их в исходном положении, и все повторилось в прежней последовательности. Несмотря на все попытки, я так и не определил, каково назначение этих странных рогов. Ни разу за все время пребывания рогатых хамелеонов в моем лагере я не видел каких-либо действий, при которых эти пресмыкающиеся использовали бы рога.

Я всегда считал, что содержать в неволе хамелеонов очень легкая вещь; но мне пришлось убедиться, что временами они бывают не менее капризны, чем обезьяны или дукеры. В клетках хамелеонам часто не хватает воздуха или света. Один раз я поместил их в сравнительно открытом месте, и они вскоре погибли от солнечного удара. После многочисленных опытов я нашел наиболее надежный способ содержания хамелеонов.

Над четырьмя молодыми деревцами на краю лагеря я велел соорудить навес из пальмовых листьев, а под ним поместил хамелеонов, привязав их к веткам сплетенными травяными жгутиками. Разместили мы их таким образом, чтобы они не могли подползать друг к другу и запутываться в веревках. Около каждого хамелеона мы положили по куску тухлого мяса, запах которого привлекал сотни мух. Хамелеоны резкими движениями выбрасывали свои шестидюймовые языки и каждый раз захватывали одну или несколько мух. Три раза в день мы поливали хамелеонов водой, эта процедура им не очень нравилась, но без нее они

быстро слабели и погибали.

В Камеруне встречается и третья разновидность хамелеонов. Впервые я увидел такого хамелеона при не совсем обычных обстоятельствах. В один из сравнительно свободных дней я решил обследовать несколько крупных муравейников, находившихся на полях и в мелком кустарнике поблизости от деревни. Со мной пошло около двадцати человек, так как только при большом количестве помощников можно сплошным кольцом закрыть сетями муравейник и своевременно обнаружить попадающих в сети животных. Подойдя к первому муравейнику – массивному бугру из красной глины высотой около двенадцати футов и до тридцати футов по диаметру основания, – мы начали вырубать окружающую муравейник растительность, очищая полосу открытого пространства вокруг него. По кромке этой полосы мы подвесили сети вокруг муравейника, на некотором расстоянии друг от друга расположились мои многочисленные помощники, взволнованные и возбужденные. После того, как значительная часть входных отверстий муравейника была законопачена, мы зажгли охапку сухой травы и подбросили ее к одному из отверстий. Дым постепенно распространялся по внутренним переходам и вскоре начал появляться в других отверстиях; по мере того как мы подбрасывали в огонь новые охапки травы. тонкие струйки дыма сменялись густыми клубами. В напряженной тишине все следили за муравейником. Прошло четверть часа, а в муравейнике не видно было никаких признаков жизни. Я уже решил, что муравейник пуст, как вдруг с противоположной стороны круга раздались громкие крики. Обежав муравейник, я застал Элиаса и Плотника в припадке неудержимого смеха. Давясь от хохота, они показывали в сторону большого отверстия, из которого, выползал маленький, длиной не более трех дюймов, хамелеон.

– Маса, мы сегодня поймали крупную добычу, – закатывался в восторге Элиас, хлопая себя по пухлым бедрам.

Подняв хамелеона, я положил его на ладонь. Маленький

полуторадюймовый плотный хвост хамелеона был свернут наподобие пружины, на кончике вздернутого кверху носа находился небольшой рог, придававший хамелеону гордо-пренебрежительное выражение, какое часто можно увидеть у верблюда. На светло-коричневом туловище слегка выделялись ржаво-красные пятна и полосы. Это был мой первый карликовый хамелеон, и я восхищался его размерами, неторопливыми плавными движениями и пренебрежительным выражением на морде. Каким образом это живущее на деревьях пресмыкающееся попало в лабиринт муравейника, понять трудно, но тем не менее оно оказалось там. Позднее, когда я ближе познакомился с хамелеоном, я обнаружил у него много любопытных особенностей. Так, например, я никогда не видел его за едой, но, судя по тому, что он продолжительное время находился в прекрасном состоянии, он должен был все-таки что-то есть. Я не мог заставить его менять окраску, ни раздражая его, ни помещая попеременно в различные условия. Только ночью, закрыв глаза, он приобретал красивый пепельно-серый цвет и очень походил в это время на маленький упавший лист дерева. Постепенно у меня появились четыре таких хамелеона. Мне, однако, ни разу не довелось встречать их в естественном состоянии, так как пойманного в муравейнике хамелеона тоже трудно принимать в счет. Каждый раз я спрашивал продавца, где он поймал хамелеона, и каждый раз оказывалось, что хамелеон был пойман на земле, обычно на какой-нибудь проторенной тропе. Все мои попытки хитрыми вопросами опровергнуть эти утверждения не увенчались успехом. Пытаясь узнать, действительно ли эти пресмыкающиеся живут исключительно на деревьях, как это принято считать, я решил проделать опыт с четырьмя имевшимися у меня экземплярами. Их поместили в клетку с многочисленными ветками и с густым ковром сухих листьев и хвороста на полу. Как только хамелеоны обнаружили эту подстилку, они немедленно покинули ветки и переселились на пол, переползая и укрываясь между листьями.

Единственная привычка, сближавшая карликовых хамелеонов с их более крупными сородичами, – это танцы. Это исключительно забавное развлечение, которое хамелеоны изредка доставляют зрителям, можно полностью оценить, лишь увидев его собственными глазами. Находясь на ветке или на земле, хамелеон на минуту совершенно замирает и только медленно вращает глазами. Затем он плавно поднимает в воздух одну переднюю и одну заднюю лапу и начинает ритмично раскачиваться вперед и назад. Сделав шаг и снова застыв на месте, хамелеон поднимает другую пару ног и повторяет все сначала. При этом хамелеон все время вращает своими большими выпуклыми глазами – вверх, вниз, вперед и назад.

Ни местные жители, ни обезьяны из моей коллекции не любили хамелеонов. Для местных жителей они были одинаково бесполезны как в живом, так и в мертвом состоянии, и при виде того, как я возился с хамелеонами и как они меня кусали, зрители стонали и взволнованно щелкали пальцами. Они считали хамелеонов ядовитыми тварями, и никакие мои доводы не могли убедить их в противном. Обезьяны также откровенно не любили и боялись хамелеонов, но эти чувства проявлялись у них не так, как по отношению к змеям. Хамелеоны одновременно и привлекали и отталкивали обезьян. Обезьяны, размещавшиеся недалеко от клетки, где находились хамелеоны, внимательно следили за всеми движениями пресмыкающихся. Каждый раз, когда хамелеон выбрасывал язык, пытаясь поймать муху, обезьяны шарахались в сторону и издавали пронзительные крики изумления и восхищения.

К описываемому периоду моя коллекция обезьян состояла. из красноухого гвенона, четырех белоносых гвенонов и шести дрилов. Однажды, когда один из хамелеонов издох, я принес его труп к обезьянам. Те почтительно окружили меня и стали с большим интересом разглядывать дохлого хамелеона. Набравшись смелости, старший из дрилов слегка коснулся лапой хамелеона,

отдернул ее и стал быстро вытирать о землю. Гвеноны так и не решились подойти ближе к трупу хамелеона. Дрилы же постепенно расхрабрились, схватили труп и стали пугать им гвенонов, которые разбежались с пронзительными криками. Пришлось прекратить эту игру, так как дрилы начали вести себя неприлично, а гвеноны были уже основательно запуганы и жалобными стонами выражали свои обиды. После этого я проделал новый эксперимент, пустив к обезьянам крупного живого хамелеона. Обезьяны отступали при его приближении, вскрикивали, корчили гримасы, но не казались очень испуганными. Затем я достал большого ужа и тоже подбросил его к обезьянам. Охваченные паническим страхом, они взметнулись к верхушкам своих столбов и отчаянно визжали там до тех пор, пока я не убрал змею.

Дрилы были уличными мальчишками в моей обезьяньей коллекции. Любой предмет, попадавший к ним в лапы, прежде всего проверялся с точки зрения его съедобности или несъедобности. Если предмет оказывался несъедобным, он использовался некоторое время в качестве игрушки, но вскоре дрилы теряли к нему всякий интерес. Съедобные вещи (а к таковым дрилы относили большинство попадавших к ним предметов) использовались двумя способами. Деликатесы, например кузнечики, отправлялись в рот с максимальной быстротой, дабы никто не успел отнять это лакомство. С менее привлекательными предметами устраивалась длительная игра, в ходе которой дрилы постепенно откусывали кусок за куском до тех пор, пока все не оказывалось съеденным. Дрилы, довольно угловатые по сравнению с другими обезьянами, обладали, однако, своеобразной привлекательностью. Мне нравилась их развалистая, похожая на собачью походка, привычка, оскаливая два ряда мелких зубов, морщить нос в невообразимой гримасе, которая должна обозначать приветливость, манера двигаться задом, обнажая ярко-розовые седалища. Многое в дрилах нравилось мне, но особенно таяло мое сердце, тогда, когда эти маленькие

обезьянки, завидев меня, бросались ко мне, обхватывали лапами мои ноги, восторженно вскрикивали и доверчиво заглядывали в глаза.

Приобретенные мною шесть дрилов долгое время командовали другими, более робкими обезьянами. Хрупкие нервные гвеноны всегда уступали развязным дрилам сочных и вкусных кузнечиков и лишь недовольно ворчали и кашляли, наблюдая за трапезой своих обидчиков. Но в один прекрасный день господству дрилов настал конец: в лагере появился крупный, почти взрослый детеныш бабуина. Несмотря на молодость, он был по меньшей мере в три раза больше самого крупного дрила, и со времени своего появления в лагере стал признанным начальником обезьяньей колонии. Бабуин был покрыт косматым желтоватым мехом, у него были большие зубы и длинный хвост, несколько напоминавший хвост льва. Казалось, что хвост бабуина внушал дрилам особое почтение: они долго с глубоким интересом рассматривали его, время от времени оглядываясь и сравнивая его со своими короткими загнутыми хвостиками. Бабуин, которому я дал кличку Джордж, обращался с остальными обезьянами мягко и деликатно, не разрешая им, однако, никаких вольностей. Изредка он даже дозволял гненонам слизывать со своей шкуры соль, в эти минуты он растягивался во весь рост на земле и лежал с блаженным выражением на морде. В первый день по прибытии Джорджа в лагерь дрилы сделали попытку общими силами отколотить его и утвердить свое господство, но Джордж оказался на высоте положения и вышел из этой схватки победителем. После этого случая дрилы почтительно склонились перед новым владыкой. Начиная преследование гвенонов, дрилы предварительно всегда выясняли, далеко ли находится Джордж, так как у последнего был простой способ прекращения споров – он кидался к месту драки и без разбора наносил сильные укусы всем ее участникам.

Джордж, быстро сделавшись ручным и податливым, стал в лагере общим любимцем и значительную часть

времени проводил на кухне. Вскоре, однако, мне пришлось его из кухни убрать, так как он постоянно оказывался виновником всех и всяких недоразумений. Если запаздывал обед, мне говорили, что Джордж опрокинул сковороду. Если что-либо пропадало, находилось по меньшей мере три свидетеля, подтверждавшие, что в последний раз пропавший предмет они видели у Джорджа. Джордж был возвращен в общество обезьян, которыми он и стал руководить, с мягкостью и тактом. Эти его качества поражали меня, так как в подавляющем большинстве случаев обезьяны, замечая уважение и страх своих сородичей, становятся отвратительными, наглыми существами. Удивил нас Джордж и другой своей особенностью. Решив, что, как и прочие обезьяны, он боится хамелеонов, я привязал его к столбу довольно длинной цепочкой. Заметив поблизости хамелеона, Джордж добрался до него, что стало возможным благодаря длине цепочки, одним ударом сбил его с ветки и принялся уплетать с видимым удовольствием. Пришлось срочно укорачивать привязь.

Самой очаровательной обезьянкой в моей коллекции был красноухий гвенон величиной с небольшую кошку с нежной желто-зеленой окраской, с желтыми полосками на щеках, бахромой красновато-коричневых волос под ушами и большим сердцевидным пятном красных волос на морде. Весь он был хрупкий и изящный, худые, костлявые пальцы на лапках напоминали мне пальцы очень старых людей. Ежедневно каждая обезьяна получала свою порцию кузнечиков-любимую пищу обезьян. Когда красноухий гвенон замечал меня, он становился на ноги, издавал пронзительные, тонкие крики, напоминающие щебетание птиц, и умоляюще протягивал руки с тонкими дрожащими пальцами. Наполнив рот и обе руки кузнечиками, гвенон быстро съедал их, а затем начинал внимательно, с напряженным выражением в светло-коричневых глазах рассматривать свои лапы и землю около себя в надежде обнаружить какого-нибудь затерявшегося кузнечика. Никогда

еще я не встречал более милой обезьянки. Даже ее крики, напоминавшие мягкое щебетание птиц, и протяжное воркованье, которым она стремилась привлечь к себе внимание, резко отличались от утробного ворчания и громких, пронзительных криков дрилов или от металлических, скрипучих голосов белоносых гвенонов. Джордж разделял мои симпатии к красноухому гвенону, а тот в свою очередь был очень привязан к бабуину. Выглядывая из-за заросшего шерстью плеча Джорджа, маленький гвенон даже позволял себе корчить гримасы дрилам.

В полдень солнце беспощадно обжигает лес и лагерь, в давящей духоте и жаре не слышно даже птичьих голосов. Лишь из прохладных глубин леса доносится слабый, отдаленный звон цикад. Птицы с закрытыми глазами дремлют в своих клетках, крысы перевернулись на спинки и тоже заснули, слегка подергивая лапками во сне. На теплой земле под укрытием из пальмовых листьев вытянулись во весь рост обезьяны, они мирно спят с кротким невинным выражением на маленьких мордочках. Единственным бодрствующим в такие часы обычно бывал тот же красноухий гвенон; он пристраивался к отдыхавшему бабуину, энергично чистил ему мех. время от времени подбадривая себя тонкими мягкими выкриками, и проделывал свою работу с таким же самозабвением, с каким сидит иногда за вязанием пожилая одинокая женщина. Длинными пальцами гвенон разглаживал и расправлял мех бабуина. При этом гвенон не искал блох, которые вообще редко встречаются у обезьян. Конечно, если во время поисков и попадется блоха, она будет немедленно съедена, но основной целью поисков являются кристаллики соли, появляющиеся в шерсти обезьяны после того, как у нее испаряется пот. Эти кристаллики соли считаются у обезьян первосортным лакомством. Ищущий вознаграждается вкусным лакомством, а тот, у кого ищут соль, испытывает приятное сладостное ощущение, когда мягкие ласковые пальцы расчесывают и приглаживают его мех. Иногда стороны меняются ролями, тогда гвенон лежит на земле с

закрытыми в блаженном экстазе глазами, а Джордж обшаривает его мягкий пушистый мех большими черными неуклюжими пальцами. Временами Джордж увлекается и забывает, что имеет дело не с обезьяной своей комплекции, тогда движения его сильных рук причиняют боль маленькому гвенону. Раздается жалобный тонкий крик, и в ответ слышится глухое, но виноватое бурчание Джорджа.

На ночь обезьян отвязывали от шестов, поили молоком с рыбьим жиром и привязывали в маленькой, специально построенной для обезьян хижине рядом с моей палаткой. Я знал, что чем ближе ко мне находятся ночью обезьяны, тем они в большей безопасности; если бы леопард захотел ночью полакомиться обезьяной, он легко добрался бы до места их дневного пребывания. Каждый вечер обезьян приводили к хижине, поили и вводили в помещение, не обращая внимания на негодующие крики и протесты животных, которые еще не хотели спать. Джордж всегда приходил последним, а пока в хижине привязывали остальных обезьян, он лихорадочно осматривал все кастрюли, надеясь в какой-нибудь из них найти недопитое молоко. Затем, несмотря на бурные протесты, его также втаскивали в хижину. В один из вечеров Джордж взбунтовался. После того как все улеглись, я поужинал и отправился в деревню на танцы. Джордж, вероятно, заметил меня сквозь одну из трещин в стене хижины и решил, что если я могу провести вечер вне стен лагеря, то он тоже имеет на это право. Осторожно развязав узел, он освободился от привязи и сквозь сплетенную из листьев стену хижины вылез наружу. Пробежав по лагерю, Джордж вышел на тропу, в этот момент его увидел сторож.

Сторож закричал, схватил банан и помчался к Джорджу, пытаясь приманить его обратно в лагерь бананом. Джордж остановился и внимательно посмотрел на бежавшего сторожа. Подпустив его поближе, он неожиданно бросился к нему навстречу, укусил его в ногу, повернулся и быстро пошел по тропе по направлению к деревне. Бедный сторож в это время громко кричал, стоя на одной ноге. Достигнув деревни,

Джордж удивился, увидев, как много людей собралось вокруг фонаря. К моменту его прихода заиграла музыка и начался излюбленный в Эшоби танец, характеризующийся быстрыми раскачивающимися движениями туловища. Несколько минут Джордж внимательно следил за представлением и решил очевидно, что эта интересная игра затеяна специально в честь его прихода. С громким радостным криком метнулся он в круг танцующих, несколько человек споткнулись о болтавшуюся за ним цепочку. Джордж начал весело прыгать в середине круга, то и дело толкая кого-либо из окружающих. Затем он задел и опрокинул фонарь, который быстро угас. Ошеломленный внезапно наступившей темнотой и суматохой, вызванной его появлением, Джордж бросился к ближайшему танцору и прижался к его ногам.

Фонарь бы снова зажжен, Джордж, получив заслуженное наказание, сел ко мне на колени, где он вел себя вполне прилично. Когда я отворачивался, он украдкой пил из моего стакана, а в остальное время внимательно и серьезно разглядывал танцующих: Танцоры, искоса поглядывая на Джорджа, снова образовали круг. Вскоре я попросил маленький барабан и, спустив Джорджа на землю, поставил перед ним этот инструмент. Джордж внимательно следил за оркестром и теперь знал, что от него требуется. Присев на корточки, он оскалил клыки в восторженной гримасе и начал изо всех сил колотить в барабан. К сожалению, его понятие о ритме отличалось от такового у остальных барабанщиков, и вызванный им беспорядочный грохот снова привел в замешательство ряды танцующих. Вернув барабан законному владельцу, я отправился в Джорджем обратно в лагерь.

Во второй раз Джордж присутствовал на празднестве в деревне по специальному приглашению. За два дня до того, как я должен был покинуть Эшоби и присоединиться к Джону в Бакебе, меня посетил вождь и сообщил, что в честь моего отъезда жители деревни устраивают прощальный вечер с танцами. Меня просят принять участие в торжестве. Кроме того, если я не против, жители хотят увидеть на вечере и

играющую на барабане обезьяну. Вождь объяснил мне, что один из его друзей, житель другой деревни, мечтает увидеть праздник с участием музыкальной обезьяны. Я дал за нас двоих обещание прийти на торжество. За полчаса до начала праздника я отправил в деревню два больших фонаря. Мое появление в деревне рядом с торжественно выступавшим Джорджем, которого я на всякий случай придерживал на коротком поводке, было встречено аплодисментами и приветственными возгласами. Я увидел многочисленную толпу жителей деревни всех возрастов, одетых в свои лучшие костюмы; среди прочих здесь находился и мальчуган в привлекательном костюмчике из двух тряпок от старого мешка, на одной из которых большими голубыми буквами выписано было название фирмы; вождь и члены совета надели свои самые яркие праздничные наряды. Элиаса, который был назначен распорядителем праздника, я узнал не сразу: на нем были огромные парусиновые туфли, коричневые, заколотые булавками брюки и яркая зеленая рубашка. На конце длинной цепочки для часов висел большой свисток, который Элиас частенько пускал в ход для наведения порядка. Оркестр состоял из трех барабанов, двух флейт и бубна.

После того как мой стол и стул были установлены на обычном своем месте и я обменялся рукопожатиями и словами приветствия с вождем и членами совета, Элиас вышел на середину улицы и пронзительно засвистел, требуя полной тишины. Обратившись к присутствующим, он напомнил им, по какому торжественному случаю организовано сегодняшнее празднество, и призвал их отметить мой отъезд хорошей пляской.

Речь его вызвала взрыв энтузиазма; немедленно начал образовываться круг. Элиас находился в центре круга; по его сигналу оркестр приступил к своей работе. Прыгая внутри круга танцующих и вихляя всем телом, Элиас непрерывно выкрикивал команды и указания: «Вперед… встречайтесь и кружитесь… поворачивайте вправо… приседайте… все

вперед – снова приседайте… вперед…» и так далее. Танцоры прыгали и кружились по его команде, руки, ноги, туловища, глаза – все находилось в беспрерывном движении, тени танцующих, отбрасываемые неровным светом фонарей, скользили и переплетались по земле, создавая странное фантастическое впечатление. Барабаны грохотали и отбивали сложный ритм, флейты тонкими голосами объединяли эти удары в общую мелодию. Темп танца неуклонно нарастал, лица танцующих блестели при свете фонарей, зубы сверкали, тела корчились и извивались, ноги равномерно стучали по земле. Зрители аплодировали, раскачивались в такт аккомпанементу и одобрительными возгласами встречали каждую попытку молодых танцоров исполнить особенно замысловатый пируэт. Наконец в состоянии полного изнеможения музыканты закончили игру, и танец прекратился. Все расселись, и послышался гул многочисленных разговоров.

После трех или четырех танцев Элиас подвел ко мне неприятного юнца по имени Сэмюель. Это был воспитанник школы миссионеров, говоривший по-английски в противно напыщенном стиле, вызывавшем у меня отвращение. Он был единственным жителем поселка, удовлетворительно знавшим английский язык, и ему предназначалась сейчас роль переводчика, ибо, как объяснил мне Элиас, один из членов совета собирался произнести речь. Оратор, находившийся на противоположной стороне улицы, встал, плотнее запахнул свою нарядную бледно-розовую накидку и заговорил громко и быстро на языке баньянги. Сэмюель стоял рядом с ним и внимательно слушал. По окончании каждой фразы он опрометью перебегал улицу, передавал мне ее содержание и возвращался обратно. В начале речи оратор терпеливо ждал возвращения переводчика, но постепенно, увлеченный собственным красноречием, он перестал делать паузы, и бедный Сэмюель лихорадочно метался от него ко мне и обратно. Ночь была теплая, Сэмюель, очевидно, не привык к таким упражнениям: его белая рубашка вскоре посерела от

пота. Речь в переводе Сэмюеля звучала примерно так:

– Жители Эшоби! Все вы знаете, зачем мы сегодня собрались… попрощаться с джентльменом, который так долго был вместе с нами. Никогда еще в истории Эшоби не встречали мы такого человека… деньги текли из его рук так же легко, как воды в руслах ручьев и рек. (Дело происходило в сухой период, большинство ручьев пересохло и обмелело, так что я не был уверен, следовало ли мне радоваться приведенному сравнению). Те, у кого были силы, ловили в лесу животных, за которых они получили хорошие деньги. Женщины и дети приносили кузнечиков и муравьев, получая за них деньги и соль. Мы, старейшины деревни, хотели бы, чтобы господин навсегда поселился у нас, мы дали бы ему землю и построили хороший дом. Но господин должен вернуться в свою страну с животными, которых мы, жители Эшоби, поймали для него. Мы надеемся, что господин расскажет жителям своей страны, как жители Эшоби помогали ему. Если господину снова нужны будут животные, он вернется в Эшоби и останется с нами надолго.

Эта речь была встречена продолжительной овацией. Я поблагодарил всех за любезность и доброту, обещал вернуться при первой же возможности и сказал, что об Эшоби и его жителях я сохраню самые приятные воспоминания. Это мое утверждение, кстати, было вполне искренним. Свой ответ я произнес на ломаном, максимально упрощенном английском языке и извинился перед слушателями за то, что не в состоянии пока беседовать с ними на родном их языке. Моя речь также была шумно одобрена присутствовавшими, к этому одобрению присоединились и громкие крики Джорджа. Затем снова заиграл оркестр, Джорджу дали барабан, и он начал колотить по нему с большим усердием, к великому изумлению и восторгу присутствовавших на празднике гостей. Было уже очень поздно, когда мы с Джорджем, бесцеремонно зевавшим всю дорогу, вернулись в лагерь. Танцы в деревне продолжались до рассвета.

Вся ночь накануне отъезда ушла на сборы багажа,

упаковку животных, подготовку клеток к движению. К пяти часам утра все жители деревни собрались в лагере. Половина из них нанялась ко мне в носильщики, другая половина просто пришла проводить нас. Повара я отправил вперед в Мамфе, чтобы он приготовил там завтрак. В Мамфе нас должен был ожидать грузовик. Постепенно лагерь пустел, наиболее ценных животных я старался поручить самым надежным носильщикам. Женщин, которые несли маты из пальмовых листьев, охотничье снаряжение, кухонную утварь и прочие мелочи, я отправил вперед. За ними тронулись в путь носильщики с животными. Я распределил между пришедшими попрощаться со мной охотниками различные пустые банки и бутылки, имевшие в их глазах большую ценность. Затем, сопровождаемый плотной толпой провожающих, обмениваясь многочисленными рукопожатиями, я вышел к берегу небольшого ручья позади деревни, откуда начиналась лесная тропа.

Новые рукопожатия, сверкающие белые зубы, прощальные возгласы, пожелания новых и скорых встреч. Я перешел ручей и начал догонять носильщиков, голоса которых слышны были уже далеко в чаще леса.

К рассвету длинная цепочка носильщиков вышла из леса к большому, покрытому травой полю. Небо было бледно-голубое, лучи восходящего солнца освещали уже верхушки деревьев. Впереди нас над полем и тропинкой, по которой мы шли, пролетели три птицы-носорога, издавая громкие грустные крики. Элиас обернулся ко мне, по лицу его градом катился пот, на голове у него была большая клетка с летучими мышами.

– Птицы очень сожалеют, сэр, что вы покидаете Эшоби, – сказал он, дружески улыбаясь, мне.

Я тоже очень сожалел, что покидал Эшоби.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ. БАКЕБЕ И ДАЛЕЕ

ГЛАВА VIII. Змеи и нектарницы

В Бакебе я увидел, что Джон поселился в большой хижине, служившей ранее в качестве склада департамента общественных работ. Это было трехстенное сооружение, светлое и просторное, расположенное над деревней на вершине холма. Отсюда открывался величественный вид на бесконечный колышущийся лесной массив, тянущийся далеко за пределы Камеруна. Всевозможные и разнообразные оттенки зеленого цвета создавали своеобразную пеструю мозаику. Кое-где, подобно большим кострам, сверкали густо усыпанные ярко-красными лепестками находящиеся в цвету большие деревья. Невозможно даже приблизительно перечислить все разнообразие растительности в лесу: здесь были тонкие, покрытые бледно-зелеными листьями деревья; рядом росли плотные, похожие на дубы деревья с темно-оливковыми листьями; тут же можно было увидеть стройные красивые деревья, бледно-серебристые стволы которых вытянулись на несколько сот футов и на тонких ветках которых на огромной высоте широко раскинулась густая шапка мерцающих желто-зеленых листьев. К ветвям и коре этих деревьев прилепились темно-зеленые пучки орхидных растений и папоротников. Многочисленные холмы, до самой вершины покрытые плотной растительностью, придают лесной поверхности необычный и странный вид: одни из этих холмов имеют форму равнобедренного треугольника, другие похожи на прямоугольный кирпич, третьи напоминают своей зубчато-чешуйчатой поверхностью спину старого крокодила. Ранним утром, когда мы смотрели на лес с вершины нашего холма, он был покрыт плотной пеленой белого тумана; с восходом солнца туман медленно рассеивался, поднимаясь к голубому небу вьющимися струйками и кольцами. Первые лучи солнца, освещая очистившиеся от тумана верхушки деревьев, создавали

полную картину лесного пожара. Вскоре туман оставался лишь у подножий холмов, которые походили в эти минуты на зеленые островки в молочном море.

В Бакебе, как я вскоре определил, было очень много пресмыкающихся. На расстоянии полумили протекала широкая полноводная река, и частенько ребятишки притаскивали нам висящих в сплетенных из травы петлях детенышей крокодила. По прибытии в Бакебе мы устроили специальный пруд для крокодилов, но очень скоро оказалось, что пруд этот необходимо расширить. Каждую неделю я пересчитывал обитателей пруда, так как без таких подсчетов я рисковал возможностью по нескольку раз покупать одних и тех же пресмыкающихся. Эти подсчеты проходили в бурной обстановке и, как правило, заканчивались перевязками поврежденных пальцев. Удивительно, что даже малюсенький шестидюймовый крокодил при желании может очень больно кусаться. Слуги относились к еженедельным проверкам без всякого энтузиазма, считая их чрезвычайно опасными, и при первой же возможности старались от них уклониться.

Однажды слуги хуже обычного исполняли свои обязанности, и скорее в виде наказания, чем по необходимости, я послал их пересчитывать крокодилов. Вскоре я услышал громкий крик, за которым последовали удар и всплеск. Около пруда я застал полный хаос. Даниель, подойдя к одной из решеток у пруда, поскользнулся и упал: не рассчитанная на такую нагрузку, решетка опрокинулась, потянув за собой другие по всей этой стороне ограждения. В довершение всего Даниель с шумом свалился в пруд. Около сорока маленьких крокодилов с. перепугу выскочили на берег и устремились в открывшийся проход. Вся площадка заполнилась крокодилами, быстро и проворно разбегавшимися в разные стороны с угрожающе разинутыми мордами. Я позвал на помощь, и со всех сторон ко мне бросились слуги, работавшие на кухне, в отделении птиц и в других местах. В моменты кризисов, подобные описываемому, все наши помощники независимо от их

участка работы обязаны были являться на зов. В арьергарде, лишний раз подтверждая укоренившуюся за англичанами репутацию хладнокровных и невозмутимых людей, обычной своей неторопливой походкой шествовал Джон. Ко времени его появления на площадке большинство пресмыкающихся уже укрылось в кустарнике. Увидев только одного или двух крокодилов, он, естественно, поинтересовался, чем вызван весь шум и крик.

– Я думал, что у тебя разбежались все крокодилы, – огорченно сказал он, – только поэтому я и пришел сюда.

Словно в ответ из травы выползли пять крокодилов и закружились вокруг Джона. С минуту Джон задумчиво смотрел на них, не обращая внимания на тревожные крики слуг, затем нагнулся, поднял одного крокодила за хвост и протянул его мне.

– Вот один из них, старина, – сказал он спокойно.

– Не держи его так. Джон, сейчас он повернется…

Но я не успел закончить фразу. Маленькое пресмыкающееся изогнулось и вцепилось челюстями в пальцы Джона. К чести Джона следует сказать, что он не проронил ни звука: стряхнув крокодила на землю, он покинул площадку.

– Полагаю, что я тебе больше не нужен, – проговорил он на прощание, облизывая пальцы. – Я ведь занимаюсь только птицами.

Он вернулся в хижину и навернул себе на палец огромную повязку. Все остальные провели жаркий мучительный час, загоняя крокодилов обратно в пруд и восстанавливая вокруг него решетки.

Этот случай послужил началом целого ряда неприятных эпизодов в жизни Джона, связанных с пресмыкающимися. Он упорно доказывал, что все эти неприятности вызваны моим приездом в Бакебе; до этого Джон вел счастливую, свободную от вторжения пресмыкающихся жизнь. С моим приездом на Джона обрушился мир пресмыкающихся. Джон не боялся змей, но всегда обращался с ними с должной осторожностью

и почтением. Будучи в состоянии издали оценить их красоту, он не желал слишком близкого знакомства с ними. Поэтому то обстоятельство, что пресмыкающиеся в целом, и змеи в особенности, начали проявлять к Джону повышенный интерес, доставило ему много тяжелых минут.

Однажды днем, когда я собирался совершить обход расставленных накануне силков, появился человек с плетеной рыболовной сеткой, заполненной ужами. Быстро сторговавшись с продавцом, я бросил ужей в пустую банку из-под керосина и прикрыл ее сверху доской, решив заняться ужами после возвращения из леса. Когда вечером я вернулся, оказалось, что плотник использовал доску для оборудования новой клетки, а все ужи исчезли. Решив, что они уползли в лес, я ограничился небольшим внушением плотнику, порекомендовав ему в дальнейшем быть более внимательным. Полчаса спустя, когда Джон приподнял в отделении для птиц большую тяжелую клетку, он обнаружил под ней пять жирных ужей, свернувшихся в клубок. От неожиданности Джон опустил клетку, которая больно ударила его по ноге. Началось лихорадочная погоня, в ходе которой Джону пришлось передвигать большинство клеток с птицами, под которые ужи заползали с большой ловкостью и проворством. Джон не очень радовался этому приключению, но я не мог без смеха слушать его многочисленные, хотя и не совсем связные проклятия в адрес пресмыкающихся, а заодно и в мой.

Несколько дней спустя из деревни, запыхавшись, примчался мальчик, сообщивший мне, что на одном из банановых деревьев обнаружена змея. В этот момент в лагере не оказалось ни одного свободного слуги, и я поневоле обратился за помощью к Джону. Неохотно прекратил он свою возню с птицами и спустился со мной по склону холма. Около пятидесяти жителей деревни собралось у бананового дерева позади одной из хижин. С громкими криками они показали нам змею, обвившую большую гроздь бананов возле самой верхушки дерева и мрачно разглядывавшую собравшихся сверкающими глазками. Джон поинтересовался, ядовита ли

эта змея, на что я ответил утвердительно: насколько я мог разглядеть на расстоянии, это была древесная гадюка, укус которой чреват для пострадавшего большими неприятностями. Джон отошел подальше от дерева и собравшейся вокруг него толпы и спросил, каковы мои дальнейшие намерения. Я решил, что проще всего срезать связку бананов, на которой находилась змея.

Вокруг места вероятного падения плодов мы натянули плотную частую сетку. Я попросил Джона вооружиться палкой, встать с внешней стороны сети и в случае необходимости отражать попытки змеи пробраться через нее. Затем я одолжил у одного из зрителей нож мачете и спросил, не возражает ли хозяин дерева, если я срежу гроздь недозрелых плодов. Несколько голосов из толпы ответили, что они ничего не имеют против; лишь значительно позднее выяснилось, что хозяин дерева категорически возражал, и мне пришлось умиротворить его несколькими шиллингами. Я подошел к дереву, небрежно помахивая мачете. Толпа все увеличивалась, зрители с нетерпением хотели ознакомиться со способами ловли змей, применяемыми белыми. Для начала всем очень понравилось, что я не достаю до нужной ветки и поэтому не в состоянии срезать гроздь.

– Я срублю все дерево, – обратился я к Джону.

– Хорошо, только сначала разгони эту толпу. Если проклятая гадюка будет иметь большой выбор, она наверняка кого-нибудь укусит.

– Не беспокойся, в случае необходимости камерунцы легко убегут от змеи.

Я с размаху ударил по стволу дерева. На взгляд он казался твердым, но в действительности был мягким, сочным, волокнистым и легко поддался удару ножа. После второго же удара, к большому моему изумлению, дерево накренилось и упало на землю. К несчастью случилось так, что упало оно прямо на то место, где находился Джон. С неожиданным для меня проворством Джон отпрыгнул в сторону и уклонился от прямого соприкосновения со стволом. Гроздь банановых

плодов при падении сорвалась с дерева и, упав на землю, подкатилась к ногам Джона. Гадюка сердито зашипела. Как я и предсказывал, толпа мгновенно разбежалась, и Джон остался наедине с рассвирепевшей змеей. Их разделял только кусок непрочной сети. Оказалось, что я неверно определил размеры змеи: она легко проползла через ячейку сети, скользнула под ногами остолбеневшего Джона и скрылась в кустах. Искать ее в густых зарослях не было смысла, поэтому я стал освобождать сеть из-под рухнувшего дерева. Джон мрачно следил за мной.

– Я убедился, что меня совершенно не привлекает охота на змей, – заговорил он наконец, – в дальнейшем прошу не рассчитывать больше на мою помощь.

– Но ты им как будто нравишься, – возразил я. – Они просто очарованы тобой. Если к твоим ногам прикрепить сети, мы поймаем множество змей, которые будут стремиться к тебе. Ты должен гордиться, не всякий обладает таким магическим влиянием на пресмыкающихся.

– Благодарю, – сухо ответил Джон. – Твое предложение меня не устраивает – сети в ногах будут сковывать мои движения. Я вполне удовлетворен работой с птицами и не намерен расширять репертуар за счет пресмыкающихся.

Повернувшись, он пошел к нашему дому, предоставив мне возможность вести разговор с подошедшим хозяином срубленного дерева.

Последний случай произошел три дня спустя. Какой-то разговорчивый охотник принес небольшую корзинку, в которой свернулась толстая красивая гадюка габун. Кожа этой слегка приплюснутой змеи покрыта причудливыми красочными узорами. Купив змею, я показал ее Джону. Пресмыкающееся недавно сменило кожу, которая переливалась и сверкала сейчас своеобразным сочетанием розового, красного, светло-коричневого, серебристого и шоколадного цветов. Джон выразил свое восхищение, но умолял меня надежно запереть змею.

– Она очень ядовита, старина?

– Да, укус ее смертелен.

– Ради бога, спрячь ее в хорошую клетку. Вспомни ужей, не нужно, чтобы повторилась эта история.

– Не беспокойся, у меня для таких змей построена специальная клетка.

И неподвижная гадюка была торжественно водворена в специальную клетку. Все было бы хорошо, если бы не разразилась гроза. Когда началась гроза, я принимал ванну; вспомнив, что клетки со змеями находятся под открытым небом, я приказал слугам немедленно внести их под навес. От влаги дерево коробится, а змее, для того чтобы выбраться из клетки, достаточна самая маленькая трещина. Клетки со змеями внесли в помещение и поставили рядом с клетками обезьян. Успокоившись, я решил закончить ванну.

Джон сидел в пижаме за столом и сосредоточенно вырезал из старых консервных банок маленькие лоханки, из которых он собирался поить птиц. Я заканчивал в комнате свой туалет, когда какое-то движение под креслом Джона привлекло мое внимание. Накинув на себя халат, я подошел ближе и увидел на полу в шести дюймах от обутых в комнатные туфли ног Джона габуна. Судя по прочитанным книгам и рассказам бывалых людей, я полагал, что в подобные минуты с жертвами несчастных случаев следует разговаривать исключительно хладнокровно, избегая паники и резких движений. Поэтому слегка откашлявшись, я мягко, почти нежно произнес:

– Сиди спокойно, старина, у тебя под ногами гадюка габун.

Оказалось, что мне не следовало сразу упоминать гадюку. Мои слова вызвали у Джона мгновенную и сильную реакцию. Он вскочил со стула с огромной быстротой, консервная банка, молоток и ножницы полетели в разные углы комнаты, стол был немедленно опрокинут. Гадюка, удивленная внезапно возникшим переполохом, выползла из-под стула и направилась к клеткам обезьян. Я кинулся за ней, и после нескольких томительно напряженных минут мне

удалось накрыть ее сачком для ловли бабочек. Гадюка была немедленно водворена в прежнее помещение. Скоро я обнаружил и виновника происшествия. Клетки змей поместили слишком близко к обезьянам, и одна самка дрила, развлекаясь, просунула руку через решетку и открыла все клетки со змеями, до которых она могла дотянуться. Ближайшей, к сожалению, оказалась клетка гадюки. Джон произнес по моему адресу несколько выразительных и вполне справедливых слов. Я согласился, что, если бы гадюка его укусила, он распростился бы с жизнью; в Камеруне, насколько мне известно, не знают сыворотки от укуса ядовитых змей, ближайший врач находился на расстоянии двадцати пяти миль, и у нас не было никакого транспорта.

– Почему бы тебе снова не поехать куда-нибудь? – жалобным тоном допытывался Джон. – Уже три недели, как ты приехал в Бакебе из Эшоби, пора снова отправляться в лес за животными.

– Да, – задумчиво поддержал я, – с каким бы удовольствием я снова отправился в лес, если бы ты согласился взять на себя заботу об оставляемых здесь животных.

– Куда ты хочешь идти?

– На гору Нда-Али.

– Прекрасная идея, – оживился Джон, – ты можешь даже расшибиться на одной из скал, если тебе очень посчастливится.

Нда-Али была самой высокой горой в окрестностях Бакебе. Она нависала над деревней и над нашим маленьким холмом. Почти с любого места видны были ее окутанные туманами и облаками очертания, на крутых и мрачных гранитных скалах не было даже следов какой-либо растительности. Ежедневно я по нескольку раз с волнением рассматривал вершину горы, и каждый раз Нда-Али представлялась мне в ином виде. Ранним утром она казалась огромным, притаившимся в тумане чудовищем; в полдень она сияла зелеными и желтыми красками леса, скалы ее блестели

и сверкали в солнечных лучах; к ночи она выглядела пурпурной и неопределенно бесформенной, исчезая во мгле с заходом солнца. Иногда она пряталась от нас, закрываясь белыми тучами и пропадая порой на два-три дня. Рассматривая острые скалы, охраняющие лесные дебри на приподнятой вершине горы, я все больше проникался желанием добраться до этих лесов и познакомиться с таившимися в них загадками. Учтя стремление Джона как можно быстрее избавиться от меня, я приступил к расспросам среди местных жителей. Я узнал, что гора Нда-Али входит в сферу влияний жителей соседнего поселка Финешанг и, конечно, что в горах обитают злые духи ю-ю. Ни одна мало-мальски уважающая себя гора не могла бы обойтись без злых духов. Дальше мне удалось узнать, что злые духи разрешили жителям Финешанга охотиться и ловить рыбу только на нижних склонах горы и лишь один человек имел право доступа к ее вершине. Этот человек был и единственным жителем поселка, знавшим, какими тропами можно добираться до вершины горы. Я послал этому фавориту злых духов послание, в котором выразил свое уважение и высказал пожелание вместе с ним на один день подняться на вершину Нда-Али. После этой первой прогулки я намеревался, передав этому охотнику командование над группой охотников, птицеловов и слуг, разбить лагерь на заросшей лесами вершине Нда-Али. С плохо скрываемым нетерпением ожидал я ответа на мое послание, взоры мои с тоской обращались в сторону таинственной горы.

Коллекция птиц, собранная Джоном, достигла к тому времени больших размеров и отнимала все его время. Помимо приготовления пищи (крутых яиц, мелко нарубленного вареного мяса, сушеных фруктов и т. д.), Джон по нескольку раз в день обходил все клетки, имея при себе банки, наполненные кузнечиками и личинками ос. С помощью специальных щипчиков он собственными руками кормил каждую птичку; при таком методе кормления он всегда был уверен, что каждый из его пернатых пленников хорошо

питается и находится в удовлетворительном состоянии. Терпение и усердие Джона приводили меня в восхищение; под его ласковыми заботами птицы чувствовали себя превосходно и весело щебетали в своих легких деревянных клетках. Больше всего Джон огорчался, когда ему приносили изувеченных и умирающих птиц. Он показывал мне красивых, с ярким оперением пташек и говорил сердито:

– Смотри, дружище, какая прекрасная вещь стала теперь совершенно бесполезной только потому, что эти дурни не умеют как следует с ними обращаться. Крыло у птицы переломано, она теперь уже никуда не годится. Мне просто плакать хочется, честное слово.

После этого с охотником у Джона происходил примерно следующий разговор:

– Это плохая птица, – говорил Джон, – она ранена и скоро умрет.

– Нет, сэр, – отвечал охотник, – она не ранена, сэр. – У нее переломано крыло, ты слишком крепко связал ее.

– Нет, она не умрет, сэр. Это хорошая птица, сэр.

– Что делать с этими олухами? – поворачивался ко мне Джон. – Они всегда уверяют меня, что птица не умрет, даже если у нее переломаны все кости.

– Да, они делают все возможное, чтобы переубедить тебя.

– Но это мне так надоело! Я заплатил бы за эту птицу пять шиллингов, если бы она была в хорошем состоянии.

Однажды охотник принес гвинейскую цесарку величиной с крупного цыпленка с серо-голубым, усыпанным белыми пятнами оперением; голова ее была украшена гребнем пушистых перьев. Она находилась в тяжелом состоянии, и беглый осмотр убедил Джона в том, что птица доживает последние минуты своей жизни.

– Я ее не куплю, – сказал Джон, – она сейчас умрет.

– Нет, сэр, она не умрет. Это сильная птица. Я покажу сэру, – и он посадил птицу на землю. В тот самый момент, когда охотник вторично принялся доказывать, что птица не

умрет, она перевернулась, сделала несколько конвульсивных движений и издохла. Неудачливый охотник начал быстро спускаться по склону холма, сопровождаемый смехом и оскорбительными выкриками слуг.

Незадолго до этого случая Джону принесли другую гвинейскую цесарку вместе с шестью яичками, которые она высиживала в момент поимки. Нам удалось приобрести в поселке наседку, которую мы и посадили в найденное гнездо. Вскоре на свет вылупились восхитительные желтовато-серые птенцы, которые начали бегать вокруг своей приемной матери, как настоящие цыплята. К несчастью, наседка оказалась большой, сильной и тяжелой птицей и постоянно наступала на своих питомцев. Она явно гордилась своими приемышами, но давила их с полнейшим равнодушием и невозмутимым выражением на лице. В отчаянии Джон кинулся на поиски другой, менее массивной и более легкой в движениях мачехи, но безрезультатно. Большая неуклюжая наседка медленно, но верно передавила одного за другим всех хрупких, маленьких птенцов. Спустя некоторое время в лагерь снова принесли несколько найденных в гнезде цесарки яиц; на этот раз мы приобрели и более миниатюрную наседку. Но, вероятно, яйца слишком долго были в руках охотника, который к тому же не очень осторожно с ними обращался, во всяком случае на этот раз не вылупился ни один цыпленок. Джон очень расстроился от этих неудач. У него, правда, было шесть самок гвинейской цесарки, но он мечтал хотя бы об одном самце, чтобы впоследствии, в Англии, в превосходных птичниках с тонкими хрупкими бентамками и шелковистыми курами получить и вырастить новых гвинейских цесарок.

Тяжелые дни пришлось нам пережить, когда эпидемия микозиса прокатилась по клеткам с птицами и унесла много ценных и редких экземпляров. При этой тяжелой и заразной болезни легкие птиц быстро зарастают какой-то плесенью, которая распространяется затем и на остальные внутренние органы птицы, приводя к быстрому смертельному исходу. Признаки болезни обнаруживаются у птиц уже на поздней

стадии, когда они начинают тяжело дышать. В этот момент спасти их уже невозможно. Когда эта страшная болезнь обрушилась на. птичью колонию, Джон пытался бороться с ней всеми возможными путями. Потери, однако, не уменьшались. Погибли птицы, на получение которых были затрачены месяцы и заменить которых было уже невозможно. Джон объяснил мне. что единственным средством, которое могло оказаться эффективным в борьбе с микозисом, был йодистый калий. Вопрос заключался в том, каким образом в гуще лесов Камеруна достать этот препарат. В Мамфе находилась небольшая больница. Посетив ее, я узнал, что йодистого калия там нет. Шансы на возможность спасения остатков коллекции птиц значительно уменьшились. Зайдя за покупками в один из магазинов «Юнайтед Африка компани», я случайно наткнулся на несколько запыленных бутылок, сваленных в темном углу лавчонки. Подняв из любопытства одну из них к свету, я с удивлением прочитал на этикетке, что внутри находится раствор йодистого калия. Подозвав хозяина, я спросил, действительно ли в бутылках содержится йодистый калий?

– Проклятое снадобье, – ответил хозяин. – Мне прислали его из Калабара с последней лодкой. Я и не знаю, что с ним делать, никто его не покупает.

– Вы уже продали всю партию, – торжественно провозгласил я.

– Зачем вам нужна дюжина таких бутылок? – изумился хозяин.

Я вкратце объяснил ему суть дела.

– Но вы уверены, что вам нужны все двенадцать бутылок? Это ведь очень много.

– Без йодистого калия погибнут все наши птицы. Я не хочу, чтобы несчастье произошло из-за того, что я привез слишком мало лекарства. Поэтому я возьму весь ваш запас. Сколько вы за него просите?

Хозяин назвал цену, по которой вполне можно было продать и более дорогие вещи, но у меня не было выхода.

Бережно уложив бутылки в грузовик, я помчался к Джону в прекраснейшем настроении.

– Я достал немного йодистого калия, старина, – крикнул я с порога, – так что у тебя больше нет оснований убивать своих птиц.

– Чудесно! – обрадовался Джон и изумленно посмотрел на ящик, который я принес. – Это все йодистый калий?

– Да, это все, что мне удалось достать. Я не знал, сколько тебе нужно. Этого количества тебе достаточно?

– Достаточно? – тихо переспросил Джон. – Этого количества достаточно для пятидесяти коллекционеров примерно на двести лет.

И еще много месяцев спустя наш багаж был переполнен бутылками с йодистым калием. Мы не могли отделаться от него. Мы постоянно чувствовали его запах, бутылки опрокидывались на наши чистые рубашки, противная жидкость непонятным образом примешивалась к нашим напиткам. Но все же главное было достигнуто – эпидемия микозиса полностью прекратилась.

К этому времени я почти забыл о послании насчет восхождения на Нда-Али, отправленном таинственному охотнику в Финешанг. Поэтому я удивился, когда ко мне пришел житель Финешанга и сообщил, что охотник рад будет совершить со мной однодневную вылазку в горы в любое удобное для меня время. Я назначил день и просил передать, что рано утром буду в Финешанге. Одновременно я направил охотнику пачку папирос и бутылку пива, чтобы попытаться установить со злыми духами хорошие отношения.

– Ты собираешься идти в четверг? – переспросил Джон, выслушав мой рассказ. – Неужели ты надеешься добраться до вершины и вернуться в тот же день обратно?

Мы одновременно взглянули в сторону багровевших в лучах заходящего солнца почти отвесных скал Нда-Али.

– Думаю, что успею. Во всяком случае, я сделаю для этого все от меня зависящее.

ГЛАВА IX. Пойманный арктосебус

Наступило чудесное свежее утро назначенного для выхода в горы дня. Нда-Али был закрыт плотной стеной тумана. Над лесом переливались волны и клубы тумана, из их гущи, подобно заблудившимся в мглистом море кораблям, выплывали залесенные вершины холмов. В лучах восходящего солнца лес все больше начинал мерцать золотисто-зеленой окраской.

Я легко согласился прибыть в Финешанг к одиннадцати часам утра. Но только накануне вечером я сообразил, что от нашего дома до Финешанга десять миль и пройти это расстояние пешком по пыльной дороге не доставит мне большого удовольствия. На состоявшемся в последний момент совещании я узнал, что у почтальона, находившегося в это время в деревне, имеется хороший новый велосипед. Владелец его охотно согласился одолжить мне на один день свою машину. Рано утром к нашему дому торжественно подвели большой тяжелый велосипед. Я решил взятье собой в дорогу Даниеля, выбрав его прежде всего потому, что он был меньше всех остальных наших сотрудников и легко мог уместиться на раме. Кроме пассажира я захватил с собой две большие корзины: одну с охотничьими принадлежностями, другую с запасом пива и бутербродов на долгую и утомительную дорогу. Пока я привязывал свой багаж к велосипеду, появился Джон.

– Зачем тебе столько пива? – поинтересовался он.

– Во-первых, подъем на такие горки всегда возбуждает у меня жажду; во-вторых, я уже убедился, что пиво прекрасно действует на злых духов.

Даниель приблизился и испуганно посмотрел на меня. Чувствовалось, что он не слишком доверяет моему умению обращаться с велосипедом.

– Где я должен сидеть, сэр? – спросил он.

– Здесь, на раме.

Наклонившись, я посадил его на раму велосипеда.

Даниель судорожно вцепился в руль, свернул его, и мы с шумом свалились на землю; раздался мелодичный звон пивных бутылок.

– Мне кажется, что я присутствую не при отправке в путь научной экспедиции, а при сборах пьяной компании, – серьезно сказал Джон.

Я выправил машину, Даниель снова занял свое место на этот раз без всяких приключений. Мы медленно начали спускаться вниз по тропе.

– Всего доброго, старина! – крикнул мне вдогонку Джон.

– Всего доброго! – ответил я, осторожно объезжая многочисленные рытвины.

– Вечером увидимся! – но в голосе Джона я не уловил твердой уверенности в осуществлении этого пожелания.

Спустившись с холма, я выехал на дорогу, по которой повел велосипед, все время стремившийся сбиться с прямого пути. Несмотря на все мои доводы, Даниель изо всех сил вцепился в руль велосипеда, и я с большим трудом удерживал машину от падения. Езда на велосипеде по дорогам Камеруна не доставляет никакого удовольствия: густая мелкая красноватая пыль тучами поднимается кверху, обволакивая велосипедиста; внезапно появляющиеся глубокие рытвины и ухабы держат в непрерывном напряжении и заставляют выписывать на дороге замысловатые зигзаги; примерно через каждые сто ярдов пути дорога покрыта множеством крупных острых камней, тряска по которым доводит человека до исступления. Спустя каждые полмили мы переезжали мостик, состоявший из двух толстых бревен с настеленными в большинстве случаев поперек бревен досками. В самом начале пути я по глупости попытался проехать по мосту с продольно настеленными досками. Переднее колесо попало в щель настила, застряло там, и я, Даниель и весь наш багаж вместе с велосипедом упали на землю.

Вскоре солнце поднялось над туманом, и на открытой дороге стало нестерпимо жарко. Мы не проехали еще и

половины пути, а я весь истекал потом, глаза и рот у меня были набиты пылью. Спустившись с одного из холмов, мы подъехали к очередному мостику через широкий, но мелкий ручей.

Высокие деревья отбрасывали густую тень на белоснежные песчаные берега. Я не выдержал.

– Отдохнем немного, Даниель, – проговорил я хриплым голосом. – Может быть, мы и здесь поймаем какого-нибудь зверя.

Я прекрасно знал, что в таком месте и в такое время никаких зверей мы не увидим, но я мечтал окунуться в чистые мерцающие воды ручья и смыть насевшую на меня пыль. Поставив велосипед у придорожной канавы, мы спустились к ручью, разделись и бросились в воду, которая сразу приобрела кроваво-красный цвет от принесенной нами пыли. Полчаса спустя мы еще сидели на отмели, наслаждаясь чудесной прохладой. Внезапно я увидел странную картину, которая вывела меня из дремоты. Длинная коричневая полоска, напоминающая водоросль, оторвалась от скалы неподалеку от меня и быстро поплыла против течения к группе камней. Я вскочил с места и с криком бросился за ней. С помощью Даниеля мне удалось приподнять камень, под которым пыталось скрыться это странное существо. Нагнувшись, я взял в руки оригинальную рыбу. Она была длинной, узкой, тонкой, с коричневой окраской и по-прежнему удивительно напоминала вытянутое растение. Голова ее была сильно сплющена, круглые глаза блестели и казались более выразительными, чем глаза обыкновенных рыб. Я узнал эту разновидность, так как в прошлом провел немало счастливых часов в южном Средиземноморье, занимаясь ловлей ее сородичей. Это была морская игла. Я был поражен, так как никогда не думал встретить в африканской реке пресноводную морскую иглу. Мы отгородили от ручья небольшой затон и пустили туда рыбу. Она немедленно прикрепилась к скале и начала плавно извиваться и покачиваться в воде. Я стал припоминать

основные сведения о морской игле: каковы ее привычки, чем она питается, как размножается. Эти и многие другие вопросы всплыли один за другим. С горечью я подумал, да уже и не в первый раз, что занимаясь коллекционированием различных зверей для того, чтобы обеспечить себе средства существования, не имеешь времени и возможности серьезно продумать многочисленные, возникающие на каждом шагу вопросы. В частности, история появления в маленьком пресноводном ручейке такой необычной рыбы сама по себе представляет большой интерес, но заниматься этим у меня не было времени. Я выпустил морскую иглу, и она быстро исчезла в глубине ручья. Мы вернулись к дороге и снова сели на велосипед, который я уже успел возненавидеть. Я равномерно крутил педали и чувствовал, как пыль снова оседает на мне густым покровом.

Через полчаса, когда мы спускались по длинному пологому склону холма, я увидел двигавшегося нам навстречу человека. Подъехав ближе, я разглядел у него небольшую корзинку из зеленых пальмовых листьев; в таких корзинках мне обычно приносили пойманных зверей.

– Этот человек поймал зверя, Даниель? – спросил я, затормозив велосипед.

– Кажется, да, сэр.

Мужчина медленно шагал по пыльной дороге. Приблизившись, он снял головной убор и улыбнулся; я узнал одного из жителей Эшоби.

– Добрый день! – крикнул я. – Ты идешь ко мне?

– Добрый день, сэр! – ответил он, показывая мне свою зеленую корзинку. – Я принес вам зверя.

– Надеюсь, что это хороший зверь, в противном случае ты напрасно проделал такой длинный путь.

Я взял у него корзинку.

Даниель и охотник обменялись рукопожатиями и быстро заговорили на своем родном языке.

Я приоткрыл корзинку и заглянул внутрь, надеясь увидеть там мешетчатую крысу, или белку, или

какого-нибудь другого обыкновенного, ничем не примечательного зверька. Но на дне корзинки, глядя на меня большими золотистыми глазами, сидел ангвантибо – тот самый ангвантибо, на поиски которого я мобилизовал в свое время всех охотников Эшоби.

В жизни, к сожалению, очень редко встречаются минуты полного совершенного счастья. Именно такие редкие минуты я пережил при виде пойманного ангвантибо. Даниель и охотник решили, очевидно, что я сошел с ума: прямо на дороге я проделал несколько диких прыжков, громкими криками распугал находившихся поблизости птиц, хлопал по плечу охотника, Даниеля, если бы сумел, похлопал бы по плечу и себя. После многих месяцев тщетных поисков я наконец имел в руках настоящего живого ангвантибо. Сознание этого, как хмель, ударило мне в голову.

– Когда ты его поймал? – спросил я после того, как возбуждение мое немного улеглось.

– Вчера днем, сэр.

Из этого следовало, что драгоценный зверек уже почти сутки находился без пищи и воды. Нужно было срочно доставить его в Бакебе, поместить в хорошей клетке, накормить и напоить.

– Даниель, я быстро поеду в Бакебе, чтобы накормить зверя, а ты пойдешь вместе с охотником пешком.

– Хорошо, сэр.

Оставив Даниеля с обеими корзинами, я повернул велосипед, подвесил себе на грудь корзинку с ангвантибо и поехал обратно в Бакебе. Я несся вперед, не замечая пыли, мостов, рытвин. Мной владела единственная мысль – быстрее поместить драгоценного зверька в подходящей клетке, обеспечить его надлежащим уходом и пищей. Добравшись наконец до Бакебе, я оставил велосипед в деревне и побежал вверх по холму к нашему дому. На полпути мне вдруг пришла в голову страшная мысль: не ошибся ли я, решив, что в корзинке находится ангвантибо? Быть может, это просто детеныш западноафриканского лемура, который очень похож

на ангвантибо? Затаив дыхание, я приоткрыл корзинку и снова взглянул на зверька. Быстро установив характерные особенности ангвантибо, я успокоился. Количество и очертания пальцев на лапах, размер ушей, отсутствие хвоста – все признаки подтверждали, что передо мной был настоящий ангвантибо. Облегченно вздохнув, я продолжил путь.

Вскоре я увидел Джона, медленно прохаживавшегося вдоль клеток и следившего за кормлением птиц. Широко размахивая шляпой над головой, радостный и возбужденный, я издали начал выкрикивать отчет о случившемся:

– Джон, я достал ангвантибо… живого и здорового… ангвантибо… ты слышишь?

Все слуги бросились мне навстречу, чтобы увидеть зверя, о котором я столько рассказывал и за поимку которого установил огромную цену. Они улыбались и переговаривались, разделяя мой восторг и возбуждение. Джон, напротив, не проявил ни малейшего интереса к радостному событию. Взглянув на меня через плечо, он проронил небрежно:

– Это хорошо, старина, – и продолжал кормить своих птиц.

Ни одно животное не вносило своим появлением в лагере и половины той суматохи, которую вызвало появление ангвантибо. Семья мешетчатых крыс, мирно дремавшая в клетке, была без всяких церемоний изгнана в другое помещение. Клетка после тщательной чистки была приспособлена в качестве временного жилья для ангвантибо. Плотнику было дано задание в кратчайший срок построить самую лучшую клетку, какую только он в состоянии сделать. Слуги были разосланы в разные стороны в поисках яиц, поу-поу, бананов, мертвых птиц. Когда бывшая клетка крыс была оборудована многочисленными жердочками и перекладинами и на покрытом чистыми опилками полу были расставлены миски с водой и пищей, наступил торжественный момент. Окруженный толпой слуг, каждый из которых едва осмеливался дышать, боясь встревожить

дорогого пленника и навлечь на себя мой гнев, я осторожно вытряхнул ангвантибо из корзинки в отведенное ему помещение. Зверек несколько секунд осматривался, затем подошел к одной из мисок, засунул в рот кусок банана, быстро забрался на одну из перекладин и, притаившись, принялся поспешно уплетать его. Я был приятно удивлен, так как опасался, что перемена обстановки отрицательно скажется на аппетите животного. Видя его сидящим на перекладине и мирно жующим банан, я вдруг почувствовал такую гордость, как будто поймал его в лесу собственными руками.

– Джон, – позвал я хриплым шепотом, – пойди, посмотри на него.

– Очень милый маленький зверек, – отозвался Джон.

Это была в устах Джона величайшая похвала по адресу живых существ, не принадлежащих к миру пернатых. Но ангвантибо действительно был милым маленьким зверьком. Он немного походил своим плотным золотисто-коричневым мехом, сутулой спиной и яркими бусинками глаз на игрушечного плюшевого медвежонка. Величиной он был с месячного котенка, по сравнению с толстым, покрытым густым мехом туловищем ноги его казались длинными и тонкими. Руки и ноги его имели большое сходство с человеческими, только первые два пальца на руках были значительно укорочены. Это позволяло зверьку легко цепляться за жерди и перекладины: схватившись руками за толстую жердь или ветку, он висел на ней, как приклеенный..

Больше получаса провел я в почтительном молчании возле клетки. За это время ангвантибо съел полтора банана, примостился на сравнительно пологой перекладине, крепко обхватил ее руками и ногами, положил голову между руками и задремал. Осторожно накрыл я клетку куском ткани, чтобы солнечные лучи не беспокоили спящего, и на цыпочках отошел в сторону.

Через каждые полчаса я подкрадывался к клетке, чтобы убедиться, что зверек не упал с жерди и не унесен злыми

духами. В ближайшие два дня я по утрам вскакивал и бежал к клетке, не успевая даже выпить традиционную чашку чаю, к великому изумлению слуг. Даже Джон заразился моим волнением: высунувшись из-под противомоскитной сетки, он с беспокойством следил, как я снимал накидку с передней стенки клетки и заглядывал внутрь.

– Все в порядке? – спрашивал он. – Как зверек кушал?

– Хорошо, он съел полбанана и дохлую птицу.

Суматоха, вызванная появлением в лагере ангвантибо, или, если называть его точно, Arctocebus calabarensis, объяснялась несколькими причинами. Прежде всего, животное это встречается чрезвычайно редко; оно водится только в лесах Камеруна, причем в очень небольшом количестве. Во-вторых, им очень интересовался Лондонский зоопарк, от которого мы получили заказ на поимку этого вида животных.

Хотя ангвантибо и известен ученым с 1859 года, в Британском музее не больше дюжины чучел и шкур этих животных. Натуралисты сходятся во мнении, что ангвантибо встречается чрезвычайно редко и поймать их очень трудно. Ангвантибо относятся к группе лемуров – животных, близко стоящих к обезьянам. Известен лишь один случай, когда ангвантибо содержали в неволе и наблюдали за ним в искусственных условиях, но я был бы первым, кто привез живого ангвантибо в Англию. В случае успеха нашего эксперимента зоологи и анатомы впервые получили бы возможность изучать привычки и образ жизни ангвантибо. Поэтому я и не хотел допускать ни малейшего риска при уходе за пленником, так как понимал, что, потеряв его, я вряд ли мог рассчитывать найти замену.

Я должен отдать справедливость зверьку и отметить, что он не доставлял нам значительных хлопот. С первых же дней определился его вкус к бананам и дохлым птицам. Пищу он охотно запивал молоком, перед сном с удовольствием проглатывал полдюжины кузнечиков. Целыми днями он спал, плотно прижавшись к жерди и спрятав голову между

передними лапами. Вечером, перед заходом солнца, он обычно просыпался, быстро встряхивался, несколько раз зевал, показывая при этом широкий розовый язык, и начинал прогулку по клетке, очевидно, с целью нагнать аппетит. Он спускался к одному краю клетки, переходил по полу к противоположной стене, снова поднимался кверху, карабкаясь между жердями и перекладинами; возвращался на прежнее место и начинал все с самого начала. Это круговое движение длилось около часа, пока не подходило время кормления. Как только в клетке появлялась миска с едой, ангвантибо приступал к трапезе, не высказывая никаких признаков страха. Иногда он спускался на землю, низко склонял голову и выгибал спину; в эти минуты он особенно походил на крошечного медвежонка. Если миска стояла прямо под какой-нибудь подходящей перекладиной, он повисал на ней, ухватившись за нее ногами, хватал руками куски банана и засовывал их в рот, облизывая губы и слизывая с носа банановый сок. Единственными звуками, которые я слышал от него, были слабое, похоже на кошачье, мурлыканье и тихое шипение, когда я пытался дотронуться до него. С большим трудом удавалось мне снимать его с жерди, в которую он вцеплялся лапами с невероятной для своего размера силой. Приходилось обхватывать его вокруг туловища и изо всех сил тащить, в то время как он упирался и при случае старался укусить меня в руку острыми, как иголки, зубами.

Неделю спустя, убедившись, что Аркто, как мы назвали зверька, хорошо прижился в лагере, я повторил попытку познакомиться с Нда-Али. Снова мы с Даниелем двинулись в путь по пыльной ухабистой дороге, но на этот раз ничто нас не задержало, и к одиннадцати часам утра, уставшие, мокрые и взъерошенные, мы прибыли в Финешанг. Там нас уже ожидал охотник, необыкновенно мрачный. Без всяких задержек мы отправились в путь. Даниеля я оставил в деревне, решив, что слабому юноше трудно будет совершить подъем на крутую высокую гору. Не прошли мы, однако, и

половины пути, как я понял, что и мои собственные силы также могут оказаться недостаточными.

Охотник поднимался по крутому склону горы с удивительной быстротой. Я карабкался за ним, стараясь сохранить престиж белого человека, пот градом катился по моему лицу. Лишь однажды охотник немного замедлил шаг: произошло это тогда, когда зеленая мамба, пожалуй, наиболее быстрая и ядовитая из встречающихся в западной Африке змей, зеленой стрелой пересекла тропинку перед нами. Она появилась на стволе одного из деревьев, скользнула по тропинке в трех футах от охотника и исчезла в кустах. Охотник застыл на месте, лицо его покрылось смертельной бледностью. Свирепо взглянув в ту сторону, где исчезла змея он повернулся ко мне.

– Уг! – произнес он выразительно и энергично. С момента нашего выхода из деревни это было первое обращенное ко мне слово, и я счел себя обязанным на него ответить.

– Уг! – согласился я.

Дальше пошли молча. Пройдя около половины пути, мы вышли к широкому, но мелкому озерцу, в которое впадал небольшой ручей. Мой спутник разделся и начал купаться в ручье. Я последовал его примеру. Искупавшись, охотник стал жадно пить воду из ручья. Я примостился на скале и решил открыть бутылку пива, но обнаружил, что не захватил с собой штопор. Помянув недобрым словом слугу, укладывавшего мою корзину, я отбил горлышко и стал пить прямо из бутылки, надеясь, что не проглочу вместе с пивом и осколки стекла. Охотник в это время с подобающей скромностью скрылся за одной из скал. Напившись, я принялся искать лягушек среди скал на берегу ручья.

Вскоре появился мой проводник, и мы пошли дальше. Я двигался почти машинально, пот непрерывно заливал мне глаза. Эта часть путешествия совершенно выпала из моей памяти. Я очнулся, когда мы вышли из леса на маленькую залитую солнцем поляну, густо заросшую высокой травой.

Стадо мона-гвенонов, вспугнутое нами, убежало с поляны и, шурша листьями, забралось на деревья. Мы долго слышали шум от их движения и громкие крики «оинк… оинк…». На краю поляны находилась огромная скала, величиной с большой дом, венчавшая склон горы, по которому мы только что поднялись. С этой скалы передо мной раскрылась изумительная панорама.

На многие мили во всех направлениях раскинулась неровная поверхность тропического леса. Местами вырисовывались причудливые очертания холмов, покрытых деревьями, листва которых давала самые различные оттенки и сочетания зеленого цвета. Далеко внизу под нами, подобно нарисованной мелом на зеленом фоне тонкой белой полоске, виднелась дорога. Быстро охватив ее взглядом, я нашел Бакебе, холмик рядом с ним и наш крохотный домик на холме. Прямо перед нами лес уходил за французскую границу, справа, тускло мерцая в дымке полуденного зноя, похожая на неясный туманный отпечаток на голубом небосводе, примерно в восьмидесяти милях от нас вырисовывалась гора Камерун. Это было захватывающее, изумительное по красоте зрелище; впервые я по-настоящему охватил величие и беспредельность лесных массивов Африки. Сплошной пояс тропических лесов пересекал всю Африку и лишь далеко на востоке – в Кении, Танганьике, Родезии – переходил в полосу саванн. Эта мысль поразила меня; закурив, я принялся считать, сколько зверей приходится на одну квадратную милю лесов, но после нескольких минут, заполненных сложными арифметическими выкладками, мне пришлось отказаться от подобных расчетов.

Охотник лежал на скале и дремал. Я сидел рядом с ним, с помощью бинокля рассматривал различные участки леса и не мог оторваться от этого занятия. Я следил за полетом птиц-носорогов над вершинами деревьев, казавшимися на таком расстоянии головками цветной капусты. Я следил и за движением стада обезьян по лесу; самих обезьян я не видел, но колыхание листьев указывало направление их пути.

На дороге показалось красное пятнышко, походившее на экзотического красного жука. Это был двигавшийся из Мамфе в Кумбу грузовик, поднявший за собой тучи пыли. Некоторое время я следил за машиной, а затем заинтересовался чем-то другим. Позднее, когда я вернулся домой, выяснилось, что замеченный мной грузовик провалился вскоре на одном из мостов и упал в ручей с двадцатифутовой высоты. Джону пришлось уделить полдня оказанию первой помощи пострадавшим пассажирам.

Пока охотник мирно спал, я спустился со скалы и начал осматривать поляну. На противоположной стороне в лесу, футах в двадцати от опушки, я наткнулся на прогалину между стволами крупных деревьев; маленький ручеек журчал здесь между покрытыми мохом камнями. Я решил, что это наиболее подходящее место для разбивки лагеря. Пока я исследовал местность, рассматривая камни и деревья, я неожиданно вышел на другую поляну, значительно больше первой. Таким образом, облюбованное мною место для лагеря находилось между двумя полянами. Я счел такое местоположение особенно удобным, надеясь встретить на полянах интересных животных.

Когда я вернулся, охотник уже не спал. Я предложил возвращаться домой, так как основное мне уже было ясно, а времени до вечера оставалось совсем немного. В течение всего пути мой спутник не проронил ни слова. Он оказался самым молчаливым из всех встреченных мной жителей Камеруна.

Спуск был значительно легче подъема, и мы затратили на него меньше времени. Когда мы достигли последнего склона горы, поднялся ветер и полил сильнейший дождь. Листья и сухие ветки отлетали от деревьев и падали на землю, время от времени раздавался громкий треск падения больших деревьев, не выдержавших порывов сильного ветра.

В Финешанг мы пришли совершенно мокрые. Я укрылся от дождя в неуютной, с отвратительным запахом хижине охотника. Вскоре к ним присоединился и Даниель. Мы

закурили, и, так как охотник не затрагивал эту тему, я прямо спросил его, когда он поведет моих людей в горы, поможет нам разбить там лагерь и сколько он за это хочет получить денег.

– Маса даст мне двадцать фунтов за эту работу, – совершенно спокойно произнес он в ответ.

От неожиданности я расхохотался, что очень обидело моего собеседника. Он произнес длинную тираду о кознях злых духов, обитающих в горах, о том, что он единственный человек, имеющий на них некоторое влияние, об опасностях, которые грозят людям, не проявляющим должного уважения к воле злых духов, и т. д. Он уверенно заявил, что без его помощи я не сумею подняться в горы и потому вынужден буду согласиться с назначенной им ценой. К тому времени дождь прекратился, я встал и посмотрел ему в лицо.

– Слушай, мой друг, если ты поведешь меня в горы, я буду платить тебе по два шиллинга в день. Если мы поймаем в горах нужных мне животных, ты получишь от меня хороший подарок. Если ты не согласен, я пойду в горы без тебя. Я найду других охотников. Если ты согласен, скажи мне об этом.

Охотник с презрением взглянул на меня и вызывающе сказал что-то Даниелю на своем языке. Даниель с жаром стал ему возражать.

– Он согласен. Даниель?

– Нет, сэр, он не согласен.

– Хорошо, оставим этого глупца.

Я положил на порог хижины три шиллинга, раздраженно вышел из деревни, сел на велосипед и поехал домой. На этом мои переговоры с охотником из Финешанга закончились. Лишь впоследствии я понял, какого опасного врага я приобрел в его лице.

ГЛАВА X. Нда-Али

Восхождение на Нда-Али началось в предрассветный час. Когда первые солнечные лучи прорвали редеющий туман, мы находились уже у нижних склонов горы. Отсюда пошел тяжелый участок пути. Носильщики задыхались, кряхтели, и стонали, карабкаясь в гору, прыгая с грузом со скалы на скалу, переступая и обходя огромные разветвленные корни деревьев. В подобной местности я испытывал особенное чувство уважения и симпатии к моим носильщикам. Двигаясь почти налегке, с биноклем и ружьем, я тяжело дышал, чувствовал, как учащенно бьется мое сердце, через каждые полмили садился отдыхать. А цепь носильщиков продолжала безостановочно двигаться вперед; у каждого из них на голове лежал тяжелый груз, лица блестели от пота, шейные мускулы напрягались до предела, так как требовались огромные усилия, чтобы на таком подъеме сохранить равновесие ящиков и мешков. Я и Тэйлор шли впереди, выбирая наиболее удобный путь, мой спутник быстрыми взмахами своего ножа мачете делал зарубки на зеленой коре молодых деревьев. Если на нашем пути встречались опасные скалы или упавшие деревья, обвитые густой сетью лиан, мы с Тэйлором останавливались, дожидались подхода носильщиков и помогали им преодолевать трудные места. Я старался при этом обменяться несколькими словами на ломаном английском языке с каждым проходившим мимо, что очень их забавляло. Добравшись до безопасного места, носильщики с громким, разносившимся далеко по лесу свистом облегченно вздыхали.

После часа непрерывного подъема мы прошли, по моим расчетам, половину пути до места, выбранного для устройства лагеря. Дойдя до сравнительно ровного участка, я предложил-сделать небольшой привал. Носильщики с удовольствием сложили багаж на землю и, тяжело дыша, уселись в кружок. Тэйлор распределил между ними захваченные мной из дому сигареты. Полчаса спустя все

снова покрыли головы кусочками тряпок или листьев и поставили на них багаж. Начался последний бросок к вершине горы.

В половине восьмого утра мы были у нижних склонов Нда-Али, к одиннадцати часам мы дошли уже до плоской, заросшей лесом террасы, окаймлявшей гору с одной из сторон. Вскоре мы достигли знакомой мне маленькой поляны и подошли к ручью в выбранной для лагеря роще. Багаж был сложен в кучу, быстро закипела работа. Прежде всего установили мою палатку, из срубленных жердей, переплетенных травой, построили кухню, носильщики сделали себе крошечные, похожие на голубятни, хижины между высокими корнями-подпорками росших поблизости крупных деревьев.

Когда в лагере был наведен относительный порядок, Тэйлор, я и юноша, взятый нами в качестве птицелова, направились в соседний лес, чтобы выбрать удобные места, в которых мы хотели расставить около тридцати силков.

Вернувшись в лагерь, я пошел по течению маленького ручейка, который журчал и переливался между заросшими мохом камнями футах в двадцати от моей палатки. Я надеялся найти достаточно глубокое для купания место. Течение скоро привело меня к густым зарослям невысокого кустарника. Узкое русло ручья превратилось здесь в ряд соединенных друг с другом маленькими протоками небольших, но довольно глубоких заводей. Самая большая из них имела около пятнадцати футов длины и до двух футов глубины. Берег был покрыт чистым белым песком с мелкими гладкими желтыми камешками. О лучшей ванне трудно было и мечтать, я быстро разделся и вошел в воду. В реках Камеруна вода обычно довольно прохладная, и это даже приятно. Но в этом ручье она оказалась ледяной, я сразу почувствовал тупую ноющую боль в теле. С большим трудом заставил я себя несколько минут поплескаться в воде, затем, лихорадочно щелкая зубами от холода, вылез на берег, собрал свою одежду и сквозь кустарник бросился к поляне греться на солнце.

Убедившись, что поблизости было только несколько кузнечиков, я лег в траву и задремал, согреваемый солнечными лучами.

Когда через некоторое время я приподнялся и огляделся по сторонам, я увидел на расстоянии не более тридцати футов среди пучков золотистой травы красивую пеструю кошку, которая задумчиво смотрела на меня. В первый момент я с ужасом подумал, что это леопард, но, вглядевшись внимательнее, я узнал сервала, значительно менее крупного и опасного зверя с коричневатой шкурой, покрытой небольшими круглыми пятнами. Я был очень удивлен, так как каждый охотник, как черный, так и белый, равно как и подавляющее большинство книг, доказывают, что увидеть сервала днем удается примерно раз в пятьдесят лет. Поэтому, обнаружив при своем пробуждении около себя такого редкого зверя, я испытал даже некоторую гордость.

Кошка продолжала стоять спокойно, не отводя от меня взора, кончик ее хвоста мягко покачивался, пригибая стебли травы. Мне приходилось наблюдать такие медленные круговые движения хвоста и такое выражение на мордах домашних кошек в те минуты, когда они готовились хватать зазевавшихся воробьев; это воспоминание не доставило мне большой радости. Я был совершенно раздет, что создавало у меня дополнительное впечатление полной моей беззащитности и беспомощности. Я смотрел на сервала, искал возможность быстро натянуть на себя трусики, затем даже стал подумывать о возможностях поимки красивого зверя, после того, разумеется, как я окажусь вне опасности быть им растерзанным. Сервал заморгал глазами, словно обдумывая возможность прилечь рядом со мной на теплую траву. В этот момент из лагеря донеслись громкие крики, кошка вздрогнула, через плечо посмотрела в сторону лагеря и стремительным прыжком скрылась в кустах. Я быстро оделся и подбежал к тому месту в кустарнике, где только что исчез зверь; но я не мог обнаружить никаких следов его пребывания. В неподвижном теплом воздухе чувствовался

острый едкий запах, в одном месте я обнаружил на мягкой земле легкий след лапы зверя. Проклиная в равной мере себя, носильщиков, сервала, я вернулся в лагерь, где узнал причину неожиданных криков, спугнувших сервала. Одна из стенок кухни упала, и все собрались вокруг нее, громко крича и споря, в то время как повар, весь усыпанный сухой травой, раздраженно прыгал вокруг кухни. Я отозвал Тэйлора в сторону, подальше от более робких членов нашей экспедиции, и рассказал ему о своей встрече.

– Это был тигр, сэр? – спросил он.

Тигром на жаргоне называют леопарда – характерный пример широко распространенного в Камеруне неправильного наименования зверей.

– Нет, что был не тигр; он намного меньше тигра, с маленькими пятнами на шкуре.

– А, тогда я знаю этого зверя, – сказал Тэйлор.

– Как нам его поймать? Если я видел одного, здесь, наверно, есть и другие, правда?

– Да, сэр, – согласился он, – но нам нужны собаки. Я знаю охотника около Бакебе, у которого есть хорошие собаки. Сообщить ему, чтобы он пришел сюда?

– Хорошо, пригласи его к завтрашнему утру, если он сумеет прийти.

Тэйлор пошел выполнять мое поручение, а я решил выяснить, что осталось от обеда после случившейся на кухне катастрофы.

После обеда я снова отправился в лес один. Гребень Нда-Али все время находился слева от меня, так что я не рисковал заблудиться. Я шел без определенной цели, не торопясь, часто останавливался, рассматривая деревья и окружавшие меня кусты. Я следил за крупным одиноким муравьем, пробиравшимся по упавшему листу, когда близко от меня послышался шелест листвы на дереве, сопровождаемый громким «чак! чак!». Одна из ветвей немного склонилась, и по ней, развевая пушистыми хвостами, пробежали две маленькие белки. Я с радостью установил, что

это крайне редко встречающиеся черноухие белки, которых я еще не видел в лесу.

В бинокль я определил, что это были самец и самка, совершавшие увеселительную прогулку по лесу. Самка оторвалась от ветки и перескочила на другую, пролетев около десяти футов по воздуху, самец последовал за ней, повторив свой пронзительный крик: «Чак!.. чак!..» Осторожно подкрался я ближе к дереву, пытаясь лучше рассмотреть белок, которые в это время начали играть в прятки вокруг ствола.

Это были очаровательные маленькие зверьки; узкая черная полоска вокруг ушей отчетливо выделялась на оранжево-рыжей голове, верхняя часть тела пестрела зеленым отливом, по бокам виднелся ряд маленьких белых пятнышек, грудь и живот были желтовато-оранжевого цвета. Больше всего у белок мне понравились хвосты. Сверху они были слабо окрашены черным и белым цветом, но снизу отливали яркой оранжево-красной окраской. Пока белки мчались по веткам, хвосты их были приподняты кверху, но при каждой остановке они выгибались над спиной и кончик хвоста касался носа. Остановившись, белки некоторое время сидели, быстро вращая хвостами, яркая окраска которых создавала полное впечатление мигающей на сквозняке свечи. С полчаса наблюдал я за прыжками белок на дереве, редко приходилось мне быть свидетелем такой трогательной игры двух животных. Медленно переходили они с дерева на дерево, я осторожно следовал за ними, не отрывая бинокля от глаз. Внезапно, к великому моему огорчению, я наступил на сухую ветку, которая громко хрустнула: белки замерли, самец снова закричал, но это был уже не мягкий ласковый звук, а резкий предостерегающий возглас. В следующую минуту они скрылись, и только легкое движение ветвей указывало, что здесь совсем недавно находились живые существа.

Я был очень доволен своим первым днем пребывания на новом месте: в течение нескольких часов я увидел сервала и двух редких белок – для начала более чем достаточно. Я

предположил, что животные в этих горах редко видели людей и поэтому гораздо смелее, чем на низменности. Сказывалось и то, что здесь не было сплошного лесного массива, многочисленные поляны и скалы давали больше возможностей находить зверей и приближаться к ним.

Пока я был занят этими мыслями, лесная тишина вдруг была нарушена душераздирающим криком, за которым последовали взрывы сумасшедшего, леденящего душу хохота. Прокатившись между деревьями и отразившись многочисленным эхо, хохот перешел в тяжелые, протяжные стоны и постепенно затих. Я стоял неподвижно, чувствуя, как от страха волосы на голове встают у меня дыбом. Мне приходилось в различное время и в различных условиях слышать ужасные крики и звуки, но по одновременной их концентрации только что услышанное не имело себе равного в прошлом. Такими, вероятно, должны быть во много раз усиленные крики жертв самых страшных пыток в тюремных застенках. После нескольких минут наступившей тишины я набрался мужества и медленно пошел по направлению услышанных криков. Вскоре, на значительно большем расстоянии, снова повышались взрывы дикого смеха, прерываемые пронзительными криками. Я понял, что не смогу догнать убегающих крикунов, кем бы они ни были. И тут я вдруг догадался, каково происхождение этих звуков: я слушал вечернюю серенаду стада шимпанзе. Иногда я слышал смех и крики шимпанзе, находившихся в заточении, но концерт целой группы этих обезьян, многократно усиленный и отраженный лесным эхо, был для меня новинкой. Я готов предложить пари каждому желающему, даже имевшему уже дело с шимпанзе, что он не сможет прослушать вечернюю песню стада этих обезьян, не испытав при этом чувства страха.

После нескольких дней нашего пребывания на Нда-Али я немного изучил привычки шимпанзе. Рано утром они обычно кричали и смеялись высоко в горах между крутыми скалами. К полудню спускались ниже, в чащу густого леса,

где можно укрыться от палящих солнечных лучей; в это время они бывали очень молчаливы. Вечером обезьяны спускались к большой горной террасе, на которой расположился наш лагерь, и устраивали продолжительный, действовавший на нервы концерт. С наступлением темноты шимпанзе умолкали, лишь изредка раздавалось случайное взвизгивание какой-нибудь одной обезьяны. Шимпанзе неукоснительно соблюдали распорядок дня, и в зависимости от того, из какого места доносились их крики, можно было безошибочно определять время.

Вернувшись в лагерь, я увидел, что птицелов успел поймать двух птиц. Первая из них, лесная малиновка, мало меня заинтересовала, так как у Джона было уже несколько представителей этого вида. Вторая, желтовато-серая маленькая пичужка с крапчатой грудкой почти ничем не отличалась от обыкновенного английского дрозда. Она была настолько неинтересна, что у меня появилось желание отпустить ее на волю; после недолгих размышлений я решил на всякий случай отправить обеих птиц к Джону. Один из носильщиков отправился в Бакебе с наказом рано утром вернуться обратно в лагерь. На следующее утро он принес мне записку от Джона. Я узнал, что невзрачная маленькая птичка оказалась крайне редко встречающимся земляным дроздом, который существенно дополнял коллекцию ранее пойманных птиц. Джон умолял меня поймать как можно больше представителей этого редкого вида дроздов. Поняв, что я чуть не выпустил уникальную птичку, известную ученым под названием Geokichla camerunensis, я почувствовал, как у меня на лбу выступили капельки пота. Поспешно вызвав к себе птицелова, я сообщил ему, что за каждого пойманного земляного дрозда он будет получать дополнительную плату.

– Вы имеете в виду птицу с красными перьями спереди? – спросил он.

– Нет, я имею в виду птичку с пятнышками на груди.

– Но вы мне вчера сказали, что такая птица вам больше

не нужна, – с полным знанием дела напомнил мне птицелов.

– Да, я знаю. Но сейчас я хочу иметь много таких птиц.

– Хорошо, сэр, – уныло ответил юноша и отошел, поражаясь, очевидно, странному ходу мышления у белых людей.

Во время завтрака появился Тэйлор, сопровождаемый коренастым молодым парнем с худощавым выразительным лицом и пристальным взглядом светло-карих глаз. За ним по пятам следовали четыре разномастные долговязые лохматые собаки, подозрительно озирающиеся по сторонам.

– Это охотник, сэр, – объяснил Тэйлор, – он привел своих собак.

Поздоровавшись с охотником, я спросил, как он охотится с собаками. Вместо ответа он раскрыл висевшую за спиной сумку, достал оттуда четыре маленьких деревянных бубенчика и повесил их на шею собакам. При каждом движении собак раздавались мелодичные громкие звуки. Лишь после этого охотник ответил на мой вопрос:

– Собака находит след зверя и бежит по следу. В лесу мы плохо видим, но слышим звуки бубенчиков, идем за собакой и находим зверя.

Я решил, что такая охота должна быть очень долгой и утомительной, но один раз все же стоило испытать этот способ.

– Хорошо, сейчас пойдем в лес на охоту.

В лес отправились большой компанией. Кроме меня, Тейлора и охотника с нами шли трое слуг с мешками и сетями. Собаки бежали впереди, громко фыркая и принюхиваясь. Первый час не принес никаких происшествий. Иногда собаки находили что-либо съедобное, и между ними завязывалась шумная борьба. По окончании ее движение продолжалось в том же порядке. Я начал уже ругать про себя Тэйлора за его глупую затею, как вдруг самая маленькая собака опустила морду к земле, несколько раз возбужденно тявкнула и опрометью бросилась в густые зароди кустарника. Вся свора с громким лаем бросилась за ней и исчезла в

кустах. С ободряющими криками охотник кинулся в самую гущу лиан и колючек. Тэйлор и вся свита последовала за ним. Мне оставалось только догонять их. Проклиная собак, вздумавших найти след в таком неподходящем месте, я пробирался по зарослям, спотыкаясь и непрерывно натыкаясь на колючки и ветки.

Вскоре я догнал моих спутников, легко и свободно бежавших между деревьями и кустами. Бубенчики впереди нас звенели не переставая, изредка слышалось короткое тявканье собак.

Мне казалось, что мы бежали несколько часов подряд. Когда охотник наконец остановился, не слышно было ни лая собак, ни звона бубенчиков. Весь мокрый от пота, я задыхался и с трудом заглатывал воздух. Охотник несколько раз пронзительно крикнул, но ответа не последовало: мы потеряли собак. Я лежал на земле, радуясь неожиданной передышке, с трудом приходил в себя и удивлялся, как мое сердце выдержало такой темп бега. Охотник и Тэйлор скрылись в лесу, вскоре их громкие крики заставили нас подняться. Подойдя к ним, мы услышали вдалеке слабый звон бубенчиков. С каждой минутой звон этот становился громче, скоро послышался и заливистый лай собак. Теперь мы бежали под гору, земля была покрыта крупными камнями и павшими деревьями, что очень затрудняло нам путь. Выбежав на маленькую поляну, я обнаружил удивительную картину: собаки собрались у подножия небольшой, заросшей мохом и бегонией, скалы высотой около тридцати футов; лая и рыча, они высоко подпрыгивали, стремясь дотянуться до выступа на расстоянии десяти футов от земли. На этом выступе, размахивая хвостом и громко шипя, лежал огромный варан. Меньше всего ожидал я встретить варана в горах, так как находился под впечатлением, что эти крупные ящеры живут только возле больших рек. Но я не ошибся, это действительно был варан. Хвост его достигал пяти футов длины, огромное тело опиралось на короткие лапы, длинный чешуйчатый хвост изготовился для удара; дыхание со свистом вырывалось

из пасти, длинный тонкий раздвоенный язык быстро высовывался изо рта и с такой же быстротой прятался обратно. Варан, очевидно, укрылся на скале от преследовавших его собак. Над выступом скала нависала отвесно, и подняться выше он уже не мог. Собаки громко и возбужденно лаяли, высоко подпрыгивая, они пытались вскочить на выступ. Охотник отозвал их и привязал к деревцу, которое гнулось и трещало при попытках собак вырваться на свободу. Затем мы растянули самую крепкую из имевшихся у нас сетей, прикрепили к двум палкам и, разбежавшись, набросили сеть на выступ с ящером. Варан бросился навстречу, размахивая хвостом и широко разинув рот, запутался в сети и свалился вместе с ней на землю. Мы подбежали к нему, соблюдая известную осторожность, так как варан имел еще возможность при случае ударить хвостом или укусить кого-нибудь из нас. С трудом вытащили мы его из сети, завернули в мешки, перевязали веревками и подвесили между двумя палками. Черная жесткая шкура варана была беспорядочно усыпана небольшими золотистыми пятнами; он свирепо смотрел на нас и громко фыркал. Крепким, изогнутым когтям ящера могла бы позавидовать любая хищная птица. Торжественно доставив в лагерь пленника, мы начали немедленно строить клетку для переноса ящера в Бакебе.

На следующее утро, взволнованные и ободренные вчерашним успехом, мы отправились на охоту спозаранку, и собаки быстро напали на свежий след. Около мили бежали мы за собаками, а затем, как и накануне, свора бесследно исчезла в глубине леса. Долгое время бродили мы по лесу, пытаясь услышать лай собак или звук бубенцов. Охотник вдруг склонил голову набок, я тоже прислушался и различил отдаленный шум водопада.

– Они у воды, – сказал охотник, – поэтому мы их и не слышим.

Мы побежали на шум, который становился все громче, и скоро вышли к каменистым берегам бурного пенистого ручья.

Впереди виднелся водопад, сверкающая стена воды, льющейся с высоты пятидесяти футов на груду крупных гладких камней, покрытых густым слоем зеленого моха и сочной растительности. Кругом искрились водяные брызги, над гребнем водопада висела маленькая, расплывшаяся радуга, переливавшаяся и мерцавшая от непрерывного движения воды. К шуму падающей воды теперь уже явственно присоединился звон бубенцов; между двумя скалами, у края кустарников, мы увидели одну из собак, захлебывавшуюся от лая. Перепрыгивая с камня на камень, мы спустились к подножию водопада и побежали по скользким камням, торопясь узнать, за кем погнались собаки. В небольшой затененной расселине между камнями лежал второй варан; по сравнению с ним пойманный накануне выглядел карликом. Изогнувшись, как огромный, туго натянутый лук, он лежал совершенно неподвижно. Пасть его была открыта, и даже шум водопада не заглушал издаваемого им громкого свиста. Варан выбрал для защиты от собак наиболее подходящее место: с трех сторон его укрывали скалы, а нападение с фронта он готов был отражать когтями, хвостом и пастью. Собаки чувствовали опасность и держались на почтительном расстоянии. Только одна молодая и глупая самка с громким истерическим лаем наскакивала на ящера. Наш приход еще больше распалил ее, и она вцепилась зубами в рыхлую кожу на шее варана. Пресмыкающееся, сбив собаку с ног сильным ударом хвоста, втянуло в рот одно ухо собаки. Собака оказалась в тяжелом положении, так как не могла вырвать ухо из страшных тисков. Медленно и осторожно переступая толстыми лапами, варан поставил задние ноги одну за другой на тело злосчастного пса. Затем он сгорбился и резким движением задней ноги ударил собаку, сдирая и царапая ее шкуру своими заостренными когтями. Собака отчаянно взвизгнула и разжала зубы; к моему удивлению, огромный ящер также отпустил свою жертву. Когда собака уползала в сторону, варан вновь взмахнул хвостом и нанес собаке сильный удар, от которого та кубарем

покатилась по земле, вся в крови и подтеках. С трудом выбравшись из скал, дрожащая, с жалобным воем, собака подползла к воде и начала облизывать страшные раны на спине. Варан остался невредим, если не считать царапины на шее; он был готов в случае необходимости снова включиться в борьбу.

Оставив Тэйлора наблюдать за ящером, мы с охотником привязали собак к деревьям, и я промыл раны пострадавшей самке. Вдоль ее спины, словно прорезанные большим тупым ножом, проходили семь рваных борозд. Я еще занимался с пострадавшей собакой, когда послышался громкий крик Тэйлора, и мы снова побежали к скале. Оказалось, что варан продвинулся на несколько ярдов вперед, но, заметив наше приближение, вернулся в свое укрытие. Несколько раз пытались мы накинуть на него сеть, но она каждый раз цеплялась за одну из скал. Оставался единственный выход – подняться на скалу и сверху надеть на голову ящера петлю. Поручив своим помощникам набросить на варана сеть, как только я накину на него петлю, я осторожно пополз по скале, стремясь занять позицию над вараном. Движение по влажному моху, который легко отделялся от поверхности скалы, требовало от меня большого напряжения. Наконец я добрался до маленького уступа над самым ящером; присев на корточки, я завязал скользящий узел на конце тонкой и длинной веревки. Затем подвел узел к голове пресмыкающегося, лежавшего в шести футах ниже меня. В охватившем меня возбуждении я забыл закрепить свободный конец веревки, к тому же я еще имел глупость встать коленями на свернутый в кольцо конец веревки, что значительно облегчало мне возможность свалиться вниз.

Осторожно подведя петлю, я надел ее на голову варана и начал натягивать веревку, испытывая большую гордость от сознания успешно выполненной работы. Почувствовав на шее петлю, варан рванулся вперед, веревка выскользнула из моих рук, свернутый в кольцо конец веревки выскочил из-под моих колен, и, потеряв равновесие, я покатился вниз по скале с

видом, отнюдь не преисполненным собственного достоинства. В короткое мгновение перед тем, как я с шумом свалился в убежище варана, у меня мелькнуло пожелание, чтобы ящер, напуганный моим падением, бросился в уготованные ему сети. Схватка варана с собакой, свидетелем которой я только что был, не внушала мне особой бодрости при мысли о возможности близкого соприкосновения с этим чудовищем. К моему счастью, ящер действительно испугался, бросился вперед и запутался в сетях всеми четырьмя лапами. Тэйлор и охотник подскочили к нему и накинули сети на хвост и заднюю часть тела варана, совершенно сковав его движения. Когда ящер был крепко увязан, я осмотрел следы укуса на шее варана; оказалось, что зубы собаки лишь слегка прокусили кожу.

Оба варана прежде всего благодаря своим размерам явились ценным пополнением моей коллекции пойманных животных. В Бакебе у меня уже было несколько молодых ящеров, но они и в сравнение не шли с пойманными гигантами. У стройных и изящных молодых варанов зеленовато-черная кожа покрыта беспорядочно разбросанными яркими золотисто-желтыми пятнами. С возрастом кожа темнеет, становится грязно-черной, желтые пятна бледнеют и почти совершенно исчезают. Вараны легко переносят неволю и очень неприхотливы к пище, охотно поедая всевозможных дохлых животных и птиц. В особенности любят вараны яйца, при помощи этих деликатесов мне удалось их быстро приручить, они позволяли мне гладить рукой их жесткие спины и даже вытаскивать засохшие и отмершие частицы кожи. Когда мы вернулись в лагерь, я узнал, что поймано множество птиц, среди которых, к большой моей радости, оказалось два земляных дрозда. Несмотря на поздний час, я решил немедленно отправить птиц и варана в Бакебе, так как мне хотелось обрадовать Джона новой удачей. Носильщики ворчали и жаловались, не желая идти в темноте по нижним склонам горы, где, по их словам, водились огромные свирепые леопарды и коварные

злые духи. Для устранения всех этих опасностей пришлось снабдить их дополнительным количеством фонарей.

Пользуясь последними минутами перед наступлением темноты, я отошел на полмили от лагеря и вскоре оказался у края высокой, до ста футов, скалы. Верхушки росших внизу деревьев находились на уровне скалы, ветви их соприкасались с растительностью на ее поверхности. Осторожно пробравшись между изогнутыми корнями и густыми зарослями низкого кустарника к краю обрыва, я занял превосходный наблюдательный пункт: находясь на уровне плотной шапки листьев на вершинах огромных деревьев, я словно оказался перенесенным в верхний ярус тропического леса. Я спрятался за большим кустом, вытащил бинокль и принялся тщательно рассматривать деревья в поисках живых существ.

Долгое время все было тихо. Где-то далеко внизу раздавались еле слышные крики птиц-носорогов. Затем откуда-то сзади донесся неясный шелест, за которым последовал громкий шум падения чего-то тяжелого на ветки кустов, под которыми я лежал. Я замер и напряженно стал прислушиваться. Несколько секунд не слышно было никаких звуков, а потом над самой моей головой раздались громкие протяжные крики: «Оиинк… Оиинк…» Рядом со мной находилось стадо мона-гвенонов. В течение следующего получаса я имел редкую возможность на близком расстоянии наблюдать за поведением обезьян на воле.

Обезьяна, кричавшая над моей головой, была, очевидно, вожаком. Это был очень крупный самец. Осмотрев лес и не обнаружив ничего угрожающего, он прокричал успокоительное «все в порядке!» остальным своим сородичам. Оттолкнувшись от куста, он пролетел над краем пропасти, раскинув руки и ноги, и опустился на верхушке дерева прямо напротив того места, где я лежал. На мгновение он исчез в листве, а затем я увидел его шествующим по ветке. Достигнув удобной развилки, он уселся, внимательно осмотрелся по сторонам и издал несколько громких протяжно

ворчливых криков. Немедленно вслед за этим кусты надо мной затряслись и затрещали; обезьяны опускались на них и в тот же миг, оттолкнувшись, продолжали путь к вершинам деревьев, где их ожидал старый вожак. Движение стада проходило очень организованно; в тот момент, когда обезьяна перелетала край скалы, другая появлялась на моем кусте. Я насчитал до тридцати взрослых обезьян; к животам многих самок прицепились крошечные детеныши. Когда самки прыгали вниз, малютки то ли от восторга, то ли от страха пронзительно взвизгивали. Когда все стадо собралось внизу, обезьяны начали поедать маленькие черные плоды на ветках деревьев. Гвеноны бегали по веткам, срывали плоды, засовывали их в рот, постоянно оборачиваясь и нервно оглядываясь по сторонам, что характерно, впрочем, для всех обезьян. Более крупные детеныши перестали держаться за мех своих матерей и с жалобными криками бегали теперь за ними по деревьям. Взрослые изредка обменивались хриплыми звуками, словно ведя ленивую, медлительную беседу. Я не заметил ни одной ссоры или драки; иногда более крупная обезьяна вырывала у другой какой-либо особенно привлекательный плод, но, кроме возмущенного ворчания со стороны потерпевшей, ничто не нарушало мирную трапезу всей компании.

Вскоре послышалось хлопанье крыльев и протяжные громкие крики. Двое птиц-носорогов прилетели из расположенного ниже леса и с характерным для них пьяно-беззаботным видом опустились на ветви деревьев около стада обезьян. Усевшись поудобнее, они стали восхищенно разглядывать гвенонов из-под нависающих над головами больших разбухших гребней, похожих на продолговатые надувные детские шары. Затем они неуклюже запрыгали по веткам, осторожно ударяя кончиком клюва по черным плодам. После очередного удара они откидывали голову и заглатывали пищу. При каждом глотке птицы приседали и лукаво поглядывали на обезьян большими, часто моргающими темными глазами. Обезьяны продолжали ужин,

не обращая ни малейшего внимания на этих клоунов с профилем Сирано де Бержерака. Птицы-носороги сопровождают в Камеруне обезьян с таким же постоянством, с каким стервятники сопровождают львов. Где бы ни находилось стадо обезьян, рано или поздно к нему присоединяются птицы-носороги, выдавая присутствие обезьян криками и хлопаньем крыльев, слышными на расстоянии не менее мили. Надо полагать, что обезьяны ненавидят своих навязчивых спутников, но волей-неволей вынуждены сносить их присутствие. Через некоторое время птицы-носороги с шумом покинули деревья. Вскоре и вожак обезьян подал команду собираться в путь, издав несколько громких гортанных звуков. Самки прижали детенышей к груди; одна за другой обезьяны длинными прыжками начали спускаться в находившуюся внизу листву и скоро исчезли в сплошном океане листьев. Еще несколько минут я слышал шум движения обезьян по лесу, громкий шелест раздвигаемых листьев, немного напоминающий шум прибоя на каменистом берегу моря. Когда последние звуки умолкли, я поднялся из своего укрытия, окоченевший и схваченный судорогами от долгого пребывания в неподвижном состоянии, стряхнул с себя приставшие веточки и набежавших муравьев и медленно побрел по потемневшему в вечерних сумерках лесу к нашему лагерю.

ГЛАВА XI. Злые духи за работой

В последующие два дня охота с собаками дала прекрасные результаты. В первый день мы поймали молодого варана и взрослого дукера. Но особенно удачным оказался второй день. Начало его, правда, не предвещало ничего хорошего, в течение нескольких часов мы гонялись по горной местности за собаками, которые все время находили новые следы и каждый раз их теряли. Наконец мы решили немного отдохнуть. Измученные, запыхавшиеся, мокрые от пота, мы присели на груду больших камней; наши неустрашимые собаки растянулись на земле, часто и тяжело дыша. После короткой передышки одна из собак встала и лениво направилась в близлежащие кусты; мы слышали ее громкое фырканье и звон бубенчиков. Неожиданно раздались дикий вой и громкий треск кустов; вся свора вскочила и с заливистым лаем бросилась вслед за первой собакой. Мы быстро собрались, отбросили недокуренные папиросы и побежали за собаками. Сначала путь наш шел вниз по склону горы, и мы легко мчались, перепрыгивая через камни и корни деревьев. В одном месте низко над тропинкой нависала тонкая ветка молодого деревца; вместо того, чтобы, пригнувшись, проскочить под ней, как это сделали другие, я оттолкнул ее рукой. Мгновенно перед моими глазами появился рой черных точек, и я почувствовал на шее и лице острую мучительную боль. На ветке, за которую я так беззаботно схватился, висело гнездо маленьких лесных ос величиной с яблоко, спрятавшееся под густой листвой. Рассерженные обитатели гнезда не замедлили атаковать нарушителя их спокойствия. Пока я бежал дальше, потирая ужаленные места, мне пришло в голову, что охотники разглядели гнездо и предусмотрительно не задели ветку; по-видимому, они считали, что и я сделаю то же самое. С тех пор я стал точно повторять все их действия. Лицо мое пылало, я мучительно страдал от боли.

Эта гонка оказалась наиболее продолжительной. После

часа почти непрерывного бега я был настолько измучен, что результат нашей охоты был уже мне совершенно безразличен. Наконец мы догнали собак, которые собрались у основания большого пустотелого ствола упавшего дерева. Вид зверька, который съежился в дупле и фыркал на собак, немедленно возродил мой интерес к охоте: зверек был величиной с английскую лисицу, с крупной, похожей на медвежью мордой и небольшими круглыми ушами. Длинное мускулистое тело, голова и хвост были светлого кремового цвета. Небольшие тонкие лапы имели шоколадно-коричневую окраску. Это был черноногий мангуст, вероятно, наиболее редко встречающийся в Западной Африке представитель семейства мангустов. При нашем появлении зверек окинул нас презрительным взглядом и скрылся в глубине ствола. Собаки расхрабрились и подбежали к входу, но ни одна из них не проявила желания забраться в самое дупло.

Охотники обратили внимание на мой вид: лицо и шея у меня распухли, один глаз заплыл и издали создавалось впечатление, что я кому-то игриво подмигиваю. Пока они стояли вокруг меня, выражая свое соболезнование стонами, щелканьем пальцев и скорбными восклицаниями, Тэйлор сбегал к ближайшему ручью и принес немного холодной воды. Прохладный компресс значительно уменьшил боль, и мы принялись доставать мангуста из его убежища. К счастью, дерево оказалось очень старым, его легко можно было резать и пилить. Выход из ствола закрыли сетями, около вершины пробили небольшое отверстие, положили в него сырые ветки и подожгли их. Вооружившись пучком веток, Тэйлор стал размахивать им около отверстия, загоняя дым в глубь ствола. Мы подбрасывали в огонь новые охапки листьев, густой едкий дым все дальше проникал внутрь дерева, откуда стал доноситься сердитый кашель мангуста. Не выдержав, зверек выскочил из дупла, окруженный клубами дыма, подобно маленькому белому ядру, вылетающему из жерла большой пушки. Потребовалось много времени, прежде чем нам удалось его распутать и поместить в плотный мешок.

Усталые, но довольные направились мы к лагерю. В охватившей меня радости я даже забыл о боли от укусов ос.

На следующий день я проснулся совсем разбитым: голова болела, лицо распухло, и я еле смотрел маленькими слезящимися щелочками глаз. К довершению всех бед и погода выдалась на редкость неудачной. Все было покрыто туманом, даже кухня, находившаяся в нескольких шагах от моей палатки, исчезла в белой пелене. Пока я мрачно дожевывал свой завтрак, из тумана вынырнул Пайос в сопровождении невысокого хмурого человека с большой корзиной на голове.

– Этот человек принес зверя, сэр, – сказал Пайос, удивленно посмотрев на мое распухшее лицо.

Незнакомец поклонился и обнажил в вкрадчивой улыбке ряд желтых разрушенных зубов. Он не понравился мне с первого взгляда, и я невзлюбил его еще больше, когда, открыв корзину, нашел в ней обыкновенную крысу с обломанным хвостом. Высказав продавцу свое мнение о принесенном им товаре, я вернулся к завтраку. Пайос и охотник несколько минут шептались о чем-то, охотник при этом украдкой враждебно поглядывал на меня, затем Пайос снова подошел ко мне.

– Простите меня, сэр, этот человек пришел из Финешанга, и у него есть для вас новости.

Охотник вышел вперед, кланяясь, улыбаясь и потирая морщинистые руки. Жалобным голосом он проговорил:

– Маса, жители Финешанга очень недовольны тем, что вы сюда пришли.

– Как?!

– Вчера они натравили на вас злых духов ю-ю.

– Что? – вскрикнул Пайос и хлопнул охотника по голове, надвинув ему на глаза грязный головной убор. – Каких духов натравили они на господина?

– О, ничего особенного, – поспешно ответил охотник, – просто маса больше не поймает здесь никаких животных, ему не будет сопутствовать удача, пойдут сильные дожди, и маса

должен будет вернуться домой.

– Иди и скажи жителям Финешанга, что я не боюсь ю-ю – сердито ответил я. – Я останусь здесь столько времени, сколько захочу. И если я увижу здесь какого-нибудь жителя Финешанга, я возьму самое большое ружье и буду стрелять, слышишь?

– Слышу, сэр. – Охотник испуганно съежился. – Почему маса кричит на меня, я не виноват, что жители Финешанга так решили.

– Хорошо. А теперь быстро отправляйся в Финешанг. Незнакомец поспешно скрылся в тумане. Пайос с нескрываемым беспокойством смотрел ему вслед.

– Хотите, я отколочу его, сэр? – неожиданно обратился он ко мне.

– Нет, оставь его в покое.

– Мне не нравится эта история со злыми духами, сэр.

– Только никому ничего не говори, я не хочу, чтобы в лагере распространились глупые слухи.

Впервые в жизни на меня натравили злых духов, и меня интересовало, что из этого получится. Я не считаю ю-ю просто выдумкой и ерундой, злые духи в Африке – вполне реальная грозная сила; я знаю множество случаев, объяснить которые, не примешивая сюда злых духов, очень трудно. Простейшим и наиболее распространенным фактором влияния ю-ю является то, что жертва всегда знает о преследовании ее злыми духами, это решает половину дела. «Доброжелатель» приходит к какому-нибудь человеку и по секрету ему сообщает, что ю-ю разгневались на него и готовят ему страшную кару. И несчастный уже чувствует себя обреченным.

Постепенно многочисленные «доброжелатели» (роль их в в Африке мало отличается от роли их коллег в Европе) раскрывают перед злополучной жертвой всю глубину замысла ю-ю: выясняется, что преследуемый злыми духами обязательно заболеет и умрет. Если убедить человека в безграничном могуществе злых духов и неотвратимости их

заговора, он действительно заболевает и умирает. Навестивший меня охотник был одним из «доброжелателей»; теперь, когда я был извещен о замысле ю-ю, местные жители с любопытством ожидали исхода моей борьбы со злыми духами. Самое забавное во всем этом то, что ю-ю действительно провели большую подготовительную работу: какая часть постигших меня неприятностей связана с собственной моей неосторожностью, а какая вызвана неблагоприятным стечением обстоятельств, сказать трудно.

К полудню следующего дня опухоль на лице у меня исчезла. Тэйлор, я и еще четыре человека направились к подножию большой скалы в нескольких милях от лагеря, где были обнаружены какие-то пещеры. Мы собирались наловить там летучих мышей и посмотреть заодно, не встретятся ли нам и более интересные животные. Настроение Нда-Али улучшилось, солнце заливало все открытые места, легкий ветерок несколько смягчал палящий зной. Я совершенно забыл о ю-ю, по крайней мере, так мне тогда казалось.

Чтобы подойти к пещерам, соединенным между собой узкими извилистыми проходами, нужно было спуститься футов на сорок в глубокое ущелье. Скоро мы поняли, что захваченные из лагеря веревки слишком коротки. Пришлось нарезать длинные куски тонких упругих лиан. которые в огромном количестве встречаются в лесах. Связав между собой лианы, мы легко спустились по этой импровизированной веревке в ущелье. Там мы разделились, каждый получил для осмотра по небольшому участку скалы. В пещерах было много летучих мышей, от крошечных и изящных насекомоядных до крупных тяжелых плотоядных; в течение двух часов кружили они над нашими головами, но нам не удалось поймать ни одной из них.

Блуждая в подземном лабиринте, я наткнулся на Тейлора, который, остановившись, пристально вглядывался в груду камней в углу пещеры. Взволнованным шепотом он мне сообщил, что только что видел какую-то странную тень на этой груде камней почти под самым потолком. Пока мы

вполголоса обсуждали план действия, к нам присоединился еще один спутник. Мы навели свои фонари на груду камней и начали ее осматривать; осмотр не дал результатов.

– Ты уверен, что там кто-то двигался, Тэйлор?

– Да, сэр, уверен. Вот там, на вершине.

Мы снова посмотрели в указанном направлении и вздрогнули. Над камнями появился неясный черный силуэт, раздалось громкое рычание.

– Тигр, сэр, – сказал Тэйлор.

Я склонен был с ним согласиться, так как силуэт был достаточно велик. Услышав этот краткий разговор, наш спутник опрометью бросился к выходу, предоставив нам возможность бороться с хищником вдвоем.

– Глупый человек, – презрительно проронил Тэйлор, но мне показалось, что его рука, державшая фонарь, дрожала. Я не знал, что делать: если леопард приблизится к нам, мы все равно не сможем стрелять, так как от выстрела обрушится вся крыша пещеры. Я предпочитал иметь дело с живым леопардом, чем оказаться мертвым… или живым под многими тоннами камней.

Между тем черный силуэт, показавшись несколько раз из-за камней и издав несколько неясных звуков, исчез в полутьме. Мы слышали теперь только слабый стук камней. В мрачной и темной пещере трудно было угадать, где мог вновь появиться зверь, поэтому я собирался предложить Тэйлору покинуть пещеру. В эту минуту из-за груды камней показалась голова, взглянула в мою сторону и произнесла:

– Маса, я поймал зверя.

Это был самый маленький и самый бесполезный наш спутник Або; преследуя летучую мышь, он забрался на груду камней. Лежа на животе, он полз по камням. Колыхавшийся силуэт, который мы видели, оказался вовсе не леопардом, а извивавшимся между камнями человеком, который от непривычной работы громко ворчал при каждом движении. Неожиданная развязка опасного приключения вызвала у меня и Тэйлора приступ неудержимого смеха. Тэйлор,

пошатываясь, со слезами на глазах бегал по пещере и задыхаясь выкрикивал:

– Ха, ха, ха!.. Або, маса чуть не застрелил тебя… Ха, ха, ха… Або, ты хороший тигр…

Або спустился к нам и протянул мне маленького зверька.

– Кажется, он слегка ранен, сэр.

Он немного ошибся, зверек был уже мертв.

Пока мы оглядывались по сторонам и думали, каким способом поймать несколько летучих мышей, снаружи послышался зловещий грохот, который громким эхо отозвался в многочисленных пещерах и проходах. Когда мы добежали до ущелья, все вокруг было мрачно и темно. Над нами, в узком пространстве между крутыми скалами, нависли тяжелые грозовые тучи. Мы с максимально возможной быстротой выбрались из ущелья и начали укладывать в мешки все свое снаряжение. Внезапно послышался страшный удар грома, который словно потряс до основания окружавшие нас горы, тучи опустились к самым нашим головам, и на нас обрушились потоки ледяной воды. Не успели мы еще понять, в чем дело, как наши тонкие одежды стали совершенно мокрыми, от нестерпимого холода мы начали громко стучать зубами. Время от времени вспышки молний освещали местность вокруг нас, через несколько секунд после этого обрушивались страшные раскаты грома. Где-то в лесу, слева от нас, я слышал резкие протестующие крики недовольных погодой шимпанзе.

Мои спутники подняли багаж, и мы двинулись по направлению к лагерю. Не прошли мы и пятидесяти футов, как я поскользнулся на мокром от дождя камне, упал и покатился вниз по склону, пока не ударился о ствол встретившегося на пути дерева. Я был весь исцарапан и растерзан, правая нога моя страшно болела. В первый момент я решил, что у меня перелом ноги, но затем выяснилось, что я только вывихнул себе лодыжку. Это тоже было достаточно плохо, так как я не мог ступить на поврежденную ногу. Я

лежал под деревьями с поникшей, иссеченной дождем листвой, рядом дрожали от холода мои спутники, пытавшиеся как-то помочь мне. До лагеря было не меньше четырех миль, а лодыжка моя распухала на глазах. В дополнение ко всему низкая облачность ускорила наступление темноты. Было ясно, что мы больше не могли оставаться на месте.

Я попросил Тэйлора срезать молодое деревцо, которое затем было приспособлено в качестве костыля. С помощью костыля, поддерживаемый с другой стороны Тэйлором, я тронулся в путь, превозмогая мучительную боль. Мы медленно двигались между мокрыми деревьями и вскоре добрались до более или менее ровного участка леса, где услышали плеск быстро текущей воды. Я удивился, так как единственной водной преградой, которую мы преодолевали утром по пути к пещерам, был маленький ручеек; он почти пересох, и вода в нем едва достигала наших лодыжек. Теперь же я слышал шум течения полноводной реки. Я обратился к Тэйлору за разъяснениями.

– Маленький ручей разлился, – последовал ответ.

В первый раз я видел собственными глазами, как быстро маленький ручеек от дождевых вод превращается в бурную, полноводную речку. Знакомая мне узенькая мелкая струйка воды стала желтым пенистым потоком до пояса глубиной. В бушующих между камнями водах с огромной скоростью неслись вырванные корни, обломанные ветки, сорванные листья и цветы. Самое мелкое место мы обнаружили там, где воды ручья покидали сравнительно ровную поверхность лесной чащи и по крутой скале, с которой были смыты все следы растительности, обрушивались вниз. Мои спутники первыми начали переход через ручей. Когда они благополучно вышли на противоположный берег, я и Тэйлор пошли по тому же пути. Я осторожно прощупывал палкой дно, и мы медленно продвигались вперед. В середине ручья течение воды, сдавленное двумя большими камнями, было особенно сильным. Именно здесь маленький камешек, на который я поставил костыль, опрокинулся, костыль

выскользнул из моей руки, и я успел только заметить, как он мелькнул по склону скалы. В тот же момент я погрузился в воду.

Только сильная рука Тэйлора спасла меня от печальной участи скатиться вниз по скале вслед за костылем. Однако удерживая меня и борясь со стремительным напором течения, он сам с огромным трудом сохранял равновесие. Остальные охотники быстро откликнулись на его громкие крики о помощи, подскочили к нам, ухватились за первые попавшиеся им под руку части моего тела и вытащили нас обоих на берег. Задыхающиеся, дрожащие, мокрые, продолжали мы свой путь к лагерю.

Труднее всего достались нам последние полмили. Мы спускались вниз по откосу, переползая от камня к камню, пока не добрались до полосы ровной местности около лагеря. Только мысль о сухой одежде, тепле и горячей пище поддерживала мои силы. Но в лагере нас ожидало новое несчастье: крошечный скромный ручеек, который так доверчиво и мило струился и журчал в двадцати футах от моей палатки, превратился в бурный ревущий поток. Выйдя из берегов, он всей своей тяжестью обрушился на лагерь. От хрупких шалашей, построенных носильщиками, не осталось и следа. Кухня была наполовину разрушена и по колено залита водой. Во всем лагере сохранилась только моя палатка, находившаяся на маленьком бугорке, но земля под ней и около нее пропиталась водой и превратилась в грязь. Сухих дров в лагере, конечно, не было, разогреть пищу можно было лишь на маленькой керосиновой лампе.

Мы все забрались в палатку. Рассчитанная на двух человек, она приняла теперь, кроме меня, еще двенадцать обитателей разрушенного лагеря. Мы грели на лампе одну за другой банки с шоколадом и затем пили этот горячий вкусный напиток из самых различных посудин, от жестяных кружек до мисок для кормления животных. Так сидели мы больше трех часов; дождь непрерывно барабанил по туго натянутому сырому брезенту палатки. Постепенно дождь

прекратился, и густой плотный туман закрыл все вокруг. Носильщики начали наскоро строить себе новые шалаши. Впервые в этот день я вспомнил о злых духах. Да, в первом раунде они, безусловно, добились значительных успехов: нога моя в плачевном состоянии, дождь значительно ухудшил наше положение и лишил нас перспектив на удачную охоту. Ночь я провел очень плохо, в течение всего следующего дня не прекращался унылый равномерный дождь, состояние моей ноги не улучшалось. С большой неохотой пришел я к выводу, что разумнее всего признать свое поражение и уступить поле боя ю-ю. В Бакебе по крайней мере я смогу быстро залечить ногу и выполнять какую-то полезную работу, пребывание же мое на Нда-Али не сулит мне сейчас ничего хорошего.

Я приказал собираться и готовиться к выходу в Бакебе на следующее утро. Все, кроме меня, были этому очень рады. Когда я проснулся на следующий день, меня встретило великолепное ясное утро; солнце заливало все своими лучами, на небе не было ни единого облачка. Тучи мошек, неизвестно откуда взявшихся, сопровождали наш спуск, безжалостно кусали нас и, казалось, торжествовали победу. Когда мы вступили в лес, они исчезли так же внезапно, как и появились.

Ковыляя по дороге в Бакебе, я утешал себя тем, что в горах я все же поймал несколько интересных животных. Обернувшись, я снова посмотрел на Нда-Али. В прозрачном утреннем воздухе она казалась такой близкой, что хотелось протянуть руку и погладить пальцами вершины покрывавших ее деревьев. Ее скалы розовели и сверкали в солнечных лучах, на каменистой поверхности, еле различимые на таком расстоянии, виднелись светлые струйки воды – единственный признак того, что недавно в горах прошли большие дожди.

ГЛАВА XII. Жизнь и смерть Чолмондели

Незадолго до того как мы покинули домик на холме в Бакебе и переехали в последний наш лагерь в Кумбе, у нас появился необычный гость по имени Чолмондели, или, как его называли более близкие друзья, Чемли, Это был крупный взрослый шимпанзе. Владелец его, английский чиновник, считал, что значительные размеры обезьяны являются для него большим неудобством, и хотел переправить Чемли в Лондонский зоопарк с тем, чтобы во время отпуска иметь возможность навещать его там. Он написал нам записку, спрашивая, согласимся ли мы захватить с собой шимпанзе в Англию. Мы ответили, что готовы с удовольствием выполнить его просьбу. К тому времени ни я, ни Джон не имели ясного представления о величине Чемли. Я вспомнил виденного мной однажды трехгодовалого шимпанзе, рост которого не превышал трех футов. Появление в лагере Чемли произвело на меня в первый момент очень сильное впечатление.

Чемли был доставлен к нам в небольшом фургоне, где он торжественно восседал в специально установленной клетке. Когда дверцы клетки открылись, Чемли вышел из нее с грацией и самоуверенностью кинозвезды. Я был поражен его размерами: пригнувшись на своих кривых ногах, он доставал мне до пояса, а когда он немного выпрямлялся, голова его оказывалась на уровне моей груди. У него были огромные руки, большая волосатая грудь по объему была в два раза больше моей. Крупные зубы, видневшиеся во рту, придавали его лицу неправильные очертания и зловещее, воинственное выражение. Маленькие, глубоко посаженные глаза смотрели на меня умным понимающим взглядом. Макушка головы была у него совершенно голой; позднее я понял, что это вызвано было привычкой постоянно чесать голову рукой, что, по-видимому, доставляло ему огромное удовольствие, но привело в результате к раннему облысению. Это не был, к большому моему сожалению, молодой

шимпанзе: Чемли наверняка исполнилось уже восемь или девять лет. Это была зрелая, сильная и, судя по выражению лица, много повидавшая в жизни обезьяна. И хотя Чемли не был особенно красив (мне приходилось видеть более приятных шимпанзе), в нем с первого же взгляда чувствовался сильный независимый характер. Он смотрел по сторонам с удивительно умным выражением, в глазах его мелькали искорки иронического смеха, от которого человеку становилось не по себе.

Внимательно осмотрев всех окружающих, он повернулся ко мне и протянул для пожатия мягкую, с розовой ладонью, руку с тем стандартно скучающим выражением лица, какое можно заметить на лицах людей, по роду деятельности часто обменивающихся приветствиями и рукопожатиями с совершенно незнакомыми людьми. Вокруг шеи у него была переброшена толстая цепь, которая исчезала в глубине клетки в фургоне. На любой другой обезьяне такая цепь была бы символом порабощения и плена. Чемли, однако, носил ее с таким достоинством, с каким лорд-мэр носит свои почетные ленты. Пожав мне руку, он повернулся к клетке и начал вытягивать из нее цепь, длина которой превышала пятнадцать футов. Аккуратно свернув ее в кольца, он набросил ее на руку и направился к дому с таким видом, словно он является его хозяином. В первые же минуты своего пребывания в лагере Чемли подчинил нас своему влиянию, и мы почувствовали в чем-то его превосходство. Я чуть не извинился перед ним за беспорядок на столе в тот момент, когда он вошел в комнату.

Чемли уселся на стуле, скинул на пол цепь и вопросительно посмотрел на меня. Было очевидно, что он хотел освежиться после долгого утомительного пути. Я крикнул в кухню, чтобы для гостя приготовили чашку чаю. Меня уже предупредили, что Чемли любит бодрящие напитки. Пока Чемли сидел на стуле и разглядывал скромную комнату с плохо скрываемым отвращением, я подошел к его клетке и вытащил оттуда металлическую миску и огромную

сплющенную металлическую кружку. Мое появление с этими предметами в руках заметно улучшило настроение Чемли, который одобрительным ворчанием похвалил меня за сообразительность.

Поджав ноги, Чемли продолжал молча разглядывать комнату. Я сел напротив него и вытащил пачку сигарет. Пока я доставал себе сигарету, Чемли положил на стол длинную черную руку и радостно заурчал. Ради любопытства я дал ему сигарету, которую, к великому моему изумлению, он бережно вставил в рот. Закурив, я протянул обезьяне коробку спичек. Чемли открыл коробку, вынул одну спичку, чиркнул ее, зажег сигарету, бросил коробку со спичками на стол, удобнее откинулся на стуле и с блаженным выражением стал выпускать из носа клубы дыма. Очевидно, эта обезьяна обладала уже многими человеческими пороками.

В этот момент Пайос принес в комнату чай. Вид обезьяны, сидевшей на стуле с сигаретой в зубах и мирно беседовавшей со мной, произвел на него огромное впечатление. Он громко вскрикнул и испуганно отошел к двери.

– У-у-у-а-а-р… о-о-о!.. – произнес Чемли, увидев поднос с чайным прибором, и начал энергично размахивать рукой.

– Я слушаю, сэр, – отозвался с порога Пайос.

– Это Чемли, – объяснил я, – он тебя не обидит. Поставь чай на стол.

Пайос выполнил мое приказание и быстро удалился. Я налил в кружку Чемли чай и молоко, положил туда три чайных ложки сахара. Чемли напряженно следил за моими движениями и сопровождал их мягким довольным ворчанием. Я подал кружку, которую он схватил обеими руками. Сигарета явно мешала чаепитию, и Чемли аккуратно положил ее на стол. Вытянув одну губу вперед, Чемли осторожно попробовал, не слишком ли горячий чай ему подали. Оказалось, что чай был действительно очень горячий. Чемли терпеливо дул на кружку до тех пор, пока напиток не пришелся ему по вкусу, а затем выпил все до дна. Увидев, что

на дне кружки осталось немного нерастаявшего сахара, Чемли перевернул кружку и держал ее до тех пор, пока все остатки не попали к нему в рот. Затем он протянул мне кружку, предлагая вновь ее наполнить.

Клетка Чемли была установлена в удобном месте в пятидесяти футах от нашего дома. Рядом с клеткой находился большой искривленный пень, к которому я прикрепил цепь обезьяны. Из клетки Чемли видел все, что происходило в лагере и дома, и сопровождал нашу работу громкими комментариями, на которые я часто ему отвечал. В первый же день Чемли поднял большой скандал. Не успел я его привязать и направиться в дом, чтобы заняться своими делами, как среди обезьян началось замешательство. Обезьяны были привязаны недалеко от дома под большим навесом из пальмовых листьев. Чемли, оставшись в одиночестве, заскучал. Оглядевшись, он нашел возле себя несколько крупных камней. Вооружившись ими, он решил немного развлечься метанием камней. Услышав пронзительные крики и визги гвенонов и дрилов, я выбежал из дому и заметил, как камень величиной с кочан капусты упал около обезьян, к счастью, никого не задев. Такой камень, брошенный с большой силой, легко расплющил бы любую обезьяну, в которую он бы попал. С громким криком я бросился к Чемли, размахивая поднятой по пути палкой. Стараясь выглядеть как можно воинственнее, я в то же время думал, что произойдет, если вооруженный тоненькой хворостинкой, я захочу наказать обезьянку, которая не уступает мне по величине и по меньшей мере в два раза сильнее меня. К моему удивлению, однако, Чемли, заметив мое приближение, быстренько лег на землю, прикрыл своими длинными руками лицо и голову и начал визжать изо всех сил. Я пару раз хлестнул его по спине палкой; с таким же успехом я мог пытаться сокрушить зубочисткой собор святого Павла. На широкой плоской спине Чемли перекатывались желваки твердых, как сталь, мыши.

– Ты очень злое животное, – строго сказал я.

Догадавшись, что экзекуция окончена, Чемли сел и начал стряхивать с себя листья.

– У-у-у-у… – протянул он, застенчиво поглядывая на меня.

– Если ты снова это проделаешь, я тебя как следует отколочу, – продолжал я и подумал, что только удары стволом дерева могли бы произвести на Чемли должное впечатление.

– А-а-р-р-р… у-у-у… – снова ответил Чемли. Он придвинулся ближе, прилег к моим ногам и начал старательно очищать мои брюки от всяких пятнышек и соринок. Пока он был занят этой работой, я подозвал слуг и попросил их убрать все большие и маленькие камни от клетки шимпанзе. Сделав еще одно строгое внушение Чемли, я вернулся к своей работе. Немного спустя, заглянув к нему, я увидел, как он усердно раскапывает землю около клетки, надеясь, очевидно, найти там новые камни.

Вечером, когда я принес Чемли ужин и чай, он приветствовал меня громкими радостными возгласами, прыгая и размахивая руками. Перед тем как приступить к ужину, он схватил мою руку и поднес ее ко рту. С трепетом смотрел я, как он зажал зубами один из моих пальцев и мягко сдавил его, Когда он выпустил его обратно, я понял смысл всей этой процедуры: у шимпанзе разрешение взять в рот палец является свидетельством полного доверия и дружбы между двумя обезьянами. Таким образом, Чемли польстил мне, высказав доступным ему способом свои дружеские чувства. С ужином он справился очень быстро. Когда он закончил есть и я сел на землю рядом с ним, Чемли методично обыскал все мои карманы и исследовал все, что на мне было.

Когда я решил, что ему пора спать, Чемли отказался вернуть вытащенный из моего кармана платок. Он держал платок за спиной и перекладывал его из одной руки в другую при каждой моей попытке схватить его. Затем, решив, очевидно, избавиться от всех моих притязаний на платок, он

быстро засунул его в рот. Я понимал, что, если на этот раз я уступлю, Чемли в дальнейшем будет хватать и прятать все, что ему понравится; поэтому я около получаса уговаривал и обхаживал Чемли, пока с большой неохотой он не вытолкнул изо рта мокрый скомканный платок. После этого случая у меня не было больше с Чемли никаких недоразумений; если он затевал игру с нужной мне вещью, я протягивал руку, просил его, и он без всяких возражений отдавал мне нужный предмет.

Мне приходилось сталкиваться со множеством приятных и милых животных, от мышей и до слонов, но никого из них я не мог сравнить с Чемли по силе и обаянию характера, по уму и понятливости. Познакомившись с ним ближе, перестаешь смотреть на Чемли, как на животное; к нему относишься, скорее, как к чудаковатому шаловливому почтенному старику, который по одному ему известным соображениям вдруг решил прикинуться шимпанзе. У него были изысканные манеры: он ни разу не схватил пищу, не поздоровавшись предварительно с пришедшим и не поблагодарив его выразительными возгласами. Ел он не с жадностью, как другие обезьяны, а, наоборот, медленно, деликатно, осторожно, откладывая пальцами к краю миски те куски, которые ему не нравились. Единственное нарушение этикета с его стороны случалось в конце трапезы, когда он хватал пустые миску и кружку и закидывал их далеко в сторону.

У Чемли было много черт, сближавших его с людьми. Одной из них, в частности, была привычка курить. Он с одинаковой легкостью и уверенностью прикуривал папиросу спичкой или зажигалкой, ложился на спину, согнув ноги и подложив одну руку под голову, выпуская в воздух густые клубы дыма и время от времени посматривал с видом заядлого курильщика на кончик папиросы, проверяя, не нужно ли стряхнуть с него пепел. Стряхивал он пепел очень аккуратно, ногтем одного из пальцев руки. Если перед Чемли ставили бутылку с лимонадом и стакан, он наливал себе

жидкость в стакан с серьезностью и сосредоточенностью буфетчика, взбивающего коктейль. Чемли – единственный из всех встречавшихся мне животных, который допускал возможность делить с кем-либо принадлежавшие ему вещи: часто, когда я давал ему связку бананов или два-три плода манго, он выбирал один из них и с вопросительным выражением на лице протягивал мне. Он довольно урчал, когда я принимал дар и присаживался, чтобы разделить с ним компанию.

Чемли не ладил с местными жителями. Ему доставляло большое удовольствие следить за ними и, когда они подходили на слишком близкое расстояние, бросаться на них со свирепыми криками. Не думаю, чтобы он действительно хотел причинить им вред, ему просто нравилось, что они с испуганными криками разбегались от него во все стороны. Но беда заключалась в том, что местные жители при каждом удобном случае старались дразнить Чемли; он становился все более возбужденным, волосы его ощетинивались, он оскаливал зубы, и, раскачиваясь из стороны в сторону, размахивал могучими руками. В такие минуты тяжело бы пришлось человеку, слишком близко подошедшему к Чемли.

Чемли очень интересовался гигантскими тысяченожками, хотя и относился к ним с недоверием. Эти насекомые похожи на тонкую черную спиральную пружину, снизу у них виднеется огромное количество (свыше ста) пар ножек, спереди тысяченожки имеют пару коротких усиков. Тысяченожки – совершенно безвредные существа, которые медленно переползают при помощи многочисленных ножек, поводя своими усиками. Больше всего предпочитают они сгнившие стволы деревьев. Однако их движения, очень напоминающие движения змеи, настораживали Чемли, хотя он и чувствовал, что это не змеи. Когда я клал тысяченожек на ящик в его клетке, он садился рядом и подолгу молча рассматривал их, приоткрыв рот и время от времени беспокойно почесываясь. Если тысяченожка доползала до края, падала на землю и начинала двигаться к Чемли, он

вскакивал, отбегал на то расстояние, которое допускала надетая на него цепь, и кричал до тех пор, пока я не избавлял его от страшного чудовища.

Больше всего Чемли боялся змей. Он страшно волновался, когда видел меня занимающимся со змеями, жалобно стонал и ломал руки до тех пор, пока я не отходил от них. Если после визита к змеям я показывал Чемли мои руки, он их тщательно рассматривал, желая, очевидно, убедиться в том. что змея меня не укусила. В случаях, когда змея начинала ползти в сторону Чемли, его охватывал дикий ужас, волосы вставали дыбом, он громко стонал, а с приближением змеи бросал в нее сухую траву и ветки, тщетно пытаясь задержать ее продвижение. Однажды вечером, когда настало время ложиться спать, он категорически отказался войти в клетку, чего раньше никогда не случалось. Считая это простым капризом, я пытался силой загнать Чемли в клетку; тогда он подвел меня к входу и, оставив меня там, отошел назад, показывая рукой внутрь клетки и громко и испуганно вскрикивая. Осмотрев одеяло и подстилку из банановых листьев, я нашел маленькую слепую змею, клубком свернувшуюся в листьях. Она была совершено безвредной, но Чемли не хотел рисковать.

Вскоре после прибытия в лагерь Чемли вдруг перестал кушать, утратил интерес ко всему окружающему и стал проводить целые дни, съежившись в своей клетке. Он отказался от всех напитков и выпивал в день лишь полкружки простой воды. Меня в это время не было дома, получив от Джона сообщение о болезни шимпанзе, я немедленно вернулся в лагерь. Из записки Джона можно было понять, что он не знает не характера болезни Чемли, ни способа ее лечения.

Я шел на все хитрости и уловки, чтобы вызвать аппетит у Чемли, но он продолжал худеть с каждым днем. Направляя слуг за свежими плодами манго и поу-поу, я собственными руками приготовлял нежные фруктовые салаты. Но Чемли по-прежнему ничего не ел. Это продолжалось с неделю, и я

начинал уже думать, что Чемли долго не протянет. Каждый вечер я заставлял его выходить из клетки и совершать со мной небольшую прогулку. Но Чемли был настолько слаб, что через каждые несколько ярдов должен был садиться и отдыхать. Я все же настаивал на этих прогулках, считая, что при всех условиях необходимо поддерживать в Чемли хоть какой-то интерес к жизни, в противном случае он будет обречен. В один из вечеров я открыл перед прогулкой коробку бисквитов и рассовал по карманам с дюжину кусков. После нескольких шагов Чемли решил отдохнуть, и я присел рядом с ним. Пока мы осматривали местность, я достал из кармана один бисквит и начал его жевать. Чемли внимательно следил за мной; он был, вероятно, изумлен тем, что я не предложил ему, как обычно, разделить со мной компанию. Закончив есть, я с подчеркнутым удовольствием облизал несколько раз губы языком. Подвинувшись ближе. Чемли начал обшаривать мои карманы, что само по себе было уже хорошим признаком. Таких вещей он не делал с первого дня болезни. Найдя бисквиты, он вытащил одну штуку, обнюхал ее и к великой моей радости, съел бисквит. Всего в этот вечер Чемли съел шесть бисквитов, в течение последующих четырех дней он питался только бисквитами и водой. Затем наступил день, когда он выпил кружку чаю и съел два банана. Я понял, что кризис прошел и Чемли начинает выздоравливать. Аппетит его увеличивался с каждым днем, в течение двух недель он буквально обжирался, а после этого все снова вошло в норму. Я был очень доволен, что все так хорошо кончилось; мы должны были переезжать в Кумбу, а в прежнем состоянии Чемли не вынес бы этот переезд.

Наступил день нашего отъезда из Бакебе. Когда Чемли заметил подъехавший грузовик и увидел начавшиеся сборы вещей и экспонатов, он догадался, что предстоит любимое его развлечение – поездка на машине. Он улюлюкал, кричал, возбужденно прыгал, натягивал свою цепь, дико барабанил по стенкам клетки, создавая как можно больше шума, чтобы напомнить о себе. Может быть, он беспокоился, что мы его

забудем. Когда все было собрано и погружено, клетка была водружена в кузове грузовика, и Чемли забрался в нее, радостно гикая. Мы двинулись в путь. Слуги разместившиеся по бокам и у края грузовика, затянули громкую песню. Чемли вдруг подхватил песню протяжным и довольно мелодичным завыванием, что вызвало у остальных певцов взрыв смеха. Повару пение Чемли показалось даже настолько смешным, что он вывалился из машины. Хорошо, что грузовик не успел еще набрать скорость, мы затормозили и подобрали покрытого пылью, но все еще смеявшегося повара.

В Кумбе благодаря любезности преподобного Поля Шиблера и его супруги мы получили в свое распоряжение три принадлежавших миссионерам школьных здания. В первое время, как и обычно, когда приходится устраиваться на новом месте, в нашем большом хозяйстве царил полный хаос. Перед ними сразу же остро встала проблема снабжения водой. Пока мы находили подходящего водоноса и снаряжали его необходимым количеством тары, Чемли громко сообщил о том, что он хочет пить. Он был привязан снаружи, и к нему уже сбежалась толпа местных жителей, никогда ранее не видевших живого взрослого шимпанзе. В отчаянии я открыл бутылку пива и поднес ему. К моему изумлению, Чемли радостно принял этот напиток и старательно облизывал губы после каждых нескольких глотков. Чем меньше пива оставалось в бутылке, тем выше запрокидывал ее Чемли и тем больше зрителей собиралось вокруг нас. Скоро Чемли начал забавно прыгать, кувыркаться и размахивать руками. Он был весь покрыт пеной от пива и чувствовал себя превосходно. Но это пьяное веселье доставило мне много хлопот, так как только через несколько часов Чемли протрезвился и начал вести себя прилично. Кроме того, потребовалось вмешательство трех полисменов, чтобы рассеять толпу человек в двести, окружившую занятые нами дома и закрывшую нам все входы и выходы. С того дня Чемли больше не получал напитков крепче лимонада или чая, какая бы жажда его ни мучила.

Вскоре после нашей остановки в Кумбе к компании обезьян присоединилась Су. Это была самая маленькая из всех виденных мною когда-либо шимпанзе: она еще не могла ходить и имела всего четыре зуба. Су появилась в корзинке, из которой с любопытством выглядывали ее широко раскрытые глаза. Обезьянка жадно сосала собственную ногу. Как она выжила у своего хозяина, кормившего ее только похлебкой из ямса, я не знаю. В течение часа она высосала полную бутылку теплого молока с сахаром и рыбьим жиром. Когда я показал ее Чемли, он не проявил к Су особого интереса и только попытался ткнуть ее пальцем в глаз. Мои надежды на романтическую привязанность друг к другу большого и маленького шимпанзе не оправдались.

Каждой матери, которой надоедает писк ее краснолицего ребенка, я бы сказал: «Обменяйте его на маленького шимпанзе, такого, например, как Су. Он доставит вам не меньше удовольствия и вдвое меньше хлопот». Ночи Су проводила в утепленной корзине, днем она забиралась в мою кровать. Я никогда не слышал ее плача и капризов. Она поднимала страшный крик, стискивая кулачки и брыкаясь маленькими ножками, только тогда, когда я показывал ей бутылку с молоком, а затем обнаруживал, что молоко еще не остыло и его нельзя дать обезьяне немедленно. Это было с моей стороны преступлением, и Су сразу же ставила всех об этом в известность. Первый завтрак Су получала в семь часов утра, в последний раз она кушала в полночь. Всю ночь она спала совершенно спокойно, что не плохо было бы перенять многим грудным младенцам. Днем, как я уже говорил, она лежала в моей постели, сосала пальцы рук или ног, иногда немного кувыркалась по кровати, но значительную часть дня спала.

У Су выделялись голые розовые ладони, ступни и лицо, все остальные части тела были покрыты густыми черными волосами. На голове волосы как будто разделялись посередине пробором, далее они ровной челкой спускались на уши. Су немного напоминала мне японскую куклу с серьезно

торжественным лицом. При первой встрече с ней я был очень огорчен, так как опасался, что такое крохотное существо потребует бесконечного внимания и забот, на которые у меня не хватит времени. Оказалось, однако, что она доставляла нам значительно меньше хлопот, чем любое другое животное в нашей коллекции. Слуги настолько полюбили ее, что разгоралась серьезная борьба за право поить ее молоком. Даже Джон, когда он думал, что меня нет поблизости, подходил к Су, нежно гладил ее и бормотал ей детские сказки; я несколько раз заставал его за этим занятием.

Чемли, я полагаю, немного ревновал нас к Су, но он был слишком джентльмен, чтобы чем-либо это обнаружить. Через несколько дней после ее появления в лагере в Камерун прибыл официальный представитель Лондонского зоопарка, которому я с большим сожалением передал Чемли для отправки в Англию. Я не видел после этого Чемли более четырех месяцев, когда я навестил его в санатории в Риджент-парке. Чемли жил в просторной комнате, наполненной соломой, и пользовался среди обслуживающего персонала санатория большой популярностью. Я не рассчитывал, что Чемли меня узнает: при наших встречах в Камеруне я носил легкое тропическое обмундирование и на моем лице были усы и борода, теперь же я был гладко выбрит и одет так, как принято одеваться в Англии. Но Чемли все же узнал меня. Издали заметив мое приближение, он забегал по комнате, подобрался к тому месту, куда я должен был подойти и встретил меня старым своим приветствием, слегка придавив зубами мой палец. Мы сели рядом, я угостил его сахаром, после чего, по установившейся традиции, мы закурили папиросы. Чемли осторожно снял с меня туфли и носки и проверил, все ли у меня в порядке с ногами. Закончив курить, он отнес окурок в дальний угол комнаты, подальше от соломы. Когда пришло время расставаться, он пожал мне руку и долго провожал меня взглядом через приоткрытую дверь комнаты. Вскоре после этого Чемли перевели в общее помещение для обезьян, и он потерял возможность принимать

посетителей.

Больше я не видел Чемли, но дальнейшая его судьба мне хорошо известна. Он стал крупной телевизионной звездой, часто появлялся в Александровском дворце и вел себя перед объективом телевизионной камеры как заправский артист. Когда у него разболелись зубы, Чемли снова поместили в санаторий для лечения. В один прекрасный день ему вдруг стало скучно, он вырвался из комнаты и пробежал по всему Риджент-парку. Дойдя до улицы, Чемли увидел рядом с оградой автобус и, долго не раздумывая, вскочил в него. Неожиданное появление страшной обезьяны вызвало панику среди пассажиров автобуса; шум и крики в свою очередь настолько вывели Чемли из душевного равновесия, что он совершенно забылся и даже успел кого-то укусить. Если бы люди понимали, что крики и шум быстрее и легче всего побуждают диких животных к боевым действиям! Покинув автобус с перепуганными пассажирами, Чемли пошел по дороге, остановился около женщины с детской коляской (увидев рядом с собой обезьяну, женщина едва не упала в обморок) и начал думать, чем ему дальше заняться. В этот момент появились работники санатория. Чемли уже успел понять, что цивилизованные люди не могут быть достойной компанией для хорошо воспитанного шимпанзе, поэтому он охотно принял предложенную ему смотрителем руку и вернулся обратно в санаторий. После этого приключения Чемли был признан опасным и отправлен в зверинец к обезьянам. Через некоторое время у Чемли опять разболелись зубы, он снова попал в санаторий и снова предпринял попытку совершить побег.

Дело происходило в канун сочельника. Память Чемли, быть может, хранила воспоминания о подобных празднествах в каком-либо клубе в дебрях Африки. Вероятно, Чемли решил, что, если он прогуляется по улицам в канун сочельника, когда у лондонцев хорошее настроение, кто-нибудь дружески угостит его кружкой пива. Он снова выбрался из клетки и перебежал Риджент-парк. У

Глочестерских ворот он надеялся увидеть автобус, но на этот раз ему не повезло – автобуса поблизости не было. Около тротуара стояло несколько автомобилей. Чемли решил немного покататься по городу, приблизился к одной из машин и начал стучать в дверцу. Чемли обожал поездки на любом виде транспорта. Но глупые люди не поняли хорошего, праздничного настроения шимпанзе. Закрывшись в машинах, они начали отчаянно взывать о помощи. Чемли справедливо обиделся на такое нарушение добрых традиций хваленого английского гостеприимства. Но он не успел изложить свою точку зрения владельцам автомашин: примчалась группа смотрителей, и Чемли снова был водворен в зоопарк. Чемли дважды сбегал из клетки и этим навлек на себя гнев администрации. Из милого умного животного, удостоенного даже права выступать по телевидению, Чемли вдруг превратился в свирепое и опасное чудовище, которое могло снова убежать и искусать каких-либо почтенных граждан. Во избежание подобных ужасов Чемли был приговорен к смертной казни и расстрелян.

ГЛАВА XIII. Деревня на озере

Кумба – большой и для Камеруна довольно цивилизованный поселок. Среди его жителей насчитывалось около десятка белых людей, в нем находился магазин «Юнайтед Африка компани», маленькая больница, и в нем регулярно останавливались грузовики, направлявшиеся от морского побережья в глубь страны. Зная все это, мы не надеялись пополнить здесь нашу коллекцию и смотрели на Кумбу, как на удобную, близкую к порту базу для выезда из Камеруна, а не как на пункт для поимки новых животных. К нашему удивлению, именно в Кумбе мы пополнили наш зверинец несколькими редкими и ценными экземплярами.

Первые из них появились вскоре после того, как мы заняли три хороших светлых школьных здания на окраине поселка. Оборванный лохматый человек принес нам большую, искусно сделанную из бамбука клетку, тщательно закрытую банановыми листьями. Как выяснилось, это был житель одной из деревень Камеруна, расположенной милях в тридцати от Кумбы; он знал только свой родной язык и несколько слов на ломаном французском языке. Поскольку я знал французский язык ненамного лучше его, мы сравнительно легко разговорились. Он слышал, что я интересовался обезьянами, поэтому принес мне несколько штук и теперь готов продать их. Охотник сорвал с клетки банановые листья, и я увидел трех обезьян совершенно незнакомого мне вида. Вглядевшись внимательнее, я понял, что в клетке сидят не три, а четыре обезьяны: одна из самок прижимала к груди крошечного детеныша, который был настолько мал, что почти скрывался в ее шерсти. В клетке находились крупные красивые обезьяны темно-серого цвета, который лишь в двух местах сменялся другой окраской; под подбородком у обезьян росли мягкие пушистые волосы чистого белого цвета; седалища обезьян были покрыты яркими ржаво-красными волосами. Без всяких споров я уплатил охотнику назначенную им довольно скромную сумму

и попытался вступить с ним в переговоры, используя весь свой скудный запас французских слов. Человек, который ловит обезьян в таком количестве, заслуживал, на мой взгляд, самого пристального взгляда.

– Как ты поймал этих животных, мой друг? – спросил я на чудовищно исковерканном французском языке.

– Что вы сказали, прошу прощения? – вопросительно ответил охотник с таким же акцентом.

Я повторил вопрос, заменив одни слова другими. Мой собеседник немного подумал, почесывая затылок, потом снова сказал извиняющимся тоном, что он меня не понимает.

Я начал озираться по сторонам в поисках какого-нибудь выхода. В этот момент появился Джон. Я вспомнил, что мой верный компаньон в прошлом жил некоторое время в Бельгии и немного знал (по крайней мере так он говорил) французский язык. Я подозвал его, и он охотно включился в беседу. С великолепным оксфордским акцентом он повторил мой вопрос, и, к моему изумлению, охотник его понял. Он ответил несколькими быстрыми фразами, но на этот раз Джон его не понял. Затратив полчаса, в течение которых были попеременно использованы все языки и жаргоны, мы примерно уяснили себе способ, при помощи которого наш собеседник ловил обезьян. Он строил небольшую бревенчатую клетку в том месте, куда частенько наведывались обезьяны, и в качестве приманки клал в нее гроздь спелых бананов. Когда обезьяны, привлеченные бананами, забирались в клетку, какая-нибудь из них по неосторожности задевала тонкую подпорку, и дверца клетки немедленно захлопывалась. Я умолял охотника принести мне еще обезьян и подарил ему две пачки сигарет. Охотник обещал выполнить мою просьбу, но больше я его не видел. Полагаю, что полученных за принесенных обезьян денег ему вполне хватило на несколько месяцев, а согласно утвердившимся в Камеруне обычаям нет смысла работать, если у человека и так есть деньги и он может купить на них все необходимое: когда же деньги будут израсходованы,

работа найдется. Эта нехитрая философия не лишена здравого смысла, но нам она приносила большие практические неудобства, так как после поимки животного каким-либо хорошим охотником и получения им вознаграждения он исчезал надолго или даже навсегда.

Обезьяны оказались гвенонами Пройса, или краснозадыми обезьянами. Живых представителей этого вида не было в Англии в течение по меньшей мере последних сорока лет. Я постарался как можно скорее поместить их в приличные клетки, отделив при этом мать с детенышем от остальных обезьян. Этим я обеспечил самке с малюткой спокойную и легкую жизнь. Эти обезьяны стали гордостью моей коллекции, и несколько дней я наслаждался своей радостью. Затем в одно злополучное утро какой-то отвратительный мальчишка (я искренне верю, что он дурно кончит) пробрался в мой зверинец и начал открывать клетки, чтобы покормить обезьян. Для большинства обезьян это не имело значения, они стали уже ручными и охотно принимали пищу прямо из рук. Но мои драгоценные гвеноны Пройса еще не свыклись с неволей и не привыкли к тому, чтобы незнакомцы открывали их клетку и бросали в них фрукты. Один из самцов прыгнул к двери и начал кусать руку, предлагавшую ему пищу. Мальчишка, естественно, бросился бежать, а дверь на несколько минут осталась открытой и без присмотра. Этого оказалось достаточным, обезьяны выскочили из клетки и поднялись на крышу здания. В это время появились слуги, поймавшие малолетнего преступника. Увидев моих драгоценных обезьян на крыше, они перепугались и немедленно побежали звать меня. Когда мы вернулись в зверинец с сетями, было уже поздно: обезьяны мчались по траве по направлению к ближайшим деревьям. Попытки слуг догнать их не увенчались успехом. Я только надеялся теперь, что обезьяны догадаются удрать как можно быстрее в чащу леса, так как, если они останутся на деревьях в поселке, их обязательно застрелит кто-нибудь из местных жителей. В результате из всей компании вновь прибывших

обезьян у меня осталась только самка с детенышем.

Я начал медленно приближаться к виновнику происшествия, со злорадным удовлетворением отмечая, что рука его сильно искусана. Догадавшись по выражению моего лица, что никакой пощады ему не будет, мальчишка вырвался и побежал прочь со всей скоростью, которую допускали его коротенькие черные ноги. Запыхавшиеся слуги, только что вернувшиеся после погони за обезьянами, бросились за ним вдогонку, однако он быстро исчез в закоулках поселка.

Два дня спустя, когда я все еще остро переживал понесенную утрату и надеялся на возвращение охотника с новой партией гвенонов, я получил зверька, который с лихвой компенсировал потерю обезьян. Ко мне пришел юноша с ящиком из-под мыла (я судил по сохранившейся этикетке) в руках. Острый запах доказывал, что содержимое ящика было извлечено из него совсем недавно. Открыв ящик, я заглянул в его темную внутренность: на дне ящика, свернувшись в клубок, лежал ангвантибо.

В лагере снова возник переполох: необходимо было срочно отвести зверьку временное помещение, пока для него не будет построена подходящая клетка. Пахучий ящик, в котором был доставлен этот редкий и ценный зверек, нужно было немедленно заменить. Я щедро вознаградил юношу, поздравил его и посоветовал повторить свой успех, что он и обещал.

На следующий день, когда я только что поместил зверька в постоянную клетку и бережно установил ее возле клетки с ранее пойманным ангвантибо, появился знакомый юноша с тем же самым ящиком в руках.

– А-а-а!.. – весело приветствовал я его. – Что ты принес сегодня? Опять такого же зверя? – и я кивнул в сторону ангвантибо.

– Да, сэр, – невозмутимо ответил юноша.

– Что? Неужели ты опять поймал такого же зверя?

В ответ он протянул мне ящик, в котором действительно сидел еще один ангвантибо. Я не верил своим глазам:

получить в течение двух дней двух ангвантибо представлялось мне невероятным чудом.

Дрожащими руками я расплатился с юношей, попросил его еще раз постараться и побежал искать Джона, чтобы поделиться с ним радостной вестью.

– Догадайся, что мне сейчас принесли?

– Что-нибудь интересное?

– Еще одного ангвантибо!

– Да, это очень хорошо, – совершенно спокойно сказал Джон. – Теперь у нас их трое.

– Меня очень беспокоит, что я вчера попросил парня поймать мне другого ангвантибо, и он сегодня принес его как ни в чем не бывало. Что я буду делать, если завтра он принесет мне штук шесть ангвантибо? В конце концов я не могу все время платить бешеные деньги за этого зверька.

– Не бойся, – весело ответил Джон, – я думаю, что больше ты этого парня не увидишь.

Джон оказался прав, но в течение нескольких дней меня мучил страх встретить юношу с ящиком, полным ангвантибо, в руках. Я знал, что не смогу устоять перед соблазном и куплю всех, сколько бы их ни было.

Следующей находкой явилась для нас редкая и красивая нектарница великолепная, которую принес в лагерь маленький мальчуган, крепко зажавший птичку в худенькой горячей ладони. Это оказался самец с роскошным, ярким оперением; он был в полной сохранности, Я в это время находился в отделении для птиц и имел удовольствие наблюдать, как обычно спокойный Джон буквально задыхался от изумления и восторга при виде этой птицы. Но он быстро пришел о себя и снова стал холодным самоуверенным англичанином: в глазах его, однако, еще горел лихорадочный блеск, когда он торговался с мальчиком, беспощадно отвоевывая каждое пенни. Купив птицу, он спросил мальчика, как тому удалось ее поймать.

– Рукой, сэр, – ответил мальчик.

– Рукой?

– Да, сэр, она пролетала рядом со мной, и я схватил ее… – мальчик сделал быстрое движение, каким мы обычно ловим комаров или мух.

Джон повернулся ко мне.

– Я считаю тебя знатоком психологии местных жителей. Объясни мне, почему ребята не говорят мне правду о том, как они ловят птиц. Чтобы поймать птицу за крыло во время полета, надо обладать зоркостью ястреба и скоростью пули, вылетающей из дула винтовки. Неужели он думает, что я поверю его отъявленной лжи?

– Ты настолько прост и невинен, старина, что тебе действительно трудно что-нибудь объяснить. Ты весь излучаешь сияние невинности.

Джон вздохнул, отпустил мальчика, попросив его и впредь приносить нам птиц для продажи, и продолжал кормить своих пленников. Но еще ни один раз в течение дня, когда ему казалось, что я на него не смотрю, Джон возвращался к клетке с нектарницей и подолгу любовался ею.

Однажды преподобный Пауль Шиблер, проживавший в Кумбе, пригласил меня принять участие в прогулке, которую он хотел совершить вместе с супругой. Целью прогулки была деревня Соден, расположенная на озере в нескольких десятках миль от Кумбы. Шиблеры уверяли меня, что у озера живет множество птиц и я наверняка привезу оттуда ценные экспонаты. Джон с энтузиазмом встретил весть об этом приглашении и охотно согласился принять на себя заботу о млекопитающих и пресмыкающихся на время моего отсутствия. Экскурсия рассчитана была на неделю. Я приготовил много небольших клеток и коробок для ожидаемых пленников, скатал свое походное одеяло и в одно прекрасное утро сел в маленький автомобиль Шиблеров. Вместе со мной поехал Пайос. Машина довезла нас до места, где кончалась дорога. Там уже собрались носильщики, и мы начали пятнадцатимильный переход к озеру.

Тропа слегка извивалась по ровной лесистой местности мимо небольших плантаций и расположенных на открытых

полянах маленьких поселков. Отовсюду выбегали люди, чтобы поздороваться с Шиблерами и обменяться с ними рукопожатиями. Встречные уступали дорогу и, стоя рядом с тропой, приветствовали нас. Встречая больных или путников с тяжелым грузом на голове, Шиблеры останавливались, интересовались их здоровьем, расспрашивали, далеко ли им идти. Иногда мы проходили под бомбаксами, усыпанными ярко-красными цветами; нижняя часть их крупных серебристых стволов была покрыта пестрым плотным ковром желтых и белых вьюнков. Кукуруза на полях выделялась своими крупными тяжелыми початками, слабый ветерок развевал ее серебристые кисточки. Большие желтые связки бананов висели на деревьях, как вылепленные из воска уродливые канделябры.

Лишь к вечеру мы добрались до озера. Тропа, крутыми зигзагами пересекавшая густой лес, внезапно вывела нас к широкому водному пространству. Ровная темно-серая поверхность воды кое-где еще отливала в лучах заходящего солнца неровными золотыми бликами. Лес оканчивался у самой воды, и, насколько охватывал взгляд, всюду по берегам озера, имевшего форму правильного круга, сплошная стена леса подходила прямо к воде. На середине озера возвышался маленький, заросший лесом островок, где мы с трудом различили темные контуры деревни.

Мы вошли по щиколотку в теплую воду; один из носильщиков издал пронзительный крик, который мрачными перекатами разнесся по поверхности озера и отразился от окружающей озеро стены леса многочисленными эхо. Пара черно-белых орлов поднялась с ветвей сухого дерева и тяжело полетела над водой по направлению к острову. Вскоре с острова донесся ответный крик, крошечное черное пятнышко отделилось от основного массива и поплыло к нам. Это было каноэ. Следом за ним показалось второе, третье, скоро целая группа их, подобно стайке крошечных темных рыбок, отплыла от каменистых, заросших мхом берегов.

Лодки быстро приблизились к нашему берегу,

зашуршали в тростнике, гребцы улыбались и приветствовали нас громкими: «Добро пожаловать, маса, добро пожаловать!» Мы погрузили весь багаж в хрупкие суденышки, которые вздрагивали и подскакивали, как игривые лошади, и каноэ легко заскользили по поверхности озера. Вода была теплая, остров, озеро и окружавший его лес были слегка окрашены исчезающим сиянием спрятавшегося солнца. Тишину нарушал только мягкий плеск воды, рассекаемый каноэ, случайный стук весла о какой-нибудь кусок дерева и равномерные выдохи гребцов в тот момент, когда они опускали в воду весла, стремительно подвигая каноэ вперед. Над нами пролетела, четко вырисовываясь на фоне розового неба, пара серых попугаев, очень похожих в полете на голубей: они громко свистели и ворковали. На острове нас встретила торжественная тишина, глубокая и таинственная: даже самый легкий, шум казался кощунством.

Шиблеры расположились в хижине на небольшом холме в центре деревни, мне отвели крошечную лачугу, спрятавшуюся в густой рощице около самого берега. Перед сном я закурил папиросу и подошел к озеру. Прохладная вода серебрилась в лунном сиянии, часто появлявшиеся на поверхности круги, сопровождавшиеся громкими всплесками, свидетельствовали о большом количестве рыбы в озере. Далеко в лесу раздавался громкий протяжный крик совы, слышался непрерывный отдаленный звон цикад.

На следующее утро яркие лучи поднявшегося над кромкой леса солнца залили мою лачугу, в открытую дверь я видел манящую водную гладь. Я вскочил на ноги, вышел из лачуги и, разбежавшись, нырнул в воду, еще теплую от вчерашнего солнца, но достаточно прохладную, чтобы освежить меня после ночного сна. Проплыв несколько ярдов, я вдруг вспомнил о крокодилах, остановился и принялся осматриваться. Из-за маленького мыса показалось крошечное каноэ, которым управлял карапуз лет пяти от роду.

– Алло, друг мой, – крикнул я ему, – крокодилы здесь бывают?

В ответ послышался взрыв заливистого детского смеха:

– Нет, маса, здесь нет крокодилов.

– Здесь совсем не бывает плохих зверей?

– Совсем, сэр, совсем, – ответил ребенок, и я долго еще слышал его звонкий смех, пока он плыл по озеру в своей лодчонке. Успокоившись, я долго и с наслаждением плавал и купался, а потом пошел в деревню завтракать. После завтрака меня познакомили с двумя гребцами, с которыми я должен был объехать озеро в поисках птиц. Это были скромные, тихие, рослые юноши, которые все время молчали и только отвечали на задаваемые им вопросы. Мы сели в длинное глубокое каноэ. Я примостился на носу, положив бинокль на колени и ружье рядом с собой. Шиблер предупредил меня, что на озере много птиц, но действительность превзошла все мои ожидания.

Вокруг мелких берегов озера лежали побелевшие стволы огромных деревьев с торчащими над темной водой светлыми изогнутыми ветками, напоминающими извивающихся змей. Эти деревья постепенно подтачивались совместными усилиями дождей, ветров и насекомых, вода мало-помалу размывала почву, в которой держались их корни. Наступал день, когда лесные великаны с треском обрушивались в озеро и медленно, год за годом, все глубже погружались в илистое дно. Поднимавшиеся над поверхностью воды стволы и сучья служили превосходным местом отдыха для значительной части живших в этом районе птиц. Пока наше каноэ медленно плыло вдоль берега, я внимательно осматривал в бинокль различных представителей мира пернатых. Чаще всего мне попадалась анхинга, или змеешейка, очень похожая на встречающегося в Англии большого баклана; разница между ними заключается в основном в длине шеи. У анхинги шея значительно длиннее и изогнута в виде буквы S. Эти птицы сидели рядами на павших деревьях, широко распластав крылья; склонив набок свои головы, они внимательно следили за нами. У них было темно-коричневое оперение, казавшееся издали черным,

отчего вся их группа на расстоянии немного напоминала собравшихся на похороны людей, ожидающих катафалк. Когда мы подплыли к ним слишком близко, они тяжело снимались с места, пролетали некоторое расстояние и с шумом снова усаживались на берегу. Они часто ныряли в воду, появляясь затем в самых неожиданных местах; над водой торчали только длинные шеи и маленькие головы, и казалось, что это плывут живущие в воде змеи. Эта манера плавания и послужила основанием для названия «змеешейка».

Часто встречались (всегда парами) орлы; их черно-белое оперение резко выделялось на зеленом фоне леса, канареечно-желтые клювы и ноги ярко сверкали в солнечных лучах. Они подпускали к себе очень близко, а затем несколькими ленивыми взмахами крыльев перелетали на соседнее дерево.

Больше всего поражало и восхищало меня невероятное количество зимородков различных видов, размеров и цветов. Они смело подпускали нашу лодку на расстояние до шести футов. Здесь были пестрые зимородки с ярко-черным и белым оперением, озиравшиеся так надменно и горделиво, словно надев черные и белые драгоценности, они пришли на светский бал. Длинные угольно-черные клювики их переливались и мерцали на солнце. Здесь были и гигантские зимородки, обычно парами, с темными заостренными хохолками, с серыми и белыми крапинками на спине и рыжевато-красными грудками. Они были величиной с лесного голубя и имели большие, похожие на лезвие ножа клювы. Были здесь и мои любимые карликовые зимородки, предпочитавшие сидеть на самых тоненьких сучках, обхватывая их кораллово-красными лапками. Были здесь и ярко-голубые зимородки, наиболее живописные из всех. Они немного крупнее карликовых зимородков, но в полете их невозможно с кем-либо спутать: когда они со звонким пронзительным щебетом низко скользят над поверхностью воды, спинки их сверкают светлой, изумительной по красоте голубизной, передать которую словами невозможно.

Создается впечатление, что над озером, тихо мерцая, проплывает благородный драгоценный опал. Наблюдая за ними, я решил обязательно захватить для коллекции Джона нескольких представителей этих редких по красоте видов. У Джона уже были карликовые зимородки и значительно менее приятные синегальские зимородки, поэтому я поставил себе целью достать пестрых, гигантских, и в особенности ярко-голубых, зимородков.

Увлеченный разнообразием и численностью зимородков, я рассеянно смотрел на других птиц. Часто встречались нам толстые пестрые бородатые ржанки, желтоватые бородки которых забавно торчали по обе стороны клюва и развевались на ветру; маленькие лощеные черные коростели на хрупких зеленых ножках, заметно выделявшихся, когда птицы поспешно вылетали из зарослей тростника; изящные белые цапли, торжественно вышагивавшие по грязи; глянцевые ибисы, словно одетые в переливающийся шелк, смотрели с деревьев холодными рыбьими глазами. В одном месте мы наткнулись на недавно упавшее дерево, которое потащило за собой в воду множество лиан и растений-паразитов. Неподвижные воды были покрыты зелеными листьями, сорванными лепестками цветов; среди оставшихся на дереве поблекших и почти засохших цветов и сохранившихся еще зеленых листьев играла и резвилась стайка нектарниц. Иногда птички садились на цветы всего в нескольких дюймах от воды, и зеркальная поверхность озера четко отражала изображение цветка и птицы.

Вернувшись в деревню и наведя необходимые справки, я нашел трех мальчиков, умевших пользоваться для ловли птиц клеем, как это успешно делали ребята в Эшоби. Я объяснил им, какие зимородки мне нужны, и назначил цену за пойманных птиц. На следующее утро еще до восхода солнца, я проснулся от всплеска весел; выглянув из хижины, я увидел, как мои юные птицеловы в трех маленьких каноэ отправились на охоту. Первый из них вернулся к полудню и принес в

корзинке двух пестрых и одного сенегальского зимородка. Последнего я отпустил, так как Джон уже имел представителей этого вида в своей коллекции. Пестрых зимородков я поместил в лучшую свою клетку. Птицы не столько испугались, сколько разозлились, попав в незнакомую обстановку: когда я близко подносил руку к проволочной решетке, они дружно клевали ее острыми клювиками.

Скоро я убедился, что чистить клетку с зимородками далеко не самое приятное занятие. Проблема питания решалась очень легко – отмели вокруг острова кишели мелкой рыбешкой, и, забросив несколько раз невод, мы могли обеспечить пищей дюжину зимородков. Оба мои пленника охотно пообедали и тут же задремали.

В полдень показался второй птицелов. Он привез карликового зимородка, но несчастная птица настолько увязла в клее, что мне пришлось затратить не меньше получаса на то, чтобы как следует ее отчистить. Когда я раскрыл ладонь, зимородок на мгновение сел на мой палец, с трудом держась за него крошечными лапками. Он привел в порядок несколько перьев, распушившихся после устроенного ему купания, вспорхнул и по прямой полетел к дальнему берегу. Третий птицелов вернулся вечером, в его маленькой корзинке сидел ярко-голубой зимородок. Я устроил птичку с. тем же комфортом, с каким разместил и ранее пойманных птиц, но новый гость оказался гораздо более беспокойным и оживленным. Я был удовлетворен результатами дня и просил птицеловов поймать мне еще гигантского зимородка. Я уже представлял себе выражение лица Джона при моем появлении в лагере с тремя различными видами зимородков. Но моя мечта не осуществилась: на следующий день юные птицеловы объяснили мне, что гигантский зимородок легко высвобождается из непрочного клея. Под жаркими солнечными лучами клейкая масса застывала очень медленно: маленькие слабые птички увязали в ней, но крупный и сильный гигантский зимородок легко

вырвался на свободу. В этот день птицеловы принесли еще по одному пестрому и ярко-голубому зимородку, что несколько меня утешило.

После обеда я нежился в теплой воде неподалеку от моего жилища и с интересом рассматривал стайку маленьких рыбок, упорно пытавшихся обследовать мои ноги. В это время из деревни прибежал человек с запиской от Шиблера, из которой я узнал, что меня ожидает охотник с пойманной добычей. В деревне я увидел толпу, окружившую предмет, показавшийся мне с первого взгляда большим плоским камнем. Присмотревшись внимательно, я понял, что передо мной крупнейшая из всех когда-либо встречавшихся мне пресноводных черепах. Относилась она к виду, известному под названием мягкопанцирной черепахи: гладкий куполообразный панцирь с выступающим по краям большим мягким ободом как будто был сделан из отсыревшего картона. Молодые черепахи этого вида сверху немного похожи на толстые и рыхлые блины. Морда этих примечательных пресмыкающихся оканчивается двумя миниатюрными хоботками; высовывая их наружу, черепаха дышит, не всплывая на поверхность воды. У принесенной мне черепахи оказалась глубокая рана на шее, и она издохла в тот момент, когда я подошел к толпе. Но даже после того, как голова черепахи была отделена от туловища, крепкие, острые, как бритва, зубы черепахи схватили крупную щепку и стали ее перемалывать. Я и не представлял себе, что черепахи могут достигать таких огромных размеров: описываемый экземпляр имел в длину около четырех футов, и одному человеку не под силу было его поднять. После того как я исследовал черепаху и попросил охотника доставить мне следующий экземпляр живьем, черепаха была разрезана на куски, сварена и съедена. Мясо ее оказалось довольно вкусным и несколько напоминало мягкую, немного жирную телятину. Но, к большому моему сожалению, я так и не получил живого представителя этих громадных пресмыкающихся.

Настал день нашего отъезда, мы распрощались с

жителями деревни, вновь переплыли на каноэ спокойное красивое озеро и пристали к берегу около места, где начиналась тропа. В последний раз я окинул взглядом затерянный на фоне освещенной солнцем водной поверхности маленький островок и окружающий озеро густой тропический лес. Затем мы тронулись в путь, я все время должен был следить, чтобы носильщики не задевали клетками низко нависшие ветви деревьев и во время привалов не оставляли клетки под палящими солнечными лучами. По пути я дважды кормил зимородков, вытаскивая из специально захваченного бидона с водой крошечных рыбок. Один из пестрых зимородков взбунтовался и отказался есть, остальные легко перенесли утомительное путешествие.

Уже в сумерках добрались мы до дороги, расплатились с носильщиками и сели в автомобиль. В школьное здание в Кумбе я прибыл, когда уже совсем стемнело. Джон в это время ужинал. Даже бурный восторг, проявленный им при виде зимородков, не мог развеять нахлынувшей на меня грусти: я понял, что вернулся из последнего своего путешествия. Через десять дней мы должны будем покинуть Африку. В эту ночь я долго не мог уснуть, вспоминая теплые воды озера, удивительный маленький островок, деревню на острове и его симпатичных и счастливых обитателей. Я твердо решил когда-нибудь снова вернуться к этому озеру и чудесно там отдохнуть, плавая вместе с рыбами, катаясь на каноэ и наблюдая за зимородками.

ГЛАВА XIV. Ковчег отправляется в путь

Нелегко найти судно, капитан которого согласился бы принять на борт сотню различных по форме и размерам клеток с живыми птицами, млекопитающими и пресмыкающимися. Мы пережили много волнений, прежде чем компания «Элдерс энд Файфс» любезно разрешила нам воспользоваться одним из принадлежавших ей пароходов. Когда день отплытия был назначен, выяснилось, что у нас очень мало времени для сборов. Необходимо было приобрести множество вещей, запасти пищу для животных на весь длительный путь, проверить и отремонтировать все клетки, выполнить сотню различных дел. За отдельными предметами и продуктами, например за обыкновенным картофелем, приходилось посылать слуг на расстояние до двухсот миль. В Кумбе можно было достать только сладкий картофель. То же самое случилось и с кукурузой. При покупке товаров большими партиями гораздо выгоднее приобретать их в районах, где они производятся. Основные же сельскохозяйственные районы Камеруна находятся в возвышенной части страны на значительном удалении от побережья. Нам нужно было купить сто двадцать яиц, сорок связок бананов на разных стадиях зрелости, пятьдесят поу-поу, сотню апельсинов, двадцать ананасов, четыре мешка кукурузы, два мешка сладкого и обыкновенного картофеля, два мешка бобов и тушу целого вола. Все это следовало купить в различных районах Камеруна и как можно быстрее привезти к нам; в случае задержки мы рисковали отправиться в плавание без какой-либо части наших запасов продовольствия.

В это напряженное время я вдруг надумал заболеть малярией. В начале болезни я решил, что она вызвана простым переутомлением, и около недели преодолевал ее на ногах. Почувствовав себя очень уж скверно, я обратился в местную больницу. Врач выслушал меня, сделал какое-то вливание и приказал немедленно лечь в постель. С большой

неохотой вылежал я два дня, чувствуя, как разброд и смятение все сильнее охватывают мою колонию зверей. Джон с трудом успевал кормить своих птиц, проверять мешки с картофелем и следить, чтобы обезьяны получали пищу вовремя. Мы решили выехать в ночь накануне отплытия, чтобы к рассвету быть уже на берегу и подготовиться к погрузке. В день выезда меня снова навестил врач. Дом наш напоминал в это время базар: мешки с продовольствием, коробки с яйцами, корзины с фруктами в беспорядке были разбросаны по комнатам. Врач осторожно пробрался через весь этот хаос, измерил мне температуру и приготовился произвести очередной укол. Рассматривая на свет шприц и заполняя его хинином, он поинтересовался, чем вызвано такое оживление в нашем доме. Трясясь в ознобе под одеялом и поглядывая на шприц, я ответил, что завтра вечером мы уезжаем в Англию.

– Что вы имеете в виду? – недоверчиво спросил он.

– Мы будем грузиться на пароход. Во вторник в десять тридцать мы должны быть уже на борту.

– Вы хотите сказать, что при вашем состоянии здоровья собираетесь выезжать в Тико и садиться завтра на пароход? – раздраженно спросил врач. В его глазах я, очевидно, выглядел не вполне нормальным человеком.

– Но я совсем не так уж болен, – запротестовал я. – Сегодня я чувствую себя хорошо…

– Слушайте! – гневно прервал меня врач, – в течение недели у вас была температура 38,4°. Вы должны лежать в постели не меньше двух недель. Вы не можете сейчас отправляться в морское путешествие.

– Но я должен ехать, доктор, у меня нет другого выхода. Если мы не воспользуемся представившимся случаем, мы никогда отсюда не уедем. Мы обязаны сесть на этот пароход.

– Вы не можете ехать. Отправляться в путешествие в вашем состоянии – это безумие. Если у вас повторится приступ лихорадки, когда вы будете на берегу (а в том, что он повторится, я почти уверен), вы или ляжете в госпиталь,

или…

– Или что?

– Или умрете, – резко закончил он и с профессиональной ловкостью ввел в мое тело содержимое шприца.

Как только я снова был в состоянии продолжать разговор, я сказал:

– Но мы не можем откладывать поездку. Я должен ехать.

– Хорошо, но я снимаю с себя всякую ответственность.

Круто повернувшись, он вышел из комнаты. Вечером прибыли грузовики, на которых в первую очередь были расставлены клетки с животными, а затем сложены мешки с картофелем, кукурузой, бобами, коробки с яйцами и туша вола, предусмотрительно завернутая в мокрые мешки. К моменту выезда из Кумбы я чувствовал себя пьяным, в висках стучала частая барабанная дробь. Я сел в кабину, поместив к себе на колени маленького шимпанзе Су, завернутого в одеяльце. Колонна тронулась в путь. Это было кошмарное путешествие. Прошли первые дожди сезона, красная земля превратилась в месиво вязкой глины, в котором грузовик отчаянно буксовал, ударяясь и подскакивая на невидимых камнях. Я слышал громкие возмущенные крики обезьян из кузова и думал, сколько ценных, теперь уже незаменимых экземпляров заболеет, быть может, даже умрет в результате этой мучительной поездки. Я забылся беспокойным, лихорадочным сном и вскоре проснулся, стуча зубами от холода. Остановив машину, я достал из кузова одеяла и завернулся в них. Через десять минут я истекал потом и вынужден был снова сбросить с себя одеяла. В одном месте прокололась шина у грузовика, в котором сидел Джон. Подойдя ко мне, он поинтересовался моим самочувствием, и мы выпили по чашке чая из термоса.

– Как выдерживают дорогу твои птицы? – спросил я.

– Не знаю, – хмуро ответил Джон. – Мы испытали страшную тряску. Я даже боюсь заглядывать в кузов до тех

пор, пока мы не приедем в Тико.

– У меня такое же настроение. Все равно мы ничего не можем сейчас сделать, остается только надеяться на благополучный исход.

Когда мы добрались до нижних склонов массива Камерун и дорога повернула к берегу моря, начал накрапывать мелкий холодный дождь, от которого покрытый туманом ландшафт сделался еще более темным. Солнечные лучи начали уже пробиваться сквозь низко нависшие серые тучи, когда мы увидели первые пальмовые плантации. Вскоре внизу под нами открылась большая равнина, окружающая Тико. Это была уже цивилизованная Африка, на которую я смотрел с ужасом, ровными унылыми рядами на протяжении многих миль росли банановые деревья. Однообразие этих плантаций производило тягостное впечатление. Сотни тысяч банановых деревьев приносили плоды, которые срывались еще недозрелыми и направлялись на ожидающие в гавани корабли. Кругом видны были только бесконечные банановые листья, мокрые, обвисшие, похожие на большие зеленые простыни. Лишь изредка беленький домик надсмотрщика-европейца, расположенный на какой-нибудь небольшой полянке, нарушал тягостное однообразие. Иногда видели мы и ряды грязных металлических сараев, в которых ютились сборщики бананов.

Под непрерывно моросившим дождем наши грузовики медленно продвигались вперед и вскоре остановились около узкоколейной железнодорожной ветки. Маленькие паровозики тащили за собой платформы, заваленные связками бананов. Эти составы пересекали низменную заболоченную береговую полосу и подъезжали к порту, где бананы немедленно грузились на пароход.

К большому нашему огорчению, выяснилось, что мы прибыли за несколько часов до начала погрузки животных на пароход. Мы решили пока оставить клетки на машинах нераспакованными, по крайней мере это давало хоть некоторое укрытие от дождя.

В это время солнце прорвало завесу облаков, и дождь окончательно прекратился. Пришлось все же снимать клетки с машин и укрывать их в тени рядом с железнодорожной колеей. Попутно мы проверили состояние всех наших животных, после чего я обменялся с Джоном результатами произведенного осмотра.

– Я потерял двух нектарниц, к счастью, не самых ценных. Думаю, что они испугались тряски в пути и начали метаться по клетке. Все остальные птицы как будто целы, но я мечтаю скорее оказаться на пароходе, накормить и напоить их. Как твои зверюшки?

– Один глупый дрил основательно поранил себе руку. Вероятно, он просунул ее через решетку, а в это время машина подскочила на ухабе и его стукнуло по руке другой клеткой. Но это быстро заживет, других потерь у меня, кажется, нет. Ангвантибо в порядке, но они очень устали от дороги.

После томительного ожидания (самое тяжелое заключалось в том, что мы не имели возможности вовремя накормить и почистить животных) подошел состав с пустыми платформами, и нам разрешили грузить клетки на платформы. Не успели мы закончить погрузку, как снова начался дождь; но это был уже не прежний мелкий дождик, а настоящий тропический ливень. Мы находились на открытом месте, через несколько секунд потоки воды побежали по стенкам клеток, а люди выглядели так, словно их только что вытащили из моря. Состав медленно двигался вперед, приближаясь к пароходу; когда мы добрались до него, началась быстрая погрузка. Я снова трясся в лихорадке и чувствовал себя отвратительно. Вспомнив предостережение врача, я спустился в каюту, переодел сухую одежду и пошел искать старшего буфетчика. Выпив у него стакан крепчайшего виски, я почувствовал, как блаженное тепло разливается у меня по всему телу. Проглотив полученные накануне от врача таблетки, я снова поднялся на палубу.

Клетки и их обитатели были совершенно мокрыми.

Пришлось срочно заменять сырую подстилку сухой и чистить клетки. Затем я посыпал обезьян сухими опилками, чтобы таким образом немного подсушить их мех. Накормив обезьян хлебом и фруктами, я дал потом горячего молока, так как бедные животные дрожали от холода. Я знал, что, если до наступления темноты они не обсохнут, многие из них рискуют заболеть пневмонией. После обезьян я накормил и напоил ангвантибо, которые, к счастью, меньше пострадали от дождя, так как были накрыты другими клетками..

К этому времени благотворное действие виски прекратилось, и я стал чувствовать себя все хуже и хуже. Палуба качалась и убегала у меня из-под ног, голова казалась огромной, как тыква, и грозила в любой момент расколоться от острой пронизывающей боли. Впервые я начал всерьез опасаться за будущее: я не мог лечь в госпиталь и оставить Джона одного в этом трудном и долгом путешествии, где нам и двоим работы было по горло. Я с трудом приполз в каюту и свалился на койку. Джон спустился ко мне, чтобы сообщить, что он более или менее благополучно разместил птиц и через полчаса сумеет помочь мне управиться с моими животными, но я уже забылся глубоким и крепким сном. Проснулся я совершенно другим человеком, на палубу я вышел, чувствуя еще некоторую слабость, но в твердой уверенности, что смерть мне уже не угрожает. Я накормил зверей, завесил одеялами клетки обезьян и ангвантибо и дал Су бутылку с се вечерней порцией молока. Она весело закричала, увидев мое приближение с бутылкой в руках, дождь и холод не нанесли ей никакого вреда. Наконец все необходимое было сделано, и я впервые за последние два дня облегченно вздохнул. Облокотившись на перила палубы, я посмотрел в сторону банановых рощ и мангровых болот; дождь непрерывно барабанил по парусиновому тенту над моей головой. Закончив свои дела, Джон присоединился ко мне. Мы молча курили, вглядываясь в дождь и сгущавшуюся темноту вечера.

– Вряд ли люди представляют себе все трудности, связанные с коллекционированием животных, – задумчиво

проговорил Джон, оглянувшись на темную массу клеток на палубе. – Они просто не в состоянии все это понять. Возьми один только сегодняшний день: мы очень легко могли потерять всех своих животных из-за этого проклятого дождя. Но никому из посетителей зоопарков такие мысли и в голову не приходят.

– Ну, трудно от них и требовать этого. Им кажется, что коллекционерам так же легко удается собирать зверей, как в свое время это удавалось Ною.

– Ной! – с презрением возразил Джон. – Если бы у Ноя была бы хоть пятая часть того количества зверей, какое ему приписывают, его ковчег пошел бы ко дну.

– А сколько птиц и млекопитающих нам все же удалось поймать за время нашего пребывания в Камеруне! Если бы Ной ограничился даже находящимися на этом пароходе видами животных, его ковчег тоже оказался бы перегруженным.

– Мне кажется, – зевнув, продолжал Джон, – что наш ковчег тоже основательно перегружен всеми этими вещицами, – и он махнул рукой в сторону сотни клеток с животными и птицами. – Я пошел спать. Во сколько мы отплываем?

– Около полуночи. Я тоже сейчас спущусь.

Джон направился в каюту, я остался на палубе и продолжал смотреть в сторону берега, скрывшегося в наступившей темноте. Скоро я заметил вспыхнувший маленький огонек, ярко светившийся во мраке. Неожиданно послышались мягкие ритмичные удары барабана, сиплые голоса сборщиков бананов. Огонек колыхался и мерцал, отделенный от меня движущейся завесой дождевых струй. Мягко звучали голоса, напевая песню, столь же старую, как и огромные тропические леса. Это была простая, безыскусная песня, тихая и ласковая; такие песни, должно быть, пел в свое время языческий бог Пан. Наблюдая за искрящимся между деревьями огоньком, слушая мерный стук барабана и нестройный, но приятный хор, я знал, что еще вернусь в

Африку, что меня всегда будет преследовать и тревожить ее таинственное очарование.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Возвращение домой отнюдь не является самой легкой частью поездки за животными. Мы провели 14 дней в тяжелой и изнурительной работе и были вознаграждены тем, что потеряли за все время только два экспоната: одну птицу, которая заболела еще до нашей посадки на пароход и смерть которой не была для нас большой неожиданностью, и одного мангуста, который выскользнул из клетки, вылез на край палубы и, прежде чем я успел до него добежать, непонятно из каких соображений прыгнул за борт.

Я слышал разговоры о том, что, если дать немного денег кому-либо из членов экипажа парохода, можно спокойно отдыхать до самого приезда к месту назначения. Но если даже на минуту допустить, что в команде парохода найдется достаточно свободный человек, доверить ему уход за редкими ценными животными все равно нельзя, так как он просто не умеет с ними обращаться. Нет, все это отнюдь не так просто. Коллекционер должен вставать на рассвете, чтобы вовремя накормить животных, и с этого момента в течение дня он не имеет свободной минуты.

Много хлопот доставила мне во время путешествия Су. В Кумбе она целыми днями валялась в моей постели, не испытывая недостатка ни в солнце, ни в свежем воздухе. На пароходе я не хотел держать ее все время в тесной клетке, но я боялся выпускать ее без присмотра на палубу, помня о судьбе упавшего за борт мангуста. Я обсудил этот вопрос со старшим буфетчиком. Немного подумав, он удалился и че-рез несколько минут вернулся с большим детским манежем в руках. Какая-то дама, путешествуя вместе с ребенком, оставила этот манеж на пароходе. Я от души благословлял эту незнакомую мне благодетельницу. Манеж был установлен на палубе в укрытом от солнечных лучей месте, на пол я подстелил одеяла, а затем перенес в манеж маленькую обезьянку. Су нашла все это сооружение очень интересным; несколько дней спустя она уже вставала на ноги, ухватившись

руками за верхнюю перекладину манежа. При первом же движении судна она, не удерживаясь в стоячем положении, падала на живот. Но все же Су чувствовала себя победительницей, так как несколько секунд оставалась на ногах. В стенке манежа Су нашла новое развлечение – несколько рядов скользящих по проволоке разноцветных шариков. Су проводила целые часы, катая шарики по проволоке или старательно их облизывая.

Матросы, конечно, были в восторге от обезьянки и часто в свободное время подходили к манежу поговорить с ней или почесать ей брюшко. Забавно было смотреть на рослых здоровых парней, в которых трудно было предположить и следы сентиментальности, склонившихся над манежем и нежно беседующих с маленьким шимпанзе, который удобно расположился на мягких одеялах и невозмутимо сосал в это время палец. В этот день, когда Су, со страхом хватаясь за стенки манежа, сделала самостоятельно первые три шага, несколько матросов, присутствовавших на палубе в этот исторический момент, взволнованно бросились ко мне и сообщили эту новость с такой радостью, словно речь шла об их собственном любимом ребенке. Я убежден, что, если бы это потребовалось, матросы собственными руками охотно сшили бы Су одежду.

Другим животным также уделялось достаточное внимание. Если одна из обезьян, простудившись, начинала кашлять, весть об этом мгновенно распространялась среди членов команды, и вскоре многие приносили мне сахар и различные лакомства для больного животного. Повар и его дежурные помощники всегда оставляли вкусные вещи для своих любимцев, первым среди которых, конечно, был Джордж. Он принимал все эти дары как должное и, сидя в своей клетке с невозмутимым выражением на лице, снисходительно позволял угощать себя сквозь прутья решетки. Лишь однажды во время путешествия Джордж нарушил правила приличия. Спаркс, радист парохода, был одним из наиболее преданных друзей Джорджа. Он часто

приходил беседовать с бабуином и, чтобы лучше разглядеть его в полумраке клетки, надевал большие очки в тяжелой роговой оправе. Эти очки заинтересовали Джорджа, пожелавшего ближе познакомиться с загадочным предметом. Однажды Спаркс слишком близко нагнулся к клетке. Мгновение-и Джордж, очутившись рядом с ним, схватил желанный предмет и отскочил в глубину клетки. С большим трудом отобрал я эти очки у Джорджа; обошелся он с очками, однако, настолько осторожно, что я вернул их владельцу невредимыми.

Первое время погода нам благоприятствовала: прохладно и ясно было на всем пути до Бискайского залива. Но здесь нас встретили свинцово-серые хмурые волны; холодный противный дождь предупредил нас, что мы приближаемся к берегам Англии. С нашей точки зрения, последние дни путешествия оказались самыми трудными: температура значительно снизилась, резкий пронзительный ветер рвался между клетками, заставляя бедных животных дрожать от холода. Если бы какая-либо обезьяна сейчас простудилась, нам вряд ли удалось бы ее спасти. Мы закрыли клетки одеялами и брезентом, утром и вечером обезьяны получали горячее молоко. Пароход обогнул в темноте юго-западную оконечность Англии, маяк дружески подмигивал нам, когда мы производили ночное кормление животных. Пароход вошел в Ирландское море. Когда же в одно сырое серое утро мы увидели позолоченных птиц на крыше здания «Юнилевера», то поняли, что прибыли в Ливерпуль. Путешествие со всеми его хлопотами и заботами окончилось. Мы предвкушали близкую теперь радость увидеть наконец наших пленников не в тесных клетках, а на просторных площадках и в хороших помещениях.

Выгрузка животных с парохода всегда связана с некоторыми трудностями. Однако вскоре все клетки были благополучно спущены на берег, и мы начали грузить их в прибывшие из зоопарков машины. Ангвантибо, с деловым видом прогуливавшиеся по перекладинам своих клеток,

предназначались Лондонскому зоопарку. Джордж, ухмылявшийся за решеткой своей клетки, и Су, занимавшаяся гимнастикой, несмотря на царившие сутолоку и шум, вместе с дрилами, черноногими мангустами и многими птицами должны были отправиться в Девон, в зоопарк Пейнтон. Гвеноны направлялись в новый обезьяний питомник в Честерском зоопарке, остальных животных мы отправляли в Манчестер и Бристоль.

Но вот и последняя клетка установлена в машине, грузовики трогаются в путь, увозя животных навстречу новому этапу в их жизни. А мы начинаем уже думать о подготовке нового путешествия.

Гончие Бафута

Вот мы и приехали

Река Кросс осторожно, извиваясь, спускается с гор Камеруна, пока не разольется широко, заблестит, засверкает в огромной чаще лесов, окружающих Мамфе. В горах она журчала, пенилась и водопадами срывалась с уступов, а тут успокоилась и степенно потекла по своему каменистому руслу; неторопливое ее движение наносит поперек течения мели чистейшего белого песка и подмывает деревья по берегам, так что обнаженные корни кажутся массой перепутанных, шевелящихся щупалец спрута. Река величаво движется дальше, мутные воды ее кишмя кишат бегемотами и крокодилами, а в теплом воздухе над ней с криками реют синие с оранжевым и белым ласточки.

Перед Мамфе река чуть ускоряет свой бег и протискивается между двумя высокими, поросшими лесом скалистыми утесами; подножия их отшлифованы водой, а сверху потрепанным кружевом свисает кустарник. Выбравшись из узкого ущелья, река вихрем врывается в просторный овальный бассейн. Чуть дальше, из такого же ущелья, в тот же бассейн выливается еще одна река, их воды встречаются и свиваются в бурлящий клубок крохотных течений, водоворотов и всплесков, чтобы потом продолжить свой путь единым потоком, а по самой середине реки остается след их соединения – огромный сверкающий холм белого песка с отпечатками ног бегемотов и узорными цепочками птичьих следов. Близ этого песчаного островка лес на берегу переходит в небольшой луг, который окружает деревню Мамфе, и вот тут-то, на опушке леса, над спокойными мутными водами реки мы решили раскинуть наш главный лагерь.

Два дня пришлось валить лес и выравнивать землю, чтобы приготовить строительную площадку, и наконец на

третий день мы со Смитом стояли на краю луга и наблюдали, как тридцать местных жителей в поте лица с громкими кряками волокли огромную палатку: казалось, на взрытой красной глине валяется громадная коричневая морщинистая туша кита. Постепенно это море парусины разобрали, растянули, и оно вспучилось кверху, набухая, словно чудовищный гриб-дождевик. Потом гриб вдруг раздался в длину и вширь и обратился в палатку весьма внушительных размеров. Когда наконец выяснилось, что это такое, раздался громкий крик изумления и восторга – это кричали жители деревни, которые толпой сошлись поглядеть, как мы будем разбивать лагерь.

Итак, у нас появилась крыша над головой, но пришлось еще целую неделю изрядно потрудиться, прежде чем можно было начинать ловлю зверей. Предстояло сколотить клетки, вырыть пруды, порасспросить старейшин из ближних деревень и рассказать им, какие нам нужны звери, позаботиться о запасах продовольствия и переделать еще уйму всяких дел. Наконец, все в лагере было налажено, и мы решили, что можно начинать. Еще раньше мы договорились, что Смит останется в Мамфе и будет присматривать за главным лагерем, собирая по мелочам все, что удастся найти в ближнем лесу с помощью местных жителей, а я тем временем поеду в глубь страны, в горы, где леса уступают место поросшим густой травой равнинам. В этом горном мире с его странной растительностью и более прохладным климатом можно будет найти совсем иную фауну, нежели в жарких лесах.

Я не знал, какую часть равнин мне выбрать, на чем остановиться, и пошел посоветоваться к местному начальнику. Я объяснил ему, что мне надо, он разложил на столе карту горных районов, и мы вместе склонились над нею. Вдруг он ткнул пальцем в какую-то точку и глянул на меня.

– Как насчет Бафута? – спросил он.

– А это подходящее место? Что там за люди?

– Вас должен интересовать только один человек в Бафуте – Фон, – сказал чиновник. – Расположите его к себе, и люди сделают для вас все, что вам нужно.

– Фон? Это что, вождь?

– Он в этом краю нечто вроде римского императора, – сказал чиновник и очертил пальцем на карте большой круг. – Его слово для них закон. Этот тамошний Фон – премилый старый мошенник, и вернейший путь к его сердцу – доказать, что вы можете выпить не меньше его самого. У него там прекрасная большая вилла, он построил ее нарочно на тот случай, если к нему явятся гости-европейцы. Напишите ему, и он позволит вам остановиться у него и даже наверняка сам вас пригласит. Да в Бафут вообще стоит съездить, если вы там и не останетесь.

– Что ж, я пошлю ему записку, посмотрим, что он скажет.

– Постарайтесь хорошенько… э-э… подкрепить ваше письмо. – сказал чиновник.

– Сейчас же пойду в лавку за бутылкой подкрепляющего, – заверил я.

В тот же день в горы отправился гонец с моим письмом и бутылкой джина. Через четыре дня он вернулся с обратным посланием от Фона; этот любопытный документ необыкновенно меня воодушевил:

> *Резиденция Фона Бафута, Бафут, Беменда, 5 марта 1949 г.*
>
> Мой дорогой друг!
>
> Твое письмо от 3 марта получил, кстати с приложением, и оценил.
>
> Да, я принимаю твой приезд в Бафут на время два месяца насчет твоих животных и тоже буду очень рад отдать тебе в распоряжение один дом в моих владениях, если ты мне хорошо заплатишь. Сердечно твой
>
> ***Фон Бафута***

Я тотчас приготовился к отъезду в Бафут.

Глава I
Жабы и танцующие обезьяны

О большинстве грузовиков в Западной Африке никак не скажешь, что они находятся в расцвете молодости и красоты, и я на горьком опыте научился не ждать от них ничего хорошего. И все же вид грузовика, который прибыл, чтобы везти меня в горы, превзошел худшие мои ожидания: казалось, он сию минуту развалится. Грузовик стоял на полуспущенных шинах, пыхтел и хрипел, изнемогая от усталости, – а ведь ему пришлось всего лишь подняться по отлогому склону небольшого холма к нашему лагерю, – и я не без трепета вверил ему мой груз и самого себя. Шофер оказался весельчаком: он сразу заявил, что мне придется ему помогать в двух весьма важных операциях. Во-первых, когда мы будем спускаться под гору, я должен нажимать на ручной тормоз, потому что, если его не прижать чуть ли не к самому полу кабины, он вообще не станет слушаться. Во-вторых, мне предстоит неотрывно следить за педалью сцепления, ибо эта весьма капризная деталь при всяком удобном случае выскакивает из муфты и при этом ревет, как попавший в ловушку леопард. Совершенно ясно, что водитель грузовика даже в Западной Африке не может вести машину, скрючившись под приборным щитком и согнувшись в три погибели, а значит, если я хочу остаться в живых после этого путешествия, мне придется помочь ему управиться со своенравными механизмами. Итак, я то и дело нагибался, нажимал на тормоз и вдыхал удушливый запах паленой резины, а тем временем наша храбрая машина тряслась по направлению к горам с постоянной скоростью двадцать миль в час; порой, когда путь лежал под уклон, она очертя голову кидалась вперед и выдавала целых двадцать пять.

Первые тридцать миль проселочная дорога из красной глины вилась по равнине, поросшей лесом; по обе стороны дороги плотной стеной стояли огромные деревья, ветви их в вышине переплетались, образуя свод из листьев у нас над

головой. Стайки птиц-носорогов, хлопая крыльями, перелетали дорогу и гоготали – казалось, это сигналили призраки каких-то древних такси на заре автомобилизма, а по обочинам, живописно расцвеченным солнцем, прорвавшимся сквозь густые лиственные своды, грелись агамы; окутанные светом, они пламенели от волнения, как закатные лучи, и яростно кивали головами. Постепенно, почти неприметно дорога пошла вверх, мягко петляя по округлым склонам лесистых холмов. В кузове грузовика мои помощники громко запели:

Домой, домой, хочу домой,
Когда ж увижу дом родной?
Когда увижу мать родную?
Вовек мне не забыть мой дом.

Шофер тихонько подхватил припев и все поглядывал на меня – можно ли? К его удивлению, я тоже запел, и так грузовик катил вперед, оставляя за собой на дороге вихрь красной пыли, из кузова доносился дружный хор голосов, а мы с шофером подпевали, украшая песню всевозможными вариациями, причем он успевал еще аккомпанировать отрывистыми гудками клаксона.

Чем выше мы забирались в горы тем реже становился лес, а потом подлесок стал меняться: по обочинам дороги мрачно, как заговорщики, стояли купы тяжелых древовидных папоротников с толстыми, приземистыми волосатыми стволами; макушки их разбрызгивались зелеными фонтанами нежной листвы. Папоротники оказались первыми стражами нового мира, ибо внезапно, точно горы сбросили с плеч тяжелую одежду, исчез лес. Он остался позади, в долине, густой зеленый мех волнами уходил в мерцающую от зноя даль, а перед нами величественно высились горы. покрытые высокой, по пояс. колеблемой ветерком и высветленной солнцем, золотистой травой. Грузовик взбирался все выше и выше. мотор задыхался и вздрагивал от непривычных усилий.

Мне уж подумалось, не придется ли последние две-три сотни футов толкать злосчастную машину в гору, но, ко всеобщему изумлению, она справилась сама: вскарабкалась на вершину горы, дрожа от усталости и изрыгая из радиатора клубы пара, точно издыхающий кит – фонтаны воды. Мы вползли наверх и остановились. Шофер выключил мотор.

– Мало время обождем, двигатель перегрелся, – пояснил он, указывая на радиатор грузовика, который уже совсем скрылся из глаз в облаке пара.

Я с радостью выбрался из раскаленной кабины и побрел к тому месту, где дорога начинала спускаться в очередную долину. С этого наблюдательного пункта видна была вся местность, которую мы проехали, и та, куда нам предстояло вступить.

Позади остался нескончаемый зеленый лес, отсюда он казался плотным и густым, как шерсть барана, только на вершинах холмов можно было разглядеть просветы в непроницаемой массе листьев – на фоне неба деревья вырисовывались прерывистой бахромой. А впереди нам открывался совсем другой мир, просто невозможно было поверить, что оба они – тот и этот, – такие разные, существуют бок о бок. И смена эта происходила не постепенно, нет: позади остался лес деревьев-великанов, сверкающих в своих роскошных мантиях из лакированных листьев, подобно гигантским зеленым жемчужинам, а впереди до самого туманно-голубого горизонта цепь за цепью встают горы. сливаясь и переходя одна в другую, словно огромные застывшие волны; они как бы обращают лицо к солнцу, а склоны их от подножия до гребня покрыты пушистым золотисто-зеленым мехом травы, которая зыблется по прихоти ветра и то светлеет, то темнеет, когда ветер ее завивает или разглаживает. Лес позади расцветал то буйным багрянцем, то зеленью самых ярких и резких тонов. Впереди же все цвета этого странного горного мира были мягкими и нежными – бледно-зеленый, золотистый и все оттенки теплого желтовато-коричневого. Плавные изгибы и складки

холмов, покрытые этой нежной, пастельных тонов травой, очень напоминали природу Англии – ее южные низины, только в больших масштабах. Но вот солнце здесь сверкало без устали и нещадно палило – совсем уж не на английский лад.

Начиная отсюда дорога превратилась в «американские» горы, машина то и дело с треском и визгом тормозов спускалась в долины и вновь, кряхтя и кашляя, взбиралась на крутые склоны. На вершине одной горы мы опять постояли, чтобы остыл мотор, и тут я заметил впереди в долине деревню: издали, на фоне окружавшей ее зелени, она казалась бесформенной кучкой черных поганок. Когда выключили мотор, тишина окутала нас, точно мягким одеялом; только слышно было, как чуть посвистывает трава, колеблемая ветром, да из деревни, что лежала далеко внизу, доносился лай собак и крик петуха – звуки, смягченные расстоянием, но отчетливые, как звон колокольчика. В бинокль я разглядел в деревне какую-то суету: вокруг хижин сновали толпы людей, порой сверкали ножи, похожие на мачете, и копья, мелькали яркие саронги.

– Что там за суматоха? – спросил я шофера.

Тот вгляделся, прищурясь, и с радостной улыбкой обернулся ко мне:

– Это базар, сэр, – объяснил он и спросил с надеждой: – Маса хочет остановиться там?

– А ты думаешь, мы сможем там найти добычу?

– Да, сэр!

– По правде?

– По правде, сэр!

Я сделал вид, что рассердился.

– Ты лжешь, негодник, – сказал я. – Ты хочешь там остановиться, чтобы выпить. Разве не так?

– Да, сэр, – ухмыльнулся шофер, – только и маса там тоже найдет добычу.

– Ну ладно, остановимся ненадолго.

– Да, сэр, – радостно сказал шофер и рванул грузовик

вниз по склону горы.

Большие круглые хижины с остроконечными соломенными крышами аккуратно разместились вокруг небольшой площади, затененной купами молодых эвкалиптов. Тут-то и расположился базар; торговцы разложили свой товар прямо на земле, на пестром, уютном ковре света в тени под стройными деревьями, каждый на своем клочке, а вокруг теснились деревенские жители: они протискивались между торговцами, отчаянно спорили, болтали и размахивали руками. Чем только здесь не торговали! Я просто диву давался – сколько всякой всячины, подчас самой несуразной и неожиданной! Продавались сомы, копченые на костре и насажанные на короткие палки; рыба эта и живая-то на вид не слишком привлекательна, а уж высушенная, сморщенная, почерневшая от дыма она кажется какой-то шаманской куклой, которая корчится в отвратительной пляске. Были здесь и огромные тюки тканей, все больше очень ярких расцветок – их ввозят из Англии, такие очень по вкусу африканцам; гораздо приятнее выглядели ткани местного изделия, плотные, мягкие и не столь кричащие. Среди этих ярких пятен мелькали в самых невероятных сочетаниях яйца и куры в бамбуковых корзинах, зеленый перец, капуста, картофель, сахарный тростник, огромные кровавые куски мяса; с веревок свисали большие, аккуратно выпотрошенные тростниковые крысы. Продавали и глиняную утварь, и плетеные корзины, и стулья, иголки, порох, пиво, силки для ловли птиц, плоды манго и папайи, клизмы, лимоны, местную обувь, прелестные сумки из волокна рафии, гвозди, кремни, карбид, касторку, сабли и леопардовые шкуры, парусиновые туфли, мягкие фетровые шляпы, пальмовое вино в калебасах, кокосовое и фисташковое масло в старых жестянках из-под керосина.

Посетители базара отличались таким же разнообразием и необычностью, как и товары, выставленные на продажу. Тут можно было увидеть людей народности хауса в ослепительно белых одеяниях и маленьких белых шапочках;

местных вождей в многоцветных одеждах и богато расшитых шапках с кисточками; были тут и полудикие жители отдаленных горных селений – на этих не было ничего, кроме набедренных повязок из грязной кожи; зубы у них заострены, на лицах татуировка. Для них эта деревня, конечно же, многолюдная столица, а базар, возможно, самое веселое развлечение за целый год. Они яростно спорили, размахивали руками, подталкивали друг друга, их темные глаза сверкали восторгом при виде таких вещей, как яме или какая-нибудь тростниковая крыса; чаще всего они стояли тесной кучкой и не сводили жадных глаз с высоких кип разноцветных тканей – купить их они и не надеялись – и лишь изредка меняли свой наблюдательный пункт, чтобы лучше видеть эту недостижимую роскошь.

Моих помощников и шофера засосало в красочном водовороте толпы, как муравьев в банке патоки, и я оказался предоставлен самому себе. Я немного побродил вокруг, потом подумал, не поснимать ли жителей горных селений, вынул фотоаппарат и стал наводить на фокус. Что тут началось! Ад кромешный: торговцы вмиг побросали свои товары и все пожитки и с дикими криками кинулись в ближайшее укрытие. Я даже растерялся – ведь африканцы обычно очень любят сниматься – и спросил у стоявшего рядом хауса, что случилось. Последовало любопытное объяснение: видимо, горцы уже знают, что если фотоаппарат направить на человека, потом получается его портрет. Но они твердо уверены, что вместе со снимком к фотографу переходит частичка души того, кто фотографируется, и, если снимков сделать много, фотограф обретет над ним полную власть. Отличный пример колдовства вполне современными средствами: в старину вы получали власть над человеком, если завладевали прядкой его волос или обрезками когтей; в наши дни для той же цели, очевидно, вполне годится фотокарточка. И все-таки, хотя горцы вовсе не желали мне позировать, я ухитрился сделать несколько снимков очень простым способом: становился к ним боком и глядел в

другую сторону, а сам щелкал аппаратом из-под мышки.

Однако вскоре я обнаружил нечто такое, от чего все мысли о фотографии и колдовстве сразу вылетели у меня из головы. В одной из маленьких темных палаток, которые окружали площадь, мелькнуло что-то рыжевато-красное, я двинулся туда и увидел очаровательную обезьянку: привязанная длинной веревкой за шею, она сидела на корточках в пыли и громко, пронзительно кричала "прруп!". Шерсть у нее была светло-рыжая, на груди белая манишка, а мордочка – траурно-черная. Ее «прруп» звучало не то криком птицы, не то дружеским кошачьим мурлыканьем. Несколько секунд она очень внимательно меня разглядывала, потом вдруг вскочила и пустилась в пляс. Сперва она встала на ноги и начала высоко подпрыгивать, широко раскинув руки, точно собиралась прижать меня к груди. Потом опустилась на четвереньки и принялась скакать из стороны в сторону как мяч, взлетая высоко в воздух. При этом она, видно, все больше входила во вкус и прыгала все выше. Затем последовала короткая передышка – и новые па: теперь обезьяна стояла на четвереньках, плечи и вся передняя половина ее туловища раскачивались, как маятник, а задняя оставалась совершенно неподвижный. Основная схема танца была ясна – и тут обезьяна показала мне, на что способна подлинно искусная, опытная танцорка из обезьяньего племени: она вертелась волчком, прыгала и скакала так, что у меня голова пошла кругом. Обезьяна приглянулась мне с первого взгляда, а эта неистовая пляска дервиша совсем меня покорила, и, конечно же, я просто не мог не купить танцовщицу. Я заплатил ее владельцу двойную цену и с торжеством унес обезьяну. В какой-то палатке я тотчас купил ей связку бананов, и она была так тронута моей щедростью, что тут же меня отблагодарила: обмочила мне всю рубашку. Я отыскал всех своих и шофера – от них так и несло пивом, – мы погрузились в машину и поехали дальше. Обезьяна сидела у меня на коленях, запихивала в рот бананы, обозревала окрестности из окна кабины и слегка повизгивала от волнения

и удовольствия. В знак признания ее танцевальных талантов я решил назвать ее «Павлова» и впредь мы ее так и звали – "красная мартышка Павлова".

Наше путешествие длилось еще несколько часов, и к концу его в долины хлынули темно-лиловые тени, а солнце неторопливо погружалось в несчетные пунцово-зеленые перистые облачка за самыми высокими вершинами западных гор.

Мы сразу поняли, что наконец достигли цели, потому что у Бафута дорога просто кончилась. Слева тянулся огромный пыльный двор, окруженный высокой стеной из красного кирпича. За стеной разместилось множество круглых хижин с высокими соломенными крышами, они теснились вокруг небольшой чистенькой виллы. Но все эти строения казались крохотными и жалкими по сравнению с огромным сооружением, похожим на диковинный улей, только увеличенный в тысячу раз. Это была огромная круглая хижина с толстенной соломенной крышей куполом, загадочная и черная от старости. По другую сторону дороги начинался крутой подъем, вверх тянулась широкая лестница ступеней в семьдесят – она вела к большой двухэтажной вилле в форме коробки для обуви, каждый этаж ее обведен был широкой сплошной верандой и обе веранды обильно увиты бугенвиллеей и другими вьющимися растениями. Так, значит, вот он какой – мой дом на ближайшие несколько месяцев.

Не успел я с трудом выбраться из кабины грузовика – ноги совсем затекли, – как под аркой в дальней стене большого двора открылась дверь и ко мне через весь двор направилась небольшая процессия. Это были мужчины, в большинстве пожилые; их развевающиеся многоцветные одеяния шелестели на ходу, голову каждого покрывала маленькая круглая шапочка, богато расшитая разноцветной шерстью. Посреди этой группы шагал высокий стройный человек с живым улыбчивым лицом. На нем была простая белая одежда и шапочка без всяких украшений, и все же,

несмотря на это, я тотчас понял, что в этой яркой толпе он самый главный – так величава была его осанка. Это был Фон – правитель Бафута, огромного лугового королевства, которое мы пересекли на пути сюда, и многого множества чернокожих подданных. Я знал, что он сказочно богат и правит своим королевством толково и умно, хоть и несколько деспотично. Фон остановился передо мной, приветливо улыбнулся и протянул мне большую тонкую руку.

– Милости просим, – сказал он.

Позднее я убедился, что он говорит на ломаном английском не хуже своих подданных, но почему-то стесняется этого умения, и вначале мы разговаривали через переводчика; тот стоял рядом, почтительно склонившись, и переводил мою приветственную речь, прикрывая рот руками, сложенными лодочкой. Фон вежливо слушал, пока я говорил, а переводчик переводил, потом взмахнул большой рукой и указал на виллу, стоявшую на вершине холма по ту сторону дороги.

– Отлично! – сказал он и широко улыбнулся.

Мы снова обменялись рукопожатием, он зашагал со своими советниками назад через двор и скрылся за дверью под аркой, предоставив мне самому располагаться в его вилле.

Часа через два, когда я уже принял ванну и перекусил, ко мне явился гонец и сообщил, что Фон хотел бы зайти ко мне потолковать, если, конечно, я успел немного отдохнуть с дороги. Я ответил, что вполне отдохнул и буду счастлив принять Фона; потом я извлек из чемодана бутылку виски и стал ждать. Вскоре он прибыл в сопровождении своей маленькой свиты, мы уселись на веранде, где уже горела лампа, и принялись болтать. Я выпил за его здоровье виски с водой, а он за мое – чистого виски. Сначала мы разговаривали через переводчика, но когда уровень виски в бутылке изрядно понизился, Фон заговорил по-английски. Добрых два часа я подробно рассказывал ему о том, зачем я сюда приехал, показывал книги и фотографии нужных мне зверей, рисовал

их на клочках бумаги и, когда все остальное не доходило, пытался подражать их голосам, а между тем стакан Фона неукоснительно наполнялся опять и опять – просто страшно становилось.

Он сказал, что, надо думать, мне удастся добыть почти всех зверей, которых я ему показывал, и обещал назавтра прислать искусных охотников. Но, пожалуй, лучше он сам объявит людям, что мне нужно, продолжал Фон, и они все постараются поймать для меня добычу, а самый удобный случай объявить об этом представится дней через десять. Тогда состоится некая церемония: как я понял, в назначенный день его подданные всегда собирают в горах и долинах огромное количество сухой травы и приносят ее в Бафут, чтобы Фон мог перекрыть крышу своей громадной таинственной обители и крыши жилищ своих бесчисленных жен. Когда траву приносят, он задает пир на весь мир. На торжество собираются многие сотни людей со всех окрестных мест, и, как объяснил Фон, удачней случая не придумаешь: он произнесет речь и растолкует людям, чего я от них хочу. Я с радостью согласился, от души и довольно многословно его поблагодарил и в очередной раз наполнил его пустой стакан. Бутылка быстро пустела, наконец в ней не осталось ни капли – хоть ставь ее вверх дном. Тогда Фон величественно поднялся на ноги, подавил икоту и протянул мне руку.

– Я пошел, – заявил он и помахал рукой куда-то в сторону своей маленькой виллы.

– Мне очень жаль, – учтиво сказал я. – Хочешь, я пойду провожу?

– Да, мой друг! – просиял он. – Да, отлично!

Я кликнул одного из его свиты, и тот примчался стремглав, держа в руке фонарь-"молнию". Светя этим фонарем, он пошел впереди нас по веранде и дальше, к той длинной лестнице. Фон все еще не выпускал мою руку, а другой рукой обводил веранду, комнаты и залитый лунным светом сад далеко внизу и, очень довольный, бормотал про себя: "Отлично, отлично", Когда мы добрались до лестницы,

он приостановился, с минуту задумчиво глядел на меня, потом ткнул длинной рукой вниз.

– Семьдесят пять ступеньки, – сказал он и просиял.

– Очень хорошо, – согласился я и кивнул.

– Сейчас мы их считаем, – предложил Фон, в восторге от своей затеи. – Семьдесят пять, мы их считаем.

Он обхватил меня за плечи, всей тяжестью повис на мне, и мы начали спускаться на дорогу, не переставая громко считать ступеньки. Фон помнил английский счет только до шести, остальные цифры он забыл: на полпути мы сбились, что-то перепутали и, когда добрались до нижней площадки, оказалось, что по его расчетам трех ступенек не хватает.

– Семьдесят два? – спросил он сам себя. – Нет, нет, семьдесят пять. Куда же подевался остальные?

И гневно оглядел свою съежившуюся от страха свиту, что ждала нас внизу, на дороге, будто подозревал, что его приближенные спрятали недостающие три ступеньки у себя под одеждой. Я поспешно предложил пересчитать все заново. Мы опять вскарабкались наверх до самой веранды, считая изо всех сил, потом, для окончательной проверки, считали всю дорогу вниз. Сосчитав до шести. Фон всякий раз начинал сызнова, так что я очень скоро понял: если я не хочу всю ночь бродить вверх и вниз по этой лестнице, разыскивая недостающие ступеньки, надо что-то предпринять. Поэтому, когда мы дошли до самого верха и опять спустились вниз, я громко, торжествующе провозгласил: "Семьдесят пять!" и радостно улыбнулся моему спутнику. Сперва он не очень охотно согласился с моим счетом, ибо сам дошел только до пяти и был уверен, что существование остальных семидесяти надо еще как-то доказать. Однако я заверил его, что в юности получил немало наград за устный счет и что все сосчитано правильно. Фон прижал меня к груди, потом схватил за руку, с силой стиснул ее и пробормотал: "Отлично, отлично, мой друг". Наконец он двинулся через огромный двор к своей резиденции, а я потащился наверх (по семидесяти пяти ступенькам) к своей кровати.

Весь следующий день, превозмогая отчаянную головную боль – результат вчерашней попойки с Фоном, – я усердно сколачивал клетки в надежде, что мне вот-вот начнут приносить «добычу». В полдень ко мне явились четверо высоких, внушительного вида молодых людей в ярких праздничных саронгах, с кремневыми ружьями в руках. Это устрашающее оружие было невообразимо древнее, стволы изъедены ржавчиной и вид у них такой, точно каждое ружье перенесло оспу в тяжелейшей форме. Я заставил молодых людей вынести опасное оружие за ворота и сложить его там и только потом разрешил им подняться ко мне. Это и были охотники, которых прислал Фон; с полчаса я показывал им фотографии зверей и объяснял, сколько за какого зверя буду платить. Потом я велел им идти на охоту, а вечером доставить сюда ко мне все, что они поймают. Если же они ничего не поймают, пусть приходят на следующее утро. Я оделил их сигаретами, и они побрели по дороге, о чем-то оживленно переговариваясь и увлеченно тыкая ружьями во все стороны.

В тот же вечер один из четверых вернулся с маленькой корзинкой. Он присел на корточки, жалобно поглядел на меня и стал объяснять, что ему и его товарищам по охоте не очень-то повезло на этот раз. Они ходили далеко, сказал он, но не нашли ни одного зверя из тех, что я им показывал. Впрочем, кое-что они все-таки добыли. Тут он подался вперед и поставил корзинку к моим ногам.

– Не знаю, маса хочет такой добыча? – спросил он.

Я приподнял крышку и заглянул в корзинку. Я надеялся, что увижу белку или, может, крысу, но там сидела пара больших прекрасных жаб.

– Маса нравится такой добыча? – спросил охотник, с тревогой вглядываясь мне в лицо.

– Да, очень нравится, – сказал я, и он расплылся в улыбке.

Я уплатил ему что положено, наделил сигаретами, и он отправился восвояси, пообещав вернуться наутро вместе со своими друзьями. Когда он ушел, я мог наконец заняться

жабами. Каждая была величиной с блюдце, глаза огромные, блестящие, а короткие толстые лапы, казалось, не без труда поддерживали тяжелое тело. Расцветка у них была просто изумительная: спинка густого кремового цвета, в крошечных извилистых черных полосках; с боков голова и тело темно-красные, цвета то ли вина, то ли красного дерева, а живот – ярко-желтый, цвета лютика.

Надо сказать, что жабы всегда были мне симпатичны, ибо я убедился, что они существа спокойные, благонравные и в них есть какая-то своя прелесть: они не так неуравновешенны и не так придурковаты и неуклюжи, как лягушки, кожа у них на вид не такая мокрая и они не сидят с разинутым ртом. Но до встречи с этими двумя я воображал, что, хотя жабы по расцветке и вообще по внешнему виду бывают очень несхожи, нрав у них у всех примерно один и тот же: если знаешь одну, можно считать, что знаешь всех. Однако, как я очень скоро обнаружил, характер у этих двух земноводных столь своеобразен, что ставит их чуть ли не наравне с млекопитающими.

Эти существа называются жабами-сухолистками, потому что необычные кремовые (с темными прожилками) их спины по цвету и рисунку очень напоминают сухой лист. Если такая жаба замрет на земле в осеннем лесу, ее никак не различить среди опавших листьев. Отсюда их английское название. Научное же название – бровастая жаба, а по-латыни они называются еще удачнее – Bufo superciliaris,[1] ибо такая жаба на первый взгляд кажется необычайно надменной. Кожа над большими глазами как бы вздернута и собрана острыми уголками, так что полное впечатление, будто жаба подняла брови и глядит на мир свысока, с язвительной насмешкой.

Широко растянутый рот подбавляет жабе аристократической надменности: углы его слегка опущены, словно жаба усмехается; такое выражение я видел еще только

---

[1] Bufo superciliaris *(лат.)* – буквально спесивая жаба. *Примеч. ред.*

у одного животного на свете – у верблюда. Прибавьте к этому неторопливую, покачивающуюся походку и привычку через каждые два-три шага присаживаться и глядеть на вас с какой-то презрительной жалостью, и вы поймете, что перед вами самое надменное существо на свете.

Обе мои сухолистки сидели рядышком на дне корзины, выстланном свежей травой, и глядели на меня с уничтожающим презрением. Я наклонил корзинку, и они вперевалочку вылезли на пол, исполненные достоинства и негодующие – ни дать ни взять два лорд-мэра, которых ненароком заперли в общественной уборной. Они отошли фута на три от корзинки и уселись, слегка задыхаясь, – видимо, совсем выбились из сил. Минут десять жабы пристально меня разглядывали и с каждой минутой явно все сильней презирали. Потом одна двинулась в сторону и пристроилась у ножки стола, должно быть, приняв ее за ствол дерева. Вторая продолжала меня разглядывать и по зрелом размышлении, видно, составила обо мне такое мнение, что ее вырвало и на полу оказались полупереваренные останки кузнечика и двух бабочек. Тут жаба кинула на меня укоризненный и страдальческий взгляд и зашлепала к ножке стола, где сидела ее подруга.

Подходящей для них клетки у меня не нашлось, и сухолистки провели первые несколько дней взаперти у меня в спальне; там они медленно, задумчиво бродили по полу или сидели, погруженные в глубокое раздумье, под кроватью – словом, несказанно развлекали меня своим поведением. Прошло всего несколько часов с нашего знакомства, а я уже убедился, что был глубоко несправедлив к своим толстушкам-сожительницам: они оказались вовсе не такими самодовольными и надменными, какими притворялись. На самом деле это робкие и застенчивые создания, они легко смущаются и начисто лишены самоуверенности: я подозреваю, что они даже страдают глубоким, неискоренимым комплексом неполноценности и их невыносимо важный вид – всего лишь попытка скрыть от

мира неприглядную истину: они ничуть в себе не уверены. Это я совершенно случайно обнаружил в первый же вечер их пребывания в моей спальне. Я записывал их расцветку, а жабы сидели у моих ног на полу и вид у них был такой, точно они обдумывали свои биографии для записи в Книгу лордов. Мне надо было осмотреть повнимательней нижнюю половину их тела, поэтому я нагнулся и поднял одну из них двумя пальцами; я обхватил ее за туловище под передними лапками так, что она болталась в воздухе и вид у нее при этом был самый жалкий – в такой позе просто немыслимо сохранить достоинство. Потрясенная подобным обращением, жаба громко, негодующе закричала и лягнула воздух толстыми задними лапками, но где ей было от меня вырваться! И ей пришлось болтаться в воздухе, пока я не закончил осмотра. Но когда я наконец посадил ее на прежнее место рядом с подругой, это была уже совсем другая жаба. В ней не осталось и следа прежнего аристократического высокомерия: на полу сидело сломленное, покорное земноводное. Жаба вся съежилась, большие глаза тревожно моргали, на физиономии ясно выражались печаль, и робость. Казалось, она вот-вот заплачет.

Превращение это произошло столь внезапно и бесповоротно, что можно было только изумляться, и, как это ни смешно, я очень огорчился – ведь это я так ее унизил! Чтобы хоть как-то сгладить случившееся, я поднял вторую жабу, дал и ей поболтаться в воздухе – и эта тоже сразу утратила свою самоуверенность: едва я опустил ее на пол, она тоже стала робкой и застенчивой. Так они и сидели, приниженные, несчастные и выглядели до того забавно, что я бестактно расхохотался. Этого их чувствительные души вынести уже не могли: обе тотчас поспешно двинулись прочь от меня, спрятались под столом и просидели там добрых полчаса. Зато теперь, когда я открыл их тайну, я мог сбивать с них спесь когда угодно: надо было только легонько щелкнуть их пальцем по носу, и они тут же виновато съеживались, точно вот-вот покраснеют от смущения, и глядели на меня

умоляющими глазами.

Я построил для моих сухолисток большую удобную клетку, и они прекрасно там устроились; впрочем, заботясь об их здоровье, я разрешал им каждый день выходить на прогулку в сад. Правда, когда животных стало больше, у меня оказалось столько работы, что я уже не мог стоять и ждать, пока мои аристократки – голубая кровь – надышатся воздухом; к большому их неудовольствию, прогулки пришлось сократить. Но однажды я случайно нашел для них сторожа, на чье попечение мог спокойно их оставлять, не прерывая работы. Этим сторожем оказалась красная мартышка Павлова.

Павлова была на редкость ручная и очень деликатная обезьяна, и она живо интересовалась всем, что происходило вокруг. Когда я впервые выпустил сухолисток на прогулку поблизости от того места, где была привязана Павлова, обезьяна уставилась на них как завороженная: она встала на задние ноги и всячески выворачивала шею, стараясь не упустить их из виду, пока они важно шествовали по саду. Через десять минут я вернулся в сад поглядеть, как там мои жабы, и обнаружил, что обе они подошли прямо к обезьяне. Павлова сидела между ними на корточках, нежно их гладила и громко что-то бормотала от удивления и удовольствия. У жаб вид был до смешного довольный, они сидели на шевелясь: эти ласки явно доставляли им удовольствие.

После этого я каждый день выпускал жаб возле того места, где была привязана Павлова, и она за ними присматривала, пока они бродили вокруг. Завидев их, обезьяна вскрикивала от восторга, потом нежно их поглаживала до тех пор, пока они не оставались лежать подле нее без движения, как загипнотизированные. Если они отходили чересчур далеко и могли скрыться в густом кустарнике на опушке сада, Павлова ужасно волновалась и звала меня пронзительными криками, стараясь дать мне знать, что ее подопечные убегают и я должен поскорее поймать их и принести обратно к ней. Однажды она позвала меня, когда

жабы забрели слишком далеко в поле, но я не услышал, и, когда позднее спустился в сад, обезьяна истерически металась на привязи, натянув веревку до отказа и отчаянно кричала, а жаб нигде не было видно. Я отвязал обезьяну, и она тотчас повела меня к густым кустам на краю сада; там она очень скоро нашла беглянок и припала к ним с громкими радостными криками.

Павлова ужасно привязалась к этим жабам. Видели бы вы, как нетерпеливо она здоровалась с ними по утрам, как нежно гладила и похлопывала, как волновалась, когда они забредали слишком далеко, – это было поистине трогательное зрелище! Она только никак не могла понять, почему у них нет шерсти, как у обезьяны. Она трогала пальцами их гладкую кожу, пыталась раздвинуть несуществующую шерсть, и на ее черном личике явственно читалась тревога; порой она наклонялась и начинала задумчиво лизать им спину. Впрочем, довольно скоро их безволосые спины перестали ее тревожить и она обращалась с ними нежно и любовно, как с собственными детенышами. Жабы на свой лад тоже привязались к обезьяне, хоть она порой и унижала их достоинство, а это им бывало не по нраву. Помню, однажды утром я их выкупал, что доставило им немалое удовольствие, а по дороге через сад домой к их мокрым животам прилипли мелкие щепочки и комья земли. Это очень огорчило Павлову, ей хотелось, чтобы ее любимцы были всегда чистенькие и аккуратные. И вот я застал такую картину: обезьяна сидела на солнышке, задние ноги ее, как на подставке, покоились на спине одной жабы, а другая сухолистка болталась в воздухе – обезьяна держала ее на весу в самом неудобном и унизительном положении. Жаба медленно кружилась в воздухе, а обезьяна озабоченно обирала с нее всякий мусор и все время попискивала и повизгивала – что-то объясняла. Покончив с одной жабой, Павлова опустила ее на землю, где та осталась сидеть притихшая, подавленная, и принялась за другую – подняла ее в воздух и заставила пережить то же унижение. Да, в присутствии Павловой сухолисткам никак не

удавалось проявлять свое аристократическое высокомерие.

Глава II
Гончие Бафута

Для ловли различных представителей животного мира Бафута в моем распоряжении имелись четыре охотника, которых прислал мне Фон, а сверх того – свора из шести тощих, нескладных дворняжек; их владельцы уверяли меня, что это лучшие охотничьи собаки во всей Западной Африке. Всю эту разношерстную компанию я прозвал Гончими Бафута. Охотники, конечно, не понимали этого названия, но чрезвычайно им гордились, и однажды я услышал, как один из них в споре с соседом громко и возмущенно заявил: "Ты на меня не кричи, мой друг. Не знаешь что ли – я тоже Гончая Бафута!"

Охотились мы так: уходили в какую-нибудь долину подальше или в горы и выбирали место, где трава и кусты погуще. Там мы полумесяцем раскидывали сети, а потом ходили по подлеску с собаками и загоняли в сети все, что попадалось. У каждой собаки на ошейнике висела маленькая деревянная погремушка, и когда вся свора скрывалась в высокой траве, по громкому бренчанию этих украшений всегда можно было определить, где собаки. Такой способ охоты был очень удобен – я всегда оказывался на месте и мог сразу же заняться пойманными животными: их тотчас увозили в Бафут и без промедления помещали в удобную клетку. Мы перевозили их в мешках с отверстиями для доступа воздуха (отверстия эти были оправлены кольцами из латуни, чтобы их нельзя было разорвать изнутри); мешки для более крупных и свирепых зверей сшиты были из брезента или дерюги, а для мелких и безобидных – из ткани помягче. Очутившись в темном мешке, наши пленники, как правило, переставали отбиваться и лежали смирно до тех пор, пока не попадали в клетку; для животного страшней всего были те минуты, когда его выпутывали из сети, но уже очень скоро мы так набили руку, что проделывали это необыкновенно ловко: минута-другая – и животное уже схвачено, извлечено

из сети и упрятано в мешок.

В первый день, когда я выступил в поход с Гончими Бафута, охотники вооружились так, словно мы собрались охотиться на львов. В придачу к обычным ножам они взяли с собой копья и кремневые ружья. Мне вовсе не хотелось по чьей-то оплошности получить в бок заряд ржавых гвоздей и камешков, а потому, несмотря на горестные мольбы охотников, я настоял, чтобы ружья остались дома. Охотники просто в ужас пришли от моего решения.

– Маса, – жалобно возразил один. – Если мы встретить опасный добыча, как мы его убивать, если ружье лежать здесь?

– Если мы встретим опасную добычу, мы не станем ее убивать, а поймаем, – решительно объявил я.

– А? Маса будет поймать опасный добыча?

– Именно так, друг мой. А если ты боишься – не ходи с нами, понял?

– Маса, я не боишься, – с негодованием возразил охотник, – Только если мы встретить опасный добыча и он убить маса, тогда Фон много сердиться.

– Умолкни, мой друг, – сказал я и достал свое охотничье ружье. – Я возьму ружье. И тогда, если добыча убьет меня, это уж не ваша забота, ты понял?

– Я понял, сэр.

Утро только занималось, и солнце еще не поднялось над горными цепями, что окружали Бафут. Небо было нежнейшего розового оттенка, и на нем там и сям белели кружевные облачка. Долины и горы все еще обволакивал и скрывал от глаз утренний туман, а высокая золотистая трава вдоль дороги склонялась под тяжестью росы. Охотники гуськом шагали впереди, а собаки то разбегались по кустам, то возвращались, и погремушки их весело побрякивали со всех сторон. Наконец мы свернули с дороги на узкую извилистую тропинку, что вела через холмы. Здесь туман был гуще, но стлался низко, по самой земле. Он совсем закрывал наши ноги, и это было очень странно – будто бредешь по пояс

в ровном, чуть зыблющемся пенном озере. Высокая трава, влажная от росы, похрустывала под моими подошвами, а вокруг, где-то в глубине этого молочно-белого озера тумана, поминутно раздавались взрывы хохота – это крохотные лягушки потешались над чем-то, понятным лишь им одним. Вот и солнце встало над дальней кромкой гор, точно огромный замороженный апельсин, с каждой минутой лучи его грели все жарче, туман начал подниматься и легкими спиралями и кольцами заструился ввысь: вскоре уже казалось, будто мы идем сквозь лес призрачных белых деревьев, которые извиваются, гнутся, распадаются и возникают вновь, причудливо меняя форму с легкостью амебы, и все тянутся вверх, точно ввинчиваются в воздух.

Через два часа мы добрались до места, которое охотники выбрали для нашей первой охоты. Эта довольно широкая и глубокая долина лежала между двумя грядами холмов, чуть изгибаясь наподобие лука. Крохотный ручеек проложил себе путь по дну долины, между черными глыбами камней и золотистыми лугами; он сверкал на солнце, словно тончайшая стеклянная паутина. Долина здесь почти сплошь поросла высокой, непролазно-густой травой и мелким кустарником: местами, отбрасывая тень на траву, поднимались кусты повыше и молодые деревца.

Мы спустились в долину и растянули поперек нее ярдов сто сетей. Потом охотники подозвали собак и пошли ко входу в долину, а я остался возле сетей. На полчаса установилась тишина – охотники с собаками медленно двигались к сетям, лишь побрякивали деревянные погремушки на ошейниках собак, да, случалось, пронзительно ругнется, наступив на колючку, какой-нибудь незадачливый охотник. Я уже начинал думать, что ничего мы сегодня не поймаем, как вдруг охотники подняли неистовый крик, а собаки залились яростным лаем. Они были еще довольно далеко от сетей, и я их не видел за небольшой купой деревьев.

– Что там у вас? – завопил я, стараясь перекричать весь этот шум.

– Тут есть добыча, маса, – донесся ответ. Я терпеливо ждал, и наконец из-за деревьев показался задыхающийся от бега охотник.

– Маса, дай мне вон тот маленький сеть. – сказал он, указывая на мелкие сети, аккуратно сложенные возле мешков.

– А какую добычу вы там нашли? – спросил я.

– Белка, сэр. Он убежал на дерево.

Я взял толстый брезентовый мешок и пошел за ним сквозь кусты к деревьям. Тут столпились охотники, они говорили все разом и отчаянно спорили, как лучше достать зверька, а собаки лаяли и прыгали вокруг небольшого деревца.

– Где ваша добыча? – спросил я.

– Он вон там, маса, наверху.

– Хороший добыча, маса!

– Мы сейчас его поймать, маса!

Я подступил к самому стволу, задрал голову и стал вглядываться в листву: футах в двадцати над ними на ветке сидела большая красивая белка – шерстка полосато-серая, белая полоска на ребрах, а лапки оранжевые. Хвост длинный, но не пушистый, в поперечных полосках, точно светло-серые и черные кольца. Белка сидела на ветке, махала на нас хвостом и довольно сердито кричала: "Чак! чак!", точно мы ее не испугали, а только разозлили. Мы принялись раскидывать сети вокруг дерева футах в десяти от его ствола, а белка следила за нами злобным взглядом. Потом мы привязали собак, и я велел самому малорослому из охотников вскарабкаться на дерево и согнать белку вниз. Вторая часть операции была предложена самими охотниками; я думал, справиться с белкой на дереве – задача невыполнимая, но охотники уверяли, что если кто-нибудь залезет на дерево, белка непременно спустится на землю. И они оказались совершенно правы: не успел охотник добраться до верхних ветвей с одной стороны ствола, как белка кинулась вниз по другой его стороне. Просто чудо, как она сообразила броситься к тому единственному месту, где сеть была

чуть-чуть порвана, протиснулась в дыру и поскакала прочь по траве, а мы очертя голову бросились в погоню, на бегу все разом выкрикивали друг другу всяческие мудрые советы и распоряжения, и, конечно же, никто не обращал на них никакого внимания. Мы только успели обогнуть группу кустов, как увидели нашу белку – она бежала вверх по стволу другого невысокого деревца.

Мы опять расставили сети, и опять охотник полез на дерево, чтобы согнать белку вниз. Но на этот раз она оказалась еще хитрей: она заметила, что мы караулим дыру в сетях, через которую она улизнула в первый раз, сбежала по стволу на землю, сжалась в комочек и прыгнула. Пролетела по воздуху в полудюйме над сетью и опустилась по ту сторону. Стоявший ближе других охотник сделал отчаянный рывок, но промахнулся, и белка ускакала прочь, без умолку с негодованием твердя свое "чак! чак!". На сей раз она избрала другую тактику: вместо того чтобы взлететь на дерево, юркнула в ямку между корнями.

И опять мы окружили дерево сетями и начали шарить длинными тонкими прутьями в лабиринте корней, среди которых она пряталась. Но из этого тоже ничего не вышло, только "чак! чак!" раздавалось все чаще, и мы скоро отступились.

Следующая наша попытка, однако, оказалась более успешной: мы засунули в самое большое отверстие пучок тлеющей травы, удушливый дым распространился по всем извивам и ходам лабиринта, и мы услыхали сердитое чихание и кашель. Под конец белка не выдержала и выскочила из-под корней, прямо головой в сеть. Но и тут она еще не сдалась – пока ее выпутывали из сетей, она укусила меня и двух охотников впридачу, а когда ее засовывали в брезентовый мешок – третьего. Потом я повесил мешок на ветки ближайшего кустика, и все мы уселись покурить – после трудов праведных это было просто необходимо, – а белка глядела на нас сквозь латунные кольца отверстий и злобно кричала, будто бросала нам вызов: ну-ка, попробуйте открыть

мешок и встретиться со мной лицом к лицу!

Полосатые земляные белки широко распространены на зеленых равнинах Западной Африки, но я был очень доволен, что поймал хоть одну – таких у меня еще не бывало. Как ясно из их названия, эти белки живут почти исключительно на земле, и я порядком удивился, что наша пыталась найти убежище на дереве. Позднее я обнаружил, что все белки, которые живут в лугах (большинство их действительно земляные), в минуту опасности кидаются к деревьям и только в самом крайнем случае ищут спасения среди корней или в дуплах гнилых деревьев.

Наконец мы перевязали свои раны, покурили и поздравили друг друга с первой добычей, потом передвинули большую сеть дальше по долине; здесь трава была густая, перепутанная, высотой чуть ли не в шесть футов. Это отличное место для особенной добычи, сказали мне охотники, хотя из вполне понятной осторожности не пожелали уточнить – для какой именно. Мы расставили сети, я устроился в удобном месте где-то посредине, внутри дуги, чтобы сразу же извлечь оттуда то, что попадется, а охотники взяли собак и ушли примерно на четверть мили дальше по долине. Высоким протяжным криком они дали мне знать, что стали пробиваться сквозь густую траву, и тут наступила тишина. Лишь трещали и пощелкивали вокруг бесчисленные цикады и кузнечики да издали чуть слышались собачьи погремушки. Прошло полчаса – ничего! Со всех сторон меня теснила шелестящая чаща высокой травы, такая густая и дремучая, что в двух шагах уже ничего не разглядеть.

Крохотная прогалинка, где я сидел, пылала зноем, мне ужасно захотелось пить; я огляделся и вдруг вспомнил, что мой заботливый повар сунул в один из мешков термос с чаем, а я совсем было о нем забыл. Я с благодарностью вытащил термос, уселся на корточки на самом краю прогалины среди высокой травы и налил себе чаю в стаканчик от термоса. Я пил, поглядывал по сторонам и вдруг заметил прямо перед собой в сплошной стене травы узкий, темный проход – его

явно протоптал в травяном лесу какой-то зверь: я решил, когда покончу с чаепитием, обследовать этот проход.

Не успел я налить себе второй стаканчик, как справа, совсем рядом раздался отчаянный шум и гам: охотники пронзительными криками подбадривали собак, а собаки заливались неистовым лаем. "Что у них там происходит?" – подумал я, и вдруг в траве послышался шорох: я придвинулся поближе к темному проходу в надежде разглядеть, что там шуршит. Внезапно трава раздвинулась, оттуда выскочило нечто темно-бурое и ринулось прямо на меня. Я нападения никак не ожидал, да еще сидел на корточках и держал в одной руке термос, а в другой стаканчик с горячим чаем. Животное, которое со страху показалось мне вдвое крупней бобра, прыгнуло прямо мне на грудь; от неожиданности я опрокинулся на спину, зверек стоял у меня на животе, а из термоса прямо мне на колени лился обжигающий чай. Оба мы одинаково удивились и, кажется, одинаково завизжали от страха. Руки у меня были заняты, я попытался стиснуть зверька локтями, но он соскочил с меня, точно резиновый мяч, и ускакал в траву. Сеть в одном месте стала подергиваться и трястись, и до меня донесся отчаянный визг – видно, мой незнакомец угодил прямо в нее. Я закричал охотникам и с трудом пробрался сквозь густую траву туда, где шевелилась сеть.

Зверек основательно в ней запутался и теперь лежал весь скорчившись, вздрагивал и пугливо фыркал; то и дело он безуспешно пытался перекусить петли сети острыми зубами. Теперь я его разглядел как следует. В сеть попалась очень большая тростниковая крыса, животное, известное африканцам под именем траворезки, что очень точно передает его повадки: своими большими, отлично развитыми резцами траворезка проходит по лугам, да и по засеянным полям, как косилка. В длину она два с лишним фута и покрыта грубой коричневой шерстью. Мордочка круглая, как у бобра, маленькие уши плотно прижаты, хвост толстый, безволосый, и большие лапы, тоже безволосые. Она, видно, до полусмерти

испугалась меня, и я не стал подходить ближе, пока не подоспели охотники, – боялся, как бы она все-таки не вырвалась из сетей. Крыса лежала и судорожно вздрагивала, а порой дергалась, пыталась подскочить в воздух и всякий раз при этом отчаянно взвизгивала. Я изрядно встревожился – вдруг у нее сейчас будет разрыв сердца? Только много позднее, когда я поближе познакомился с тростниковыми крысами, я узнал, что такой истерикой они встречают все новое, непривычное, вероятно, в надежде испугать или смутить врага. А на самом деле тростниковая крыса – животное отнюдь не из робких и не замедлит впиться своими огромными резцами вам в руку, если вы позволите себе с ней какую-либо вольность. Я оставался на почтительном расстоянии до тех пор, пока не подошли охотники; тут мы общими усилиями извлекли крысу из сети.

Когда ее вытащили и стали сажать в крепкий мешок, крыса вдруг отчаянно подпрыгнула у меня в руках: я сжал ее покрепче, и, к моему удивлению, у меня в пальцах остался большой клок шерсти. Наконец мы надежно засунули траворезку в мешок, а я сел и принялся рассматривать шерсть, которую невольно сорвал с моей упитанной пленницы. Шерсть оказалась длинной и довольно жесткой, похожей на грубую щетину; корни у нее, видно, очень слабые: чуть потянешь – и лезет клочьями. Заново отрастает она очень нескоро, и, так как лысую тростниковую крысу никак нельзя назвать красавицей, обращаться с ней приходится в высшей степени осторожно.

Поймав тростниковую крысу, мы медленно двинулись дальше по долине, время от времени расставляя сети и обшаривая подозрительные кусты и подлесок. Когда стало ясно, что больше тут нечем поживиться, мы свернули сети и направились к большому холму в полумиле от долины. Холм этот был на редкость правильной формы, и мне на ум тотчас пришел курган, под которым похоронен какой-то исполин, что бродил по этой равнине в давно минувшие времена: на самом верху возвышалась груда каменных глыб, каждая

величиной с дом – казалось, будто здесь воздвигнут памятник. В узких расщелинах и просветах между глыбами росли чахлые деревца, стволы их были изогнуты и скручены всеми ветрами, но на каждом светилась гроздь ярко-золотистых плодов. В высокой траве у подножий деревьев виднелись фиолетовые и желтые орхидеи, а местами эти огромные камни покрывал толстым ковром какой-то густо разросшийся вьюнок, с его стеблей свисали колокольчики цвета слоновой кости. Эти вздыбленные скалы, яркие цветы и причудливо изогнутые деревья являли собой удивительное зрелище на фоне багряно-голубого предвечернего неба.

Мы забрались на холм и уселись на корточках в тени камней среди высокой травы, чтобы перекусить. Кругом сколько хватал глаз простирались горные луга, цветы и трава колыхались на ветру, краски их сверкали и переливались, поминутно изменяясь. Гребни холмов из бледно-золотых постепенно становились белыми, а долины были нежного зеленовато-голубого цвета и местами темнели, когда над ними торжественно проплывало кучевое облако и тянуло за собой лиловую тень. Прямо перед нами в небе отчетливо вырисовывалась цепь тонко очерченных гор, их подножие почти скрывала россыпь огромных валунов вперемежку с малорослыми деревьями. Горы плавно круглились, они были на удивление правильной формы. Их покрывала трава самых разнообразных оттенков зеленого, золотого, пурпурного и белого цветов, и казалось – это накатывается огромная океанская волна: она вздымается над тщедушной преградой из камней и кустов и вот-вот через нее перехлестнет. Высоты эти были необыкновенно покойны и тихи, тишину нарушал, кажется, один лишь ветер – он хлопотливо метался во все стороны, заставляя каждую былинку петь свою собственную песню. Ветер расчесывал траву, и она мягко шелестела, он протискивался меж камней, забирался в трещины и расселины гор над нами, и оттуда доносилось что-то вроде жалобного уханья совы и внезапных раскатов хохота, ветер гнул и скручивал упрямые крепкие деревца, они трещали и стонали,

а листья трепетали и мурлыкали, как котята. И все же эти невнятные звуки не нарушали, а скорее подчеркивали тишину лугов.

Вдруг тишина раскололась – из-за тесной группы скал донесся ужасающий рев. Я с трудом пробрался туда и увидел: у подножия каменной глыбы сбились в кучу охотники и собаки. Трое охотников о чем-то отчаянно спорили, а четвертый выл и приплясывал от боли; из раны у него на руке хлестала кровь. Взволнованные собаки прыгали вокруг и неистово лаяли.

– Что тут у вас за суматоха? – спросил я.

Все четверо обернулись ко мне и принялись каждый на свой лад рассказывать, в чем дело; они кричали все громче, стараясь перекричать друг друга.

– Зачем вы так кричите? Как же мне вас понять, если вы говорите все сразу, как женщины? – сказал я.

Добившись таким образом тишины, я указал на окровавленного охотника.

– Как ты получил эту рану, друг мой?

– Маса, это меня добыча укусить.

– Добыча? Какая добыча?

– Э, маса, я не знаю. Уж очень она сильно кусать, сэр.

Я осмотрел его руку и убедился, что из ладони словно аккуратно вырезан кусок величиной с шиллинговую монету. Я оказал охотнику простейшую первую помощь и стал расспрашивать, что за животное его укусило.

– Откуда пришла эта добыча?

– Вон из та дырка, сэр, – ответил раненый и указал на глубокую щель у подножия высокой скалы.

– А ты не знаешь, как называется эта добыча?

– Нет, сэр, – огорченно сказал раненый. – Я ее не видеть. Я приходить сюда на это место и увидеть дырка. Я и подумать, там, в такой дырка, бывать добыча, и сунул рука. Он меня и укусить.

Я обернулся к остальным охотникам.

– Вот! – сказал я. – Этот человек не знает страха. Он не

заглянул сначала в нору. Взял да и сунул туда руку, добыча его и укусила.

Охотники захихикали. Я опять повернулся к раненому.

– Стало быть, ты сунул руку в нору, не так ли? Но ведь в таких местах можно наткнуться и на змею, верно? А если тебя укусит змея, что ты будешь делать?

– Я не знаю, маса, – сказал он и ухмыльнулся.

– Друг мой, мне совсем не нужен мертвый охотник, так что ты уж больше не делай таких глупостей, понял?

– Понял, сэр.

– Вот и хорошо. Теперь давай поглядим, что за опасная добыча тебя укусила.

Я достал из мешка факел, согнулся в три погибели и заглянул в нору. В свете факела сначала блеснули глазки, налитые кровью, потом возникла острая, рыжеватая мордочка; зверек злобно, пронзительно взвизгнул и исчез во мраке и глубине норы.

– Ага! – воскликнул один из охотников, услышав визг. – Это буш дог. Очень сильно свирепый добыча.

К сожалению, названием "буш дог" – лесная собака – в этих краях обозначают без разбору самых разных мелких млекопитающих, из них лишь немногие хотя бы отдаленно сродни собакам, и потому разъяснение охотника ничуть меня не просветило – я так и не понял, что это был за зверь. Мы немного посовещались и решили, что есть только один верный способ заставить зверька выйти из норы: надо развести костер у самого входа и нагнать туда дыму, размахивая пучком листьев. Так мы и сделали, но сначала развесили над входом небольшую сеть. Не успел первый клуб дыма заползти в каменную щель, как зверек выскочил оттуда прямо в сеть и с такой силой, что сеть сорвалась со своих креплений и зверек вместе с ней покатился вниз по склону в высокую траву. Собаки с оглушительным лаем кинулись вдогонку, а следом помчались и мы, выкрикивая всяческие угрозы собакам, чтобы они не смели трогать беглеца. Однако очень скоро выяснилось, что зверек отлично мог сам постоять

за себя и вовсе не нуждался в нашей помощи.

Он стряхнул с себя сеть, встал на задние лапы, и тут мы разобрали, что перед нами карликовая мангуста, изящный рыжеватый зверек величиной с горностая. Она так и осталась стоять, слегка покачиваясь из стороны в сторону, широко раскрыв рот, и издавала такие громкие, пронзительные крики. каких я в жизни не слыхал от такого маленького зверька. Собаки разом остановились и в оцепенении глядели на мангусту, а та все раскачивалась перед ними и визжала. Один пес, посмелее остальных, осторожно двинулся вперед и хотел обнюхать это странное существо, но магуста, видно, только того и ждала: она упала плашмя в траву, ползком скользнула вперед, извиваясь как змея, потом исчезла среди высоких стеблей – и вдруг опять появилась прямо под ногами у всей своры. Тут она завертелась волчком, оглушая нас неумолчным визгом, и при этом впивалась зубами в каждую ногу или лапу, что попадалась ей на глаза. Собаки всячески пытались увернуться от ее острых зубов, но это было нелегко, ведь в траве мангуста подбиралась к ним незаметно, и собакам оставалось только подпрыгивать высоко в воздух. И вдруг мужество им изменило, они все разом повернулись и позорно кинулись удирать вверх по холму, а мангуста так и осталась стоять на задних лапах одна на поле брани; она уже слегка задыхалась, но все еще выкрикивала язвительные насмешки вслед удалявшимся хвостам.

Так свора была побеждена, теперь нам предстояло самим постараться взять в плен этого маленького, но свирепого противника. Это удалось много легче, чем я предполагал: я привлек внимание мангусты, замахав у нее перед носом брезентовым мешком, она набросилась на него, как на врага, и принялась с ожесточением его кусать, а тем временем один из охотников подкрался сзади и набросил на нее сеть. Пока мы выпутывали мангусту из сети и водворяли в мешок, она совершенно оглушила нас своими яростными воплями и не переставала визжать весь обратный путь домой; по счастью, толстый брезент хоть немного приглушал этот

визг. Мангуста умолкла, только когда, уже в Бафуте, я вытряхнул ее из мешка в большую клетку и бросил туда окровавленную голову цыпленка. Пленница тотчас же с философской рассудительностью принялась за еду и вскоре съела все до крошки. После этого мангуста хранила молчание и только если на глаза ей попадался кто-либо из нас, бросалась к прутьям клетки и снова начинала отчаянно браниться. Нам это под конец до того надоело, что мне пришлось завесить клетку спереди куском мешковины – пускай посидит так, пока не привыкнет к человеческому обществу. Три дня спустя я услыхал с дороги знакомые крики и задолго до того, как вдали показался охотник, понял, что мне несут еще одну карликовую мангусту. Я очень обрадовался, что это была молодая самка, и посадил ее в ту же клетку, где сидела первая мангуста, и напрасно: они немедленно завизжали в два голоса, стараясь перекричать друг друга, и этот дуэт был примерно столь же приятен и успокоителен, как скрип ножа по тарелке, да еще усиленный в несколько тысяч раз.

Возвратясь в Бафут после моего первого дня охоты с Гончими, я получил послание от Фона: он приглашал меня к себе выпить и рассказать все новости об охоте. Я пообедал, переоделся и зашагал через просторный двор на маленькую виллу Фона. Он восседал на веранде, разглядывая на свет бутылку джина: много ли в ней еще осталось.

– А, друг мой, – сказал он. – Ты приходил? Ты хорошо поохотиться?

– Да, – ответил я, усаживаясь на предложенный стул. – Охотники Бафута умеют ловить славную добычу. Мы поймали целых три.

– Отлично, отлично, – сказал Фон, налил полный стакан джина и подал мне. – Ты будешь пожить здесь мало время и поймать много-много добыча. Я рассказать все мои люди.

– Да, хорошо. Я думаю, люди Бафута умеют ловить добычу лучше всех в Камеруне.

– Да, верно, верно, – с удовольствием подтвердил фон. –

Ты говорить верно, друг мой.

Мы подняли стаканы, чокнулись, широко улыбнулись друг другу и выпили. Фон опять наполнил стаканы, потом послал кого-то из своей многочисленной свиты за новой бутылкой. Когда мы добрались почти до дна второй бутылки, оба мы порядком разнежились и Фон повернулся ко мне:

– Ты любить музыка? – осведомился он.

– Да, очень, – чистосердечно ответил я, потому что слышал, будто у Фона есть весьма недурной оркестр.

– Хорошо! Тогда будет музыка, – сказал он и отрывисто что-то приказал одному из слуг.

Вскоре во дворе под верандой появился оркестр. К моему удивлению, он состоял примерно из двух десятков жен Фона, почти совершенно голых, если не считать узеньких набедренных повязок. Жены были вооружены множеством самых разных барабанов, начиная от крохотного, величиной с маленькую кастрюльку, и до огромных, пузатых инструментов, такие одному человеку и не поднять; были там еще и деревянные, и бамбуковые флейты с необыкновенно нежными голосами, и большие бамбуковые коробки, наполненные сушеными зернами маиса, – когда их трясли, слышался какой-то не то шелест, не то треск. Но самым удивительным инструментом в этом оркестре мне показалась деревянная труба футов четырех длиной. Ее держали стоймя, уперев одним концом в землю, и дули в нее особенным образом, извлекая густой, низкий, дрожащий звук, который немало вас изумлял – никто бы не подумал, что подобное может донестись откуда-то еще, кроме как из уборной, да и то лишь если там редкостная акустика.

Оркестр начал играть, и вскоре множество домочадцев Фона тут же, во дворе, пустились в пляс. Это было нечто среднее между бальным и народным танцем. Пары, обхватив друг друга, медленно кружились, их ноги переступали крошечными шажками, выделывая при этом довольно сложные па, а тела раскачивались и извивались в таких движениях, какие не счел бы позволительными ни один

дансинг. Время от времени какая-нибудь пара разделялась, и каждый кружился и раскачивался сам по себе, весь во власти музыки, выделывая свои собственные па. Флейты чирикали и попискивали, барабаны стучали и грохотали, погремушки с маисовыми зернами трещали и шелестели мерно, однообразно, подобно волнам, что ворошат мелкие камешки, и за всем этим хаосом звуков неумолчно, глухо гудела огромная труба, и каждые несколько секунд так размеренно, точно это билось огромное сердце, гудение обрывалось громким ревом.

– Тебе нравится мой музыка? – закричал Фон.

– Да, очень хорошая, – проревел я в ответ.

– А в твоей страна есть такой музыка?

– Нет, – сказал я с искренним сожалением, – у нас такой нет.

Фон еще раз наполнил мой стакан.

– Скоро, когда мой народ принести трава, у нас будет много музыка, много танцы, а? У нас будет веселый время, мы все будем сильно веселый, да?

– Да, конечно. Мы отлично повеселимся.

А оркестр под верандой все играл, ритмичный бой и рокот барабанов, казалось, взмывали в темное небо и даже звезды начинали подрагивать и приплясывать под их четкий ритм.

Глава III
Гудящая белка

Когда я охотился в Бафуте, мне особенно хотелось заполучить двух представителей фауны травянистых степей: скалистого дамана и так называемую белку Стейнджера. Но водятся они в совсем несхожих местностях, и два похода за ними запомнились мне, кажется, живей и ярче всех других эпизодов моей охоты на равнинах Камеруна.

Сначала мы отправились за белкой. Эта охота была примечательна тем, что мне удалось составить план похода заранее и осуществить его вполне успешно, не пришлось в последнюю минуту натыкаться на какие-то непредвиденные помехи. Белка Стейнджера – довольно распространенное животное в Камеруне, но прежде я охотился за ней в глухих девственных лесах в бассейне реки Мамфе. В такой местности зверек почти все время сидит на верхних ветках самых высоких деревьев (и питается всевозможными плодами, в изобилии растущими на этих солнечных высотах), а на землю и вообще вниз спускается очень редко. Поэтому поймать там белку почти невозможно. Однако уже потом я узнал, что на равнинах белки частенько посещают небольшие рощицы по берегам реки и проводят довольно много времени на земле, рыская в траве в поисках пищи. И я решил, что здесь будет легче ее поймать. Когда я показал изображение этой белки Гончим Бафута, они тотчас ее узнали и громогласно объявили, что знают, где ее искать. Я основательно их расспросил и убедился, что они и в самом деле хорошо знают повадки этого зверька, так как нередко на него охотились.

Оказалось, белки Стейнджера живут в небольшом горном лесу, но на рассвете или под вечер спускаются с деревьев и, набравшись храбрости, отправляются в луга кормиться. Вот тогда-то и надо их ловить, сказали Гончие Бафута.

– А что же эти белки делают ночью? – спросил я.

– Ох, маса, ночью его не поймать! – был ответ. – Этот добыча, он спать на большой дерево, высоко, человек туда не залезть. А вот когда вечер или рано-рано утро, тогда мы их поймать.

– Хорошо. – сказал я. – Будем ловить ее рано-рано утром.

Мы вышли из Бафута в час ночи и после долгого, нудного перехода по холмам, по долинам и лугам, за час до рассвета пришли наконец на место. Это было небольшое плоскогорье, лежащее на полпути к вершине горы, на крутом ее склоне. Местность тут была сравнительно ровная, ее, журча, пересекала довольно широкая мелкая речушка, обрамленная по берегам узкими рамками густого леса. Мы съежились у подветренной стороны большой скалы и начали вглядываться в туман, утирая лица, мокрые от росы; там мы осмотрелись и составили план охоты. Решено было расставить две-три сети в высокой траве, ярдах в пятистах от кромки деревьев. И делать это следовало без промедления, пока не рассвело, не то белки нас заметят.

Расставлять сети в высокой, по пояс, траве, когда она насквозь пропитана росой, – не слишком приятное занятие, и мы были счастливы, когда закрепили наконец последнюю. Потом осторожно подобрались к лесу и заползли в высокий кустарник, подальше от посторонних взоров. Здесь мы уселись на корточки, стараясь не стучать зубами от холода: нельзя было ни курить, ни разговаривать, ни хотя бы пошевелиться, и мы молча смотрели, как бледнеет небо на востоке – ночная темнота словно по каплям вытекала из него. Постепенно небо стало бледно-серым, с каким-то жемчужным отливом, потом порозовело – и вдруг взошло солнце, небо налилось ослепительной лазурью, яркой, точно перо зимородка. В этом чистом и нежном свете стали видны горы вокруг, окутанные низко стелющимся туманом: солнце поднималось все выше – и туман заколыхался, начал сползать по откосам гор, стекая в долины. Всего лишь миг назад равнины перед нами спали мирным сном под покровом

тумана, и вот горы точно пробуждаются ото сна, зевают и потягиваются под белым своим покрывалом, там сбрасывают его, здесь укутываются плотнее и наконец, сонные, росистые, поднимаются из глубин своей белой постели. Позднее я много раз смотрел, как просыпаются горы, и никогда не мог наглядеться досыта. Если вспомнить, что одно и то же происходит каждое утро с тех незапамятных времен, когда древние горы эти возникли на Земле, только диву даешься, каким новым и свежим кажется всякий раз это зрелище! Оно никогда не бывает скучным, обыденным; в нем всегда новизна. Иногда туман, поднимаясь, свивается причудливыми клубами, и возникают сказочные звери: чудовищные ящеры, фениксы, крылатые драконы, молочно-белые единороги; а порой пряди тумана вытягиваются и колеблются, точно странные ползучие стебли водорослей, встают, как деревья или огромные взъерошенные кусты, сплошь в белых цветах; порой подует ветерок и придаст туману уж совсем поразительные формы, вычертит строгие, сложные геометрические фигуры. И все время он скользит, перемещается, а под ним дразняще мелькают горы, поблескивают богатой гаммой мягких красок. таких нежных, воздушных и неуловимых, что описать их просто не хватает слов.

"Да, – подумал я. сидя на корточках под кустом и глядя сквозь ветви как пробуждаются горы, – стоило так устать, продрогнуть и проголодаться, стоило промокнуть до нитки от росы и маяться, потому что до судорог свело руки и ноги, ради того, чтобы все это увидеть". И тут мои мысли прервало громкое, воинственное "чак! чак!" Оно раздавалось в ветвях деревьев над нами; один из охотников схватил меня за руку, глаза у него блестели. Он осторожно наклонился и прошептал мне в самое ухо:

– Маса, здесь тот самый добыча, какой маса хочет. Мы сидеть тихо-тихо, и он через мало время сойти вниз на землю.

Я отер с лица росу и начал вглядываться в гущу трав, где мы расставили сети. Вскоре откуда-то из глубины леса

донеслось еще "чак! чак!". Это проснулись и другие белки и подозрительным взглядом встречали наступающий день. Мы ждали, как нам показалось, ужасно долго, и вдруг я увидел, что на лугу между нами и сетями что-то движется – что-то очень странное. На первый взгляд это можно было принять за овальный черно-белый полосатый мяч, который опять и опять подскакивал над высокой травой. В туманной утренней дымке я никак не мог понять, что же это такое, и молча ткнул пальцем, указывая охотникам на движущийся мяч.

– Тот самый добыча, маса, – сказал кто-то.

– Спускался на землю, уже спускался! – ликуя, подхватил другой.

– А что же это такое? – шепотом спросил я: странный шарообразный предмет никак не напоминал строение тела белки.

– А вот же, это хвост, сэр, – объяснил один из охотников и, чтобы окончательно рассеять мои сомнения, прибавил: – У него сзади растет.

Любой фокус, если его объяснить, тотчас становится очевидным. Теперь я ясно видел, что это черно-белое, полосатое – и в самом деле беличий хвост, и сам себе подивился: с чего это я взял, будто он похож на мяч? Вскоре к этому хвосту в траве присоединились и другие, а когда поднялся и рассеялся туман, мы увидели и самих белок.

Их было восемь, они скачками перебирались из леса на луг. Это были крупные, довольно плотные и головастые зверьки, но самой крупной, самой заметной частью тела у них были хвосты. Белки осторожно перепрыгивали с кочки на кочку: иногда они останавливались, присаживались на задние лапки и старательно нюхали воздух – чем пахнет там, в той стороне, куда они направляются. Потом опять опускались на все четыре лапки и прыгали еще несколько ярдов, помахивая хвостами. А то вдруг сядут и на несколько секунд замрут, аккуратно заложив хвост на спину, так что пушистый кончик его свисает книзу на лоб и чуть ли не закрывает мордочку. Те, что уже выскочили на луг, молчали, но зато с деревьев позади

нас порой снова доносилось подозрительное "чак!" – иные зверьки еще не собрались с духом спуститься. Я решил, что для охоты вполне хватит и восьми – которую-нибудь да поймаем, – и подал знак охотникам: мы поднялись из засады. растянулись в цепочку между деревьями, и охотники остановились, ожидая сигнала к наступлению.

Белки ушли уже ярдов за сто пятьдесят от опушки леса. Достаточно, решил я, помахал рукой, и мы вышли из нашего укрытия за деревьями в высокую траву. Белки, оставшиеся в лесу, громко, тревожно закричали, а те, что были на лугу, поднялись на задние лапки – поглядеть, что происходит. Увидели нас и замерли: тут мы медленно двинулись вперед, и они сразу запрыгали в траве, все дальше и дальше от деревьев. По-моему, они толком не поняли, что мы такое, – ведь продвигались мы очень осторожно, старались не делать ни одного лишнего движения. Белки чуяли опасность, но не знали, насколько она велика, поэтому они отбегали на несколько ярдов, потом останавливались, чтобы разглядеть нас хорошенько, и шумно втягивали ноздрями воздух. Вот тут-то и была самая уязвимая часть нашего плана: белки еще не вошли в полукруг сетей, и если бы они взяли вправо или влево, то с легкостью удрали бы от нас в луга. Мы осторожно надвигались на них, кругом царила тишина, слышался только шелест влажной травы у нас пол ногами да сзади смутно доносились тревожные крики белок, что остались у нас за спиной.

Внезапно одна из белок, видно посмышленей остальных, сообразила, что происходит. Она не могла видеть сетей впереди – они были скрыты в высокой траве и основательно замаскированы, – но поняла, что наше приближение оттесняет ее с собратьями все дальше и дальше от леса, от высоких деревьев, где они могли бы укрыться. Белка издала громкий тревожный крик и кинулась прочь, а длинный хвост словно струился за ней в траве; потом она вдруг вильнула влево и поскакала по траве в сторону от сетей. Она хотела только одного: обойти нас и добраться до

деревьев. Остальные белки сразу же сели столбиками и с тревогой следили за ней. Тут я сообразил, что надо немедленно что-то предпринять, иначе все они соберутся с духом и последуют примеру первой. По ранее задуманному плану мы собрались выждать, пока зверьки не углубятся в полукруг сетей, и только тогда кинуться вперед и напугать их, чтобы они очертя голову бросились прямо в сети. Но теперь стало ясно, что надо попытать счастья и вспугнуть их сейчас же. Я поднял руку, по этому знаку все охотники (и я тоже) с криком и гиканьем рванулись вперед. Мы размахивали руками и всем своим видом старались нагнать побольше страху. Долю секунды белки оцепенело смотрели на нас, потом бросились наутек.

Четыре последовали примеру подруги – кинулись в сторону под прямым углом и таким образом сумели увернуться и от сетей, и от охотников, но остальные три помчались прямо в ловушку. Мы кинулись за ними и сразу увидели, как впереди задергались сети – значит, белки там застряли! И верно, когда мы подбежали, зверьки уже совсем запутались, они яростно сверкали на нас глазами, оглушительно, угрожающе орали – ничего подобного я в жизни не слыхивал ни от одной белки. Крики эти совсем не походили на их обычное громкое "чак! чак!". Это было грозное предостережение, нечто среднее между храпом и рычаньем, И все время, пока мы их выпутывали из сетей, они без умолку вопили и яростно вонзали нам в руки крупные оранжевые резцы. Когда мы наконец засунули их в брезентовые мешки, нам пришлось нацепить каждый мешок на конец палки и так нести: белка любого другого вида, когда очутится в темном мешке, лежит смирно, но эти явно жаждали продолжать борьбу и малейшее прикосновение к мешку встречали яростными попытками укусить и грозными воплями.

Белки в лесу совсем разволновались, меж деревьев эхом отдавалось их неистовое "чак! чак". Теперь они поняли, какую опасность мы для них представляем, так что не стоило

и пытаться поймать еще хоть одну, пришлось довольствоваться теми тремя, которых мы изловили.

Итак, мы свернули сети и другое снаряжение и отправились обратно в Бафут. Там я поместил своих драгоценных белок в три крепкие, выложенные жестью клетки, наполнил кормушки и оставил каждую пленницу в строгом одиночестве – пусть немного придут в себя после такого унижения. Как только мы отошли, белки решились выйти из темноты своих «спален», уничтожили приготовленную для них порцию сочных фруктов, опрокинули блюдца с водой, попробовали на зуб жестяную обивку клеток – нельзя ли ее прогрызть – и, убедившись. что это им не под силу, удалились в «спальни» и уснули. Вблизи они оказались очень красивыми зверьками: брюшко и щеки светло-желтые, спинка красновато-коричневая и большущий хвост в поперечных полосках, точно перевязанный ленточками. Правда, впечатление немного портила чересчур большая голова (есть в ней что-то лошадиное, крохотные, тесно прижатые к черепу ушки и зубы изрядно торчат).

Я где-то читал, что эти белки ранним утром карабкаются на самые верхние ветки деревьев и оглашают лес необычайно сильными и странными криками: это низкое раскатистое гудение, точно замирающий гул гигантского колокола. Мне очень хотелось услышать этот крик, но я не думал, что они станут так кричать в неволе. Однако на другое же утро около половины шестого меня разбудил странный звук. Все пойманные зверьки находились на веранде за моим окном; я сел на на кровати и сразу понял, что звук этот идет от клеток, только не мог разобрать, от каких именно. Я надел халат и осторожно выскользнул из комнаты. Тут, в туманном предутреннем свете, продрогший и еще не совсем проснувшийся, я терпеливо ждал, не повторится ли удивительный звук. Через несколько минут он повторился, и теперь стало ясно – он идет от клеток с белками. Описать его необыкновенно трудно: он начинался подобно стону, постепенно набирал силу, и в нем появлялась какая-то

вибрирующая дрожь – примерно так гудят и вибрируют телеграфные провода… Он колебался, точно сейчас заглохнет, потом, как будто кто-то совсем легонько ударял в гонг, резко усиливался и снова понемногу замирал. Видно, белки не очень старались, в лесу они вложили бы в свое «пение» побольше души – там, в предрассветном тумане, меж ветвями деревьев, оно, уж наверно, звучит таинственно и чарующе.

В тот вечер, как обычно, ко мне явился Фон; стал расспрашивать, успешно ли мы нынче охотились, и преподнес мне калебас свежего пальмового вина. Ужасно гордый, я показал ему белок и подробно рассказал, как мы их ловили. Фон непременно захотел узнать, в каком именно месте их поймали, но я плохо разбирался в окрестностях Бафута, и мне пришлось призвать на помощь одного из охотников, который в это время развлекался на кухне. Тот пришел и остановился перед Фоном: на вопросы он отвечал, прикрыв рот сложенными лодочкой руками. Времени на объяснения понадобилось немало: там, где мы охотились, нет ни одной деревни, вообще нет никакого жилья, и охотник мог ссылаться только на такие приметы, как формы скал, деревья, необычные очертания холмов. Наконец Фон оживленно закивал и на несколько минут погрузился в раздумье. А потом стал быстро говорить что-то охотнику, широко размахивая своими длинными руками, охотник же кивал и низко кланялся. Затем Фон с милостивой улыбкой повернулся ко мне и небрежно, почти рассеянно протянул мне свой пустой стакан.

– Я велеть этот человек. – объяснил он мне, словно бы равнодушным взглядом следя, как я наливаю ему вино, – чтобы он отвести тебя в один особенный место в горы. Там ты найти особенный добыча.

– Какая же там добыча? – спросил я.

– Добыча, – неопределенно повторил Фон и повел в воздухе уже наполовину опустевшим стаканом, – Особенный добыча. У тебя такой еще не был.

– А это не опасная добыча? – спросил я.

Фон поставил стакан на стол и показал ее размер огромными руками.

– Вон такой большой, – сказал он. – Не так сильно опасный, но много кусаться. Он живет на тот большой-большой скала, он ходить под этот скала. Бывает, кричит много, вот так: "уиииииииииии!".

Я сидел и терялся в догадках – что бы это могло быть, а Фон с надеждой смотрел мне в лицо.

– Совсем похож на траворезка, только хвост нет, – сказал он наконец, пытаясь мне помочь.

Меня вдруг осенило, я пошел за нужной книгой, отыскал там картинку и показал Фону.

– Это она? – спросил я.

– А! Да, да, – обрадовался Фон и погладил своими длинными пальцами изображение скалистого дамана. – Тот самый добыча. Как ты его называть?

– Скалистый даман.

– Скалистый даман?

– Да. А как вы называете его здесь, в Бафуте?

– Здесь мы звать его н'иир.

Я записал это слово в список местных названий зверей, который составлял, и вновь наполнил стакан Фона. А тот все еще как зачарованный любовался изображением дамана и обводил его тонким пальцем.

– Ф-фа! – мечтательно вздохнул он наконец. – Очень вкусный жареное этот добыча. Мы его готовить со сладкий картофель…

Голос его замер, и, охваченный воспоминаниями, он облизнул губы.

Охотник уставился на меня и переступил с ноги на ногу – он явно хотел что-то сказать.

– Ты что хотел?

– Маса хочет идти тот место, про который Фон говорить?

– Да. Мы пойдем завтра же утром.

– Да, сэр. Чтобы поймать этот добыча, надо много-много люди, маса. Этот добыча, он сильно быстро бегать.

– Ну что ж, пойди скажи всем, что мы завтра идем на охоту.

– Да, сэр.

Но он все стоял и переминался с ноги на ногу.

– Ну что тебе?

– Маса, я еще нужный?

– Нет, мой друг. Иди назад в кухню и допивай свое вино.

– Спасибо сэр, – сказал он, широко улыбнулся и исчез в полумраке веранды.

Скоро Фон собрался уходить, и я проводил его до дороги. В конце двора мы остановились, и он улыбнулся мне с высоты своего огромного роста.

– Я уже старый, – сказал он. – Я очень много уставать. Если я не был старый, я пойти с тобой на охота завтра.

– Неправда, друг мой. Ты совсем не старый. Ты очень сильный. У тебя еще много силы, больше, чем у твоих лучших охотников.

Он усмехнулся, потом вздохнул.

– Нет, мой друг, ты сам говорить неправда. Мой время прошло. Я очень много уставать. Я иметь много жены, от них очень много уставать. Всегда дело, всегда забота с один человек, с другой человек, и я очень много уставать. Бафут – большой место, много люди. Когда много люди – много забота.

– Что верно, то верно. Я знаю, хлопот у тебя много.

– Правда, – сказал он, и тут глаза его озорно блеснули. – Бывает, я иметь хлопоты с полицейский чиновник, вот тогда я совсем-совсем много уставать.

Он пожал мне руку и, посмеиваясь, двинулся через двор к себе.

На следующее утро мы отправились на охоту за даманом – я, четверо Гончих Бафута и пятеро домочадцев

Фона. Первые две-три мили наш путь лежал через возделанные поля и мелкие фермы. Пологие склоны холмов были все перекопаны, жирная красная земля сверкала в лучах утреннего солнца. Кое-где поля были уже засеяны и посевы созрели; мы видели пушистые кусты маниоки, ряды маиса, где каждый золотистый початок машет на ветру светлой кисточкой тончайших шелковых нитей. На иных полях работали женщины, обнаженные до пояса, они разрыхляли землю широкими мотыгами с короткой ручкой, У некоторых на спине привязаны были крохотные младенцы, но они, казалось, и не замечали этого привычного груза: так горбун со временем перестает замечать свой горб. Те, кто постарше, курили длинные черные трубки, и, когда они наклонялись, густые клубы серого едкого дыма обдавали им лицо. Самая трудная работа выпала здесь на долю молодых; они вскидывали неуклюжую, тяжелую мотыгу высоко над головой и с размаху вонзали ее в землю; блестящие от пота, гибкие тела мерно раскачивались в лучах солнца. Всякий раз, как мотыга входила в красную землю, женщины громко ухали от натуги.

Мы шли через поля между женщинами, и они высокими, пронзительными голосами окликали нас, шутили, громко хохотали, ни на миг не прекращая работы и не сбиваясь с ритма. Разговор звучал очень странно, так как то и дело прерывался громким уханьем.

– Доброе утро, маса… ух!.. куда собраться?.. ух!

– Маса собраться на охота… ух!.. ведь правда, маса? ух!..

– Маса поймать много добыча… ух!.. маса иметь много сила… ух!..

– Иди быстро, маса… ух!.. поймать добыча много!.. ух!..

И еще долго, когда мы давно миновали поля и уже взбирались на золотистые склоны холмов, до нас доносились их болтовня, смех и мерные удары мотыг, вгрызающихся в землю.

Наконец мы добрались до гребня самой высокой гряды

холмов, окружающих Бафут, и тут охотники показали мне место предстоящей охоты: горная цепь, лиловая, затянутая дымкой, возникла где-то в недостижимой дали. Домочадцы Фона заохали, застонали в изумлении и отчаянии – неужели я заставлю их идти в такую даль? А Джейкоб, повар, напрямик заявил, что он все равно не сможет туда пойти, он, к сожалению, занозил ногу. При ближайшем рассмотрении оказалось, что никакой занозы у него нет, а просто в башмак попал маленький камешек. Когда это обнаружилось и камешек из башмака выбросили, повар сильно расстроился и помрачнел; он тащился позади всех и свирепо бормотал что-то себе под нос. К моему удивлению, расстояние оказалось обманчивым, не прошло и трех часов, как мы уже шагали по длинной, извилистой долине, в конце которой поднималась стена сверкающего золота и зелени – это и была наша цель. Пока мы, по пояс в высокой траве, с трудом взбирались вверх по склону, охотники рассказали мне свой план действий. Я понял, что нам предстоит обойти гладкий выступ горной цепи – там, между этим выступом и следующим, тянется глубокая долина, одним своим концом она врезается далеко, в самое сердце гор. Долину эту обрамляют почти отвесные скалы, а у их подножия среди камней живет даман.

Мы с трудом обогнули огромный острый выступ горы, и тут перед нами открылась долина – тихая, отрешенная, наполненная сверкающим солнечным светом, озарявшим суровые отроги по обе ее стороны, расцвеченные розовым, разукрашенные золотыми солнечными бликами и мягкими голубыми тенями. У подножия скал громоздилось наследие несчетных камнепадов и горных обвалов – хаос глыб всех форм и размеров: иные раскатились по неровному руслу долины, иные громоздятся друг на друга, будто из них на скорую руку возведены высоченные дымовые трубы – вот-вот обвалятся! На этих утесах и вокруг них стелется, колышется на ветру зеленый ковер: кусты, высокие травы, согбенные, скрюченные. похожие на хитрых колдунов деревья, мелкие

орхидеи, высокие лилии и густая, путаная сеть вьюнков с желтыми, кремовыми и розовыми цветами. На склонах утесов, обращенных к нам, разбросано множество пещер: их отверстия таинственно темнеют, порой узкие – просто щели в камне, порой распахнутые широко, словно двери соборов. По самой середине долины бежит шумливый ручеек – этот бойкий малыш то весело юркнет меж камней, то вновь выскочит оттуда и торопливо скачет водопадами вниз по склону с одного уступа на другой.

В устье долины мы остановились отдохнуть и покурить, и я оглядел в бинокль скалы впереди – нет ли там признаков жизни? Но долина казалось мертвой, пустынной; никаких звуков, только самодовольное, потешное журчание крохотного ручейка да ветер вкрадчиво посвистывает и перешептывается с травой. В вышине появился небольшой сокол, минуту повисел недвижно в нежно-голубом небе и скрылся из виду за иззубренным краем утеса. Джейкоб стоял и разглядывал долину. на его толстой физиономии появилось мрачное выражение.

– Что такое, Джейкоб? – невинно спросил я. – Ты уже заметил добычу?

– Нет, сэр, – ответил тот и сердито уставился в землю.

– Тебе тут не нравится?

– Да, сэр, не нравится.

– Что ж так?

– Это плохой место, сэр.

– Почему же плохое?

– Э! Бывает, такой место заколдованный, худо будет, маса.

Я оглянулся на Гончих Бафута, которые лежали в траве.

– Здесь место заколдованное? Вам тут было худо? – спросил я их.

– Нет, сэр, никогда, – дружно отозвались они.

– Вот видишь, – сказал я Джейкобу. – Нет тут никакого колдовства, и бояться нечего, понял?

– Да, сэр, – ответил Джейкоб, ничуть не убежденный.

– А если ты поймаешь для меня эту добычу, я тебе хорошо заплачу, – продолжал я. Джейкоб заметно оживился.

– Маса давать мне такой же плата, как охотникам? – спросил он с надеждой.

– Да, конечно.

Джейкоб вздохнул и задумчиво поскреб себе живот.

– Что, все еще боишься, что здесь тебя заколдуют?

– Э! – возразил он, пожав плечами. – Бывает, я тоже ошибся.

– А, Джейкоб! Если маса давать тебе плата, ты убить свой родной мамми. – со смехом сказал один из Гончих: пристрастие Джейкоба к деньгам было хорошо известно всему Бафуту.

– Ха, – сердито воскликнул Джейкоб. – А ты не любить деньги, нет? Зачем ты приходил на охота с маса, если ты не любить деньги, а?

– Это мой работа, – сказал охотник и пояснил, чтобы не осталось никаких сомнений: – Я – Гончая Бафута.

Джейкоб еще не успел придумать достойный ответ, как другой охотник поднял руку.

– Слушай, маса! – взволнованно сказал он.

Все замолчали, и тут до нас долетел из долины странный крик: сперва раз за разом, с короткими промежутками раздавался переливчатый свист… и вдруг он перешел в протяжный вой, который зловещим эхом отдавался в каменистых стенах долины.

– Это н'иир, маса, – зашептали охотники. – Он воет вон там, на большой утес.

Я навел бинокль на беспорядочное нагромождение камней, куда указывали охотники, но не сразу заметил дамана. Он сидел на скалистом выступе и надменно оглядывал долину. Величиной он был с большого кролика, но лапы короткие, толстые, морда притупленная, точно у льва. Уши маленькие, аккуратные, хвоста как будто вовсе нет. Минуту-другую я его разглядывал, потом он повернулся на узком уступе, взбежал на самый верх скалы, там постоял

мгновение, определяя расстояние, легко перепрыгнул на соседнюю груду камней и исчез в зарослях вьюнка – за ними, верно, скрывалась какая-то нора. Я опустил бинокль и взглянул на охотников.

– Ну, – спросил я. – Как же нам его поймать?

Они быстро обменялись мнениями на своем языке, потом один повернулся ко мне.

– Маса, этот добыча, он очень много умный, – сказал охотник, скривив лицо, и почесал в затылке. – Сеть мы его никак не поймать, он все равно убежать мимо люди.

– Как же нам поступить, друг мой?

– Мы найти нору в гора, сэр, и мы сделать костер и много дым: мы положить сеть перед нора, и как он побежать, мы его хватай.

– Хорошо, – согласился я. – Пошли, пора.

Мы двинулись по долине. Впереди шел Джейкоб, теперь лицо его выражало мрачную решимость. Мы пробрались сквозь густые дебри низкого кустарника и наконец достигли первой груды камней, нагроможденных друг на друга так несуразно, что, казалось, они того и гляди рухнут. Здесь мы рассыпались во все стороны, как терьеры, и чуть не ползком двинулись в обход скалы, заглядывая в каждую щель – нет ли там кого-нибудь. Как ни странно, первому повезло Джейкобу; он высунул голову из чащи кустов и позвал меня, его потное лицо так и сияло.

– Маса, я найти нора. И добыча сидеть там, внутри, – радостно объявил он.

Мы столпились вокруг норы и прислушались. Да, конечно, там есть какое-то живое существо: до нас доносились слабые шорохи, словно зверек царапал лапами землю. Мы поспешно разложили костер из сухой травы у самого входа в нору и, когда он как следует разгорелся, покрыли огонь зелеными листьями: мгновенно к небу поднялся столб густого, едкого дыма. Мы развесили над входом в нору сеть и большими пучками листьев погнали дым вглубь. Мы усердно махали листьями, нагоняя дым в

темную щель; он, клубясь, уходил в глубину, и вдруг все понеслось с головокружительной быстротой. Из норы вылетели два детеныша дамана, каждый величиной с морскую свинку, с разлету ударились в сеть с такой силой, что сорвали ее с креплений и, все больше в ней запутываясь, покатились в кусты. Следом выскочила мать, довольно крупная и дородная зверюга, вне себя от ярости. Она выбежала из норы и тотчас бросилась на ближайшего к ней человека – это оказался один из охотников: даман мчался с такой быстротой, что охотник не успел уклониться: самка вцепилась зубами ему в ногу и повисла на ней, как бульдог, издавая носом громкое, устрашающее «уиииии»! Охотник опрокинулся на плотный ковер вьюнка и лежал там, отчаянно брыкаясь и воя от боли.

Остальные Гончие Бафута тем временем старались выпутать из сети детенышей, но это оказалось не так-то просто. Домочадцы Фона разбежались сразу же, едва на сцене появилась разгневанная мамаша, так что выручать охотника, который дергался в кустах и орал благим матом, пришлось нам с Джейкобом. Однако я еще не успел ничего придумать, как вдруг Джейкоб словно очнулся от спячки. На сей раз события не застали его врасплох. Боюсь, правда, что его поступок был продиктован вовсе не сочувствием к страданиям товарища; должно быть, он понял: надо поскорей что-то делать, не то зверек убежит и тогда ему, Джейкобу, не видать обещанных денег, как своих ушей. Джейкоб схватил брезентовый мешок побольше и метнулся мимо меня – я никак не ожидал от него, всегда сонного и медлительного, такой прыти. Не успел я и глазом моргнуть, как он уже схватил ногу злосчастного охотника и запихнул ее в мешок вместе с висящим на ней даманом. Потом туго затянул отверстие мешка и с довольной улыбкой обернулся ко мне.

– Маса! – завопил он, стараясь перекричать охотника, который орал теперь уже не только от боли, но и от негодования. – Я его поймать!

Однако он слишком рано торжествовал победу: не в

силах больше терпеть, охотник поднялся из зарослей вьюнка и с маху ударил Джейкоба по курчавому затылку. Джейкоб взревел от боли и обиды и покатился вниз по склону, а охотник тем временем встал на ноги, отчаянно пытаясь освободиться от дамана и от мешка. Как ни прискорбно, должен признаться, что тут я просто опустился на камень и хохотал до слез, ничего более разумного не пришло мне в голову. Джейкоб тоже поднялся на ноги, выкрикивая угрозы и проклятия, и увидел, что охотник пытается снять с себя мешок.

– А-а-а! – завопил он, прыжками поднимаясь к нам по склону. – Глупый человек, добыча сейчас убежать!

Он обхватил охотника руками, и оба упали навзничь прямо на ковер вьюнка. К этому времени остальные охотники уже посадили детенышей в мешки и могли теперь прийти на выручку товарищу; они оттащили Джейкоба и помогли охотнику снять с ноги мешок. По счастью, даман выпустил из зубов его ногу, когда попал в мешок, и, видимо, так перепугался, что уже не стал больше кусаться, но, конечно, бедняга охотник порядком намаялся.

Меня все еще душил смех, хотя я и старался изо всех сил скрыть это от окружающих; как мог, я успокоил раненого охотника, отчитал Джейкоба за его поведение и сказал ему, что из-за собственной глупости он получит только половину обещанной платы за поимку зверька, а вторая половина пойдет охотнику – ведь по милости Джейкоба он чуть не лишился ноги. Мое решение все, включая, как ни странно, самого Джейкоба, встретили одобрительными кивками и удовлетворенным хмыканьем. Я давно убедился, что у большинства африканцев в высшей степени развито чувство справедливости и они от души одобряют всякий справедливый приговор, даже если он вынесен против их самих.

Восстановив таким образом порядок и оказав первую помощь раненому, мы двинулись дальше по долине. Мы окурили еще несколько пещер и ям, но безуспешно и,

наконец, без всякого кровопролития загнали и поймали большого самца дамана. Теперь у меня их было целых четыре штуки – мне выпала просто неслыханная удача! И я решил, что пора, пожалуй, возвращаться. Мы вышли из долины, обогнули горный отрог, спустились по отлогим склонам, поросшим золотистой, шелестевшей на ветру травой, и зашагали дальше. Дойдя до местности поровнее, мы остановились покурить и передохнуть; я присел на корточки в теплой траве и оглянулся на горы – оттуда донесся глухой раскат грома. Да, мы и не заметили, что по небу к нам подплыла тяжелая мрачная туча, похожая очертаниями на огромную персидскую кошку, и что она уже растянулась по гребням гор. Под ее тенью зелень и золото гор померкли, перешли в угрюмый темно-лиловый цвет, а долины чернели резкими косыми полосами. Туча двигалась, меняла очертания и то свивалась, то развивалась, словно месила и мяла горную гряду, как кошка мнет лапами гигантское кресло. Временами в этой громаде появлялся разрыв, и тут ее пронизывало острие солнечного луча; чистым золотом освещались горы под ним, трава на их сумрачно лиловых боках вспыхивала изжелта-зелеными пятнами. С поразительной быстротой туча становилась все темнее, мрачнее, словно бы разбухала, готовясь пролиться дождем. И вот уже там рушатся, падают молнии, будто колкие, зазубренные серебряные сосульки, и горы дрожат от раскатов грома.

– Маса, надо идти скоро-скоро, – сказал один из охотников. – Где-то этот гроза нас догонять.

Мы торопились, чуть не бежали, но все-таки не успели – туча пролилась над вершинами гор и, точно в замедленном прыжке, растянулась по небу позади нас. Поднялся порывистый, холодный ветер и сейчас же полил дождь, сплошная серебряная завеса; в первые же секунды мы промокли до нитки. Рыжая земля потемнела и стала скользкой, дождь свистел в траве так громко, что разговаривать было почти невозможно. Когда мы подошли к окраинам Бафута, зубы у нас стучали от холода, а насквозь

промокшая одежда леденила тело при каждом шаге. Мы вышли уже на последний участок дороги, и тут дождь понемногу стал стихать, еще побрызгал легким душем, а потом и вовсе перестал; с промокшей земли поднялся белый туман и разбился о наши ноги, как огромная волна во время отлива.

Глава IV
Монарх и конга

Наконец настал великий день торжественной церемонии сбора травы. Я проснулся перед зарей, когда звезды только еще начали редеть и меркнуть, когда даже самые молодые и восторженные деревенские петушки еще не пробовали свой голос; меня разбудил рокот маленьких барабанчиков, смех, громкий говор и мягкое шарканье босых ног по пыльной дороге внизу, перед домом. Я лежал и прислушивался ко всем этим звукам до тех пор, пока пробуждающийся день не окрасил небо за окном в нежно-зеленоватый цвет; тут я встал и вышел на веранду посмотреть, что происходит.

В туманном утреннем свете сгрудившиеся вокруг Бафута горы светились розовато-лиловым и серым, там и сям их рассекали беспорядочным узором темные полосы долин; в их глубине еще таилась черная и темно-лиловая тьма. Небо было великолепное – черное на западе, где еще дрожали последние звезды, желтовато-зеленое у меня над головой, а у восточной кромки холмов оно переходило в нежнейшую голубизну, как перо зимородка. Я прислонился к той стене веранды, которую сплошь оплела огромной паутиной бугенвиллея, точно небрежно накинутый плащ из кирпично-красных цветов, и обвел взглядом лестницу из семидесяти пяти ступенек, дорогу вниз и за ней двор Фона. По дороге справа и слева надвигался плотный людской поток; люди смеялись, болтали и время от времени били в маленькие барабанчики. Каждый нес на плече длинный деревянный шест, а к шесту была привязана большая, конусом, связка сухой травы. Рядом бежали ребятишки, они тоже несли на тонких деревцах связки поменьше. Люди проходили мимо арки, ведущей во двор Фона, и сбрасывали свою ношу в кучу под деревьями у обочины дороги. Потом входили во двор под аркой и там останавливались группами, болтая и смеясь; порой флейта и барабан заводили какую-нибудь короткую мелодию, и тотчас из толпы выходили танцоры; они шаркали

ногами по земле под рукоплескания и восторженные крики зрителей. Это было веселое, оживленное и добродушное сборище.

К тому времени, как я покончил с завтраком, кучи травы под деревьями у дороги вздымались чуть ли не до небес; когда на них падала новая связка, вся куча покачивалась – того и гляди рассыплется; двор был битком забит народом, людям уже не хватало места и многие остались под аркой и на дороге. В воздухе звенели голоса – те, кто пришел пораньше, здоровались с вновь пришедшими и корили их за леность. Дети с визгом и хохотом гонялись друг за другом, то ныряя в толпу, то выскакивая из нее, а за ними с восторженным тявканьем весело носились стаи тощих, ободранных собак. Я спустился по семидесяти пяти ступенькам на дорогу и присоединился к толпе: мне было очень приятно и лестно, что никто не возражал против моего присутствия, наоборот, многие дружелюбно мне улыбались, а когда я стал со всеми здороваться на привычном им ломаном английском, они заулыбались еще шире и приветливей. Потом я поудобней устроился у дороги, в тени огромного куста гибискуса – он весь был усыпан пунцовыми цветами и гудел роями всевозможной мошкары. Я сидел там, курил и глядел на плывущую мимо праздничную толпу: очень скоро вокруг меня собрались тесным кружком ребятишки и подростки и молча за мной наблюдали. Наконец меня отыскал запыхавшийся Бен; уже давно прошло время обеда, укоризненно сообщил он мне, и все вкусные вещи, что приготовил повар, теперь уже, конечно, никуда не годятся. Я неохотно покинул кружок моих поклонников – все они вежливо встали и пожали мне руку – и поплелся за все еще ворчавшим Беном обратно к дому.

После обеда я снова спустился на свой наблюдательный пункт под гибискусом и продолжал взглядом антрополога изучать обитателей Бафута, которые непрерывным потоком двигались мимо меня. Видимо, в утренние часы я наблюдал тут простой рабочий люд. Как правило, всю одежду

простолюдина составлял цветастый саронг, плотно обернутый вокруг бедер; так же одеты и женщины, впрочем, иные – глубокие старухи – носили одну лишь набедренную повязку из полоски кожи. Я понял, что это и есть их исконное одеяние, а яркий саронг – дань современности, новомодная одежда. Почти у каждой пожилой женщины в зубах трубка, но не короткая, точно обрубок, какие в ходу у равнинных племен, а длинная, с изящным чубуком, напоминающая старинные глиняные трубки, и все эти трубки прокурены дочерна. Вот так выглядел рабочий люд Бафута. После обеда на дороге появились члены совета, мелкие князьки и иные важные и влиятельные лица, и уж этих-то никак нельзя было спутать с обыкновенными тружениками. Все они были разряжены в длинные, просторные одежды великолепных ярких цветов (одежды эти шелестели и сверкали на ходу), а на головах красовались маленькие, тесно облегавшие череп круглые шапочки, расшитые сложным ярким узором, какие я видел уже не раз. Некоторые несли в руках жезлы из какого-то темно-коричневого дерева, покрытые удивительно тонкой ажурной резьбой. Все они были уже пожилые или даже старые люди, явно очень гордились своим высоким положением в обществе и каждый здоровался со мной весьма торжественно, тряс мне руку и несколько раз выразительно повторял: «Приветствую». Таких аристократов было много, и они придавали всей церемонии удивительную окраску. В пять часов мне пора было возвращаться домой пить чай; по пути я остановился на верхней площадке лестницы и посмотрел вниз, на огромный двор: он был набит битком, так что даже земля лишь изредка мелькала рыжими пятнами там, где веселые танцоры в своих неиссякаемых коленцах отпрыгивали в сторону. В толпе яркими пятнами мелькали цветастые одежды старейшин – будто по клумбе чернозема разбросаны пестрые цветы. К вечеру я оказался уже в самой гуще толпы и старался сделать несколько снимков, пока еще не совсем стемнело. И тут ко мне вдруг протиснулась живописная фигура. Это был гонец от Фона, его

развевающиеся одежды переливались алым, золотым и зеленым, а в руке он сжимал длинный кожаный хлыст. Он сообщил мне. что его прислал Фон и, если я вполне готов, он проводит меня к своему монарху на праздник сбора сухой травы. Я поспешно засунул в фотоаппарат новую пленку и стал пробираться за ним в толпе, с восхищением глядя, как легко он прокладывает себе путь в сплошной человеческой толще. Посланник Фона провел меня по всему огромному двору, вывел через ворота под аркой, потом по узкому проходу мы дошли до других ворот под аркой и наконец очутились в лабиринте крохотных двориков и переходов. Разобраться в них было невозможно, но мой провожатый был тут как рыба в воде: он ловко нырял и скользил в нужные проходы, через дворики, вверх и вниз по маленьким лестничкам, и наконец мы прошли под осыпающейся кирпичной аркой в длинный двор размером с четверть акра, огороженный высокой стеной из красного кирпича. В конце этого двора росло высокое дерево манго, вокруг его гладкого ствола возведен был круглый помост; на помосте стояло большое, обильно украшенное резьбой кресло, а на кресле восседал Фон Бафута.

Наряд его был столь ошеломляюще великолепен, что в первую минуту я его даже не узнал: небесно-голубое, очень красивого оттенка одеяние было расшито удивительными красными, желтыми и белыми узорами. На голове красовалась остроконечная красная фетровая шапочка, на которую нашили множество волосков из слоновьего хвоста. Издали казалось, что на голове у него конусообразный стог сена. В одной руке он держал мухобойку, деревянную ручку ее украшала тончайшая резьба, а сама кисточка – густой шелковистый пучок волос – сделана из длинного черно-белого хвоста гверецы. Но эту весьма внушительную картину несколько портили ноги Фона, которые покоились на огромном, уже пожелтевшем и почерневшем от старости бивне слона: они обуты были в очень остроносые пестрые туфли, из которых выглядывали желто-зеленые носки.

Фон пожал мне руку, задушевно осведомился о моем здоровье. Мне принесли кресло, и я уселся подле него. По сторонам двора разместились всевозможные советники, князья и их полуголые жены; все они сидели на корточках вдоль кирпичной стены ограды и пили вино из каких-то особенных фляжек: в сущности это были покрытые резьбой коровьи рога. На фоне красной кирпичной стены разноцветные одежды мужчин казались необычайной красоты гобеленом. Слева от кресла Фона высилась груда черных калебасов, заткнутых пучками зеленых листьев: они были наполнены мимбо, или пальмовым вином – любимым напитком камерунцев. Одна из жен Фона принесла стакан и мне, потом подняла калебас, вынула затычку и плеснула немножко вина и протянутую ладонь Фона. Тот задумчиво подержал напиток во рту, потом выплюнул и покачал головой. Отведал содержимое еще одного калебаса – с тем же успехом, потом испробовал еще два. Наконец попался калебас, вино в котором Фон нашел достойным себя и меня, и его жена наполнила мой стакан. Мимбо по виду напоминает сильно разбавленное водой молоко, а вкус у него мягкий, чуть кисловатый, как у лимонада, но все это коварнейший обман. По-настоящему хорошее мимбо кажется на вкус таким безобидным, что вводит в соблазн – пьешь еще и еще и вдруг обнаруживаешь, что это вовсе не такой невинный напиток, как казалось. Я пригубил, причмокнул от удовольствия и поздравил Фона с отличным качеством вина. Я заметил, что все советники и князья пили из коровьих рогов, заменявших им бокалы, а Фон поглощал вино из рога буйвола, прекрасно отшлифованного и украшенного превосходной резьбой. Мы просидели там до тех пор, пока почти совсем не стемнело, не переставая болтать, а калебасы с мимбо понемногу пустели.

Наконец Фон решил, что настала великая минута – пора угостить всю массу людей, которые сошлись на его зов. Мы встали и пошли по двору между двойными рядами низко кланявшихся подданных Фона; мужчины при этом размеренно били в ладоши, а женщины прикрывали рот

ладонями, похлопывали себя по губам и оглашали воздух криками, похожими на гудки сирен, – а я-то по своему невежеству до сих пор полагал, что такие вопли издают только краснокожие индейцы! Мы проходили через всевозможные двери, переходы и крохотные дворики, а вся свита следовала за нами, все так же хлопая в ладоши и гудя. Когда мы вышли из-под арки в главный двор, толпа дружно выразила свое одобрение оглушительным ревом, все стали хлопать в ладоши и бить в барабаны. Под звуки шумных приветствий мы с Фоном прошли вдоль стены к тому месту, куда уже принесли и водрузили на разостланной шкуре леопарда трон Фона. Мы уселись, фон махнул рукой, и начался пир на весь мир.

Из-под арки потекла нескончаемая процессия молодых людей, совсем обнаженных, если не считать маленькой набедренной повязки; на лоснящихся мускулистых плечах они несли всевозможные угощения для подданных Фона. Тут были калебасы с пальмовым вином и пивом, огромные связки красноватых и золотисто-желтых бананов, туши больших тростниковых крыс, мангуст, летучих мышей, антилоп и обезьян, громадные куски питона – все это основательно прокопченное и насаженное на бамбуковые шесты. Были также сушеная рыба, сушеные креветки и свежие крабы, красный и зеленый перец, плоды манго и папайи, апельсины, ананасы, кокосовые орехи, маниока и сладкий картофель. Пока раздавали всю эту невообразимую массу снеди, Фон приветствовал старейшин. советников и князьков. Каждый подходил к нему, низко склонялся в поклоне и трижды ударял в ладоши. Фон в ответ коротко, царственно кивал, и подошедший, пятясь, удалялся. Если кто-либо хотел обратиться к монарху, он должен был говорить через сложенные лодочкой руки.

К этому времени я поглотил уже изрядное количество мимбо и преисполнился необычайного благодушия: то же самое, видимо, произошло и с Фоном. Он вдруг буркнул какой-то приказ, и к моему ужасу рядом с нами появился

столик с двумя стаканами и бутылкой джина какой-то французской марки, о которой я прежде не слыхивал и впредь не жажду возобновлять это знакомство. Фон налил в стакан дюйма три джина и подал мне: я улыбнулся и постарался сделать вил, будто изрядная порция неразбавленного джина – именно то, о чем я мечтал. Я осторожно понюхал стакан – пахнет керосином лучшего сорта. Нет, с таким количеством чистого джина мне просто не справиться, и я попросил принести воды. Фон опять что-то рявкнул, и тут же прибежала одна из его жен; в руке он сжимала бутылку горькой настойки.

– Горькая! – гордо объявил Фон и плеснул в мой стакан две чайные ложки. – Ты любишь джин с горькая настойка?

– Да, – сказал я и через силу улыбнулся. – Обожаю джин с горькой настойкой.

Первый же глоток этого пойла едва не прожег мне горло насквозь: в жизни я не пил чистого спирта да еще с таким отвратительным привкусом. Даже Фон, которому, казалось, все было нипочем, после первого глотка как-то странно заморгал. Потом отчаянно закашлялся и повернулся ко мне, утирая слезящиеся глаза. – Очень крепкое, – заметил он.

Когда принесли наконец всю еду и разложили огромными грудами прямо перед нами, Фон призвал всех к молчанию и произнес перед собравшимися обитателями Бафута краткую речь: он рассказал им, кто я такой, зачем сюда приехал и что мне надо. Пол конец он объяснил, что они должны изловить для меня побольше всяких животных. Толпа выслушала эту речь в глубоком молчании, а когда Фон кончил говорить. все захлопали в ладоши и громко закричали нечто вроде "А-а-а!". Фон с довольным видом уселся в свое кресло и в порыве восторга разом отхлебнул полстакана джина с горькой настойкой. За этим опрометчивым поступком последовали пять минут, мучительные не только для него, но и для всех нас: он кашлял и корчился на своем троне, по лицу его ручьями текли слезы. Наконец он немного отдышался и сидел молча, глядя покрасневшими злыми

глазами на свой стакан с джином. Потом отпил чуть-чуть, в раздумье подержал напиток во рту и доверительно наклонился ко мне.

– Этот джин, оно сильно крепкий, – хрипло шепнул он. – Мы отдавать этот крепкий питье всем наш маленький-маленький люди, а потом уйти в мой дом и выпить, а?

Я охотно согласился, что отдать джин князькам и советникам – маленьким-маленьким людям, как их называл Фон, – превосходная мысль.

Фон осторожно огляделся – не подслушивает ли нас кто-нибудь, но вокруг толпились всего каких-нибудь пять тысяч человек, и он решил, что совершенно спокойно может открыть мне свой секрет. Поэтому он еще раз наклонился ко мне и снова зашептал:

– Скоро мы идти в мой дом, – в его тоне послышалось неподдельное ликование, – и мы пить виски "Белая лошадь".

Потом откинулся в кресле, чтобы взглянуть, какое впечатление произвели на меня эти слова. Я закатил глаза и изо всех сил постарался сделать вид, что очень счастлив от одной мысли о таком угощении, а сам в ужасе подумал: виски после мимбо и джина – да что же это будет?! А Фон, очень довольный, стал подзывать к себе по одному своих «маленьких-маленьких» людей и выливал остатки джина в их «бокалы» из коровьего рога, еще наполовину полные мимбо. В жизни я не расставался со спиртным так охотно и радостно. Какие же надо иметь луженые желудки, чтобы выдержать и даже смаковать коктейль, составленный из этакого джина с мимбо! При одной мысли о нем меня начинало тошнить.

Осчастливив этой сомнительной милостью своих подчиненных, Фон поднялся на ноги и под рукоплескания, бой барабанов и клики, подобные воинственному кличу краснокожих индейцев, повел меня через путаную сеть перехода и двориков к себе; его собственная вилла затерялась – почти не разглядеть – среди травяных хижин его многочисленных жен, точно спичечная коробка в пчельнике.

Мы вошли внутрь и очутились в просторной комнате с низким потолком; тут стояли шезлонги и большой стол, деревянный пол устилали прекрасные леопардовые шкуры и очень яркие плетеные из травы циновки – изделие местных искусников. Полагая, что он уже исполнил свой долг перед подданными, Фон растянулся в шезлонге.

Принесли "Белую лошадь", мой хозяин с удовольствием почмокал губами, когда раскупорили непочатую бутылку, и дал мне понять, что теперь, после того как скучные государственные обязанности позади, можно начать пить в свое удовольствие. Далее мы добрых два часа непрерывно пили и длинно, во всех подробностях обсуждали, с каким ружьем лучше всего охотиться на слона, из чего делается виски "Белая лошадь", почему я не бываю на обедах в Букингемском дворце и прочие волнующие темы. После двух часов такого времяпрепровождения ни вопросы Фона, ни мои ответы уже не звучали столь изысканно и связно, как нам бы хотелось, поэтому Фон призвал свой оркестр: видно, он полагал, что сладостная музыка сможет рассеять пагубное действие крепких напитков, но, увы, он ошибся. Музыканты явились во двор и долго пели и плясали за окнами, а Фон тем временем потребовал еще бутылку "Белой лошади" – надо же было отметить прибытие оркестра! Потом музыканты стали полукругом, на середину вышла женщина и принялась танцевать: она раскачивалась, шаркала ногами по земле и при этом пела песню, которая звучала пронзительно и скорбно. Слов я не понимал, но песня была на редкость печальная, и мы с Фоном оба очень расчувствовались.

Под конец Фон утер слезы и резко объявил оркестру, что желает послушать что-нибудь другое. Музыканты долго совещались и наконец разразились какой-то мелодией, в самом подходящем ритме для танца «конга». Музыка была такая живая и веселая, что настроение наше мигом поднялось; очень скоро я уже отбивал такт ногой, а Фон дирижировал оркестром, причем в руке у него все еще был зажат стакан "Белой лошади". Гостеприимство Фона разгорячило меня, да

и музыка раззадорила, и в голову мне пришла отличная мысль.

– На днях ты показывал мне ваш национальный танец, верно? – сказал я Фону.

– Да, верно, – подтвердил он, стараясь подавить икоту.

– Ну вот. А хочешь, сегодня я научу тебя танцевать европейский танец?

– Ах, мой друг! – Фон просиял и обнял меня. – Да, да, отлично, учи меня. Пойдем, мы сейчас идти в дом танцев.

Мы шатаясь поднялись на ноги и побрели в его «дансинг». Впрочем, когда мы туда добрались, я увидел, что это усилие – мы прошли с полсотни шагов, а то больше! – сильно утомило моего спутника: совсем задохнувшись, он сразу рухнул на свой богато разукрашенный трон.

– Иди, сначала научи все маленькие-маленькие люди, – сказал он и замахал руками на толпу князьков и советников. – После и я танцевать тоже.

Я обозрел смущенно переминающихся с ноги на ногу советников, которых мне предстояло учить, и решил, что самые сложные па конги им сейчас не по силам. По правде говоря, я начинал думать, что сейчас эти па, пожалуй, не по силам и мне самому. Поэтому я решил: лучше удовольствуюсь тем, что покажу им только последнюю, заключительную часть танца, ту, где все танцующие выстраиваются в цепочку один за другим и ходят вокруг зала змейкой, как поведет тот, кто оказался первым. Весь зал замер, когда я предложил двадцати двум советникам подойти ко мне на середину зала, и наступила такая тишина, что слышно было, как шелестят на ходу шелковые одежды государственных мужей. Я установил их всех за мной так, чтобы каждый держался за талию стоящего впереди; потом кивнул оркестру, музыканты с жаром заиграли мелодию в ритме конги – и мы пустились в пляс. Перед тем я очень старательно объяснил моим ученикам, что им надлежит повторять каждое мое движение, и они это неуклонно выполняли. Однако очень скоро я обнаружил, что в винном

погребе Фона утонули все мои познания о конге; лишь одно очень прочно сохранилось в памяти – что в какую-то минуту надо взбрыкнуть ногой, выбросить ее в сторону. И мы пошли кружить по залу; оркестр наяривал вовсю, а мы выделывали свое: шаг, два, три – ногу вбок, шаг, два, три – вбок! Мои ученики без особого труда повторяли это нехитрое движение, и так мы торжественно кружили по залу, и все их пышные одежды шелестели в лад. Я отсчитывал такт и в нужную минуту выкрикивал "брык!", чтобы им легче было сообразить, когда надо дрыгнуть ногой, но они, видимо, восприняли мой крик как непременную часть танца, нечто вроде обрядового припева, и хором начали выкрикивать это «брык» вместе со мной. Поглядели бы вы, что творилось с нашими многочисленными зрителями! Они вопили от восторга, а всевозможные члены свиты Фона, добрых четыре десятка его жен и несколько отпрысков постарше кинулись к нам, чтобы тоже потанцевать вместе с государственными деятелями, – и каждый новый танцор становился в хвост нашей колонны и подхватывал припев вместе со всеми,

– Раз, два, три, брык! – вопили советники.

– Раз, два, три – йя-а-а! – визжали жены.

– Раз, два, три, и-и-и! – пищали дети.

Разумеется, Фон никак не мог остаться в стороне от такого веселья. Он с трудом сполз с трона и, опираясь на двух человек, подстроился к концу колонны; его движения не совпадали с дружными движениями остальных, но веселья это ему ничуть не убавляло. Я все водил и водил их вокруг зала, пока у меня не закружилась голова и мне стало казаться, что стены и потолок вздрагивают в такт прыжкам и крикам. Тут я почувствовал, что мне не худо бы глотнуть свежего воздуха, и вывел всех во двор. Так мы и шли, длиннющей качающейся цепочкой, вверх и вниз по ступенькам, во дворы и из дворов, мимо незнакомых хижин – словом, всюду, где только можно было пройти. Оркестр, войдя в раж, не отставал – мы танцевали, а музыканты бежали за нами, обливаясь потом, но ни разу не сбились с ритма и не сфальшивили.

Наконец скорее волею случая, чем сознательно, я привел своих учеников обратно в "дом танцев", и тут мы все, задыхаясь и смеясь, кучей повалились на пол. Фон еще по пути падал раза три, а теперь его довели до трона и усадили; он сиял и с трудом переводил дух.

– Ах, отличный какой танец! – воскликнул он. – Отлично, отлично!

– Тебе нравится? – пыхтя, еле выговорил я.

– Очень много нравится, – решительно провозгласил Фон. – У тебя есть большой сила: я никогда не видеть такой европейский танец.

Я ничуть не удивился: вряд ли кто из европейцев в Западной Африке тратит свой досуг на то, чтобы обучить местных князьков и их приближенных конге. Уж конечно, если бы кто-нибудь из них увидел меня за этим занятием, мне заявили бы, что я за полчаса нанес престижу белого человека больший урон, чем кто-либо за всю историю Западной Африки. Зато моя конга, видно, сильно укрепила мой престиж в глазах Фона и его двора.

– Раз, два, три, брык! – мечтательно бормотал Фон. – Отличный песня.

– Да, это совсем особенная песня, – сказал я.

– Да, правда? – сказал Фон, кивая головой. – Да, отличный.

Он в задумчивости посидел еще немного на своем троне; к тому времени оркестр снова заиграл и на середину зала вышли танцоры. Я уже чуть-чуть отдышался и стал даже гордиться собой, как вдруг Фон оживился и отдал какой-то приказ. От толпы танцующих отделилась девочка лет пятнадцати и подошла к помосту, где мы сидели. На ней была только крошечная набедренная повязка, так что ее прелести не оставляли никаких сомнений, пухлое умащенное тело лоснилось. Она бочком придвинулась к нам и застенчиво улыбнулась; Фон наклонился и схватил ее за руку. Одним ловким рывком он усадил ее ко мне на колени, и тут она и осталась сидеть, вздрагивая от смеха.

– Это для тебя, этот женщина, – сказал Фон и величественно повел огромной рукой. – Он хороший. Это мой дочь. Давай женись на ней.

Сказать, что я был потрясен, значит ничего не сказать: я просто оцепенел от ужаса. Мой хозяин уже пришел в то блаженное состояние, за которым обычно наступает крайняя воинственность, и я понимал, что отказываться надо как можно осторожнее и тактичнее, иначе я испорчу все, чего достиг за этот вечер. Я беспомощно оглядел зал и впервые за все время заметил, что очень многие в толпе вооружены копьями. Оркестр уже перестал играть и все выжидательно смотрели на меня. Фон тоже уставился на меня осоловевшими глазами. Я понятия не имел, вправду ли он предлагает мне эту девицу в жены или для пристойности обозначает этим словом нечто совсем другое. Что бы там ни было, надо как-то отказаться; не говоря уже ни о чем другом, девица была отнюдь не в моем вкусе. Я облизнул губы, откашлялся и сделал все, что мог: прежде всего я поблагодарил Фона за то, что он так любезно предложил мне свою хорошо промасленную дочь (она была такая увесистая, что у меня уже ныли колени), однако же, как мне известно, он отлично осведомлен о дурацких обычаях моих соотечественников и, следовательно, понимает, что англичанин при всем желании не может завести себе более одной жены. При этом моем замечании Фон рассудительно закивал. Поэтому, продолжал я, мне поневоле придется отклонить его в высшей степени лестное предложение – ведь у меня уже есть жена в Лондоне и будет незаконно и далеко не безопасно привезти туда с собой вторую. Конечно, не будь я женат, торопливо продолжал я, для меня не было бы большего счастья, чем принять его подарок, жениться на этой девушке и осесть в Бафуте до конца моих дней.

С великим облегчением услышал я гром рукоплесканий, раздавшихся, едва я окончил свою речь; только Фон чуть всплакнул, когда понял, что его прекрасной мечте не суждено сбыться. Пока все кричали и хлопали, я спустил с колен мою

толстушку, легонько подшлепнул ее, и она, все еще хихикая, отправилась в зал танцевать. Ну, на сегодняшний вечер с меня хватит дипломатических переговоров, решил я и предложил разойтись по домам. Фон и его свита проводили меня на большой двор, и здесь Фон решительно потребовал, чтобы я позволил ему обхватить меня за талию и еще раз сплясал с ним конгу Даррела. Толпа немедленно увязалась за нами, и мы протанцевали вокруг площади, брыкаясь и крича так, что перепугали всех крыланов – они вылетели из листвы деревьев манго, – и все собаки на несколько миль вокруг залились отчаянным лаем. У подножия лестницы мы с Фоном прочувствованно распростились, и я еще постоял и поглядел, как все они, пошатываясь, выплясывали конгу на обратном пути через двор. Потом я наконец взобрался на свои семьдесят пять ступенек, мечтая, что сейчас улягусь в постель. Наверху меня взором, полным укоризны, встретил Бен с фонариком.

– Сэр, тут охотники пришел, – сказал он.

– Как, в такое время?! – спросил я с изумлением: шел уже четвертый час ночи.

– Да, сэр. Сказать ему, чтоб ушли?

– Они принесли что-нибудь? – с надеждой спросил я, и перед моим мысленным взором возникли некие редкостные экземпляры.

– Нет, сэр. Они хотел поговорить с маса.

– Ну ладно. Пусть войдут, – сказал я, падая в кресло.

Через несколько минут Бен ввел в комнату пятерых очень молодых и очень смущенных охотников, все они сжимали в руках копья. Охотники поклонились и вежливо сказали: "Добрый вечер". Выяснилось, что они тоже присутствовали на сегодняшнем празднике и слыхали речь Фона; живут они в деревне довольно далеко от Бафута и потому решили повидать меня, прежде чем возвращаться домой, и узнать поточнее, какие именно животные мне нужны. Я похвалил их за усердие, роздал им сигареты и принес книги и фотографии. Мы долго их разглядывали, и я

рассказал охотникам, какие животные мне особенно нужны и сколько я за них буду платить. Они совсем было уже собрались уходить, как вдруг один заметил лежавший у меня на кровати рисунок, который я им не показывал.

– Маса хочет этот добыча? – спросил он.

Я взглянул на рисунок, потом на молодого охотника; он, видимо, не шутил.

– Да, – сказал я, как мог выразительнее. – Я очень хочу эту добычу. А что, ты ее знаешь?

– Да, сэр, я его знаешь, – подтвердил охотник.

Я поднял рисунок и показал остальным.

– Посмотрите хорошенько, – предупредил я. Они все уставились на листок с рисунком. – Ну что, вы и правда знаете эту добычу? – спросил я опять.

– Да, сэр, – дружно ответили охотники. – Мы его хорошо знаете.

Я сел и уставился на них, как на пришельцев с другой планеты. Они преспокойно узнали животное, изображенное на рисунке, и это меня потрясло: я уже очень давно мечтал поймать эту, быть может, самую замечательную амфибию в мире – ученым она известна под названием Trichobatrachus robustus, а обыкновенные люди называют ее попросту волосатой лягушкой.

Тут необходимо кое-что пояснить. Во время моей предыдущей поездки по Камеруну все мои помыслы были направлены на то, чтобы заполучить хоть одну такую чудо-амфибию, но ничего не вышло. В то время я искал ее в низинных лесах, и все тамошние охотники, которым я показывал рисунок, в один голос твердили, что такого на свете не бывает. Я стоял на своем, а они с жалостью на меня глядели – вот, мол, еще одно доказательство непостижимой глупости белого человека, ведь даже малые дети знают, что у лягушек не бывает волос! У зверей – волосы, у птиц – перья, а у лягушек есть только кожа и ничего больше. И раз уж им было доподлинно известно, что такой лягушки на свете нет, они даже не подумали ее искать, хоть я предлагал за нее

огромные деньги. Что толку искать сказочное чудище – лягушку с волосами? Я сам провел в лесу немало мучительных ночей, бродил босиком вверх и вниз по ручьям и речушкам в поисках этого ускользающего от меня земноводного, пока не свалит с ног усталость, но тщетно. После этого я и сам поверил, что все учебники врут, а охотники правы: в низинных лесах эту лягушку не найти. Одно лишь упоминание о волосатой лягушке тотчас вызывало среди жителей низин презрение и насмешки – и во время моей второй поездки я, жестоко разочарованный, никому даже не стал показывать этот рисунок; конечно же, горные охотники будут единодушны со своими собратьями из больших лесов. Вот почему я так разволновался и изумился, когда молодой охотник без всякой моей подсказки сразу узнал необыкновенную амфибию и вдобавок осведомился, нужна ли она мне.

Я подробно расспросил охотников, весь дрожа, точно гончая на следу. Да, подтвердили они в третий раз, они знают это животное; да, у него есть волосы; да, его нетрудно поймать. Я спросил, в каких местах оно водится, и небрежные взмахи рук ясно показали мне, что таких лягушек полным-полно в здешних лесах. Глаза у меня загорелись, и я спросил, знают ли они точно место, куда за этой лягушкой можно пойти. Да, был ответ, есть такая "маленький вода" примерно в двух милях от Бафута, там ночью всегда можно увидеть волосатых лягушек. Дальше я слушать не стал. Выбежал на веранду и завопил что есть мочи. Мои помощники, спотыкаясь и продирая на ходу сонные глаза, выскочили из своей хижины и собрались у меня на веранде.

– Этот охотник говорит, он знает, куда идти, где поймать вот эту добычу, – объяснил я. – И мы идем за ней.

– Сейчас, сэр? – в ужасе спросил Бен.

– Да, прямо сейчас, идите все за мешками и фонарями. Скорей, скорей!

– Прямо ночью? – умирающим голосом переспросил Бен: уж очень он любил поспать.

– Да, сейчас! Ну, пошевеливайся, хватит зевать, челюсть вывихнешь! Ступайте все за мешками и фонарями!

Мои помощники с опухшими со сна глазами, не переставая зевать, неохотно повиновались. Джейкоб, повар, на минутку задержался и стал объяснять мне, что он повар, а не охотник и совершенно не понимает, почему он должен менять свою специальность в четыре часа ночи.

– Друг мой, – сказал я твердо. – Если ты через пять минут не принесешь сюда мешок и фонарь, то утром ты уже не будешь ни охотником, ни поваром. Понятно?

Джейкоб поспешно кинулся вслед за остальными на поиски своего охотничьего снаряжения. Не прошло и получаса, как мой сонный отряд был в сборе и мы двинулись по росистой дороге искать волосатых лягушек.

Глава V
Охота на волосатых лягушек

Мы шли по пыльной дороге в смутном свете звезд, а по обе стороны от нас сверкала отяжелевшая от росы трава, Луны не было, в этом нам повезло: когда охотишься ночью при свете фонарей, луна не помогает, а только мешает – она отбрасывает причудливые тени, среди которых легко может скрыться твоя дичь; кроме того, лунный свет ослабляет свет фонаря.

Маленькая группка охотников шагала вперед – сна ни в одном глазу, все бодрые и нетерпеливые, а мои помощники, которым я так щедро платил, плелись сзади, беспрерывно зевали и едва передвигали ноги. Только Джейкоб шел рядом со мной: видно, он решил, что раз уж не удалось улизнуть от этой охоты, то лучше хорошенько постараться. Время от времени, когда позади раздавался особенно громкий зевок, он неодобрительно оглядывался и насмешливо фыркал.

– Эти люди, у них нет сила, – говорил он с презрением.

– Наверно, они просто забыли, что я плачу пять шиллингов за каждую лягушку, – отвечал я громко и отчетливо.

В ночной тишине мой голос разнесся далеко – и тут же зевки и шарканье ног прекратились как по команде; вся замыкавшая шествие компания сразу проснулась. Пять шиллингов за лягушку – деньги нешуточные!

– Я не забыть, – с хитрой улыбочкой сказал мне Джейкоб.

– В этом я и не сомневался, – строго ответил я. – Ты ведь на редкость беспринципный западноафриканский Шейлок.

– Да, сэр, – преспокойно согласился Джейкоб.

Смутить его было просто невозможно: если он не понимал моих слов, то все равно на всякий случай безоговорочно со мной соглашался.

Мы прошли по дороге еще мили полторы, и тут

охотники свернули на узкую тропку в высокой траве; тропка была скользкая от росы и самыми невероятными зигзагами взбиралась вверх по склону холма. Вокруг нас, во влажной чаще высоких спутанных трав, со всех сторон призывно квакали крохотные лягушки и стрекотали цикады, точно отстукивали такт миллионы лилипутских метрономов; вот сбоку у самой тропинки неуверенной спиралью взвился большой бледный мотылек, он взмывал все выше, и вдруг из тени стремительно и прямо, как стрела, вылетел козодой, щелкнул клюв – и мотылек исчез. Птица повернула и унеслась вниз вдоль склона так же неслышно, как и появилась. Наконец мы добрались до вершины холма, и тут охотники сообщили мне, что ручеек, о котором они говорили, лежит в долине прямо перед нами. В сущности это оказалась даже не долина, а глубокое, узкое, полное теней ущелье между двумя гладкими округлыми горами; извилистое русло ручья сразу бросалось в глаза: его обрамляла темная бахрома невысоких деревьев и кустов. Когда мы спустились в полумрак долины, до нас донесся шум воды, она журчала и плескалась среди валунов, усыпавших русло, и тропка сразу размокла, под ногами противно зачмокала липкая глина. Мы осторожно скользили по ней, ноги наши разъезжались, а грязь неприятно хлюпала и старалась не выпустить из цепкой хватки наши башмаки.

Ручей торопливо сбегал по долине, скатывался по ней множеством широких, мелких, усеянных камнями ступеней, каждая непременно заканчивалась маленьким, не выше восьми футов водопадом – тут ручей собирался в сверкающий, точно отполированный водяной столб и обрушивался в круглое озерцо, словно в чашу, выдолбленную среди скал; здесь вода бешено кружилась в ореоле серебряных всплесков, потом устремлялась меж каменных россыпей к новому водопаду. Длинные травы клонились над ручьем, точно нечесаная золотистая грива какого-то зверя, а между влажно блестевшими каменными глыбами из густого мха, который устилал все вокруг зеленым бархатным ковром,

поднимались тонкие кружевные папоротники и другие тоненькие растеньица. По берегам осторожно, на цыпочках, расхаживали маленькие розовые и темно-коричневые крабы, их тут было великое множество; когда мы выхватывали их из темноты лучами наших карманных фонариков, крабы угрожающе поднимали клешни и еще того осторожней пятились прямо в норки, которые они выкопали себе в красной глине. Мы шли по высокой траве, и у нас из-под ног то и дело взлетали десятки крохотных белых мотыльков и снежными облачками уносились за ручей. Мы присели на корточки на берегу покурить и обсудить порядок действий. Охотники объяснили, что искать лягушек лучше всего в истоках маленьких водопадов, но можно их найти и под плоскими камнями в тех местах, где ручей не такой глубокий. Я решил, что лучше всего растянуться цепочкой поперек ручья и двинуться вверх против течения, переворачивая каждый камень, который можно будет поднять, и заглядывая в каждую ямку и в каждую щелку, где могла бы укрыться волосатая лягушка. Так мы и сделали и целый час упорно взбирались вверх по холму к истоку ручья – шлепали по неглубокой ледяной воде, оскальзывались на мокрых камнях и светили фонариками в каждый укромный уголок, с безмерной осторожностью переворачивали каждый подозрительный камень.

Среди камней было полным-полно крабов, они щелкали клешнями и удирали от нас во весь опор, ярко-зеленые, как трава, лягушки с удлиненными, точно пули, телами, прыгали в воду с громким всплеском и пугали нас, а вокруг неизменно вилось дрожащее облачко мельчайших мотыльков, маленькие летучие мыши то появлялись в луче фонарика, то пропадали, только волосатых лягушек не было и в помине. Мы почти не разговаривали на ходу; в тишине на тысячу голосов бормочет, лепечет и звенит ручей, сбегая по своему руслу. В густой траве трещат цикады да испуганно вскрикнет порой птица, потревоженная нашим фонариком, и еще послышится клокотанье, сосущий звук, точно в воронке, и следом громкий

всплеск, когда кто-нибудь из нас перевернет камень на глубоком месте. Один раз, когда мы одолевали невысокий, но крутой утес, с которого, точно трепетная кружевная пелена, свисал водопад, вдруг раздался громкий крик и что-то шумно плюхнулось в воду. Мы торопливо осветили фонариками основание водопада и обнаружили, что Джейкоб – он последним взобрался на утес – наступил на водяную змею, которая свернулась кольцом в выбоине. Со страху он попытался подпрыгнуть повыше, но попытка не удалась, потому что он в эту минуту едва удерживался на крутизне, довольно рискованно прижимаясь к утесу футах в пяти от земли. Джейкоб все же свалился в озерцо под водопадом и вылез оттуда целый и невредимый, только промок до нитки да зубы у него выбивали дробь: вода была ледяная.

Черное небо на востоке медленно светлело, становилось бледно-зеленым, близился рассвет, а мы все еще не нашли неуловимое земноводное. Охотники совсем приуныли, искренне огорченные нашей неудачей, и горестно объяснили, что, как только рассветет, продолжать поиски будет бесполезно, тогда уж лягушка ни за что не покажется на свет. Значит, у нас остается всего часа два и за это время надо выследить ее и поймать; итак, мы продолжали свой путь вверх по ручью, но я был убежден, что сегодня нам не повезло и ничего уже не выйдет. Наконец, промокшие, замерзшие и отчаявшиеся, мы вышли в широкую плоскую долину, тут было полно огромных валунов и ручей пробирался среди них, извиваясь как змея. Местами между камней образовались довольно глубокие тихие озерца, местность здесь была ровная, течение медленное, спокойное и ручей разлился чуть не вдвое шире прежнего. Валуны, разбросанные как попало, торчали порой, наклонись под самыми невероятными углами, точно гигантские древние могильные камни, совсем черные под звездным небом. Все они густо поросли мхом и оплетены были ползучими Дикими бегониями.

Мы прошли уже почти половину этой долины, и я

решил сделать привал и покурить. Подошел к маленькой заводи, которая лежала, как черное зеркало в оправе высоких камней, выбрал гладкий камень посуше, сел, выключил фонарик и приготовился насладиться сигаретой. Фонарики моих спутников мигали и сверкали между камней – они пошли дальше по долине, шлепая по воде, и вскоре шаги их затерялись среди множества ночных звуков. Я докурил сигарету и отшвырнул окурок; он описал в воздухе дугу, точно пламенеющий светлячок, упал в воду, зашипел и погас. И почти в ту же секунду что-то с громким всплеском прыгнуло в озерцо и гладкая черная вода рассыпалась серебряной рябью. Я мигом зажег фонарик и осветил поверхность воды, но ничего не увидел. Тогда я осветил покрытые мхом камни на краю этого крохотного озерка. Совсем рядом со мной, на самом краешке большого валуна, сидела большущая, лоснящаяся лягушка шоколадного цвета, и ее толстые ляжки и бока покрывала спутанная масса чего-то, очень похожего на волосы.

Я замер, я не смел даже перевести дух – ведь лягушка примостилась на самом краешке камня, нависшего над водой: она сидела подозрительная, настороженная, готовая в любую секунду оттолкнуться от камня и прыгнуть вниз. Если ее испугать, она спрыгнет с камня прямо в черную воду, и тут уж пиши пропало! Ее не поймаешь… Минут пять я оставался недвижим, как камни вокруг, и постепенно волосатая лягушка привыкла к свету фонаря и, видно, немного расслабилась. Один раз она, правда, чуть пошевелилась, моргнула своими влажными глазами, и я в ужасе подумал: все, сейчас она спрыгнет! Но лягушка просто поудобнее устроилась на камне, и я вздохнул с облегчением.

Тем временем я наскоро обдумывал план действий: сперва надо ухитриться переложить фонарик из правой руки в левую так, чтобы не встревожить лягушку; потом я буду очень медленно и незаметно наклоняться вперед до тех пор, пока моя рука не окажется достаточно близко от ее жирного тела, и тогда попытаюсь мгновенно схватить драгоценную

добычу. Пока я справился с фонариком, мне пришлось изрядно поволноваться, потому что лягушка неотступно следила за моими движениями тревожным и подозрительным взглядом; но вот наконец фонарик уже в левой руке. На несколько минут я снова замер – пусть она успокоится; потом согнул пальцы ковшиком и медленно, с предельной осторожностью стал пододвигать руку к лягушке. Ближе, ближе… дюйм за дюймом… и вот моя рука повисла прямо над лягушкой! Я вздохнул поглубже и решился: хвать! Едва моя рука ринулась вниз, лягушка прыгнула, но чуть запоздала, и я все же успел ухватить пальцами скользкую заднюю лапку. Однако лягушка не собиралась так легко отказаться от свободы: она истошно завопила и стала отчаянно лягаться другой задней лапкой, царапая мне тыльную сторону ладони. Боль была такая, точно кожу рвали иголками, и на руке появились глубокие царапины, которые быстро краснели, наполняясь кровью. Эта неожиданная воинственность существа, которое я считал совершенно безобидным, так меня ошеломила, что я невольно ослабил хватку. Тут лягушка лягнула меня еще раз, дернулась, мокрая лапка выскользнула из моих пальцев, внизу раздался громкий всплеск, и по воде побежала серебряная зябь. Волосатая лягушка улизнула.

Что я при этом почувствовал – не передать никакими словами. Обширная коллекция красочных и трагических выражений, которую я собрал на своем веку, казалась слишком бледной и бессильной описать такую катастрофу. Я попробовал как-то выразить свои чувства, но куда там… не нашлось у меня для этого достаточно крепких слов. Надо же! Я так долго ждал, я почти поверил тем, кто утверждал, будто волосатой лягушки вообще нет в природе, потом провел столько часов в бесплодных поисках и наконец встретился с ней лицом к лицу, уже просто держал ее в руках – и затем… Затем по своей собственной глупости я ее упустил! Делать нечего, я взобрался на высокий камень – взглянуть, где там мои охотники; в четверти мили от меня мелькали лучи их

фонариков, и я закричал им тем протяжным, пронзительным криком, каким перекликались между собой охотники. Они отозвались, и я закричал, чтобы они поскорей возвращались ко мне, я нашел ту добычу, которую мы искали. Потом я слез с камня и внимательно осмотрел озерцо. Оно было длиной футов в десять и около пяти в поперечнике (в самом широком месте). Вода вливалась и выливалась из него через два узеньких канала среди камней, и я подумал: стоит только перекрыть эти каналы, и, если лягушка все еще тут, ее вполне можно будет изловить. Подошли задыхающиеся от спешки охотники, я им все рассказал, и они стали щелкать пальцами и стонать с досады, что лягушка все-таки сбежала.

Как бы то ни было, мы принялись за работу и вскоре перекрыли входной и выходной каналы кучками плоских камней. Потом двое охотников влезли на валуны и направили фонарики на воду, чтобы нам было лучше видно. Я измерил глубину озерка длинной рукояткой сачка для бабочек, и выяснилось, что там воды на два фута; дно ручья покрыто крупным песком вперемешку с мелкими камешками, тут лягушка могла отыскать для себя вдоволь укромных уголков. Потом мы с Джейкобом и еще два охотника разделись донага и полезли в ледяную воду – мы с Джейкобом в одном конце озерка, а те двое – в другом. Мы медленно двинулись навстречу друг другу, чтобы сойтись на середине озерка, согнувшись в три погибели и ощупывая пальцами рук и ног каждую расщелину, переворачивая каждый камень. Вскоре мы добрались до середины, и тут у одного охотника вырвался восторженный вопль – он поспешно схватил что-то под водой, причем едва не потерял равновесия и не рухнул ничком в воду.

– Что там у тебя, что? – в волнении закричали мы все разом.

– Вот он, лягушка, – залопотал охотник. – Только он убежать.

– А у тебя что, рука нет? – злобно осведомился Джейкоб, стуча зубами от холода.

– Он бежать прямо к маса, – ответил охотник и ткнул пальцем в мою сторону.

И в этот миг подле моей босой ноги что-то шевельнулось; я наклонился и начал торопливо шарить в воде. Тотчас же и Джейкоб дико вскрикнул и нырнул под воду, а другой охотник отчаянно пытался схватить что-то у себя под ногами. Мои пальцы наткнулись на гладкое, толстое тело, которое поспешно зарывалось в песок у самых моих ног, и я его схватил; в ту же минуту Джейкоб выскочил из воды, он отплевывался, задыхался, но торжествующе махал рукой, в которой была зажата толстая лягушка. Он зашлепал по воде в мою сторону, спеша показать свою добычу, но, когда он до меня дошел, я уже выпрямился, и у меня тоже в ладонях было что-то живое. Я поскорей глянул – что же я поймал? – и передо мной мелькнули толстые ляжки, обросшие чем-то мохнатым, похожим на волосы; да, я поймал волосатую лягушку! Тут я взглянул на трофей Джейкоба – и его пленница была точно такая же. Мы поздравили друг друга, осторожно уложили обеих лягушек в глубокий мешок из мягкой ткани и надежно его завязали. Только мы успели со всем этим управиться, как охотник, который суетливо шарил у себя под ногами, заорал от радости, выпрямился и взмахнул в воздухе еще одной волосатой лягушкой, которую он ухитрился ухватить за лапку.

Воодушевленные успехом, уже не чувствуя холода, мы снова полезли в воду и старательно обыскали все озерцо, но лягушек больше не нашли. Теперь край неба на востоке поголубел, по бледно-голубому брызнуло золото, выше и выше пошли золотисто-изумрудные полосы – и у нас над головой уже мерцали и гасли последние звезды. Ясно, что часы охоты миновали, но я и так был очень доволен: она удалась как нельзя лучше. Африканцы уселись на корточки на сухих камнях, они смеялись, болтали, курили сигареты, которые я им роздал, а я тем временем с грехом пополам вытерся носовым платком и натянул на себя насквозь промокшую от росы одежду. Голова у меня просто

раскалывалась – отчасти от пережитого волнения, но главное – от вчерашней пьянки с Фоном. Впрочем, сейчас мне наплевать было и на холодную мокрую одежду, и на головную боль – я торжествовал победу! Мешок с волосатыми лягушками я опустил в воду и держал его там до тех пор, пока он не промок насквозь и не стал холодным; тогда я обернул его мокрой травой и уложил на дно корзинки.

Когда мы добрались до вершины холма, солнце уже поднялось над дальними горами и залило мир хрупким золотистым светом. Высокая трава клонилась под тяжестью росы, тысячи крохотных паучков свили паутину между ее стеблями, их сети отняли у ночи богатый улов росинок – и крохотные капли сверкали в солнечных лучах белым и льдисто-голубым алмазным блеском. У нас из-под ног десятками выскакивали крупные саранчи и проносились над травой, шелестя и сверкая ярко-красными крыльями, а над островком бледно-желтых орхидей, что росли под сенью большого камня, громко жужжал хор толстых шмелей металлического голубого цвета, мохнатых, как медведи. Воздух, свежий и прохладный, был до отказа напоен запахами цветов и трав, земли и росы. Охотники, счастливые сознанием того, что ночная охота прошла успешно, затянули песню и неторопливо, гуськом двинулись по тропинке; это была веселая бафутская песенка, и пели они с большим жаром и увлечением; вскоре песню подхватили и домочадцы Фона, а Джейкоб аккомпанировал – выбивал негромкую дробь на жестянке для «добычи». Так мы и маршировали обратно в Бафут, с громкой песней, а Джейкоб выстукивал все более сложные ритмы на своем импровизированном барабане.

Когда мы добрались до дома, мне надо было первым делом приготовить глубокую жестяную банку для моих пленниц; я наполнил ее свежей водой и положил на дно несколько камней, чтобы лягушкам было где укрыться. В эту банку я поместил двух, а третью посадил в большую стеклянную банку из-под варенья. Во время завтрака я поставил эту банку на стол перед собой и в промежутке

между двумя глотками любовался моей пленницей, не сводил с нее влюбленных глаз.

Для лягушечьего племени моя волосатая лягушка оказалась настоящим великаном: если она хорошенько подберет под себя лапки, то как раз поместится на блюдце и займет его почти целиком. Голова у нее широкая и довольно плоская, глаза очень выпученные, а рот необыкновенной ширины. Сверху лягушка темно-шоколадного цвета, а местами испещрена расплывчатыми коричневыми крапинками еще темнее, почти черными; брюшко белое, в самом низу чуть подкрашено розовым, задние лапки с внутренней стороны тоже розоватые, Глаза очень большие, угольно-черные с тонким узором золотых точек. Самая удивительная особенность этой лягушки – волосы, расположены они по бокам ее тела и на бедрах; тут волосы черные, густые, длиной с четверть дюйма. Это украшение в сущности вовсе не волосы; оно состоит из удлиненных выростов кожи, которые, если присмотреться поближе, напоминают щупальца морского анемона. Но если не слишком тщательно приглядываться, очень легко поверить, будто задняя половина тела лягушки покрыта густым слоем волос. В воде волоски встают дыбом и плывут, как водоросли, тут-то их видно лучше всего; когда же лягушка на суше, они опадают и кажутся спутанной массой каких-то студенистых нитей.

С тех пор как впервые найдена была волосатая лягушка, среди ученых не затихали споры о том, для чего все-таки служит это необычное косматое украшение, но теперь, кажется, исследователи приходят к единому мнению: волосы помогают дыханию. Все лягушки дышат в большей или меньшей степени кожей; иными словами, кожа вбирает в себя кислород из воды. Таким образом, лягушка обладает, так сказать, двумя дыхательными аппаратами: кожей и легкими. И потому, когда лягушка дышит кожей, она может довольно долго оставаться под водой. У волосатой же лягушки множество тончайших кожных отростков значительно

увеличивает поверхность кожи и этим очень помогает дыханию. Сначала ученые сильно сомневались в таком предназначении этих волосков, ибо они существуют только у самцов; у самок этого вида кожа такая же гладкая, как у всех прочих лягушек. А потому могло показаться, что волосы эти служат только украшением и не приносят никакой пользы – ведь просто смешно предполагать, будто у самца столь короткое дыхание, что без помощи волосков ему не обойтись, а безволосой самке и так воздуха хватает с избытком. Однако столь странное противоречие вскоре объяснилось: оказывается, самцы проводят всю свою жизнь в воде, тогда как самки большую часть года проводят на суше и спускаются в воду только в брачную пору. Итак, секрет открылся: самка почти все время на суше и дышит легкими; самцу же в его подводном жилище волоски приходятся очень кстати – он почти не вылезает на берег.

Есть у волосатой лягушки и еще одна любопытная особенность: мясистые пальцы ее задних лапок снабжены длинными, белыми, полупрозрачными когтями; когти эти лягушка при желании выпускает, а когда в них нет более нужды втягивает в нечто вроде ножен в пальцах, как кошка. Я на собственном опыте убедился, что когти очень острые и служат лягушке надежным оружием – об этом красноречиво свидетельствуют царапины у меня на руке. Думаю, что у лягушкиных когтей двоякое назначение: во-первых, они средство защиты, а во-вторых, ими удобно цепляться за скользкие камни в быстрых ручьях, где обитают эти земноводные. Всякий раз, как мы ловили волосатых лягушек, они отчаянно лягались задними лапками и выпускали когти из ножен; одновременно лягушки издавали странные, пронзительные крики – нечто среднее между хрюканьем довольной свиньи и страдальческим писком пойманной мыши, причем крик этот на удивление громкий и, когда его не ожидаешь, может порядком напугать.

Мои волосатые лягушки очень удобно устроились в своей большой жестянке, а после многочисленных ночных

охот я добыл еще нескольких: теперь у меня их было семь и все самцы, с роскошной растительностью на спине. Не один месяц я шарил повсюду, пытаясь найти для них самок, но безуспешно. И вот однажды ко мне на веранду явилась очень милая старушка, лет девяноста пяти, с двумя калебасами: в одном сидела пара землероек, а в другом – крупная самка волосатой лягушки. Самка эта осталась единственной, другой мне так и не удалось раздобыть, и, естественно, я обращался с ней особенно бережно и заботливо.

С виду лягушка мало отличалась от самца, разве что кожа у нее была посуше и пожестче да окраска ярче: кирпично-красная с шоколадными крапинками. Она отлично себя чувствовала среди семерых кавалеров и даже перешла за компанию на подводный образ жизни. Целыми днями все лягушки лежали в воде, почти совсем в ней скрываясь, готовы нырнуть на дно жестянки, едва кто-нибудь подойдет близко; однако по ночам они набирались храбрости, влезали на камни, которые я нарочно для этого им положил, и сидели там, разевая рот и глядя друг на друга без всякого выражения на физиономии. Все время, пока мы были в Африке, и на пути в Англию (а это был долгий путь!) лягушки упорно отказывались от еды, хоть я и соблазнял их самыми изысканными лакомствами. Но все они были необычайно толстые, а потому их долгий пост меня не слишком волновал – ведь большинство пресмыкающихся и земноводных могут подолгу обходиться без пищи и ничуть от этого не страдают.

Когда настало время уезжать из Бафута и двинуться в наш главный лагерь, а оттуда на побережье, я устроил лягушек в неглубоком деревянном ящике, который был выстлан мокрыми банановыми листьями. Ящик нельзя было сделать глубоким: испугавшись чего-нибудь, лягушки стали бы высоко подскакивать и расшибли бы свои нежные носы о деревянную крышку; в мелком же ящике такая опасность им не грозила. По дороге из Бафута лягушки доставили мне немало хлопот и несколько очень тревожных минут: высоко в горах климат прохладный, приятный, но, когда спускаешься в

лесистые равнины, ощущение такое, словно попадаешь в турецкие бани, и лягушкам эта перемена пришлась совсем не по вкусу.

На одном из привалов на пути вниз я открыл ящик и ужаснулся – все мои волосатые лягушки распластались на дне, вялые и обмякшие, без признаков жизни. Я как безумный кинулся к ближайшей лощине и погрузил ящик в ручей. Прохладная вода постепенно оживила четырех лягушек, а трем было так плохо, что их уже не удалось спасти: вскоре они испустили дух. Итак, у меня остались три самца и самка. И всю остальную часть пути мне приходилось через каждые две-три мили останавливать грузовик и окунать ящик с лягушками в ручей, чтобы оживить его обитателей; только таким способом я ухитрился доставить их в наш главный лагерь живыми. Но, когда мы туда прибыли, мне пришлось ломать голову над новой неожиданной задачей: волосатые лягушки не могли высоко подскакивать в ящике и потому не разбили себе носы, но зато они пытались зарываться в углы ящика и этим умудрились содрать себе всю кожу с носов и верхних губ. Это была настоящая беда: если у лягушки повреждена нежная кожица на носу, на этом месте очень скоро появляется опасная болячка, она разъедает все вокруг, как злокачественная язва, и порой разрушает весь нос и верхнюю губу. Пришлось поскорей сколотить новый ящик для моих волосатых пленниц; этот тоже был неглубок, но внутри я весь его – и дно, и верх, и стенки – обил мягкой тканью, под которую еще подложил ваты. Получилось нечто вроде маленькой палаты для буйных помешанных. Тут мои волосатые лягушки почувствовали себя как дома: теперь они могли сколько угодно прыгать вверх или зарываться на дно ящика – о мягкую прослойку нельзя было ни разбиться, ни содрать кожу. Я держал их в режиме меньшей влажности, чем обычно, и таким способом мне удалось залечить их исцарапанные носы, но все-таки на коже остались чуть заметные белые шрамы.

Когда мы наконец покинули главный лагерь и

отправились к побережью, где мне предстояло сесть на пароход, путешествие это оказалось сущим кошмаром. Жара стояла невообразимая, и ящик с волосатыми лягушками очень быстро высыхал. Я пробовал держать его в ведре с водой, но дороги там настолько плохи, что не успевали мы проехать и полмили, как вода почти вся расплескивалась. Оставался единственный выход: примерно каждые полчаса останавливать грузовик у какого-нибудь ручья и хорошенько поливать ящик. Однако, несмотря на все наши старания, еще один самец погиб и на борт парохода поднялись только три волосатые лягушки. Прохладный морской ветерок вскоре оживил их, и они как будто воспрянули духом, хоть и очень исхудали из-за своего добровольного поста. Постились они до самой Англии и еще некоторое время, когда их уже поместили в отделение пресмыкающихся в лондонском зоопарке. Там куратор, как и я перед тем, пытался соблазнить их всевозможными лакомствами, но они все еще упорно отказывались есть. Наконец однажды он решил испробовать еще одно, последнее средство: сунул им в клетку белых мышей – вернее, розовых новорожденных мышат, и, к его удивлению, лягушки накинулись на них и мигом сожрали, точно новорожденные мышата всегда были их излюбленным блюдом.

С того дня они питались одними только мелкими зверюшками, отказываясь от всякой истинно лягушачьей пищи вроде кузнечиков и мучных червей. Конечно, нельзя себе представить, что на воле они питаются исключительно мышатами, скорее мышата напоминают им привычную пищу, но какая это пища – остается неразгаданной тайной по сей день.

Глава VI
Змеи и шиллинги

Речь Фона на празднике сбора травы произвела немедленное и удивительное действие. На другой день, пытаясь избавиться от головной боли, которой наградили меня выпивка у Фона и последовавшая за ней охота на лягушек, я прилег часа на два и немного поспал. Потом проснулся и решил выпить чаю – пожалуй, это меня подбодрит: я кое-как выбрался из кровати и поплелся к двери, намереваясь крикнуть с веранды вниз, на кухню, чтобы мне принесли чаю. Я открыл дверь и замер в недоумении: уж не сон ли это? Веранда была чуть не сплошь заставлена самыми разнообразными мешками, корзинами из пальмовых листьев и калебасами, и все они тихонько подрагивали и тряслись: вдобавок к стене прислонились штук пять длинных бамбуковых шестов, а на концах у них извивались привязанные веревками разъяренные змеи. В эту минуту моя веранда больше всего напоминала туземный базар. На верхней ступеньке лестницы сидел на корточках Джейкоб и неодобрительно глядел на меня.

– Маса проснуться! – мрачно сказал он. – Зачем маса проснуться?

– Что тут такое? – спросил я, обведя рукой сборище мешков и корзинок.

– Добыча. – был краткий ответ.

Я осмотрел шесты – надежно ли привязаны змеи.

– Кто же это принес столько добычи? – спросил я, несколько ошарашенный таким изобилием.

– Вот тот люди принес, – коротко и ясно ответил Джейкоб, махнув рукой назад, на лестницу.

Я подошел к тому месту, где он сидел, и увидел, что все семьдесят пять ступенек, ведущих к моей вилле, и немалая часть дороги за ней забиты разношерстной толпой бафутян обоего пола и всех возрастов. Их было добрых сотни полторы, и все они глядели на меня не шевелясь, на

удивление тихие и молчаливые. Как правило, довольно собраться вместе пяти-шести африканцам – и они поднимут больше шума, чем любой другой народ на земле, а тут могло показаться, будто вся эта огромная толпа состоит из одних только глухонемых, до того они были тихие. От этой противоестественной тишины мне даже стало жутковато.

– Что это с ними стряслось? – спросил я Джейкоба.

– Сэр?

– Почему они все молчат?

– А-а! – Джейкоб наконец понял, чего я от него хочу. – Я им говорить, маса спать.

Это был первый из множества случаев, когда я убедился, насколько учтивы и деликатны люди Бафута. Оказывается, они ждали здесь, на солнцепеке почти два часа, сдерживая свою природную, бьющую через край живость, чтобы не потревожить мой сон.

– Почему ты не разбудил меня раньше? – упрекнул я Джейкоба. – Разве ты не знаешь, что добыче вредно так долго ждать?

– Да, сэр. Простите, сэр.

– Ну ладно, давай посмотрим, что они принесли.

Я взял ближайшую корзинку и заглянул в нее: тут было пять мышей со светлой рыжеватой шерстью, белопузых и длиннохвостых. Я передал корзинку Джейкобу, он отнес ее к верхней ступеньке лестницы и поднял высоко над головой.

– Кто принести этот добыча? – закричал он.

– Это я принести, – пронзительно отозвалась какая-то старуха. Она с трудом протиснулась сквозь толпу, поднялась на веранду, яростно торговалась со мной минут пять, потом зажала в кулаке деньги и стала пробиваться обратно вниз.

В следующей корзинке сидели две прелестные маленькие совы. Перья у них были пятнистые – серые и черные, а глаза обведены совершенно белыми кругами с тонким черным ободком – казалось, на них большие роговые очки. При виде меня они защелкали клювами и опустили длинные ресницы над свирепыми золотистыми глазами: я

попытался вынуть их из корзинки, но тут они с громкими криками опрокинулись на спину и выставили вперед огромные когти. В сущности это были не совы. а совята, кое-где с них еще не сошел детский пушок, напоминавший вату, так что казалось, обе они попали в обильный снегопад. Я всю жизнь не мог оставаться равнодушным при виде совы, а эти две малютки были просто неотразимы. Это были белолицые сплюшки, мне еще никогда такие не попадались, и, конечно же, я не мог их не купить.

Следующим моим приобретением была белка, из-за которой поднялся ужасный переполох. Она сидела в сумке из пальмовых листьев, и едва я туда заглянул, как белка пулей выскочила наружу, укусила меня за руку и поскакала прочь по веранде. Джейкоб кинулся в погоню и совсем было уже догнал беглянку, но вдруг белка метнулась в сторону и помчалась вниз по лестнице, искусно лавируя среди десятков пар черных ног. Поднялась невообразимая суматоха; те, кто стоял на верхней ступеньке, подпрыгнули, почувствовав зверька у себя под ногами, потеряли равновесие и опрокинулись на тех, кто стоял ниже. Те в свою очередь повалились на других, которые стояли еще ниже, а уж те покатались вниз, как трава под косой. За считанные секунды вся лестница покрылась мешаниной шевелящихся тел, то там, то сям мелькали ноги и руки, высовываясь под самыми невероятными углами.

Я был уверен, что эта людская лавина раздавит злосчастную белку в лепешку, но, к моему удивлению, она появилась в самом низу лестницы, судя по всему, целая и невредимая, раза два взмахнула хвостом и пребойкой рысцой пустилась вдоль по дороге, оставив позади себя картину, которая напоминала побоище на лестнице в Одессе из фильма "Броненосец «Потемкин», только в негритянском варианте. А я на верхней ступеньке исходил бессильной злостью и тщетно пытался пробиться сквозь неразбериху черных тел – ведь белка была редкостная, нельзя же было ее упустить! На середине лестницы кто-то схватил меня за щиколотку, и я

рухнул на большое, мягкое тело: судя по некоторым подробностям, которые мне удалось ощутить, тело было женское. С немалым трудом я поднялся на ноги, в отчаянии взглянул вниз, на дорогу, и – о радость! – по ней приближались десятка два молодых бафутян. Они заметили белку и остановились как вкопанные, а белка, завидев их, села и принялась подозрительно нюхать воздух.

– Эй! – завопил я. – Вы, там, на дороге… Поймайте эту белку!

Молодые люди положили на землю свои узелки и решительно двинулись на белку, но та только глянула на них, повернулась и пустилась наутек. Они ринулись вдогонку, и каждый, видно, решил, что именно он должен схватить беглянку. Белка удирала во всю прыть, но где ей было тягаться с такими длинноногими преследователями! Они бежали тесной кучкой, плечо в плечо, лица их были угрюмы и решительны. Скоро они поравнялись с белкой, и тут, к моему ужасу, все разом кинулись на мою драгоценную добычу – и снова белка исчезла под колышущейся грудой черных тел. "Ну, уж теперь-то беднягу непременно раздавят", – подумал я; однако белка оказалась необыкновенно живучей. Когда "куча мала" на дороге немного разобралась, один паренек встал и высоко поднял за шиворот громко негодующую, задыхающуюся белку.

– Маса! – закричал он и расплылся в улыбке. – Я его поймать.

Я кинул вниз мешок, чтобы он сунул туда зверька; потом все, кто стоял на лестнице, стали передавать мешок по рукам, покуда он наконец не попал ко мне. Я поспешил засадить пленницу в клетку, поскорей ее осмотрел и убедился, что она ничуть не пострадала, вот только настроение у нее оказалось из рук вон плохое. Это была черноухая белка, пожалуй, самая красивая из всех камерунских белок. Спинка у нее темно-оливкового цвета, а брюшко яркое, желтовато-оранжевое. По бокам от плеча до зада тянется цепочка белых пятнышек, а уши оторочены

кромкой черной шерсти, и вид у зверька такой, точно он никогда не моет за ушами. Но, конечно, самое красивое в этом пушистом тельце – хвост, длинный и необыкновенно пышный; сверху он зеленовато-коричневый, полосатый, а с изнанки – ярчайшего оранжевого цвета, прямо огненный. Когда белка очутилась в клетке, она раза два махнула на меня своим ослепительным хвостом, а затем уселась и занялась неотложным делом: стала уплетать плод манго, который я для нее приготовил. Я с удовольствием за ней наблюдал и думал: какое счастье, что она уцелела во всей это кутерьме, и как хорошо, что я ее все-таки заполучил! Если бы я тогда знал, сколько еще мне предстоит с ней хлопот, я, наверно, радовался бы куда меньше.

Потом я снова занялся всевозможными мешками и корзинками, которыми была завалена веранда, и взял в руки первый попавшийся, довольно большой калебас. Как обычно, горлышко у него было заткнуто плотно свернутым пучком зеленых листьев; я вытащил затычку и заглянул внутрь, но калебас был слишком велик, и я ничего не разглядел в его темной глубине. Я отнес его к верхушке лестницы и высоко поднял.

– Где тот человек, который принес этот калебас? – спросил я.

– Я тут, сэр, я тут! – раздался крик откуда-то с середины лестницы.

Меня всегда поражало, что африканцы умудряются различать свои калебасы среди сотен других. Я никак не мог уловить между ними разницы, разве только в размерах, но каждый африканец мгновенно узнает свой сосуд и ни с каким другим его не спутает.

– А какая там у тебя добыча? – спросил я, держа калебас за веревку, обвязанную вокруг горлышка, и небрежно им помахивая.

– Змея, сэр, – был ответ, и я поспешно сунул зеленую затычку обратно в горлышко.

– Какая же змея, друг мой?

– Гера, сэр.

Я сверился со своим списком местных названий и обнаружил. что это означает "зеленая древесная гадюка". Эти красивые змеи широко распространены в Бафуте, и у меня уже набралось несколько штук. Длиной они дюймов по восемнадцать, расцветка у них примечательная: спина необычайно яркая, зеленая, как трава, живот канареечно-желтый, а по бокам широкие белые полосы. Я понес калебас туда, где у меня стоял неглубокий открытый ящик, затянутый сверху марлей, – тут жили остальные гадюки, – чтобы посадить к ним туда и «новенькую». Надо сказать, что вытряхнуть змею из калебаса в клетку – дело несложное, если, конечно, соблюдать два-три простейших правила. Первое: убедись, что все остальные обитатели клетки находятся далеко от дверцы. Это я сделал. Второе: прежде чем вытряхивать змею из калебаса, выясни, одна ли она там. Вот этого-то я и не сделал.

Я открыл дверцу клетки, вытащил затычку и стал осторожно встряхивать калебас. Иногда вытряхивать змею из калебаса приходится очень долго: бывает, что она свернется там в клубок и прижмется изнутри к стенкам сосуда, и тогда сдвинуть ее с места очень трудно. За спиной у меня стоял Джейкоб и тяжело дышал прямо мне в затылок, а за ним плотной стеной теснились африканцы и, раскрыв рот, следили за каждым моим движением. Я легонько тряхнул калебас – ничего. Я потряс посильнее – опять ничего. В жизни своей не встречал я гадюки, которая с таким упорством цеплялась бы за свою темницу. Наконец я разозлился, тряхнул калебас изо всей силы, и он тут же развалился надвое. На клетку с устрашающим стуком вывалился спутанный клубок – с полдюжины больших, сильных и разъяренных змей.

Они сплелись в такой тугой, огромный узел, что не провалились внутрь клетки сквозь отверстие сверху, а застряли, и закрыть дверцу я никак не мог. Потом с необычайной грацией, которую я не успел оценить по достоинству (мне было не до того), они расплелись и

решительно заскользили по краю дверцы на пол. Здесь гадюки выстроились полукругом, с точностью солдат, которым отдан приказ наступать, и двинулись на нас. Джейкоб и бафутяне, что теснились за его спиной, исчезли в мгновение ока, словно по мановению волшебного жезла. И трудно было их за это винить – ведь все они были босиком. Но и моя одежда никак не годилась для того, чтобы любезничать со стаей гадюк, – на мне были только шорты да сандалии. И вдобавок моим единственным оружием оказались две половинки сломанного калебаса – не слишком удобная снасть для обращения со змеями. Поэтому я оставил в их распоряжении веранду и кинулся в спальню. Там я отыскал палку и осторожно вернулся на веранду. Теперь змеи расползлись во все стороны и загнать их поодиночке а угол, прижать каждую к полу палкой и подобрать не составляло уже никакого труда. Одну за другой я сбросил их в клетку и со вздохом облегчения захлопнул и запер дверцу. Бафутяне вновь появились на веранде так же внезапно, как исчезли: все они болтали, смеялись и щелкали пальцами, рассказывая друг другу, какая страшная опасность им грозила. Я холодно посмотрел на того, кто принес мне змей.

– Ты! – сказал я. – Почему ты не сказал мне, что в этом калебасе так много змей?

– Ух! – изумился он. – Я все сказать маса, я сказать там внутри змея.

– Змея, да. Одна змея. Но ты не сказал, что их там шесть штук.

– Я сказать маса, там змея внутри, – с негодованием повторил он.

– Я ведь спросил, какую добычу ты принес, – терпеливо объяснял я. – И ты сказал «змея». Ты не сказал "шесть змей". Откуда же мне знать, сколько их там? Ты, верно, думаешь, я колдун – как гляну на калебас, так и увижу насквозь, сколько ты поймал змей.

– Глупый человек, – вставил свое слово Джейкоб. – Вот одно время змея укусить маса и маса умереть. И что ты тогда

делать, а?

Тут я накинулся на Джейкоба.

– А ведь и ты блистал своим отсутствием, насколько я заметил, о благородный рыцарь!

– Да, сэр, – сияя улыбкой, ответил Джейкоб.

Только совсем уже на ночь глядя я уплатил последнему охотнику и остался наконец с невообразимо пестрым сборищем всевозможных животных на руках. До трех часов ночи я рассаживал их по клеткам, но и тогда еще пять больших крыс остались бездомными, а у меня уже не было в запасе ни одного ящика, годного для клетки. Волей-неволей пришлось выпустить их прямо на пол у меня в спальне, и тут они провели всю ночь, пытаясь перегрызть ножку стола.

Наутро я встал, вычистил клетки, накормил мой, теперь уже весьма солидный, зверинец и подумал, что в этот день, наверно, новых питомцев для него не получу, но ошибся. Бафутяне, видно, вложили всю душу в задачу, которую поставил перед ними Фон. – доставить мне как можно больше самого разного зверья: к десяти часам утра дорога и все семьдесят пять ступенек лестницы были черным-черны, столько собралось народу: делать нечего, я был вынужден опять покупать всякую живность, К часу дня выяснилось, что приток животных еще далеко не иссяк, а мои запасы дерева и ящиков для клеток исчерпаны: пришлось нанять целую ораву мальчишек, я поручил им бегать по Бафуту и скупать всякую дощечку или ящик, какие попадутся на глаза. Платить при этом пришлось неслыханные деньги – у африканцев любой сосуд, будь то бутылка, старая жестянка или ящик, ценится чуть ли не на вес золота.

К четырем часам дня я и мои помощники вконец выбились из сил, и нас искусало в самых разных местах такое множество всяких зверей и зверюшек, что мы уже перестали замечать новые укусы. Моя вилла была битком набита всевозможными тварями, они пищали и чирикали, стучали и гремели в своих калебасах. корзинках и мешках, а мы тем временем с лихорадочной поспешностью сколачивали для

них клетки. Словом, это был один из тех дней, которые лучше забыть. К полуночи мы до того измучились, что едва держались на ногах, глаза у нас слипались, а предстояло сколотить еще с десяток клеток: большой чайник чаю, обильно приправленного виски, немного нас подхлестнул – мы с лихорадочным воодушевлением продолжали свое дело, и наконец в половине третьего ночи забит был последний гвоздь и водворен на место последний зверек. Я заполз в постель и с ужасом вспомнил, что наутро мне надо встать в шесть часов, иначе я не успею вычистить клетки и накормить зверей, прежде чем на меня нахлынут новые.

Следующий день был, если это возможно, пожалуй, даже трудней предыдущего, потому что бафутяне начали приходить, когда я еще не успел навести порядок в своем зверинце. Представьте себе такую картину: я стараюсь поскорей вычистить клетки и накормить несколько десятков животных, а еще десятка три в это время задыхаются без воздуха в каком-нибудь грязном мешке или калебасе и требуют внимания – поневоле станешь волноваться! Я искоса поглядывал на все растущую кучу калебасов и корзинок на веранде, и мне чудилось, что количество клеток, которые еще надо вычистить, и животных, которых надо накормить, все растет… Под конец я понял: вот что, должно быть, испытал Геркулес, когда впервые увидел авгиевы конюшни!

Покончив с работой, я не стал сразу же покупать новых животных, а сперва вышел на верхнюю ступеньку лестницы и обратился с речью ко всем собравшимся бафутянам. За последние два дня мне принесли очень много добычи, самого разного сложения, размера и обличья, сказал я. Это доказывает, что бафутяне, безусловно, лучшие из всех охотников, с какими мне доводилось встречаться, и я им сердечно благодарен. Однако, продолжал я. всему есть предел – они, наверно, и сами понимают, что я не могу без конца покупать у них добычу, мне просто уже некуда девать. Поэтому я буду рад, если они воздержатся от охоты, скажем, дня три, а я пока сколочу еще клетки и добуду пищи для

животных. Какой смысл покупать животных, заметил я, если они погибнут оттого, что их негде разместить: это будет пустая трата денег. Надо сказать, что африканцы – люди очень деловые, и при этих моих словах по толпе словно прошла рябь: все закивали головами и послышалось дружное "А-а-а-а-а!". Теперь, когда они все поняли и дадут мне, надо надеяться, хотя бы трехдневную передышку, я купил всех животных, которых мне принесли, и принялся сколачивать клетки.

В четыре часа я кончил с клетками, и можно было передохнуть, выпить чашку чаю. Я облокотился на перила веранды, и тут дверь под аркой в красной кирпичной стене распахнулась, и появился Фон. Широкими шагами он направился ко мне через весь громадный двор, одежды его развевались и шелестели на ходу. Фон озабоченно хмурился и что-то бормотал себе под нос. Несомненно, он шел ко мне с визитом, и я спустился по лестнице ему навстречу.

– Я тебя увидел, друг мой, – сказал я учтиво.

– Друг мой! – воскликнул Фон, завладевая моей рукой и тревожно вглядываясь мне в лицо. – Один человек сказать мне, что ты больше не покупать добыча. Это так?

– Нет, не так, – ответил я.

– А! Хорошо, хорошо – сказал он с облегчением. – Бывает, я боюсь, вдруг ты купить уже довольно добыча и скоро оставлять меня.

– Нет, нет, – возразил я и объяснил: – Люди в Бафуте очень хорошие охотники, и они принесли мне столько добычи, что у меня не хватает для них клеток. Вот я и сказал всем, пускай три дня подождут охотиться, а я за это время сколочу клетки для новой добычи.

– Ага, я понимать! – сказал Фон, приветливо улыбаясь. – А я подумать, ты скоро время уехать от нас.

– Нет, я пока не собираюсь уезжать из Бафута.

Фон подозрительно оглянулся вокруг – нет ли поблизости посторонних, потом ласково обхватил меня одной рукой за плечи и потянул на дорогу.

– Друг мой, – заговорил он хриплым шепотом. – Я тебе найти добыча. Да, отличный добыча, ты такой никогда не получить.

– Какая же это добыча? – спросил я с любопытством.

– Такой добыча тебе очень понравиться, – весьма убедительно пояснил Фон. – Сейчас мы пойти и его поймать, а?

– А ты еще такой не ловил?

– Нет, друг мой, но я знать, в какой сторона он прятаться,

– Ладно. Пойдем поищем ее сейчас же, да?

Фон нетерпеливо повлек меня через весь двор, потом через лабиринт узких проходов, и наконец мы очутились перед маленькой хижинкой.

– Ты меня здесь подождать мало время, друг мой, я скоро прийти, – сказал мой спутник и юркнул во мрак хижины.

Я ждал снаружи и терялся в догадках – куда это он пошел и какую добычу для меня придумал. Вид у него был такой таинственный, что любопытство мое разгорелось.

Вскоре он появился вновь – и я не сразу его узнал. Фон Бафута сбросил все свои одежды, даже шапочку и сандалии, на нем не было ничего, кроме маленькой безукоризненно белой набедренной повязки. В руке он держал длинное тонкое копье. Его стройное мускулистое тело лоснилось от масла, ноги были босы. Фон подошел ко мне, вертя копьем, как заправский охотник, и расплылся от удовольствия, когда увидел, как я удивлен.

– Ты себе получить еще один охотник, – посмеиваясь, объяснил он. – Теперь можно меня называть тоже Гончая Бафута, разве нет?

– Я уверен, этот охотник будет искусней всех, – сказал я и улыбнулся ему,

– Я хорошо уметь охотиться, – кивнул Фон. – Может, вдруг мой люди думать, я уже много старый, не гожусь идти на охота. Только, друг мой, если человек иметь верный глаз,

верный нос и верный душа, он никогда не стать чересчур много старый, чтобы идти на охота, разве не так?

– Ты говоришь верно, друг мой. – подтвердил я.

Фон вывел меня из усадьбы, и мы прошли с полмили по дороге, потом свернули на тропку среди маисовых полей. Фон шагал быстро, вертел копьем и тихонько мурлыкал про себя какую-то песенку; временами он оборачивался ко мне, и лицо его освещала веселая, озорная, совсем мальчишеская улыбка. Вскоре мы расстались с полями, прошли через рощицу пальм мимбо, темную, таинственную, полную шороха листьев, и стали взбираться по золотистому склону холма. Когда мы достигли вершины. Фон остановился, с размаху воткнул копье в землю, скрестил руки на груди и оглядел окрестности. Я остановился немного раньше, не дойдя до вершины – мне попались какие-то улитки с очень нежной окраской: когда же я поднялся к Фону, тот стоял недвижно и глядел вниз как завороженный, не замечая ничего вокруг. Наконец он глубоко вздохнул, обернулся ко мне и с улыбкой широко раскинул руки.

– Вот мой страна. – сказал он. – Очень красивый, этот страна.

Я кивнул в знак согласия, и мы несколько минут молча любовались открывшейся ширью. Внизу лежала мозаика небольших полей – зеленых, серебристых, светло-коричневых; то тут, то там виднелись рощицы пальм мимбо да изредка мелькали ржаво-красные клочки свежевскопанной земли. Этот уголок, над которым потрудились человеческие руки, был точно яркий пестрый платок – его разостлали здесь и позабыли. а со всех сторон волнами застывшего океана высятся горы, их гребни позолотило, а равнины осенило тенью заходящее солнце. Фон медленно оглядывал все вокруг, и лицо его выражало какую-то странную смесь нежности и совсем детской радости. Он опять вздохнул – глубоко, с истинным удовлетворением.

– Красиво! – пробормотал он. Потом вытащил свое копье из земли и повел меня вниз, в новую равнину,

продолжая тихонько напевать про себя.

Неглубокую, плоскую долину сплошь заполонили низкорослые чахлые деревца – иные не выше десяти футов. Многих было не разглядеть – окутанные широчайшими мантиями из вьюнка, они стояли, точно приземистые башенки трепещущих листьев и кремовых, чуть желтоватых, как слоновая кость, цветков. Долина будто впитала в себя солнечный свет за весь длинный день, и теплый воздух здесь был напоен сладким ароматом цветов и листьев. Над цветами реяли и сонно прерывисто жужжали тысячи пчел: какая-то крохотная пичужка звонко распевала свою веселую песенку и вдруг умолкла. Теперь стало тихо, только раздавалось смутное жужжанье пчел, когда они вились вокруг деревьев или вперевалочку забирались в бархатную сердцевину вьюнка. Фон с минуту оглядывал деревья, потом осторожно двинулся по траве куда-то на более удобный наблюдательный пункт – отсюда за густой сетью вьюнка можно было все-таки рассмотреть и сами деревья.

– Ну вот, здесь мы видеть добыча, – прошептал он и указал на деревья. – Мы теперь сидеть и ждать мало время.

Он присел на корточки и замер, отдыхая, я уселся подле него: поначалу мое внимание одинаково привлекали и лес, и мой спутник. Но в деревьях не заметно было ни одного живого существа, и я стал глядеть на Фона. Он сидел неподвижно, сжимал в своих огромных ладонях копье, один конец которого упирался в землю и на лице его читалось нетерпеливое ожидание – так ребенок в театре ждет, когда же поднимется занавес. Когда он вышел ко мне из той маленькой темной хижины в Бафуте, он, кажется, оставил там не только свою одежду и королевские украшения, но и свою королевскую осанку, без которой я прежде просто не мог его себе представить. Здесь же на корточках подле меня в этой тихой, теплой долине, с копьем в руках сидел всего лишь еще один охотник: его блестящие темные глаза неотступно следили за деревьями, подстерегая зверя, который вот-вот оттуда покажется. Но чем больше я на него глядел, тем яснее

понимал: нет, это не просто еще один охотник; чем-то он отличался от остальных, но чем – это я понял не сразу. Потом сообразил: всякий обычный охотник сидел бы точно так же, терпеливо ожидая зверя, но видно было бы, что ему скучновато, – ведь он уже столько раз вот так сидел, охота ему не в диковинку! А у Фона блестели глаза, большой рот чуть тронула легкая улыбка – конечно же, он от души всем этим наслаждался. И я подумал: наверно, уже не раз монарху надоедали его почтительные советники и подобострастные подданные, в пышном одеянии ему вдруг становилось жарко и тяжело, и он чувствовал, что его остроносые туфли безжалостно жмут и стесняют ногу. И тогда его, должно быть, неодолимо тянуло ощутить под босыми ногами мягкую красную землю, подставить ветру обнаженное тело – вот тогда он тайком уходил в маленькую хижинку, облачался в костюм охотника и отправлялся в горы, помахивая копьем и напевая песенку, а на вершинах останавливался – и стоял, и любовался прекрасной страной, которой он управляет. Я вспомнил его недавние слова: "Если у человека верный глаз, верный нос и верная душа, он никогда не будет слишком стар, чтобы пойти на охоту". Да, подумал я, конечно же. Фон тоже из этого десятка. Но тут Фон прервал мои размышления о складе его характера: он наклонился ко мне, схватил за руку и указал длинным пальцем на деревья.

– Вот они приходил, – прошептал он и весь расплылся в улыбке.

Я посмотрел, куда он показывает, и сперва не увидел ничего, кроме все той же спутанной сетки ветвей. А потом там что-то шевельнулось, и я увидел зверька, которого мы ждали.

Он скользил в путанице ветвей с мягкой, воздушной грацией, точно пушинка. Когда он приблизился к нам, оказалось, что именно такими я рисовал в воображении эльфов: тонкая зеленовато-серая шерстка, длинный, гибкий и пушистый хвост. Розовые руки великоваты не по росту, пальцы необычайно длинные и худые. Уши очень большие и

кажутся полупрозрачными, такая на них тонкая кожа, уши эти словно живут своей отдельной жизнью – то складываются веером и тесно прижимаются к голове, то становятся торчком, навостренные, прямые, как бледные водяные лилии. На половину лица – громадные темные глаза, каким позавидовала бы даже самая самонадеянная сова. Больше того, зверек этот умеет, в точности как сова, поворачивать голову назад и глядеть на собственную спину. Он пробежал до самого конца тонкой веточки (она почти не прогнулась под его тяжестью) и уселся там, вцепившись в кору длинными, гибкими пальцами; он озирался по сторонам огромными глазищами и тихонько что-то щебетал. Я знал, что это – галаго, маленький лемур, но скорее можно было поверить, будто существо это соскочило со страниц волшебной сказки для детей.

Галаго сидел на ветке и задумчиво щебетал, наверно, с минуту, и тут произошло нечто удивительное. Вдруг – о чудо! – на всех деревьях их оказалось полным-полно. Тут были галаго всех размеров и возрастов, от совсем крохотных, чуть побольше грецкого ореха, и до взрослых особей, которые с легкостью могли бы уместиться в обыкновенном стакане. Они скакали с ветки на ветку, хватаясь за листья и сучки не по росту большими худыми руками, что-то мягко щебетали друг дружке и глядели на белый свет распахнутыми невинными глазами херувимов. Малютки, в которых, кажется, всего только и было, что круглые глазищи, держались поближе к родителям; порой они садились на задние лапки и поднимали крохотные розовые ручки с растопыренными пальцами, точно ужасались, разглядев сквозь листву, сколь порочен окружающий мир.

Я видел, как один такой детеныш вдруг обнаружил на той же ветке, где сидел сам, большую мясистую саранчу. Дело шло к вечеру, насекомое уже отяжелело от дремоты и не сразу заметило опасность. И не успело оно двинуться с места, как крохотный галаго скользнул по ветке и крепко ухватил саранчу поперек брюшка. Саранча мгновенно проснулась и

решила. что пора что-то предпринять. Это было большое насекомое, по величине оно почти не уступало лемуренку; кроме того, задние ноги у саранчи длинные и сильные – и она стала отчаянно лягаться. От этой борьбы просто нельзя было оторвать глаз: галаго изо всех силенок стиснул саранчу длинными пальцами и пытался ее укусить, но при каждой новой попытке саранча яростно ударяла его задними ногами – и противник терял равновесие, сваливался с ветки и повисал на ней, уцепившись лапками. Так повторялось несколько раз, и я подумал, что у галаго, должно быть, липкие подошвы. И даже вися вниз головой и выдерживая яростные удары в живот, галаго ухитрялся смотреть круглыми глазищами все с тем же выражением детской наивности.

Окончилась эта битва совершенно неожиданно: когда галаго в очередной раз висел вниз головой, саранча лягнула его посильнее, цепкие задние лапки галаго все же оторвались от ветки – и противники вместе полетели сквозь листву вниз. До земли оставалось уже совсем немного, и только тут лемуренок разжал одну руку (он все еще крепко держал саранчу за талию) и на лету, с ловкостью опытного акробата, ухватился за ближайшую ветку. Он тотчас подтянулся, сел на ветку и откусил саранче голову – она еще не успела настолько оправиться от полета, чтобы продолжать борьбу. Галаго туг же с явным удовольствием принялся жевать, не выпуская из рук обезглавленное насекомое, которое все еще судорожно дергало ногами. Потом склонил голову набок и стал разглядывать трепещущее тело, пронзительно взвизгивая от волнения и восторга. Когда насекомое перестало шевелиться и большие задние ноги его вытянулись и застыли, лемуренок одну за другой оторвал их и съел. В эту минуту он до смешного походил на крохотного старичка-гурмана, который лакомится ножкой исполинского цыпленка.

Вскоре долину заполнила тень и лемуров было уже не разглядеть в листве, хотя до нас все еще доносилось их мягкое щебетанье. Мы встали, расправили затекшие ноги и вновь начали подниматься вверх по склону холма. Наверху

Фон остановился и со счастливой улыбкой оглядел лес, простиравшийся внизу.

– Вот какой добыча! – усмехнулся он. – Я его очень много любить. Он меня всегда смешить, я много смеялся.

– Да. это отличная добыча, – ответил я, – Как вы ее называете здесь, в Бафуте?

– В Бафуте мы его называть шиллинг. – сказал Фон.

– А как ты думаешь, мои охотники сумеют поймать таких хоть парочку?

– Завтра же ты таких получить парочку, – пообещал Фон, но ни за что не хотел сказать мне, как они будут ловить лемуров и кто это будет делать. Мы вернулись в Бафут уже в сумерки. Фон переоделся и в своем обычном представительном виде явился ко мне выпить. Когда мы пожелали друг другу спокойной ночи, я напомнил про обещание добыть мне несколько галаго.

– Да, мой друг, я не забыть, – сказал Фон. – Я добыть тебе несколько шиллинги.

Прошло четыре дня, и я уже начал думать, что или Фон забыл о своем обещании, или изловить галаго куда трудней, чем ему казалось. А на пятое утро, когда мне подали чай, я увидел у своего прибора на подносе маленькую, пестро раскрашенную корзиночку из волокна рафии. Я снял крышку и сонно заглянул в корзинку: оттуда на меня кротко, вопросительно смотрели четыре пары огромных, блестящих, наивных глаз. Это был подарок Фона – полная корзина шиллингов.

Глава VII
Ке-фонг-гуу

Травянистые степи Камеруна населяет множество самых разных пресмыкающихся, и большинство их поймать вовсе не трудно. В низинных лесах очень редко увидишь хоть какую-нибудь змею, даже если станешь усердно ее искать. Змеи там, конечно, есть, но они, наверно, более разбросаны и, может быть, многие виды живут на деревьях, а таких гораздо труднее найти и поймать. В горах же трава кишмя кишит мелкими грызунами и лягушками, а горные рощицы полны птиц, так что для змей это просто рай. Там водятся огромные черные плюющиеся кобры, зеленые мамбы, тоненькие древесные змеи с огромными невинными глазами, многоцветные габонские гадюки с раздвоенным, наподобие вилки, рогом на носу, точно у носорога, и еще многое множество всяких других. Кроме змей, там в изобилии водятся лягушки и жабы; лягушки всех видов и размеров, от волосатой до крохотных древесных лягушек, величиной с желудь, среди них есть пятнистые, есть полосатые, иные изумляют таким разнообразием красок, что похожи совсем не на земноводных, а скорее на веселые конфетки; жабы, как правило, яркими красками не блещут, но бесцветность с лихвой возмещается тем, что они украшены самыми причудливыми узорами бородавок и наростов, и притом у них яркие, подчас неожиданного цвета глаза.

Но больше всего в этих местах ящериц, они попадаются буквально на каждом шагу: в высокой траве по обочинам дорог шныряют толстенькие коротконогие сцинки – светло-коричневые, серебристые и черные, а по стенам хижин, по дорогам и скалам важно расхаживают и кивают головами агамы всех цветов радуги. Под корой деревьев и под камнями прячутся маленькие гекконы с большими золотистыми глазами; туловища их очень красиво и аккуратно раскрашены шоколадным и кремовым, а ночью в хижинах можно увидеть обычных вееропалых гекконов;

призрачные, полупризрачные, словно розовые жемчужины, они торжественно расхаживают по потолкам.

Всех этих животных мне принесли в разное время местные охотники. Порой это была змея, не слишком надежно привязанная к концу палки, или калебас, полный лягушек с разинутыми ртами. Иной раз добыча была аккуратно завернута в шапку или рубаху охотника или болталась на конце тонкой веревки. Такими случайными и опасными способами мне доставляли кобр, мамба или габонских гадюк; я только диву давался, глядя, как беспечно и небрежно обращаются охотники с этими смертоносными змеями, хоть и отлично знают, как это опасно. Как правило, африканцы прекрасно понимают, что такое змея, и на всякий случай склонны скорее считать каждую ядовитой, а не наоборот. Вот почему легкомыслие моих охотников казалось мне по меньшей мере странным. Еще сильнее изумился я, когда узнал, что единственная ящерица, которой они панически боятся, совершенно безвредна.

Однажды я отправился в очередной поход с Гончими Бафута, и мы пришли в просторную зеленую долину примерно в полумиле от деревни. Гончие разбрелись по долине и начали расставлять сети, а я пока уселся в траву и решил насладиться сигаретой. Вдруг в траве слева от меня что-то шевельнулось: я посмотрел внимательней и увидел такое пресмыкающееся, что чуть не ахнул: до этой минуты я был уверен, что самая красочная ящерица в лугах – агама, но по сравнению с той, которая сейчас предстала у меня перед глазами, пробираясь среди травинок, агама показалась бы серой, бесцветной, точно кусок оконной замазки. Я замер, затаив дыхание, не смея шелохнуться: еще спугнешь это удивительное создание – вот сейчас возьмет и юркнет в траву! Но так как я не шевелился, ящерица приняла меня за безобидное существо, а потому спокойно, неторопливо скользнула на солнце и расположилась на солнцепеке, задумчиво разглядывая меня глазами. в которых мелькали золотистые искорки. Я сразу понял, что это какая-то

разновидность сцинка, но такого крупного и красочного представителя этого рода я, кажется, никогда еще не встречал. Ящерица лежала неподвижно, наслаждаясь лучами утреннего солнышка, и у меня было вдоволь времени, чтобы как следует ее рассмотреть.

Ящерица была в длину около фута вместе с хвостом, а в толщину примерно два дюйма (в самом толстом месте). Голова широкая и как бы обрубленная, ноги короткие, но сильные. Расцветка и рисунок настолько сложны и ослепительны, что описать их почти невозможно. Начать с того, что чешуйки у нее крупные и чуть приподнятые, так что кажется, будто вся ящерица очень хитроумно составлена из мозаики. Горло в черно-белых продольных полосках, макушка красноватая, цвета ржавчины, а щеки, верхняя губа и подбородок ярче – кирпично-красные. Туловище в основном чисто черное, точно лакированное, и на его фоне остальные цвета проступают особенно отчетливо. От челюсти вниз, к передних лапам тянутся ярко-вишневые полосы, отделенные друг от друга узенькими полосками из черных и белых чешуек. Хвост и внешняя сторона ног испещрены белыми пятнышками, причем на ногах пятнышки маленькие и каждое отдельно, а на хвосте их так много, что местами они кажутся сплошными поперечными полосами. На спине тоже во всю длину чередуются полосы – черные и канареечно-желтые. И это еще не все: желтые полосы кое-где прерываются группами розоватых чешуек. Вся ящерица такая яркая и блестящая, как будто ее только что покрасили и краска еще не высохла.

Так мы сидели и смотрели друг на друга, а я тем временем лихорадочно обдумывал план действий: надо же ее поймать! Сачок для бабочек остался в десятке шагов от меня, но с таким же успехом он мог остаться в Англии – я все равно не мог им воспользоваться, ведь ящерица не станет лежать здесь и ждать, пока я сбегаю за сачком. Позади нее простирались необозримые джунгли высокой травы, и если она юркнет в эти заросли – прости-прощай, больше мне ее не

видать… Тут, к своему отчаянию, я услышал шум – это возвращались Гончие Бафута. Что-то надо было делать да поскорей, иначе они спугнут мою красавицу. Я медленно поднялся на ноги, и ящерица тревожно подняла голову. Когда в траве зашуршали шаги идущего первым охотника, я, не раздумывая, бросился к ящерице. Конечно, внезапность нападения сослужила мне кое-какую службу – ведь ящерица целых четверть часа разглядывала меня, я сидел, не шевелясь, точно каменный, и она совсем не ожидала, что я вдруг ринусь на нее как ястреб. Но преимущество мое оказалось кратковременным: сцинк мигом опомнился от изумления и, когда я грохнулся в траву, легко и проворно скользнул в сторону. Я перекатился на бок. взмахнул рукой, пытаясь схватить удаляющуюся ящерицу, и в ту же минуту охотник вышел на прогалину и увидел, чем я тут занимаюсь. Ему бы кинуться мне на помощь, а он вместо этого с протяжным воплем подскочил ко мне и оттащил меня подальше от моей добычи. Ящерица скрылась в густой путанице травы, только мы ее и видели; я стряхнул руку охотника, который вцепился в мой локоть, и яростно обрушился на него.

– Что ты делаешь? – крикнул я вне себя от злости. – Одурел, что ли?

– Маса, – оправдывался охотник, в волнении щелкая пальцами. – Это плохой добыча, опасный добыча. Если он кусать маса, маса один раз умереть.

Я с трудом овладел собой. Да, это для меня не новость, мне уже случалось с этим сталкиваться: африканцы твердо убеждены, что некоторые совершенно безвредные рептилии ядовиты и укус их смертелен, разуверить их в этом невозможно. Поэтому я удержался от соблазна объявить охотнику, что он круглый дурак, и попытался прибегнуть к другим методам убеждения.

– Как вы называете эту добычу? – спросил я.

– Мы ее называть Ке-фонг-гуу, сэр.

– И ты говоришь, она очень ядовитая?

– Очень, маса. Это опасный добыча.

– Ну ладно, глупый ты человек, только ты забыл, что у европейцев есть особое лекарство от укусов такой добычи. Ты что ж, забыл, что, если она меня укусит, я не умру?

– А, маса, я совсем забыть про это.

– И ты бежишь, как женщина, кричишь во все горло и мешаешь мне поймать такую прекрасную добычу, и все потому, что ты про это забыл, да?

– Виноват, сэр, – сокрушенно выговорил охотник.

Я легонько постучал пальцем по его курчавой голове.

– В следующий раз, друг мой, прежде чем делать глупости, сначала подумай головой, – строго сказал я. – Слышишь?

– Я слышишь, сэр.

Когда подошли остальные охотники, я рассказал им, что произошло, и все они ахали и щелкали пальцами.

– Ха! – воскликнул один, и в голосе его слышалось восхищение. – Маса не иметь страх! Он старался поймать Ке-фонг-гуу!

– А Уано взять да и поймать маса! – сказал другой, и все громко расхохотались.

– Да, Уано, тебе сегодня удача! Другой раз маса тебя убить за такой глупый дело, – сказал третий, и все вновь разразились громогласным хохотом: подумать только, у охотника хватило безрассудства помешать мне поймать зверька!

Когда они наконец отсмеялись, я стал подробно расспрашивать их об этой ящерице. К моему немалому облегчению, Гончие уверяли, что таких здесь довольно много и мне не раз еще представится случай ее поймать. Однако все единодушно твердили, что ящерица эта страшно ядовита. Яд ее смертелен, уверяли они, и даже если только дотронешься до нее рукой, тотчас в судорогах упадешь наземь и через несколько минут умрешь. Потом они стали спрашивать, какое есть против этого смертоносного яда лекарство, но я напустил на себя подобающую таинственность. Сказал только, что, если они выследят для меня такую ящерицу, я ее поймаю и

докажу им всем, что не стану корчиться в судорогах и не умру. Они сразу повеселели, очень заинтересовались столь опасным для жизни опытом и пообещали мне помочь (ни один, в сущности, не поверил в мое лекарство). Один из охотников сказал, что знает одно место, где можно найти множество таких ящериц; он утверждал даже, что до этого места не так уж далеко. Мы упаковали свое снаряжение и двинулись в путь. Охотники оживленно болтали между собой, должно быть, заключали пари – выживу ли я после того, как дотронусь до Ке-фонг-гуу, или помру..

Охотник, который вызвался показать место, где водятся Ке-фонг-гуу, вскоре отвел нас примерно за милю от той долины, где я впервые увидел свою красотку, и мы очутились у самого подножия холма. Сильные ливни смыли со склонов слой красной земли, и из-под нее широкими полосами проступил голый серый камень. Лишь кое-где в щелях осталась земля, и тут выросли растения, которым довольно для питания всего лишь крохотной горсточки почвы. Каменные пласты окаймляла высокая золотистая трава и какое-то странное растение, похожее на чертополох, с бледно-желтой, как у лютика, головкой. Открытый солнечным лучам камень совсем раскалился – не дотронешься! Когда я шел по склону, тонкие каучуковые подошвы моих башмаков прилипали к нему, точно я шел по липучке для мух. Я уж начал подумывать, не слишком ли жарко в этом пекле даже для самых солнцелюбивых ящериц? И вдруг яркая цветастая полоска вылетела из низенького островка зелени, мелькнула на мерцающей от зноя скале и юркнула под надежный кров высокой травы и чертополоха.

– Ке-фонг-гуу! – объявили Гончие Бафута, остановились как вкопанные и крепче стиснули в руках копья. Опасаясь, что они будут не столько помогать, сколько мешать мне поймать желанную добычу, я велел им оставаться на месте, а сам пошел вперед. На сей раз я захватил с собой сачок для бабочек и начал осторожно, один за другим, обходить крохотные островки, поднимавшиеся из щелей в скале: в

каждый я легонько тыкал ручкой сачка, проверяя, не прячется ли там ящерица. Просто удивительно, сколько всякой живности может скрываться даже в таком крохотном оазисе травы! Я вспугнул бесчисленное множество саранчи, целые тучи мотыльков и комаров, массу ярких бабочек, несколько жуков и несколько стрекоз. Теперь я понял, что так привлекает ящериц к этим выжженным и, казалось бы, бесплодным каменным склонам.

Вскоре мне повезло: я ткнул ручкой сачка в очередной пучок травы, легонько ею там поворочал и вспугнул Ке-фонг-гуу. Она выскользнула из своего укрытия и вильнула по шершавой поверхности скалы легко и плавно, точно камешек по льду. Я бросился за ней, но тут же обнаружил, что для бега на короткие дистанции нам с ящерицей требуются разные беговые дорожки. Нога моя попала в трещину, и я растянулся ничком во всю длину, а пока поднимался на ноги и искал сачок, моя ящерица скрылась из виду. К этому времени с меня ручьями лил пот, а от раскаленных камней несло жаром, как от плиты, и малейшее усилие заставляло кровь стучать у меня в голове, как барабан. Гончие Бафута стояли у кромки высокой травы и молча, как зачарованные, наблюдали за каждым моим движением. Я утер лицо, зажал сачок в липкой от пота руке и упрямо направился к следующему кустику травы.

На сей раз я действовал осторожней: просунул ручку сачка между стеблями травы, легонько, медленно поводил ею там взад и вперед и так же осторожно вытащил – ну как?

И я был вознагражден: из травы высунулась яркая головка и с любопытством поглядела – что произошло? Я тотчас ударил по траве позади ящерицы и подставил сачок как раз в то мгновение, когда Ке-фонг-гуу оттуда выскочила. Еще миг – и я с торжеством поднял сачок над головой: там, запутавшись в складках сетки, отчаянно металась Ке-фонг-гуу. Я сунул руку внутрь сачка и ухватил пленницу поперек туловища, за что она немедленно мне отомстила – вцепилась челюстями в большой палец. Челюсти у ящерицы

очень сильные, но зубки крохотные, так что укус был совсем безболезненный и безвредный. Чтобы чем-нибудь занять пленницу, я предоставил ей жевать мой палец, а сам тем временем вынул из ее сачка. Поднял высоко в воздух яркое тельце ослепительно красивой расцветки и помахал им, как флагом.

– Смотрите! – закричал я охотникам, которые стояли, разинув рот, и глядели на меня во все глаза. – Вот, я поймал Ке-фонг-гуу!

Мягкие мешки, в которых мы обычно переносим пресмыкающихся, остались у охотников, поэтому я бросил сачок на скалу и пошел к ним, все еще сжимая в руке ящерицу. Тут Гончие Бафута все, как один, побросали свои копья и кинулись в высокую траву, словно стадо перепуганных антилоп.

– Чего ж вы боитесь? – закричал я им вслед. – Я держу ее крепко, она не убежит!

– Маса, мы сильно бояться, – хором отвечали Гончие, укрываясь в золотистых зарослях на безопасном расстоянии от меня.

Я утер лоб.

– Принесите мне мешок для этой добычи, – строго приказал я.

– Маса, мы бояться… этот опасный добыча, – донесся ответ.

Я понял, что надо поскорей придумать какой-нибудь весьма убедительный и непреложный довод, не то я вынужден буду гоняться за моими храбрыми охотниками по всей равнине, чтобы взять у них мешок для ящерицы. Я сел на землю у самой опушки травяных дебрей и вперил в Гончих грозный взгляд.

– Если сейчас же кто-нибудь не принесет мне мешок для этой добычи, – объявил я громко и сердито, – завтра я возьму себе других охотников. И если Фон спросит меня, почему я так сделал, я скажу ему, что мне нужны настоящие мужчины, охотники, которые ничего не боятся, а женщины мне совсем

без надобности.

Над высокими травами воцарилась тишина: охотники решали, что страшнее – Ке-фонг-гуу у меня в руке или Фон в Бафуте. Через некоторое время Фон победил, и они медленно, нехотя подошли поближе. Один, все еще оставаясь на почтительном расстоянии, бросил мне мешок для моей пленницы, но я подумал, что, пожалуй, прежде чем засунуть ящерицу в мешок, стоит им кое-что показать.

– Смотрите все! – воскликнул я и поднял барахтающуюся ящерицу повыше, чтобы всем было видно. – Смотрите хорошенько, сейчас вы увидите – эта добыча не может меня отравить.

Держа сцинка в одной руке, я медленно поднес к самому его носу указательный палец другой; ящерица мигом угрожающе разинула рот и под крики ужаса, которыми разразились охотники, я засунул палец поглубже ей в рот – пускай жует на здоровье. Гончие Бафута точно вросли в землю и с безмерным изумлением, явно не веря собственным глазам, смотрели, как ящерица грызет мой палец. Вот так, круглыми глазами, раскрыв рты, затаив дыхание и подавшись всем телом вперед, они смотрели: что же будет? Что случится со мной от страшных укусов животного? Через несколько секунд ящерице надоело без толку грызть мой палец и она выпустила его. Я аккуратно уложил ее в мешок, завязал его и только после этого повернулся к охотникам.

– Ну, видели? – спросил я. – Это добыча меня укусила, так?

– Да, так, сэр, – благоговейным шепотом отозвались охотники.

– Ну вот: она впустила в меня яд, а? И вы думаете, теперь я умру?

– Нет, сэр. Если этот добыча кусать маса и маса не умереть сразу, теперь он не умереть совсем.

– Верно, я не умру: у меня есть такое особенное лекарство, – солгал я и с подобающей скромностью пожал плечами.

– А-а-а-а! Да, так: у маса есть отличный лекарство, – подтвердил один из Гончих Бафута.

Я проделал все это вовсе не для того, чтобы показать им преимущество белого человека над черным; истинной причиной этого маленького спектакля было мое заветное желание поймать как можно больше таких ящериц, а я знал, что мне их не получить, если я не заручусь помощью и содействием охотников. Но для того чтобы этим заручиться, надо было побороть их страх, а я мог это сделать одним-единственным способом: наглядно показать, что мое мифическое «лекарство» куда сильней «смертельного» укуса Ке-фонг-гуу. Когда-нибудь потом под видом этого самого лекарства я дам им какой-нибудь невинной жидкости, и, вооруженные таким чудо-эликсиром, они отправятся на промысел и принесут мне полные мешки сверкающих красками Ке-фонг-гуу.

На обратном пути я важно шагал по дороге, с гордостью нес моего драгоценного сцинка и был весьма доволен собой: ведь я придумал такой хитрый способ наловить побольше этих красивых ящериц! За мной следовали легконогие Гончие Бафута, они шли молча и все еще взирали на меня с почтительным изумлением. Всякий раз, как кто-нибудь встречался нам на пути, они спешили сообщить ему о моем всемогуществе, и встречные ужасались, изумлялись и громко ахали. Разумеется, с каждым новым повторением рассказ этот приобретал все новые и новые поразительные подробности. Когда мы дошли до моей виллы и ящерица поселилась в просторной клетке, я собрал всех Гончих Бафута и произнес перед ними небольшую речь. Я сказал им, что, как они видели собственными глазами, мое лекарство – прекрасная защита от укусов Ке-фонг-гуу, Охотники с жаром закивали в знак согласия. Поэтому, продолжал я, завтра все они получат чудодейственную жидкость – ведь мне нужно поймать очень много таких ящериц, и с этим лекарством они могут смело пойти на охоту и принести мне добычу – теперь им бояться нечего. И тут я широко, благодушно улыбнулся, ожидая

услышать крики восторга. Однако никаких восторгов не последовало: напротив, охотники совсем помрачнели и угрюмо топтались на месте, пальцы их босых ног зарывались в дорожную пыль.

– Ну как? – спросил я после долгого молчания. – Вы не согласны?

– Нет, маса, – пробормотали мои Гончие.

– Почему же? Разве вы не слышали, ведь я дам вам мое особенное лекарство? Чего вы боитесь?

Охотники скребли в затылках, переминаясь с ноги на ногу, беспомощно поглядывали друг на друга, и наконец один из них набрался храбрости, несколько раз откашлялся и заговорил.

– Маса, – начал он. – Твой лекарство, он, конечно, очень хороший. Мы это сами видеть. Мы видеть, как добыча кусать маса и маса не умереть.

– В чем же дело?

– Этот лекарство, маса, он колдует только белый человек. Он не колдует черный человек. Для маса этот лекарство хороший, для нас он не хороший.

Добрых полчаса я их убеждал, умолял, уговаривал. Они были очень вежливы, но непреклонны: лекарство годится для белых, а на черных оно не подействует. В этом они были убеждены и твердо стояли на своем. Каких только доводов я не придумывал, пытаясь их переубедить! Но тщетно. Под конец, безмерно разозлившись оттого, что мой хитрый план не сработал, я отпустил охотников и отправился обедать.

Вечером с бутылкой джина явился Фон в сопровождении пяти членов совета. Полчаса мы просидели на залитой лунным светом веранде и бессвязно болтали о всякой всячине; потом Фон пододвинул свой стул поближе к моему, наклонился ко мне, и неизменная широкая подкупающая улыбка осветила его лицо.

– Один человек сказать мне, ты поймать Ке-фонг-гуу, – сказал Фон. – Этот человек сказать мне правда?

– Да, верно, – кивнул я, – Очень хорошая добыча, эта

ящерица.

– Этот человек сказать, ты поймать Ке-фонг-гуу голый рука, – продолжал Фон. – Я думать, этот человек сказать неправда, а? Этот добыча, Ке-фонг-гуу, он очень опасный, его нельзя брать голый рука, а? Он тебя убить один раз, разве не так?

– Нет, этот человек сказал тебе правду, – решительно возразил я. – Я держал ящерицу голой рукой.

Услышав мой ответ, члены совета шумно перевели дух, а Фон откинулся на спинку стула и смотрел на меня широко раскрытыми глазами.

– И когда ты его поймать, что он делать? – спросил Фон после долгого молчания.

– Она меня укусила. Фон и его советники дружно ахнули.

– Она меня укусила вот сюда, – сказал я и вытянул руку, а Фон отшатнулся, точно я наставил на него ружье. Он и его советники оглядели мою руку с безопасного расстояния и оживленно о чем-то поговорили.

– Почему ты не умереть? – спросил потом Фон.

– Умереть? – нахмурился я. – А почему я должен был умереть?

– Да ведь этот добыча – опасный, – в волнении сказал Фон. – Он очень много сильно кусаться. Если его схватить черный человек, он один раз умереть. Почему ты никогда не умереть, друг мой?

– Ну, у меня от этого есть особенное лекарство, – небрежно бросил я.

И снова все присутствующие дружно ахнули.

– Этот лекарство – европейский? – спросил Фон.

– Да. Хочешь, я тебе его покажу?

– Да, да, отлично! – вскричал Фон.

Все молча ждали, а я пошел в комнату и принес свою аптечку; потом вытащил из ящичка пакет борной кислоты в порошке и высыпал щепотку себе на ладонь. Все жадно вытянули шеи, стараясь получше разглядеть чудодейственное

лекарство. Я налил в стакан воды, размешал в ней порошок и натер раствором ладони.

– Вот и все! – сказал я и развел руками, как заправский фокусник. – Теперь Ке-фонг-гуу не сможет меня убить.

После этого я подошел к клетке с ящерицей, открыл дверцу и обернулся к своим гостям, держа в руках животное. Раздался шелест одеяний, и все члены совета, теснясь и толкаясь, точно стадо перепуганных овец, кинулись в другой конец веранды. Фон не шелохнулся в своем кресле, но, когда он увидел, что я направляюсь к нему, на лице его отразились страх и отвращение. Я остановился перед его креслом и протянул ему ящерицу, которая между тем силилась отгрызть мне палец.

– Смотри… Видишь? – сказал я. – Эта добыча не может меня убить.

Не сводя глаз с ящерицы. Фон в полнейшем изумлении со свистом выдохнул воздух. Наконец он оторвал от нее зачарованный взгляд и посмотрел на меня.

– Этот лекарство… – сказал он хрипло. – Он годится для черный человек?

– Очень годится и для черного человека.

– И черный человек не умереть?

– Ни в коем случае, друг мой.

Фон откинулся на спинку кресла и, пораженный, глядел на меня.

– А! – сказал он наконец. – Отличный штука, этот лекарство.

– Хочешь попробовать его на себе? – небрежно спросил я.

– Э-э-э… да, да, отлично, – с тревогой ответил Фон. Не давая ему времени передумать, я посадил ящерицу обратно в клетку и развел в воде еще немного борной. Потом еще раз показал Фону, как этим пользоваться, и он долго, усердно втирал "волшебное зелье" в свои огромные ладони.

Наконец я принес клетку, вытащил ящерицу и протянул ее Фону.

Настала решающая минута: советники окружили нас, все же стараясь не подходить слишком близко, и, затаив дыхание, следили за нами. Их лица были искажены страхом, а Фон облизнул губы, протянул было руку к ящерице, но тотчас тревожно отдернул, потом протянул еще раз. Мгновение нерешительности, огромная черная рука повисла в воздухе над радужной ящерицей, наконец глубокий вздох – и ящерица у него на руке, уверенно схваченная поперек туловища.

– А-а-а-а-а-а! – выдохнули зрители.

– Вот! Я его держать! – завопил Фон и стиснул несчастную ящерицу с такой силой, что я испугался за ее жизнь.

– Полегче! – взмолился я. – Не тискай так, ты ее убьешь!

Но Фон совсем оцепенел, сложная смесь страха и восторга перед собственной смелостью сковала его: он сидел неподвижно, не спуская глаз с ящерицы, зажатой у него в руке, и только бормотал: – Я его взять… я его держать…

Мне пришлось силой разжать его пальцы, отнять злополучную ящерицу и посадить ее обратно в клетку.

Фон оглядел свои ладони и поднял на меня глаза; лицо его сияло совершенно детской радостью. Советники о чем-то оживленно переговаривались между собой. Фон замахал на меня руками и расхохотался. Он все хохотал, хохотал и никак не мог остановиться; при этом он хлопал себя по бедрам, сгибался в три погибели в своем кресле, кашлял, брызгал слюной, и по лицу его текли слезы. Смех этот был так заразителен, что засмеялся и я. а потом и советники тоже не заставили себя ждать. Мы все топали ногами и хохотали так, будто уже никогда в жизни не перестанем: в конце концов один из хохочущих советников совсем задохнулся и стал кататься по полу, а Фон, сотрясаясь от бурных приступов смеха, без сил откинулся на спинку кресла.

– Чего это вы смеетесь? – сквозь смех выговорил я наконец.

– Да очень смешно, – покатываясь от смеха, ответил Фон. – Очень долго время, еще когда я быть совсем малый и

после, я всегда бояться этот добыча. Ха, я много его бояться. А теперь ты давать мне лекарство и я уже не бояться,

Он опять откинулся на спинку кресла, и при одной этой мысли рассмеялся до слез, даже всхлипнул от смеха.

– Ке-фонг-гуу, твой время прошел, я тебя теперь не бояться. – захлебывался он.

Потом, совсем ослабев от хохота, не в силах разогнуться, мы допили все, что оставалось в бутылке, и Фон ушел к себе. бережно сжимая в руке пакетик с борной. Я предупредил, его, что это лекарство отлично помогает против укусов агам, Ке-фонг-гуу и гекконов, но, если ужалит змея, оно ни в коем случае не поможет. Как я и надеялся, рассказ о том, что мое лекарство сделало Фона неуязвимым – он держал в руке Ке-фонг-гуу и остался жив и здоров. – на другой же день был у всех на устах. Еще до вечера ко мне явились мои Гончие и озарили меня такими улыбками, что сердиться на них было просто невозможно.

– Ну, что случилось? – холодно спросил я.

– Маса, – попросили Гончие, – дай нам тот лекарство, который ты давать Фону, и мы пойти ловить для маса Ке-фонг-гуу.

В тот же вечер я оказался счастливым обладателем двух ящиков красивейших равнинных сцинков, а Гончие Бафута, окруженные толпой бафутян, распивали пиво и живописали восхищенным слушателям все подробности охоты, уж наверно украшая рассказ всевозможными домыслами. Я сидел на веранде и тоже слушал, а заодно писал записку в ближайшую аптеку с просьбой прислать мне борной. Несомненно, она мне еще очень и очень пригодится.

Глава VIII
Мнимая слепозмейка

Через несколько недель поток бафутян, которые приносили мне всевозможную «добычу», усох до тоненького ручейка. Произошло это потому, что к тому времени у меня набралось достаточно экземпляров самых распространенных здесь животных и я таких больше не покупал. Веранда возле моей спальни была доверху забита всевозможными клетками, в которых размещались самые разнообразные млекопитающие, птицы и пресмыкающиеся, и потому изо дня в день все утро напролет и почти весь вечер я посвящал уходу за ними. Дел было по горло, скучать некогда: только успевай чистить клетки и кормить зверей, а сверх того я не уставал с истинным наслаждением наблюдать повадки моих пленников, присматривался, как они относятся к плену и ко мне. Кроме того, я наблюдал жизнь в Бафуте. Веранда, где я хлопотал, поднималась высоко над дорогой, и отсюда отлично видна была сама дорога, двор Фона и окружающие дома. Я глядел сквозь лохматую завесу бугенвиллеи и видел, как снуют взад и вперед многочисленные жены Фона, его отпрыски и советники, как приходят и уходят по дороге жители Бафута. С моей веранды я видел немало сцен, которые разыгрывались внизу, а стоило протянуть руку за биноклем, как лица актеров приближались ко мне настолько, что я мог разглядеть малейшую перемену в выражении этих лиц.

Однажды вечером я заметил на дороге стройную миловидную девушку; она брела, едва волоча ноги, точно дожидалась, чтобы кто-то ее догнал. Она как раз проходила мимо веранды, и я совсем было собрался окликнуть ее, но вовремя увидел, что ее рысцой догоняет молодой рослый парень, по внешности настоящий богатырь: лицо его перекосила свирепая гримаса. Он резко крикнул что-то; девушка остановилась, потом обернулась к нему, ее хорошенькое личико казалось недовольным и в то же время дерзким, и это явно не понравилось молодому человеку. Он

остановился перед ней и громко, сердито заговорил, неистово размахивая руками, на темном лице так и сверкали глаза и зубы. Девушка слушала не шевелясь, на губах ее играла недобрая, насмешливая улыбка.

Тут на сцене появилось еще одно действующее лицо: по дороге торопливо подбегала старуха, она вопила благим матом и размахивала длинной бамбуковой палкой. Юноша не обратил на нее никакого внимания и продолжал что-то сердито толковать девушке, а та не удостаивала его ответом. Старуха чуть не плясала вокруг них, махала своей палкой и пронзительно вопила, дряблые морщинистые груди подпрыгивали при каждом ее движении. Чем пронзительней она визжала, тем громче кричал молодой человек, а чем громче он кричал, тем мрачней становилось лицо девушки. Внезапно старуха волчком повернулась на одной ноге, точно дервиш, и с размаху ударила молодого человека палкой по плечам. Тот словно и не почувствовал удара, только протянул длинную мускулистую руку, вырвал у старухи палку и закинул так высоко, что палка перелетела через кирпичную стену и упала во двор Фона. Старуха секунду стояла в замешательстве, потом подскочила к молодому человеку сзади и со злостью дала ему пинка под зад. И опять он не обратил на нее ни малейшего внимания, а продолжал кричать на девушку и все яростней размахивал руками, И вдруг девушка злобно что-то ему ответила и, аккуратно прицелясь, плюнула точно ему на ноги.

До сих пор молодой человек, видимо, не собирался начинать военные действия, и я решил, что дело его плохо, женщины. похоже, пускают в ход нечестные методы и потому берут верх. Но плевок на ноги, очевидно, переполнил чашу его терпения: на секунду обиженный великан застыл с раскрытым ртом – подобного предательства он никак не ожидал! – а потом одним прыжком с яростным воплем рванулся к девушке, схватил ее одной рукой за горло, а другой стал осыпать звонкими оплеухами; наконец он отшвырнул ее от себя так, что она упала наземь. Такой

поворот событий настолько потряс старуху, что она повалилась навзничь в канаву и забилась в великолепнейшей истерике, я таких сроду не видывал! Она каталась с боку на бок, шлепала себя ладонью по губам и издавала протяжные вопли, от которых у меня кровь стыла в жилах. Время от времени вопли прерывались пронзительным визгом. Девушка меж тем лежала в красной дорожной пыли и горько плакала; молодой богатырь по-прежнему не обращал внимания на старуху, он присел на корточки возле девушки и, очевидно, о чем-то ее упрашивал. Немного погодя она подняла голову и слабо улыбнулась; тут он вскочил на ноги, схватил ее за руку, и они вдвоем зашагали обратно по дороге, а старуха все каталась в своей канаве и громко вопила.

Честно говоря, эта сцена порядком меня озадачила. В чем тут дело? Может, эта девушка – жена молодого богатыря? Может, она была ему неверна и он об этом узнал? Но при чем же тогда старуха? А может, девушка у него что-нибудь украла? Или, что, пожалуй, еще правдоподобнее, девушка и старуха хотели его заколдовать, а он об этом узнал? Да, колдовство, думал я; должно быть, разгадка в этом. Красотке надоел ее молодой муж, и она пыталась его отравить – наверно, намешала ему в еду мелко изрубленные усы леопарда, а добыла она это волшебное средство у старухи, а старуха – уж наверняка известная здешняя колдунья. На муж заподозрил неладное, и молодая жена убежала к колдунье, чтобы та ее защитила. Муж бросился догонять жену, а колдунья (есть же у нее какие-то обязанности по отношению к своим клиентам!) побежала вслед за ними обоими в надежде как-то уладить дело. Только я успел разработать эту версию и придать ей душещипательную форму, подходящую для рассказа в "Уайд уорлд мэгэзин", как вдруг увидел Джейкоба: он стоял внизу и сквозь зеленую изгородь глядел на старуху – та все еще с воплями каталась в канаве.

– Джейкоб! – крикнул я ему. – Что там такое творится?

Джейкоб поднял голову и гортанно хохотнул.

– Этот старуха, сэр, она мамми для тот девочка. Тот

молоденький девчонка, он жена для тот мужчина. Тот мужчина весь день ходить на охота, а как он прийти домой, жена не приготовила ему никакая еда. А он быть сильно голодный и хотел побить жена, а жена бежать, и он тоже бежать, хотел ее побить, а старуха тоже бежать, хотел побить мужа.

Какое горькое разочарование! Я почувствовал, что Африка, этот огромный, таинственный континент, меня предала. Взамен моего сочного сюжета с колдуньями и чудодейственными зельями, полными усов леопарда, передо мной разыгралась заурядшая семейная ссора с обычными участниками: ленивая жена, голодный муж, неприготовленный обед и теща, которая, как и положено тещам, суется не в свое дело. Я вновь занялся своим зверинцем, но не сразу мне удалось отделаться от ощущения, что меня обманули. Больше всего досаждала мне мысль о теще.

Вскоре после этого случая на веранде и вокруг нее вновь поднялся переполох, в котором главную роль играл я, но только очень нескоро сумел я по достоинству оценить смешную сторону этого происшествия.

Вечер стоял прекрасный, и стайки узких, пушистых облачков собирались на западе – ясно, что закат предстоит великолепный! Я только что допил заработанную тяжким трудом чашку чаю и в лучах закатного солнца сидел на верхней ступеньке лестницы, пытаясь научить невероятно глупого бельчонка сосать молоко с ватного тампона, намотанного на конец спички. На секунду я прервал эту мучительную работу, поднял глаза – и увидел, что по дороге вперевалочку шагает толстая пожилая женщина. На ней была одна только совсем узенькая набедренная повязка, в зубах зажата длинная, тонкая черная трубка. На макушке поверх коротко остриженных седых волос торчал крохотный калебас. Женщина остановилась у подножия моей лестницы, выбила трубку и аккуратно повесила на веревку, обмотанную вокруг ее обширной талии, потом стала подниматься по

бесконечным ступеням ко мне на веранду.

– Здравствуй, мамми, – окликнул я.

Женщина приостановилась и широко улыбнулась мне.

– Здравствуй, маса, – отозвалась она и продолжала с трудом передвигаться со ступеньки на ступеньку, задыхаясь и шумно переводя дух от усталости.

Наконец она добралась до меня, поставила калебас к моим ногам и, пыхтя, привалилась к стене всем своим жирным телом.

– Устала, мамми? – спросил я.

– А, маса, я стал много жирный. – объяснила она.

– Жирная! – возразил я с негодованием. – Совсем тыне жирная, мамми. Ты ничуть не жирней меня.

Толстуха громко захихикала, и ее огромное тело затряслось.

– Нет, маса, ты надо мной смеяться.

– Нет, мамми, я верно говорю, ты еще совсем худенькая.

Женщина откинулась к стене и затряслась от смеха – это она-то худенькая! Все ее громадное тело колыхалось. Наконец она немного успокоилась и указала пальцем на калебас.

– Я тебе принести добыча, маса.

– Какая же это добыча?

– Змея, маса.

Я вынул затычку и заглянул в калебас. На дне свернулась в кольцо тоненькая коричневая змейка, дюймов восьми в длину. Я сразу решил, что это слепозмейка – вид безглазой змеи, которая проводит свой век, зарывшись в землю. Слепозмейки внешне напоминают английскую веретенницу и совершенно безвредны. У меня уже набрался целый ящик этих пресмыкающихся, но мне так понравилась веселая толстуха, что не хотелось ее огорчать, отказавшись от ее "добычи".

– Сколько ты хочешь за эту добычу, мамми? – спросил я.

– А, маса, ты мне платить сколько знаешь.

– А змея не ранена?

– Нет, маса, он здоровый.

Я опрокинул калебас вверх дном, и змея выпала на гладкий цементный пол. Женщина с удивительным для такой толстухи проворством метнулась в другой конец веранды.

– Он тебя кусать, маса, – предостерегла она.

Джейкоб, который явился поглядеть, что тут происходит, бросил на нее испепеляющий взгляд.

– Ты разве не знать, маса не бояться никакой яд, – сказал он. – У маса есть особый лекарство, и такой змея его не кусать.

– А-а, вот как? – сказала женщина.

Я наклонился и подобрал слепозмейку, собираясь получше разглядеть ее и убедиться, что она цела и невредима. Я осторожно взял ее двумя пальцами, и она обвилась вокруг моего указательного пальца. Взглянул на нее и очень удивился: на меня смотрела пара больших блестящих глаз, а ведь у слепозмеек глаз не бывает. Изумленный таким открытием и все еще, как дурак, небрежно держа змею в руке, я обратился к Джейкобу:

– Смотри, Джейкоб, у этой змеи есть глаза!

И вдруг понял, что так беспечно держу в руке вовсе не безвредную слепозмейку, а какую-то совсем не известную мне змею и понятия не имею, на что она способна. Я уже хотел разжать руку и бросить змею на пол, но не успел – она плавно повернула голову и запустила зуб в мякоть моего большого пальца.

Не припомню, чтобы я еще когда-нибудь испытал подобное потрясение. Сам по себе укус был пустяковый, всего лишь булавочный укол, но сразу же началось легкое жжение, как после комариного укуса. Я вмиг бросил змею и изо всех сил стиснул палец, так что кровь потекла из ранки, и пока я его сжимал, мне на ум пришли три обстоятельства: во-первых, в Камеруне нет сыворотки против змеиного яда; во-вторых, до ближайшего врача не меньше тридцати миль; в-третьих, мне не на чем до него добираться. Эти мысли

отнюдь не прибавили мне бодрости, и я стал ожесточенно высасывать кровь из ранки, сжимая основание пальца как можно крепче. Потом оглянулся вокруг и увидел, что Джейкоб куда-то исчез; я готов был заорать от ярости, но тут он бегом вернулся на веранду, в одной руке у него была бритва, в другой – бинты. В лихорадочной спешке я стал объяснять ему, что делать, и Джейкоб из всех сил стянул повязку вокруг моего запястья и ниже локтя, а потом учтиво, чуть ли не с поклоном, подал мне бритву.

Никогда в жизни я не представлял себе, сколько решимости требуется человеку, чтобы полоснуть себя бритвой, и до чего она, бритва эта, острая. Мучительные секунды я медлил в нерешительности, потом полоснул себя по руке бритвой – и, как оказалось, глубоко разрезал палец в полудюйме от ранки, то есть там, где от разреза не было никакого толку.

Я попробовал еще раз – примерно с тем же успехом – и мрачно подумал: если я не умру от укуса змеи, то, оказав себе такую "первую помощь", вполне могу истечь кровью. И начал со злостью перебирать в памяти все книги, которые я в свое время прочитал, где говорилось, что надо делать, если тебя укусила змея. Все эти книги без исключения предписывали сделать надрез поперек ранки, на всю ее глубину, насколько в тело проник ядовитый зуб. Предписывать такое очень легко, а вот успешно последовать этому совету, когда режешь собственный палец, – далеко не так просто. Я вовсе не хотел опять и опять рубить себе руку в надежде, что рано или поздно все-таки попаду по ранке, а значит, оставался единственный выход: я аккуратно приложил лезвие к месту укуса и, скрипя зубами, надавил и сильно потянул бритву. На этот раз все получилось как надо, кровь брызнула во все стороны, Теперь, вспоминал я, надо пустить в ход марганцовку, и я всыпал несколько кристалликов в зияющую рану и обернул руку чистым носовым платком, К тому времени запястье и железки у меня под мышкой уже основательно вспухли и в пальце начались острые боли, точно

стреляло, хотя было это от укуса или от моего врачевания – сказать трудно.

– Маса идти к доктор? – спросил Джейкоб, не сводя глаз с моей руки.

– Как же мне идти к доктору? – с досадой возразил я. – У нас тут нет машины. Или ты думаешь, я смогу дойти до него пешком?

– Маса надо идти к Фон и просить его вездеход, – предложил Джейкоб,

– Вездеход? – спросил я с пробудившейся надеждой, – А у Фона есть вездеход?

– Да, сэр.

– Так пойди, попроси… да поскорей.

Джейкоб со всех ног помчался вниз по лестнице и по огромному двору, а я шагал взад и вперед по веранде. Вдруг я вспомнил, что у меня в спальне пропадает без дела большая непочатая бутылка французского коньяка, и поспешил туда. Но не успел я с трудом, одной рукой вытащить пробку, как тут же вспомнил: в вопросе о том, как действует спиртное на человека, ужаленного змеей, авторы всех книг единодушны и безоговорочно утверждают – ни при каких обстоятельствах после змеиного укуса пить спиртное нельзя – кажется, алкоголь вызывает сердцебиение и причиняет организму всяческие другие неприятности. На секунду я застыл с бутылкой в руке, а потом решил: если уж все равно придется умирать, то лучше умереть в хорошем настроении. Я поднял бутылку и сделал изрядный глоток. Теперь, согретый и ободренный, я легким шагом вышел на веранду и прихватил бутылку с собой.

Внизу, по двору Фона спешила большая толпа во главе с Джейкобом и самим Фоном. Все они подбежали к большой хижине, Фон распахнул дверь, и толпа влилась туда; впрочем, люди тут же появились вновь, толкая перед собой дряхлый, помятый автомобиль. Толпа выкатила его через арку на дорогу, и там Фон их всех оставил и поспешно стал подниматься ко мне по знаменитой лестнице, а по пятам за

ним бежал Джейкоб.

– Друг мой! – задыхаясь выговорил Фон. – Плохой дело!

– Да, верно, – согласился я.

– Твой слуга, он сказать мне, у тебя нет европейский лекарство для такой укус. Это верно?

– Да, верно. Может быть, у доктора есть такое лекарство, я не знаю.

– Бог помогать, доктор дает тебе лекарство, – благочестиво сказал он.

– Выпьешь со мной? – спросил я и помахал бутылкой.

– Да, да, – просиял Фон. – Мы выпить. Выпивка – хороший лекарство для такой случай.

Джейкоб принес стаканы, и я налил нам обоим по изрядной порции коньяку. Потом мы подошли к лестнице и сверху поглядели, как продвигается подготовка кареты скорой помощи.

Машина, видно, простояла в хижине целую вечность, и все ее внутренности словно заклинило. Водитель осторожно поколдовал над ней, мотор несколько раз громко кашлянул и снова заглох. Плотное кольцо зрителей сдвинулось теснее, все выкрикивали разные советы и наставления, а водитель меж тем высунул голову из окошка и всласть отругивался. Так продолжалось немало времени, потом водитель вылез и стал пытаться завести мотор ручкой, но тут мотор даже не чихнул. Водителю это скоро надоело, он отдал ручку одному из советников и присел отдохнуть на подножку. Советник подоткнул свои одежды и мужественно сражался с заводной ручкой, но пробудить мотор к жизни ему не удалось.

Зрители – их набралось уже человек пятьдесят – все жаждали помочь, так что советник передал им ручку и присоединился к водителю на подножке. В толпе меж тем началась постыдная драка: всякому хотелось первым попытать счастья, все кричали, толкались и вырывали ручку друг у друга. Шум привлек внимание Фона; он осушил свой стакан и, сердито хмурясь, подошел к перилам веранды. Тут он перегнулся вниз и окинул дорогу грозным взглядом.

– Эй! – загремел он вдруг. – Заводить этот машина!

Толпа смолкла, все задрали головы к веранде, а водитель и советник соскочили с подножки и кинулись к радиатору машины, олицетворяя собой неукротимую жажду деятельности. Правда, им не повезло, когда они добежали, оказалось что ручка куда-то исчезла. В толпе снова поднялся галдеж, каждый обвинял всех остальных в том, что они потеряли ручку. Наконец ручка нашлась, и эти двое сделали еще несколько безуспешных попыток расшевелить упрямый мотор.

К тому времени я уже чувствовал себя совсем худо и мужество мне вконец изменило. Рука до самого локтя сильно распухла, покраснела и очень болела. В плечо тоже стреляло, а кисть горела так, точно я сжимал в ней раскаленный докрасна уголь.

До врача добираться не меньше часа, думал я, и если машину не удастся завести сейчас же, то ехать вообще будет уже незачем. Но тут водителя, который едва не надорвался, пытаясь завести мотор ручкой, осенила блестящая мысль. Они будут толкать машину всю дорогу! Он объяснил свою затею толпе, и все громко захлопали и закричали от восторга. Водитель влез в машину, остальные столпились позади и принялись толкать. Размеренно ухая в такт движениям, они толкали машину по дороге, завернули за угол и скрылись из виду.

– Он скоро завестись, – улыбнулся Фон, стараясь меня подбодрить, и налил мне еще коньяку. – И тогда ты скоро доехать к доктору.

– Ты думаешь, она все-таки заведется? – недоверчиво спросил я.

– Да, да, друг мой, – сказал Фон; кажется, он даже слегка обиделся. – Этот мой машина – отличный машина. Он завестисть мало время, не беспокойся.

Вскоре мы опять услышали уханье, поглядели с веранды вниз и увидали машину: она появилась из-за угла, ее по-прежнему толкало, казалось, все население Бафута. Толпа

подползала к нам, как улитка, и в ту минуту, как машина дошла до нижней ступеньки моей лестницы, мотор несколько раз чихнул и взревел. Толпа завизжала от восторга, и все принялись прыгать и скакать по дороге.

– Вот, завелся, – гордо объяснил мне Фон на случай, если я не понял причины общего ликования.

Водитель ловко провел машину под аркой во двор, развернул ее и снова выехал на дорогу: он все время нетерпеливо сигналил и едва не передавил колесами своих недавних помощников. Мы с Фоном осушили свои стаканы и спустились вниз по семидесяти пяти ступенькам. Внизу Фон заключил меня в свои объятия и тревожно заглянул мне в лицо. Он явно хотел сказать какие-то слова, которые придали бы мне бодрости и поддерживали бы меня на пути к доктору. На минуту он глубоко задумался.

– Друг мой, – сказал он наконец. – Если ты умереть, мне очень много тебя жаль.

Боясь, что голос может выдать мои чувства, я молча стиснул ему руку в надежде, что это выглядит достаточно красноречиво, и забрался в машину: она тотчас тронулась и пошла по дороге, дергаясь и подпрыгивая, а Фон и его подданные остались позади в туче красной пыли.

Через три четверти часа мы подъехали к дому врача, и тормоза оглушительно завизжали. Доктор стоял на крыльце и мрачно глядел на клумбу. Когда я вылез из машины, он удивленно поднял на меня глаза и пошел мне навстречу; подойдя поближе, он внимательно вгляделся мне в лицо.

– Кто вас укусил? – спросил он.

– Откуда вы знаете, что меня укусили? – спросил я, пораженный таким мгновенным диагнозом.

– У вас зрачки очень сильно увеличены, объяснил доктор с удовольствием мастера, который уж в своем-то деле не ошибется. – Кто вас укусил?

– Змея. Не знаю какая, но боль адская. Вот я и приехал к вам, хотя вряд ли от этого будет толк. Ведь у вас, наверно, сыворотки нет?

– Надо же, – сказал он, явно очень довольный, – как это ни странно, я привез немного, когда ездил в последний раз в отпуск. Почему-то подумал – может, пригодится. Она уже полгода лежит в холодильнике.

– Вот это повезло!

– Входите в дом, дорогой мой, входите. Мне очень интересно, подействует ли эта сыворотка.

– Мне тоже, – признался я.

Мы вошли в дом, и я сел в кресло, а доктор и его жена сразу захлопотали: достали спирт, шприц и все прочее, что требуется для введения сыворотки. Потом доктор сделал мне три укола в палец, как можно ближе к ранке и еще два в руку повыше локтя. Все это было куда болезненнее, чем сам укус.

– Немножко неприятно? – весело осведомился доктор, считая мой пульс.

– Да уж хуже некуда, – с горечью ответил я.

– Вам полезно выпить хорошую порцию неразбавленного виски.

– Я думал, в таких случаях спиртное противопоказано.

– Нет, нет, это не повредит, – сказал доктор и налил мне изрядную порцию.

Никогда еще я не пил виски с таким наслаждением!

– А теперь, – продолжал доктор, – вы останетесь у меня ночевать, в доме есть свободная комната. Через пять минут извольте уже лежать в постели. Если хотите, можете принять ванну.

– А нельзя мне уехать обратно в Бафут? – спросил я. – Там у меня животные, и без меня за ними, в сущности, некому как следует присмотреть.

– Вы сейчас не в состоянии возвращаться в Бафут и присматривать за животными, – твердо сказал доктор. – Никаких разговоров, немедленно в постель. Если я увижу, что вы достаточно оправились, поедете завтра утром.

Спал я, к моему удивлению, крепким сном и, когда проснулся на следующее утро, чувствовал себя просто отлично, хоть рука до локтя была все еще распухшая и

побаливала. Завтрак мне принесли в постель, потом пришел доктор.

– Как вы себя чувствуете? – спросил он.

– Отлично. Настолько хорошо, что даже начинаю думать – может быть, змея была все-таки не ядовитая?

– Нет, она была очень ядовитая. Вы говорите, она запустила вам в палец только один зуб и вы, наверно, бросили ее так быстро, что она не успела впустить в вас весь запас яда. Если бы успела, вы бы так легко не отделались.

– А можно мне ехать в Бафут?

– Пожалуй, можно, если вы чувствуете, что в силах перенести это путешествие, хотя рука, наверно, еще день-два не будет вам служить как следует. Во всяком случае, если она станет вас беспокоить, приезжайте ко мне.

Подстегиваемый мыслью о моих драгоценных зверях, которые ждут в Бафуте нечищеные и некормленные, я гнал беднягу водителя так, что мы добрались до дому за неслыханно короткое время. Остановились на дороге у лестницы, что вела к моей вилле, и тут я увидел – на нижней ступеньке сидит вчерашняя толстуха.

– Здравствуй, мамми, – сказал я, вылезая из машины.

– Здравствуй, маса, – ответила она, с трудом поднялась на ноги и вперевалочку побрела мне навстречу.

– Что же тебе надо? – спросил я; мне не терпелось поскорей добраться до моих зверей.

– Маса все забыть? – с удивлением спросила женщина.

– Что я забыл, мамми?

– Э, маса, – укоризненно сказала она. – Ведь я принести такой отличный змея, а маса мне так и не заплатить!

Глава IX
Фон и золотистая кошка

Мое пребывание в Бафуте понемногу подходило к концу. Я собрал множество всякой живности, и пора было увезти эти живые трофеи в основной лагерь, где их можно будет заново расселить по клеткам и приготовить к путешествию в Англию. Без особой радости я сообщил всем охотникам, что через неделю уезжаю, не то они продолжали бы приносить зверей и после моего отъезда. Я заказал грузовик и послал Смиту письмо о том, что мы едем. Когда Фон услышал эту новость, он примчался ко мне, сжимая в руках бутылку джина, и принялся горячо уговаривать меня остаться еще. Я объяснил ему, что и сам бы очень хотел побыть в Бафуте подольше, но никак не могу: обратные билеты были заказаны заранее, значит, весь мой зверинец должен быть готов двинуться в путь в назначенный день. При малейшей задержке мы пропустим пароход, а другого может не быть еще месяца два – на такую задержку у меня просто не хватит денег.

– А, друг мой, я очень много жалеть, что ты ехать, – сказал Фон, наливая джин мне в стакан так, что казалось – бьет неистощимый родник.

– Я тоже очень жалею – вполне искренне сказал я, – но мне никак нельзя больше оставаться в Бафуте.

– Ты не забывать Бафут, – сказал Фон и уставил на меня длинный палец. – Ты хорошо помнить Бафут. Ведь тут ты поймать много отличный добыча, разве не так?

– Так, – ответил я и обвел рукой клетки, уставленные друг на друга в несколько этажей. – В Бафуте я собрал очень много добычи.

Фон милостиво кивнул. Потом подался вперед и крепко сжал мою руку.

– Когда ты приехать в твой страна, когда-нибудь ты рассказать твои люди, что Фон Бафута, – твой друг, он много старался, чтоб ты иметь отличный добыча, а?

– Я им все расскажу, – пообещал я. – И еще расскажу, что Фон Бафута – прекрасный охотник, самый лучший охотник в Камеруне.

– Отлично, отлично. – обрадовался Фон.

– Только одну добычу я здесь так и не добыл, – сказал я. – Мне очень жаль.

– Какой же это добыча, друг мой? – спросил Фон, с тревогой наклонясь ко мне.

– Ну, такая большая древесная кошка, у которой шкура как золото, а на животе отметины. Я показывал тебе фотографию, помнишь?

– А! Этот добыча? – сказал он. – Ты говорить верно. Этот добыча ты еще не поймать.

И он погрузился в угрюмое молчание, хмуро глядя на бутылку с джином. Пожалуй, с моей стороны было довольно бестактно напоминать ему об этом пробеле в моей коллекции. А недоставало мне золотистой кошки – одного из самых мелких, но и самых красивых представителей кошачьего семейства, какие водятся в этой части Африки. Я знал, что и вокруг Бафута их немало, но охотники относились к этому животному еще почтительней, чем к леопарду или к сервалу, хотя оба они много крупнее золотистой кошки. Я не раз показывал фотографию золотистой кошки Гончим Бафута, но они только щелкали языком да качали головой и уверяли меня, что ее необыкновенно трудно поймать, что она "очень сильно свирепый" и "очень много хитрый". Я предлагал большие деньги не только за поимку кошки, но даже за то, что мне всего лишь скажут, где ее можно найти, – и все напрасно. Когда до отъезда осталось меньше недели, я примирился с мыслью, что золотистой кошки мне не добыть.

Фон откинулся в кресле, глаза его блеснули, на губах заиграла заразительная улыбка.

– Я добыть тебе этот добыча, – сказал он и важно кивнул головой.

– Но, друг мой, через пять дней я уезжаю из Бафута. Как же ты успеешь поймать ее за пять дней?

– Я ее поймать, – решительно сказал Фон. – Ты подождать мало время и увидеть сам. Я добыть тебе этот добыча..

Фон не пожелал сказать мне, как он собирается сотворить это чудо, но он был так уверен в себе, что я невольно подумал: вдруг он и в самом деле сумеет добыть мне редкостного зверя! Однако уже занялось утро моего последнего дня в Бафуте, а никакой золотистой кошки не было и в помине, и я потерял всякую надежду. Видно, Фон сгоряча дал обещание, выполнить которое оказалось ему не под силу.

День настал хмурый, пасмурный – ведь наверху в горах сезон дождей начинается раньше, чем на равнинах. По небу низко неслись темные серые тучи, моросил мелкий дождик, порой из дальних горных цепей доносился раскат грома: от всего этого меня еще сильней одолевало уныние, а мне и без того было невесело – уж очень не хотелось уезжать из Бафута. Я всей душой полюбил эти молчаливые равнины и людей, что здесь живут. Я искренне привязался к Фону, даже восхищался им, и мне становилось по-настоящему грустно при мысли, что с ним надо распрощаться, ведь в его обществе я так славно и весело проводил время.

Около четырех часов дня моросящий дождь перешел в сильнейший ливень: он явно зарядил надолго, затянул все сплошной водяной завесой, стучал и гремел по крыше виллы, по разлапистым листьям ближних пальм, превратил плотно убитую красную землю на просторном дворе Фона в сверкающее море жидкой кроваво-красной глины, рябое от мириадов падающих капель. Я дочистил все клетки, накормил всех зверей и теперь угрюмо бродил из угла в угол по веранде, глядя, как дождь бьет о кирпичную стену и безжалостно треплет пунцовые цветы бугенвиллеи. Все мои вещи были уже упакованы, клетки наготове, оставалось только погрузить их в машину. Я не мог придумать себе никакого занятия, а выходить под ледяной ливень не хотелось.

Случайно я глянул вниз – там, на дороге, появился человек с большим мешком за спиной; он пытался бежать, но ноги у него скользили и разъезжались по глине. "Может быть, он несет мне какую-нибудь редкую добычу и хоть немного меня порадует", – с надеждой подумал я и стал нетерпеливо следить за его приближением; но, к немалой моей досаде, человек с мешком свернул под арку, зашлепал через огромный двор и скрылся за дверью под второй аркой, ведущей в усадьбу Фона. Вскоре после того, как он скрылся из виду, возле маленькой виллы Фона раздались громкие крики, но через несколько минут все стихло, и опять я слышал только шум дождя. Я отправился пить в одиночестве чай; потом накормил сов и прочих ночных обитателей моего зверинца; они, кажется, немного удивились – ведь я никогда не кормил их так рано, – но я знал, что скоро придет Фон, чтобы на прощанье провести со мной вечер, и мне хотелось покончить с этой работой до его прихода.

К тому времени, как я закончил все мои дела, дождь утих и лишь едва моросил, будто в воздухе повис туман, а в серых, быстро несущихся низких облаках появились разрывы и сквозь них сияло нежно-голубое прозрачное небо. Не прошло и часа, как облака совсем рассеялись и чистое ясное небо до краев наполнил свет закатного солнца. Где-то возле дома Фона дробно забил маленький барабанчик, и дробный стук этот становился все громче. Отворилась дверь под аркой, и через двор двинулось небольшое шествие. Во главе выступал Фон, облаченный в свой самый великолепный пунцово-белый наряд; он осторожно обходил сверкающие под солнцем лужи. За ним следом шел тот самый человек, которого я видел под дождем, за спиной у него был все тот же мешок. Далее следовали четыре советника, а замыкал шествие мальчуган в белом одеянии и крохотной шапочке, он с важным видом бил в маленький барабанчик. Очевидно, Фон направлялся ко мне с торжественным прощальным визитом. Я спустился по лестнице к нему навстречу. Он остановился передо мной, положил руки мне на плечи и с необычайной

суровостью поглядел мне в лицо.

– Друг мой, – медленно, внушительно произнес он. – У меня есть один вещь для тебя.

– Что же это такое? – спросил я.

Фон царственным жестом откинул назад свои длинные рукава и указал на человека с мешком.

– Лесной кошка! – провозгласил он.

Минуту я стоял в недоумении и озадаченно смотрел на него, и вдруг вспомнил, кого он пообещал для меня добыть.

– Лесная кошка? Та самая, которую мне так хотелось поймать? – переспросил я, не смея верить своему счастью.

Фон кивнул, на лице его выражалось спокойно удовлетворение хорошо поработавшего человека.

– Дайте-ка, я посмотрю! – задохнувшись от волнения, сказал я. – Откройте скорей мешок!

Человек с мешком опустил свою ношу наземь передо мной, и я, совсем позабыв, что надел в честь Фона чистые брюки, грохнулся на колени в самую грязь и стал поспешно развязывать крепкую веревку. Фон стоял рядом и улыбался до ушей, точно некий благожелательный Санта-Клаус. Мокрая веревка на горловине мешка туго затянулась, я тащил и рвал ее, и тут из мешка раздался жуткий, свирепый вопль; он начался как рокочущий стон, все нарастал и оборвался режущим ухо визгом, да таким злобным, что у меня мороз пошел по коже. Охотник, советники и мальчик с барабаном поспешно отпрянули на несколько шагов.

– Осторожно, маса, – предостерег меня охотник. – Это опасный добыча. Он очень много сильный.

– А ты связал ей ноги? – спросил я. Охотник кивнул.

Я развязал последний узел на веревке, медленно открыл мешок и заглянул внутрь. На меня бешено сверкнул глазами зверь такой красоты, что я ахнул. Шерсть у него была короткой, шелковистой, сочного золотисто-коричневого цвета, словно дикий мед. От злости кошка плотно прижала заостренные уши к голове и вздернула верхнюю губу так, что она вся сморщилась, обнажив молочно-белые зубы и розовые

десны. Но всего поразительней были глаза: большие, чуть раскосые на золотистой морде, они впились в меня с неизбывной холодной яростью, и я подумал – какое счастье, что ноги у нее связаны! Глаза зеленые, точно листья подо льдом, сверкали, как слюда, в лучах закатного солнца. Секунду мы молча глядели друг на друга, потом золотистая кошка еще больше оскалила зубы, разинула пасть и издала громкий, устрашающий вопль. Я поскорей завязал мешок – кто знает, крепко ли у нее связаны ноги? А, судя по глазам, она обойдется со мной не слишком ласково, если сумеет вырваться из мешка.

– Нравится? – спросил Фон.

– Еще бы! Просто слов нет, как нравится, – ответил я.

Мы отнесли драгоценный мешок на веранду, и я поспешно переселил куда-то обитателя самой большой и крепкой клетки, какая у меня была. Потом мы осторожно вытряхнули связанную золотистую кошку из мешка, закатили в клетку и поплотней закрыли и заперли дверцу. Кошка лежала на боку, рычала и шипела, но двинуться с места не могла: ее передние и задние лапы были накрепко связаны между собой крепкой веревкой, должно быть, из волокна рафи. Я привязал к концу палки нож, просунул его между прутьями клетки, и таким образом мне удалось перепилить веревку; как только она упала, кошка мгновенно, одним плавным движением вскочила на ноги, прыгнула на прутья, просунула наружу толстую золотистую лапу и замахнулась, метя мне в лицо. Я едва успел отшатнуться.

– Ага, – усмехнулся Фон. – Он очень злой, этот добыча.

– Может разодрать человека в самый мало время, – подтвердил охотник.

– Он много сильный, – согласился Фон и кивнул. – Он иметь много сила в ноги. Ты хорошо следить за ним, друг мой, а то он тебя ранить.

Я послал на кухню за цыпленком и, когда мне его принесли, только что зарезанного и еще теплого, помахал им возле прутьев клетки. Снова стремительно высунулась

золотистая лапа, белые когти впились в добычу и дернули цыпленка за шею и одним сильным рывком втащила его в клетку: между прутьями полетели перья – золотистая кошка начала пожирать мертвую птицу. Я почтительно прикрыл клетку мешком, и мы оставили пленницу пировать в свое удовольствие.

– Как ты ее поймал? – спросил я охотника.

Тот ухмыльнулся и смущенно переступил с ноги на ногу.

– Ты что, не слышать? – спросил Фон. – У тебя что, язык нет? Говори же!

– Маса, – начал охотник и почесал живот. – Фон мне сказать, маса очень хотеть такой добыча, и я три дня ходить на охота его искать. Я ходить, ходить и очень много уставать, а добыча я никак не видеть. А вчера, когда вечер, этот лесной кошка приходить тихо-тихо на мой двор и зарезать три курица. А утром я увидать его след в грязь и я пойти опять на охота. Очень много далеко я за ним идти, маса, и вот на один большой холм я его увидать.

Фон пошевелился в своем кресле и уставился на охотника испытующим взглядом.

– Ты говорить правда? – строго спросил он.

– Да, маса, – ответил охотник. Я говорить все правда.

– Хорошо, – сказа Фон.

– Ну, я увидать этот лесной кошка, – продолжал охотник, – он пойти на тот большой холм. Он идти на такой место, где сильно много камень. Он идти в дыра в земле. Я этот дыра хорошо посмотреть, только человек туда не пролезть, дыра очень много узкий. Тогда я идти обратно мой дом, взять хороший собаки и сеть и идти назад на тот место. Я положить сеть перед дыра и зажигать маленький огонь, и нагнать дым в дыра.

Он на мгновенье умолк, прищелкнул пальцами и даже подпрыгнул на одной ноге.

– Ух! Этот добыча, он очень много свирепый! Как почуять дым, так скорей стал рычать и рычать! А собака, они

испугаться и все убежать! А я испугаться лесной кошки меня поймать и я тоже убежать. Мало время я слышать добыча все рычать и рычать и я тихо-тихо идти назад его смотреть. Ух. маса! Этот добыча, он забежать прямо в сеть и сеть его крепко держать! Как я это увидеть, я уже не бояться, я подойти и связать ему ноги веревка, и вот я принес его для маса.

Охотник окончил свой рассказ и тревожно вглядывался мне в лицо, вертя в руках коротенькое копье.

– Друг мой, – сказал я ему. – Я считаю, ты отличный охотник, и я хорошо заплачу тебе за эту добычу.

– Да, так, так, – согласился Фон и величественно повел рукой. – Этот человек, он хорошо для тебя охотиться.

Я дал охотнику изрядную сумму денег, подарил вдобавок несколько пачек сигарет, и он ушел от меня сияющий; еще долго, пока он спускался по лестнице и шел по дороге, я слышал. как он опять и опять восклицает: "Спасибо, маса, спасибо!" Потом я повернулся к Фону: тот сидел, откинувшись в кресле, и не сводил с меня глаз, явно очень довольный собой.

– Друг мой, большое тебе спасибо за то, что ты для меня сделал, – сказал я ему.

Фон протестующе замахал руками.

– Нет, нет, друг мой, это только малый пустяки. Было бы нехорошо, если ты уехать из Бафут и не получить вся добыча, какой ты хотеть. Я очень много сожалеть, что ты уезжать. Но когда ты смотреть на весь этот отличный добыча, ты вспоминать Бафут, верно?

– Да, верно, – сказал я. – А теперь, друг мой, давай выпьем?

– Отлично, отлично, – сказал Фон.

Словно желая вознаградить нас за мрачный день, закат блеснул красотой – такого, кажется, я еще не видывал. Солнце зашло за сетку бледных, продолговатых облаков, и они из белых стали сначала жемчужно-розовыми, потом налились малиновым светом, и их обвело золотой каймой.

Само небо омыла нежнейшая голубизна и зелень, там и сям оно чуть золотилось, и, пока мир темнел, все ярче разгорались трепетные звезды. Вскоре взошла и луна; вначале кроваво-красная, она понемногу желтела и наконец, поднявшись выше, стала серебряной и весь мир обратила в морозное серебро с угольно-черными тенями.

Мы с Фоном допоздна сидели в туманном лунном свете и выпивали. Наконец он обернулся ко мне и указал на свою виллу.

– Я думаю, может, ты любить танцевать, – сказал он. – И я сказать им сделать музыка. Ты хотел, чтобы мы танцевать, пока ты еще не уехать, верно?

– Да, я люблю танцевать, – ответил я.

Фон, шатаясь, поднялся на ноги и, перегнувшись через перила веранды так, что казалось – вот-вот вывалится, прокричал приказ кому-то, кто ждал внизу. Через несколько минут по большому двору двинулись многочисленные огни, на дороге внизу собрался оркестр из жен Фона и начал играть. Очень скоро к женщинам присоединились и другие музыканты, в том числе почти все советники. Фон немного послушал музыку, улыбаясь и размахивая в такт руками, потом встал и протянул мне руку.

– Пойдем, – сказал он. – Мы будем танцевать, да?

– Отлично, отлично, – передразнил я его, и он так и покатился со смеху.

Мы прошли по залитой лунным светом веранде к лестнице; тут Фон обхватил меня длинной ручищей за плечи, отчасти от дружеских чувств, отчасти для того, чтобы не упасть, и мы двинулись вниз по ступенькам. На полпути мой спутник остановился и немножко поплясал под музыку. Нога его запуталась в просторных одеяниях, и если бы он так крепко не обнимал меня, то непременно бы скатился по ступенькам прямо на дорогу. Но он держался крепко, и потому мы только сильно шатались и качались с минуту, но все же нам удалось устоять на ногах и не потерять равновесие окончательно. Столпившиеся внизу жены, советники и

отпрыски громко ахнули от ужаса и совсем оцепенели, увидя своего господина и повелителя в таком опасном положении, даже оркестр перестал играть.

– Музыка, музыка! – ревел Фон, пока мы с ним раскачивались на ступеньках. – Почему вы больше не играть?

Оркестр заиграл, мы вновь обрели равновесие и уже не оступаясь, без происшествий спустились по оставшимся ступеням. Настроение у Фона было отличное, и ему вздумалось взять меня за руку и прошествовать со мной в танце через весь двор; мы с ним шлепали по лужам, а оркестр семенил позади и играл, хоть у музыкантов явно не хватало дыхания. Когда мы добрались до дома танцев, Фон уселся на свой трон отдохнуть, а придворные пустились перед ним в пляс. Потом, когда в танце наступило небольшое затишье, я попросил Фона подозвать оркестр поближе: мне хотелось как следует рассмотреть их инструменты. Музыканты подошли и остановились перед возвышением, на котором мы сидели; я испытал все инструменты по очереди, и мне показывали, как на каждом надо играть. Ко всеобщему удивлению (я и сам очень удивился), мне удалось правильно сыграть на бамбуковой флейте первые такты песенки "Кэмпбеллы идут". Фон пришел в такой восторг, что заставил меня повторить этот подвиг еще несколько раз и собственноручно аккомпанировал мне на большом барабане, а один из советников вторил ему на каком-то странном инструменте, который звучал наподобие корабельной сирены. Получалось не слишком мелодично, зато мы очень старались и играли с большим чувством. Потом пришлось повторить все сначала, потому что Фон пожелал послушать, как это будет звучать со всем оркестром. Прозвучало в общем неплохо, потому что большинство фальшивых звуков, которые я извлекал из моей флейты, совершенно заглушали барабаны.

Когда все музыкальные возможности этой песни были исчерпаны, Фон послал за новой бутылкой, мы уселись поудобнее и стали глядеть на танцы. Однако бездеятельность вскоре надоела Фону. Не прошло и часа, как он начал ерзать

на своем троне и грозно хмуриться на оркестр. Он наполнил наши стаканы, откинулся на спинку трона и мрачно уставился на танцоров.

– Этот танец, он не хороший, – заявил он наконец.

– Отличный, – возразил я. Чем он тебе не нравится?

– Очень сильно медленный, – пояснил Фон, наклонился ко мне и обезоруживающе улыбнулся. – Хочешь мы танцевать твой особенный танец?

– Особенный танец? – переспросил я; затуманенная винными парами мысль моя работала медленно. – Какой это танец?

– Раз, два, три, брык! Раз, два, три, брык! – пропел Фон.

– А, вот ты о чем говоришь. Да, давай станцуем его, если хочешь.

– Я очень много хочешь, – твердо сказал Фон.

Он вывел меня на середину и крепко ухватился за мою талию, а все остальные, весело болтая и ухмыляясь от удовольствия, выстроились за нами. Мне хотелось внести в танец хоть немного разнообразия, я взял у кого-то флейту, громко и фальшиво дул в нее, а сам тем временем повел танцоров в какой-то дикой пляске по всей площадке и дальше, среди хижин Фоновых жен. Ночь была очень теплая, и через полчаса такого веселья я совсем задохнулся, с меня ручьями лил пот. Наконец мы остановились отдохнуть и по обыкновению глотнуть подкрепляющего. Однако моя конга явно очень полюбилась Фону. Он сидел на своем троне, глаза у него блестели, ноги отбивали такт, и, отдавшись воспоминаниям, он тихонько мурлыкал мелодию танца и с плохо скрытым нетерпением ждал, пока я отдышусь и можно будет повторить все сначала. Я решил, что надо как-то отвлечь его от этой затеи: в такую душную ночь конга требует слишком больших усилий, а сверх того во время последнего круга я пребольно ударился о дверной косяк и содрал кожу с голени. Поэтому я мысленно поискал, какому бы другому танцу мне его научить. чтобы и сил требовалось поменьше, и оркестр мог быстро усвоить мелодию. Наконец я

выбрал подходящий танец, еще раз попросил дать мне флейту и несколько минут на ней поупражнялся. Потом обернулся к Фону – тот все это время с большим интересом наблюдал за мной.

– Если ты велишь оркестру выучить эту особенную музыку, я научу тебя еще одному европейскому танцу, – сказал я.

– Отлично, отлично, – ответил Фон; глаза его заблестели, он повернулся и громко призвал оркестр к молчанию, потом заставил их ходить вокруг нашего возвышения, пока я играл на флейте нужный мотив. Музыканты на удивление быстро подхватили мелодию и даже украсили ее собственными вариациями. Фон в восторге отбивал ногой такт.

– Да, отличный этот музыка, – сказал он. – Теперь ты показать мне новый танец, да?

Я поглядел по сторонам и выбрал молоденькую девушку, которая, я уже давно это заметил, казалась на редкость смышленой; я прижал ее к себе, насколько позволяли приличия (одежды на ней практически не было никакой) и пустился по площадке в развеселой польке. Моя партнерша после мгновенного замешательства превосходно подладилась под мой шаг, и мы в лучшем стиле прыгали и скакали по всему "танцевальному залу". Желая показать, как ему нравится новый танец, Фон захлопал в ладоши, и тотчас же все присутствующие присоединились к нему; сперва послышались самые обыкновенные разрозненные хлопки, но ведь это были африканцы! Они быстро вошли в ритм танца и теперь рукоплескания раздавались точно в такт. Мы с девушкой обошли большую площадку пять раз, и тут нам волей-неволей пришлось остановиться – надо было перевести дух. Когда я подошел к помосту, Фон протянул мне полный до краев стакан виски, а когда я сел, похлопал меня по спине.

– Отличный танец, – сказал он.

Я кивнул и залпом осушил стакан. Не успел я его отставить, как Фон схватил меня за руку и потащил обратно

на площадку.

– Пойдем, – горячо попросил он. – Научи меня этот ганец.

Обхватив друг друга, мы проплясали польку вокруг площадки, но получилось не так уж хорошо, потому что широкие одежды моего партнера то и дело обвивались вокруг моих ног, и мы внезапно останавливались, как стреноженные. Всякий раз нам приходилось терпеливо стоять и ждать, пока толпа советников нас распутает, а потом мы снова пускались в пляс – раз, два, три, прыг! – и останавливались в противоположном углу, накрепко связанные, точно два столба, обвитые для праздника одной и той же лентой.

В какой-то миг я глянул на часы и с ужасом убедился, что уже три часа ночи. Как ни жаль, а пришлось мне распрощаться с Фоном и отправиться спать. Фон и его подданные проводили меня до большого двора, и там я их оставил. Взобрался на лестницу, оглянулся. При свете мерцающих фонариков все они танцевали польку. В самой середине прыгал и скакал Фон, совсем один, он увидел меня, взмахнул длинной рукой и закричал: "Доброй ночи, друг мой, доброй ночи!" Я помахал в ответ и с наслаждением забрался в постель.

На следующее утро в половине девятого прибыл грузовик, и мы погрузили на него весь мой зверинец. Попрощаться и проводить меня пришло неисчислимое множество бафутян; они начали прибывать ни свет ни заря, а теперь выстроились вдоль дороги и, оживленно переговариваясь, ждали, когда я двинусь в путь. Наконец погрузили последний ящик, и тут барабаны, флейты и трещотки возвестили о том, что прощаться со мной прибыл Фон. Одет он был так же, как в день моего приезда, когда я увидел его впервые, – на нем было белоснежное без всяких украшений одеяние и красная, как вино, шапочка. И сопровождала его наряднейшая свита: советники в ослепительно ярких одеждах. Фон подошел, обнял меня, и, не выпуская моей руки, обратился к бафутянам с краткой речью.

Когда он замолк, вся толпа дружно закричала "А-а-а-а!" и дружно, в лад захлопала в ладоши. Фон повернулся ко мне и возвысил голос.

– Мой народ очень много жалеть, что ты покидать Бафут. Все этот люди, они будет помнить тебя и ты тоже не забывать Бафут, да?

– Я никогда не забуду Бафут, – ответил я от всего сердца, стараясь перекричать громкие рукоплескания.

– Хорошо, – с удовлетворением сказал Фон; потом крепко стиснул мою руку в своей ладони и тряхнул ее. – Друг мой, я тебя всегда будет видеть перед мой глаза. Я никогда не забыть, какой счастливый время мы провести вместе. Бог дай, ты благополучно доехать до твой страна. Ехать хорошо, друг мой, ехать хорошо.

Грузовик тронулся, и рукоплескания участились, они звучали все дробней и дробней – вскоре уже казалось, это капли дождя торопливо стучат по железной крыше. Мы медленно катили по тряской дороге, вот, наконец, и поворот, тут я оглянулся и увидел, что вдоль всей дороги вытянулись две сплошные стены обнаженных темных тел, в воздухе мелькают хлопающие черные руки, сверкают белозубые улыбки, а в конце этой живой аллеи стоит высокий человек в ослепительно белом одеянии. Вот он поднял длинную руку, в последний раз помахал на прощанье, грузовик завернул за угол и покатил по красной проселочной дороге, которая вилась через золотые, сверкающие под солнцем холмы.

Глава X
Зоопарк под брезентом

Собиратель зверей чаще всего узнает нрав и повадки своих подопечных лишь к концу путешествия, и это всегда очень огорчительно. Поначалу, примерно месяца четыре, животные кажутся собирателю всего лишь «образчиками» своего вида – ведь у него нет времени наблюдать за ними так внимательно, чтобы они наконец обрели в его глазах какую-то свою индивидуальность. Прежде всего надо позаботиться о том, чтобы как следует разместить пойманных животных, накормить их и содержать в чистоте, а больше уже ничего не успеваешь, потому что все остальное время всячески стараешься пополнить свой зверинец. Однако же к концу путешествия зверинец обычно так разрастается, что собирателю больше некогда самому ходить на охоту – слишком много хлопот с теми животными, которых уже поймал. Тут наступает время, когда остается лишь надеяться на местных охотников – может, поймают для тебя еще каких-нибудь новых зверей, – зато теперь ты при зверинце неотлучно и получаешь возможность получше узнать своих пленников. Именно в таком положении я и оказался, когда вернулся из Бафута. У нас в главном лагере собрались не только равнинные животные: пока я охотился в горах, Смит неустанно собирал всяческих животных, населяющих местные леса. Под обширной брезентовой крышей нашей палатки собралось достаточно самого разнообразного зверья, чтобы создать небольшой зоопарк.

Итак, вернувшись в наш пышущий зноем и насыщенный влагой главный лагерь на берегах реки Кросс, я впервые начал ближе знакомиться с некоторыми из моих равнинных пленников. Взять хотя бы даманов. Пока я не довез их до главного лагеря, мне казалось – они довольно скучные создания и знамениты только своими родичами. На первый взгляд дамана можно принять за обычного грызуна, и это было бы вполне простительно, а если вы увидите, как они

жуют листья или гложут сочную кору какого-нибудь дерева, вы, пожалуй, подумаете, что они сродни кроликам. И сильно ошибетесь, потому что ближайший родственник дамана, как ни странно, вовсе не кролик, а слон! Действительно, по строению костей и другим анатомическим особенностям даман ближе всего к слону и носорогу. Услыхав подобные сообщения, люди невольно задумываются: в своем ли уме эти зоологи? Ведь даман примерно так же похож на слона, как слон – на колибри. Однако же родство становится яснее, если повнимательней присмотреться к более сложным особенностям анатомии и строению зубов этого животного. Вот, честно говоря, и все, что я до сих пор знал о дамане.

Когда мы добрались до главного лагеря, старую самку дамана – ту самую, что искусала одного из Гончих Бафута, – и двоих ее толстых детенышей перевели из маленькой клетки, в которой они сюда ехали, в другую, много просторнее; тут они могли свободно бродить и имели даже собственную спальню, куда можно было удалиться, если у них не было настроения общаться с людьми. И вот, наблюдая за их поведением в этой клетке, я заметил несколько особенностей, которых прежде не замечал. Начать с того, что у даманов есть, оказывается, так называемые туалетные навыки; иными словами, они всегда опорожняли свой кишечник в одном и том же углу клетки. До тех пор я и не подозревал, каким облегчением для собирателя животных, который трудится в поте лица, может быть привычка его зверей к опрятности. Как только я понял, что означает аккуратная кучка помета, которую я обнаруживал каждое утро в одном и том же углу, я постарался облегчить себе чистку клетки даманов. Я просто-напросто поставил им в качестве уборной круглую мелкую жестянку. Но, к моей большой досаде, на следующее же утро я увидел, что даманы с презрением отвергли мой дар: они столкнули жестянку в сторону и преспокойно сделали все, что им требовалось, на пол клетки, как обычно. В тот же вечер я опять поставил туда жестянку, но на сей раз положил на дно немного того, что нашел утром на полу. Наутро я с

восторгом убедился, что жестянка полна, а пол в клетке безукоризненно чистый. Теперь уж уборка клетки даманов отнимала у меня от силы минут пять: надо было всего лишь опорожнить жестянку, вымыть ее и поставить на место. Да, чистить клетку с даманами стало истинным удовольствием. Совершенно иными повадками отличаются мешетчатые крысы: эти грызуны величиной с небольшого котенка жили в нашем зверинце по соседству с семейством даманов. Крысы эти принадлежат к довольно неприятной группе животных, которые не хотят – или не могут? – опорожнять свой кишечник иначе, как в воду, и предпочитают при этом воду проточную. На воле им, вероятно, служат для этой цели ручьи: вода уносит помет и он удобряет какое-нибудь растение ниже по течению. Однако в клетке я не мог предоставить моим мешетчатым крысам ручей, и пришлось им удовольствоваться кое-чем похуже – горшком с водой. Не так-то приятно ставить в клетку чистенький, симпатичный горшок, наполненный прозрачной, как слеза, водой, и через пять минут увидеть, что он полон жидкого помета. Все это было очень хлопотно – ведь в жару животным необходим постоянный запас свежей питьевой воды, а тут крысы загрязняют ее, не успев напиться. Я очень старался отучить их от злополучной привычки, но все понапрасну; в конце концов пришлось поставить им в качестве уборной большой горшок и давать побольше сочных фруктов в надежде, что фрукты утолят их жажду.

Но вернемся к даманам. В Бафуте я вообразил, что это скучные, недружелюбные животные и всю свою жизнь только тем и занимаются, что сидят и жуют листья, тупо глядя в одну точку стеклянными глазами. В главном же лагере я понял, что сильно ошибался: когда даман приходит в хорошо расположение духа, он способен резвиться, как ягненок. По вечерам, когда клетку заливал солнечный свет, старая самка располагалась на полу клетки, важная, внушительная – ни дать, ни взять лев с Трафальгар-сквер в Лондоне, – и неторопливо жевала пучок нежнейшего шпината или листьев

кассавы, а малыши резвились рядом. Игры у них были дикие и шумные: они гонялись друг за дружкой по всей клетке, а порой, к моему немалому удивлению, взбегали по гладкой деревянной задней стенке до самой крыши, и только оттуда, с самого верха, падали на пол.

Когда им надоедали эти цирковые трюки, они обращали свою дородную мамашу в подобие крепости. Один взбирался ей на спину, а другой кидался на него и пытался его оттуда сбросить. Порой оба сразу оказывались у матери на спине и яростно боролись друг с другом, а мать преспокойно лежала, не шевелясь, задумчиво глядела в пространство и не переставала жевать. Я с удовольствием наблюдал эти игры, одно лишь было досадно: милые детки подчас так увлекались, что резвились до глубокой ночи, особенно если ночь выдавалась лунная. А когда два малыша-дамана носятся по клетке из угла в угол и поднимают такой шум, будто в деннике дерутся молодые жеребцы, уснуть совершенно невозможно. Я садился в постели и самым устрашающим голосом кричал им: "Тише вы!" И, представьте, даманята на полчаса затихали; хорошо, если за это время успеешь заснуть – ведь через полчаса все начиналось сначала: снова стучали по доскам копытца, звенела проволока и раздавался весьма мелодичный звон – это от удара копытцем опрокидывались миски с едой. Да, уж что-что, а скучными даманов никак не назовешь.

И еще один зверек показал себя во всей своей красе, когда мы приехали в главный лагерь: черноухая белка, та самая что подняла такую кутерьму на лестнице перед виллой в Бафуте. В то время я и не подозревал, что кутерьма на лестнице – лишь малая толика того, на что способно это неугомонное существо, если оно в соответствующем расположении духа. Можно было подумать, что любимое развлечение в жизни этой зверюшки – удирать, увлекая за собой вслед толпу преследователей. Бельчонок, как я уже говорил, был совсем еще маленький; попав в мой зверинец, он очень скоро стал на диво ручным. Я брал его в руки, сажал к

себе на плечо, и он ничуть нс протестовал: сидел столбиком и исследовал мое ухо в надежде, что я догадался спрятать там для него орех или еще что-нибудь вкусненькое. Если вокруг было не больше четырех человек, он вел себя в высшей степени достойно, но вид толпы тотчас наполнял его каким-то дьявольским желанием бежать и увлечь за собой погоню. Вначале я думал, что людская толпа беспокоит и пугает его и он действительно старается удрать. Но скоро убедился, что дело совсем не в этом: если за ним гнались, но не могли догнать, бельчонок останавливался, усаживался на задние лапки и дожидался, когда преследователи подойдут поближе. Очень забавно, что мы сперва назвали маленького негодника «Любимчик» (за его послушание и хороший характер) и только потом открылось нам всего его коварство. Первые гонки Любимчик учинил через три дня после того, как мы приехали в главный лагерь.

Весь наш запас воды для лагеря хранился в двух огромных бензиновых баках, которых стояли возле кухни. Каждый день заключенные из местной тюрьмы наполняли их свежей водой. Арестанты оказались веселыми парнями в чистейших белых рубахах и шортах; каждое утро они взбирались вверх по холму к нашему лагерю, неся на своих бритых головах бидоны из-под керосина, доверху полные воды. За ними всегда шагал тюремщик в нарядной светло-коричневой форме, начищенные медные пуговицы так и сверкали на солнце, а он шел, на ходу энергично размахивал короткой дубинкой и с первого взгляда было ясно: с ним шутки плохи! Арестанты (тут были собраны преступники всяческих рангов, от мелких воришек до убийц) с удовольствием выполняли свою скучную обязанность и, если с ними поздороваешься, просто сияли от радости. Раз в неделю я раздавал им сигареты, и тюремщик (который в это время выпивал со мной кружку пива) разрешал им походить по лагерю и поглядеть на зверей. Это развлечение, конечно, было приятным разнообразием в их невеселой жизни, и они толпились возле клеток с обезьянами и до слез хохотали над

их шалостями или заглядывали в ящик со змеями и содрогались от сладкого ужаса.

В то утро, о котором я хочу вам рассказать, я шел кормить Любимчика, и тут появились арестанты. Они вереницей проходили мимо меня, на блестящих от пота лицах играла дружелюбная улыбка, и каждый добродушно говорил: "Здравствуй, маса; мы уже прийти… мы принести вода для маса… Привет, маса…" и прочее в том же роде. Тюремщик с четкостью бывалого служаки мне откозырял и тут же совсем по-мальчишески ухмыльнулся. Пока они выливали воду из керосиновых бидонов в баки, я вынул бельчонка из клетки, посадил его к себе на ладонь и дал кусочек сахару. Он схватил сахар, поглядел вокруг и увидел возле кухни группу арестантов: они сплетничали с моими помощниками и отпускали непристойные шуточки. Бельчонок убедился, что людей хватает, можно устроить гонку в свое удовольствие… и он покрепче зажал в зубах сахар, легко соскочил с моей ладони и большими прыжками помчался по лагерю, а хвост развевался у него за спиной, как пламя на ветру. Я кинулся вдогонку, но не успел пробежать и десятка шагов, как Любимчик уже скрылся в густых кустах, окаймлявших наш лагерь. Все кончено, решил я: больше мне его не видать, и так отчаянно закричал, что все побросали свои дела и со всех ног бросились ко мне.

– Белка убежала! – заорал я арестантам. – Плачу пять шиллингов всякому, кто ее поймает!

И тут произошло такое, чего я никак не ожидал: арестанты побросали свои керосиновые бидоны и ринулись в кусты, а за ними по пятам, отшвырнув дубинку и фуражку, чтобы ничто не мешало ему бежать, помчался их страж. Мои помощники присоединились к погоне, и вся орава с треском лезла напролом сквозь кусты и низкий подлесок в поисках коварного Любимчика. Все пространство вокруг лагеря прочесали самым тщательным образом, но нигде не приметили никаких следов бельчонка…

И вдруг его нашли: он сидел в ветвях невысокого куста,

с интересом поглядывал, как люди суетятся и шарят вокруг, и преспокойно приканчивал свой сахар. Увидев, что его заметили, он спрыгнул на землю, пробежал через весь лагерь и дальше, на тропинку, что взбиралась на холм, а следом мчалась задыхающаяся толпа: тюремщик, арестанты и мои помощники. Скоро все они скрылись из виду и на лагерь снизошли мир и покой, но ненадолго: через несколько минут Любимчик вновь появился на гребне холма, прискакал в лагерь, пролетел через палатку, забрался в свою клетку и с невинным видом принялся грызть сахарный тростник. Полчаса спустя в лагерь ввалились арестанты, их страж и мои служащие, все в поту, еле волоча ноги от усталости, и доложили мне, что добыча от них все-таки удрала и теперь, конечно, скрывается уже в самой чаще леса. Когда я показал им бельчонка (он уже доел свой сахарный тростник и теперь мирно спал) и рассказал, как он вернулся, все пораскрывали рты и с минуту не могли опомниться от изумления. А потом, как истые сыны Африки, они в полной мере оценили комизм происшедшего: они буквально катались от смеха по всему лагерю, заливались громким хохотом, хлопали себя по бедрам, хохотали так, что даже слезы струились по щекам. Тюремщик до того развеселился, что упал на шею одному из арестантов и громко всхлипывал от смеха.

После этого тюремщик и арестанты каждый день приносили какую-нибудь дань зверьку, который заставил их так быстро бежать и "так ловко их одурачить": иногда это был кусочек сахарного тростника или пригоршня земляных орехов, иногда кассава или кусок хлеба. Что бы это ни было, Любимчик садился у самых прутьев клетки и принимал дары, взвизгивая от удовольствия, арестанты же собирались вокруг клетки и рассказывали друг другу или какому-нибудь новичку, который про это еще не слыхал, историю о том, как они гнались за бельчонком. Тут подымался громкий смех и Любимчика превозносили на все лады: вот хитрец, вот ловкач, как он здорово всех провел! И это был только первый из многих случаев, когда Любимчик поднимал страшный

переполох в нашем лагере, Из множества разнообразных животных, которых нам приносили, пока мы оставались в нашем главном лагере, примерно одну пятую составляли детеныши, и, хотя почти все они были очаровательные создания, нам из-за них прибавлялось немало хлопот – ведь в животном мире младенцы требуют такого же ухода и заботы, как и любой человеческий детеныш. Мы очень привязались ко всей это мелюзге, но особенно хороши были и в то же время больше всех досаждали нам трое малышей, которых мы назвали «бандитами» Это были детеныши кузиманзы, одной из виверр, довольно распространенной в лесах. Взрослая особь величиной примерно с крупную морскую свинку; шерсть у нее густая, жесткая, шоколадного цвета, хвост пушистый, мордочка длинная. острая, с подвижным розовым носом и круглыми выпуклыми глазами, точно пуговицы от башмаков. Когда «бандиты» к нам прибыли, они были величиной с небольшую крысу и глаза у них только-только открылись. Шерстка была яркой, рыжеватой и торчала у них на теле какими-то клочками и пучками, так что зверьки напоминали дикобразов. Самой примечательной частью тела у них были носы – длинные, ярко-розовые и до того гибкие, что зверьки поводили ими из стороны в сторону, точно крохотным хоботом. Вначале пришлось их кормить смесью молока с кальцием и рыбьим жиром, и работа эта была не из легких: ни один звереныш любого другого вида не выпивал так много молока, и напоить их было тем трудней, что они были чересчур малы, чтобы, как все остальные, сосать молоко из бутылочки. Поэтому приходилось наматывать на палочку ватный тампон, окунать его в молоко и давать им сосать.

Сначала все шло как нельзя лучше, но едва у них стали прорезываться острые зубки, как начались новые заботы. От жадности они вцеплялись в вату бульдожьей хваткой и уже не выпускали, так что я не мог снова окунуть тампон в молоко. Нередко они так впивались в вату зубами, что тампон сползал с палочки и они тут же пытались его проглотить; приходилось засовывать палец им в горло и ловить тампон, когда он уже

исчезал в глубине их глотки – только так мне удавалось спасти их и не дать им задохнуться. Но едва я засовывал палец им в горло, зверьков немедленно начинало тошнить, а как только их вырвет, они, понятно, снова голодны – и изволь начинать все сначала. Всякому, кто гордится своим долготерпением, я бы посоветовал испытать себя: попробуйте-ка выкормить из бутылочки детенышей кузиманзы.

Когда у «бандитов» окончательно прорезались зубы и они научились хорошо ходить, их одолела ненасытная любознательность – вечно они пытались сунуть свой розовый нос в чужие дела. Жили они в так называемой «детской» – это было скопление корзинок, где мы собрали всех детенышей. Корзинки стояли между нашими двумя кроватями, так что и ночью кормить всех младенцев было очень удобно. Крышка корзинки, в которой обитали наши «бандиты», закрывалась не слишком плотно, и они очень скоро наловчились ее сталкивать; тогда они выбирались из корзинки и отправлялись осматривать лагерь. Нас это очень тревожило, потому что «бандиты» совершенно не знали страха и с одинаковой беспечностью могли сунуть нос куда угодно: в клетку обезьяны и в ящик со змеями. У них была в жизни одна-единственная забота – поиски пищи, и они кусали все, что встречалось на пути: вдруг попадется что-нибудь вкусненькое!

В то время у нас была обезьяна гвереца, взрослая самка с удивительно длинной, густой и шелковистой черно-белой шерстью и длинным, пушистым, как перо, тоже черно-белым хвостом, которым обезьяна, по-видимому, очень гордилась: она всегда старалась содержать его в чистоте и вылизывала до блеска. Однажды «бандиты» убежали из «детской» и забрели к обезьяньим клеткам – не найдется ли там чем полакомиться. Гвереца с удобством расселась, привалившись к стенке, – она принимала солнечную ванну, а ее прекрасный длинный хвост высунулся меж прутьев и свисал до земли. Один из «бандитов» приметил нечто странное, пестрое и, видно,

вообразил, что оно никому не принадлежит, а существует само по себе, и потому кинулся на хвост и запустил в него острые зубы, чтобы проверить – не съедобна ли находка. Остальные двое увидели, что он что-то нашел, и мигом тоже вцепились в хвост. Несчастная обезьяна громко закричала от ярости и страха и метнулась вверх по прутьям клетки под самый потолок, но стряхнуть «бандитов» ей не удалось; они держались цепко – не оторвешь, и чем выше влезала обезьяна, тем выше поднимались с ней «бандиты». Когда я прибежал на крик обезьяны, зверьки висели в футе от пола, медленно раскачивались и рычали сквозь стиснутые зубы. Я несколько минут всячески убеждал их выпустить обезьяний хвост, но это мне удалось только после того, как я пустил дым от сигареты прямо им в нос и они закашлялись.

Когда «бандиты» подросли настолько, что получили собственную клетку со спальней, кормить их стало не только трудной, но и опасной работой. Едва наступало время еды, они начинали отчаянно волноваться и запускали зубы во все, что могло хоть отдаленно показаться съедобным, так что тут приходилось смотреть в оба, а не то они все руки искусают. Каждый здравомыслящий зверь ждет, когда миску с едой поставят ему в клетку; эти же прыгали в отворенную дверцу навстречу миске, выбивали ее у меня из рук и всей кучей валились на пол, отчаянно визжа от ярости и разочарования.

Под конец мне надоело смотреть, как эти рыжие ракеты вылетают из клетки всякий раз, едва я соберусь их кормить, и я придумал новый план. Во время кормежки мы подходили к клетке вдвоем и «бандиты» мгновенно кидались на прутья с громким визгом, глаза у них просто вылезали из орбит от волнения. Тогда один из нас делал вид, что открывает дверцу «спальни», и «бандиты», уверенные, что пищу кладут туда, кидались в «спальню», причем все отчаянно дрались и каждый старался прорваться туда первым. Пока они наперебой протискивались в «спальню», у нас было на все про все ровно две секунды (они мигом обнаруживали обман) – и за это время надо было успеть открыть дверцу клетки,

поставить туда еду, вытащить руку и запереть дверцу. Если я проделывал это недостаточно быстро или каким-либо неосторожным движением что-нибудь задевал и случайным звуком привлекал их внимание, «бандиты» вываливались из «спальни», с визгом и писком переворачивали миску и начинали кусать без раэбора все подряд – и еду, и мою руку. Все это порядком действовало на нервы.

Примерно в то же время нам принесли еще пару детенышей – прелестных и очень своеобразных. Это были поросята кистеухой свиньи, и, так же как кузиманзы, они совсем не походили на своих родителей. Взрослая кистеухая свинья, пожалуй, самый привлекательный и, несомненно, самый красочный по расцветке представитель семейства свиней. Щетина у нее яркая, ржаво-оранжевая, а вокруг пятачка темные, почти шоколадные крапинки. Большие уши оканчиваются необыкновенными, острыми, точно карандаши, пучками белейших волосков, а на спине торчком стоит такая же белая грива. Два малыша, как и все поросята, были полосатые; основной цвет темно – коричневый, почти черный, а от пятачка к хвосту тянутся широкие полосы ярко-желтой, как горчица, щетины; такая расцветка делала их похожими скорее на толстых ос, чем на поросят.

Поросенок-самец прибыл первым, он сиротливо сидел в корзинке, которую принес на голове темнокожий охотник. Поросенок явно нуждался в хорошей порции теплого молока, и я, как только расплатился за него с охотником, поскорей приготовил бутылочку и посадил малыша к себе на колени. Поросенок был величиной с китайского мопса и, как я очень скоро убедился, обладал преострыми копытцами и клыками. Он никогда еще не видел бутылочки с молоком и сразу же отнесся к ней весьма подозрительно. Когда я поднял его к себе на колени и попробовал засунуть соску ему в рот, он стал лягаться и визжать, разорвал мне копытцами брюки и старался вонзить в меня крохотные клыки. Не прошло и пяти минут, как у нас обоих был такой вид, точно мы приняли молочную ванну, но ни одной капли молока так и не попало

поросенку в рот. Под конец мне пришлось зажать его между колен, одной рукой раскрыть ему рот, а другой сунуть туда соску. Едва первые капли потекли ему в горло, поросенок перестал вырываться и визжать, а через минуту уже изо всех сил тянул из бутылочки молоко. После этого с ним больше не было никаких хлопот; дня через два он совсем перестал меня бояться и, как только я подходил к его клетке, подбегал к прутьям, повизгивал и похрюкивал от радости, потом перекатывался на спину и подставлял мне толстое брюшко, чтобы я его почесал.

Второго поросенка – самочку – принесли в лагерь через неделю после первого, и по дороге она так громко выражала свое негодование, что мы услыхали ее задолго до того, как увидели охотника. Она была почти вдвое крупнее самца, и я решил на первых порах поместить их в разные клетки, чтобы она не забила малыша. Но когда я посадил ее в соседнюю с ним клетку, оба они так обрадовались друг другу, так кидались к разделявшим их прутьям, так визжали и терлись пятачками, что я передумал: их вполне можно было сразу посадить вместе. Когда они оказались в одной клетке, маленький самец подбежал к самке, громко втягивая носом воздух, и осторожно толкнул ее в бок; она фыркнула и отскочила в другой конец клетки. Он погнался за ней, и они вместе долго носились по клетке – кружили, петляли, круто поворачивали, изгибаясь и вертясь с проворством, поистине удивительным для таких дородных животных. Наконец поросята набегались досыта, излив таким образом переполнявший их восторг, глубоко зарылись в приготовленную для них груду сухих банановых листьев и заснули. Спали они с таким храпом, точно гудел пчелиный рой в летнюю ночь.

Свинка была много старше и скоро научилась заедать молоко мелко нарубленными овощами и фруктами. Я давал им по бутылочке молока, а потом ставил в клетку неглубокую миску, наполненную этой смесью, и свинка проводила целое утро, зарывшись в еду носом, удовлетворенно чавкала,

похрюкивала, посапывала, а порой мечтательно вздыхала. Малыш не понимал, чем она так занята, но его очень оскорбляло, что им пренебрегают: он подходил и толкал ее пятачком или покусывал за ноги. Под конец это ей надоело, она набрасывалась на него с яростным хрюканьем и отгоняла подальше. Поросенок не раз пытался выяснить, что же именно так привлекает ее в этой миске, но рубленые фрукты его ничуть не волновали, и он мрачно отходил и сидел в углу, одинокий и несчастный, пока она не расправлялась со всей едой. Но однажды он решил, что и ему неплохо бы поесть чего-нибудь еще, и просто-напросто начал сосать длинный хвост подружки. Он, видно, вообразил, что, если сосать достаточно долго и не жалеть усилий, можно в конце концов и из этой соски извлечь молоко. С тех пор мне не раз приходилось любоваться такой картиной: свинка зарылась носом в миску с едой, а сзади поросенок с надеждой сосет ее хвост. Ее это ничуть не беспокоило, но он сосал так старательно, что хвост у свинки вскоре облысел, и мне пришлось развести их по разным клеткам, чтобы на хвосте вновь отросла щетина; я пускал их друг к другу только дважды в день – пусть хоть немного поиграют и повеселятся.

Скучать в лагере не приходилось: ведь надо было присматривать за полусотней животных. Со всех сторон нас окружала живность всевозможных видов и размеров – от древесных лягушек до сов и от питонов до обезьян. Во всякое время дня и ночи в воздухе гудел неумолчный разноголосый хор, в нем сливались негромкое бормотанье и самые странные звуки, от безумных вскриков и хихиканья шимпанзе до нескончаемого скрипа мешетчатой крысы, которая была убеждена, что наперекор всему на свете она под конец сумеет прогрызть жестяную миску, в которой ей дают еду. В любое время дня можно было найти себе какую-то работу или подметить и записать какое-то новое наблюдение. Ниже я привожу выдержки из моего дневника за неделю; из них ясно, какое изобилие мелких, но волнующих или просто занятных случаев, которые стоит отметить, мы там наблюдали.

"Глаза молоденькой самочки белки Стейнджера изменили свой цвет: были очень красивые небесно-голубые, а стали серыми, как сталь; если потревожить белку ночью, она издает звуки, напоминающие стук заводного игрушечного поезда, когда его снимают с рельсов… Одна из древесных гадюк произвела на свет одиннадцать змеенышей: они длиной около пяти дюймов, на голубовато-сером фоне пересекаются темные, пепельно-серые полоски – по расцветке дети разительно не похожи на ярко-зеленую с белим мамашу; когда им было всего часа два от роду, они все злобно напали на подставленную палку… Большие зеленые древесные лягушки перед самым дождем медленно тикают, как часы, но стоит подойти к клетке, как они умолкают и больше уже не тикают до следующего дождя… Я обнаружил, что галаго любят цветы типа ноготков, которые растут в здешних местах; они держат цветок в одной руке, а другой обрывают лепестки и засовывают их в рот, а потом играют остатками цветка, как в волан; огромные глаза вытаращены и вид ужасно смешной…

Заметки о кормлении. Золотистая кошка обожает рубленые мозги и печенку, смешанные с сырым яйцом: подумать только, какие у иных зверей невероятные вкусы! А панголины ни за что не станут есть смесь молока с яйцом, если ее подсластить, они тогда просто перевернут миску – очень неприятно! Крыланы предпочитают неочищенные бананы: они съедают банан целиком, а кожура, видимо, предохраняет их от поноса. От перезрелых фруктов у обезьян начинается отчаянное расстройство желудка, особенно у шимпанзе – просто ужас! А крыланы съедят, и с большим удовольствием, фрукты, уже совсем загнившие (лишь бы с кожурой), и никакого вреда им от этого не будет. У болотных мангуст обилие козлятины неизвестно почему вызывает геморрой; теплым рыбьим жиром и очень легким нажатием нетрудно сразу поправить дело, но животное теряет много сил, и тут помогает капля виски на столовую ложку воды!"

Вот из таких мелочей и состояла жизнь в главном

лагере, но нас эти мелочи бесконечно занимали, и дни были так наполнены, так красочны и богаты всевозможными происшествиями, что пролетали незаметно. Поэтому, когда один приятный, но не очень-то умный молодой человек, которому мы показали наш зверинец, сказал мне: "Неужели вы ни разу не стукнули хоть одну обезьяну по башке? По-моему, вот так, с утра до ночи не отходить от этого зверья – с тоски подохнешь", – я ответил ему весьма нелюбезно.

Глава XI
Лес летающих мышей

Когда я вернулся с гор в наш лагерь на реке Кросс, в моем зверинце оставался только один существенный пробел. Этот пробел для меня был особенно огорчителен, потому что не хватало крохотного зверька, которого мне хотелось поймать в Камеруне больше, чем любого другого. Английское название этого зверька – карликовая соня-летяга, а зоологи по своей привычке к легкомыслию и фамильярности называют его Idiurus kivuensis. Еще в Англии я без конца просиживал над рисунками и музейными чучелами этого зверька, а с тех пор как приехал в Африку, я только о нем и говорил и даже все мои помощники давно поняли, что соня-летяга – это добыча, которую я ценю превыше всего.

Я знал, что соня-летяга-сугубо ночное животное; кроме того, она величиной с маленькую мышку и потому вряд ли кто из охотников ее когда-либо видел, И я оказался прав: ни один из них не узнал рисунка. Об этом зверьке написано очень немного, мне только удалось выяснить, что они живут колониями в дуплах деревьев, причем выбирают самые глухие, труднодоступные части леса. Я рассказал все это охотникам в смутной надежде, что это их подстегнет и они поищут для меня желанную добычу. Но ничего не вышло: африканцы ни за что не станут охотиться за животным, которого они никогда не видели, по той простой причине, что они не уверены – есть ли на свете такой зверь, а значит, охотиться за ним – пустая трата времени. С такой же трудностью я столкнулся, когда искал волосатую лягушку, и потому теперь ясно понимал, что все мои рассказы о "маленькой-маленькой крысе, которая летает с дерева на дерево, как птица" с самого начала обречены на неудачу. Одно ясно: если я хочу приобрести соню-летягу, придется идти на охоту самому, и притом побыстрее – ведь времени остается в обрез. Я решил сделать своей штаб-квартирой для охоты на этого зверька деревню Эшоби; она лежала в

двенадцати часах ходьбы от нашего главного лагеря, в глубине леса, и я хорошо знал ее обитателей, потому что бывал там во время моего предыдущего приезда в Камерун. Конечно, охотиться на зверька величиной с мышь, в самом сердце леса, который тянется на сотни миль, ничуть не проще, чем искать пресловутую иголку в стоге сена, но ведь как раз такие каверзные задачи и делают профессию зверолова необыкновенно увлекательной. Надежда на успех была очень невелика – пожалуй, один шанс из тысячи, – но я бодро углубился в лес.

Дорогу в Эшоби может оценить по достоинству разве только какой-нибудь претендент на звание святого, который жаждет истязать свою плоть. Больше всего она напоминает высохшее русло реки, хотя по такому пути ни одна уважающая себя река не потечет. Самыми сумасшедшими зигзагами пробирается эта дорога между деревьями, кое-где низвергается по крутому склону в долину, пересекает небольшую речушку и снова взбирается вверх на противоположном берегу. На тех склонах, где дорога идет вниз, всегда свободно катятся камни – огромные и поменьше, и потому спускаешься вниз гораздо быстрей, чем хотелось бы. Когда же она начинает опять подниматься вверх на противоположной стороне долины, выясняется, что камни здесь значительно крупней и лежат почти как ступеньки. Однако это коварный обман, кажется, будто сама природа положила каждый камень так хитро, что ступить с него на следующий совершенно невозможно. Все они покрыты сплошным ковром густого зеленого мха, поросли дикими бегониями и папоротником, так что перед тем, как перепрыгнешь с камня на камень, никак нельзя предвидеть, что же окажется у тебя под ногами: ровная плоскость или что-нибудь совсем неподходящее, на чем никак не устоять.

Такая дорога тянулась мили три, а потом мы пыхтя выкарабкались со дна глубокой долины – и оказалось, что лес тут ровный и наша тропка совсем гладкая, ничуть не хуже автомобильного шоссе. Она вилась и изгибалась между

исполинскими деревьями, и по пути там и сям в листве над нами сквозил просвет, куда проникали солнечные лучи. На этих солнечных прогалинах сидели полчища бабочек, отогреваясь, после прохладной ночной росы. Когда мы подходили, они взвивались в воздух и летали вокруг нас – то ныряли чуть не до земли, то взмывали вверх, махали крыльями, кружили, словно опьянев от солнца. Были тут бабочки совсем крохотные, белые и хрупкие, как снежинки, а были и огромные, неуклюжие, у которых крылья сверкали, точно начищенная медь, и еще всякие, разукрашенные черным, зеленым, красным и желтым. Едва мы проходили дальше, как они вновь устраивались на солнышке и превесело там сидели, время от времени раскрывая и складывая крылья. Этот балет бабочек всегда можно увидеть на дороге в Эшоби; кроме того, бабочки – единственные живые существа, которых там можно увидеть, потому что лесные чащи вовсе не обязательно скрывают в своих глубинах опасных хищников, хотя некоторые книги очень стараются нас в этом убедить.

Мы шли по тропке примерно часа три, изредка останавливаясь, чтобы вспотевшие носильщики могли опустить Свою ношу на землю и немного отдохнуть. Наконец тропка свернула в сторону, за поворотом лес кончился, и мы очутились на главной и единственной улице деревни Эшоби. Залаяли собаки, с криком бросились врассыпную от нас куры, маленький ребенок поднялся из дорожной пыли, где он играл, и с воплем кинулся в ближайшую хижину. И вдруг, точно из-под земли на дороге возникла шумная толпа: нас окружили мужчины и мальчишки, женщины всех возрастов – все они улыбались, хлопали в ладоши и старались протиснуться вперед, чтобы пожать мне руку.

– Рады тебе, маса, рады тебе!

– Так ты приехать, маса!

– Здравствуй, маса, привет тебе!

– А-а-а! А-а-а! Маса, ты опять приехать в Эшоби!

И эта дружелюбная болтливая толпа проводила меня по

всей улице, точно я был членом королевской семьи. Кто-то кинулся за стулом, и меня торжественно усадили, а все жители деревни стояли вокруг, сияли улыбками и весело кричали: "Рады тебе", по временам от избытка чувств хлопая в ладоши или в знак восторга щелкая пальцами.

Когда появились мои носильщики и повар, я все еще приветствовал старых друзей и расспрашивал об их детях и родственниках. Потом начался долгий спор насчет того. куда меня поместить, и наконец все решили, что столь почетному гостю подойдет в их деревне только одно место – недавно выстроенный танцевальный зал. Это была очень просторная круглая хижина, пол в ней был гладкий, как паркет, – его отшлифовали сотни ног, которые по нему скользили и топали. Поспешно унесли из хижины барабаны, флейты и трещотки, подмели пол, и вот я уже устроен.

Я основательно подкрепился, и тут ко мне снова сошлись все обитатели деревни: им не терпелось узнать, зачем я приехал на этот раз. Я пространно объяснил, что на сей раз останусь у них ненадолго и что мне надо поймать только одного зверька: тут я стал подробно описывать соню-летягу. Я показал им изображенного зверька, они передавали его из рук в руки, но каждый качал головой и с сожалением признавался, что никогда такого не видал. Сердце у меня упало. Однако же я выбрал троих охотников, которые помогали мне в прошлый раз, и велел им сейчас же идти в лес, отыскать там как можно больше деревьев с дуплами и все их пометить. На другой день всем троим надо вернуться в деревню, они расскажут мне о своих успехах и отведут к тем дуплам, какие им удастся найти. Потом я спросил, умеет ли кто из присутствующих лазать по деревьям. Поднялось с десяток рук. Но это оказались очень странные любители лазать по деревьям, и я с сомнением их оглядел.

– Вы можете влезть на дерево? – спросил я.

– Да, сэр, можете, – хором ответили они, ни на секунду не задумавшись.

– А на это высокое дерево влезете? – спросил я и указал

на огромное дерево, что высилось на краю деревни.

Мгновенно ряды добровольцев стали уменьшаться, и наконец остался только один, который все еще не опускал руку.

– Ты можешь влезть вон на то большое дерево? – повторил я, думая, что он меня не расслышал.

– Да, сэр, – ответил тот.

– Верно?

– Да, сэр, я можешь влезть. И еще больше тоже можешь влезть.

– Хорошо. Тогда ты завтра пойдешь со мной на охоту. Слышишь?

– Да, сэр, – ухмыльнулся доброволец.

– А как тебя зовут?

– Питер, сэр.

– Отлично. Приходи завтра рано-рано утром.

Охотники и другие жители деревни разошлись, я распаковал свое снаряжение и приготовился к завтрашнему походу. В тот же вечер вся деревня вновь сошлась к моей хижине, и все молча, стараясь не мешать, глядели, как я принимал ванну. Это было им вовсе не трудно, ибо в стенах танцевального зала с избытком хватало и окон и просто щелей. За мной наблюдали человек пятьдесят, а я намылился и с удовольствием распевал песенку, вовсе не подозревая, что на меня кто-то смотрит. Впрочем, когда я это понял, меня это ничуть не обеспокоило – я не страдаю излишней стыдливостью; лишь бы только зрители (половину их составляли женщины) молчали и не отпускали непристойных шуточек, а так – пусть глядят! Однако в эту минуту появился Джейкоб и был до глубины души потрясен возмутительным любопытством эшобийцев. Он схватил палку, яростно набросился на них, и зеваки с криком и визгом кинулись удирать во все лопатки. Отогнав их подальше, Джейкоб вернулся; он никак не мог отдышаться и все еще кипел благородным негодованием. Вскоре я обнаружил, что он не заметил еще двоих, их любопытные черные физиономии

торчали в одном из окон. Я позвал Джейкоба.

– Смотри, Джейкоб, – сказал я, махнув намыленной рукой на окно. – Они вернулись!

Джейкоб вгляделся в лица за окном.

– Нет, сэр, – возразил он совершенно серьезно. – Это мой друг.

Я понял его так: деревенские жители не смеют осквернять меня своими взглядами, но личных друзей Джейкоба это не касается. И только позднее я узнал, что Джейкоб еще и делец – разогнав толпу зрителей, он тут же объявил, что тем, кто заплатит ему пенни за удовольствие смотреть, как я моюсь, он разрешит вернуться. Особенно бойко шла его торговля среди младших обитателей деревни: многие из них никогда еще не видели европейца и сразу стали заключать между собой всевозможные пари насчет того, все ли тело у меня белое.

Назавтра ни свет ни заря ко мне явились мои охотники и тот, кто вызвался влезть на любое дерево. Оказалось, что охотники нашли и отметили около тридцати деревьев с дуплами в разных уголках леса. Деревья эти, однако, находились так далеко одно от другого, что обойти их за один день явно было невозможно, и я решил пойти сначала к самым дальним, а на обратном пути постепенно осмотреть и остальные.

Тропа, по которой мы тронулись в путь, была обычной лесной тропой, дюймов восемнадцати в ширину; она вилась и изгибалась меж деревьев, точно издыхающая змея. Вначале она вела вверх по необычайно крутому склону холма, среди громадных камней; каждый камень увенчан был островком папоротников и мха, и в зелени крохотными розовыми звездочками сияли цветы какого-то растеньица вроде первоцвета. Там и сям с деревьев кольцами спускались огромные лианы и ложились поперек нашей тропы странными узорами, извиваясь и петляя, словно исполинские питоны. На вершине этого крутого подъема земля под ногами стала ровной и плоской, и тропа спокойно повела нас меж

стволами огромных деревьев. В лесу было прохладно и сумрачно: свет проникал сюда сквозь густое кружево листвы, и казалось он пронизывает воду, идешь точно по дну реки. А лес этот вовсе не путаная, непроходимая чаща кустарника, о которой часто приходится читать: тут исполинские стволы деревьев, точно колонны, отстоят довольно далеко друг от друга, а между ними растет лишь редкий подлесок: тоненькие молодые деревца и низкорослые растения словно прячутся в полумраке. Мы шли все дальше и дальше по чуть заметной тропе, прошли мили четыре, и тут один из охотников остановился и со звоном всадил свой длинный нож в ствол громадного дерева.

– Вот этот дерево, он иметь дыра внутри, сэр, – объявил он.

У самого подножия дерева мы увидели щель шириной около двух футов, она шла вверх фута на три; я нагнулся и сунул голову внутрь, потом вывернулся так, чтобы взглянуть вверх по стволу. Но если там и было еще одно отверстие, его закрывал от моих глаз какой-то изгиб ствола, потому что свет сверху не проникал. Я изо всех сил втянул в себя воздух, но никаких запахов не уловил, пахло только гнилым деревом. На самом дне дупла мы нашли всего лишь немного помета летучих мышей и сухие оболочки различных насекомых. Дерево как будто не обещало ничего интересного, но я подумал, может, все-таки стоит его окурить и поглядеть, что там есть внутри.

Окуривать большое дерево, когда делаешь это редко – занятие весьма волнующее. Пока я искал соню-летягу, волнение несколько притупилось, но это просто потому, что нам приходилось окуривать по многу деревьев в день и большинство их не дало ничего интересного. Окуривать дерево – своего рода искусство и требует большого опыта, прежде чем научишься делать это как следует. Сначала надо найти дерево и убедиться, что ствол у него и вправду полый до самой верхушки: потом надо внимательно его осмотреть, проверить, нет ли выше по стволу отверстий, через которые

добыча может ускользнуть, и если есть, послать охотника закрыть их сетями. После этого прикрываешь сетью главное отверстие у самого подножия дерева, но тут надо проследить, чтобы сеть не мешала окуриванию и в то же время задержала бы любого беглеца. Очень важно убедиться, что сеть расставлена достаточно надежно: уж очень досадно видеть, как она вдруг падает и тебя же запутывает в складках в ту самую минуту, когда из дупла начинает вылезать или вылетать "добыча".

Когда все сети уже на местах, остается еще одна трудная задача: огонь. В противовес известной поговорке нужно добиться только дыма и никакого огня, не то все животные попросту изжарятся. Вначале у отверстия складывают маленькую кучку сухих веток, потом обливают ее керосином и поджигают. Едва огонь разгорится как следует, на костер надо положить пригоршню зеленых листьев и непрерывно их подкладывать. Зеленые листья, сгорая, не дают никакого огня, зато вволю густого вонючего дыма, который тотчас всасывается в полый ствол дерева. Теперь надо позаботиться о том, чтобы дыма оказалось не слишком много, не то все живое внутри дерева может задохнуться, не успев выскочить наружу. Вся соль в том, чтобы не зажарить и не удушить «добычу», а суметь найти золотую середину. Когда костер уже горит и огонь заглушен зелеными листьями, минуты через три (смотря по величине дерева) дым проникает в каждую щелочку и закоулок дупла и вся живность начинает выбираться наружу.

Мы окурили наше первое дерево – оттуда вылетели крупные мотыльки и ничего больше. Мы собрали сети, погасили костер и двинулись дальше. Следующее дерево, которое пометили охотники, росло в полумиле от первого: мы добрались до него и повторили все сначала. На этот раз мы кое-чего достигли: летяг в дупле не оказалось, но кое-какая живность все-таки нашлась: первым наружу выскочил маленький геккон, красиво разрисованный шоколадными и пепельно-серыми полосами. Этих маленьких ящериц

полным-полно в глубине леса, и двух-трех всегда можно застать в дупле любого дерева, которое окуриваешь. По пятам за ящерицей вылезли еще три зверька, которые в ту минуту, как они поспешно выползли из клубов дыма, напоминали большие коричневые сосиски с каемкой шевелящихся ножек по бокам: это были гигантские многоножки – большие, глупые и совершенно безвредные существа, которых в этих лесах великое множество. Дупло гнилого дерева – их излюбленная квартира, потому что они питаются гнилушками. Ясно, больше тут ничего живого не найти. Мы свернули сети, погасили костер и пошли дальше. Третье дерево оказалось совсем пустым, следующие три – тоже. Из седьмого вылетела стайка летучих мышей, и все они вырвались из отверстия на верхушке ствола как раз в ту минуту, когда Питер начал карабкаться на дерево.

Очень трудоемкий процесс – расставить сети, окурить дерево, снять сети и двинуться к следующему дереву – нам пришлось в тот день повторить пятнадцать раз; поэтому к вечеру все мы валились с ног, болели бесчисленные порезы и царапины, в горле першило оттого, что мы наглотались дыма. Настроение у нас было самое мрачное: такая незадача – мало того, что не поймали ни одной сони-летяги, но и никакой другой, хоть сколько-нибудь стоящей добычи. Когда мы подошли к последнему за этот день дереву – больше мы бы не успели окурить дотемна, – я уже настолько вымотался, что мне, право, было все равно: найдется тут соня-летяга или нет. Я присел на корточки, закурил сигарету и смотрел, как охотники приготовляют все, что надо. Окурили мы это дерево, и из дупла вообще ничего не показалось. Охотники поглядели на меня.

– Снимайте сети, мы идем обратно в Эшоби, – устало сказал я.

Джейкоб деловито начал снимать сеть, обернутую вокруг ствола, но вдруг замер и всмотрелся в дупло – там что-то лежало. Он нагнулся, подобрал животное и подошел ко мне.

– Маса надо такой добыча? – неуверенно спросил он.

Я глянул – и сердце у меня так и подпрыгнуло: за длинный пушистый хвост Джейкоб держал летягу, глаза у зверька были закрыты, бока тяжело вздымались. Джейкоб вложил его – весь он был с мышку величиной – в мои подставленные ладони, и я вгляделся: зверек был без сознания, видно, почти совсем задохся в дыму.

– Скорей, скорей, Джейкоб! – в страхе закричал я… – Принеси маленький ящичек. Нет, нет, не этот, покрепче… Теперь положи туда небольшой листок… небольшой листок, дурень ты этакий, а не целый куст… Ну вот, правильно.

Я почтительно положил летягу в ящик и еще раз оглядел. Зверек лежал обмякший и, видно, все еще был без сознания; дышал тяжело, с трудом, крохотные розовые лапки подергивались. Казалось, он при последнем издыхании; я схватил огромный пучок листьев и стал отчаянно размахивать им над его головой. Добрых четверть часа я таким своеобразным способом делал ему искусственное дыхание, и, к моему восторгу, зверек стал понемногу приходить в себя. Открыл затуманенные глаза, перевернулся на живот и так и остался лежать, жалкий, несчастный. Я еще немного помахал над ним листьями, потом осторожно закрыл крышку ящика.

Пока я пытался вернуть к жизни мою летягу, охотники столпились вокруг меня, все они сочувственно молчали; теперь, когда они увидели, что зверек ожил, все широко и радостно заулыбались. Мы торопливо обшарили все дупло – не валяются ли там еще полузадушенные дымом зверьки, но ничего не нашли. Это меня очень озадачило: ведь предполагается, что сони-летяги живут большим колониями и потому найти одного-единственного-по меньшей мере странно. Я от души надеялся, что учебники не врут: поймать несколько штук из целой колонии намного легче, чем выслеживать и ловить одиночек. Впрочем, сейчас некогда было об этом раздумывать: прежде всего надо доставить мое сокровище в деревню и переселить его из маленького дорожного ящика в более подходящее помещение. Мы

свернули сети и пустились в обратный путь по сумеречному лесу со всей быстротой, на какую были способны. Я держал в руках ящик со зверьком так нежно, точно нес хрупкую драгоценную вазу. и время от времени через проволочную сетку крышки ящика обмахивал зверька пучком листьев.

Когда мы благополучно добрались до моего танцевального зала, я приготовил для своей бесценной находки клетку побольше и переселил ее туда. Это оказалось не так просто – он уже вполне опомнился и бегал очень быстро. Наконец я ухитрился пересадить его в новую клетку да так, что он не только не сбежал, но даже ни разу меня не укусил. Тогда я перенес поближе к клетке самую яркую лампу и решил как следует разглядеть пленника.

Величиной он был с обыкновенную домовую мышь и вообще очень на нее походил строением тела. Прежде всего в глаза бросался его хвост: он был очень длинный (раза в два длинней всего тела) и по обе его стороны тянулась бахромка длинных, волнистых волосков, так что хвост напоминал намокшее перо. Голова у зверька большая, округлая, уши маленькие, остроконечные, как у эльфа. Глаза черные, как смоль, маленькие и довольно выпуклые. Зубы типичного грызуна, пара огромных ярко-оранжевых резцов, выступали изо рта ровным полукругом, так что, если смотреть сбоку, казалось, что вид у него необычайно надменный. Пожалуй, самое любопытное в этом зверьке – «летательная» перепонка, которая тянется по бокам его тела. Это длинная полоса тонкой кожи, приросшая одним концом к лодыжке задней ноги, а другим – к длинному, чуть искривленному хрящевидному стержню, который выдается из передней ноги сразу над локтевым суставом. Когда зверек не летает, перепонка свернута и прижата к боку, совсем как бывает прижат к стене раздвинутый занавес в театре; когда же зверек поднимается в воздух, ноги у него вытянуты, так что перепонка туго натянута и действует наподобие крыльев планера. Позднее я убедился, как искусно соня-летяга маневрирует в воздухе даже с таким примитивным аппаратом

скольжения.

В тот вечер, когда я лег спать и погасил свет, до меня все время доносился шорох – это мой новый жилец бегал по всей клетке, и я мысленно представлял себе, как он там пирует: ведь я положил ему немало разнообразной снеди. Но когда занялся рассвет и я, еще сонный, выбрался из постели взглянуть на него, оказалось, что он ничего не съел. Это меня не слишком встревожило, я знал, что некоторые только что пойманные животные подолгу отказываются от еды, пока не привыкнут немного к неволе. И никогда нельзя предвидеть, сколько будет длиться такой «пост». Это зависит не только от того, к какому виду принадлежит животное, но и от его собственного нрава и склада. Я был уверен, что в течение дня соня-летяга спустится вниз с потолка клетки, где она висела, и наестся досыта.

Когда пришли охотники, мы отправились через выбеленный туманом лес к оставшимся деревьям с дуплами. Ночной отдых и вчерашняя удача подбодрили нас, и нелегкая кропотливая работа шла теперь гораздо оживленней и веселей. Однако к полудню мы окурили и осмотрели уже с десяток деревьев и ничего не нашли. К этому времени мы забрались в самую глубь леса; деревья здесь такие великаны, каких не часто встретишь даже в западноафриканских лесах. Они стояли довольно далеко одно от другого, но все равно их тяжелые ветви переплетались над головой. Стволы почти всех этих исполинов имели по меньшей мере пятнадцать футов в поперечнике. Могучие корни их напоминали контрфорсы собора; они далеко выступали наружу, так что у основания ствола между ними вполне уместилась бы просторная комната, и только на высоте десяти с лишним футов окончательно сливались со стволом. Иные обвивались вокруг ствола – эдакие массивные, мощные вьюны толщиной с мое тело. Мы обходили этих великанов и вскоре очутились подле впадины на ровном, как паркетный пол, пространстве: здесь, в небольшой ложбинке, особняком стоял такой исполин. На краю ложбинки охотники остановились.

– Вон в тот большой дерево есть сильно большой дыра, сэр, – сказали они.

Мы подошли поближе, и я увидел в стволе между двумя высокими корневыми выступами большое отверстие с закругленным, точно арка, верхом; по размерам и по форме отверстие напоминало вход в небольшую церковь, Я остановился подле него и поглядел вверх: надо мной высился ствол, взметнувшийся прямо в небо, гладкий и голый, по крайней мере футов на двести. Ни единый сучок, ни одна ветка не нарушали гладкой поверхности этой древесной колонны. Уж лучше бы внутри ничего не было, подумал я, хоть убейте, невозможно было себе представить, чтобы кто-нибудь мог взобраться на верхушку и закрыть сетями отверстия, если они там есть. Я вошел в дупло, как вошел бы в комнату, там было очень просторно; солнечный свет мягко просачивался внутрь, и постепенно мои глаза привыкли к полумраку. Я запрокинул голову, но глаз хватал недалеко – стенки дупла немного изгибались и мешали увидеть, что там выше. Пощупал стенки внутри, оказалось – гнилые, ствол мягкий и рыхлый. Я попробовал их ногами, убедился, что опора найдется, и по этим не слишком надежным ступеням с трудом начал взбираться наверх. Наконец я вскарабкался до выступа, который загораживал верхнюю часть дупла, изрядно вывернул шею и посмотрел, что же там дальше. Ствол был высоченный, как фабричная труба, и такой же просторный. На самом верху сквозь большое отверстие врывался сноп солнечных лучей. И вдруг я задохнулся от радости и чуть не свалился со своей ненадежной опоры: вся верхняя часть дупла была буквально выстлана, как живым ковром, летягами. Они быстро, бесшумно, как тени, скользили по гнилому дереву, а когда замирали на месте, их невозможно было разглядеть, настолько они сливались с полутьмой. Я соскользнул на землю и вышел из дупла наружу. Охотники вопросительно глядели на меня.

– Есть добыча там, внутри, маса? – спросил один.

– Да, там сколько угодно добычи. Пойдите, взгляните.

Оживленно переговариваясь и толкая друг друга, они наперебой стали протискиваться в дупло. Можно хотя бы отчасти представить его размеры, если в нем легко поместились трое охотников, Питер (тот, который лазил по деревьям) и Джейкоб. До меня донеслись их удивленные возгласы – это они увидели летяг, – затем перебранка: кто-то, наверное Джейкоб, в суматохе наступил кому-то на физиономию. Я медленно обошел дерево кругом: быть может, все-таки найдется куда поставить ногу, за что ухватиться рукой, чтобы Питер мог вскарабкаться наверх? Но ствол был гладкий, как бильярдный шар. Насколько я понимал, на это дерево влезть невозможно, и я так и сказал охотникам, когда они вылезли из дупла, и несколько остудил их радостный пыл. Потом мы уселись на землю, закурили и принялись обсуждать, что делать дальше, а Джейкоб тем временем бродил по всей ложбине и свирепо поглядывал на деревья. Наконец он вернулся к нам и заявил, что, кажется, придумал, как Питеру взобраться на верхушку дерева. Мы пошли за ним на самый край ложбинки, и тут он показал нам высокое, тонкое молодое деревце, его верхушка доходила как раз до одной из могучих ветвей нашего дерева. Джейкоб предложил: пусть Питер влезет на молодое деревце, переберется оттуда на ветку большого дерева, а потом полезет дальше вверх, пока не достигнет верхушки полого ствола. Питер подозрительно оглядел деревце и сказал, что попробует. Поплевал на руки, обхватил деревце и пополз вверх, цепляясь за кору еще и пальцами ног, гибкими, как у обезьяны. Однако, когда он добрался до середины, футах в семидесяти от земли, деревце согнулось под его тяжестью в дугу и ствол начал зловеще потрескивать. Стало ясно, что тонкое деревце не выдержит моего солидного древолаза, и пришлось ему спуститься к нам. Джейкоб, оживленный и ухмыляющийся, с важным видом подошел ко мне.

– Маса, я могу лезть этот дерево, – сказал он. – Я не жирный, не как Питер.

– Жирный! – возмутился Питер. – Это кто жирный, а? Я

не жирный, просто этот дерево слабый, не может держать человека.

– Нет, ты жирный, – презрительно ответил Джейкоб. – Ты всегда набивать полный живот, а теперь маса говорить лезь на дерево, вот дерево тебя не держать.

– Ладно, ладно, – поспешно вмешался я. – Попробуй ты, Джейкоб. Смотри только, не свались! Слышишь?

– Да, сэр, – сказал Джейкоб, бегом пустился к деревцу, ухватился за тонкий ствол и пополз вверх, извиваясь, как гусеница.

Конечно, Джейкоб весил чуть не вдвое меньше Питера, и очень скоро он уже висел на самой верхушке, а деревце нисколько не согнулось, хоть и раскачивалось все время плавными круговыми движениями. Всякий раз, когда верхушка его клонилась к веткам большого дерева. Джейкоб пытался схватиться за ветку, но это ему никак не удавалось. Потом он взглянул вниз.

– Маса, я не могу ухватиться, – крикнул он.

– Ладно, слезай! – закричал я в ответ.

Джейкоб быстро спустился на землю, и я подал ему конец длинной крепкой веревки.

– Привяжи к деревцу эту веревку, понял? А потом мы пригнем деревцо к большому дереву. Ну, понял?

– Да, сэр, – ликующе воскликнул Джейкоб и снова вскарабкался на деревце.

Добрался до верхушки, привязал там веревку и крикнул нам, что все готово. Мы взялись за другой конец веревки и потянули изо всех сил; потом стали медленно отходить назад по прогалине, зарываясь ногами поглубже в мягкий, рыхлый слой листвы, устилавший землю, чтобы найти упор. Деревце постепенно склонялось, и наконец его верхушка коснулась огромной ветви большого дерева. Проворно, как белка, Джейкоб протянул руки, схватился за ветку и перебрался на нее. Мы все еще держали деревце в наклонном положении, а Джейкоб вытащил из набедренной повязки кусок веревки и привязал верхушку деревца к ветви, на которой он

обосновался. Только теперь мы осторожно отпустили нашу веревку. Джейкоб уже стоял на огромной, могучей ветви во весь рост и, держась за окружавшие его ветки помельче, медленно, ощупью, продвигался по ней к стволу. Шел он очень осторожно, потому что ветка, служившая ему мостками, густо поросла орхидеями, вьюнками и древесными папоротниками – в таких-то зарослях чаще всего и водятся древесные змеи. Наконец он дошел до того места, где ветка соединяется со стволом, оседлал ее и спустил нам длинную бечевку; мы привязали к ней связку сетей и несколько ящичков для добычи, которую ему удастся поймать в верхней части дупла. Джейкоб надежно привязал все это к поясу и двинулся вокруг ствола к отверстию: оно виднелось в развилке двух огромных сучьев. Скорчившись на одном из них, Джейкоб затянул отверстие сетью, расположил ящички так, чтобы они были под рукой, глянул вниз на нас с озорной ухмылкой.

– Ну вот, маса, твой охотник, он готов, – закричал он.

– Охотник! – с негодованием пробурчал Питер. – Этот повар, он называть себя «охотник»! Эх!

Мы собрали множество сухих веток и зеленых листьев и разложили костер у огромного, как камин, отверстия внизу ствола. Потом затянули отверстие сетью, зажгли костер и наложили сверху зеленых листьев. Несколько минут огонь лишь угрюмо тлел, потом тоненькая струйка дыма окрепла, и скоро внутрь гнилого дерева хлынул густой серый дым. Он поднимался все выше по дуплу, и тут я заметил еще отверстия, которых мы раньше не видели, – футах в тридцати от земли в различных местах появились струйки дыма, свивались кольцами и таяли в воздухе.

Джейкоб очень ненадежно сидел на ветке – того и гляди свалится! – и заглядывал вниз, в дупло, как вдруг сверху поднялся столб густого дыма и окутал его. Джейкоб задохнулся, закашлялся и стал осторожно передвигаться на ветке, пытаясь найти себе местечко побезопаснее. Я нетерпеливо ждал, и мне казалось, что летяги что-то чересчур

долго выдерживают этот дым.

Я уж начал подумывать – может быть, они все там сразу угорели, обмерли от дыма, не успев даже попытаться убежать, и тут появилась первая летяга. Она выскочила из дупла через нижнее отверстие и хотела взлететь, но тотчас же запуталась в сетях. Один из охотников бросился к ней, чтобы вынуть ее оттуда, но я не успел прийти к нему на помощь, так как в эту минуту вся колония разом решила покинуть дупло. В большом отверстии появились штук двадцать летяг, и все они прыгнули прямо в сети. С верхушки дерева, которую теперь скрывали от наших глаз клубы дыма, доносились восторженные вопли Джейкоба, а раза два он взвыл от боли – должно быть, летяга его укусила. Тут я обнаружил, к немалому своему огорчению, что футах в тридцати от земли мы проглядели еще несколько трещин, и через эти крохотные отверстия тоже выбирались наружу летяги. Они суетливо бегали по стволу и, казалось, не замечали ни яркого солнечного света, ни нас: некоторые спускались по стволу совсем низко, так что до земли оставалось каких-нибудь футов шесть. Зверьки сновали по коре с необыкновенной быстротой, как будто не бежали, а скользили. Потом вверх взвился особенно густой и едкий клуб дыма и совсем их закрыл – и тут они решились взлететь.

Немало удивительного повидал я на своем веку, но полет летяг не забуду до самой смерти. Огромное дерево обвивали густые, подвижные столбы серого дыма, а там, где его пронизывали острые копья солнечных лучей, дым становился прозрачным и призрачным, нежно-голубым. И в эту нежнейшую голубизну кидались летяги. Они оставляли ствол необычайно легко, не готовились к прыжку, не делали какого-либо видимого усилия: вот только что зверек сидел на коре, распластав крылья, миг – и он уже летит по воздуху, крохотные лапки растопырены, перепонка на боках натянута. Они устремлялись вниз и парили в воздухе, пронизывали клубы дыма, уверенно и ловко, точно ласточки, что охотятся на мошек, невероятно искусно разворачивались и кружили,

причем тело их почти совсем не двигалось. Они просто парили в воздухе и при этом поистине творили чудеса. Одна летяга оторвалась от дерева футах в тридцати от земли. Она скользнула по воздуху через ложбину прямым и ровным полетом и села на дерево футах ста пятидесяти от того, откуда взлетела, и, кажется, не потеряла за это время ни дюйма высоты. Другие взлетали с окутанного дымом ствола, скользили вокруг него по все сужавшейся спирали и наконец садились на тот же ствол ближе к земле. Некоторые облетали дерево «змейкой», – опять и опять точно и на редкость плавно описывая в воздухе букву S. Их удивительные "летные качества", потрясли меня: мне казалось, что для такого высшего пилотажа им необходимы воздушные течения, но в лесу было тихо, ни ветерка.

Я заметил: многие улетали в лес, но большинство осталось на своем стволе – они лишь ненадолго снимались и летали вокруг него, когда дым становился слишком густым. Это навело меня на мысль: я погасил костер, и, когда дым постепенно рассеялся, все летяги, которые сидели на дереве, опять торопливо забрались в дупло. Мы переждали несколько минут – пусть успокоятся и рассядутся там. а я тем временем осмотрел тех, кого мы поймали. В нижних сетях оказалось восемь самок и четыре самца; Джейкоб спустил из продымленных высей свои трофеи – еще двух самцов и одну самку. Вдобавок он поймал двух летучих мышей – я таких сроду не видел: спинка золотисто-коричневая, грудь лимонно-желтая, рыльца, как у свиней, и длинные, совсем свиные уши свисают вниз, закрывая нос.

Когда все сони-летяги вернулись в дупло, мы вновь разожгли костер, и вновь они кинулись наружу. Однако на сей раз они поумнели и почти ни одна уже не приближалась к сети, натянутой перед выходом из дупла. Джейкобу на вершине дерева повезло больше, он вскоре спустил к нам мешок, где барахталось десятка два летяг, и я решил, что этого мне хватит. Мы потушили костер, сняли сети, заставили Джейкоба спуститься вниз с его жердочки на самой верхушке

(это оказалось не так-то просто, он непременно хотел переловить всю колонию), и мы отправились в обратный путь; надо было пройти лесом четыре с лишним мили до деревни. Я осторожно нес в руках драгоценный мешок, в котором пищали и барахтались зверьки, но время от времени останавливался, развязывал веревку и обмахивал их листьями, чтобы не задохнулись. Ведь мешок сшит из тонкого полотна и воздуха им, наверно, не хватает.

Уже совсем стемнело, когда, усталые и грязные, мы добрались до деревни. Я поместил моих летяг в самую большую клетку, какая только нашлась, но и она, к моему великому огорчению, оказалась явно мала для такого множества животных. Очень глупо, конечно, но я рассчитывал, что если и удастся поймать сонь-летяг, то всего двух-трех, не больше, и по-настоящему вместительной клетки с собой не захватил. Держать их всю ночь в такой тесноте страшно – к утру многие почти наверняка погибнут; оставался единственный выход: как можно скорее переправить драгоценный улов в главный лагерь. Я написал короткую записку Смиту: сообщал, что охота прошла как нельзя лучше и что я прибуду с добычей около полуночи, и просил приготовить для летяг большую клетку. Сразу же отослал записку, потом принял ванну и поужинал. Я рассчитал, что моя записка опередит меня примерно на час, и у Смита вполне хватит времени выполнить мою просьбу.

Около десяти часов наш маленький караван двинулся в путь. Впереди шел Джейкоб с фонарем. За ним шествовал носильщик, на его курчавой голове покачивался ящик с летягами. Следом шел я, а за мной еще один носильщик, этот нес на голове мои постельные принадлежности. Дорога от Эшоби и при свете дня никуда не годится, а в темноте здесь немудрено сломать себе шею. Единственным источником света у нас был фонарь, который нес Джейкоб, но толку от него было не больше, чем от чахлого светлячка: он излучал ровно столько света, чтобы исказить все очертания, а тьма, окутавшая скалы, от этого неверного света становилась еще

непроглядней, и нам поневоле приходилось двигаться черепашьим шагом. В обычных условиях переход занял бы около двух часов, а в этот вечер нам понадобилось пять. Почти всю дорогу я был на грани истерики – носильщик с ящиком, полным летяг, скакал и прыгал между скал, точно горный козел, и я поминутно ожидал, что он вот-вот оступится и мой драгоценный ящик полетит вниз, в пропасть. Дорога становилась все хуже, а носильщик – все храбрей, и я понял, что его падение – всего лишь вопрос времени.

– Друг мой, – окликнул я. – Если ты уронишь добычу, мы не дойдем до Мамфе вместе. Я похороню тебя здесь.

Носильщик понял мой намек и умерил свою прыть. На полпути через небольшую речушку моя тень испугала носильщика, который шел за мной, он поскользнулся, и моя постель с громким всплеском шлепнулась в воду. И как я ни убеждал его, что в этом больше виноват я сам, носильщик был безутешен. Так мы и шли дальше: носильщик тащил на голове груз, с которого капала вода, и время от времени громко и скорбно произносил: "Ух, сэр! Извини, сэр!"

Лес вокруг нас был полон тихих голосов и шорохов: легкое похрустывание сухих веток под ногами, крик вспугнутой птицы, неумолчный стрекот цикад на стволах деревьев и порой пронзительная трель древесной лягушки. Мы пересекали прозрачные, холодные, как лед, ручьи, они тихонько плескались о большие камни, что-то им таинственно нашептывали. Один раз Джейкоб громко вскрикнул, завертелся, заплясал на одном месте, бестолково размахивая руками, так что тени от фонаря заметались меж стволов деревьев.

– Ты что, что там? – закричали носильщики.

– Муравей, – ответил Джейкоб, все еще приплясывая и вертясь. – слишком много проклятый муравей!

Джейкоб не глядел под ноги и набрел прямо на цепочку странствующих муравьев, пересекавших нам дорогу: черный поток в два дюйма шириной выливался из-под куста по одну сторону тропы и перетекал на другую сторону, подобно

безмолвной речке из смолы. Когда Джейкоб на них наступил, вся эта речка словно вдруг беззвучно вскипела, и не прошло и секунды, как муравьи уже расползлись по земле, растекаясь все дальше и дальше от места нападения, точно чернильная клякса на бурых листьях. Мне с носильщиками волей-неволей пришлось сойти с тропы и обойти это место по лесу, не то разъяренные насекомые накинулись бы и на нас.

Едва мы вышли из-под лесного крова в первую залитую лунным светом долину, как начался дождь. Вначале это был легкий, моросящий дождик, больше похожий на туман; потом без всякого предупреждения хлынул как из ведра, между небом и землей встала сплошная водяная стена; трава разом полегла, а наша тропа обратилась в предательский каток из красной глины. Я перепугался: вдруг моя драгоценная добыча промокнет насквозь и погибнет? Я снял куртку и обернул ею ящик на голове у носильщика. Конечно, не очень-то надежная защита, но все-таки немного помогло. Мы с трудом брели дальше, по щиколотку в грязи, и наконец подошли к речке, которую надо было перейти вброд. Переход этот занял, должно быть, минуты три, но мне он показался бесконечно долгим, потому что русло речки было каменистое, и носильщик с летягами на голове шатался и спотыкался, а течение всячески толкало и тянуло его и, кажется, только дожидалось случая окончательно сбить его с ног. Все же мы благополучно добрались до другого берега, и вскоре между деревьями замелькали огни лагеря. Не успели мы войти под парусиновый навес, как дождь прекратился.

Клетка, которую Смит приготовил для моих летяг, оказалась недостаточно просторной, но мне уж было не до удобства – лишь бы поскорей вынуть их из ящика, ведь с него текло, как с только что всплывшей подводной лодки. Мы осторожно открыли дверцу и, затаив дыхание, глядели, как крохотные зверьки стремглав бегут в свое новое жилище. Я с облегчением убедился, что ни одна летяга не промокла, хотя две-три после нашего путешествия выглядели несколько помятыми.

Мы наслаждались их видом минут пять, потом Смит полюбопытствовал:

– А что они едят?

– Понятия не имею. Та, которую я поймал вчера, вообще ничего не ела, хотя, бог свидетель, я ей предложил богатейший выбор.

– Гм, наверное, они начнут есть, когда немного освоятся.

– Да уж надеюсь, – сказал я бодро: я и в самом деле в это верил.

Мы наполнили клетку самой разнообразной пищей и питьем, какие нашлись в лагере, так что она в конце концов стала похожа на местный базар. Потом завесили ее мешковиной и оставили сонь-летяг питаться в свое удовольствие. После того как моя постель побывала и под дождем, и в реке, она пропиталась водой как губка, и мне пришлось провести весьма неуютную ночь в садовом кресле с прямой спинкой. Я засыпал ненадолго, урывками, а когда рассвело – встал, поплелся к клетке с летягами, откинул мешковину и заглянул внутрь.

На полу, среди совершенно нетронутой пищи и питья, лежала мертвая соня-летяга. Остальные висели под потолком клетки, точно стая летучих мышей, и тревожно щебетали, подозрительно поглядывая на меня. Я вынул мертвого зверька, отнес его к столу, вскрыл и очень тщательно исследовал. К моему безмерному удивлению, желудок летяги был набит полупереваренной красной кожурой ореха масличной пальмы. Этого уж я никак не ожидал: ведь эти орехи – по крайней мере в Камеруне – выращиваются на плантациях, а не растут в лесах сами по себе. Если и все остальные летяги накануне того дня, когда мы их изловили, питались орехами масличной пальмы, им, наверно, пришлось ради этой еды добираться мили четыре до ближайшей фермы, да еще спуститься очень низко – до нескольких футов над землей. Все это порядком меня озадачило, но теперь я хоть знал, что делать, и на следующий же вечер клетка летяг

впридачу ко всякой другой пище была разукрашена, как новогодняя елка, гроздьями красных орехов. Мы со Смитом положили зверькам еду в сумерки и затем долгих три часа вели нескончаемые разговоры о чем угодно, только не о летягах, и старательно притворялись, будто не прислушиваемся к писку и шорохам, что доносились из их клетки. Однако после ужина мы уже не могли больше выдержать, подкрались к клетке и осторожно приподняли краешек мешковины.

Вся колония летяг сидела на полу, и все усердно уплетали орехи. Они сидели на задних лапках, а орехи держали в крохотных розовых передних лапках, совсем как белки; проворно поворачивая орех, зверьки зубами сдирали с него красную оболочку. Когда мы приподняли мешковину, они перестали есть и уставились на нас; два-три самых робких уронили орехи и убежали наверх, под самую крышу клетки, но остальные, видимо, решили, что нас опасаться нечего, и продолжали есть. Мы опустили мешковину и проплясали вокруг палатки воинственный танец, издавая громкие, восторженные вопли. Своим криком мы разбудили обезьян, те немедленно затрещали и шумно запротестовали, поднялся несусветный гам, и из кухни со всех ног примчались мои помощники посмотреть, что тут у нас стряслось. Услыхав добрую весть, что новая добыча наконец взялась за еду, они заулыбались и защелками пальцами – ведь они принимали все наши радости и огорчения очень близко к сердцу. Весь день лагерь был охвачен унынием, потому что новая добыча не желала есть и могла помереть с голоду, но теперь все уладилось, и мои помощники, весело болтая и смеясь, вернулись на кухню.

Но радость наша оказалась недолговечной: когда утром мы подошли к клетке, две летяги лежали мертвые. И с того часа наша маленькая колония уменьшалась изо дня в день. Зверьки ели одни только пальмовые орехи и, очевидно, этого им было недостаточно. Какую только еду мы им не предлагали! Но они от всего отказывались, и это было

престранно – ведь даже для самых разборчивых животных нам в конце концов всегда удавалось найти какой-то подходящий корм и понять, что они любят, надо было лишь предложить им побольше всякого на выбор. А тут стало ясно, что доставить летяг в Англию будет очень и очень нелегко.

Глава XII
Обезьянье царство

Пожалуй, самыми шумными, самыми несносными и самыми очаровательными созданьями в нашем зверинце были обезьяны. Их собралось у нас сорок штук, а жизнь под одной крышей с четырьмя десятками обезьян никак не назовешь спокойной. Взрослые обезьяны еще туда-сюда, но малыши доставляли нам уйму беспокойства и лишней работы: они громко визжали, если оставались одни, требовали бутылочек с теплым молоком в любое время дня и ночи, страдали от всевозможных детских болезней и этим пугали нас до смерти; то который-нибудь удерет из «детской» и лезет чуть ли не прямо в клетку к золотистой кошке, то кто-нибудь упадет в жестянку из-под керосина, полную воды, – одним словом, они доводили нас чуть не до истерики. Нам приходилось придумывать самые хитроумные и коварные способы, чтобы как-то управиться с малышами, и некоторые наши изобретения были поистине необыкновенны. Взять хотя бы случай с детенышами дрила: эти обезьяны в лесах Камеруна встречаются на каждом шагу, и нам постоянно приносили детенышей всех возрастов. Дрил – то самое довольно уродливое животное, которое вы можете увидеть едва ли не в каждом зоопарке мира: у него ярко-красный зад и он без стеснения предоставляет людям любоваться им. Совсем маленькие детеныши дрила – самые трогательные и самые нелепые существа на свете: они покрыты тончайшей серебристо-серой шерсткой, а голова, руки и ноги у них по крайней мере в три раза больше, чем надо бы по сравнению с туловищем. Руки, ноги и лицо ярко-красные, и крохотный зад точно такой же. А вообще кожа на теле белая, кое-где на ней виднеются большие пятна, вроде наших родимых пятен, только у них они ярко-голубого цвета. Как и у всех обезьяньих детенышей, глаза у маленьких дрилов вытаращенные, руки и ноги длинные, тощие и дрожат, как у дряхлых стариков. Теперь вы немного представляете себе

детеныша дрила.

Раннее детство дрил проводит, цепляясь сильными руками и ногами за густую шерсть матери. И вот наши маленькие дрилы перенесли свои нежные чувства на нас, решив, что мы и есть их родители, и громогласно требовали, чтобы мы носили их на себе. Главное для детеныша дрила – получать как можно больше пищи, и почти столь же важно ему крепко держаться за того, кто ему эту пищу предоставляет. Но ведь когда в тебя вцепятся как репьи (да притом болтливые!) штук пять маленьких дрилов, работать совершенно невозможно. И пришлось нам придумывать, как бы иначе их ублаготворить. Мы отыскали две старые куртки и повесили их на спинки стульев, поставленных посреди палатки; потом мы «познакомили» с ними детенышей дрилов. Зверята привыкли видеть нас в этих куртках, к тому же ткань, должно быть, пропиталась нашим запахом, и малыши, видимо, решили, что это – нечто вроде кожи, которую мы сбросили. Они вцепились в пустые рукава, лацканы и полы курток, как будто их там приклеили, висели на них, полусонные, и лишь изредка подходили к нам – надо же когда-нибудь и поговорить, – а мы тем временем управлялись с делами по лагерю.

На многочисленных посетителей, которые приходили к нам в лагерь и осматривали зверинец, самое большое впечатление производили обезьяньи детеныши. Всеми своими повадками детеныш обезьяны очень напоминает человеческого младенца, только он еще несравненно трогательнее. Женщины, приходившие к нам, просто таяли, глядя на маленьких обезьянок, ласково ворковали, и материнская любовь переполняла их до краев. Одна молодая женщина приходила в зверинец несколько раз, и ее так потрясло жалобное выражение на лицах маленьких обезьян, что она довольно неразумно решилась прочитать мне нотацию: мол, жестоко отнимать бедных крошек у матерей и заточать в клетки. Она весьма поэтично распространялась на тему о радостях свободы и о том, сколь беззаботное

счастливое существование предстояло бы этим крошкам на верхушках деревьев, а между тем по моей вине им приходится изведать все ужасы заточения.

В то утро местный охотник принес мне обезьяньего детеныша, и я предложил: раз уж молодая леди оказалась таким знатоком жизни обезьян на верхушках деревьев, не поможет ли она мне в небольшом деле, которого никак не миновать, когда берешь в зверинец новую обезьяну? Молодая особа охотно согласилась – видно, сразу представила себя в роли некоей доброй самаритянки при моих обезьянах. А небольшое дело заключалось, попросту говоря, в том, чтобы избавить обезьянку от внутренних и внешних паразитов. Я объяснил это, и молодая леди удивилась: ей и в голову не приходило, сказала она, что у обезьян бывают паразиты – кроме обыкновенных блох, конечно.

Я принес корзиночку, в которой доставили обезьянку, вынул оттуда немного помета, разложил его на чистом листе бумаги и показал моей новоявленной помощнице, какое там количество остриц. Тут она как-то странно примолкла. Потом я принес обезьянку: это была белоносая мартышка, поистине очаровательное существо – шерсть вся черная, только манишка белая, да на носу сверкает белое пушистое пятнышко в форме сердца. Я осмотрел ее крохотные руки и ноги, длинные пальцы и нашел ни много ни мало – шесть удобно пристроившихся тропических песчаных блох. Эти мельчайшие насекомые внедряются в кожу рук и ног, особенно под ногти, где кожа мягче, и там едят, жиреют и растут до тех пор, пока не станут величиной со спичечную головку. Тогда они откладывают яички и погибают; в должный срок из яичек вылупляются новые блохи и с успехом продолжают дело, начатое родителями. Если не схватиться вовремя и не начать лечить зараженную блохами обезьянку в самом начале, она может потерять сустав пальца, а в особо тяжелых случаях разрушаются все пальцы на ногах или на руках, потому что блохи все глубже проникают под кожу и размножаются до тех пор, пока не съедят свою

обитель – остается только мешочек кожи, наполненный гноем. У меня несколько раз заводились эти блохи на ноге, и я могу засвидетельствовать, что это очень больно, даже мучительно. Все это я постарался как мог подробнее и нагляднее объяснить моей помощнице. Потом взял тюбик обезболивающего средства, заморозил пальцы маленького обезьяныша на руках и на ногах и стал извлекать у него из кожи блох стерильной иглой и дезинфицировать ранки, которые после этого оставались. Обезболивающее оказалось отличным, обезьянка сидела спокойно, а ведь операция эта очень болезненная.

Когда с блохами было покончено, я ощупал хвост обезьянки сверху донизу и обнаружил две припухлости в форме сосисок, каждая длиной с первый сустав моего мизинца и примерно такой же толщины. Я показал их моей помощнице, потом раздвинул в этих местах шерсть, и она увидела круглое, как иллюминатор, отверстие в конце каждой припухлости. Заглянув внутрь, можно было увидеть, что внутри шевелится какая-то белая гадость. Тут я объяснил в самых ученых выражениях, что некая лесная муха откладывает яички в шерсть различных животных и когда вылупляется личинка, она вгрызается в тело своего домохозяина и живет там, причем жиреет, как свинья в хлеву, а воздух в ее жилище поступает через эти «иллюминаторы». Когда же она, наконец, выходит оттуда, чтобы превратиться в муху, у домохозяина в теле остается дыра толщиной в сигарету, и дыра эта обычно становится гноящейся язвой. Я показал моей помощнице (которая к тому времени совсем побледнела), что вытащить эти личинки невозможно.

Я снова взял в руки иглу, раздвинул шерсть и показал молодой особе личинку, лежащую в своем укрытии, точно крохотный аэростат заграждения; однако, едва ее коснулась игла, личинка тотчас сложилась гармошкой, затем сжалась в сморщенный шарик и скользнула подальше, в самую глубину мартышкиного хвоста. Тогда я показал моей помощнице, как все-таки извлечь такую личинку – это мой собственный

способ: сунул в отверстие кончик тюбика с обезболивающим средством, выдавил туда немного жидкости, и личинка замерла. не в силах больше двигаться. Теперь я слегка расширил отверстие скальпелем, воткнул в личинку иглу и вытащил ее из убежища. Не успел я вытащить эту сморщенную, белую мерзость из ее окровавленного укрытия, как моя помощница внезапно и стремительно покинула меня. Я извлек вторую личинку, продезинфицировал зияющие отверстия, которые после них остались, и догнал молодую леди уже на другом конце лагеря. Она объяснила мне, что опаздывает на званый обед, поблагодарила за чрезвычайно интересно проведенное утро, распрощалась – и больше мы ее никогда не видели. На мой взгляд, весьма прискорбно, что люди не дают себе труда узнать получше, каково живется зверю в джунглях, – тогда бы они меньше пустословили о том, как жестоко держать животных в неволе.

Едва ли не самой очаровательной среди наших обезьянок оказался детеныш усатой мартышки, которого добыл Смит, когда ходил на охоту в глубь страны. Таких крохотных мартышек я еще не видывал: если бы не длинный изящный хвост, она вся преспокойно уместилась бы в чайной чашке. Спина у нее зеленовато-серая, манишка белая, на щеках-ярко-желтые пятна. Но самое примечательное – лицо: по всей верхней губе тянется широкая волнистая совсем белая полоска, и кажется, будто у обезьянки солидные седые усы. Рот у детеныша не по росту огромный – в него легко влезла соска бутылочки с молоком.

Презабавно было видеть, как кормится этот крохотный усатый звереныш: когда ему приносили бутылочку, он кидался к ней, пронзительно повизгивая от радости, плотно обхватывал бутылку ногами и руками и так и лежал, закрыв глаза, и изо всех сил тянул молоко. Выглядело это так, будто его вскармливает большой белый дирижабль – ведь сам он был втрое меньше бутылочки. Детеныш оказался очень смышленым, и мы вскоре научили его пить молоко из блюдца. Малыша приносили и сажали на стол; завидев

блюдце, он впадал в настоящую истерику от волнения, трясся, дергался и визжал что есть силы. Как только блюдце ставили перед ним, он кидался в него головой вперед, точно нырял, погружал в молоко всю рожицу и высовывался, только чтобы глотнуть воздуха, когда уже не мог больше не дышать. Иногда жадность его одолевала, и он оставался без воздуха слишком долго – тогда на поверхности молока появлялись пузыри, а уж потом выныривала физиономия; детеныш кашлял, отфыркивался, брызгая молоком на стол и на самого себя. Порой во время кормежки он вдруг решал, что я стою рядом с единственной целью – улучить минуту и отнять у него блюдце: тогда он издавал яростный вопль и срывал мой коварный замысел очень простым способом: подпрыгивал высоко в воздух, с громким всплеском приземлялся в самой середине блюдца и оставался сидеть тут, торжествующе сверкая на меня глазами. Во время еды он ухитрялся так залить молоком всю физиономию, что уже не разобрать было, где начинались и где кончались его усы, а стол выглядел так, будто на нем доили здоровенную корову.

Самыми трудными характерами в нашем собрании обезьян отличались, несомненно, два шимпанзе – Мэри и Чарли. Прежде чем попасть к нам, Чарли был любимцем одного плантатора и оказался уже довольно ручным. Маленькая рожица его, вся в морщинах, казалась бесконечно печальной, карие глаза смотрели кротко; всем своим видом он словно говорил, что мир к нему жесток и несправедлив, но он всем прощает и не жалуется. Однако эта видимость уныния и скорби – чистейший обман: на самом деле Чарли отнюдь не обиженная, непонятая обезьяна, а самый настоящий уличный хулиган – мальчишка, лживый и хитрый.

Мы каждый день выпускали его из клетки погулять, и он бродил по всему лагерю с лучезарно-невинной миной, стараясь усыпить нашу бдительность и уверить нас в чистоте своих намерений. А потом как бы случайно подходил к столу, где разложена пища, быстрый взгляд вокруг – не видит ли кто? – и хвать! В руке у Чарли самая большая связка бананов,

и он уже мчится к ближайшему дереву. Если за ним гнались, он бросал бананы и останавливался. Его ругали, а он сидел в пыли и скорбно глядел на своего обидчика – воплощение оскорбленной невинности! Сразу видно: его понапрасну заподозрили в гнусном преступлении, но он чересчур благороден и не станет оправдываться, раз уж вы до того тупы, что сами не понимаете, сколь нелепа и несправедлива эта напраслина. Попробуйте помахать у него перед носом украденной связкой бананов, и он взглянет на вас слегка удивленно и чуть брезгливо. Дескать, с чего вы взяли, что он украл эти бананы? Неужели вы не знаете, что он терпеть не может бананов? Никогда за всю его жизнь (посвященную благотворительности и самоотречению) у него не появилось ни малейшего желания хотя бы отведать эти мерзкие фрукты, а уж о том, чтобы их украсть, он и помыслить не мог. Когда мы кончали ему выговаривать, Чарли поднимался с земли, глубоко вздыхал, бросал на нас взгляд, в котором сострадание смешивалось с отвращением, и вприпрыжку отправлялся на кухню взглянуть, нельзя ли что-нибудь стащить и там. Чарли был совершенно неисправим, а мордашка у него была столь выразительная, что он мог поддерживать нескончаемые разговоры и для этого вовсе не нуждался в членораздельной речи.

Мэри – подружка Чарли – отличалась совсем другим характером. Она была старше Чарли и много крупнее, ростом с двухлетнего ребенка. Прежде чем мы ее купили, она побывала в руках торговца из племени хауса, и, наверно, там ее дразнили и вообще плохо с ней обращались: должно быть, именно поэтому вначале обезьянка сидела мрачная и злобная, и мы уже начали тревожиться, удастся ли нам в конце концов завоевать ее доверие – ведь она научилась не доверять ни одному человеку, будь то черный или белый. Однако после того, как несколько месяцев ее хорошо кормили и ласково с ней обращались, она, к великой нашей радости, совсем преобразилась: теперь это была очаровательная шимпанзе, неизменно веселая и наделенная редкостным чувством

юмора. Светло-розовая мордочка се казалась глуповатой, а живот был толстый и круглый, как барабан. Она напоминала толстушку-официантку в баре, всегда готовую громко расхохотаться над какой-нибудь непристойной шуточкой. Когда Мэри узнала нас получше и научилась нам доверять, она придумала фокус, который явно считала очень потешным. Она откидывалась на перекладине в клетке, с трудом удерживая равновесие, и обращала ко мне самые неподходящие части тела. Теперь мне полагалось нагнуться поближе и изо всех сил дунуть – тут Мэри визгливо хохотала и скромненько прикрывалась руками. Потом лукаво взглядывала на нас поверх толстенького брюшка, убирала руки и ждала, что я еще раз посмешу ее тем же способом. Мы называли это "обдувать бесстыдницу Мэри", и сколько бы раз в день ни повторялась эта шутка, обезьяне она никогда не приедалась: Мэри запрокидывала голову, широко раскрывала рот, обнажая розовые десны и белые зубы, и прямо-таки заходилась от хохота.

Хоть Мэри и относилась к нам со Смитом и ко всем нашим помощникам очень нежно, она никогда не забывала, что у нее есть зуб против африканцев, и вымещала свою вражду на всех чужих, которые появлялись в лагере. Она зазывно им улыбалась, била себя в грудь или крутила сальто – она была готова на все, лишь бы привлечь их внимание. Разнообразными уловками она заманивала посетителя все ближе к клетке и казалась ему воплощением веселья и доброжелательности, а сама зоркими глазами точно определяла расстояние. Внезапно сквозь прутья высовывалась длинная, сильная рука, слышался громкий треск рвущейся ткани, испуганный вопль застигнутого врасплох гостя – и вот уже Мэри торжествующе пляшет в клетке, размахивая разорванной рубашкой или фуфайкой, которую сорвала со своего восторженного поклонника. Силой она обладала необыкновенной, и мне пришлось истратить кругленькую сумму на возмещение убытков от ее шалостей, поэтому вскоре я переставил ее клетку так, чтобы Мэри не могла

больше развлекаться подобным способом.

Обезьянник шумел непрерывно весь день, но ближе к вечеру, около половины пятого, шум нарастал настолько, что не выдерживали даже самые крепкие нервы: в это время обезьянам давали молоко. Часа в четыре они начинали проявлять нетерпение – принимались прыгать и скакать по клеткам, крутили сальто или прижимались лицом к прутьям и жалобно повизгивали. А как только появлялись чистые миски и огромные керосиновые бидоны с теплым молоком, солодом, рыбьим жиром, сахаром и кальцием, все клетки захлестывало волнение и нарастающий гомон совсем оглушал. Шимпанзе протяжно ухали сквозь губы и стучали по стенкам клетки кулаками; дрилы выкрикивали свое пронзительное "ар-ар-ар-ар-иририп!", точно крохотные пулеметы; белоносые и усатые мартышки тихонько посвистывали и совсем по-птичьи издавали переливчатые трели; красные мартышки плясали, как сумасшедшие балерины, и заунывно кричали "прруп! прруп"". а красавцы гверецы с развевающейся черно-белой гривой строго и повелительно звали: "Арруп! Ар-руп, йи, йи, йи, йи!" Мы двигались вдоль клеток, вталкивали в них миски с молоком, и шум понемногу стихал: под конец слышалось уже только похрюкивание, чмоканье да изредка случайный кашель, если молоко попадало не в то горло. Опустошив миски, обезьяны взбирались на свои жердочки и сидели там, выпятив раздувшиеся животы, и время от времени громко, удовлетворенно рыгали. Через некоторое время все они спускались вниз на пол, осматривали миски и убеждались, что в них нет больше молока; иногда они даже поднимали миски и оглядывали донышко с обратной стороны – нет ли там каких-нибудь остатков. Потом они обычно свертывались калачиком на своих шестах и впадали в блаженное состояние оцепенения в лучах вечернего солнца – и тогда на лагерь нисходили мир и покой. Особенно мне нравится в обезьянах то, что они совершенно чужды условностей и делают все, что им придет в голову, не испытывая ни малейшего смущения. Они обильно мочились

или опорожняли кишечник и, нагнувшись, следили за тем, как это происходит, причем на их физиономиях отражался живейший интерес. И спариваются они, нимало не стесняясь глазеющей публики. Я сам слышал, как смущенные зрители называли обезьян грязными, непристойными животными, потому что они простодушно отправляют свои естественные потребности, не интересуясь – смотрят на них или нет, и, право же, не могу понять, с какой стати люди возмущаются. В конце концов, это мы, с нашим высшим разумом, решили, что совершенно естественные потребности нашего организма – нечто грязное и неприличное, а обезьяны не разделяют нашу точку зрения.

Глава последняя, в которой мы "ехать хорошо"

Последние несколько дней перед тем, как мы со своим зверинцем ступим на борт парохода, который отвезет нас обратно в Англию, всегда оказываются самыми лихорадочными за всю поездку. Предстоит сделать тысячу дел: нанять грузовики, укрепить клетки, купить и упаковать в корзины великое множество пищи для зверей – и ведь все это сверх обычной работы по уходу за ними.

Едва ли не больше всего нас заботили сони-летяги. Наша колония с каждым часом таяла, в ней осталось всего-навсего четыре зверька и мы решили во что бы то ни стало довезти их до Англии. После сверхчеловеческих усилий нам удалось заставить их есть наряду с орехами масличной пальмы плоды авокадо. На этой диете они как будто чувствовали себя совсем недурно. Я решил, что если мы возьмем с собой три десятка авокадо различной зрелости, от вполне спелых до зеленых, их должно хватить на все путешествие и даже еще немного останется на первое время в Англии, пока летяги свыкнутся с новыми условиями. Итак, я позвал Джейкоба и велел ему достать поскорей три десятка авокадо. К моему изумлению, он посмотрел на меня как на сумасшедшего.

– Авокадо, сэр? – переспросил он.

– Да, авокадо, – подтвердил я.

– Я не могу его достать, сэр, – горестно сказал Джейкоб.

– Не можешь достать? Почему же?

– Авокадо, он кончится, – беспомощно пояснил Джейкоб.

– Кончились? Как это кончились? Я же не на кухню тебя посылаю, сходи на базар и купи.

– И на базар он тоже кончился, сэр, – терпеливо объяснил Джейкоб.

И вдруг я понял, что он пытается мне втолковать: сезон авокадо прошел, их больше нигде нельзя достать. Придется

мне пуститься в путь без запаса фруктов для моих драгоценных летяг.

"Как это на них похоже! – подумал я с горечью. – Уж начали наконец что-то есть, так выбрали именно то, чего больше нельзя раздобыть!" Как бы то ни было, без этих плодов мне не обойтись, и за те несколько дней, что еще оставались в нашем распоряжении, я собрал всех своих помощников и велел им прочесать окрестности – может, где-нибудь все-таки отыщутся авокадо. К самому нашему отъезду нам удалось наскрести несколько маленьких, сморщенных плодов, и это было все. Этими почти высохшими остатками фруктов предстояло прокормить моих драгоценных летяг до самой Англии.

От нашего лагеря до побережья было около двухсот миль, и для перевозки зверинца нам понадобились три грузовика и небольшой фургон. Ехали мы ночью, чтобы животным было не так жарко, и на этот переезд у нас ушло два дня. Более тяжкого путешествия мне не припомнить. Каждые три часа приходилось останавливаться, вытаскивать все ящики с лягушками и поливать их холодной водой, чтобы лягушки не высохли. Дважды в ночь надо было делать более длительные остановки и поить детенышей из бутылочек теплой молочной смесью, которая была заранее приготовлена в термосах. А с рассветом надо было поставить грузовики в стороне от дороги, в тень огромных деревьев, выгрузить на траву все клетки до единой, каждую вычистить и накормить каждое животное. Наутро третьего дня мы добрались до маленькой гостиницы на побережье, которую заранее предоставили в наше распоряжение: здесь снова пришлось все распаковать, вычистить клетки и накормить зверей, и уж только после этого мы без сил вползли в дом, немного поели и рухнули в постель. Но в тот же вечер стали толпами стекаться любопытные с местной банановой плантации – им непременно хотелось поглядеть на наших животных, и, сонные, полумертвые от усталости, мы вынуждены были водить экскурсии, отвечать на вопросы и соблюдать хоть

какую-то вежливость.

– Вы едете тем пароходом, что стоит сейчас в порту? – спросил кто-то.

– Да, – сказал я, подавляя зевок. – Завтра отплываем.

– Бог ты мой! В таком случае вас можно только пожалеть, – сказали мне весело.

– Вот как? Почему же?

– Капитан – настоящий варвар, дружище, и терпеть не может животных. Это уж точно. Старик Робинсон, когда в последний раз ехал в отпуск на этом пароходе, хотел взять с собой ручного бабуина. А капитан уперся – и ни в какую. Ни за что не хотел взять обезьяну на борт. Не желаю, мол, набивать свой пароход вонючими мартышками. Говорят, был страшный скандал.

Мы со Смитом обменялись тревожными взглядами: ведь из всех несчастий, какие выпадают на долю зверолова, кажется, ничего нет хуже, чем капитан, который не любит животных. Позднее, когда последние посетители ушли, мы обсудили эту тревожную новость. И решили, что единственный выход – превзойти самих себя и всячески угождать капитану, а особенно позаботиться о том, чтобы обезьяны вели себя примерно и никакими неподобающими поступками его не прогневали.

Наш зверинец погрузили на переднюю палубу под присмотром старшего помощника, премилого человека, который очень старался нам помочь. Капитана мы в тот вечер не видели, а на следующее утро, когда мы поднялись спозаранку и принялись чистить клетки, он шагал взад и вперед по мостику, сутулый и мрачный. Нам сказали, что он спустится к завтраку, и мы с трепетом ожидали первой встречи.

– Не забудьте, – сказал Смит, когда мы чистили клетки обезьян, – его надо все время гладить по шерстке.

Он набрал полную корзину опилок, подбежал к борту и высыпал опилки в в море.

– Главное, постараемся ничем его не раздражать, –

продолжал он, вернувшись ко мне.

И в эту минуту к нам, задохнувшись от спешки, прибежал с мостика матрос в белоснежной робе.

– Извините, сэр, – сказал он, – капитан вам кланяется и просит, когда выбрасываете за борт опилки, сперва посмотрите, в какую сторону дует ветер.

Мы в ужасе взглянули на мостик: в воздухе кружились опилки, и, обсыпанный ими, капитан, сердито хмуря брови, отряхивал свой китель.

– Пожалуйста, передайте капитану наши извинения, – сказал я, с трудом удерживаясь от смеха.

Матрос ушел, и я повернулся к Смиту.

– Гладить его по шерстке! – с горечью воскликнул я. – Ничем его не раздражать! Всего лишь выбросили добрых три центнера опилок на него самого и на его драгоценный мостик! Да уж, что и говорить, на вас можно положиться: вы знаете верный путь к сердцу капитана!

Когда раздался гонг, мы поспешили к себе в каюту, умылись и заняли свои места в кают-компании. К нашему отчаянию, оказалось, что капитан посадил нас за свой стол. Сам он сидел спиной к переборке, в которой было три иллюминатора, а мы со Смитом – напротив него за круглым столом. Иллюминаторы за спиной капитана выходили на палубу, где размещался наш зверинец. К середине завтрака капитан немного оттаял и даже пытался острить насчет опилок.

– Я вообще-то не против вашего зверинца, только смотрите, чтобы никто у вас не удрал из клетки, – сказал он весело, расправляясь с яичницей.

– Ну, этого мы не допустим, – заверил я и едва успел договорить, как в иллюминаторе что-то мелькнуло, я взглянул туда и увидел Любимчика, черноухого бельчонка; он сидел в круглом открытом оконце и снисходительным взором осматривал внутренность кают-компании.

Капитан, конечно, не мог видеть бельчонка – тот сидел на уровне его плеча, в трех шагах от него – и продолжал

спокойно есть и разговаривать, а Любимчик сидел на задних лапках и чистил свои усы. На несколько секунд я остолбенел от ужаса, голова моя отказывалась работать, я только сидел как дурак и глазел в иллюминатор. По счастью, капитан был слишком занят своим завтраком и ничего не замечал. Любимчик кончил умываться и чиститься и снова принялся оглядывать кают-компанию. Видно, под конец он решил, что это место все же стоит исследовать повнимательней, и теперь озирался вокруг, соображая, каким бы путем поудобнее спуститься со своего насеста. И нашел, что проще всего прыгнуть из иллюминатора прямо на плечо капитану. Я отчетливо видел, как этот план созревает в голове маленького разбойника, и мысль, что он сейчас прыгнет, пронизала меня, как током, и побудила действовать. Я поспешно пробормотал: «Простите», оттолкнул свой стул и вышел из кают-компании. Как только я оказался в коридоре и капитан уже не мог меня видеть, я со всех ног бросился к клеткам. К моему немалому облегчению, Любимчик еще не прыгнул – его длинный пушистый хвост все еще свисал из иллюминатора. И в ту секунду, когда он уже пригнулся для прыжка, я кинулся к нему и успел схватить за хвост. Я отнес его в клетку – от негодования он громко верещал – и разгоряченный, но торжествующий вернулся в кают-компанию. Капитан все еще о чем-то говорил, и если он даже заметил мое поспешное бегство, то, наверно, приписал его коликам в желудке, ибо не сказал об этом ни слова.

На третий день нашего плавания две сони-летяги оказались мертвыми. Я с грустью рассматривал их тела, когда появился какой-то матрос. Он спросил, отчего умерли зверьки, и я пространно поведал ему трагическую историю с плодами авокадо, которых нигде нет.

– А что это за фрукты? – спросил матрос.

Я показал ему один из оставшихся сморщенных плодов.

– А, эти? – удивился он. – Они вам нужны?

Я уставился на него, не в силах выговорить ни слова.

– А у вас они есть? – спросил я наконец.

– Ну, у меня-то нет, – сказал он, – но я вам, пожалуй, достану.

В тот же вечер он опять явился, карманы у него оттопыривались.

– Вот, – сказал он и сунул мне в руки несколько прекрасных, зрелых авокадо. – Дайте мне три штуки ваших, только никому ни слова.

Я дал ему три высохших плода, поскорей накормил летяг зрелыми, которые он мне принес, и зверьки вволю ими насладились. Настроение у меня поднялось, и я опять стал надеяться, что все-таки доставлю летяг в Англию.

И всякий раз, когда бы я ни сказал ему, что запас фруктов истощается, мой друг матрос приносил мне сочные, зрелые плоды и брал взамен сухие. Это было очень странно, но я чувствовал, что лучше не стараться вникнуть в это глубже. Все-таки, несмотря на свежие фрукты, еще одна летяга погибла и, когда мы плыли по Бискайскому заливу, у меня оставалась только одна. Теперь все решало время: если мне удастся сохранить этот единственный экземпляр в живых до самой Англии, я смогу предложить зверьку огромнейший выбор пищи и, конечно, найдется что-нибудь ему по душе. Берега Англии приближались, и я внимательно следил за летягой. Казалось, все хорошо: она вполне здорова и отлично настроена. Осторожности ради я ставил ее клетку на ночь к себе в каюту, чтобы зверек случайно не простудился. Накануне того дня, когда мы вошли в гавань, летяга была в наилучшем виде, и я уже верил, что все-таки довезу ее до дому. В ту же ночь, без всякой видимой причины, она вдруг умерла. Итак, последняя летяга проехала четыре тысячи миль и умерла всего за сутки до Ливерпуля. Я был в отчаянии, и ничто нс могло меня утешить.

Даже когда мой зверинец снимали на берег, я не испытывал обычного в таких случаях чувства облегчения и гордости. Волосатые лягушки перенесли путешествие благополучно, сухолистки тоже; Чарли и Мэри весело ухали в своих клетках, когда их спускали за борт. Любимчик грыз

сахар и разглядывал толпу на пристани с явной надеждой поразвлечься, а усатая мартышка высовывала нос сквозь прутья клетки, усы ее сверкали и она напоминала молодого Санта-Клауса. Но даже глядя, как всех их благополучно спускают на берег после столь долгого и опасного путешествия, я не радовался по-настоящему: все они не могли возместить мне потерю маленькой летяги. Мы со Смитом уже собирались сойти с корабля, и тут появился мой друг матрос. Он слышал про смерть летяги и очень огорчился, что наши с ним усилия оказались тщетными.

– Кстати, – сказал я, уже прощаясь, – мне очень любопытно узнать, откуда вы доставали авокадо посреди океана?

Матрос быстро оглянулся – не слышит ли нас кто-нибудь.

– Я вам скажу, приятель, только никому ни полслова, – сказал он хриплым шепотом. – Капитан очень любил авокадо, понятно? И у него в холодильнике стоял большой ящик. Он всегда привозит такой ящик домой, понятно? Вот я и взял малость для вас.

– Значит, это были фрукты капитана? – растерянно спросил я.

– Ну, ясно. Но он ничего не заметит, – весело заверил меня матрос. – Понимаете, я, когда брал их из ящика, каждый раз клал туда столько же ваших.

Таможенники никак не могли понять, почему я трясся от хохота, когда показывал им наши корзины, и все поглядывали на меня с подозрением. Но, к сожалению, шутка была не из тех, какими можно с кем-нибудь поделиться.

Три билета до Эдвенчер

ПРЕДИСЛОВИЕ

В этой книжке рассказывается о путешествии в Британскую Гвиану, которое я предпринял вместе с моим компаньоном Кеннетом Смитом. По заказу нескольких английских зоопарков мы отправились добывать птиц, млекопитающих, пресмыкающихся и рыб, обитающих в этом уголке Южной Америки.

Существует ошибочное мнение, будто поимка животных — самая трудная часть работы зверолова и, как только животные пойманы и рассажены по клеткам, работа в основном закончена. В действительности же только после этого и начинается настоящая работа: ведь поймав животное, надо кормить и по всем правилам содержать его, а это в большинстве случаев нелегкая задача.

В путешествии такого рода со звероловом приключается такое, чего и нарочно не придумаешь. Одни приключения кажутся забавными, от других душа в пятки уходит, третьи в высшей степени раздражают. Но все они лишь яркие вехи среди месяцев забот и труда, к которым сводится работа зверолова. А вот сядешь писать книгу об очередной поездке — и все заботы, неприятности и разочарования словно изглаживаются из памяти и на бумаге остается лишь веселое и приятное. Так невольно создаешь превратное представление о профессии зверолова, и она начинает казаться сплошь захватывающей увеселительной прогулкой, ярким и волнующим занятием. И иногда она действительно такова, хотя в большинстве случаев это гнетущая, полная разочарований и разбитых надежд, дьявольски тяжелая работа. Но одного у нее не отнимешь, одно преимущество она имеет перед всеми другими профессиями: ее никогда, ни при каких обстоятельствах не назовешь скучной.

ПРОЛОГ

Мы сидим вчетвером в крохотном баре на задворках Джорджтауна, пьем ром и имбирное пиво и решаем головоломку. На столе перед нами большая карта Гвианы, и время от времени кто-нибудь из нас наклоняется и, свирепо нахмурясь, вонзает в нее взор. Задача состоит в том, чтобы из великого множества интригующих названий на карте выбрать одно, которое могло бы послужить отправным пунктом для нашей первой вылазки в глубинные районы страны. Вот уже часа два мы бьемся над этой проблемой, но еще ни к чему не пришли. Я не свожу глаз с карты: вот они, эти реки и горные цепи с чудесными названиями вроде Меруме, Мазаруни, Кануку, Бербисе, Эссекибо.

— Как насчет Нью-Амстердама? — спросил Смит, как нарочно выбрав на карте самое банальное название.

Меня всего так и передернуло от отвращения. Боб ожесточенно затряс головой, во взгляде Айвена появилось идиотски-отсутствующее выражение.

— Ну, а Мазаруни?

— Болото, — исчерпывающе высказался Боб.

— Гвиана, — исступленно продекламировал я по путеводителю, — на языке местных индейцев означает «страна воды».

— Но ведь можно же что-нибудь выбрать так, чтобы все остались довольны, — с раздражением сказал Смит. — Мы торчим здесь уже несколько часов. Решайте, ради бога, да и на боковую.

Я взглянул на Айвена: последний час он был явно не в себе, не внес ни одного предложения!

— Ты как думаешь, Айвен? — спросил я. — В конце концов ты родом из здешних мест, тебе и знать, где лучше ловить животных.

Айвен вышел из транса, и по его лицу расползлось виноватое выражение, как у сенбернара, который не на место

положил свой хвост.

— Ну что же, сэр, — изрек он своим невероятно культурным голосом, — по-моему, вы не прогадаете, если отправитесь в Эдвенчер.

Куда-куда? — переспросили одновременно мы с Бобом.

— В Эдвенчер, сэр. — Он ткнул пальцем в карту. Это — небольшая деревня вот здесь, возле устья Эссекибо. Я поднял глаза на Смита.

— Едем в Эдвенчер, — твердо сказал я. — Это просто невозможно — не побывать в месте с таким названием.

— Ладно! — сказал мой компаньон. — Вопрос исчерпан. Можно завалиться спать?

— Он просто бесчувственный, — с горечью отозвался Боб. — Слово «Эдвенчер» ему ничего не говорит.

Попасть в деревню с таким интригующим названием оказалось легче, чем я предполагал: стоило лишь спуститься к джорджтаунской пристани и взять билеты. На мой взгляд, было что-то кощунственное в том, что в наши дни можно взять билет до Эдвенчер да еще начать свое путешествие туда на огромном уродливом пароме. Отправиться в путь в каноэ со свирепого вида воинами-гребцами — это еще куда ни шло, думалось мне.

Так или иначе, в одно прекрасное утро такси доставило на причал нас и наш странного вида багаж. Предоставив своим спутникам спорить с шофером о справедливой плате за проезд, я подошел к кассе и произнес магические слова.

— Три билета до Эдвенчер, пожалуйста, — сказал я, напуская на себя как можно более непринужденный вид.

— Слушаю вас, сэр, — ответил кассир. — Первый класс или второй?

Это было слишком; мне показалось подозрительным уже одно то, что до Эдвенчер можно взять билет, ну а раз речь пошла о классах, тут я вообще засомневался, стоит ли туда ехать. Не иначе как это процветающий морской курорт, с кинотеатрами, закусочными, неоновыми рекламами и прочими сомнительными атрибутами цивилизации,

подумалось мне. Я обернулся: на причал, шатаясь под ворохом наших пожитков, всходил Айвен. Я подозвал его и попросил разрешить щекотливый вопрос. Он объяснил, что путешествовать вторым классом — значит ехать где-нибудь внизу, в тесном трюме парома, а затем в трюме речного парохода. Билет же первого дает право сидеть в ветхом шезлонге на верхней палубе парома, а на пароходе можно будет даже получить завтрак. Это меня убедило, и я взял три билета первого класса до Эдвенчер.

Жутковато-непонятной кучей свалили мы на палубе наше снаряжение, и вот уже паром, мерно подрагивая в такт работе машины, пересекает кофейно-коричневый простор Демерары. Облокотясь о перила, мы с Бобом разглядывали маленьких чаек, которые с печальным видом кружили за кормой. И тут обнаружилось, как мало Боб представляет себе то, что ждет его впереди.

— Я так рад, что мы расстались с Джорджтауном, — вздохнув, сказал он, рассеянно очищая банан и бросая кожуру пролетающей чайке. — Как хорошо снова забраться в глушь и не чувствовать себя пленником в четырех стенах. Где, как не в глуши, человек обретает покой и удовлетворенность собой?

Я промолчал. Не спорю: забравшись в какой-нибудь медвежий угол, можно отлично отдохнуть, но вот имеет ли Боб хоть малейшее представление о том, что значит залезть в глушь в одной компании со звероловом? Судя по его замечаниям, он полагал, что ловить зверей — это знай полеживай себе в гамаке, а звери сами пойдут к тебе в клетки. Я решил не разочаровывать его на этот счет до тех пор, пока мы не отъедем подальше от Джорджтауна.

Боб был художник и хотел писать картины из жизни индейских племен. Когда он приехал в Гвиану, оказалось, что места, в которых он намеревался побывать, сплошь затоплены, а реки просто непреодолимы. Так он и сидел, словно Ной, в Джорджтауне, ожидая, пока схлынут воды потопа, и тут повстречался с нами. Узнав, что я вскоре отправляюсь в глубь страны, он с похвальной наивностью

набился мне в попутчики. Дескать, уж лучше проехаться по стране со звероловом, чем безвылазно сидеть в Джорджтауне, а к тому времени, как мы вернемся, паводковые воды, наверное, спадут, и он сможет спокойно отправиться писать индейцев.

К сожалению, этой мечте Боба не суждено было сбыться: все свое время в Гвиане он провел, сопровождая меня в моих поездках. Ему никак не удавалось дорваться до кисти и полотна, а под конец уж не осталось до чего дорываться: мы забрали у него все полотно на ящики для змей, которых отправляли в Англию самолетами. Ему приходилось есть и спать в окружении самых фантастических птиц, зверей и пресмыкающихся; весь в синяках и царапинах, усталый и разгоряченный, он был вынужден перебираться через реки и озера, переходить вброд болота, продираться сквозь чащу леса и непролазь густых степных трав. В тот роковой день, когда мы выехали в Эдвенчер, я предвидел все это, но сам Боб никакого подвоха с моей стороны явно не подозревал.

Солидно попыхивая, паром пристал к каменному причалу на том берегу Демерары, и мы принялись как попало сгружать наш багаж, проще говоря, швырять его через перила Айвену, стоявшему внизу. Когда мы покончили с разгрузкой и, сойдя с парома, присоединились к Айвену, какая-то мрачная фигура отделилась от бочки, на которой она сидела, и двинулась к нам.

— Вы не на поезд в Парику? — вопросила фигура. Я подтвердил, что именно таково наше намерение, если только мы изыщем возможность доставить наш багаж на станцию.

— Тогда вам надо поторопиться… Поезд должен был уйти десять минут назад, — не без скрытого злорадства сообщила фигура.

— Боже мой! — в ужасе воскликнул я. — А далеко ли до станции?

— Около полумили, — отвечала фигура. — У меня есть тележка.

И с этими словами она исчезла.

— Что, если мы не попадем на поезд, Айвен? Будет ли еще один?

— Нет, сэр. Если мы упустим поезд, другого придется ждать до завтра.

— Как? Ждать здесь? — воскликнул Боб, оглядывая топкий речной берег с двумя-тремя одиноко стоящими полуразвалившимися сараями. — А где же мы будем спать?

Не успел Айвен вразумить его, как неизвестный показался вновь. Он бежал к нам вразвалку, волоча за собой допотопную тележку.

— Надо торопиться, — задыхаясь, проговорил он. — Кажись, поезд уже отходит.

Мы лихорадочно наваливали багаж на тележку, а издали доносилось пыхтение и свист: паровоз разводил пары. Очертя голову мы бросились по дороге на шум, тележка грохотала за нами, ее тащили Айвен и запыхавшийся владелец. Мокрые от пота, едва переводя дух, мы галопом ворвались на станцию, возбудив величайший интерес странного вида личностей, слонявшихся по платформе. Они приветствовали наши разгоряченные, взъерошенные персоны насмешливым свистом, который сменился радостным улюлюканьем, когда наша тележка наткнулась на камень и чуть ли не весь багаж вывалился на землю. Поезд тронулся. Нечеловеческим усилием мы швырнули последний ящик в вагон, и я еще успел высунуться из окна и бросить горсть мелочи нашему спасителю, который, не помня себя от горя, бежал за составом, умоляюще вытянув перед собой руки.

Малюсенький паровозик мужественно катил между влажно мерцающих рисовых полей и островков леса, таща за собой вереницу обшарпанных вагончиков и временами набирая прямо-таки отчаянную скорость — двадцать миль в час. Ландшафт был сочно-зелен, словно его только что протерли и обмыли специально для нас. Повсюду, куда ни кинь взгляд, были птицы. Искрящиеся белые цапли торжественно выступали по коротеньким нежно-зеленым

всходам риса; с оросительных каналов, испещренных водяными лилиями, при приближении поезда взлетали яканы, внезапно ослепляя глаз лютиковой желтизной крыльев; в небесной синеве вырисовывали свои величавые арабески коршуны-слизнееды, а в кустах без конца порхали стаи красногрудых трупиалов, и их алые грудки вспыхивали огнем на зеленом фоне. Ландшафт, казалось, был до отказа набит птицами, куда ни глянь — видишь либо цапель, а под ними, в воде, их мерцающие отражения, либо длиннопалых якан, мелко семенящих по листьям водяных лилий, либо желтоголовых трупиалов, выглядывающих из стены тростника. У меня глаза заломило от всех этих цветовых пятен, пестрого трепыхания крыльев в тростнике и их стремительного скольжения над полями.

Боб мирно почивал в уголке купе, а Айвен пропадал где-то в недрах кондукторского отделения, так что я один любовался этим парадом птиц. Но вот поднялся свежий ветер, он затянул дымкой воды каналов и старательно задувал в купе сажу и гарь, гордо извергаемые трубой паровоза. Окно пришлось закрыть; судя по его виду, оно как было вставлено, так ни разу и не протиралось. Лишившись возможности созерцать окрестности, я по примеру Боба задремал. Наконец последним героическим усилием поезд втащился в Парику, и, тяжело топая спросонок одеревенелыми ногами, мы сошли на платформу. Тут обнаружилось, что пароход, храня почти немыслимую для тропиков верность расписанию, уже стоит у причала и громко капризно гудит, заявляя о своем намерении тронуться в путь. Мы поспешили на борт и опустились в шезлонги, превознося предусмотрительность Айвена. Пароход застучал машиной, затрясся, отошел от Парики и устремился вперед по темным волнам Эссекибо, лавируя в лабиринте небольших зеленых островков. Мы сидели в шезлонгах, дремали, жевали бананы и любовались красотой многочисленных островков, проплывавших мимо. Тут нас пригласили на завтрак в крошечный буфет, а потом, набив желудки, мы вернулись на солнцепек в свои шезлонги.

Только я снова задремал, как Боб грубо растолкал меня.

— Джерри, хватит спать… Ты упустишь чудесное зрелище.

Пароход, очевидно обходя мель, чуть ли не вплотную притерся к берегу, так что нас отделяли от густого подлеска какие-нибудь пятнадцать футов воды. Еще как следует не проснувшись, я тупо уставился на деревья.

— Ничего не вижу. В чем дело?

— Вон там, на ветке… Видишь, задвигалась, неужели не видишь?

И тут я увидел. В ярком солнечном свете в гуще листвы сидело сказочное существо — большая ящерица с чешуйчатым телом, окрашенным в самые различные оттенки зеленого — яшмовый, изумрудный и травянистый, — с большой бугристой головой, уложенной крупными чешуями, и с большим волнистым подвесом под подбородком. Ящерица небрежно лежала на ветке, впившись в дерево большими изогнутыми когтями и свесив к воде длинный, как плеть, хвост. На наших глазах она повернула свою украшенную брыжами и наростами голову и спокойно начала объедать молодые листочки и побеги вокруг. Я не верил своим глазам и никак не мог убедить себя в том, что она относится к тому же виду, что и те скучные, впавшие в спячку бесцветные существа, которых в зоопарках выдают за игуан. Когда мы проплывали как раз напротив ящерицы, она повернула голову и окинула нас надменным взглядом своих маленьких, в золотистых крапинках глаз, и все это с таким видом, словно она просто-напросто коротает время в ожидании своего гвианского Святого Георгия, который должен прийти и сразиться с ней. Мы глядели на нее как зачарованные, пока за расстоянием ее зеленое тело не слилось с листвой.

Мы все обсуждали игуану, как вдруг появился Айвен. Вид у него был озабоченный.

— Что случилось, Айвен? — спросил я.

— Ничего особенного, сэр. Просто мы прибываем. Мы с Бобом немедленно перевели взгляд на берег: сплошной

полосой зарослей он тянулся до самого горизонта. Только я хотел спросить у Айвена, не ошибся ли он, как пароход миновал небольшую излучину и на берегу показался большой сарай, а из мангров выступил каменный причал. На рифленой железной крыше сарая броскими белыми буквами значилось: Эдвенчер. Вот мы и приехали!

ГЛАВА ПЕРВАЯ
ЗМЕИ И САКИВИНКИ

Айвен оказался отличным организатором: к вечеру того же дня у нас был собственный дом на главной улице деревни.

Наше жилище представляло собой крохотную деревянную лачугу, изъеденную червями и термитами и не без явной натуги сохранявшую вертикальное положение. Как все дома в Гвиане, она покоилась на сваях и состояла из трех комнат: спальни, столовой и кухни. Стояла она чуть отступя от дороги, за широкой, заполненной водой канавой, через которую был переброшен ветхий деревянный мосток. Коротенькая, но крутая деревянная лестница, увенчанная небольшим квадратным балконом, вела к входной двери. Такая же лестничка позади дома вела в кухню.

Был вечер. Айвен колдовал на кухне, дразня нас запахом кэрри, так что у всех слюнки текли. Боб мужественно пытался развесить три гамака в комнате, где едва уместился бы и один. Я сидел в сумерках снаружи, на верху шаткой деревянной лестнички. Обложившись со всех сторон книгами и рисунками, я беседовал с местными охотниками, которых вызвал Айвен. Предварительный разговор с местными жителями очень важная часть работы зверолова. Показывая им рисунки нужных животных, можно многое узнать о местной фауне и о том, редок или обычен в данной местности такой-то вид. К тому же вы имеете возможность назвать цены, по которым согласны брать животных, и таким образом сразу вносите ясность в дело. Охотники Эдвенчер оказались весьма странным и интересным народцем. Тут были два здоровенных негра, толстенький коротышка китаец с традиционно непроницаемым выражением лица, семь-восемь поджарых индейцев с пронзительно карими глазами и нечесаными смоляно-черными копнами на головах и в довершение всего целая куча метисов самых различных цветов и возрастов. Беседе немало мешало то обстоятельство, что я совсем недавно приехал в страну и еще не освоился с

местными названиями животных.

— Айвен, вот этот человек берется поймать для меня свинью пимплу! — надсаживался я, перекрывая шипение кэрри и чертыхания Боба, единоборствовавшего с гамаками. — Что такое пимпла? Какая-нибудь разновидность дикой свиньи?

— Нет, сэр, — кричал мне в ответ Айвен. — Пимпла — это дикобраз.

— А что такое киджихи?

— Это мелкое животное с длинным носом, сэр.

— Мангуста, что ли?

— Нет, сэр, крупнее мангусты, с очень длинным носом и кольцами на хвосте. Оно всегда ходит задрав хвост.

— Угу! — хором подтверждали охотники вокруг.

— Носуха, что ли? — после некоторого размышления спрашивал я.

— Да, сэр, вы угадали, — отвечал Айвен. И так на протяжении двух часов. Но вот Айвен доложил, что ужин готов, мы отпустили охотников и вошли в дом. При свете миниатюрной «летучей мыши» наша спальня выглядела так, будто кто-то безуспешно пытался превратить ее в цирковой балаган. Канаты и веревки оплетали комнату, словно паутина гигантского паука. Сам Боб потерянно стоял с молотком в руке посреди всего этого хаоса, обозревая хитросплетение гамаков.

— Никак не могу справиться с этими штуками, — уныло проговорил он, когда мы вошли. — Вот противомоскитная сетка к моему гамаку, но, хоть убей, не представляю, куда ее присобачить.

— Не скажу наверняка, но, по-моему, ее надо вешать над гамаком еще до того, как гамак повешен, — горя желанием помочь, высказался я.

Предоставив Бобу самому окончательно решить этот вопрос, я отправился на кухню помогать Айвену раскладывать еду по тарелкам.

Мы расчистили часть стола от свешивающихся

порослей веревок и принялись уничтожать отличное кэрри, когда появился мистер Кордаи. Появился он так. Раздался громкий стук в дверь, хриплый голос трижды произнес: «Доброй ночи, доброй ночи, доброй ночи», и мистер Кордаи ввалился в комнату. Это был метис преобладающих индейских кровей, низенький, сморщенный человечек с лицом как у страдающей расстройством желудка обезьяны и кривыми, как бананы, ногами. По первому же взгляду на него было видно, что он изрядно пьян. С сильным креном он вошел в круг света от фонаря и идиотски осклабился на нас, пустив в нашу сторону волну ромового перегара.

— Это мистер Кордаи, сэр, — в явном замешательстве проговорил Айвен своим культурным голосом. — Очень хороший охотник.

— Да, — согласился мистер Кордаи, с жаром тиская мне руку. — Доброй ночи, хозяин, доброй ночи.

По своему джорджтаунскому опыту я уже знал, что «Доброй ночи» употребляется тут, в Гвиане, как приветствие в любое время после захода солнца; привыкнуть к этому было несколько затруднительно. Мы попросили мистера Кордаи присесть и выпить с нами рюмку рома, и он не заставил себя долго упрашивать. Он пробыл у нас час и все это время пространно, хотя и несколько сбивчиво, толковал о зверях, которых он ловил в прошлом и намерен поймать в будущем. Я тактично свел разговор к большому озеру в нескольких милях от Эдвенчер. Мы с Бобом жаждали побывать на озере, посмотреть тамошнюю индейскую деревню и исследовать животный мир на его берегах. Мистер Кордаи заявил, что отлично знает озеро. По его словам, в окрестных лесах он не раз вступал в схватки не на жизнь, а на смерть со змеями гигантских размеров и не раз спасался вплавь через озеро от разъяренных зверей, которых он пытался пленить. Моя вера в мистера Кордаи катастрофически упала, но тем не менее после второй рюмки рома мы условились, что наутро он зайдет за нами и проведет нас на озеро. Он сказал, что хорошо бы выйти что-нибудь около шести и проделать самую

трудную часть пути до того, как начнет припекать. Заверив нас, что завтра мы наловим кучу зверей, мистер Кордаи распрощался и нетвердым шагом удалился в ночную тьму.

В пять утра мы были на ногах и развернули лихорадочную деятельность, готовясь к походу. В половине восьмого Айвен второй раз согрел нам чаю и послал мальчишку на розыски нашего столь пунктуального проводника. В восемь часов мальчишка вернулся и доложил, что этой ночью мистер Кордаи не ночевал дома и его жена не меньше нас встревожена его исчезновением, хотя, конечно, совсем по другим причинам. В десять стало ясно, что мистер Кордаи забыл про нас, и мы решили прогуляться вокруг деревни и попытаться добыть то, что можно найти без посторонней помощи.

Мы перешли через дорогу и побрели между деревьями. Вскоре мы вышли на песчаное побережье, и перед нами раскрылся простор Атлантики. Я думал, что морская вода будет соленой, но, оказывается, мы находились слишком близко к устью Эссекибо: вода была пресная, загрязненная желтой мутью и обрывками листьев, вынесенными рекой с материка. На песчаных дюнах у берега росли высокий, беспорядочно разбредавшийся во все стороны кустарник и группы корявых деревьев.

Тут были кое-какие пресмыкающиеся: множество анолисов — некрупных грациозных ящериц с большими глазами и тонкими, изящными пальцами. Безобидные и довольно беспомощные, они отчаянно барахтались в песке вокруг кустов и без труда давались в руки. Чахлые деревья густо обросли длинными прядями мха, которые космами седых волос свешивались вниз с сотен нанизанных на ветви париков. Между ветвями в великом множестве росли орхидеи и другие эпифиты, под самыми немыслимыми углами впиваясь в шероховатую кору своими крошечными корешками. Среди всей этой растительной мишуры мы нашли несколько древесных лягушек, изящно расписанных пепельно-серой филигранью по темно-зеленому фону, —

раскраска, прекрасно сочетавшаяся с мхом и листьями орхидей.

По песку вокруг нас, словно большие зеленые ракеты, проносились бесчисленные амейвы, большинство из которых достигало почти двенадцати дюймов в длину. Почему-то решив, что он многое потеряет, если не поймает несколько этих блестящих ящериц, Боб с дикими криками бросился за одной из них, пытаясь прихлопнуть ее шляпой, да так и исчез из виду. Тут я понял, что его способ никуда не годится. Я выследил большую амейву, гревшуюся неподалеку на солнцепеке, и решил испробовать собственный метод. К черенку сачка я привязал тонкий шнурок и на свободном конце шнурка сделал скользящую петлю. Затем я с величайшей осторожностью приблизился к ящерице. Она лежала на горячем песке и блестящими глазами настороженно следила за моими манипуляциями. Я медленно подвел петлю к голове ящерицы и попытался накинуть ее на шею, но стебли травы не пускали шнурок, и у меня ничего не получалось. Амейва с любопытством рассматривала болтавшуюся перед ней петлю, очевидно никак не связывая ее со мною. Но вот, пытаясь закинуть петлю на шею ящерице, я слишком близко придвинулся к ней — она стремглав чиркнула по песку и нырнула под большой куст.

Проклиная себя за незадачливость, я принялся высматривать новую жертву, как вдруг из кустов раздался отчаянный вопль Боба: он звал на помощь. Я застал его на четвереньках перед непролазной стеной подлеска.

— В чем дело?

— Тссс! Глянь вон под тот куст… Видишь, какой огромный тейю.

Я лег на песок и глянул под куст. Там между корневищами притаилась огромная толстая ящерица фута в три длиной. Ее массивное тело было сплошь украшено орнаментом из черных и ярко-красных чешуи с золотистыми пятнами на черном хвосте. Пасть у нее была широкая и, как видно, сильная. Ящерица глядела на нас блестящими

золотистыми глазами, и ее толстый черный язык быстро-быстро ходил во рту.

— Надо что-то предпринимать, — сказал я. — Не то она удерет.

— Ты будь здесь, — сказал Боб. — А я попробую зайти ей в тыл.

Он пополз по песку, а я продолжал лежа следить за ящерицей. И тут я впервые имел случай убедиться в сообразительности тейю. Поворачивая голову на изогнутой шее, ящерица с чуть презрительным выражением следила за обходными маневрами Боба. Выждав, когда он почти достиг той стороны куста, она стремительно шмыгнула по песку, взметнув за собой облако пыли. Боб вскочил и помчался за ней, потом бросился на нее каким-то скользящим броском, но было уже поздно: она достигла другого куста и юркнула под него. Боб сел и, выплевывая изо рта песок, заворочал во все стороны головой, пытаясь определить, куда скрылась ящерица. Когда я подоспел на поле сражения, тейю показался у противоположного края куста и осторожно двинулся в мою сторону. Я замер на месте, и ящерица, явно принимая меня за сухое дерево, приблизилась ко мне на расстояние нескольких футов. Когда она подползла достаточно близко, я воспроизвел скользящий бросок Боба и глухо шмякнулся на песок, одной рукой крепко схватив ящерицу за шею. Ящерица тотчас свилась в кольцо и попыталась укусить меня за руку, причем сделала это до того внезапно, что едва не вырвалась у меня из рук. Вот никогда бы не подумал, что такое небольшое существо может обладать такой силой! Поняв, что ей не вырваться, ящерица заработала когтистыми задними лапами, сдирая мясо с моей руки, и одновременно отчаянно закрутила во все стороны хвостом. Лишь минут через десять мы с Бобом справились с ней и запихали ее в мешок. К этому времени мы оба были ободраны в кровь, а меня эта злющая тварь вдобавок хлестнула хвостом по лицу, так что слезы потекли у меня из глаз.

Лишь некоторое время спустя до нас дошло, как нам

повезло с этим тейю. Из всех гвианских ящериц тейю самые смелые и сообразительные, и обычно они до того хитры, что их не так-то легко поймать. В неволе некоторые из них приручаются и становятся совсем смирными, но большинство, как правило, остаются дикими и своенравными, и доверять им нельзя. Большинство ящериц кусаются или нападают на человека, лишь оказавшись в безвыходном положении либо когда человек берет их в руки, тейю же не нуждаются ни в каких обоснованиях: они бросаются на человека почем зря.

Позднее, уже в Джорджтауне, мы держали около двух десятков тейю в большом ящике, затянутом проволочной сеткой. Как-то раз я пришел поставить им свежей воды. Все тейю лежали кучей в одном конце клетки, глаза их были закрыты: похоже, они спали. Я толкнул дверцу и только сунул руку за плошкой, как один из тейю открыл глаза и увидел меня. Не мешкая ни секунды, он бросился с разверстой пастью через всю клетку, схватил меня за большой палец и повис на нем, словно бульдог. Я хотел стряхнуть его с пальца, от нашей возни проснулись остальные ящерицы и стремглав бросились на подмогу собрату. Пришлось вытащить из клетки руку вместе с тейю и захлопнуть дверцу перед носом осатаневших тварей. Лишь после этого я смог всецело посвятить себя освобождению моего пальца. Я не знаю других видов ящериц, которые проявляли бы такую свирепость по самым ничтожным поводам. Когда мы сажали только что пойманных тейю в ящик, затянутый проволочной сеткой, приходилось завешивать ящик мешками, иначе, если кто-нибудь подходил к клетке, ящерицы бросались на сетку и принимались кусать и скрести ее когтями, норовя достать человека.

Покончив с тейю, мы вновь принялись ловить амейв с помощью петли. Пришлось затратить огромное терпение и пережить не одно разочарование, прежде чем нам удалось поймать шесть экземпляров этих милых тварей. Они были ярко раскрашены в травянисто-зеленый, желтый и черный

цвета и, казалось, тепло светились наподобие полированных резных изделий из дерева. Обращаться с ними надо с крайней осторожностью: при малейшей неловкости они сбрасывают свои красивые длинные хвосты. Надежно запрятав ящериц в мешки, мы отправились в обратный путь. Пора было обедать, а заодно хотелось и посмотреть, не объявился ли наш бравый зверолов мистер Кордаи.

Бравого охотника нигде не было видно, зато на лестничке у входной двери сидел молодой индеец, а в ногах у него лежал большой мешок. Присмотревшись, можно было заметить, что мешок шевелится.

— Что там у вас? — спросил я, с надеждой взирая на мешок.

— Кумуди, хозяин, — осклабившись, ответил индеец, — большая водяная кумуди.

— Что такое водяная кумуди? — спросил я у Айвена, когда он вышел из кухни.

— Это такая большая змея вроде удава, сэр, только живет в воде.

Я подошел к мешку и приподнял его. Он был довольно увесист, и, когда я его тронул, изнутри раздалось громкое сердитое шипение. Я развязал мешок и заглянул внутрь: там в глубине, свернувшись кольцами, лежала большая блестящая анаконда, водяная змея-удав, о которой создано столько волнующих (но, по-видимому, не соответствующих истине) легенд.

— Глянь-ка, Боб, — сказал я, наивно полагая, что он разделит мое удовольствие от нового приобретения. — Это анаконда, и, похоже, очень недурной экземпляр.

— Гм… — без особого энтузиазма отозвался Боб. — Я бы на твоем месте завязал мешок.

Гвианские охотники почему-то предпочитают, чтобы пойманных ими удавов и анаконд оплачивали пофутно, а для этого требуется извлечь змею из мешка и измерить ее длину, в каком бы настроении она ни была. Анаконда, которую мне принесли, была в очень плохом настроении. Лишь

впоследствии я узнал, что они редко когда бывают в каком-либо другом, так что в полном неведении относительно этой их дурной наклонности и привыкнув обращаться с более покладистыми африканскими питонами я запросто сунул руку в мешок и хотел схватить змею за шею. Она сделала в мою сторону злобный выпад, но, к счастью, промахнулась. Айвен, индеец и Боб смотрели на меня как на сумасшедшего.

— Осторожнее, сэр, это очень злая змея, — сказал Айвен.

— Она вас укусит, хозяин! — вскрикнул индеец.

— И ты получишь заражение крови, — заключил Боб. Но эти предостережения были мне уже ни к чему: со второй попытки я схватил змею за шею и вытащил из мешка. Она шипела и извивалась. Индеец измерил ее, она оказалась пяти футов шести дюймов длиной — рост для анаконды весьма скромный. Известны экземпляры, достигавшие в длину двадцати пяти футов. Заплатив индейцу требуемую сумму, мы с Бобом не без возни запихнули змею в один из плотных мешков, припасенных специально для этой цели. Затем я вылил на мешок пару ведер воды и отнес его в комнату, где хранился наш улов.

Немного погодя я отправился за гвоздями в единственный в Эдвенчер магазин, а вернувшись, был страшно заинтригован, увидев Боба в необычной позе на лестничке в кухню: он стоял на верхней ступеньке, судорожно сжимая в руке древесный сук, — ни дать ни взять Горациус на мосту. Где-то в доме Айвен подвывал и что-то бормотал себе под нос.

— Что тут происходит? — бодро спросил я. Боб бросил на меня затравленный взгляд.

— Твоя анаконда сбежала, — сказал он.

— Сбежала? Каким образом?

— Не знаю каким, но сбежала. Обосновалась в кухне. Похоже, ей там нравится.

Я поднялся по лестнице и заглянул в кухню: анаконда лежала свернувшись возле печки, на полу валялась

перевернутая кастрюля — свидетельство поспешного бегства Айвена. При виде меня змея со злобным шипением метнулась в мою сторону, но безрезультатно, поскольку нас разделяли добрых шесть футов. Айвен, как обычно, с обеспокоенным выражением на лице просунулся в дверь жилой комнаты.

— Как мы ее поймаем, сэр? — спросил он. Змея с шипением повернулась к нему, и он моментально исчез.

— Надо прижать ее к полу, — сказал я, как мне казалось, очень авторитетным тоном.

— А ты видишь, в каком она настроении? — спросил Боб. — Вот ты и входи да и прижимай. А я буду прикрывать тебя с тыла.

Поняв, что ни Боб, ни Айвен ни за какие коврижки не войдут на кухню вместе со мной, я был вынужден действовать всецело на свой страх и риск. Вооружившись мешком и длинным шестом с развилкой, я выставил перед собой мешок и двинулся на змею, словно тореадор на быка. Анаконда собралась в тугой, дрожащий от напряжения узел и бросилась на мешок, а я заплясал вокруг, пытаясь прижать ее к полу. Мне-таки удалось поймать момент, когда ее голова была неподвижна, и я довольно удачно ткнул в нее своей вилкой, но змея раздраженно отшвырнула шест и быстро поползла к двери, шипя, словно газовая горелка. Когда Боб увидел, что змея ползет прямо на него, он невольно отступил назад, совсем забыв про лестницу, и с грохотом исчез из моего поля зрения. Анаконда последовала за ним. Когда я подбежал к двери, Боб сидел в луже перед лестницей, змеи нигде не было видно.

— Куда она делась? Боб медленно встал на ноги.

— Не могу сказать, — ответил он. — Меня больше интересует, не сломал ли я себе шею, чем следить за тем, куда скрылся твой «экземпляр».

Мы облазили весь участок вокруг дома и под домом — змеи и след простыл. Оказалось, что убежала она, расширив небольшую дырку в уголке мешка. Надо полагать, вначале дырка была совсем небольшой, теперь же мешок не имел дна,

зато имел две горловины. За чаем я долго и горько жаловался по поводу утраты столь великолепного экземпляра.

— Ничего, — утешал меня Боб. — Я уверен, сегодня ночью она объявится в гамаке у Айвена и уж он-то не даст ей удрать.

Айвен промолчал, но на лице у него было написано, что он вовсе не жаждет застать анаконду у себя в гамаке.

Наше чаепитие было прервано появлением коротенького, толстенького и чрезвычайно застенчивого китайца с какой-то большой нелепого вида птицей под мышкой. Птица была размерами с домашнего индюка и облачена в строгий траурный наряд, если не считать нескольких белых перьев на крыльях. На голове у нее был курчавый гребешок, очень похожий на встрепанный ветром хохолок. Клюв был короткий и толстый, у основания и вокруг ноздрей покрытый вздутой восковиной. И клюв, и массивные, как у цыпленка, ноги были канареечно-желтого цвета. Птица глядела на нас большими, темными, задушевными глазами, в которых стояло какое-то сумасшедшее выражение.

Это был гокко. Поторговавшись с китайцем, я купил его, и владелец птицы положил ее на пол. С минуту она лежала не двигаясь, моргая глазами и издавая тоненькое жалобное «пит-пит-пит» — звук, никак не вязавшийся ни с ее внешностью, ни с размерами. Я нагнулся и почесал ей голову. Птица немедленно закрыла глаза, распласталась на полу и, сладострастно подрагивая крыльями, принялась гортанно курлыкать. Как только я перестал ее почесывать, она открыла глаза и воззрилась на меня с изумлением, обиженно и вместе с тем умоляюще питпитпиткая. Уразумев, что я не собираюсь просидеть возле нее весь день в качестве массажиста, она грузно поднялась и двинулась к моим ногам, не прекращая своего смехотворного питпитпитканья. Медленно и коварно подобралась она ко мне, устроилась на моих ногах, закрыла глаза и закурлыкала с новой силой. Нам с Бобом еще не доводилось видеть такой кроткой, глупой и дружелюбной птицы, и мы немедленно окрестили ее Кутбертом. Это имя

как нельзя больше подходило к ее сентиментальной натуре.

Китаец заверил, что Кутберт совершенно ручной и никуда от нас не денется, а потому мы пустили его свободно разгуливать по дому и запирали лишь на ночь. Но уже в свой первый вечер у нас Кутберт показал, на что он способен. Оказывается, этот проклятый гокко жить не мог без человеческого общества, и даже больше того, все время норовил устроиться поближе к человеку. Обнаружилось это вот как. После ухода китайца я засел за работу над дневником, который катастрофически запустил. Через некоторое время Кутберт решил, что чуточку внимания ему не повредит, и, шумно хлопая крыльями, взлетел на стол. Он медленно прошелся по столу, довольно питпитпиткая, и хотел улечься на дневнике. Я оттолкнул его. С видом оскорбленной невинности он отступил назад и опрокинул чернильницу. Пока я вытирал стол, он скрепил две страницы моего дневника своей личной печатью. Она была велика и весьма липучего свойства, поэтому испорченные страницы пришлось переписать. Тем временем Кутберт сделал несколько коварных попыток забраться ко мне на колени, но получил жестокий отпор. Поняв, что тихой сапой меня не возьмешь, он немного подумал и решил, что раз так, то лучше всего напасть на меня врасплох, и тут же попробовал взлететь мне на плечо, но промахнулся и тяжело шлепнулся на стол, снова опрокинув чернильницу. В продолжение всего этого спектакля он не переставал нелепо питпитпиткать… В конце концов мое терпение лопнуло, и я спихнул его со стола, после чего он с надутым видом удалился в угол.

Немного погодя явился Боб развешивать гамаки, и Кутберт встретил его с восторгом. Пока Боб сосредоточенно выпутывал гамаки из веревок, Кутберт тихонько подобрался к нему со спины и лег у него под ногами. Единоборствуя с гамаком, Боб сделал шаг назад, наткнулся на лежащую под ногами птицу да так и растянулся во весь рост на полу. Кутберт панически заверещал и снова забился в свой угол. Потом, улучив момент, когда Боб, как ему казалось, вновь

увлекся делом, Кутберт выполз вперед и улегся у него на ногах. Ну а уже потом я услышал только звук падения тела — это Боб рухнул на пол под тяжестью гамаков. Из-под вороха москитных сеток и веревок выглядывал Кутберт и негодующе питпитпиткал.

— Смейся, смейся, — свирепо проговорил Боб. — Только лучше тебе убрать эту мерзкую птицу, не то одним «экземпляром» у тебя станет меньше. Я не против, чтобы он ластился ко мне, когда мне нечего делать, но я не могу отвечать ему взаимностью и одновременно подвешивать гамаки.

Так Кутберт был заключен в общую комнату для животных. Я привязал его за ногу к клетке и удалился под его душераздирающее питпитпитканье.

Вечером мы вышли на переднюю лестницу покурить и потолковать, и Кутберту было разрешено посидеть вместе с нами. Айвен сообщил нам новость: ему удалось повидать неуловимого Кордаи; оказывается, этот джентльмен ездил в Джорджтаун. Теперь он покончил со своими делами и готов провести нас на озеро. Он зайдет за нами с утра пораньше. Айвен полагал, что на этот раз тот выполнит свое обещание, я в это не верил.

Был теплый вечер, полный трескучего стрекота сверчков. Немного погодя к концерту присоединилась древесная лягушка в соседних кустах. Она несколько раз негромко и очень вежливо рыгнула и умолкла, словно устыдясь своих дурных манер. Но на ее зов тут же отозвался другой ее сородич, и она робко ответила ему. Только мы завели разговор, уж не отправиться ли нам на поимку этих дурно воспитанных земноводных, как вдруг на дороге показались огни — несколько качающихся фонарей, которые двигались в нашу сторону. Поравнявшись с домом, фонари свернули с дороги и прошли по мостку, мы услышали шарканье голых ног по доскам. Вот люди стали внизу под лестницей, и я узнал нескольких из них — это были охотники-индейцы, с которыми я разговаривал накануне.

— Доброй ночи, хозяин! — хором воскликнули они. — Мы принесли вам зверей.

Мы провели их в нашу крохотную жилую комнатку, и они набились в нее так тесно, что не стало видно ни окон, ни дверей. На их бронзовых при свете лампы лицах читалось нетерпение поскорее показать нам свою добычу. Кто-то первым протиснулся вперед и положил на стол старый мешок, в котором что-то дергалось и извивалось.

— Это ящерицы, хозяин, — осклабившись, сказал охотник.

Я развязал мешок. Из него немедленно высунулась амейва и схватила меня за палец. Охотники захохотали так, что весь дом заходил ходуном. Запихивая милую тварь обратно в мешок, я увидел, что она там не одна, а с несколькими собратьями.

— На-ка, — сказал я, передавая мешок Бобу. — Ты ведь любишь ящериц. Пересчитай их.

Мы с Айвеном принялись торговаться с владельцем, а Боб, призвав на помощь одного из охотников, тщательно пересчитал ящериц. Две из них ускользнули и кинулись в частокол смуглых ног, но их быстро поймали.

Затем в весьма хилой корзине нам представили двух угольно-черных змей футов четырех длиной каждая. Концы их хвостов на протяжении шести дюймов были ярко-желтого цвета. Боб, надо полагать, под наплывом воспоминаний об анаконде, посматривал на них с явным неудовольствием. Айвен заверил нас, что змеи эти — по-местному желтохвостки — совершенно безобидны. Мы осторожно пересадили их из корзины в крепкий мешок, причем ухитрились сделать это так, чтобы они нас не укусили. Это было великое достижение: змеи свирепо набрасывались на все, что попадалось им на глаза. После желтохвосток нам предложили четырех огромных игуан. Их лапы были самым безжалостным образом, с риском покалечить животное, закручены за спину и крепко связаны. Пришлось объяснить охотникам, что хотя это, быть может, и самый легкий способ

доставлять игуан на рынок, но я не хочу, чтобы таким способом игуан доставляли мне. К счастью, ни одна из игуан, по-видимому, не пострадала, возможно потому, что они пробыли связанными совсем недолго.

И наконец, гвоздь вечера. Передо мной поставили большой деревянный ящик, и, заглянув сквозь планки, я увидел в нем несколько прелестных маленьких обезьянок. Это были нежные, хрупкие существа, одетые сплошь в зеленоватый мех, за исключением черных мордочек, отороченных желтым мехом, да больших белых ушей. Глаза у них были светло-янтарные, а их обращенные ко мне мордашки неодолимо напоминали куртинку анютиных глазок. Головы у них были самые необыкновенные, какие-то выпуклые и яйцеобразные, и казались непомерно большими на их хрупких телах. Обезьянки сидели, нервно сбившись в кучку, и издавали пронзительные щебечущие крики.

— Что это за обезьяны? — спросил восхищенный Боб.

— Саймири, а как они называются по-местному, не знаю.

— Сакивинки, хозяин, — хором ответили охотники. Слов нет, это название им очень шло и звучало чрезвычайно похоже на их щебечущий крик. В ящике было пять этих робких существ, и он был для них явно мал. Поэтому, расплатившись с охотниками, я тотчас взялся за дело и сколотил для них клетку попросторнее. Затем я переселил обезьянок на новую квартиру и поставил клетку в комнату для пойманных животных.

А Кутберт тем временем блаженствовал. Имея в своем распоряжении множество разноцветных ног, он нашел обширное поле приложения своей любви к человечеству и успел поваляться в ногах чуть ли не у всех охотников. Сообразив, что при нормальном образе жизни ему уже давно полагается спать, я водворил его в комнату для животных и закрыл дверь. Только мы погасили свет и стали осторожно расползаться по своим гамакам, как раздался страшенный шум: громко протестовал Кутберт, пронзительно верещали

обезьянки. Я мигом зажег лампу и поспешил на место происшествия.

Кутберт с ужасно недовольным видом сидел на полу и сердито питпитпиткал себе под нос. По-видимому, он решил заночевать на верху клетки с обезьянками и взлетел на нее, но, на свою беду, не заметил, что его хвост свисает перед решеткой. Обезьянки заинтересовались его хвостом, который отчетливо виднелся в свете луны, просунули лапки сквозь решетку и пощупали, что это такое. При всей хрупкости сложения хватка у сакивинки мертвая, и, почувствовав, что его хватают за хвост, Кутберт ракетой взмыл под потолок, оставив в лапах обезьянок два больших хвостовых пера. Я утешил Кутберта как мог, отвел ему новое место для ночлега и привязал его на тот случай, если ему вздумается вновь приблизиться к обезьянкам. Прошло немало времени, прежде чем они кончили обсуждать происшествие своими щебечущими голосами, а Кутберт перестал питпитпиткать и уснул. С тех пор Кутберт больше не приближался к сакивинкам.

ГЛАВА ВТОРАЯ
КРЫСЫ И РЫЖИЕ РЕВУНЫ

При первых бледных отсветах зари мы отправились на озеро. Птицы, спавшие на деревьях вокруг нашей лачуги, еще только пробуждались и начинали неуверенно чирикать, приветствуя новый день. К восходу мы прошли уже несколько миль по узкой извилистой тропинке, бежавшей среди зеленеющих рисовых полей и словно умерших оросительных каналов. В золотом свете утра нам повсюду виделись птицы — мерцающая, подвижная, яркоцветная мозаика на деревьях и в кустах. На маленьких низкорослых деревцах, окаймлявших поля, кишели десятки голубых танагров. В погоне за насекомыми они скакали с ветки на ветку, издавая пронзительные призывные крики. Размерами с воробья, они имеют темно-синие крылья, тогда как туловище у них покрыто оперением нежнейшего небесно-голубого цвета, какой только можно себе представить. На одном дереве я увидел трех танагров в компании пяти желтоголовых трупиалов, маленьких смоляно-черных птичек с желтыми, как одуванчик, головками. Сочетание цветов танагров и трупиалов было прямо-таки поразительно. В нежных зеленеющих всходах риса во множестве виднелись красногрудые трупиалы — похожие на дроздов птицы с необычайно яркой розовой грудью. При нашем приближении они экзотическим фейерверком взмывали в воздух.

Примечательно, что многие виды птиц в Гвиане имеют очень броскую расцветку. Зеленый дятел на пригородном лугу в Англии покажется вам яркой тропической птицей, но посмотрите на него весной в дубовом лесу — и вы удивитесь, как прекрасно сливается с листвой его оперение. Пестроцветный попугай кажется ярким в клетке зоопарка, но подите углядите его в его родном лесу! Точно так же обстоит с птицами чуть ли не по всему свету, и все же в Гвиане великое множество видов словно бы и не знает о существовании защитной окраски. Голубые танагры выглядят

на зеленом фоне совсем как британский флаг на снегу; красногрудые трупиалы привлекают внимание, словно огни миниатюрных светофоров; желтоголовые трупиалы яркими черно-желтыми силуэтами выделяются на зеленой траве. Одного вида всех этих птиц, суетливо снующих в поисках корма на ярко-зеленом фоне растительности, было бы достаточно, чтобы навлечь на них всех ястребов за мили окрест. Я долго и упорно размышлял над явно безрассудным поведением птиц, но так и не додумался до сколько-нибудь удовлетворительного объяснения этого факта.

Мы оставили сочно-зеленую возделанную равнину и вдруг оказались в удивительном месте. Чахлые, опутанные мхом деревья росли тут небольшими группами, вокруг которых расстилались пыльные коврики редкой травы и кустарника. Между этими миниатюрными оазисами простирались обширные бесплодные пространства песка, белые и мерцающие, словно свежевыпавший снег. Да и сам песок был белый и мелкий, перемешанный с миллионами крошечных слюдинок, в которых, как в алмазах, отражалось и сверкало утреннее солнце. Перед тем как вступить в эту странную белоснежную пустыню, Кордаи разулся, и теперь я понял почему: босиком он легко и быстро, словно на лыжах, скользил по сверкающему песку, тогда как мы трое — Боб, Айвен и я — тяжело тащились за ним, по щиколотку увязая в песке, который набивался нам в ботинки, Эти песчаные острова, или по-местному маури, встречаются в Гвиане довольно часто и представляют собой остатки древнего морского дна, коим когда-то была вся страна. Они весьма интересны для ботаников, так как растущие на них кустарники и травы либо вообще свойственны лишь данному типу местности и нигде больше не встречаются, либо являются странными вариациями флоры влажных лесов, приспособившейся к жизни на бесплодных песках. Иные малорослые искривленные деревья были украшены пучками орхидей, спускавшимися по их коре наподобие розовых цветочных водопадов, и тут, в этой похожей на пустыню

местности, такие деревья выглядели очень нарядными и цветущими, но совершенно неуместными. Среди ветвей других виднелись серые, слепленные из грязи гнезда термитов; из одного такого гнезда при нашем приближении выпорхнула пара крохотных длиннохвостых попугаев и с хриплыми криками полетела между деревьями. Но основное население маури составляли сотни крупных амейв, по-видимому отлично себя чувствовавших среди этого белого ландшафта, на котором их светлая окраска была явным преимуществом. Здешние амейвы были смелее тех, что водились возле деревни, они подпускали нас совсем близко и уползали не спеша. Удивительно, каким образом при скудости травянистого и кустарникового покрова множество больших и прожорливых ящериц находили себе достаточно пропитания в виде насекомых, но, как бы там ни было, от недоедания они явно не страдали.

Возможно, гвианские песчаные останцы и представляют собой немалый интерес для ботаника и зоолога, но идти по ним скорым шагом в высшей степени изнурительно. После того как я прошагал мили две по песку, прыти у меня заметно поубавилось. С меня градом катил пот, от ослепительного блеска песка ломило глаза. Боб и Айвен чувствовали себя не лучше, но вот Кордаи, как назло, был свеж, словно огурец. Мы тащились за ним и буравили его спину мрачными, тяжелыми взглядами. Пески кончились так же внезапно, как и начались, и мы очутились под благодатной сенью густого леса, росшего по берегам широкого и мелкого канала. Кордаи хотел без остановки топать дальше, но мы взбунтовались и большинством голосов решили прилечь в тени отдохнуть. Лежали мы молча и неподвижно. На переплетенные пологом ветви у нас над головой опустилась стая крохотных птичек. Возбужденно щебеча, они принялись перепархивать с ветки на ветку. Это были толстенькие пташки с интеллигентными крутолобыми головками и большими черными глазами. Верхняя половина тела была у них цвета густой берлинской лазури, лоснящаяся и почти черная, когда на нее не падал

прямой солнечный свет, нижняя половина — яркого желто-оранжевого цвета. Они скакали и порхали среди листвы, переговариваясь между собой взволнованными звенящими голосами, и время от времени, свесив голову вниз, с недоверием поглядывали на нас. Я толкнул Боба в бок и показал на птиц.

— Как они называются? Ни дать ни взять птички из диснеевского фильма.

— Tanagra violacea, — звучно произнес я.

— Как-как?

— Tanagra violacea. Так их зовут.

Боб пристально поглядел на меня, не шучу ли я.

— Не понимаю я вас, зоологов. Это что, обязательно — награждать животных такими ужасными именами? — наконец высказался он.

— Не спорю, в данном случае имя не очень-то подходящее, — сказал я и, выпрямившись, сел.

Tanagra violacea, с ужасом убедившись, что мы-таки не являемся частью лесного пейзажа, с отчаянным щебетом улетели.

Кордаи заверил нас, что теперь до озера рукой подать и мы доберемся до него за час. Услышав это. Боб срезал в кустарнике здоровенную палку на случай, если нам снова придется идти через пески. С великим профессиональным мастерством шуруя палкой направо и налево, он ненароком задел куст у себя за спиной, и из куста тотчас раздался громкий писк, который побудил нас к немедленным действиям. Кордаи с Айвеном зашли с флангов, мы с Бобом приблизились с фронта. Раздвинув листву, мы уставились в стебли травы, но ничего не увидели.

— А, вижу! — вдруг сказал Боб.

— Где? Что?

Боб всмотрелся в листья травы. — Крыса, — наконец с отвращением произнес он.

— Какая собой? — спросил я, подозревая кое-что.

— Какая, какая, самая обыкновенная!

— Это надо рассмотреть, — сказал я, занял его место и вперил взгляд в гущу веток. Там под листьями сидела большая ржаво-коричневая крыса с бледно-кремовым брюхом. Только я ее увидел, как она вновь пискнула и пустилась бежать.

— Держи ее, Боб! — завопил я как оглашенный. — Это иглошерстная крыса, она бежит прямо на тебя! Ради бога, не упусти ее!

Я был необычайно взволнован, потому что всегда питал слабость к этому виду грызунов. До сих пор я знал иглошерстных крыс лишь по чучелам в музеях. С надеждой описывал я их всем звероловам, которых встречал в Гвиане, но никто из них иглошерстных крыс не встречал. Я уже было смирился и решил, что так и уеду домой без живого экземпляра. И вот сейчас самая настоящая иглошерстная крыса бросилась прямо под ноги Бобу! Он растерянно переспросил: «Иглошерстная крыса?» — и тут же не мешкая самоотверженно повалился на убегающее животное.

— Не налегай на нее! — взмолился я. — Ты задавишь ее!

— А как еще ты рассчитываешь ее поймать? — раздраженно спросил Боб. — Она как раз подо мной. Давай вытаскивай ее.

Он лежал ничком в кустарнике и сердито докладывал о перемещениях крысы, а мы тем временем обкладывали его мешками и сетями.

— Ползет к моей ноге… нет, возвращается назад. Теперь остановилась у меня под грудью. Скорее, чего вы там копаетесь? Теперь она протискивается к моему подбородку. Давайте поторапливайтесь, не могу же я лежать так весь день. Да, между прочим: они кусаются?

— Где уж ей кусаться, когда ты как следует повалялся на ней, — сказал я. Меня преследовало наваждение: вот передо мной моя первая иглошерстная крыса и вид у нее такой, словно по ней проехался паровой каток.

На лице Боба появилось озадаченное выражение.

— По-моему, их тут две. Ей-богу, она только что была у меня под грудью, а теперь я чувствую ее под ногой.

— Это тебе так кажется, — сказал я, наклоняясь к нему. — Ну, под какой ногой?

— Под левой.

Я осторожно просунул руку под его бедро и нащупал теплое пушистое тело зверька. Тихонько, чтобы не дать повод меня укусить, я обхватил его руками и извлек из-под ноги Боба. Крыса расслабленно лежала у меня на ладони, даже не пытаясь сопротивляться, и мне показалось, что Боб все же помял ее. Я внимательно осмотрел животное и, не обнаружив никаких повреждений, почтительно опустил в мешок. Затем я повернулся к Бобу: он по-прежнему лежал ничком среди кустов.

— Что с тобой ?

— Когда ты всласть наглазеешься на свое приобретеньице, — с бесконечным терпением сказал он, — будь добр, убери вторую у меня из-под груди. Я лежу и боюсь шелохнуться: вдруг она меня укусит?

Я стал шарить дальше в траве и, к своему удивлению, обнаружил у него под грудью вторую крысу. Когда я вытащил ее, она громко, отчаянно пискнула и тут же затихла, расслабленно распластавшись у меня на ладони, как и первая. Боб поднялся и стряхнул с себя прелые листья.

— Что в них особенного? — спросил он. — Они что, очень редки?

— Да нет как будто. Просто я к ним неравнодушен, только и всего. Никогда раньше не видел живого экземпляра, — ответил я, продолжая рассматривать лежащую у меня на ладони крысу.

Боб страшно возмутился.

— Стало быть, я рисковал заработать столбняк и ловил эту даже не очень редкую крысу лишь потому, что ты к ней неравнодушен, так, что ли?

— Видишь ли, иметь такую крысу никогда не повредит, — оправдывался я. — И еще вот что. Подумай, как

мы их поймали: не всякий может похвастаться, что ловил по две штуки зараз так просто, ложась на них, так ведь?

— Слабое утешение, — холодно отвечал Боб. — Я думал, я ловлю что-нибудь такое особенное, чего еще никто не приносил в зоопарк.

— Нет, ты ошибся. Но ведь это в самом деле интересные животные.

Боб неохотно придвинулся ко мне и уставился на крысу, лежавшую у меня на ладони. Это было жирное существо с длинной и грубой шерстью, являвшей собою пеструю смесь янтарных и шоколадных волосков. Обычный толстый и голый крысиный хвост, маленькие уши, большие мечтательные черные глаза и густые белые усы.

— Не нахожу в ней ничего интересного, — отрезал Боб. — Крыса как крыса.

— А вот взгляни, — сказал я и провел пальцем против шерсти животного. Когда шерсть укладывалась на место, можно было видеть, что она растет вперемежку с многочисленными длинными темными иглами. Приглядевшись, можно было рассмотреть, что иглы эти плоские, гибкие на ощупь и не особенно острые, отдаленно напоминающие иглы дикобраза. Точное их назначение неизвестно; едва ли они служат целям защиты, так как они недостаточно остры, чтобы колоться, и к тому же слишком легко гнутся. Впоследствии, экспериментируя над иглошерстными крысами, я обнаружил, что ни при каких обстоятельствах они не используют эти иглы для нападения или защиты. Возможно, животные как-то могут управлять иглами, скажем поднимать их, как дикобраз, но мне не случалось видеть, чтобы они это делали. Похоже, иглошерстные крысы в наибольшей мере философы из всех грызунов и стоически принимают неволю. Они никогда не мечутся по клетке во время уборки, подобно другим только что пойманным крысам, а сидят себе в уголке и спокойно глядят на вас. Если вы толкнете крысу, чтобы убрать под ней, она нехотя подвинется или со своим чудным жалобным

писком пройдется по клетке. Мои крысы охотно поедали анолисов, и мне казалось странным, что они пристрастились к такой еде. Большинство лесных крыс питается живыми кузнечиками и жуками, и я не знаю вида, который нападал бы на таких крупных животных, как ящерицы. Скорее всего это мясоедство явилось следствием жизни в неволе, ибо трудно себе представить, каким образом такое грузное, неповоротливое животное, как иглошерстная крыса, может взбираться на кусты, по которым лазают анолисы, и охотиться за этими проворными ящерицами.

Надежно упрятав крыс в мешок, мы пошли дальше и пересекли еще один песчаный останец, правда совсем небольшой и не такой утомительный, как первый. Пройдя его, мы нырнули в густой лес и почти сразу оказались на большой прогалине между деревьями. По квадратной форме этой поляны можно было догадаться, что она расчищена человеком. По-видимому, когда-то здесь было возделанное поле, которое затем забросили, и теперь поляна буйно заросла кустарником вперемежку с цветами, в неподвижном горячем воздухе над ней носилось множество бабочек. Сохранились тут и остатки культурных растений: несколько чахлых одичавших бананов с гроздьями мелких худосочных плодов, сплошь переплетенных ползучими растениями, которые карабкались по их толстым стволам ближе к солнцу. За банановой плантацией по окна в подросте стояла растрепанная хижина из пальмовых листьев, сквозь ее зияющую проваленную крышу росли три молодых деревца. Раньше тут жили индейцы, объяснил нам Кордаи, но потом они переселились на противоположный берег озера. Утопая по пояс в густом и влажном сплетении растений, мы пересекли эту заброшенную плантацию и углубились в лес по узкой осклизлой тропе, которая с каждым шагом становилась все более топкой. В конце концов мы прошли по тропинке последний поворот, и перед нами открылось озеро.

Впервые я видел, чтобы такое большое водное пространство могло быть столь безжизненным и

неподвижным: деревья и подлесок, окаймлявшие его берега, отражались в воде ясно и четко, как в зеркале. Ни ветерок не взрябит коричневатую поверхность воды, ни всплывающая к поверхности рыба не пустит по ней круги. Тростниковые заросли, обрамлявшие берега, деревья и даже два небольших островка посреди озера — все было мертво и безжизненно. И над всем этим сверхъестественная тишина. Не слышно было даже обычного смутного гула насекомых.

Кордаи сказал, что придется покричать индейцам, тогда они пришлют за нами каноэ. Мы, трое, присели покурить, а он подвернул штанины, обнажив свои тощие кривые ноги, и вошел в воду. Он несколько раз прокашлялся, встал в позу, удивительно напоминающую позу оперного певца на сцене, и издал пронзительный душераздирающий вопль. Даже Айвен, которого не так легко было вывести из себя, уронил от испуга сигарету. Кошмарный крик прокатился над озером, тысячекратно отразился в камышах, под зеленым шатром леса и под конец приобрел такое звучание, будто на дне колодца режут стадо свиней. Я оглядел противоположный берег в бинокль — ни малейшего шевеления. Кордаи подтянул штаны, набрал полную грудь воздуха и вторично издал вопль истязуемого в аду грешника с тем же результатом. Когда четвертый вопль прокатился над озером и замер вдали. Боб не выдержал.

— Не могу я сидеть здесь и слушать, как он рвет себе глотку, — взмолился Боб. — Может, отойдем подальше, чтобы не слышать, а он, когда кончит, придет и скажет?

Мы отступили в лес и пятились до тех пор, пока голос Кордаи не был заглушен листвой. Там мы сидели и ждали. Битый час он стоял на мелководье, каждые пять минут издавая вопль, и под конец голос у него стал совсем хриплым и тоненьким, а наши нервы совсем измочаленными.

— Если даже в поселке кто-нибудь есть, — сказал Боб, не вынимая пальцев из ушей, — я не верю, что люди могут приехать на такой голос.

— А что, если помочь ему? — предложил я.

— Зачем? — спросил Боб. — Ведь он и так здорово шумит?

— Как-никак, если мы гаркнем вчетвером, будет слышнее.

— Сомнительное преимущество, но попробовать можно. Вообще же говоря, если уж индейцы не услыхали его верхних нот, они должны быть глухими от рождения.

Мы вернулись к озеру, вошли в тепловатую воду и присоединились к Кордаи. После первой же совместной попытки стало ясно, почему он кричал таким пронзительным фальцетом: из-за какой-то акустической особенности этого места кричать нормальным голосом не имело смысла, звук глушился. Лишь пронзительный тирольский перепев будил эхо, давая желаемый результат, а потому мы хором принялись издавать крики, которые с равным успехом могли исходить из глубин Дантова ада. Все шло как по маслу, и над озером разносились раскаты эха, как вдруг я увидел лицо Боба в тот момент, когда он старательно выводил фальцетом длинную руладу. На меня напал такой смех, что мне стало нечем дышать, и я без сил опустился на песок. Боб последовал моему примеру. Мы сидели рядышком и смотрели на сверкающую гладь озера.

— А что, если переплыть его? — сказал Боб. Я прикинул на глаз расстояние.

— С полмили будет. Можно попробовать, только не торопясь.

— Ну так я не прочь попробовать. Мы пришли сюда повидать индейцев, и мне просто непонятно, почему мы должны уйти обратно, так и не повидав их, — запальчиво сказал Боб.

— Ладно, — сказал я. — Давай попробуем. Мы разделись догола и пошли в воду.

— Что вы хотите делать, хозяин? — тревожно спросил Кордаи.

— Плыть на ту сторону, — бодро ответил я.

— Тут нехорошо плавать, хозяин.

— Это почему же? — надменно спросил я. — Вы же сами говорили, что не раз переплывали озеро.

— Оно слишком широко для вас, — слабо вякнул Кордаи.

— Глупости, мой дорогой. Мы переплывали озера и почище, рядом с этим они показались бы с целый Атлантический океан, вот этот малый и медали за это имеет.

Это окончательно сразило Кордаи — он явно не имел ясного представления о том, что такое медаль. Мы все дальше заходили в озеро и, поравнявшись с краем прибрежного тростника, оказались по шею в теплой, золотистой, как мед, воде. Тут мы приостановились, высматривая на том берегу ближайшее место, к которому следовало плыть, и мне вдруг пришло в голову, что ни я, ни Боб, входя в воду, не сняли с себя шляп. Примериваясь плыть брассом. Боб старательно вспенивал темную воду, а на один глаз у него лихо налезала элегантная зеленая шляпа с загнутыми полями. Это было до того смешно, что меня разобрал нервный смех.

— Ты чего? — спросил он.

Я стоял вертикально в воде, работая ногами, и судорожно хватал ртом воздух.

— Бесстрашный первопроходец переплывает озеро в шляпе, — отплевывая воду, наконец вымолвил я .

— Но ведь ты тоже в шляпе.

— Это на случай, если мы повстречаем на берегу индейских дам. Надо же иметь на голове шляпу, черт подери, чтобы было что приподнять при встрече с леди. Джентльмены мы или не джентльмены?

Развивая эту тему, мы вконец обессилели от смеха и перевернулись на спину отдохнуть, как вдруг впереди раздался плеск и по воде пошла рябь, а с берега донеслись крики Айвена и Кордаи.

— Вернитесь назад, хозяин, это очень плохие рыбы! — кричал Кордаи.

— Возможно, это пирайи, сэр, — сообщил нам Айвен своим культурным голосом.

Мы переглянулись, посмотрели на пятно ряби, которое быстро приближалось к нам, потом враз повернули и дунули к берегу с такой быстротой, что, если бы все это происходило в плавательном бассейне, нас наверняка увенчали бы парой медалей. Мокрые, едва переводя дух, мы в том же шутовском наряде выскочили из воды.

— Это точно пирайи? — спросил я у Айвена, насилу отдышавшись.

— Не знаю, сэр, — ответил он. — Но было бы неразумно рисковать, если это на самом деле они.

— Как нельзя более с вами согласен, — шумно дыша, произнес Боб.

Возможно, нелишне будет объяснить, что пирайя — одна из самых неприятных пресноводных рыб. Это плоская, мясистая, серебристого цвета рыба с выдающейся нижней челюстью, очень похожая в профиль на бульдога. Ее челюсти оснащены рядом самых страшных зубов, какие только можно найти у рыб. Зубы эти треугольной формы и посажены таким образом, что, когда рыба смыкает пасть, они прилегают один к другому наподобие зубьев шестеренки. Пирайи живут стаями почти во всех тропических реках Южноамериканского континента и снискали себе громкую славу. Они способны чуять кровь на значительном расстоянии в воде и при малейшем запахе крови с невероятной быстротой устремляются к месту происшествия и своими страшными зубами раздирают добычу на куски. Основательность, с какой они обгладывают живое или мертвое тело, однажды была проверена специальным экспериментом: была убита капибара — южноамериканский грызун, достигающий размеров крупной собаки, и ее труп опущен в реку, кишевшую пирайями. Хотя капибара весила целых сто фунтов, она была начисто объедена за пятьдесят пять секунд. При осмотре скелета обнаружилось, что, сдирая мясо, остервенелые пирайи насквозь прокусывали ребра. Не знаю, водились ли в озере пирайи, но уверен, что мы правильно сделали, тотчас возвратившись на берег: заплыв в стаю голодных пирай, вы,

пожалуй, навеки лишитесь возможности извлечь урок из своей ошибки.

Айвен и Кордаи вновь принялись взывать к индейцам, а мы с Бобом прошли на поляну среди деревьев и принялись бродить по ней нагишом, обсыхая на солнце. Осматривая полуразвалившуюся хижину, мы наткнулись на длинную доску, она лежала на земле, еле видная в траве. Всякий зверолов знает, что нелишне переворачивать каждое бревно, каждую доску, каждый камень на своем пути. Таким образом можно найти какое-нибудь редкое животное. Подобное переворачивание всего, что попадается у тебя на пути, скоро входит в привычку. Так и теперь, обнаружив доску, мы с Бобом нагнулись и не долго думая перевернули ее. В открывшемся влажном углублении лежала длинная тонкая змея, весьма небезопасная на вид. Поскольку на нас были только шляпы и ботинки, змея имела перед нами явное преимущество, но она им не воспользовалась и продолжала неподвижно лежать, глядя на нас. Не двигаясь с места, мы шепотом принялись обсуждать план ее поимки.

— У меня в кармане брюк есть кусок бечевы, — обнадеживающе сообщил Боб.

— Ладно, я сбегаю, а ты не спускай с нее глаз. Потихоньку, чтобы не вспугнуть змею, я попятился, а потом побежал к вороху нашей одежды. Отыскав бечевку, я срезал палку, привязал к ней бечевку, сделал на свободном конце бечевки петлю и побежал обратно к Бобу. Змея лежала на прежнем месте и не шелохнулась до тех пор, пока не почувствовала на шее петлю, после чего свернулась в клубок и злобно зашипела. Это была одна из тонких коричневых древесных змей, которые встречаются в Гвиане на каждом шагу. Впоследствии мы узнали, что эти змеи ядовиты, но не особенно. Во всяком случае это нисколько не испортило нам удовольствие от поимки змеи, и, опуская ее в мешок, мы чувствовали себя страшно неустрашимыми. Только мы пустились обсуждать тонкое различие между встречей со змеей, когда на тебе есть одежда и когда одежды на тебе нет,

как вдруг из-за деревьев выбежал Айвен и, задыхаясь, сказал, что наши завывания увенчались успехом: от противоположного берега отчалило каноэ.

Каноэ ткнулось носом в песок перед нами, и гребец спрыгнул в воду. Это был юноша-индеец лет восемнадцати, в потрепанных штанах, коренастый, с кожей какого-то особенно теплого желто-бронзового оттенка, отливавшей медью под прямыми лучами солнца. У него был широкий нос, большой, красиво очерченный рот, высокие монгольские скулы и большие темные раскосые глаза. Волосы у него были тонкие и черные, причем не глянцевито-черные с синеватым отливом, цвета воронова крыла, как у индейцев, а мягкого, спокойного цвета сажи. Он застенчиво улыбнулся, в то время как его черные без выражения глаза бегло и внимательно осмотрели нас с ног до головы. Кордаи заговорил с ним на его родном языке, и он ответил глубоким хрипловатым голосом. После короткого расспроса мы выяснили, что большинство индейцев переселилось из прибрежного поселка на более удобное становье в нескольких милях от озера. На старом месте оставались лишь он да его семья. Кордаи спросил, по-прежнему ли мы намерены продолжать свое путешествие. Это был наивный вопрос; мы погрузились в утлое протекающее каноэ, и парень плавно помчал нас по озеру. К тому времени, когда мы приблизились к берегу, наша ладья дала сильную осадку, и вода стала угрожающе переплескиваться через борт. Парень вогнал каноэ прямо в заросли тростника, и оно влипло в жидкую грязь наподобие разбухшей от воды банановой кожуры, а затем повел нас через лес, бесшумно, словно бабочка, лавируя между деревьями. Вскоре мы вышли на небольшую поляну, где стояла просторная, основательно сработанная бамбуковая хижина. Навстречу нам с громким лаем выбежали собаки, но парень тут же остановил их. На земле перед хижиной сидел пожилой индеец, очевидно глава семьи. Его жена и дочь, девушка лет шестнадцати, вылущивали золотистые зерна из початков кукурузы. Среди квохчущих кур по поляне бегали

ребятишки. Все члены семейства подошли и поздоровались с нами за руку, однако они явно дичились и были стеснены нашим присутствием. Хотя улыбка не сходила с их лиц и они охотно отвечали на все вопросы, было видно, что мы не внушаем им особого доверия.

Если вспомнить историю южноамериканских индейцев, начиная с утонченных христианских жестокостей испанцев и кончая нашими днями, когда индейцы, лишенные родины, вынуждены жить в резервациях и держаться подальше от благ цивилизации, которая производит среди них страшные опустошения, — если вспомнить все это, то поистине удивительно, что они вообще соглашаются вступать с нами в какие-либо сношения. Возможно, они правильно бы сделали, взяв за пример предосудительное, но вполне оправданное поведение своих собратьев в Мату-Гросу, которые встречают любого белого градом метко пущенных отравленных стрел.

В конечном счете, заручившись у отца семейства обещанием, что он постарается поймать для нас что-нибудь, мы вновь обменялись со всеми рукопожатиями, и парень отвез нас обратно через озеро. Высадив нас на берег, он улыбнулся на прощанье, развернул каноэ на месте и погнал его по безмолвному озеру, оставляя на воде темный расходящийся след.

Обратный путь в Эдвенчер вконец измотал нас: мы хотели попасть домой до темноты, а раз так, надо было поторапливаться. Второй песчаный останец показался нам шире, чем был, когда мы впервые пересекали его, а сыпучий песок буквально держал нас за ноги. Но вот мы достигли опушки леса на той стороне и оглянулись назад: останец лежал позади, мерцая в лучах предзакатного солнца, словно заиндевелое зеркало. Затем мы повернулись и хотели углубиться в лес, как вдруг Кордаи жестом остановил нас и показал на деревья футах в тридцати поодаль. Я глянул туда, и незабываемое, поразительно прекрасное зрелище меня совершенно зачаровало.

Казалось, передо мной был вовсе не тропический лес, а

кусочек английского ландшафта: не слишком высокие деревья, стройные серебристые стволы, глянцевито-зеленая листва. Между деревьями поднимался густой невысокий подлесок. И подлесок, и древесная листва золотисто светлели в лучах заходящего солнца. А в кронах деревьев яркими пятнами на зеленом фоне сидело пять рыжих обезьян ревунов. Это были крупные, плотного сложения животные с сильными цепкими хвостами и печальными, шоколадно окрашенными мордами. Шерсть у них была длинная, густая и шелковистая, какого-то непередаваемого цвета — сочнейшей, ярчайшей смеси медного и винно-красного с блестящим металлическим отливом, который встречается разве что в драгоценных камнях да редко у птиц. Увидев такую яркую расцветку у обезьян, я попросту лишился дара речи.

Стая состояла из гигантского самца и четырех обезьян поменьше, по-видимому его жен. Старый самец был окрашен ярче всех. Он сидел на самом верху дерева в прямых лучах солнца и весь пылал, словно костер. С меланхолическим выражением на морде срывал он молодые листья и отправлял их в рот. Наевшись, он с помощью лап и хвоста перебрался на соседнее дерево и исчез среди листвы. Блестящая свита самок последовала за ним.

Мы шли под сводами леса вдоль берегов каналов, из которых подавали голос маленькие лягушки, и я клятвенно заверял себя в том, что когда-нибудь у меня будет такая вот лоснящаяся фантастическая обезьяна, пусть даже это приведет меня к полному разорению.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ
ЧУДОВИЩНЫЙ ЗВЕРЬ И ПЕСНИ ЛЕНИВЦА

Есть в Южной Америке чрезвычайно интересный зверь, зовут его опоссум. Интересен он главным образом тем, что является единственным представителем сумчатых за пределами Австралии. Подобно кенгуру и другим австралийским животным, опоссумы носят своих детенышей в сумке, образованной складкой кожи на брюхе. Правда, у южноамериканских сумчатых этот способ транспортировки, похоже, выходит из употребления: у большинства их видов мешок невелик и используется для переноски детенышей, лишь когда они совсем крохотные и беспомощные, а у некоторых видов он почти исчез и представлен лишь продольными складками кожи, прикрывающими соски. Зато эти последние виды сумчатых освоили новый способ транспортировки: мать переносит своих чад на спине, причем хвосты родителя и детеныша любовно переплетаются. По своему внешнему виду опоссумы похожи на крыс, с той только разницей, что они варьируют размерами от мыши до кошки. У них длинные крысиные морды, а у некоторых видов и длинные голые крысиные хвосты; но стоит только раз увидеть, как опоссум карабкается на дерево, — и вам становится понятной разница между его хвостом и крысиным: хвост опоссума как бы живет своей собственной жизнью, извивается, сворачивается кольцами и в случае нужды цепляется за ветки с такой силой, что животное может на нем повиснуть.

В Гвиане встречается несколько видов опоссумов, известных под общим названием увари. Самый обычный из них — это обыкновенный опоссум, снискавший себе всеобщую неприязнь у гвианцев. Он приспосабливается к изменяющейся среде с изворотливостью рыжей крысы и на задворках Джорджтауна чувствует себя не хуже, чем в лесных дебрях. Он в совершенстве освоил амплуа мусорщика, и ни одно ведро с отбросами не обходится без его обследования. В

поисках съестного он не робеет заходить в дома и регулярно совершает набеги на птичьи дворы, и это нешуточное дело, если учесть его солидные размеры и свирепый нрав. Именно эта его повадка и снискала ему ненависть со стороны местных жителей. В Джорджтауне мне без конца рассказывали об извращенных, вкусах опоссумов и их оголтелых налетах на невинных цыпок, но я только проникся невольным уважением к животному, которое всячески морят, травят и уничтожают, а оно все же ухитряется вести в городе разбойное существование.

По приезде в Эдвенчер я осведомился у местных охотников относительно опоссумов. Услышав, что я собираюсь платить деньги за этих презренных тварей, они выпучили на меня глаза как на сумасшедшего. Такими же глазами взглянет английский фермер на иностранца, который проявит непомерный интерес к обыкновенной крысе и выразит желание купить несколько экземпляров. Но в конце концов бизнес есть бизнес, и, если от большого ума я готов платить чистоганом за увари (понимаете, увари!), им-то что. Господь бог посылает им покупателя на животных, от которых пока что не было никакого проку, и они вовсе не намерены лишать себя рынка сбыта!

Первых опоссумов нам принесли однажды рано утром. Боб и Айвен ушли на каналы ловить рыб и лягушек, я остался дома чистить и кормить животных, которых уже набралось изрядное количество. Пришел охотник с тремя опоссумами в мешке. Оживленно жестикулируя, он стал пространно объяснять, как с величайшим риском для жизни он поймал их этой ночью на своем птичьем дворе. Я заглянул в мешок и увидел лишь ворох желтовато-коричневого меха, изнутри тотчас послышался жалобный вой и кошачье фырканье. Я счел за благо не вынимать и не осматривать животных, пока не приготовлю для них клетку, и велел охотнику зайти за деньгами вечером. После этого я взялся за работу и сделал из деревянного ящика сносное жилье для опоссумов. Тем временем в мешке воцарилось зловещее молчание, лишь

изредка прерываемое каким-то похрустыванием. Только я закончил клетку и уже надевал длинные кожаные рукавицы, собираясь пересадить опоссумов, как вернулись Боб и Айвен.

— Ха! — гордо сказал я. — Подите-ка посмотрите, что я приобрел.

— Надеюсь, не вторую анаконду? — спросил Боб.

— Нет, нет. Это три увари.

— Увари, сэр? — спросил Айвен, глядя на мешок. — И они все в одном мешке?

— Да, а что? Их нельзя держать вместе?

— Боюсь, они могли передраться между собой, сэр. У этих животных очень скверный нрав, — мрачно ответил Айвен.

— О нет, они не дрались, — бодро сказал я. — Они вели себя очень смирно.

Айвен сохранял скептически-нахмуренный вид, и я поспешил развязать мешок. Неизвестно, как долго опоссумы в нем просидели, известно лишь одно: времени им хватило на все. Двое опоссумов побольше коротали свою неволю тем, что обезглавили своего меньшего собрата и теперь справляли кровавую каннибальскую тризну на его останках. Не без труда нам удалось водворить победителей в клетку, так как они с негодованием отвергали всякие покусительства прервать их роскошное пиршество. Они злобно бросались на нас с разверстой пастью, визжали, шипели и всячески усложняли нам нашу задачу, наподобие плюща цепляясь своими хвостами за что попало. В конце концов мы исхитрились впихнуть в клетку этих окровавленных монстров, и я бросил им на доедание труп их сотоварища, чем они и занимались всю ночь напролет, шипя и рыча друг на друга. Когда наутро я пришел их проведать, они с кровожадным видом кружили друг возле друга, а потому, дабы предотвратить сокращение числа моих опоссумов до единицы, я разгородил клетку крепкой доской. В Гвиане мне рассказывали, что эти твари страшно прожорливы и едят абсолютно все, а потому я решил проверить это на опыте:

выходила неувязка с объемистой многотомной книгой по зоологии, которая служила мне справочным пособием и в которой утверждалось, что опоссумы наподобие фей питаются деликатнейшей пищей из фруктов и насекомых, лишь изредка позволяя себе яйцо или птенчика. Итак, я три дня подряд набивал клетки опоссумов самой омерзительной едой, начиная от застывшего кэрри и кончая разложившимися трупами, и они пожирали все подчистую. Похоже, чем отвратительнее еда, тем больше она им нравилась. После трех дней близкого знакомства я стал склоняться к мысли, что все, что рассказывали мне об опоссумах, сущая правда. Но тут мои гастрономические опыты пришлось прикрыть: увари несносно благоухали, и Боб заявил, что вовсе не желает схватить дифтерию ради моих зоологических изысканий, Спору нет, опоссум не ахти как привлекателен с виду, если даже отвлечься от его отвратительных повадок. Ростом он с небольшую кошку, одет в густую неопрятную шубу трех цветов: желтовато-коричневого, кремового и шоколадного. У него очень цепкие короткие голые лапы розового цвета и длинный, постепенно сужающийся чешуйчатый хвост, серый у основания и с розовыми крапинками на конце. Его морда — длинный голый розовый нос и безвольно свисающая нижняя челюсть, между которыми открывается полная больших острых зубов пасть, — даже самому неискушенному наблюдателю скажет все о его характере. Глаза у него коричневые, злые. Из косматой шерсти на голове выглядывает пара голых, почти прозрачных ослиных ушей, которые вздрагивают и настораживаются при каждом его движении. Потревоженный опоссум широко разевает пасть и шипит, и поскольку челюсти у него узкие и длинные, уснащенные большущими зубами, то в этот момент он весьма напоминает своего рода косматого крокодила. Если оставить без внимания его предостерегающее шипение, он издаст низкое стенание, очень похожее на крик мартовского кота, и, клацая челюстями, бросится на вас.

Признаться, увари меня разочаровали: ни в их нраве, ни

в повадках, ни в наружности я не нашел ничего такого, что импонировало бы мне до глубины души. Враг общества номер один почему-то представлялся мне шиковатой колоритной личностью, в действительности же он оказался злобной, стенающей тварью с порочными вкусами, лишенной какого бы то ни было личного обаяния. Как-то вечером я пожаловался на это Айвену, и он подал мне мысль, направившую меня на след одного из родичей нашего опоссума.

— Мне кажется, сэр, — сказал Айвен своим невероятно культурным голосом, — мне кажется, лунный увари пришелся бы вам по вкусу.

— Какой еще такой лунный? — спросил я.

— Есть такой вид, — популярно пояснил Айвен. — Он меньше тех, что вы приобрели, и не имеет таких мерзких наклонностей.

— Лунный увари — это звучит замечательно, — сказал Боб. — Почему его так зовут, Айвен?

— Говорят, будто он показывается только в лунные ночи, сэр.

— Не могу без такого, — твердо заявил я. — Это должен быть прелестный зверь.

— Уж наверно, не хуже тех гнусных вурдалаков, которых ты приютил, — сказал Боб, кивая на благоухающую клетку с опоссумами. — Но уж если ты в самом деле добудешь лунных, Христа ради, не устраивай над ними никаких гастрономических экспериментов, не то мне придется спать под открытым небом.

В тот же вечер, когда местные звероловы, как обычно, оравой ввалились к нам со своей дневной добычей, я подробно расспросил их о лунном увари. Да, этот зверь им отлично известен. Да, их тут полно. Да, легко можно устроить мне несколько экземпляров. Ну что ж, раз так, сиди и не рыпайся, жди, пока тебе притащат мешок лунных увари. Но не тут-то было. Прошла неделя, а результатов никаких. Я вновь допросил звероловов. Да, все они выслеживают лунных

увари, но, непонятно почему, те не показываются. Я поднял цену и взмолился, чтобы охотники не жалели сил. И чем дольше я ждал, тем сильнее разгоралось во мне желание заполучить этих неуловимых животных. Но тут как-то вечером пришло пополнение, и я на время забыл про них.

Дело было так. Мы сидели за чаем, как вдруг в комнату ввалился человек с мешком за плечами. Он развязал мешок и с невозмутимым видом вытряхнул содержимое нам под ноги. Боб, сидевший к нему ближе всех, так и шарахнулся от него, залив себе чаем рубашку. Его испуг был понятен: из мешка вывалился большой, крайне рассерженный двупалый ленивец. Похожий на маленького медведя, он лежал на полу с раскрытой пастью, шипя и размахивая лапами. Размерами он был с крупного терьера и весь покрыт грубой коричневой шерстью, взлохмаченной и неопрятной на вид. Его лапы, очень длинные и стройные для его тела, оканчивались длинными острыми когтями. Голова его очень походила на медвежью, и его маленькие округлые красноватые глазки смотрели очень сердито. Но самым удивительным в нем была его пасть, уснащенная крупными острыми зубами неприятнейшего желтоватого оттенка. Вот уж никогда бы не подумал, что такие массивные клыки могут принадлежать такому заядлому вегетарианцу, как ленивец!

Я расплатился с охотником. Мы затолкали ленивца обратно в мешок и принялись сооружать для него клетку. На половине работы я, к своей досаде, обнаружил, что кончилась проволочная сетка, а потому пришлось взяться за каторжный труд — делать деревянные планки и зарешечивать ими клетку. Затем мы снабдили клетку удобным суком и водворили в нее ленивца. Он тотчас зацепился за сук своими «кошками», подтянулся и повис на нем. Я дал ему пожевать гроздь бананов и охапку листьев и пошел спать.

В два часа ночи меня разбудили непонятные звуки в комнате для животных — какое-то хрумканье вперемежку с шипением и негодующим питпитпитканьем Кутберта. Первое, что пришло мне в голову, — это что сбежала одна из

наших крупных анаконд и теперь закусывает каким-нибудь экспонатом моего зверинца. Я как ошпаренный выскочил из гамака и зажег «летучую мышь», которую всегда держал при себе на всякий экстренный случай. Света от нее было не больше, чем от какого-нибудь захудалого светляка, но уже лучше хоть что-то, чем ничего. Вооружившись палкой, я отворил дверь в комнату для животных, огляделся и в полумраке увидел Кутберта: он сидел на ярусе клеток с умственно отсталым и вместе с тем негодующим видом. Когда я ступил в комнату, что-то длинное и тонкое вымахнуло из-за полуотворенной двери и разом, без малейшего усилия, разодрало штанину моей пижамы от колена до щиколотки. Нападение было совершено сзади, со спины. Я с необычайной резвостью проскочил дальше в комнату и, с трудом устояв на ногах, стал осторожно поворачиваться, чтобы заглянуть за дверь. Я был уверен, что на меня напал какой-то чужак, потому что никто из моих подопечных, насколько мне было известно, не мог нападать с такой силой и стремительностью. Я осторожно прикрыл дверь палкой: распростертый на полу наподобие большой мохнатой морской звезды в углу комнаты лежал ленивец.

Тут необходимы некоторые пояснения: ленивец, лежащий на земле, почти так же беспомощен, как новорожденный котенок. Лапы служат ему для подвешивания, а не для ходьбы, поэтому на земле он может лишь выбрасывать вперед свои длинные конечности, цепляться за что-нибудь когтями и подтягиваться. Это весьма тягостное зрелище, и, когда видишь его впервые, можешь подумать, что у животного паралич или перебит спинной хребет. Но попробуй подступись к этим огромным когтям или зубастой пасти — и ты сразу убедишься, что животное не так беспомощно, как кажется.

Ленивец лежал, словно прохлаждался, вслепую шастая в воздухе своими крюками в надежде за что-нибудь зацепиться и не находя ничего такого на голом полу. Убедившись, что ленивца пока можно оставить в покое, я занялся осмотром

клетки — интересно было установить, каким образом он ухитрился удрать. Оказывается, он отодрал две деревянные планки вместе с гвоздями и пролез в открывшийся зазор. Не берусь точно сказать, как ему удалось проделать этот трюк, возможно, своими большущими когтями он, словно долотом, поддел и оторвал планки. Между тем, пока я определял масштабы повреждений, Кутберт, шумно хлопая крыльями, слетел вниз и хотел устроиться у меня на плече. Должно быть, мое плечо казалось ему наиболее безопасным местом во всей комнате. К его неудовольствию, я столкнул его и отправился за гвоздями и молотком. Пока я чинил клетку, он сидел наверху, с озабоченным выражением смотрел мне в лицо и энергично питпитпиткал. Поднятый мною шум разбудил Боба, он с петушиным видом вошел в комнату и спросил, какого черта я грохочу молотком среди ночи.

— Подальше от ленивца! — предупредил я его, так как он остановился совсем близко от двери.

Не успел я это сказать, как ленивец перевернулся, выбросил лапу и чуть не хватил Боба по ноге. Боб с удивительным проворством отскочил в дальний угол комнаты, повернулся и сердито уставился на зверя.

— Как он выбрался из клетки? — спросил он.

— Отодрал планки. Сейчас клетка будет в порядке, ты поможешь мне взять его.

— Ничего не скажешь, ты делаешь все, чтобы эта поездка накрепко врезалась мне в память, — с горечью произнес Боб. — С тобой не заскучаешь. То анаконды, то пирайи, то ленивцы…

Кутберт страшно обрадовался Бобу и, совершив хитрый обходный маневр, устремился к заветной цели — его ногам. Подобравшись к нему, он разлегся на его ногах и приготовился отойти ко сну.

Поправив клетку, я достал пустой мешок и стал подступать к ленивцу, который продолжал беспомощно размахивать в воздухе лапами. При моем приближении он немедленно перевернулся на спину и изготовился к драке,

шипя, словно чайник, разевая пасть и далеко выбрасывая вокруг себя свои руки-крюки. Сделав несколько попыток набросить мешок ему на голову, я решил, что теперь самое время вступить в схватку Бобу.

— Возьми палку и отвлекай его внимание, — давал я руководящие указания.

— Тогда я смогу накинуть на него мешок.

Боб стряхнул со своих ног негодующего Кутберта, вооружился палкой и без особого энтузиазма приблизился к ленивцу. Кутберт неотступно следовал за ним. Боб сделал выпад в сторону ленивца, тот немедленно повернулся и ответил тем же. Боб отступил назад и полетел кувырком через Кутберта. Пользуясь моментом, пока внимание зверя было отвлечено, я бросил мешок и сам себе удивился: так ловко он попал прямо на голову ленивца. Я тут же ринулся к нему, одной рукой схватил его через мешок за загривок, а другой попробовал свести вместе его передние лапы, но вышло так, что мне удалось схватить лишь одну его лапу, да и то слишком высоко. Не успел я понять свою ошибку и отпустить лапу, как массивные когти сомкнулись, совсем как защелкивается лезвие перочинного ножа, и мои пальцы оказались зажатыми, словно в тисках. Больше того, я тут же обнаружил, что вовсе не держу ленивца за шиворот, как полагал, и он вот-вот высунет голову из-под мешка и вопьется своими желтоватыми зубами мне в руку. Судя по шипению, которое раздавалось из-под мешка, нападение отнюдь не настроило ленивца на благодушный лад. Тем временем Бобу удалось отделаться от Кутберта. Они расстались друг с другом в состоянии взаимной вражды, и я крикнул Бобу, чтобы он подал мне палку; вооружившись ею, я почувствовал себя уверенней.

— Открой дверцу клетки, я попробую втащить его туда, — сказал я.

Боб сделал, как я просил, но в тот самый момент, когда я хотел поднять ленивца и пронести его через комнату, мешок свалился с его головы. Единственное, что пришло мне тут в

голову, — это сунуть палку ему в пасть. Пасть захлопнулась, и раздалось хрумканье, от которого мороз подрал меня по коже. Своей плененной рукой я поднимал его с пола, а свободной пихал палку ему в рот. Этот редчайший жонглерский фокус готов был увенчаться успехом, как вдруг подлетел Кутберт и улегся мне на ноги. Я медленно поворачивался вокруг собственной оси, Кутберт с восторженным питпитпитканьем преследовал мои щиколотки, а ленивец висел у меня на руке и мрачно жевал палку, время от времени испуская яростное шипение.

— Может, ты уберешь эту проклятую птицу? — сердито сказал я Бобу, который стоял у стены, заливаясь истерическим смехом. — Да поживее, не то ленивец укусит меня.

Со слезами на глазах Боб отогнал Кутберта, а я протопал со своей ношей через всю комнату и попытался пропихнуть ленивца сквозь дверцу клетки. Между нами завязалась борьба, он уцепился задними лапами за решетку, и отодрать его не представлялось никакой возможности.

— Чем стоять так да смеяться, лучше бы помог мне отцепить эту проклятую тварь, — сказал я.

— Попробовал бы ты не смеяться, если б видел все это со стороны, — ответил Боб. — Особенно мне понравился пируэт, который ты проделал с Кутбертом. Оч-чень элегантно.

В конце концов мы ухитрились запихать ленивца в клетку, усмирили Кутберта и разошлись по своим гамакам. На другой день я достал проволочной сетки и заделал клетку ленивца так, что сбежать из нее стало труднее, чем из Дартмутской тюрьмы.

На ленивцев с самого начала было возведено столько поклепов, как ни на какое другое животное Южноамериканского континента. О них писали, что они ленивы, глупы, уродливы, медлительны, безобразны, что их необычное телосложение является для них источником постоянных мук, и прочее, и прочее, и прочее. Вот типичное

описание ленивца, принадлежащее перу некоего Гонсало Фердинандо де Овьедо:

«А еще есть другой удивительный зверь, которого испанцы в насмешку зовут cagnuolo, что значит „подвижная собака“, тогда как на самом деле это одна из самых медлительных тварей на свете и в движении так тяжела и неуклюжа, что насилу может пройти и пятьдесят шагов за день. У cagnuolo четыре длинные ноги, и на каждой по четыре когтя, как у птиц, и когти эти плотно прилегают один к другому; но ни когти, ни ноги не могут поддерживать их тело на земле… Больше всего они любят виснуть на деревьях и на других предметах, по которым можно карабкаться вверх… Я сам держал их у себя дома и не заметил, чтобы они питались чем-либо иным, кроме воздуха, и того же мнения придерживаются все местные жители, ибо никто не видел, чтобы они что-нибудь ели, зато их головы и рты всегда повернуты в ту сторону, откуда ветер сильнее, из чего можно заключить, что больше всего им по вкусу воздух. Они не кусаются, но могут кусаться. Рты у них очень маленькие, они неядовиты и безвредны, просто-напросто это совершенно тупые и бесполезные, ненужные человеку твари».

Вот как Овьедо с почти журналистской разухабистостью рисует в высшей степени недостоверный портрет ленивца. Во-первых, ленивец вовсе не такой уж ленивец, что не может пройти за день и «пятидесяти шагов». Я уверен, что, передвигаясь с максимальной скоростью, он может покрыть за день несколько миль, разумеется при условии, что он будет иметь возможность беспрепятственно перебираться с дерева на дерево. Но в том-то и дело, что амбиция ленивца не заедает и он не стремится очертя голову мотаться по лесу: до тех пор, пока дерево, на котором он сидит, вдоволь обеспечивает его пищей, он никуда не торопится.

Далее, Овьедо очень пренебрежительно отзывается о лапах ленивцев. Он поносит их конечности только за то, что они «не могут поддерживать их тело на земле». Но ведь ленивец не наземное животное, а древесное; он спускается с

дерева лишь в случае крайней необходимости, и в таком случае ему действительно трудно, больше того, почти невозможно ходить, потому что его лапы приспособлены для лазанья по деревьям. Нельзя требовать от ленивца, чтобы он бегал по земле, как олень, точно так же как нельзя требовать от оленя, чтобы он проворно лазал по деревьям. А Овьедо, вместо того чтобы похвалить ленивца за чудесное приспособление к жизни на деревьях, видит лишь одно: что ленивец не может ходить по земле, хотя ленивец к этому вовсе не приспособлен и не стремится.

Ославив беднягу ленивца, что у него, мол, и руки не те, и ноги не те, Овьедо затем утверждает, что ленивец живет воздухом. Это означает то, что Овьедо попросту не кормил свое домашнее животное либо давал ему не ту пищу, потому что отсутствием аппетита ленивцы, как правило, не страдают. И наконец, Овьедо одним махом разделывается со всеми ленивцами на свете: раз они бесполезны для человека, то они бесполезны вообще. Ну что ж, воззрение, будто все животные созданы на потребу человеку, было обычным во времена Овьедо и еще бытует и поныне. Ведь и в наши дни находится немало напыщенных двуногих задавак, которые полагают, что то или иное животное подлежит немедленному истреблению, если оно не приносит непосредственной пользы человечеству вообще и им в частности.

В своей «Естественной истории» великий Бюффон отделал ленивца еще почище, чем Овьедо. По мнению Бюффона, ленивцы ни больше ни меньше как величайшая ошибка природы, потому что, видите ли, у них нет ни оружия нападения, ни оружия защиты, они медлительны, чрезвычайно глупы и жизнь для них — сплошная мука. Все это, утверждает Бюффон, результат странного, аляповатого строения существа, лишенного милости природы и демонстрирующего нам образец врожденного убожества.

Вскоре после ночной баталии с двупалым ленивцем мы приобрели ленивца другого вида, который водится в Гвиане, — трехпалого. Животные были до того непохожи

друг на друга, что с первого взгляда казалось, будто они не имеют между собой ничего общего. Они были примерно одинаковых размеров, только у трехпалого была удивительно маленькая для его тела круглая голова с крохотными глазками, носом и ртом. И еще, если у двупалого косматая коричневая шерсть была редка, то трехпалый был покрыт густой пепельно-серой шерстью удивительной фактуры, напоминавшей сухой мох. Ноги его были такие волосатые, что казались вдвое более мощными, чем у двупалого, тогда как на самом деле были гораздо слабее. На его спине, на лопатках, виднелся узор из темной шерсти в виде восьмерки.

Получив возможность наблюдать одновременно двух ленивцев различных видов, я обнаружил, что повадки животных столь же различны, как и их внешность. Так, например, двупалый любил спать, уцепившись за сук, в характерной для ленивцев позе — положив голову на грудь между передними лапами; трехпалый же предпочитал устроиться в развилке — цеплялся лапами за одну ветку, а спиной упирался в другую. Двупалый, как я уже говорил, чувствовал себя на земле довольно беспомощно, трехпалый же мог держаться на лапах и, ставя внутрь свои массивные когти, передвигаться ползком на полусогнутых ногах, словно разбитый ревматизмом глубокий старик. Правда, двигался он медленно и неуверенно, но все же мог перебираться с места на место. Зато при лазанье по деревьям все обстояло наоборот: двупалый передвигался быстро и проворно, а трехпалый проявлял медлительность и неуверенность, каждый раз пробуя сук лапой, прежде чем доверить ему тяжесть своего тела. Двупалый отличался дикостью и вероломством — таким он показал себя в ночь своего бегства, — его сородич, пусть даже только что пойманный, не внушал никаких опасений.

Подметив в трехпалом ленивце такую кротость, я на другой же день вытащил его из клетки, чтобы воочию ознакомиться с одним заинтересовавшим меня явлением. Застав меня с ленивцем на коленях — причем я самым

прилежным образом искал у него в шерсти, — Боб, естественно, поинтересовался, чем это я занимаюсь. «Ищу растительность в его шерсти», — со всей серьезностью отвечал я, и, конечно. Боб мне не поверил. И как бы долго и нудно я ему ни объяснял, что я не шучу, лишь много времени спустя, когда мы приобрели третьего ленивца, мне удалось убедить Боба, что я не разыгрываю его.

Дело в том, что каждый волосок ленивца имеет шероховатую желобчатую поверхность, и на ней есть растительность — какой-то вид водорослей, — придающая волосу зеленоватый оттенок. Это то самое растение, которое можно увидеть на гнилых изгородях в Англии, ну а во влажной, сырой атмосфере тропиков оно пышно разрастается на шерсти и придает ленивцу отличную защитную окраску. Это единственный в своем роде случай симбиоза растения и млекопитающего.

Как бы там ни было, содержать в неволе злонравного двупалого ленивца оказалось легче, чем трехпалого, потому что двупалый отлично себя чувствовал на диете из бананов, нарезанных кусочками плодов дынного и мангового деревьев и нескольких видов листьев, включая вездесущий гибискус. Трехпалый же кормился исключительно одним видом листьев и упорно отказывался от всяких других, так что его питание представляло для меня немалую проблему. Будучи весьма примитивными животными, ленивцы способны долго обходиться без пищи; рекорд принадлежит трехпалому ленивцу одного зоопарка, который постился месяц без каких-либо вредных для себя последствий. Кроме того, ленивцы обладают способностью оправляться от ран, смертельных для любых других животных, и даже могут принимать большие дозы яда без явного вреда для себя. Эта живучесть, а также их медлительность и неторопливость удивительно сближают их с пресмыкающимися.

В своем рассуждении о ленивцах Овьедо следующим образом отзывается об их криках: «Их голос весьма отличен от голосов других зверей, ибо они поют только ночью, да и то

время от времени, и распевают всегда шесть нот, одну ниже другой по нисходящей линии, так что первая нота самая высокая, а остальные все ниже и ниже; подобно тому, как если бы человек говорил: ля, соль, фа, ми, ре, до, этот зверь говорит: ха, ха, ха, ха, ха, ха, ха… Похоже, что только от этого зверя, и ни от чего другого, ведет свое начало музыка и первые принципы этой науки».

Ничего не могу сказать про оперные таланты ленивцев Овьедо, знаю только, что мои ленивцы не производили никаких звуков, которые соответствовали бы его описанию. Я провел в гамаке много бессонных часов, надеясь, что они займутся сольфеджио, но они были немы как рыбы. Двупалый, когда его тревожили, издавал громкий шипящий звук, о котором я уже упоминал; трехпалый издавал такой же звук послабее, иногда дополняя его глухим стенанием, как от сильной боли. Судя по одним только этим звукам; я бы не решился присоединиться к Овьедо в предположении, что искусство музыки ведет свое начало от песни ленивца.

Увлекшись семейством Bradypodidae, я совсем позабыл про лунного увари, и, лишь когда Боб напомнил мне, что через три дня мы должны вернуться в Джорджтаун сдать очередную партию животных, до меня вдруг дошло, что я упускаю последнюю возможность приобрести опоссума этого вида. Я еще раз поспешно повысил цену и забегал по главной улице Эдвенчер, наведываясь к людям, которые могли иметь хоть какое-то отношение к охоте, и умоляя их раздобыть мне лунного увари. Однако ко дню нашего отъезда лунного увари мне так и не принесли, и это повергло меня в глубочайшее уныние.

Чтобы доставить нашу живность к причалу, мы наняли громоздкую продолговатую повозку, запряженную понурой клячей. Повозка остановилась на улице перед нашей лачугой, и мы с Бобом принялись грузить ее клетками с животными. Тут были ящики с тейю и игуанами, сумки с мелкими змеями и мешки с анакондами, клетки с крысами, обезьянами и ленивцами, Кутберт, отчаянно питпитпиткающий из-за

решетки, клетки с маленькими птичками и большие жестянки с рыбами и, наконец, благоухающая клетка с опоссумами. Высоко нагруженный воз, скрипя и громыхая, покатил по дороге. Айвен был выслан вперед, чтобы обеспечить место для животных на палубе парохода.

Мы с Бобом медленно шли рядом с повозкой, которая гулко катила по белой от пыли дороге, испещренной тенями деревьев на обочинах. Мы помахали на прощание рукой жителям деревни, которые вышли из своих домов пожелать нам счастливого пути. Вот мы миновали последние дома деревни и вступили на конечный отрезок дороги, ведущий к берегу реки и причалу. Не успели мы пройти и половину расстояния до реки, как вдруг позади раздался крик. Я обернулся: по дороге следом за нами бежала маленькая фигурка и отчаянно махала рукой.

— Кто это? — спросил Боб.

— Почем я знаю. Уж не нам ли он машет?

— Наверное нам. Ведь на дороге больше никого нет. Повозка покатила дальше, а мы стали ждать.

— Кажется, он что-то несет, — сказал Боб.

— Может, мы что забыли?

— Или что упало с повозки?

— Ну, это едва ли.

Но вот стало возможно разглядеть бегущего. Это был маленький мальчик-индеец, он трусил по дороге, улыбаясь во весь рот, разметав по плечам свои длинные черные волосы. В одной руке он крепко сжимал шнурок, на котором болталось что-то маленькое и черное.

— Похоже, у него какое-то животное, — сказал я и двинулся ему навстречу.

— Господи! — простонал Боб. — Хватит с нас животных! Мальчик, тяжело дыша, остановился и протянул мне шнурок. На другом его конце болталось небольшое черное животное с розовыми лапами, розовым хвостом и красивыми темными глазами, в кремовом меху над которыми прятались вскинутые, как в постоянном удивлении, брови.

Это был лунный увари — мышиный опоссум.

Когда я несколько пришел в себя от радости, мы с Бобом принялись шарить по карманам, чтобы расплатиться за опоссума, и тут обнаружилось, что вся наша мелочь у Айвена. Однако мальчик был не прочь пройтись с нами до причала оставшиеся полмили, и мы продолжили свой путь. Но не сделали и нескольких шагов, как мне в голову пришла ужасная мысль.

— Боб, нам не во что посадить опоссума — сказал я.

— А что, разве нельзя довезти его так до Джорджтауна?

— Нет, мне нужен ящик. А уж на пароходе я смастерю из него клетку.

— Да где ж его возьмешь?

— Придется сбегать в лавку.

— Как? Снова бежать в деревню? Пароход должен быть с минуты на минуту. Ты опоздаешь, если побежишь обратно.

Как бы в подтверждение его слов с реки донесся гудок парохода. Но я уже бежал обратно в Эдвенчер.

— Задержи пароход до моего возвращения! — крикнул я.

Боб в отчаянии всплеснул руками и рысью припустил к причалу.

Я вбежал в деревню, ввалился в лавку и стал молить изумленного торговца дать мне ящик. С завидным присутствием духа, не задавая лишних вопросов, он вывалил на пол груду банок с консервами и протянул мне ящик. Я выскочил из лавки и, лишь пробежав изрядный кусок пути, заметил, что все это время мальчик-индеец сопровождал меня. Он топал рядом со мной и знай себе ухмылялся.

— Дай я понесу ящик, хозяин, — сказал он. Я с величайшей радостью отдал ему ящик, так как опоссум, недовольный беготней, стал настраиваться на воинственный лад и все норовил взобраться по шнурку и укусить меня. Мальчик-индеец бежал, взгромоздив ящик на голову, я бежал рядом, отчаянно жонглируя опоссумом. Дорога была пыльная и жаркая, с меня градом катил пот. Мне хотелось

остановиться и передохнуть, но всякий раз гудок парохода гнал меня дальше.

В полном изнеможении пробежал я последний поворот и увидел у причала пароход. За кормой его бурлила пена, на сходнях, горячо жестикулируя, стояла группа людей, среди которых я увидел Боба, Айвена и капитана. С опоссумом и ящиком в охапке я стремглав взбежал по сходням и чуть дыша припал к поручням. Сходни взяли на борт, пароход дал гудок и, задрожав, отвалил от причала. Через открывшуюся полосу воды Айвен швырнул мальчику-индейцу требуемую мзду. Окончательно я пришел в себя, лишь когда мы уже полным ходом шли вверх по реке.

— Сага о том, как лунного увари доставляли из Эдвенчер в Джорджтаун, — сказал Боб, протягивая мне бутылку пива. — Я уж совсем поставил на тебе крест. Капитан был шибко сердит. Похоже, когда я сказал, что ты побежал обратно за увари, он счел это за оскорбление мундира.

Я достал плотничий инструмент и, пока мы плыли, сделал из ящика клетку для опоссума. Затем надо было снять бечевку, которой он был перевязан поперек живота. Он распахнул пасть и с обычным для опоссумов «миролюбием» зашипел на меня, но я попросту схватил его за шиворот я стал развязывать бечевку. Тут я заметил у него на брюхе, между задними лапами, продолговатую сосискообразную вздутость и решил, что это, должно быть, какое-то внутреннее повреждение от петли. Истинная причина этого вздутия открылась мне лишь позднее. Я стал осматривать животное и, ощупывая его, обнаружил в «опухоли» продолговатый разрез. Разведя складки кожи, я увидел карман, а в нем дрожащих розовых детенышей. Взбешенная столь бесцеремонным посягательством на безопасность ее детского сада, мамаша издала громкий, дребезжащий, как жестянка, крик ярости. Продемонстрировав детенышей Бобу и сосчитав их (их оказалось трое, каждый в половину моего мизинца), я водворил разгневанную мамашу в клетку, после чего она

немедленно села на задние лапы и с величайшей осторожностью обследовала свою сумку, разглаживая всклокоченный мною мех и сердито ворча. Затем она съела банан, свернулась в клубок и заснула.

Я был в диком восторге от моего семейства мышиных опоссумов и всю дорогу до Джорджтауна только о них и говорил. В Джорджтауне мы показали собранных нами животных взбудораженному Смиту. Полагая, что от мышиных опоссумов он придет в не меньший восторг, я приберег их напоследок. Наконец с величайшей гордостью и самодовольством я показал их Смиту, но, к моему удивлению, он взглянул на зверьков с крайним отвращением.

— В чем дело? — не без некоторой обиды спросил я, — Это очень милые животные, и мне стоило чудовищного труда доставить их сюда.

Смит подвел меня к пирамиде из пяти клеток.

— У меня тут в каждой по паре таких, — мрачно сообщил он.

Я подумал о цене, которую заплатил за своего опоссума, о горячке, которую порол ради него, и тяжко вздохнул.

— Ну что ж, — философски заметил я. — А вдруг они оказались бы редкими животными? Вот я и кусал бы себе локти, что не добыл ни одного.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ
БОЛЬШУЩАЯ РЫБИНА И ЧЕРЕПАШЬИ ЯЙЦА

Южная часть Гвианы представляет собой территорию, окруженную необъятными лесами Бразилии и непролазными дебрями Суринама. Здесь, на пространстве более чем в сорок тысяч квадратных миль, простираются гвианские саванны; лес тут переходит во всхолмленную травянистую равнину, покрытую редким «садовым» кустарником. Одна из наиболее значительных среди этих равнин — саванна по реке Рупунуни площадью около пяти тысяч квадратных миль. Туда-то мы и решили отправиться после поездки в Эдвенчер, так как в саваннах обитают многие виды животных, не встречающихся в лесах.

На Рупунуни мы отъезжали в величайшей спешке. Я решил остановиться, если будет возможность, у некоего Мак-Турка, владельца ранчо в Каранамбо, в самом центре саванны, и мы отправились в контору гвианского аэрофлота справиться о расписании, так как проще всего попасть в глубину страны на самолете; можно, конечно, путешествовать и по суше или в каноэ, но тогда дорога растянется на несколько недель, а мы попросту не располагали временем, как бы заманчиво ни было подобное путешествие. К нашему ужасу, обнаружилось, что рейс в Каранамбо бывает лишь раз в две недели и, что еще хуже, рейс этот приходится на завтра. Таким образом, в нашем распоряжении на сборы, переговоры с Мак-Турком и улаживание кучи разных дел оставались только сутки. Мы купили билеты и принялись лихорадочно переделывать дела. Я пробовал связаться по телефону с Мак-Турком, чтобы известить его о нашем приезде, но не мог к нему дозвониться. Остаток дня мы укомплектовывали наш багаж самым необходимым, стараясь удержаться в пределах веса, допустимого к перевозке на самолете. Всяческие доброхоты, зудевшие желанием помочь мне, уверяли, что на Рупунуни нам нужно взять с собой лишь самое необходимое. В Каранамбо есть магазин, говорили они, и я смогу купить

там все, что нужно: гвозди, проволочную сетку и даже ящики под клетки. По своей наивности я поверил им и урезал багаж до минимальных размеров.

Наши попутчики составляли весьма разношерстную компанию. Это были: молодой английский священник с женой и огромным псом сомнительного происхождения и еще более сомнительного нрава, молодой индеец, не переставший застенчиво улыбаться всем и каждому, и, наконец, толстый индиец с супругой. Все, в том числе и мы, свалили свой багаж на аэродроме и сидели, как на похоронах, ожидая команды к посадке. Бобу было дурно, и он отнюдь не предвкушал удовольствия от полета.

Пока мы ехали по тряским дорогам от Джорджтауна к аэродрому, он все больше и больше бледнел. А теперь он сидел, положив голову на колени, и тихонько постанывал.

Но вот подали команду к посадке. С грехом пополам мы вскарабкались в самолет и уселись в небольшие ковшеобразные кресла, стоявшие по бокам, а собака священника заняла собою чуть ли не весь проход. Двери самолета закрыли, фюзеляж затрясся, и рев моторов заглушил звуки речи. Боб обменялся со мной красноречивым взглядом, откинулся на спинку кресла и закрыл глаза. Казалось, пилот был готов разбудить всех мертвых в своей решимости как следует прогреть моторы: их рев возрос до пронзительного воя, а самолет заходил ходуном, хоть и стоял на месте, так что, наверное, в нем ни винтика, ни гайки неразболтанной не осталось. Но вот мы покатили по бесконечной, протянувшейся чуть ли не на целые мили взлетной дорожке и остановились; моторы опять набрали бешеные обороты, завыли, словно ведьмы, а нас затрясло, как под сверлами бормашины. Лицо Боба приняло нежный желтоватый оттенок слоновой кости. Самолет еще раз пробежался по дорожке и оторвался от земли, мы дали круг над аэродромом и взяли курс на юг.

Внизу под нами тысячью различных оттенков зеленого цвета проплывал лес. С высоты он казался плотным и

кудрявым, словно коврик из зеленого каракуля. То здесь, то там сквозь сплетение ветвей сверкала извилистая лента реки, а иной раз лес расступался, давая место ослепительно сверкавшему на солнце песчаному островку. Потом землю закрыла гряда облаков, и только мы из нее вышли, как тут же нырнули в другую. Примерно в это же время пошли воздушные ямы; самолет вдруг проваливался на сотни футов вниз, и у меня появлялось такое ощущение, будто мой желудок остался где-то далеко позади.

Лицо Боба сделалось нежно-зеленого, яшмового цвета. Собака села на задние лапы и положила ему на колени свою огромную слюнявую морду, несомненно требуя от него сочувствия и сострадания; Боб оттолкнул ее, даже не открыв глаза. Молодой индеец перестал улыбаться всем и каждому, он прикрыл лицо большим носовым платком и тихо догорал в своем кресле.

Другой индеец, совмещавший обязанности грузчика и стюарда, непринужденно развалясь на груде мешков с почтой читал газету. Он закурил сигарету и стал овевать нас клубами ядовито-зловонного дыма. Жена священника пыталась поддерживать разговор с Бобом — как мне казалось, больше из желания отвлечься мыслями от воздушных ям, чем из стремления к общительности.

— Вы летите в Каранамбо или в Боа-Виста?

— В Каранамбо.

— Вот как! И вы надолго задержитесь на Рупунуни?

— Всего на две недели. Мы ловим животных.

— А, теперь я знаю, кто вы! Ведь это ваши фотографии были помещены в «Кроникл» на прошлой неделе, вы были сняты там с какой-то змеей в руках.

Змеи были больным местом Боба, и он только слабо улыбнулся. Тут самолет опять нырнул вниз, и Боб резко выпрямился, устремив умоляющий взгляд на грузчика-стюарда. Благодаря своей долгой практике этот человек, похоже, выработал способность телепатического общения с пассажирами: ни слова не говоря, он слез со своих

мешков, достал откуда-то большую проржавевшую жестянку и галантным жестом протянул ее Бобу. Тот уткнулся в нее лицом, да так в ней и остался. Великая сила — самовнушение, ибо вскоре его примеру последовала жена священника, а за ней и все остальные пассажиры, за исключением самого священника и меня.

Я выглянул в окно и увидел, что лес начинает расползаться на отдельные группы деревьев, разделенные травянистыми лужайками, — и вот уже мы летим над настоящей саванной. Лес уступил место всхолмленной, раскинувшейся на многие мили травянистой равнине с редким, растущим вразброс кустарником и немногочисленными, укрывшимися в складках земли озерами. Самолет стал снижаться кругами над местностью, которая казалась чуть ровнее остальной саванны: мы шли на посадку.

— Похоже, прилетели, — сказал я Бобу.

Он с трудом оторвался от жестянки и глянул в окно.

— Не валяй дурака, тут невозможно приземлиться. Не успел он договорить, как самолет мягко вошел в траву и, медленно снизив скорость, остановился. Моторы предсмертно чихнули раза два и затихли. Стюард открыл двери, и в лицо нам пахнул теплый ароматный ветерок. Все вокруг было объято отрадной, абсолютной тишиной. Самолет окружила кучка индейцев, на фоне пустой саванны они казались ордой монголов в среднеазиатских степях. Это были единственные люди на двести миль окрест. Повсюду вокруг простиралась саванна — мили и мили волнующейся травы, серебристо сверкавшей под дуновениями ветерка; единственным признаком жилья здесь была какая-то необыкновенная постройка ярдах в ста поодаль — что-то вроде стоящей на столбах соломенной крыши без стен. Под крышей была манящая тень, поэтому мы подошли к навесу и сели.

— Ты уверен, что это Каранамбо? — спросил Боб.

— Так утверждает стюард.

— Не сказал бы, что это перенаселенное местечко, —

заметил Боб, критически озирая кучку индейцев.

Примерно в полумиле справа посреди саванны возвышалась бровка пыльно-зеленого леса. Внезапно из лесу появился автомобиль: прыгая и рыская в траве, он мчался на нас, оставляя за собой тучу красной пыли. Вот он подкатил к навесу, под которым мы сидели, и из него выскочил тощий загорелый человек.

— Мак-Турк, — кратко представился он, подходя к нам и протягивая руку.

Я начал извиняться, что мы приехали без предупреждения, но Мак-Турк сказал, что до него уже дошел слух о нашем приезде и он не явился для него неожиданностью.

— Это весь ваш багаж? — спросил он, скептически оглядывая жалкую кучку наших пожитков.

Я объяснил, что нам поневоле пришлось путешествовать налегке.

— Ожидал, что вы привезете с собой кучу сетей, веревок и прочих вещей, — только и заметил Мак-Турк.

Забрав с самолета почту и товар, Мак-Турк побросал наши пожитки в прицеп, и мы с умопомрачительной скоростью понеслись по саванне. Машина мчалась по колее, пробитой в красноземе, лавируя между большими травянистыми кочками, рытвинами и трещинами, словно охотящаяся за насекомыми ласточка, а прицеп скакал и мотался позади, как консервная банка, привязанная к хвосту вертлявой собачонки. Индейские мальчишки, сидевшие в прицепе, смеялись и болтали, крепко ухватившись за борта, чтобы, не вывалиться в траву. Завывая мотором, выдрались мы из травы и нырнули в лес, лавируя между деревьями по извилистой дороге, затем с головокружительной быстротой пересекли еще один кусок саванны, зигзагами промахнули еще один островок леса и выехали на прогалину, где стоял дом Мак-Турка. Куры так и прыснули врассыпную из-под колес машины, а, когда мы подрулили к дому, навстречу нам с яростным лаем бросилась стая собак. Затем показалась и

сама миссис Мак-Турк, стройная и смуглая, одетая в голубые джинсы, что ей очень шло.

Дом Мак-Турка оказался в высшей степени оригинальным и восхитительным жилищем, я такого никогда не видел. Это был квадратный, сложенный из красного кирпича дом, покрытый огромной конической соломенной крышей, придававшей ему вид гигантского тропического улья. Потолков в комнатах не было, и, задрав голову, можно было увидеть вершину конуса кровли, маячившую где-то на высоте пятидесяти футов, а взобравшись на стул, можно было заглянуть поверх стены в соседнюю комнату. Больше того, в главной жилой комнате были полностью возведены лишь две внутренние стены, а внешние возвышались лишь фута на два от земли, так что за едой вы могли любоваться фруктовым садом и спускавшейся к реке рощей. Обстановка этой комнаты состояла из радиотелефона, огромного стола, нескольких гамаков, подвешенных в стратегически важных пунктах, и одного-двух стульев. Стены были украшены разнообразным диковинным оружием: луками и стрелами, сарбаканами, дробовиками и винтовками, копьями и удивительными головными уборами из перьев, а вперемежку со всем этим были развешаны для просушки пучки кукурузы.

Когда мы завтракали в этой чудесной комнате, я узнал новость, сразившую меня наповал: в Каранамбо нет и никогда не было магазина. А еще хуже то, что у Мак-Турка нет ни ящиков, ни дерева, которое можно было бы пустить под клетки для животных. Похоже, Мак-Турк необычайно потешался тем, что в Джорджтауне нашлись глупцы, возомнившие, будто в Каранамбо есть магазин, и, чем больше я мрачнел, тем веселее он становился.

— То-то я удивился, почему с вами нет сетей и всего такого прочего, — говорил он. — Я как услышал, что едут звероловы, так сразу подумал: вот уж, наверно, привезут с собой ворох всяких капканов, веревок и прочего снаряжения.

После завтрака Мак-Турк, чтобы хоть немного развлечь нас, предложил отправиться с ним на рыбалку вниз по реке.

Это давало нам возможность присмотреться к местности и сделать наметки на будущее. Мы спустились через рощу к реке и вышли к крохотной бухточке, где стояла целая флотилия лодок. Тут были и местные каноэ, и лодки, похожие на спасательные шлюпки, а также широкий короткий ялик с подвесным мотором. Мак-Турк забрался в ялик и стал возиться с мотором, а мы с Бобом прилегли на берегу покурить. Только мы улеглись, как на нас безжалостно набросились полчища крошечных черных мушек. Величиной чуть побольше булавочной головки, кусались они совершенно несоразмерно своему росту. Казалось, будто в тебя по всему телу тыкают тысячи зажженных сигарет, и вот мы с Бобом прыгаем по берегу, с чертыханьем хлопая себя то тут, то там и лихорадочно опуская закатанные рукава рубах. Мак-Турк с интересом наблюдал за нашими пируэтами.

— Это мухи кабура, — пояснил он. — Сейчас они еще не так злы. Вот видели бы вы их в дождливый сезон, их тогда тьма-тьмущая.

Кабура не переставали покушаться на нас, пока ялик не вытолкнули на середину реки и не заработал мотор. Несколько мушек увязалось за нами, но в конце концов мы оторвались и от них. Мак-Турк объяснил, что кабура живут исключительно в сырых местах и в сухой сезон встречаются лишь по берегам рек. В дождливый же сезон, когда обширные пространства саванны заливаются водой, мухи, так сказать, получают гораздо большую дальнобойность и всемерно этим пользуются, несметными полчищами набрасываясь на человека, который отважится выйти в саванну без всякой защиты.

Река была коричневатого цвета, не особенно широкая, но глубокая и быстрая. На поворотах ее подернутые рябью воды нагромоздили большие отмели из золотистого песка, усеянные гниющими стволами упавших деревьев и большими плитами гладкого серого камня. Заросли по берегам были невысокие, но очень густые и запутанные, причем не того сочно-зеленого оттенка, какого естественно ожидать от

соседства с таким обилием воды, а какие-то серовато-оливковые, пыльные и заскорузлые. Мак-Турк, непринужденно развалясь на корме, знакомил нас с местностью. Лучшего проводника нельзя было и желать; он здесь родился и вырос и знал этот край не хуже любого индейца, если не лучше.

Перво-наперво я спросил Мак-Турка, водятся ли в реке электрические угри; мне очень хотелось добыть несколько экземпляров. Он ответил, что их тут полно, и в подтверждение своих слов направил ялик к берегу и высадил нас на отшлифованные водой и уложенные наподобие ступеней каменные плиты. По этой серой лестнице из камня он повел нас наверх, и, поднявшись футов на шесть над водой, мы вышли к нескольким глубоким, шириной фута в два каждая, скважинам, очевидно уходящим в глубину земли и наполненным прозрачной медно-красной водой. Велев нам внимательно слушать, Мак-Турк, громко притопывая, стал обходить скважину. После короткой паузы сквозь камень у нас под ногами послышались какие-то храпящие, хрюкающие звуки.

— Электрические угри, — сказал Мак-Турк. — Они живут в этих скважинах. Но у них есть и подводные проходы в реку. Если как следует потопать, они испугаются и уплывут, и тогда можно подстрелить их в реке.

Он снова затопал ногами, и из-под плит донеслось неистовое хрюканье, странные булькающие, рыгающие звуки, которые скорее можно ожидать от свиньи в хлюпающем свинарнике, чем от электрического угря, укрывшегося в своей подводной норе. Но вот мы снова двинулись вниз по реке, и Мак-Турк сказал, что, на его взгляд, ходячее мнение об опасности электрических угрей сильно преувеличено; слов нет, они далеко не идеальные компаньоны для купающихся, но он не думает, что они настолько агрессивны и смертоносны, как уверяют. Я решил воздержаться от комментариев на этот счет до тех пор, пока не познакомлюсь с ними поближе.

После гнездилища электрических угрей река давала несколько плавных излучин, и, миновав одну из них, мы увидели огромную отмель, а на ней три самые фантастические птицы, какие мне когда-либо приходилось встречать. У них был черно-белый наряд, очень короткие ноги и длинные клювы, ярко раскрашенные желтым, красным и черным, которые словно перетягивали вперед все их тело. Они вперевалку похаживали по песку на своих коротеньких ножках, тыча в нашу сторону своими большущими клоунскими носами и издавая недовольные тревожные крики. На расстоянии их клювы казались необычайно уродливыми, и, лишь рассмотрев птиц в бинокль, я понял почему. Нижняя часть клюва у них была значительно длиннее верхней, а потому казалось, будто им отрубили два-три дюйма верхней половинки клюва. Обкорнанный клюв, да еще ярко раскрашенный, и придавал птицам в высшей степени необычный вид. Однако водорез — так зовут эту птицу — вовсе не урод: подрубленный разноцветный клюв — такая же «ошибка природы», как и ленивец Бюффона, иначе говоря, тщательно разработанное хитроумное приспособление, помогающее птице добывать пищу. Время от времени случается видеть на книжном прилавке книгу, автор которой, прилежно описывая какие-нибудь «Удивительные факты в мире животных», неизбежно впадает в восторги по поводу многообразия птичьих клювов. Список имен обычно начинается с пеликанов и фламинго. О водорезах либо совсем забывают, либо пишут очень редко, хотя в мире птиц они наверняка обладают самым необычным клювом. Водорез летает с раскрытым клювом над самой водой — отсюда его название. Его длинная нижняя челюсть вспарывает поверхность воды, как лезвие ножниц вспарывает ткань, и птица зачерпывает челюстью мальков и прочую живность, составляющую ее пищу. Будь обе половинки клюва одинаковой длины, этот трюк не так легко бы ей удавался, а потому природа заботливо убрала лишнюю часть клюва. Беспокойно переступая на своих коротеньких ножках,

водорезы наблюдали за нашим приближением. Наконец мотор чихнул в последний раз и затих, нос ялика, мягко шурша, вошел в песок, и асе три птицы поднялись в воздух, повернули свои пестрые носы вниз по течению и полетели прочь, переговариваясь между собой протяжными щебечущими криками.

На песке виднелось множество цепочек следов, в которые вплетались и следы водорезов — они ветвились на песке наподобие ствола плюща. Один из следов вел от кромки воды к гребню отмели. Это была длинная гладкая борозда, словно по песку прокатили тяжелый шар, по бокам борозды шли глубокие короткие насечки. След кончался круглой площадкой, словно песок тут был грубо прибит лопатой. Я с удивлением рассматривал этот странный след.

— Это черепаха выходила откладывать яйца, — пояснил Мак-Турк.

Он подошел к концу следа и разгреб песок. В ямке, дюймах в шести от поверхности, лежало с десяток покрытых тонкой кожистой скорлупой яиц размером чуть поменьше куриных. Мак-Турк надорвал на одном яйце скорлупу, так что стал виден клейкий белок и яркий желток, и опрокинул его содержимое в рот. Я последовал его примеру. Черепашьи яйца оказались необычайно вкусны: в сыром виде, слегка прогретые солнцем, они имеют чудесный сладковатый ореховый привкус. Мы расположились на песке и за один присест уничтожили все яйца. Чуть поодаль на берегу я нашел еще одну кладку, эти яйца мы захватили с собой на ужин. Сваренные вкрутую, они напоминали по вкусу сладкие каштаны.

Обтерев с губ желток, мы прошли отмель и нырнули в густой лес, который в действительности оказался всего-навсего густой и узкой полосой деревьев, окаймлявших реку, так что вскоре мы снова очутились в саванне по пояс в шуршащей, подсушенной солнцем траве. Идти было трудно: вперемежку с обычной для саванны грубой травой тут росла еще какая-то другая, самая вредная из всех, какие попадались

мне на жизненном пути. Росла она собранными в большие пучки тонкими изящными листьями футов семи в длину, сочными и прохладными, которые с поистине макиавеллевским коварством стлались и извивались у нас под ногами. Ребро такого листа острее лезвия бритвы и сплошь усеяно микроскопическими зазубринами — ни дать ни взять ножовка, да и только. Малейшее прикосновение — и кожа покрывается десятками порезов, длинных и глубоких, словно разрез скальпелем. Попробовав отвести голой рукой пучок этих листьев, я весь изрезался и искровянился, и вид у меня стал такой, будто я схватился с парой ягуаров. А Боб, с трудом отличавший одну траву от другой, присел отдохнуть на большущий пучок бритвы-травы и констатировал это через свои брюки.

Пройдя злаковник, мы вновь вышли к островку леса. Деревья тут росли вокруг безмятежного озера, в которое впадала небольшая ленивая протока реки. Озеро было почти круглое, и в самом его центре, уходя стволом футов на шесть в воду, росло высокое прямое дерево, увешанное фантастическими плодами — странными бутылкообразными гнездами, сплетенными из пальмовых волокон и травы. Тут же порхали с ветки на ветку и ныряли в гнезда их владельцы — желтоспинные кассики, птицы величиной с дрозда; у них было лимонно-желтое с черным оперение и длинные острые клювы цвета слоновой кости. Вместе с подвешенными гнездами и множеством порхающих и присвистывающих ярко окрашенных птиц дерево до мельчайших подробностей отражалось в тихой, медового цвета воде. Время от времени зеркало воды разбивалось упавшим с дерева листом или веткой, и тогда отражение на секунду дробилось и расплывалось.

Мы присели полюбоваться птицами, как вдруг водная гладь у берега всколыхнулась, пошла морщинами, и над водой показалась длинная корявая морда с выпученным глазом.

— Одноглазый, — сказал Мак-Турк, глядя, как кайман

приближается к тому месту, где мы сидели. Его голова скользила над поверхностью воды почти неуловимо для глаза. Когда он подплыл совсем близко, стало видно, что одна из его глазниц пуста и сморщена. Двигался он таким образом, чтобы все время держаться к нам своей зрячей стороной. Сколько помнит себя Мак-Турк, кайман этот всегда был властителем озера, а как он потерял глаз — одному богу известно. Быть может, глаз был выбит индейской стрелой, быть может, кайман схлестнулся с ягуаром, и тот выцарапал ему глаз когтями. Как бы там ни было, он остался в живых и, подобно Нельсону среди пресмыкающихся, здравствовал в озере, властвуя над кайманами поменьше.

Кайман подплыл к нам на расстояние тридцати футов, затем повернул и направился в дальний конец озера. Плыл он слепой стороной к нам. Мак-Турк взял сук и стукнул им по стволу дерева. Эхо гулко разнеслось над водой, птичий гомон смолк. Одноглазый быстро и плавно погрузился и вновь всплыл на поверхность, устремив на нас свой целый глаз. Мы двинулись по берегу в обход озера, а он выплыл на середину и медленно кружился там наподобие волчка, настороженно следя за нами.

Мы подошли к большому дереву, оно клонилось над водой под углом в семьдесят пять градусов и было увешано длинными прядями мха и пучками крупных восково-красных орхидей. Мы забрались в его крону и очутились как бы на сказочном, заполненном орхидеями балконе высоко над водой. Под нами колыхались наши отражения: лепестки орхидей, кружась, падали в воду от наших движений и рябили ее. Мы сидели и осматривали озеро, как вдруг Мак-Турк указал на воду под нами футах в пятидесяти от берега.

Мы напрягли зрение, но, сколько ни вглядывались, над поверхностью воды все было тихо. Я уже собрался спросить, что мы высматриваем, как вдруг раздался громкий всплеск, что-то мелькнуло над водой и пропало, оставив после себя лишь легкую рябь да струйку поднимающихся с глубины золотистых пузырьков.

— Арапаима, — с удовлетворением констатировал Мак-Турк. — Плывет сюда. Смотрите вниз.

Решительно настроенный не упустить такое зрелище, я уставился в воду. Плеск раздался еще и еще, он все приближался, и вот совершенно неожиданно мы увидели большущую рыбину, она лениво проплывала в прозрачной янтарной воде под нами. На какое-то мгновение показалось ее массивное торпедообразное тело, высокий плавник, словно веер украшавший ее спину, и хвост, слишком тупой и короткий для рыбы таких размеров, — и вот уже она пропала в многоцветном отражении дерева, и мы ее больше не видим.

К сожалению, это был первый и последний случай, когда нам довелось увидеть арапаиму, одну из крупнейших пресноводных рыб, хотя они обычны в реках и озерах бассейна Рупунуни. Эти грандиозные рыбы вырастают до шести-семи футов длиной и весят от двухсот до трехсот фунтов. По словам Мак-Турка, самая большая из пойманных им рыб достигала девяти футов в длину. Арапаимы настолько крупные и проворные рыбы, что, пожалуй, их единственные враги — человек да вездесущий ягуар. Человек охотится на них с копьем или луком, у ягуара свой метод. Он ловит момент, когда рыба подплывет поближе к берегу, а затем бросается в воду и ударами мощных лап, совсем как кошка бумажку, начинает выбрасывать рыбу на берег.

Мак-Турк сказал, что не составит труда добыть арапаиму с помощью копья, если мне хочется осмотреть ее, но мне просто совестно было убивать такое великолепное животное ради своей прихоти, а о том, чтобы поймать рыбу живьем, не могло быть и речи: если б даже это удалось, встала бы проблема доставки ее к побережью в нескольких сотнях галлонов воды. Даже я при всей своей неистовой страсти к животным был вынужден отказаться от мысли взять с собой в Джорджтаун живую арапаиму.

Мак-Турк сообщил нам любопытный факт об этой рыбе — факт, насколько мне известно, еще никем не отмеченный. В период выведения потомства у самки арапаимы появляется

на голове нечто вроде железы, источающей белую, похожую на молоко жидкость. Мак-Турк утверждал, что не раз видел, как мальки собираются вокруг головы матери и, по-видимому, питаются этим молоком. Это было поразительно, и я все надеялся, что, пока мы будем на Рупунуни, посчастливится увидеть это, но нам не повезло. Открытие рыбы, которая «вскармливает» свою молодь, несомненно произвело бы сенсацию среди зоологов и ихтиологов.

Некоторое время мы сидели на дереве в надежде увидеть еще одну арапаиму, но вода внизу оставалась тихой и безжизненной. Тогда мы слезли с дерева и пошли кругом на противоположный берег. Здесь на мелководье Мак-Турк показал нам индейский способ рыбной ловли. Он снял с плеча небольшой лук — хилое и совершенно никчемное с виду оружие, приладил к тетиве тоненькую стрелу, зашел по колено в темную воду и несколько минут стоял неподвижно. Потом он вдруг поднял лук и тренькнул тетивой. Стрела беззвучно, без всплеска ушла в воду футах в пятнадцати перед ним и первое время торчала стоймя, так что над поверхностью виднелось дюймов пять ее древка, а потом словно обрела самостоятельную жизнь: вздрогнула, задергалась и быстро пошла зигзагами в воде в вертикальном положении. Через минуту-две древко стало все больше и больше подниматься над водой, потом наклонилось и почти плашмя легло на воду. На конце стрелы, в расплывающемся пятне крови, лежала большая серебристая рыба; стрела вошла ей в спину всем наконечником и частью древка. Вплоть до той минуты, пока рыба не всплыла на поверхность, я не видел в воде ничего, кроме пляшущей стрелы. Это оттого, что я смотрю с берега, решил я, вошел в воду и стал рядом с Мак-Турком. Некоторое время мы стояли молча и ждали, потом Мак-Турк сказал:

— Вон там… вон у того бревна, видите?

Я посмотрел туда, куда он указывал. Поверхность воды была как запыленное зеркало, и ничего особенного я не

увидел. Но Мак-Турк видел. Он поднял лук и снова выстрелил, и вот уже вторая рыба всплыла на поверхность, нанизанная на древко стрелы. Мак-Турк трижды стрелял при мне таким образом, но я ни разу не видел рыбу до того, как она всплывала на поверхность со стрелой в спине. Многолетняя практика баснословно обострила его зрение, и он успевал увидеть едва заметную тень под водой, определить направление движения, сделать поправку на преломление и выстрелить до того, как я вообще что-либо замечал.

Когда мы вернулись к отмели в основное русло, где стоял наш ялик, Мак-Турк ненадолго оставил нас одних, и мы с Бобом, чтобы скоротать время, стали искать черепашьи яйца, но безуспешно, и тогда я решил искупаться. Дно реки, полого понижаясь, длинной отмелью уходило в воду и лежало не глубже шести дюймов от поверхности. Место выглядело вполне безопасным для купания, и вскоре Боб присоединился ко мне. Некоторое время спустя, забравшись по отмели чуть подальше в реку, он подозвал меня к себе и с гордостью указал на какие-то большие круглые ямы в песке. Сядешь в такую вот ямину, погрузишься по подбородок в воду — и чувствуешь себя словно в самой природой созданной ванне. Мы с Бобом выбрали себе по яме, разлеглись в них и — трулля-ля! — весело запели. Кончив купаться, мы, как два слабоумных, запрыгали по песку, чтобы обсушиться. Только мы начали одеваться, как появился Мак-Турк, и я принялся расписывать ему отмель — мол, какое это чудесное место для купания.

— А те ямы, что нашел Боб, нарочно лучше не придумаешь, — сказал я. — Сидишь в воде как раз по подбородок.

— Ямы? — переспросил Мак-Турк. — Какие ямы?

— А те, что в песке, вроде кратеров, — пояснил Боб.

— Вы в них сидели? — продолжал допрашивать тот.

— Ну да, — ничего не понимая, отвечал Боб.

— А что, они какие-нибудь особенные? — спросил я.

— Да нет, если не считать того, что они сделаны

скатами, — отвечал Мак-Турк, — и если бы вы уселись на ската, вы бы и без меня узнали что к чему.

Я взглянул на Боба.

— А они большие? — нервно спросил он.

— Да обычно как раз умещаются в яме, — ответил Мак-Турк.

— Господи боже! Я сидел в яме чуть ли не с ванну величиной! — воскликнул я.

— Ну да, бывают и такие, — сказал Мак-Турк.

К ялику мы возвращались в молчании.

Когда мы двинулись обратно вверх по течению к Каранамбо, река под закатным солнцем превратилась в сверкающую дорожку из расплавленной меди, над ней белоснежными цаплями плыли облака. В тихих затонах играли рыбы — внезапный всплеск, золотистые круги по воде. Наконец ялик, тарахтя мотором, обогнул последнюю излучину и протискался к своему месту посреди необычной флотилии, собравшейся в бухточке; мотор почихал и затих, над рекой вновь воцарилась тишина, которую нарушали лишь хриплые крики больших жаб на противоположном берегу .

— Как насчет купания? — спросил Мак-Турк, когда мы вылезли из ялика.

Я взглянул на сумеречную реку.

— Здесь? — спросил я.

— Ну да, я всегда здесь купаюсь.

— А пирайи?

— О, здесь они вас не потревожат.

Успокоенные этим заверением, мы разделись и скользнули в теплую воду. Течение напирало и дрожью отдавалось в теле. Футах в тридцати от берега я нырнул и не мог достать дна, уже на глубине шести футов вода была холодна как лед. Мы знай себе плавали, как вдруг со стороны небольшого островка, расположенного посреди реки, футах в полтораста от нас донесся всхрап и громкий плеск.

— Что это? — спросил я Мак-Турка.

— Кайман, — исчерпывающе объяснил он.

— Они что, не нападают? — как бы невзначай спросил Боб, вставая солдатиком в воде и оглядываясь через плечо, далеко ли до берега.

Я тоже оглянулся и обнаружил весьма удивительную вещь: всего две-три минуты назад я думал, что до берега рукой глодать, а теперь мне казалось, что нас отделяет от суши чуть ли не несколько миль водного пространства.

Мак-Турк стал уверять, что кайманы никогда не нападают на человека, но нам уже было не до купания, и мы быстрехонько выскочили на берег. Много ли радости купаться в реке, когда под тобой пятнадцать футов темной воды и ты знаешь, что там, в этой черной глубине, могут быть и электрические угри, и стаи алчущих пирай, и обходящий дозором свои владения кайман? Когда мы оделись, Мак-Турк направил луч карманного фонаря в сторону островка, и мы насчитали шесть пар красных, как раскаленные угли, глаз, светившихся над водой.

— Кайманы, — повторил Мак-Турк. — Их тут полно. Ну что, пошли ужинать?

И он первым двинулся между деревьями к дому.

ГЛАВА ПЯТАЯ
ЗА МУРАВЬЕДОМ

Поймать гигантского муравьеда было одной из главных причин, почему мы отправились на Рупунуни: мы слышали, что ловить муравьедов в саванне куда проще, чем в гвианских лесах.

Прилетев в Каранамбо, мы три дня только и говорили, что о муравьедах, и Мак-Турк пообещал нам устроить это дело. В одно прекрасное утро сразу же после завтрака перед нашим домом возник коренастый индеец, возник пугающе безмолвно, как это они умеют делать. У него было бронзовое, монгольского типа лицо и карие раскосые глаза, которые могли бы показаться хитрыми, если бы не робкий огонек, светившийся в них. Одет он был куда как просто: жалкие останки рубахи и брюк, а на голове с гладкими черными волосами нелепая, сооруженная из материала, некогда именовавшегося бархатом, шляпа, какую носят разве что феи в сказках. Всякий, кто ожидал увидеть перед собой свирепого воина в пестром головном уборе из перьев и с раскрашенными племенными знаками из глины, испытал бы немалое разочарование. Но как бы там ни было, от него веяло суровой уверенностью в себе, и это обнадеживало.

— Фрэнсис, — сказал Мак-Турк, указывая на явившееся нам привидение. — Похоже, он знает, где можно найти муравьеда.

Знай он, где можно найти крупную золотоносную жилу, мы не обрадовались бы ему больше. Из разговора с ним выяснилось, что он знает, где был муравьед три дня назад, но осталось ли животное на прежнем месте — это вопрос. Мак-Турк сказал, что это надо проверить, и, если муравьед все еще там, пусть Фрэнсис приходит за нами, и мы отправимся на поимку зверя. Робко улыбнувшись, Фрэнсис согласился. В тот же день он ушел и вернулся наутро с вестью, что он определил местонахождение муравьеда и может провести нас к тому месту.

— Как туда добираться? — спросил я у Мак-Турка.

— На лошадях, конечно, — ответил он. — Брать джип нет смысла. Придется здорово мотаться по саванне, джип для этого не годится.

— Я повернулся к Бобу.

— Ты умеешь ездить верхом? — с надеждой спросил я.

— Мне случалось влезать на лошадь, если ты это имеешь в виду, — осторожно ответил он и поспешно добавил: — Только на очень спокойную, конечно.

— Думаю, мы сдюжим, если вы дадите нам пару добрых смирных коняг, — сказал я Мак-Турку.

— О, я подберу вам пару смирных лошадей, — ответил Мак-Турк и начал утрясать с Фрэнсисом детали. Немного погодя он сказал нам, что мы должны встретиться с Фрэнсисом завтра утром в условленном месте милях в двух от дома. Оттуда начнется наш путь в неизвестное.

Приятных золотисто-зеленых тонов лежала саванна в первых лучах солнца, когда мы выехали на джипе к далекой кромке деревьев, где была назначена встреча с Фрэнсисом. Небо было нежно-голубое, цвета крыла сойки, высоко над нами медленно кружили два крохотных ястреба, отыскивая в просторах саванны свой завтрак. Над рыскающим носом джипа проносились прыгучие, как искры фейерверка, стрекозы, сзади вихрем взметалась рыжеватая пыль. Мак-Турк, небрежно держа одной рукой баранку, другой нахлобучил шляпу на лоб и, склонясь ко мне, заговорил, то и дело переходя на крик, чтобы перекрыть шум ветра и мотора:

— Этот индеец… Фрэнсис… не мешало бы предупредить вас… Он иной раз бывает чуть-чуть того… возбужденным… какие-то припадки, что ли… говорит, будто все кружится у него в голове… Вот почему-то и сегодня… Так что не мешает предупредить вас… Разумеется, это совершенно не опасно…

— Вы уверены, что это не опасно? — прокричал я в ответ, чувствуя, как вдоль спины у меня пополз холодок.

— Совершенно уверен.

— О чем вы? — поинтересовался Боб с заднего сиденья.

— Мак-Турк говорил, у Фрэнсиса припадки, — успокоил я его.

— Чего-чего? — переспросил Боб.

— Припадки.

— Припадки?

— Ну да… Он становится иной раз чуточку того… Но Мак-Турк говорит, это не опасно.

— Господи боже! — гробовым голосом произнес Боб и, откинувшись на спинку сиденья, закрыл глаза с выражением крайнего мученичества на лице.

Мы подъехали к деревьям и увидели Фрэнсиса. Он сидел на корточках в своей сказочной шляпе, лихо сдвинутой набекрень. Позади него жалкой кучкой стояли лошади, понурив головы и тряся поводьями. На них были чрезвычайно неудобные на вид седла с высокой лукой. Мы вытряхнулись из джипа и с несколько нарочитой приветливостью поздоровались с Фрэнсисом. Мак-Турк пожелал нам удачной охоты, развернулся и дал газ. Лошади так и взвились на дыбы, звеня всеми своими уздечками и стременами. Фрэнсис насилу утихомирил их и подвел к нам для осмотра. С равным недоверием мы уставились на них, они на нас.

— Какую возьмешь? — спросил я у Боба.

— Я думаю, это не имеет значения, — ответил он. — Впрочем, мне больше нравится вот эта гнедая, раскосая.

Мне досталась большая, серая, оказавшаяся чертовски норовистой. Я бодро-весело позвал ее, но, когда подступил поближе, она, приплясывая, шарахнулась в сторону и сверкнула на меня белками глаз.

— Стой, малыш, — хриплым голосом ворковал я, пытаясь вдеть ногу в стремя.

— Это не он, а она, — внес существенную поправку Боб. Наконец я исхитрился взгромоздиться на костлявую спину своей клячи и судорожно ухватился за поводья. Животина Боба оказалась как будто более покладистой: она покорно позволила ему взобраться на себя, но только он

угнездился в седле, как она потихоньку, но с яростной целеустремленностью начала пятиться задом и, я уверен, дошла бы так до самой бразильской границы, если бы путь ей не преградил большой колючий куст. Упершись в него, она стала как вкопанная — и ни с места.

Тем временем Фрэнсис вскочил на свою свирепую черную лошадь и потрусил по тропе. Насилу переупрямив свою скотину, я последовал за ним. Поощрительные возгласы Боба, которыми он подбадривал свою лошадь, затихали вдали. Мы миновали поворот, и Боб пропал из виду. Потом он догнал нас. Его лошадь шла каким-то замысловатым аллюром, помесью шага с рысью, а Боб болтался в седле, судорожно сжимая в руке длинную ветку, которой охаживал бока лошади всякий раз, как только к этому представлялась возможность. Я натянул поводья и с интересом наблюдал эту картину.

— Ну как езда? — спросил я, когда он поравнялся со мной.

Боб бросил на меня уничтожающий взгляд.

— Все бы… ничего… если б только… она шла… как следует, — проговорил он, ловя паузы между толчками.

— Погоди чуток, — сказал я, желая помочь ему. — Я подъеду и шлепну ее разок.

Сзади Боб и его конь выглядели так, словно они исполняют какую-то замысловатую румбу сугубо латиноамериканского происхождения. Я пустил свою лошадь рысью и, поравнявшись с трясущимся впереди крупом Бобовой лошади, подобрал поводья и нагнулся, чтобы дать ей шлепка. И тут случилось непредвиденное. Моей лошади, которая вплоть до этой минуты вела себя образцово, вдруг почудилось, что я ни с того ни с сего подло и вероломно покушаюсь на ее жизнь. Собравшись в комок, она с проворством кузнечика скакнула вперед. Мимо меня промелькнуло удивленное лицо Боба — и вот уж мы мчимся по тропе к Фрэнсису. Когда я поравнялся с ним, он повернулся в седле и, широко осклабившись, подбодрил свою

лошадь ударами поводьев по шее. Не успел я сообразить, что к чему, как мы уже голова в голову мчались галопом вниз по тропе, причем Фрэнсис какими-то неслыханными гортанными выкриками поощрял свою лошадь наддать ходу.

— Фрэнсис! — завопил я. — Это тебе не гонки! Я хочу остановиться, понимаешь, остановиться!

Эта мысль медленно, но верно внедрялась в сознание нашего проводника, и выражение крайнего разочарования расползлось по его лицу. Он нехотя осадил свою лошадь, и, к моему величайшему облегчению, моя последовала ее примеру. Мы подождали Боба, и я установил новый порядок следования: Фрэнсис впереди. Боб за ним, а я замыкающим, чтобы поддерживать Бобову конягу на должной высоте. Так тихим шагом мы продолжали свой путь.

Солнце уже изрядно припекало, простор саванны, лежащей перед нами, мерцал в его лучах: травянистое пространство на многие мили вперед, золотисто-зеленое и буро-коричневое, а вдали, словно на самом краю света, гряда волнистых зеленовато-голубых гор. И во всем этом океане травы ни малейшего признака жизни; двигались только мы и наши тени. Два с лишним часа пробирались мы в высокой, по колено, траве. Фрэнсис ехал впереди, он расхлябанно болтался в седле, шляпа сползла ему на глаза. Он явно спал. Однообразный пейзаж и жаркое солнце клонили в сон, и по примеру нашего проводника мы тоже задремали.

Но вот я открыл глаза и с удивлением увидел на равнине саванны впадину — нечто вроде большого овального кратера с отлогими склонами; в центре его лежало окаймленное тростником озеро, берега которого были покрыты чахлым, редким кустарником. Когда мы проходили мимо озера, оно вдруг ожило: маленький кайман скользнул в неподвижную воду, едва взрябив ее; по тому берегу торжественно прошествовали десять ябиру, задумчиво глядя вдоль своих длинных носов; в кустах запорхало и защебетало множество крошечных птичек.

— Боб! Проснись, полюбуйся животными! — сказал я.

Боб сонно вытаращил глаза из-под полей шляпы, невнятно промычал «мм-м…» и снова заснул.

По тропе, между медленно переступающими копытами моей лошади, сновали две изумрудно-зеленые ящерицы; они были настолько заняты взаимным преследованием, что не обращали на нас никакого внимания. А вот крошечный пегий зимородок упал с ветки в озеро и снова взмыл ввысь с добычей в клюве. Золотисто-черные стрекозы совершали свой танец над тростником и неподвижно повисали над крохотными орхидеями, розовой дымкой стлавшимися над болотистой почвой. На расщепленном пне восседала пара черных грифов; с мрачной обнадеженностью они воззрились на нас — обстоятельство малоутешительное, если учесть умственное состояние нашего проводника. Миновав озеро, мы вновь углубились в саванну, щебет птиц замер позади. И вот уже только слышно, как ноги лошадей со свистом рассекают траву. Я вновь задремал.

Проснулся я от толчка — лошадь остановилась. Оказалось, что наш проводник тоже проснулся и сидит в седле, обозревая равнину с видом побитого Наполеона. Местность перед нами была ровная, как шахматная доска; слева от нас она слегка повышалась и была покрыта большими пучками травы и низкорослым кустарником. Я подъехал к Фрэнсису и вопросительно поглядел на него. Размахивая своей смуглой рукой, он указал на местность и стал что-то мне объяснять. Я понял, что мы достигли владений муравьеда.

— В чем дело? — спросил Боб.

— Похоже, это то самое место, где он видел муравьеда. Фрэнсис, клятвенно заверил нас Мак-Турк, говорил по-английски, и вот настал великий момент, когда он должен был подробно объяснить нам тактику охоты. Глядя на меня в упор, он издал ряд звуков, равные которым по невразумительности мне редко доводилось слышать. Он вновь повторил сказанное, но, как я ни вслушивался, я не мог уловить ни одного знакомого английского слова. Тогда я

обратился к Бобу, который беспокойно ерзал в седле, не принимая участия в разговоре.

— Помнится, ты говорил, что умеешь объясняться на каком-то индейском диалекте?

— Верно, но то были парагвайские индейцы, вряд ли их язык имеет что-либо общее с языком здешних.

— Ты можешь вспомнить несколько слов?

— Наверное, смогу. Так, кое-какие обрывки.

— Ну так попробуй разобрать, что говорит Фрэнсис.

— А разве он не говорит по-английски? — изумленно спросил Боб.

— Насколько я понимаю, это может быть все что угодно вплоть до патагонского. А ну-ка, Фрэнсис, повтори все сначала.

Со страдальческим выражением на лице Фрэнсис повторил свою маленькую речь. Боб, нахмурившись, внимательно слушал.

— Нет, — сказал он наконец. — Ничего не понимаю. Это решительно не английский.

Мы смотрели на Фрэнсиса, он с сожалением смотрел на нас. Но вот его словно осенило, и с помощью многочисленных жестов и пронзительных криков он в конце концов все нам объяснил.

Это то самое место, где он видел муравьеда. Он, наверное, спит где-нибудь поблизости — тут Фрэнсис сложил руки на груди, закрыл глаза и издал громкий Храп. Нам следует вытянуться в цепочку и прочесывать траву, производя как можно больше шума.

Итак, мы стали в шеренгу с интервалами в тридцать ярдов и с буйными криками и тирольскими подвываниями пустили лошадей сквозь высокую траву, чувствуя себя в душе идиотами. Фрэнсис, шедший справа от меня, с величайшей правдоподобностью имитировал заливающуюся лаем стаю собак, слева в исполнении Боба лились отрывки из «Лок-Ломонд» вперемежку с пронзительными «Кш-ш! Кш-ш!» — сочетание звуков, перед которым не устоял бы ни

один муравьед.

Мы прошли таким манером вот уже с полмили, я докричался до хрипоты и начал сомневаться, был ли муравьед, да и вообще водятся ли они в Гвиане. Мои восклицания утратили первоначальный пыл и стали походить скорее на унылое карканье одинокой вороны.

Но вот Фрэнсис вдруг издал торжествующий вопль, и я увидел, как из высокой травы перед ним метнулось что-то темное. Я повернул лошадь и во весь опор помчался на зверя, одновременно клича Боба. Под моими беспрестанными понуканиями лошадь отчаянно спотыкалась, перескакивая через травянистые кочки и глубокие трещины. Зверь выскочил из-под прикрытия высокой травы и резвым галопом устремился по малотравной равнине, и тут я рассмотрел, что это действительно муравьед, причем крупнее всех тех, каких мне приходилось видеть в неволе. Бежал он с поразительной быстротой, мотая с боку на бок большой, похожей на сосульку мордой, а его лохматый хвост, словно флаг, струился за ним. Фрэнсис висел у него на пятках, на скаку разматывая лассо и дикими отрывистыми криками подгоняя лошадь. Между тем я уже выдрался из высокой травы и направил свою лошадь прямо на муравьеда, но он с первого взгляда не показался ей симпатичным, а потому она повернула и со всей решимостью и быстротой помчалась обратно. Я насилу справился с ней и кое-как завернул назад. Но все равно к месту схватки мы приблизились кособочась, тем кругообразным движением, каким бегает краб. Фрэнсис, скача галопом параллельным курсом с муравьедом, метнул лассо и накинул петлю на голову животного. Бросок был неудачный: петля не успела затянуться, муравьед проскользнул сквозь нее, повернул на месте и вновь устремился к высокой траве. Фрэнсису пришлось остановиться, чтобы собрать и свернуть лассо, а тем временем муравьед со всех ног несся к густому кустарнику, где его невозможно было бы заарканить. Погоняя упирающуюся лошадь, я отрезал муравьеда от кустарника и оттеснил его на

равнину. Затем я пустил лошадь резвым галопом, и тут обнаружилось, что я могу следовать параллельным с ним курсом.

Муравьед продолжал скакать по равнине, шипя и фыркая своим длинным носом, глухо топоча по сожженной солнцем земле короткими лапами. Фрэнсис вновь нагнал нас, крутанул два-три раза своей веревкой и, набросив ее на передние лапы животного, затянул петлю как раз в тот момент, когда она скользнула к его пояснице. В следующую секунду Фрэнсис уже соскочил с лошади, крепко вцепился в веревку и потащился по траве за разъяренным муравьедом. Я бросил лошадей на Боба и присоединился к Фрэнсису, болтавшемуся на конце веревки. В толстых кривых лапах и косматом теле муравьеда заключалась такая невероятная сила, что мы едва удержали его; обливаясь потом, Фрэнсис огляделся вокруг, затем с мычанием указал на что-то за моей спиной. Я оглянулся: ярдах в ста поодаль стояло невысокое дерево, единственное на многие мили окрест. Задыхаясь и отдуваясь, мы поволокли к нему муравьеда. Добравшись до дерева, мы ухитрились затянуть еще одну петлю на теле животного, а потом принялись привязывать свободный конец веревки к стволу.

Только мы завязали последний узел, как Фрэнсис, глянув наверх, издал предостерегающий крик. Я поднял глаза: футах в двух над моей головой висело осиное гнездо величиной с футбольный мяч. Обитатели его повылазили наружу, и, мягко говоря, вид у них был крайне рассерженный. От рывков муравьеда деревцо раскачивалось, как от ураганного ветра, и осам это не нравилось. Мы с Фрэнсисом тут же молча отступили от дерева, после чего муравьед решил малость передохнуть, прежде чем заняться тяжким делом срывания веревок. Дерево перестало качаться, и осы угомонились.

Мы вернулись туда, где стоял Боб с лошадьми, и достали различные вещи, предназначенные для поимки муравьеда: пару больших мешков, моток толстой бечевки и

несколько кусков крепкой веревки. Вооружившись всем этим, а также страшноватым складным ножом Фрэнсиса, мы снова отправились к дереву. Мы поспели как раз вовремя: муравьед сбросил с себя последнюю петлю и вперевалочку двинулся по саванне. Я с величайшим удовольствием бросил Фрэнсиса отпутывать лассо от кишащего осами дерева, а сам кинулся вдогонку за нашей добычей, поспешно сооружая на куске веревки скользящую петлю. Подбежав сбоку к животному, я попытался набросить ему на голову это импровизированное лассо, но промахнулся. Вторая попытка окончилась тем же. Так продолжалось некоторое время, и в конце концов мои приставания муравьеду надоели: он вдруг остановился, повернулся и встал на задние лапы мордой ко мне. Я тоже остановился, настороженно следя за ним, в особенности за его большими, длиной в шесть дюймов, когтями на передних лапах. Он зафыркал, зашмыгал своим длинным носом и вызывающе поглядел на меня своими крохотными пуговками-глазами: «А ну-ка, подойди!» Я обошел его кругом, а он поворачивался вокруг своей оси, держа наготове когти. Я еще раз робко попытался набросить на него петлю, но он так неистово замахал лапами и так яростно зафырчал, что я отказался от дальнейших попыток и стал ждать Фрэнсиса. «Одно дело — смотреть на животное за решеткой в благоустроенном зоопарке, — отметил я про себя, — и совсем другое дело — пытаться поймать его с помощью короткого куска веревки». Фрэнсис вдали все еще отдирал лассо от дерева, стараясь не навлечь на себя ос.

Муравьед уселся на хвост и своими большущими изогнутыми когтями принялся с достоинством обирать с носа травинки. Я заметил, что при шипении и фырканье у него изо рта длинными клейкими нитями свисала слюна, очень похожая на толстые нити паутины. Когда он бежал по равнине, нити слюны тащились за ним по земле, на них налипали травинки и разный мусор. Каждый раз, когда он сердито тряс головой, эти нити попадали ему на нос и на плечи и прилипали к ним, словно приклеенные. Теперь он

решил с толком использовать перемирие, быстро умыться и привести себя в порядок. Хорошенько обчистив свой длинный серый нос, он обтер плечи о траву, встал, до смешного по-собачьи встряхнулся и поплелся к зарослям высокой травы до того неторопливо и спокойно, словно люди с лассо никогда не встречались на его жизненном пути. Однако тут подоспел Фрэнсис с веревкой, вспотевший, но не зажаленный насмерть осами, и мы пустились вдогонку за муравьедом, который продолжал не спеша, словно гуляючи, брести по саванне. Заслышав за собой погоню, он снова сел и с безропотным видом уставился на нас: дескать, что, мол, с вами поделаешь. Теперь нас стало двое, и перевес сил был явно на нашей стороне. Я отвлек его, а Фрэнсис потихоньку зашел с тыла, метнул лассо и туго затянул петлю поперек его живота — и вот уж муравьед снова шпарит вовсю по саванне, а мы тащимся за ним на веревке. Наверное, не меньше получаса метались мы по равнине то туда, то сюда, пока не оплели муравьеда веревками так, что он лапой не мог пошевелить. После этого мы запихали его, связанного наподобие откормленного к рождеству индюка, в большущий мешок и, довольные собой, устроили вожделенный перекур.

Потом вышла заковыка. Все лошади, как одна, когда мы попытались взвалить на них мешок, отказались подставлять спину под муравьеда. При приближении к лошадям он издавал долгий и громкий шип, и это вовсе не успокаивало их. После нескольких попыток мы отставили идею везти муравьеда на лошадях: они явно заражались паническим настроением друг от друга. Фрзнсис неожиданно предложил сделать следующим образом: я поведу его лошадь в поводу, а он потащит муравьеда на закорках. Признаться, меня брало сомнение, сдюжит ли он: мешок был чудовищно тяжелый, а до Каранамбо было не меньше восьми миль. Я помог взвалить муравьеда ему на плечи, и мы двинулись в путь. Обливаясь потом, Фрэнсис доблестно шагал все вперед и вперед, а его ноша отчаянно елозила в мешке и всячески портила ему жизнь. Солнце пекло нещадно, и ни малейший ветерок не

овевал разгоряченное тело нашего муравьедоносца. Он начал что-то бормотать про себя и отстал от нас ярдов на пятьдесят. Так мы прошли с полмили по извилистой тропе, потом Боб оглянулся назад. — Что с Фрэнсисом? — удивленно спросил он. Я обернулся. Наш проводник положил муравьеда на землю и ходил вокруг него, оживленно жестикулируя и что-то ему доказывая.

— Какой ужас! У меня такое впечатление, что это то самое… Все кружится у него в голове, — сказал я.

— Что-что?

— Ну, так он объясняет, когда с ним бывает припадок.

— Боже милостивый! — не на шутку испугался Боб.

— Ты хоть обратную дорогу-то знаешь?

— Нет, не знаю. Ну-ка, подержи его лошадь, а я съезжу посмотрю, что с ним такое.

И я поскакал к тому месту, где Фрэнсис затеял собеседование с муравьедом. Мое появление нимало не помешало ему: он меня попросту не заметил. По выражению его лица и яростным жестам я догадался, что он самым подробнейшим образом, как только позволяет его родной язык, поминает родословную муравьеда. Предмет его поношений бесстрастно взирал на него, тихонько пуская из носу пузыри. Но вот, истощив весь свой запас слов, Фрэнсис замолк и обратил на меня полный грусти взор.

— В чем дело, Фрэнсис? — спросил я участливо и страшно глупо, ибо все и без того было ясно. Фрэнсис перевел дух и излил на меня бурный поток слов. Я внимательно вслушивался, но мог разобрать одно только слово: «бубол». Оно явно что-то означало, но, как мне казалось, к делу никакого отношения не имело. Лишь через довольно продолжительное время я уловил, что именно предлагает Фрэнсис: один из нас пусть останется при муравьеде, а двое отправятся на ферму — тут он указал на далекое пятнышко на горизонте — за этой совершенно необходимой нам вещью под названием «бубол». В надежде найти на ферме человека, сносно владеющего английским, я

согласился с этим предложением и помог Фрэнсису оттащить муравьеда в тень под ближайшие кусты, а затем вернулся к Бобу.

— Придется тебе посторожить муравьеда, пока мы с Фрэнсисом будем добывать на ферме бубола, — сказал я.

— Это еще что такое? — изумленно спросил он.

— Понятия не имею. Наверное, какое-нибудь средство передвижения.

— Это твоя идея или Фрэнсис надумал?

— Фрэнсис. Он говорит, это единственный выход.

— Ладно. Но что такое бубол, в конце-то концов?

— Я не лингвист, мой милый. Наверное, что-нибудь вроде повозки. Во всяком случае на ферме должны быть люди, как-нибудь разберемся.

— Ну да, а я тем временем буду помирать от жажды, или муравьед выпустит из меня кишки, — с горечью отозвался Боб. — Лучше не придумаешь.

— Ерунда. Муравьед никуда не денется из мешка, а я захвачу тебе с фермы попить.

— Ну да, если ты вообще доберешься до фермы. Ты что, не понимаешь, что в своем нынешнем состоянии Фрэнсис вполне способен увести тебя за границу, в Бразилию, — так, прогуляться денька на четыре? Ну да ладно, уж видно, опять мне придется жертвовать собой ради твоего промысла.

Когда мы с Фрэнсисом тронулись в путь, он крикнул вдогонку:

— Не забывай, я приехал в Гвиану писать, а не сидеть нянькой при муравьедах, черт побери! Да не забудь привезти попить…

Как мы добрались до фермы, лучше не вспоминать. Лошадь Фрэнсиса неслась, не разбирая пути; моя, явно вообразив себе, что мы возвращаемся домой насовсем, старалась от нее не отставать. Казалось, нашей скачке не будет конца, но вот послышался лай собак, мы галопом влетели во двор и круто осадили перед длинным низким строением, совсем как останавливаются герои в ковбойских

фильмах. Мне даже показалось, что вот сейчас я увижу вывеску с надписью «Салун Золотой Песок». Колоритный старик индеец поздоровался со мной по-испански. Я идиотски осклабился и прошел за ним под благословенную сень дома. На невысокой каменной кладке, выполнявшей роль стены, сидели два диковатого вида парня и красивая девушка; один из парней раздирал на полосы стебель сахарного тростника и бросал их трем голопузым ребятишкам, ползавшим по полу. Я уселся на низенькую деревянную скамейку, и вскоре девушка принесла мне чашку кофе; я пил кофе, а старик завел со мной длинную беседу на смеси английского и весьма посредственного испанского языков. Потом пришел Фрэнсис и повел меня в поле, на котором пасся самый обыкновенный здоровенный буйвол. Фрэнсис указал на него рукой и произнес:

— Бубол.

Я молча вернулся в дом и, пока буйвола седлали, выпил еще чашку кофе. Потом я попросил у старика бутылку воды для Боба, мы попрощались, вскочили на лошадей и выехали за ворота.

— Где же буйвол? — спросил я у Фрэнсиса.

Он махнул рукой в пространство, и я увидел скачущего по саванне буйвола. На нем восседала жена Фрэнсиса. Ее длинные черные волосы развевались по ветру, и издали она была очень похожа на черноволосую леди Годиву.

Мы направились по саванне напрямик к тому месту, где оставили Боба, и добрались туда немного раньше буйвола. Там творилось что-то невообразимое: муравьед поистине неимоверным усилием высвободил из веревок лапы, вспорол мешок и наполовину вылез из него. К нашему появлению он как сумасшедший скакал по кругу с мешком на задних лапах, словно в спадающих с брюха штанах, а Боб преследовал его по пятам. Поймав зверя и запихав его в новый мешок, я в виде утешения презентовал Бобу бутылку тепловатой воды, а, напившись и отдышавшись, он рассказал нам, что произошло. Оказывается, только мы скрылись из виду, как его лошадь (по

его словам, надежно привязанная к невысокому кусту) ушла гулять в саванну и долго не давала себя поймать. Боб гонялся за ней, осыпая ее ласковыми именами, и в конце концов изловил. Вернувшись на место, он обнаружил, что муравьед выдрался из мешка и вот-вот сбросит с себя путы. Боб в сердцах запихал его обратно, но тут опять ушла лошадь. Так повторялось вновь и вновь, и один только раз эти скучные повторы скрасились появлением стада крупного рогатого скота, которое обступило место аттракциона и наблюдало за маневрами Боба с тем надменным и несколько воинственным видом, который так свойствен этой породе животных. По словам Боба, он не возражал бы против присутствия стада, если бы в нем не преобладали быки. В конце концов скотина ушла, и, когда мы вернулись, Боб проводил очередную кампанию против муравьеда.

— Вот вы приехали, а у меня все вертится в голове, — сказал он.

Как раз в этот момент показалась жена Фрэнсиса верхом на буйволе. У Боба глаза полезли на лоб, когда он их увидел.

— Что это? — со страхом спросил он. — Мне это не мерещится?

— Это бубол, мой дорогой, бубол, которого мы за немалую цену наняли ради нашего спасения. Боб лег пластом на траву и закрыл глаза.

— Навидался я сегодня быков, на всю жизнь хватит, — сказал он. — Грузите муравьеда сами на эту тварь, я вам помогать не буду. Полежу здесь, пока она вас не забодает, а там потихоньку поеду домой.

Втроем — Фрэнсис, его жена и я — мы взвалили фыркающего муравьеда на широченную стоическую спину буйвола. Затем с неменьшим трудом взгромоздили на лошадей наши изболевшиеся тела и двинулись в обратный путь на Каранамбо. Солнце на какой-то момент повисло над дальней грядой гор, затопив саванну великолепными зелеными сумерками, потом сразу стемнело. В полутьме мягко перекликались земляные совы, а, когда мы проезжали

мимо озера, над ним двумя падающими звездами пронеслась пара белых цапель. Мы до смерти устали, на нас живого места не было. Лошади спотыкались на каждом шагу, грозя вытряхнуть нас из седла. В небе загорались звезды, а мы брели и брели по бескрайней травянистой равнине, не зная куда, да и не думая об этом. Вот прорезался бледный серп месяца, он посеребрил траву, и буйвол стал огромным и уродливым в его свете — гигантское, тяжело дышащее доисторическое чудовище, бредущее в сумраке только что сотворенного мира. Я дремал урывками, покачиваясь в седле. Время от времени, когда лошадь Боба оступалась и лука седла впивалась в его многострадальный живот, Боб разражался потоком ругательств.

Но вот за деревьями впереди мелькнул бледный свет, он мигал, то исчезая, то появляясь вновь, словно болотный огонек, совсем маленький и слабый по сравнению с огромными звездами, нависшими чуть ли не над самой головой.

— Боб! — позвал я. — Похоже, это джип.

— Господи боже! — с горячностью откликнулся Боб. — Если б только ты знал, как мне хочется вон из седла!

Огни джипа разгорались все ярче, и вот уже стал слышен рокот мотора. Машина обогнула деревья, облив нас холодным светом фар, лошади стали приседать и бить задом, впрочем, скорее устало, чем с настоящим страхом. Мы спешились и заковыляли к машине.

— Как дела? — спросил Мак-Турк.

— Поймали большого самца, — не без тщеславия ответил я.

— Чудесно провели день, — добавил Боб.

Мак-Турк в ответ только хмыкнул. Мы присели покурить, и вскоре в свет фар вступило доисторическое чудовище. Мы сняли с его спины драгоценную добычу и уложили на подстилку из мешков. Потом, выпустив лошадей в саванну, с тем чтобы они сами добрались до фермы, мы устроились на сиденьях рядом с муравьедом. Когда джип взял

с места, муравьед вдруг проснулся и заметался. Я мертвой хваткой держал его длинный нос: долбани он им по железному борту машины, тут бы ему и конец, все равно что от пули.

— Где вы намерены его держать? — спросил Мак-Турк. Мысль об этом меня еще как-то не занимала, но тут до меня вдруг дошло, что у нас нет ни клеток, ни материала для них, а хуже всего то, что ни того, ни другого здесь не достать. Но разве могло столь прозаическое соображение отравить радость от поимки муравьеда?

— Где-нибудь привяжем, — легкомысленно ответил я. Мак-Турк лишь неодобрительно промычал что-то в ответ. Подъехав к дому, мы выгрузили из машины муравьеда и сняли с него многочисленные мешки и веревки, которыми он был обмотан. Затем с помощью Мак-Турка мы соорудили из веревок шлейку и надели ее на муравьеда. К шлейке мы привязали длинную веревку и пустили муравьеда гулять вокруг тенистого дерева во дворе. Я дал муравьеду напиться, но кормить его не стал: мне хотелось сразу же перевести его на искусственное питание и я полагал, что сделать это будет легче, если как следует проморить его голодом.

Перевод животного на искусственную кормежку — дело трудное и хлопотное, но без этого не обходится ни один зверолов. Эта проблема встает всегда, когда поймаешь животное вроде муравьеда, прирожденный вкус которого очень ограничен: оно питается каким-нибудь одним видом листьев или плодов, каким-нибудь особенным видом рыбы или чем-либо не менее замысловатым в этом же роде. Когда животное попадает в Англию, его лишь очень редко удается обеспечить таким же питанием, а потому обязанность зверолова — приучить его к другой пище, такой, которую смогут давать ему в том зоопарке, куда оно попадет. Вот и приходится измышлять для него вкусную еду, которую бы оно охотно приняло. Подобное изменение диеты у некоторых видов животных проходит нелегко и всегда связано с риском, что новое питание не подойдет животному и повредит ему. В

таком случае можно легко его потерять. Некоторые животные упорно отказываются от непривычной еды, и доведенный до отчаяния зверолов вынужден отпускать их на волю. Другие, наоборот, сразу набрасываются на нее и едят с аппетитом. Иногда эти две совершенно противоположные реакции на незнакомую пищу случается наблюдать у двух различных представителей одного и того же вида.

Новая еда для муравьеда состояла из трех пинт молока, пары сырых яиц и фунта мелко нарубленного сырого мяса, сюда же было добавлено три капли рыбьего жира. Я составлял эту смесь на следующее утро. Когда она была готова, я разворошил ближайшее термитное гнездо и густо посыпал термитами молоко. Затем понес плошку муравьеду.

Он лежал на боку под деревом, свернувшись калачиком и прикрывшись хвостом, словно огромным страусовым пером. Хвост укрывал все его тело, так что издали его легко можно было принять за ворох сероватой травы. Когда видишь муравьедов в зоопарке, тебе и в голову не приходит, какую полезную службу несут их большие лохматые хвосты: свернувшемуся клубком между двумя травяными кочками и, словно зонтиком, прикрытому сверху хвостом, муравьеду не страшна любая погода. Заслышав приближающиеся шаги, мой пленник встревоженно фыркнул, откинул хвост и взвился на дыбы, готовый к схватке. Я поставил перед ним плошку, произнес краткую молитву, чтобы он не оказался трудным ребенком, и отошел в сторонку. Муравьед приблизился к плошке, громко сопя, обнюхал ее со всех сторон, сунул в молоко кончик носа и заработал своим длинным серым змееподобным языком. Единым духом он вылакал всю плошку, а я стоял и смотрел на него со смешанным чувством восторга и недоверия.

Муравьеды относятся к животным, не имеющим зубов. Зато у них есть длинный язык и клейкая слюна, с помощью которых они подбирают пищу. Их язык действует по принципу липучки. Всякий раз, втягивая в себя язык, муравьед отправлял в рот энное количество питательной

смеси. Работая таким «малопроизводительным» способом, он за ничтожно малое время подобрал всю смесь подчистую и, покончив с едой, еще раз обнюхал плошку, желая убедиться, что в ней ничего не осталось. Затем он снова лег, свернулся клубком, накрылся, словно палаткой, хвостом и сладко заснул. С этого момента он не требовал или почти не требовал за собой никакого ухода.

Несколько недель спустя, уже вернувшись в Джорджтаун, мы приобрели подругу для Амоса — так мы нарекли муравьеда. Двое поджарых, хорошо одетых индийцев прикатили к нам однажды утром в блестящем новехоньком автомобиле и спросили, не нужен ли нам барим (так называется по-местному гигантский муравьед). Мы, разумеется, ответили «да», после чего индийцы преспокойно открыли багажник и показали нам опутанную множеством веревок взрослую самку муравьеда. Вот был фокус так фокус, не то что какой-нибудь жалкий трюк с извлечением кролика из шляпы! Правда, животное было до того истощенным и израненным, что мы даже усомнились, выживет ли оно. Однако как только мы оказали ей помощь и напоили, муравьедиха ожила и стала так решительно обороняться от нас, что мы сочли ее достаточно здоровой для знакомства с Амосом.

Амос жил в просторном огороженном загоне под сенью деревьев. Когда мы открыли ворота и предполагаемая невеста просунула в проход острый кончик своего носа, Амос встретил ее таким неджентльменским шипением, фырканьем и размахиванием лап, что мы поспешили убрать ее подальше. Решено было разгородить загон частоколом и поселить муравьедов порознь. Пусть они видятся и принюхиваются друг к другу через загородку, думали мы, тогда, может, у Амоса проявятся более нежные чувства.

В первый день самка решительно отказывалась от пищи, и это внушало нам немалые опасения. Она даже не притрагивалась к ней. И вот на другой день мне пришло в голову поставить во время завтрака плошку Амоса у самого

частокола. Как только самка увидела (и услышала), что он принялся за еду, она подошла к загородке проверить, в чем дело. Амос ел с таким аппетитом, что она просунула свой длинный язык между кольями в его плошку, и они за десять минут вылизали ее. Отныне мы каждый день могли любоваться трогательным зрелищем дружной кормежки двух муравьедов, разделенных частоколом. В конце концов муравьедиха научилась есть и из своей собственной миски, хотя всегда предпочитала кормиться вместе с Амосом.

Доставив Амоса и его супругу в Ливерпуль и глядя, как их увозят в зоопарк, для которого они предназначались, я не без гордости думал о том, что привез в Англию целыми и невредимыми этих трудных для содержания в неволе зверей.

ГЛАВА ШЕСТАЯ
КАПИБАРЫ И КАЙМАН

Две недели, которые мы рассчитывали пробыть на Рупунуни, пролетели так быстро, что однажды вечером, полеживая в гамаках и подсчитывая на пальцах дни, мы с удивлением обнаружили, что в нашем распоряжении остается всего лишь четыре дня.

Стараниями Мак-Турка и местных индейцев наш зверинец основательно пополнился. Несколько дней спустя после поимки муравьеда Фрэнсис явился к нам верхом на лошади с мешком, в котором что-то пищало и возилось так, словно он был битком набит морскими свинками. Оказывается, писк этот производили три молодые, сильно напуганные капибары. Я уже упоминал про этих животных, когда говорил о свирепости пирай. Но не в этом их слава: капибары примечательны тем, что они самые крупные грызуны на Земле. Что это значит, можно понять, лишь сравнив их с каким-нибудь из их родичей помельче. Взрослая капибара достигает четырех футов в длину, ее рост два фута; вес до ста с лишним фунтов. Ведь это просто громадина рядом с мышью-малюткой, в которой всего-то четыре с половиной дюйма от хвоста до кончика носа, а вес около одной шестой унции!

Этот гигантский грызун представляет собой жирного зверька с продолговатым телом, покрытым жесткой лохматой шерстью пестрой коричневой расцветки. Передние лапы у капибары длиннее задних, массивный огузок не имеет хвоста, и поэтому у нее всегда такой вид, будто она вот-вот собирается сесть. У нее крупные лапы с широкими перепончатыми пальцами, а когти на передних лапах, короткие и тупые, удивительно напоминают миниатюрные копыта. Вид у нее весьма аристократический: ее плоская широкая голова и тупая, почти квадратная морда имеют благодушно-покровительственное выражение, придающее ей сходство с задумчивым львом. По земле капибара

передвигается характерной шаркающей походкой или скачет вразвалку галопом, в воде же плавает и ныряет с поразительной легкостью и проворством. Капибара — флегматичный добродушный вегетарианец, лишенный ярких индивидуальных черт, присущих некоторым его сородичам, но этот недостаток восполняется у нее спокойным и дружелюбным нравом, Однако три малютки, привезенные Фрэнсисом, были настроены далеко не благодушно: они лягались, верещали и таращились на нас, словно на стаю ягуаров. В длину они были всего лишь фута по два, а ростом около фута, зато такие подбористые и мускулистые, что, когда они начинали отбиваться от нас, с ними никак нельзя было справиться. Я заметил, что они совсем не кусаются, хотя и вооружены здоровенными ярко-оранжевыми резцами, острыми и широкими, словно перочинный нож. При желании они могли бы серьезно поранить такими зубами. Порядком повозившись, мы вытащили их из мешка, да так и остались стоять посреди двора с визжащими капибарами в руках, не зная, что с ними делать: ведь клеток-то у нас не было! После долгих словопрений выход был найден: мы соорудили для зверьков маленькие веревочные шлейки наподобие той, какую сделали для муравьеда. Затем мы привязали капибар на длинных веревках к трем апельсинным деревцам и отступили назад полюбоваться своей работой. Почувствовав себя на воле, но опасаясь нашего присутствия, капибары ринулись искать защиты друг у друга и мигом запутались в веревках, а веревки перепутали между деревьями. Целых четверть часа мы отпутывали их друг от друга, от деревьев и от своих ног, а затем вновь привязали к деревьям, но уже подальше друг от друга. На этот раз они с отвратительным верещанием принялись бегать вокруг деревьев — и вот уж на стволах наросли толстые обмотки из веревок, а сами зверьки чуть не задохнулись. В конце концов мы вышли из положения, привязав веревки к ветвям деревьев высоко над головой зверьков: это давало им возможность бегать по относительно широкому пространству без риска запутаться и задохнуться.

— Бьюсь об заклад, они еще дадут нам жизни, — мрачно изрек я, когда мы управились с капибарами.

— Почему ты так думаешь? — спросил Боб. — Похоже, ты не очень-то им обрадовался. Ты их не любишь?

— Имею печальный опыт знакомства с ними еще по Джорджтауну, — объяснил я. — И с тех пор настроен против всей их семейки.

Это было в Джорджтауне. Мы со Смитом жили в пансионе на городских задворках, подыскивая место для нашей основной базы. Хозяйка пансиона милостиво разрешила нам держать в своем палисаднике зверей, которых мы будем приобретать, и мы злостно воспользовались ее любезностью. Бедная женщина просто не могла себе представить, к каким последствиям это может привести, и, лишь когда ее крохотный садик стало буквально распирать от обезьян и прочего зверья, а мы все еще никак не могли подыскать подходящее место для основной базы, она начала проявлять признаки беспокойства. Впрочем, мы и сами понимали, что садик становится несколько переуплотнен: постояльцам пансиона приходилось с величайшей осторожностью прокладывать себе путь к дому, ибо кому захочется, чтобы тебя хватали за ноги любознательные обезьяны. С появлением же капибары положение стало критическим.

Гигантского грызуна к нам привели на веревке поздно вечером. Это было еще не вполне взрослое, очень смирное животное. С царственно-отчужденным видом оно сидело в сторонке, пока мы торговались с его владельцем. Торг затягивался: владелец заметил, как разгорелись наши глаза, когда мы увидели капибару, но в конце концов она стала нашей. Мы посадили ее в большой, похожий на гроб упаковочный ящик, затянутый проволочной сеткой, способной выдержать все наскоки зверька, навалили ему отборных плодов и травы, которые он принял с царственной величавостью, и поздравили себя с приобретением милого животного. Словно зачарованные, следили мы за тем, как оно

поедает принесенные ему дары, потом с нежностью просунули ему сквозь сетку еще несколько плодов манго и отправились спать. Некоторое время мы лежали в темноте, разговаривая о чудесном новом обитателе нашего зверинца, затем постепенно стали засыпать. И вот около полуночи началось.

Меня разбудил весьма своеобразный шум, исходивший из садика под окном: будто кто-то наигрывал на варгане под бессвязный аккомпанемент ударника, колотившего по жестяной банке. Я лежал, прислушиваясь и гадая, что бы это могло быть, и тут меня осенило: «Капибара!» С криком «Капибара сбежала!» я выскочил из постели и босой, в одной пижаме бросился вниз по лестнице. Мой заспанный компаньон не отставал от меня ни на шаг. Когда мы спустились в палисадник, все было тихо. Капибара сидела на своих окороках, с надменным видом глядя перед собой в пол. Между нами разгорелся спор, кто шумел: капибара или не капибара. Я доказывал, что капибара, Смит доказывал, что не капибара. «У нее слишком спокойный, невинный вид», — говорил он, а я отвечал, что как раз это-то и доказывает ее виновность. Капибара сидела в залитой лунным светом клетке и невидящим взором смотрела сквозь нас. Шум не возобновлялся, и мы отправились обратно, продолжая ожесточенно спорить шепотом между собой. Только мы улеглись, как шум послышался вновь, да еще громче прежнего. Я встал с постели и выглянул в окно. Клетка капибары тихонько подрагивала в свете луны.

— Это она, проклятущая, — торжествующе сказал я.

— Что она делает? — спросил Смит.

— Шут ее знает. Только лучше пойти и прекратить это безобразие, не то она подымет на ноги весь дом.

Мы тихонько сошли по лестнице и стали в тени кустов. Капибара с величественным видом восседала перед сеткой. Время от времени она наклонялась вперед, подцепляла изогнутым зубом проволоку, оттягивала и отпускала, так что вся клетка начинала звенеть, словно арфа. Капибара

прислушивалась к звуку, пока он не замирал, затем приподымала свое грузное тело и со всей силой хлопала задними лапами по жестяной поилке. Должно быть, она аплодировала самой себе.

— По-твоему, она хочет удрать? — спросил Смит.

— Нет, ей это просто нравится. Капибара исполнила еще один наигрыш.

— Этому надо положить конец, не то она всех перебудит.

— А что тут поделаешь?

— Уберем жестянку, — со свойственным ему практицизмом заметил Смит.

— Да, но клавикорды-то останутся.

— Завесим чем-нибудь клетку, — сказал Смит. Итак, мы убрали жестянку и завесили клетку мешками, полагая, что исключительно лунный свет располагает капибару к музицированию. Только мы убрались, как она снова принялась за свое.

— Как же быть? — в отчаянии спросил Смит.

— Давай ляжем и сделаем вид, будто мы ничего не слышим, — предложил я.

Мы улеглись. Треньканье продолжалось. Где-то в доме хлопнула дверь, в коридоре послышались шаркающие шаги, к нам постучали.

— Кто там? — откликнулся я.

— Мистер Даррелл, — раздалось за дверью. — Мне кажется, у вас кто-то убегает. Кто-то сильно шумит в палисаднике.

— Правда? — удивленно спросил я, повышая голос, чтобы перекрыть треньканье. — Большое спасибо, что сказали. Сейчас сходим посмотрим.

— Будьте любезны. Там у вас непорядок, вы слышите?

— Да, да, теперь слышу. Прошу прощения за беспокойство, — учтиво ответил я.

Шаги удалились, мы со Смитом молча переглянулись. Я вылез из постели и подошел к окну.

— Заткнись! — прошипел я. Капибара продолжала солировать.

— Идея! — вдруг сказал Смит. — Отнесем ее к Музею, там сторож присмотрит за ней до утра.

Ничего разумнее нельзя было придумать, и мы начали одеваться. Тем временем еще двое постояльцев пришли любезно предупредить нас, что у нас кто-то убегает. Мы были явно не одиноки в своем стремлении убрать капибару куда подальше. И вот мы спустились в палисадник, обмотали ящик еще несколькими мешками и двинулись вдоль по дороге. Недовольная тем, что ее потревожили, капибара забегала взад-вперед по клетке, раскачивая ее, словно качели.

Хотя до Музея было каких-нибудь полмили, мы трижды останавливались передохнуть, и капибара трижды наигрывала нам свои мелодии. Наконец мы обогнули последний угол, вот уж и ворота Музея показались — и тут мы наткнулись на полисмена.

Мы все трое остановились и с подозрением воззрились друг на друга. Полисмен явно недоумевал, с чего бы это двум расхристанным джентльменам волочить по улицам гроб в такой час, когда им полагается быть в постели. Он отметил про себя выглядывающие из-под верхней одежды пижамы, отметил загнанное выражение наших лиц и особенно отметил гроб, который мы несли. В этот момент из гроба донесся удушаемый всхрап, и у полисмена глаза полезли на лоб; не иначе как эти вурдалаки собираются заживо похоронить какого-то несчастного! Похоже, он вовремя подоспел. Он кашлянул и неуверенно произнес:

— Добрый вечер. Чем могу быть вам полезен? Тут только до меня дошло, до чего трудно сколько-нибудь убедительно объяснить полисмену, зачем нам загорелось в час ночи проносить по улицам капибару в гробу. Я беспомощно взглянул на Смита, Смит беспомощно взглянул на меня. Собравшись с духом, я чарующе улыбнулся блюстителю порядка.

— Вечер добрый, констебль. Мы несем капибару в

Музей, — сообщил я и тут же сообразил, как нелепо звучит такое объяснение. Полисмен был того же мнения.

— Простите, сэр, что вы несете? — спросил он.

— Капибару.

— А что это такое?

— Вид грызунов, — выпалил Смит, почему-то считавший само собой разумеющимся, что все люди обязаны обладать хоть малейшими познаниями в зоологии.

— Это такое животное, — поспешно пояснил я.

— Ага! — сказал полисмен с деланным интересом. — Животное, говорите? И можно взглянуть на него, сэр?

Мы опустили клетку на землю и стали разворачивать многочисленные мешки. Полисмен посветил в клетку карманным фонариком.

— Ой! — воскликнул он с удивлением, на этот раз неподдельным. — Водяная крыса!

— Совершенно верно, — с облегчением подтвердил я. — Мы несем ее к Музею. Она слишком шумит возле пансиона, где мы живем, и не дает нам спать.

Таким образом все разъяснилось, а капибара к тому же музыкально позвенькала, как бы подтверждая этим правдивость наших слов, после чего полисмен стал необычайно любезен. Он даже помог нам тащить клетку на последних остающихся до Музея ярдах, и мы все вместе стали кликать ночного сторожа. Однако Музей безмолвствовал, и скоро стало ясно, что сторожа тут нет. Капибара продолжала свой концерт, а мы, стоя вокруг клетки, в повышенных тонах, чтобы перекрыть музыку, принялись обсуждать, как быть. Выход подсказал полисмен.

— Крысу можно отнести на скотобойню, — предложил он. — Там есть ночной сторож, это точно.

Так мы и решили. Он объяснил нам, как пройти на бойню, и мы снова тронулись в путь с тихонько раскачивающимся между нами ящиком-гробом. У пансионата, мимо которого пролегал наш путь, мы остановились отдохнуть.

— Оставим ее здесь и сходим сперва на бойню, — сказал я. — Не к чему таскать ее в такую даль, а вдруг там откажутся ее принять?

Итак, мы оставили капибару в палисаднике и пошли по безлюдным улицам. В конце концов, немного поплутав, мы отыскали бойню. К нашей радости, в одном из верхних окон горел свет.

— Эге-гей! — крикнул я. — Сторож! Эгей! Молчание.

— Он, наверное, спит, — недовольно сказал Смит. Я поднял камешек, крикнул и бросил им в окно. После долгой паузы окно растворилось, и в нем показалась голова старого негра.

— Эй, сторож! — жизнерадостно начал я. — Простите, что приходится вас беспокоить. Не смогли бы вы пристроить у себя нашу капибару, всего лишь на одну ночку?

Старый негр тупо глядел на нас.

— Что там у вас? — наконец спросил он.

— Не смогли бы вы пристроить у себя… э-э.. водяную крысу?

— Водяную крысу? — переспросил сторож и покрепче ухватился за подоконник, словно мы собирались вскарабкаться к нему наверх и укусить его.

— Да, водяную крысу.

Мы молча таращились друг на друга. Я чуть не свернул себе шею, задирая голову к окну.

— Водяную крысу, — задумчиво повторил негр, высовываясь из окна посмотреть, нет ли у нас пены на губах. — Стало быть, у вас есть водяная крыса?

Смит заскрежетал зубами.

— Ну да. И мы хотим оставить ее у вас на ночь.

— Водяную крысу?

Подавив в себе истерический смешок, я только кивнул. Старик еще долго глядел на нас, рассеянно бормоча про себя: «водяная крыса», потом перегнулся через подоконник.

— Сейчас я сойду, — сказал он наконец и исчез. Вскоре массивная передняя дверь отворилась, и из-за нее показалась

его голова.

— Где ваша водяная крыса? — спросил он.

— Видите ли, мы не захватили ее с собой, — сказал я, чувствуя себя круглым идиотом. — Но мы сходим за ней, если вы согласны пристроить ее у себя. Ну как?

— Водяную крысу-то? — сказал старик, явно завороженный этим названием.

— А что это за зверь?

— Грызун, — снова выпалил Смит, прежде чем я успел его остановить.

— Так. Грызун, — раздумчиво пожевал губами старик.

— Ну так как, сможете вы пристроить ее у себя на ночь? — спросил я.

— Тут скотобойня, — сказал сторож. — Тут коровы. Навряд ли тут можно держать грызунов.

Титаническим усилием воли я подавил в себе смех и объяснил, что капибара не может причинить вреда коровам; больше того, это животное съедобно и если не зоологически, то во всяком случае гастрономически может быть приравнено к коровам.

После долгих препирательств он нехотя согласился приютить капибару на ночь, и мы пошли обратно к пансиону. Меня душил хохот, но усталый и раздраженный Смит не желал видеть ничего смешного в этой истории. Когда, измотанные, мы наконец добрались до пансиона, залитый лунным светом палисадник безмолвствовал. Капибара лежала в углу клетки и дрыхла без задних ног. Она спала без просыпу до самого утра, и, как видно, сон весьма освежил ее, а мы, спустившись вниз, принялись за наш обычный дневной труд зевая и с мешками под глазами.

Вот как я впервые свел знакомство с капибарами, и вот почему я с таким мрачным предчувствием принял трех малюток, которых привез нам Фрэнсис. На другой день они вполне освоились с обстановкой и принялись уничтожать огромные количества овощей и фруктов, попискивая друг на друга.

В другой день Фрэнсис явился с чудесной добычей — четырьмя броненосцами и пятью большими бразильскими черепахами. Броненосцы были еще детеныши, каждый примерно в фут длиной, с тупыми свинячьими рыльцами и большими розовыми ушами. Эти прелестные зверьки не доставляли нам никаких хлопот и довольствовались той же пищей, что и муравьед; ели они с жадностью, громко чавкая и сопя. Черепахи были очень красивы — продолговатые панцири, ноги и головы в сургучно-красном крапе. Вскоре после этого другой индеец доставил нам семь речных черепах, тех самых, яйца которых нам так понравились. Самую большую из них можно было поднять лишь вдвоем. Эти злюки каждую минуту норовили цапнуть тебя зубами, и самая крупная при случае легко могла отхватить тебе палец.

Сад Мак-Турка постепенно стал походить на гнездилище гигантского паука, соткавшего свою огромную паутину из шнуров и веревок. Жертвами этой паучьей сети были капибары, броненосцы, черепахи и муравьед. Отсутствие клеток начинало все больше меня беспокоить: я понимал, что, когда за нами прилетит самолет, пилоты едва ли согласятся взять на борт кучу животных, спутанных кое-как веревками и шнурами. Мак-Турк посоветовал мне связаться по радиотелефону со Смитом и попросить его прислать несколько ящиков самолетом, который прилетит за нами. Смит обещал это сделать и в свою очередь спросил меня, есть ли на Рупунуни крупные кайманы; один английский зоопарк прислал нам заказ на крупный экземпляр, если можно такой добыть. Я легкомысленно отвечал, что кайманов тут полно в реке прямо перед домом и поймать каймана не составит труда. На этой оптимистической ноте разговор закончился, и я пошел совещаться с Мак-Турком. Он сказал, что можно попробовать подманить каймана к петле тухлой рыбой — по его словам, это лакомство действует на кайманов совершенно неотразимо.

Итак, в тот же день мы отправились на рыбалку по маленьким речкам и вернулись с пирайями, которых

разложили на солнышке для ускорения процесса гниения. Наутро рыбы совершенно недвусмысленно заявили о своем присутствии, так что даже муравьед, привязанный в непосредственной близости от них, начал раздраженно пофыркивать. Вечером мы с Бобом пошли проверить приманку.

— Господи боже! Ты уверен, что у кайманов такой извращенный вкус? — спросил Боб, прикрывая платком нос.

— Мак-Турк говорит, они любят пирай именно в таком виде, уж он-то знает. Признаться, они действительно чуточку попахивают.

— Уж не хочешь ли ты, чтобы я всю ночь просидел над одной из них, поджидаючи каймана?

— Именно этого я и хочу. Впрочем, в воде они не будут так сильно пахнуть.

— Будем надеяться, — сказал Боб. — А теперь, если с этим покончено, пойдем глотнем свежего воздуха.

Когда стемнело, мы снесли рыб к реке и наладили ловушку. Три длинные лодки, связанные носом к корме, составили мост чуть ли не до самой середины реки. Рыб мы подвесили с борта лодки, а к сиденью привязали толстую веревку с петлей, которую подвесили над водой на развилке. Затем мы сели и стали ждать. Курить было нельзя, и уже минут через двадцать, когда воздух пропитался запахом тухлой рыбы, дышать стало трудновато. На воде серебрились лунные блики, стая москитов с проникновенно-ликующим пением набросилась на нас, а запах тухлой рыбы крепчал и крепчал; казалось, что вся округа пропитана им.

— Что-то вроде такого вот отпуска провел я однажды в Маргейте, — прошептал Боб.

— Теперь-то запах уже не такой резкий.

— Да, пожалуй, не такой сильный, зато какой утонченный!

Мы сидели и до боли в глазах всматривались в противоположный берег, пока в каждом всплеске волны нам не начал мерещиться кайман. Три часа спустя кайман и

вправду показался и даже подплыл к нам на расстояние тридцати футов, но мы, должно быть, пошевелились, так как он резко отвернул, и больше мы его не видели.

На рассвете, усталые, искусанные проклиная всех пресмыкающихся на свете, мы ушли с реки и рассказали Мак-Турку о своей неудаче. Он подумал, пообещал помочь и исчез в направлении реки.

Чуть позже мы вернулись на берег посмотреть, чем он там занимается. Оказывается, он соорудил чрезвычайно простую и хитроумную ловушку. Я прямо-таки воспрянул духом, увидев ее. Он наполовину вытащил из воды две длинные лодки и в узкий проход между ними опустил петлю, так что всякому животному, подплывающему по проходу к приманке — тухлой рыбе на шесте, пришлось бы просунуть в петлю голову. Тронув приманку, животное сбрасывало шнур, который удерживал в согнутом положении молодое деревцо, деревцо распрямлялось и затягивало петлю. Конец веревки, на которой была сделана петля, Мак-Турк привязал к суку дерева, стоявшего на небольшом утесе над бухтой.

— Будет работать, — сказал Мак-Турк, с законной гордостью оглядывая творение своих рук. — Сегодня ночью проверим.

На закате мы спустились к реке и зарядили ловушку наживкой. Мак-Турк сказал, что если кайман вообще попадется, то это случится лишь поздней ночью, а потому мы с Бобом решили в последний раз прогуляться по саванне, проветрить легкие, насквозь пропитавшиеся запахом тухлятины. Зеленое, цвета яшмы, небо было подернуто бледно-розовыми облаками, на его фоне, словно черные выпуклые спины резвящихся дельфинов, проступала далекая линия гор. В высокой хрусткой траве, словно музыкальные шкатулки, перекликались кузнечики, а вдали, в приречном тростнике, хором квакали большие лягушки. Из-под самых наших ног вспорхнула пара земляных сов; бесшумно отлетев шагов на тридцать, они сели на землю и с достойным видом принялись ходить кругами, вертя головами и настороженно

наблюдая за нами. Мы легли на красную землю, горячую, как плита, и стали смотреть в небо. Солнце зашло за горизонт, небо изменило свой цвет из зеленого в сизовато-серый, а потом вдруг окинулось тьмой и зажглось огромными дрожащими звездами, которые висели так низко, что, казалось, протяни руку — и наберешь целую пригоршню.

Взошла луна. Мы двинулись в обратный путь, решив отнести наши гамаки к реке и повесить их между деревьями на берегу, чтобы не пропустить момента, когда ловушка сработает. Найдя подходящие деревья и покурив, мы потихоньку пошли обратно к реке. В теплом воздухе над нами чертили замысловатые геометрические узоры с десяток небольших летучих мышей. Когда мы подошли к реке, мне послышался какой-то шум.

— Что это? — спросил я у Боба.

— Ты о чем? — спросил он.

— Да вроде где-то что-то хлопает.

— Ничего не слышу.

Мы молча продолжали свой путь.

— Вот опять. Неужели не слышишь?

— Как будто слышу, — ответил Боб.

— Похоже, в ловушку кто-то попался, — Сказал я и бегом пустился к реке. Выбежав на берег, я увидел, что веревка, привязанная к дереву, туго натянута. В свете карманного фонарика веревка задергалась и ушла в воду, а у подножия утеса раздался страшный шум — фырканье, плеск и какие-то глухие удары. Я подбежал к краю скалы и глянул вниз.

Лодки, составленные ловушкой, были в десяти футах подо мной; они широко разошлись, и в воде между ними лежал здоровеннейший кайман, каких мне только приходилось видеть, с затянутой вокруг шеи петлей. Отбуйствовав, он лежал спокойно, но, как только луч фонарика скользнул по нему, его гигантское тело дрогнуло, он изогнулся дугой, распахнул свою огромную квадратную пасть и хлопнул ею, как дверью, а его хвост так и заходил из

стороны в сторону, вспенивая воду и гулко молотя о борта лодок. Огромный зверь метался в бурлящей воде между раскачивающимися лодками, лязгал пастью и бешено колотил хвостом, веревка гудела и звенела, сук, к которому она была привязана, зловеще поскрипывал. Дерево стояло здесь же на скале, я положил руку на его ствол и ощутил, как оно дрожит и трясется от рывков зверя. При мысли, что кайман порвет веревку или сук сломается и, словом, великолепный экземпляр ускользнет от нас, я до того ошалел, что сделал нечто столь бессмысленное и опасное, что до сих пор не понимаю, как я мог дойти до такого безрассудства: я перегнулся через край утеса, обеими руками ухватился за веревку и потянул ее на себя. Почувствовав натяжение, кайман вновь заметался, забился и в свою очередь рванул веревку на себя, так что меня потащило вперед и я повис на веревке головой вниз, под углом в сорок пять градусов, в десяти футах над качающимися лодками и разъяренным, лязгающим зубами кайманом, лишь пальцами ног оставаясь на краю скалы. В конечном счете я непременно свалился бы в воду, и кайман искромсал бы меня челюстями или забил насмерть хвостом, не подхвати Боб вовремя веревку. Кайман бился и тащил веревку к себе, и мы с Бобом дергались взад и вперед на краю утеса, как сумасшедшие цепляясь за веревку, словно на ней держалась вся наша жизнь. Надо полагать, еще ни один утопающий не хватался за соломинку такой мертвой хваткой. Улучив момент между рывками, Боб повернул ко мне голову.

— Чего мы держимся за веревку?

— А вдруг она оборвется, — выдохнул я из себя. — Тогда прощай кайман.

Боб на секунду задумался.

— Если веревка лопнет, мы все равно не удержим его, — сказал он.

Вот чего я не сообразил с самого начала, и только теперь до меня дошло, каким дурацким делом мы занимаемся.

Мы отпустили веревку и прилегли отдохнуть на траву.

Кайман внизу затих. Мы решили, что не мешает опутать зверя еще одной веревкой на случай, если первая лопнет, побежали домой и разбудили Мак-Турка. Затем, прихватив с собой веревок, вернулись к реке.

Кайман по-прежнему тихо лежал между лодками; казалось, он вконец выбился из сил. Мак-Турк забрался в лодку, чтобы отвлечь его внимание, а я спустился с утеса, с величайшей осторожностью накинул на его челюсти петлю и туго затянул ее. Обезопасив себя от его челюстей, мы стали действовать уверенней; теперь приходилось остерегаться лишь его хвоста. Вторую петлю мы затянули у каймана на груди, а третью на толстом основании его хвоста. Пока мы затягивали его в этот корсет, он дернулся раз-другой, но без особого ожесточения. Убедившись, что веревки надежно держат его, мы разошлись по своим гамакам и поспали урывками до рассвета.

Самолет должен был прилететь в полдень, а нам еще предстояло переделать кучу дел. Всех животных, за исключением муравьеда, мы доставили в джипе через саванну к взлетно-посадочной полосе и оставили там под присмотром индейца. После этого мы приступили к главному: надо было опутать каймана веревками и вытащить на берег, чтобы можно было быстро погрузить его на джип, когда прилетит самолет.

Прежде всего следовало накрепко притянуть к телу его короткие жирные лапы, и это далось нам без труда, но потом пошли дела посложнее: надо было подвести под каймана длинную доску и привязать его к ней. С этим прибилось повозиться: кайман лежал на мелководье и почти все его тело и хвост ушли в грязь; в конце концов пришлось вытолкнуть его на глубину и уже там подводить доску. Наконец мы привязали каймана к доске и стали выволакивать его из воды на крутой берег, и это был долгий и тяжкий труд.

Мы — Мак-Турк, Боб, восемь индейцев и я — тащили каймана на берег целый час. Берег был топкий и скользкий, мы то и дело падали, и всякий раз чудовищно тяжелое тело

каймана сползало вниз на несколько драгоценных дюймов, отвоеванных нами у берега. В конце концов, обливаясь потом, мокрые и грязные с головы до ног, мы переволокли каймана через гребень берегового откоса и положили на траву.

Он был футов четырнадцати длиной, голова по толщине и ширине с мое туловище, а блестящий чешуйчатый хвост с доброе дерево толщиной бугрился твердыми, как железо, мускулами. Его спина и затылок были покрыты большущими шишками и наростами, а хвост увенчан высоким зазубренным гребнем, составленным из треугольных чешуи величиной с мою ладонь. Верхняя часть его тела была пепельно-серая с пятнами зелени в тех местах, где еще держался речной ил, брюхо ярко-желтое. Немигающие глаза были величиной с грецкий орех, глянцевито-черные, с яростной золотистой филигранной сеткой. В общем зверь что надо.

Мы оставили его лежать в тени, а сами отправились усаживать муравьеда в джип, чтобы везти его к взлетно-посадочной полосе: издали уже доносилось гудение самолета. Разумеется, муравьед изо всех сил затруднял нам нашу задачу: шипел, фыркал и размахивал лапищами при посадке и во время переезда через саванну. Мы сильно задержались и, подъезжая к посадочной полосе, увидели, что самолет уже садится. Я побежал к самолету и с облегчением убедился, что Смит прислал нам целую кучу ящиков. Времени терять не приходилось: надо было срочно рассадить по ящикам животных и съездить за кайманом.

— Ты держи капибар, а я буду запихивать муравьеда в клетку, — сказал я Бобу.

Муравьед, еще ни разу не бывавший в клетке, решительно воспротивился этой процедуре и пустился галопом вокруг ящика. Тщетно пытался я остановить его и затолкать вовнутрь. Через несколько минут нам обоим понадобилась передышка, и мы остановились. Я в отчаянии озирался по сторонам, взывая взглядом о помощи. Но Бобу было не до меня: он по уши увяз в капибарах. Они страшно испугались самолета и теперь стремительно кружились

вокруг Боба по все убывающим спиралям, наматывая на него слои веревок, а Боб, словно шпулька, вертелся вокруг собственной оси. На мое счастье, тут подоспел Мак-Турк, и мы вдвоем затолкали муравьеда в ящик. Затем мы распеленали Боба, рассадили по ящикам капибар и вместе с прочими животными погрузили их в самолет. Когда со всем этим было покончено, Мак-Турк с мрачным видом подошел ко мне.

— Вы не сможете забрать каймана, — сказал он.

— Почему? — цепенея от ужаса, спросил я.

— Пилот говорит, нет места. На следующей остановке они должны забрать партию мяса.

Я умолял, уговаривал, спорил — все напрасно. Вне себя от отчаяния я доказывал пилоту, что кайман будет едва заметен в самолете, и даже соглашался сидеть на нем во время полета, чтобы освободить место для мяса, но пилот оставался неумолим.

— Попробую выслать его вам следующим рейсом, — сказал Мак-Турк. — Сделайте в Джорджтауне необходимые приготовления и дайте мне знать.

Итак, скрепя сердце я отказался от мысли взять с собой своего гаргантюанца-каймана и, испепеляя взглядом пилота, сел в самолет.

С ревом набирая скорость, самолет покатил по золотистой траве, и Мак-Турк помахал нам на прощание рукой. Мы поднимались в воздух; внизу под нами простиралась саванна, крохотная фигурка Мак-Турка шагала к джипу вдоль мерцающей реки, той самой, в которой остался кайман; темнела, где уже, где шире, полоска деревьев. Затем самолет круто развернулся и мы начали удаляться от Каранамбо. Далеко впереди смутно вырисовывалось начало большого лесного массива, прорезанного лентами текущих к океану рек; позади, безбрежная и неподвижная, лежала саванна, золотисто-зеленая, серебрящаяся под солнцем.

ГЛАВА СЕДЬМАЯ
КРАБОВЫЕ СОБАКИ И ПТИЦЫ-ПЛОТНИКИ

Вот уже сутки, как мы снова в Джорджтауне; муравьед и прочие животные как следует устроены в клетках и вполне освоились со своим новым положением. После просторов Рупунуни нам с Бобом было тесно и непокойно в городе, и мы решили как можно скорее выбраться из него. В одно прекрасное утро Смит с крайне самодовольным выражением подошел ко мне.

— Ты, кажется, изъявлял желание следующую свою поездку совершить в край ручьев за Чарити? — спросил он. Я ответил, что действительно подумывал об этом.

— Ну так вот, — сказал Смит, напыжившись. — Я нашел тебе отличного проводника. Первоклассный охотник, знает район и местных жителей. Уверен, он добудет нам что-нибудь хорошенькое. Уж он-то знает, где чего.

Образец совершенства объявился после полудня. Это был коротенький, фигурой напоминавший кокосовый орех индиец с льстивой улыбкой, обнажавшей сверкающий ряд золотых зубов, с трясущимся, похожим на кучевое облако брюшком и жирным, липким смехом, от которого он весь колыхался, словно трясина. Одет он был в безупречно сшитые брюки и розовато-лиловую шелковую рубаху. Он совсем не походил на охотника, но, поскольку мы так и так собирались в край ручьев, а он уверял, что многих там знает, я решил, что взять его с собой не повредит. Мы условились, что он присоединится к нам завтра у парома.

— Будьте спокойны, шеф, — сказал мистер Кан, выдавая одну из своих сочных маслянистых улыбок и ослепляя меня блеском зубов. — Я добуду вам столько зверей, что вам некуда будет их девать.

— Ну, по крайней мере с плохими-то всегда известно, что делать, мистер Кан, — учтиво ответил я.

Рано утром следующего дня мы явились к перевозу с грудой багажа, и мистер Кан встретил нас, как маяк, сверкая

зубами, оглушительно хохоча над собственными остротами, организуя и устраивая все подряд и с невероятным при его тучности проворством перескакивая с места на место. Посадка на паром уже сама по себе дело хлопотное, но, когда мы обрели помощника в лице мистера Кана, все превратилось в сущий цирк. Он кричал, обливался потом, громко смеялся и без конца ронял вещи, и, когда мы наконец погрузились, мы едва дышали от изнеможения. Однако это нисколько не пошатнуло жизнерадостности мистера Кана. Во время переправы он рассказал нам о том, как его папаша, купаясь в реке, подвергся нападению чудовищного каймана и спасся лишь тем, что пальцами выдавил ему глаза.

— Подумать только! — восклицал мистер Кан. — Пальцами!

Мы с Бобом уже не раз слышали эту сказку во всех ее бесчисленных вариантах, и она не произвела на нас ожидаемого впечатления. Мистер Кан явно принимал нас за простофиль. Этого нельзя было так оставить, и я тут же отплатил ему рассказом о том, как на мою бабушку напал бешеный дромадер и она голыми руками задушила его. К сожалению, мистер Кан не знал, что такое дромадер, и моя попытка отплатить той же монетой успеха не имела. Похоже даже, вместо того чтобы заставить его заткнуться, она вдохновила его на новые россказни, и, подъезжая в расшатанном ветхом автобусе к Чарити, мы, словно в гипнотическом трансе, слушали эпос о том, как дедушка мистера Кана сразил тапира: он вскочил зверю на спину, зажал ему ноздри, и бедняга задохнулся. Мистер Кан выиграл первый раунд, в этом не было никакого сомнения.

Чарити представлял собой кучку домов, разбросанных на берегу реки Померун, дорога тут кончалась. Это был в своем роде последний форпост цивилизации, никакого удобного сообщения дальше уже не было. От Чарити к венесуэльской границе, словно трещины на зеркале, расходится лабиринт водных путей, ручьев, речек, затопленных долин и озер, обследовать которые можно

только на лодке. Мне казалось, Чарити будет подходящей базой для такого предприятия, но, пробыв там с полчаса, я отказался от этой мысли: это заброшенное, убогое место наводило тоску, а его угрюмые обитатели не желали оправдывать своим житьем-бытьем название своего поселка. Я решил, что лучше будет сразу же продолжить наше путешествие в край ручьев. Мистеру Кану, который, по словам Смита, знал тут все и вся, было поручено достать лодку; Айвен, вспомнив о последних мелких покупках, которые необходимо было сделать, исчез в направлении рынка, а мы с Бобом, позабыв обо всем на свете, копались в сочной зелени по берегам реки, отыскивая лягушек. Вскоре Айвен вернулся, ведя с собой негритенка с большими, как блюдца, глазами.

— Сэр, вот этот мальчик говорит, что у него есть крабовая собака, — сказал Айвен.

— А что это такое? — спросил я.

— Это животное вроде собаки, которое ест крабов, — неопределенно ответил Айвен.

— Люблю Айвена за ясность формулировок, — сказал Боб. — Ладно, пойдем посмотрим зверя. Где он? Таинственное животное было у мальчика дома — надо было пройти ярдов сто по берегу реки, — и мы все отправились на смотрины. Когда мы прибыли на место, мальчик нырнул в хижину и тотчас появился вновь, шатаясь под тяжестью ящика чуть ли не больше его самого. Я заглянул сквозь планки, которыми был заколочен ящик, но увидел лишь что-то непонятно серое. Тогда я отодрал две планки и заглянул вновь. В этот момент из щели показалась голова и пристально уставилась на меня — широкая плоская голова с аккуратными закругленными ушами и собачьей мордой. Животное было пепельно-серого цвета, но как раз по самым глазам у него проходила широкая черная полоса, и от этого казалось, будто оно в маске. Мгновение оно созерцало меня с невыразимо печальным выражением на морде, потом лязгнуло зубами внезапно и злобно и скрылось в ящике.

— Так что же это такое? — спросил Боб, с недоверием посматривая на ящик.

— Енот-крабоед. Сколько он за него хочет, Айвен? Айвен и негритенок принялись рьяно торговаться, и через некоторое время, вручив мальчику скромную сумму, на которой мы сошлись, я с ликованием унес енота вместе с ящиком.

Когда мы вернулись на пристань, мистер Кан уже поджидал нас. Он достал лодку, гордо заявил он, минут через десять она будет здесь. Увидев енота, он просиял, как только что открытое золотое месторождение.

— А! Мы уже добились успеха! — сказал он, издав сочный смешок. — Ну, не говорил ли я вам, что знаю, где искать животных?

Айвен наградил его взглядом, в котором тонко смешались достоинство и отвращение.

Лодка оказалась неким подобием длинной и узкой спасательной шлюпки. Вся внутренняя ее часть была закрыта приподнятым над бортами деревянным настилом или даже, вернее, плоской крышей; она могла служить удобным наблюдательным пунктом, а в зной можно было спуститься вниз и устроиться в тени на скамьях. Корабль этот пришелся мне как нельзя больше по вкусу. Мы погрузили багаж внутрь, а сами расположились наверху. Как только лодка тронулась в путь по сумеречной реке, мы с Бобом принялись мастерить временную клетку для енота и, когда она была готова, без особых затруднений переселили его туда. Только теперь, при последних отсветах дня, мы смогли как следует разглядеть его.

Размерами он был с фокстерьера, с короткой и гладкой шерстью и сидел в своеобразной ссутулившейся позе, отчего казался горбатым, и это впечатление еще больше усиливалось его манерой свешивать голову между плечами, совсем как нападающий бык. Хвост у него был длинный и пушистый, в аккуратных черно-белых кольцах, тонкие лапы переходили в плоские широкие ступни с голыми розово-красными

подошвами. Шерсть светлая, пепельно-серая, местами желтоватая, и только черные отметины на морде да сплошь черные ноги. Словом, енот и без того являл собой смехотворную фигуру, а низко опущенная голова, растерянное выражение карих глаз, выглядывающих из-под черной маски на морде, делали его похожим на пойманного с поличным доморощенного взломщика.

Когда я сунул ему в клетку миску с водой и рубленой рыбой, он живо приблизился к миске, словно осужденный на смерть, предвкушающий свой последний завтрак, и присел перед ней на корточки, затем погрузил в воду лапы и похлопывающими, поглаживающими движениями стал шарить в миске, все это время не переставая с мрачным видом наблюдать за нами. Так продолжалось довольно долго. В конце концов он подгреб кусок рыбы к краю тарелки, — словно кролик уселся на задние лапы, деликатно взял кусок своими тонкими пальцами и отправил его в рот. Съев рыбу он снова принялся хлопать лапами по содержимому тарелки и делал так каждый раз, прежде чем взять новый кусок.

Боба страшно заинтересовали эти, как он выразился, «ухватки взломщика сейфов», и позднее, вечером, когда мы стали на ночевку, я поймал несколько речных крабов и посадил их в клетку енота, чтобы разъяснить Бобу смысл странных движений животного. Енот со слегка настороженным видом оглядел всех крабов, затем выбрал из них самого крупного, присел перед ним на корточки и начал быстрыми легкими движениями как бы охлопывать и оглаживать его со всех сторон, время от времени останавливаясь и встряхивая лапами. Краб, обороняясь, делал отчаянные выпады клешнями, но движения лап енота были до того стремительны, что их невозможно было схватить; краб все больше пятился назад, а енот следовал за ним, не переставая работать лапами. Через десять минут такого единоборства краб, еще целый и невредимый, но уже вконец обессилевший, прекратил сопротивление. Енот, казалось, только этого и ожидал: он внезапно наклонился вперед и

перекусил злосчастного краба пополам, затем откинулся назад и с горестным видом созерцал его смертные муки. Когда краб перестал шевелиться, енот деликатно взял его кончиками пальцев, положил в рот и схрумкал с выражением величайшей скорби на морде.

Наша лодка стояла у пристани неподалеку от обиталища царственного вида индийца в широких одеяниях, с тюрбаном на голове, который пригласил нас на ужин. Мы пришли к нему домой и, усевшись кружком на корточках прямо на полу, принялись поглощать великолепное кэрри и чупатти при свете мигающей «летучей мыши». Мистер Кан был в ударе. Жабой восседая среди нас и сверкая зубами, словно трухлявый пень гнилушками, он набивал себе пузо и говорил, говорил без конца. Он единовластно завладел беседой и по мере насыщения становился все более красноречивым.

— Помню раз, — говорил он, чавкая набитым кэрри ртом, — мне довелось охотиться на Мазаруни. Вот где ягуары так ягуары! Вы спрашиваете, свирепые? Еще какие! Свирепее во всей Гвиане не сыщешь, уж можете мне поверить. Так вот, дело было вечером, вот как сейчас. Я поужинал, и мне захотелось облегчиться. Я взял ружье и отошел чуть подальше в лес.

Мистер Кан разделался с кэрри и тяжело проковылял по комнате, разыгрывая пантомимой все, что с ним произошло. Он с кряхтеньем присел в углу и, обдавая нас лучезарной улыбкой, продолжал:

— Все шло хорошо. Я уже почти закончил свои дела. Встал и, не выпуская ружья из руки, начал натягивать штаны.

Он с усилием выпрямился и нагнулся за воображаемыми штанами.

— И что же, вы думаете, тут произошло? — риторически вопросил он, хватаясь за живот. — Из кустов прямо на меня выпрыгнул страшно огромный ягуар! Ой-ой-ой! Как вы думаете, я испугался? Еще бы не испугался! Ягуар застал меня со спущенными штанами!

— Не завидую ягуару, — вставил Боб.

— Да-да, — продолжал мистер Кан. — Положение было незавидное. Одной рукой я подтягивал штаны, другой стрелял. Трах! Вот выстрел так выстрел! Прямо в глаз — и ягуар мертв!

Он подступил к воображаемому трупу и с презрением пнул его ногой.

— И знаете что? — продолжал он. — Я так испугался, что зарекся совершать такие прогулки иначе как днем. И я до сих пор так напуган этим проклятым ягуаром, что мне приходится бегать за нуждой всю ночь напролет. И чем больше я бегаю, тем страшнее мне делается, и, чем страшнее мне делается, тем больше я бегаю.

Мистер Кан сел и разразился хохотом над своей незадачей, шипя, хрипя и обтирая слезы с трясущихся щек.

Разговор перешел с ягуаров на кайманов, а с кайманов на анаконд, и у мистера Кана на всякий случай была байка в запасе. Пожалуй, самыми красочными были его рассказы об анакондах — по-местному кумуди; ни одна кумуди из тех, с которыми ему приходилось иметь дело, не была в обхвате меньше двенадцативедерной бочки, и он всегда побарывал их тем или иным хитроумным приемом. Когда речь пошла об анакондах, Айвен стал беспокойно поерзывать на месте, и я подумал, что мистер Кан просто заморочил его до скуки своими россказнями. Но вскоре мне пришлось убедиться, что это не так. Вот кончился ужин, и мы сошли к лодке, в которой один за другим были подвешены наши гамаки. Не без труда мы забрались в них и заткнули рот мистеру Кану категорическим «Спокойной ночи». Только я начал засыпать, как вдруг из гамака Айвена раздался страшный вопль.

— 0-о-о! Берегитесь кумуди, сэр!.. Она лезет в лодку… Берегитесь, сэр!..

Наше воображение было достаточно распалено россказнями мистера Кана о чудовищных анакондах, и при крике Айвена в лодке поднялось форменное столпотворение. Боб вывалился из гамака. Мистер Кан вскочил на ноги, споткнулся о Боба и чуть не бултыхнулся в реку. Я тоже

хотел выпрыгнуть из гамака, но он перекрутился, и, обмотанный бесчисленными москитными сетками, я плюхнулся на Боба. Мистер Кан вопил, чтобы ему дали ружье, Боб умолял, чтобы я слез с него, а я кричал, чтобы мне подали фонарик. Тем временем Айвен издавал какие-то нечленораздельные звуки — можно было подумать, будто анаконда обвилась вокруг его шеи. Отчаянно скача на четвереньках, я в конце концов нашел фонарик, зажег его и направил луч на Айвена. В этот же самый момент его голова поднялась над краем гамака, и он сонно вытаращился на нас.

— Что-нибудь случилось, сэр? — спросил он.

— Где кумуди? — спросил я.

— Кумуди? — тревожно переспросил Айвен. — А что, где-нибудь поблизости есть кумуди?

— Я почем знаю? Это ты так решил, — ответил я. — Ты кричал, будто к нам в лодку лезет кумуди.

— Я кричал, сэр?

— Да.

Айвену было явно не по себе.

— Надо полагать, мне это приснилось, — сказал он. Мы уставились на него как на ненормального… он смущенно зарылся в свой гамак. Позже я узнал, что Айвену, если разбередить его рассказами о кумуди, снятся кошмары, он кричит, отчаянно мечется и благополучно будит всех вокруг, кроме себя самого. С ним и после бывали такие вещи, но со временем мы к ним привыкли, и таких кавардаков, как в ту ночь, больше не случалось. В конце концов мы распутались с гамаками и, уклонившись от предложения мистера Кана выслушать еще одну историю о кумуди, уснули.

Я проснулся перед самым рассветом и увидел, что мы уже снова плывем. Под негромкий рокот мотора лодка скользила вниз по широкой голубовато-серой в рассветных сумерках глади реки, окаймленной полосою деревьев. Воздух был прохладен и насыщен запахом цветов и листьев. Светало. Небо из серого становилось зеленым, последние звезды мерцали и гасли, поверхность воды курилась дымкой, которая

кольцами и прядями плыла над рекой, между стоящими на берегу деревьями с какой-то замедленной, «подводной», грацией — так колышутся от движения волн гигантские метелки морских водорослей. Затем небо из зеленого стало бледно-голубым, сквозь просветы между деревьями завиднелась взлохмаченная рать ярко-красных облаков; солнце всходило. Рокот мотора разносился далеко по притихшей реке, нос лодки с мягким шелковистым шипением вспарывал речную гладь. Мы прошли поворот и достигли устья, впереди, серое и неспокойное в утреннем свете, раскинулось море. На берегу реки наполовину в воде лежало мертвое дерево, кора свисала с него полосами, обнажая выбеленный солнцем ствол. Среди ветвей сидела пара красных ибисов — два гигантских алых цветка, выросших на мертвом стволе. При нашем приближении они поднялись в воздух и, лениво кружа, медленно хлопая крыльями и вспыхивая на солнце розовым, красным и алым, полетели вверх по реке, копьями выставив перед собой длинные изогнутые клювы.

Чтобы попасть в край ручьев, нам надо было выйти из устья реки и проплыть с милю вдоль берега моря. Масса воды, изливаемая рекой в море, бурлила и волновалась, и наша лодка скакала и перелетала с волны на волну, словно пущенный по поверхности воды камень, а крепкий бриз то и дело набрасывал на нас завесы водяной пыли. Вот мимо нас стройным клином пролетела стая пеликанов и с тяжелым плеском опустилась на воду ярдах в пятидесяти поодаль. Птицы уткнулись клювами в грудь и с типичным для них благожелательным выражением уставились на нас. Издали, качаясь на волнах вверх и вниз, они были до смешного похожи на стаю целлулоидных уток в грязной ванне.

Но вот мы повернули и направились к материку. Деревья на берегу стояли сплошной стеной, и я подумал, что наш рулевой решил лишь прижаться к суше на тот случай, если волны разыграются еще сильней; в конце концов лодка не была рассчитана для плавания по морю. Тем не менее мы

плыли прямо на стену деревьев, она надвигалась все ближе и ближе, а рулевой и не думал отворачивать. Казалось, лодка вот-вот врежется в берег, но тут мы протиснулись под ветвями одного дерева, кустарник сомкнулся за нами, заглушив шум моря, и по узкому тихому ручью мы медленно вошли в совершенно иной мир.

Ручей был футов двадцати в ширину, с высокими берегами, поросшими густым подлеском. Перекрученные стволы деревьев сплетались над водой, образуя длинный узкий проход, и ветви их были увешаны лишайником, длинными водопадами серого мха, яркими ковриками из розовых и красных орхидей и множеством вьющихся зеленых растений. Вода у берегов ручья была скрыта от глаз под толстым сплетением водяных растений и усеяна множеством ярких мелких цветков. Местами этот красивый узорчатый ковер из листьев и цветов был испещрен блестящими зелеными тарелками — листьями водяных лилий, жавшихся в кучки вокруг своих остроконечных бело-розовых цветов. Вода в ручье была глубокая и прозрачная, густого рыжевато-коричневого цвета. Воздух над этим забитым зеленью лотком был горяч и неподвижен, и мы, словно в полудреме, сидели на крыше лодки, греясь на солнце и наблюдая все новые виды, которые открывались нам, по мере того как лодка продвигалась по лениво извивающемуся руслу ручья.

В одном месте ручей резво выплескивался из берегов и разливался на пространстве в несколько акров, затопляя прибрежную долину. Лодка зигзагами продвигалась в коричневатой воде между древесными стволами, окруженными ободками из водяных лилий и водорослей. На травянистом бережке грелся на солнце небольшой кайман; он лежал, чуть раскрыв пасть в злобном оскале, а при виде нас поднял голову, щелкнул челюстями и скользнул в воду, пробив рваную дырку в зеленом покрове растительности у берега. Дальше вверх по течению берега становились как бы волнистыми от множества плавно округленных бухт, каждая

из которых была оторочена розовыми водяными лилиями, неподвижно лежавшими на темной, словно полированной воде. Их листья составляли нечто вроде зеленого, усеянного цветами настила, игриво разбегавшегося по воде в разные стороны. На одном таком естественном настиле мы увидели самку яканы, которая вела за собой выводок пушистых, недавно вылупившихся птенцов, каждый чуть побольше грецкого ореха. Якана похожа на шотландскую куропатку, только ее длинные, стройные ноги оканчиваются кистью тонких, очень длинных пальцев. Глядя на эту птицу, понимаешь, какую службу служат ей тонкие пальцы. Якана осторожно ступала по зеленым плиткам естественного настила, помещая тяжесть тела точно по центру листа, и пальцы ее, растопыриваясь, как лапы у паука, равномерно распределяли ее вес по его поверхности. Листья лишь чуточку вздрагивали и слегка погружались в воду под ее ногой, но не больше. А ее выводок роем золотисто-черных шмелей семенил вслед за ней; птенцы были такие легкие, что могли собраться все вместе на одном листе, не стронув его с места. Якана вела их по настилу из листьев быстро и осторожно, и малыши бежали за ней, послушно останавливаясь всякий раз, пока мамаша испытывала новый лист. Достигнув конца настила, якана нырнула, и малыши один за другим последовали за ней. Лишь несколько серебряных пузырьков да ушедший в воду лист напоминали о том, что они только что были здесь.

В конце затопленной долины воды ручья послушно возвращались в предначертанное русло и устремлялись через поросшую густым лесом местность. Деревья жались все ближе одно к другому — и вот уж мы плывем в зеленом полумраке под сводом из ветвей и листьев по эбеново-черной воде, местами тронутой серебряными бликами света, пробивающегося сквозь листву над нашей головой. Внезапно с дерева, мимо которого мы проплывали, вспорхнула птица, она пролетела по сумрачному туннелю и опустилась на залитый солнцем ствол. Это был крупный черный дятел с

длинным, курчавым, винно-красным гребнем и клювом цвета слоновой кости. Он глядел на нас, прилепившись к коре, пока к нему не присоединилась его подруга, и тогда они принялись сновать вверх и вниз по стволу, с важным видом простукивая его клювами и прислушиваясь со склоненной набок головой. Время от времени они разражались короткими приступами пронзительного металлического смеха и на своем жутковато-невнятном птичьем языке переговаривались между собой по поводу какой-то одним им ведомой шутки — ни дать ни взять два сумасшедших рыжеволосых врача, простукивающих грудь пациента и восхищенно хихикающих над обнаруживаемыми ими симптомами болезни: червоточиной, туберкулезными пятнами сухой гнили и полчищами личинок, неустанно грызущих их пациента. Казалось, дятлов все это страшно забавляет.

Это были невиданные, фантастического обличья птицы, и я преисполнился решимости пополнить свою коллекцию несколькими экземплярами. Я показал на них Айвену.

— Как их здесь называют, Айвен?

— Птицы-плотники, сэр.

— Надо добыть несколько экземпляров.

— Они у вас будут, — сказал мистер Кан. — Не беспокойтесь, шеф, я добуду вам все, что вы пожелаете.

Я следил взглядом за дятлами. Перелетая с дерева на дерево, они в конце концов исчезли в переплетении зарослей. Дай бог, чтобы мистер Кан сдержал свое слово, — я в этом что-то сильно сомневался.

Под вечер мы приблизились к месту назначения — затерявшейся в глуби края ручьев индейской деревушке с маленькой миссионерской школой. Оставив главный ручей, мы вошли в приток поуже, от берега до берега затянутый плотной пеленой водяных растений. Эта зеленая лужайка была усеяна множеством крохотных, с наперсток величиной, розовато-лиловых, желтых и розовых цветов на коротеньких, в каких-нибудь полдюйма высотой, стебельках. Я сидел на носу, и мне казалось, будто лодка плавно скользит по зеленой,

поросшей водорослями дорожке, и только волнообразное колыхание слоя растений у нас за кормой говорило о том, что внизу под нами вода.

На протяжении нескольких миль мы плыли по этой чудесной дорожке, извивавшейся среди лесов и лугов, и наконец она привела нас к полоске светлого берега, на котором росли пальмы. Мы увидели хижины, полуспрятавшиеся между деревьями, и несколько каноэ, вытащенных на чистый песок. Когда мы заглушили мотор и по инерции медленно подходили к берегу, нам навстречу с криками и смехом выбежала ватага совершенно голых ребятишек с лоснящимися на солнце телами. За ними шел высокий негр; как только мы причалили, он отрекомендовался нам школьным учителем. Окруженный шумной толпой смеющихся ребятишек, он повел нас по полосе светлого прибрежного песка к одной из хижин и потом ушел, пообещав вернуться, как только мы распакуем багаж и устроимся на новом месте. После шума мотора, целый день долбившего нам в уши, тишина и покой маленькой хижины среди пальм действовали невероятно успокаивающе. В этой блаженной тишине мы распаковались и поели, и даже мистер Кан, явно поддавшись очарованию места, не возмущал спокойствие.

Вскоре вернулся школьный учитель, а с ним один из его маленьких учеников.

— Мальчик желает знать, не купите ли вы у него вот это, — сказал учитель.

«Это» оказалось детенышем енота-крабоеда, крохотным комочком пуха с блестящими глазами — вылитая копия щенка чао-чао. На его морде и в помине не было той печати меланхолии, которой суждено появиться на ней позднее. Он был полон задора, вертелся, скакал и не больно кусался своими крохотными молочными зубами, размахивая, словно флагом, пушистым хвостом. Если б даже он был мне не нужен, я и тогда не устоял бы против искушения приобрести такую прелесть. На мой взгляд, он был слишком мал, чтобы

жить в одной клетке со взрослым енотом, а потому я соорудил ему отдельную, и мы водворили его на новое место жительства. Туго набив животик молоком и рыбой, он свернулся клубком на ворохе сухой травы, победоносно рыгнул и заснул.

Учитель предложил на следующее утро прийти к нему на урок и показать детям изображения требуемых животных. По его словам, у многих из его учеников были ручные животные, с которыми они, может быть, расстанутся. И еще он обещал поискать хороших охотников, которые могли бы показать нам край ручьев и помочь при ловле животных.

Итак, наутро мы с Бобом пришли в школу и объяснили сорока юным индейцам, зачем мы к ним пожаловали, какие животные нам нужны и какие цены мы готовы платить. Все они проявили необычайное воодушевление и обещали сегодня же принести своих питомцев, — все, за исключением одного маленького мальчика, который с взволнованным видом начал быстро перешептываться со своим Учителем.

— Он говорит, — объяснил учитель, — что у него есть очень хорошее животное, только оно слишком велико и его нельзя привезти в каноэ.

— Что это за животное?

— Он говорит: дикая свинья. Я повернулся к Бобу.

— Может, съездишь сегодня за ней в лодке? Боб тяжко вздохнул.

— Ладно уж, — сказал он. — Только пусть ее как следует свяжут.

После полудня Боб вместе с мальчиком отправился на лодке за дикой свиньей, или пекари. Я дал ему наказ покупать все стоящее, что он увидит в деревне индейцев, и с надеждой стал ждать его возвращения. Как только он уехал, начали приходить дети, и вскоре я с головой ушел в увлекательное и волнующее занятие — отбор животных.

Со всех сторон меня окружали улыбающиеся индейцы и диковинные звери. Больше всего, пожалуй, было агути, золотисто-коричневых зверьков с длинными тонкими ногами

и кроличьими мордами. Этот не особенно умный зверь до того нервен, что закатывается в истерике, стоит лишь чуть дохнуть на него. Затем шли паки, толстые, как поросята, шоколадного цвета животные с кремовым крапом, собранным в полосы вдоль тела. Был тут и с пяток говорливых обезьян саймири и капуцинов, скакавших на привязи либо, как по кустам, сновавших вверх и вниз по своим владельцам. Многие принесли удавов, красиво раскрашенных в розоватый, серебристый и рыжевато-коричневый тона, свернувшихся кольцами на запястьях и поясницах своих хозяев. Кое-кто, может быть, удивится, что дети выбрали их в качестве домашних животных, однако индейцам не свойствен нелепый страх европейцев перед змеями. Они держат удавов в своих жилищах и предоставляют им полную свободу передвижения, взамен змеи выполняют функции, в цивилизованных странах обычно возлагаемые на кошек, иначе говоря, уничтожают крыс, мышей и прочую съедобную нечисть. На мой взгляд, лучше нельзя и придумать: ведь удав куда прилежнее истребляет крыс, чем любая кошка, и к тому же более красив как декоративный элемент; удав, изящно, как это умеют делать только змеи, обвившийся вокруг балки вашего дома, ничуть не худшее украшение для жилища, чем красивые редкие обои, и к тому же вы имеете то преимущество, что украшение само добывает себе пропитание.

В тот самый момент, когда я рассчитывался с последним из ребятишек, раздался дикий звенящий хохот и мы увидели краснохохлого дятла. Он пролетел над поляной и скрылся в чаще леса.

— Ой! — вскрикнул я. — Хочу одного такого! Разумеется, дети не поняли моих слов, но мои жесты и просительная, умоляющая интонация говорили сами за себя. Они засмеялись, закивали, затопали ногами и затараторили между собой, и это вселило в меня надежду, что дятел у меня будет. Когда ребятишки ушли, я принялся строить клетки для вновь приобретенных животных. Это была долгая работа, и к

тому времени, как я ее закончил, издали послышался слабый рокот мотора. Лодка возвращалась, и я вышел на берег встречать Боба с пекари.

Вот показалась лодка. Боб и Айвен с напряженным выражением лиц сидели спиной к спине на большом ящике, стоявшем на палубе-крыше. Вот лодка ткнулась носом в песок, и Боб, не трогаясь с места, просверлил меня взглядом.

— Достали? — нетерпеливо спросил я.

— Спасибо, достали, — ответил Боб. — Как выехали из деревни, только и делаем, что удерживаем ее в этом проклятом ящике. Похоже, ей не очень-то нравится сидеть взаперти. Если я не ослышался, речь шла о ручном животном? Да что там, я просто отлично помню, как ты говорил, что она ручная. Только поэтому я согласился за ней поехать.

— Но ведь мальчик и вправду говорил, что она ручная.

— Мальчик ошибся, — холодно отозвался Боб. — Эта тварь, по-видимому, страдает клаустрофобией. Мы быстро перенесли ящик с лодки на берег.

— Берегись, — предупредил Боб. — Она уже расшатала несколько планок сверху.

В этот самый момент пекари подпрыгнула в ящике, и результат был таков, будто ящик долбанули изнутри кувалдой. Планки так и брызнули во все стороны. В следующую минуту ощетинившаяся, разъяренная свинья выдралась наружу и, свирепо фыркая, понеслась вскачь от берега.

— Вот! — сказал Боб. — Я так и знал!

На полпути между берегом и деревней пекари повстречалась с кучкой индейцев и заметалась среди них, яростно визжа и кусая их за ноги; ее острые, в полдюйма клыки так и клацали, когда она смыкала челюсти. Индейцы бросились к деревне, свинья за ними, мы с Айвеном за свиньей. Когда мы добежали до деревни, она была пуста, словно вымерла, а свинья наскоро закусывала какой-то снедью, подобранной под пальмой. Мы, как нам казалось, совершенно неожиданно нагрянули на нее из-за угла хижины,

но она и ухом не повела. Бросив еду, она ринулась прямо на нас с таким чавканьем и визгом, что у нас кровь в жилах застыла. Следующие несколько мгновений прошли в тихом ужасе: пекари кружила вокруг нас, визжа и молотя челюстями, а мы с Айвеном прыгали как ненормальные, проявляя быстроту и грациозность под стать любой балерине. В конце концов свинья, решив, что мы для нее слишком увертливы, отступила в промежуток между двумя хижинами и заняла там позицию, издевательски хрюкая в нашу сторону.

— Обойди хижину и сторожи ее там, — задыхаясь, проговорил я. — А я буду держать ее здесь.

Айвен исчез за углом хижины, и тут я увидел мистера Кана; он вразвалочку колыхал по песку в нашу сторону, и в голове у меня мелькнула злорадная мысль.

— Мистер Кан! — позвал я его. — Вы нам не подсобите?

— Разумеется, шеф, — просиял он. — Что от меня требуется?

— Стойте здесь и сторожите вот этот проход, ладно? Там пекари, ее нельзя выпускать. Я мигом вернусь.

Мистер Кан подозрительно воззрился на пекари, а я добежал до нашей хижины, достал толстый брезентовый мешок и тщательно обмотал им свою левую руку. Затем во всеоружии вернулся на поле битвы. Здесь я, к своей великой радости, увидел, что мистер Кан, тяжело пыхтя, носится вокруг пальм, а на пятках у него висит свинья. К моему разочарованию, при виде меня пекари сразу же прекратила преследование и снова отступила в проход между хижинами.

— Бог ты мой! — произнес мистер Кан. — Какая свирепая свинья!

Он уселся в тени и стал обмахивать себя большим красным платком, а я протиснулся в проход между хижинами и стал медленно подступать к свинье. Она стояла совершенно неподвижно и следила за мной, время от времени клацая челюстями и тихонько похрюкивая. Подпустив меня к себе на шесть футов, она бросилась в нападение. Когда она

подскочила ко мне, я правой рукой схватил ее за ощетиненный загривок, а левую, обернутую брезентом, сунул ей прямо в пасть. Она отчаянно заработала челюстями, но не смогла прокусить брезент. Тут я передвинул правую руку с ее загривка дальше к спине, крепко обхватил ее поперек жирного туловища и приподнял. Почувствовав себя в воздухе, она словно потеряла всю свою решимость, перестала кусать мою руку и жалобно завизжала, дрыгая своими коротенькими задними ножками. Я отнес ее к нашей хижине, подобрал для нее ящик покрепче, и вот уж пекари по уши ушла рылом в миску с рублеными бананами и молоком, фыркая от удовольствия. Отныне она никогда уже не устраивала нам таких представлений и не брала на себя роль Грозы джунглей, а даже наоборот, стала до смешного ручной. Один только вид миски, из которой ее кормили, исторгал у нее экстатически восторженное похрюкивание, некую чудовищную песнь, кончавшуюся лишь тогда, когда она зарывалась рылом в миску и набивала себе полный рот. Она любила, чтобы ее чесали, и, если почесывание длилось достаточно долго, заваливалась на бок и лежала неподвижно, зажмурившись и сладко похрюкивая. Мы окрестили ее Перси, и даже Боб полюбил ее, сильно подозреваю, главным образом потому, что он видел, как она гоняла мистера Кана вокруг пальм.

Бедный мистер Кан! Он так старался быть полезным и урвать себе долю славы при приобретении нового животного, пусть даже он не принимал никакого участия в его поимке. Но чем больше он скакал, колыхался и сиял улыбками, тем больше он нас раздражал. После случая с Перси, когда ему пришлось удирать от нее, он преисполнился непреклонной решимости восстановить свой престиж, который, он это чувствовал, был полностью утрачен. Он всеми силами пытался смыть с себя позор, но Перси была постоянным, живым, хрюкающим напоминанием о дне, когда он, великий охотник Кан, был обращен в бегство дикой свиньей на глазах всего честного народа. И вот настал день, когда мистеру Кану подвернулся случай покрыть себя славой, и он ухватился за

него обеими своими жирными руками. Однако результат оказался весьма плачевный.

Дело было так. Мы с Бобом провели весь день на ручьях и вернулись домой усталые и голодные. Подходя к нашей хижине, мы с удивлением увидели мистера Кана, который, приплясывая, двигался по берегу навстречу нам, в равной мере сочась потом и торжеством. С закатанными, как у заправского трудяги, рукавами рубахи, в насквозь промокших ботинках и брюках, он с интригующим видом что-то прятал от нас в руке за спиной. Трясясь всем своим животом от несвойственной для него прыти и искрясь зубами на солнце, он, задыхаясь, проговорил:

— Шеф! А ну-ка, отгадайте, кого я поймал. А ну, попробуйте. Нипочем не отгадаете. Как раз то, что вы хотели. Вы с ума сойдете от радости. Я обещал вам его добыть — и вот, пожалуйста.

С этими словами он протянул мне свою огромную лапу — на ней лежало что-то бесформенное и липкое, сплошь покрытое пеной. Комок этот слегка трепыхался. Мы с Бобом молча глядели на него.

— Что это? — спросил наконец Боб.

— Как что? — явно задетый, отозвался мистер Кан. — Это один из тех плотников, которых мистер Даррелл так хотел иметь.

— Что такое? — вскрикнул я. — А ну-ка, разрешите взглянуть.

Мистер Кан вложил странный предмет в мои руки, и он очень прочно прилип к ним. При ближайшем рассмотрении оказалось, что он действительно был некогда птицей.

— Что с ней случилось? — спросил я.

Мистер Кан объяснил. Дятел по каким-то одному ему известным причинам залетел днем в нашу хижину, и мистер Кан с величайшим присутствием духа ринулся ловить его сачком. Он гонялся за ним так, что у бедной птахи голова кругом пошла. Наконец удачным ударом мистер Кан сбил дятла, но, на его беду, у нас в хижине стоял большой кувшин

с патокой, и дятел с роковой неумолимостью угодил прямо в него. Ничтоже сумнящеся, мистер Кан выудил птицу из кувшина и понес ее, капающую патокой с каждого перышка, к ручью, где принялся энергично оттирать и отмывать ее с помощью карболового мыла. Предмет, лежавший у меня на ладони и похожий на кусок тающего медового сота, весь покрытый розовой пеной, был очень красивой птицей до того, как мистер Кан приложил к ней руку. Уму непостижимо, как она прожила так долго; бедняжка скончалась у меня на ладони, в то время как мистер Кан с торжествующим видом заканчивал свой рассказ. Когда я сказал, что его добыча уже труп, и труп весьма неприглядный, он пришел в страшное негодование и уставился на птицу с таким видом, будто она нарочно, назло ему залетела в кувшин с патокой. Следующие два дня, уязвляемый нашими недобрыми замечаниями, он, крадучись, ходил по хижине с сачком в руке, надеясь, что ему снова представится случай отличиться, но второй дятел так и не появился. С тех пор, когда надо было заткнуть рот мистеру Кану, стоило завести разговор о дятлах и пекари — и он делался необыкновенно молчалив.

ГЛАВА ВОСЬМАЯ
ЖАБА С КАРМАШКАМИ

Пожалуй, половину всего времени, что мы пробыли в краю ручьев, мы провели на воде. В сущности говоря, мы и жили-то на острове, со всех сторон окруженном сетью ручьев самой различной ширины и глубины, переплетавшихся в сложную систему водных путей. Вот и выходило, что обследовать окрестности можно было только по воде. Днем мы уезжали в длительные поездки в дальние индейские поселения, а вечером обшаривали ручьи вокруг деревни в поисках ночных животных.

Очень скоро мы обнаружили, что водные дороги окрест кишат детенышами кайманов трех различных видов. В длину они были от шести дюймов до трех-четырех футов и, следовательно, как нельзя лучше устраивали нас в качестве пополнения зверинца. Мы нашли, что ловить их лучше всего ночью с помощью фонаря: днем они слишком осторожны и не подпускают человека близко, ночью же их можно ослепить ярким светом. На ночную охоту мы отправлялись после обеда, когда вода в тихих, безмолвных ручьях еще хранила солнечное тепло. Гребец-индеец сидел на корме, мы с Бобом, с трудом сохраняя равновесие, располагались на носу с фонариком, несколькими прочными мешками и длинной палкой с петлей на конце. Молча плыли мы по ручью, пока сноп света от фонаря не выхватывал из темноты пару огромных рубинов, лежащих на подстилке из водяных растений и листьев лилий, окаймлявших берега. Яростными жестами мы указывали гребцу направление, и он, без всплеска погружая в воду весло, медленно и плавно толкал каноэ по полированному зеркалу воды, будто улитка ползла по оконному стеклу. Чем ближе мы подбирались к паре горящих глаз, тем медленнее становилось наше продвижение. Вот уж считанные футы отделяют нас от водяных растений, из-за которых выглядывает голова каймана. Все время светя ему прямо в глаза, мы дюйм за дюймом опускаем петлю и

осторожно накидываем ему на шею. Процедура эта требует немалой сноровки, но, раз освоенная, дается уже без труда. Как только петля заводится за выпученные глаза, мы рывком поднимаем палку, и кайман пулей выскакивает из водорослей, бешено извиваясь и тоненько похрюкивая, совсем как поросенок. Разумеется, охота не всегда бывала удачной: порой гребец не рассчитывал скорость, и нос каноэ касался края водорослей, слегка морщиня водную гладь. Раздавался громкий всплеск, и голова каймана исчезала, а на ее месте оставалась лишь рваная дыра в переплетении водорослей с мерцающей в ней водой.

Однажды вечером нам очень повезло, и мешки быстро наполнились. Со дна каноэ неслось такое хрюканье и пыхтение, что дальнейшая охота стала невозможна. Поскольку время было еще не позднее, решено было отослать каноэ с уловом в деревню, а самим остаться и ждать. Каноэ со своим шумным грузом уплыло в деревню, а мы с Бобом, высадившись на удобном травянистом берегу, медленно побрели вдоль кромки воды, разыскивая лягушек.

Принято считать, что лягушка везде лягушка и что лягушка в Южной Америке ничем не отличается от своих европейских собратьев. Но это далеко не так. Лягушки, как и другие животные, разнятся от страны к стране, являя величайшее разнообразие форм, размеров, расцветок и повадок. В Азии, например, водятся так называемые летающие лягушки. Это большие, живущие на деревьях животные с удлиненными пальцами, соединенными широкой перепонкой. Полагают, что, когда лягушка перескакивает с дерева на дерево, она широко растопыривает пальцы, так что перепонки натягиваются и, словно крылья, позволяют ей планировать. В Западной Африке водятся гигантские лягушки-голиафы, они достигают двух футов в длину и могут съесть крысу, а в Южной Америке есть лягушки-лилипуты, которые свободно умещаются на ногте мизинца. Бока и лапы самца волосатой лягушки, которая родом тоже из Западной Африки, покрыты как бы толстым слоем волос, во всяком

случае так кажется с первого взгляда, на самом же деле это не волосы, а тончайшие, словно нити, выросты кожи. Есть у них и втягивающиеся, как у кота, когти. Что же касается расцветки, то лягушки, пожалуй, единственные животные, которые могут серьезно соперничать в этом отношении с птицами: лягушки бывают красные, зеленые, золотистые, синие, желтые и черные, а их узоры могли бы сделать состояние любому художнику-декоратору. Но поистине замечательные достижения лягушки показывают в пестовании своего потомства. Так, европейская жаба-повитуха не мечет свою икру в первой попавшейся канаве, а поручает ее самцу, который наматывает ее на задние лапы и ходит в таком виде до тех пор, пока икра не созреет. Один вид древесной лягушки склеивает вместе два листка и, когда в такую «чашу» наберется вода, мечет икру в этот самодельный водоем. Другой вид свивает где-нибудь на верхушке дерева гнездо из пены и мечет икру в этот импровизированный инкубатор, причем момент икрометания выбирается так, чтобы внешний слой пены успел затвердеть, а внутренность инкубатора осталась влажной. Как только головастики достаточно подрастут, чтобы самим заботиться о себе, твердая внешняя оболочка растворяется, и они падают с дерева в воду.

Гвиана поистине более чем богата лягушками, гораздыми на всяческие ухищрения, когда речь идет о сохранении икры и потомства, и край ручьев оказался как нельзя более подходящим местом для охоты на них. Этой же ночью, ожидая возвращения каноэ, мы сделали два первых открытия. Дело было так. Боб увлеченно прочерпывал ручей сачком на длинном черенке, я, крадучись, с алчно горящим взором бродил вокруг деревьев, полузатопленные корни которых, извиваясь, тянулись вдоль берега. С помощью карманного фонаря мне удалось поймать три крупные древесные лягушки темно-зеленого цвета, с большими выпученными глазами. Это были квакши Эванса, у которых самка носит икринки на спине уложенными в рядки, словно

булыжники на мостовой. К сожалению, все лягушки были без икры. Не успел я порадоваться интересной добыче, как раздался крик Боба.

— Джерри, пойди-ка сюда, посмотри, что я поймал!

— Что там у тебя? — прокричал я, посадив своих лягушек в мешок и устремляясь к нему по берегу.

— Никак не разберу, — озадаченно ответил Боб. — Должно быть, какая-то рыба.

Он держал сачок наполовину в воде; и в нем плавало какое-то существо, с первого взгляда действительно напоминавшее рыбу. Я всмотрелся внимательнее.

— Это не рыба, — сказал я.

— Что тогда?

— Это головастик, — ответил я, еще раз внимательно оглядев странное существо.

— Головастик? — переспросил Боб. — Не смеши людей. Погляди, каких он размеров. Это какая ж лягушка из него вырастет!

— Говорю тебе, это головастик, — настаивал я. — Вот, взгляни.

Я запустил руки в сачок и вытащил странное существо из воды. Боб посветил на него фонариком. Как я и полагал, это был головастик, но какой! Таких больших и толстых я еще ни разу не видел. Он был дюймов шести в длину и с крупное куриное яйцо в обхвате.

— Головастиком эта штука быть не может, — сказал Боб, — а кем она может быть, просто ума не приложу.

— Это головастик, как пить дать, вопрос только: какой лягушки?

Мы стояли и глядели на гигантского головастика, который резво плавал в стеклянной банке, куда мы его посадили. Я усиленно напрягал память: мне казалось, что я где-то читал об этих чудовищных мальках. И несколько минут спустя я вспомнил.

— Знаю, — сказал я. — Это парадоксальная водяная жаба.

— Что-что?

— Парадоксальная жаба. Помнится, я где-то читал о ней. Ее называют так потому, что ее головастик, развиваясь, делается не из маленького большим, а наоборот.

— Наоборот? — в полном недоумении переспросил Боб.

— Ну да, развитие начинается с очень большого головастика, потом он делается все меньше и меньше и наконец превращается в средней величины жабу.

— Но это же абсурд, — возразил Боб. — Должно быть наоборот.

— Ну да. Поэтому ее и называют парадоксальной. Боб на минуту задумался.

— Ладно, сдаюсь, — наконец сказал он. — Как она выглядит?

— Помнишь тех маленьких зеленоватых жаб, которых мы ловили в Эдвенчер? Тех, величиной с наших английских? Ну так вот, по-моему, это они и есть, только тогда мне это и в голову не приходило.

— Невероятно, — сказал Боб, задумчиво разглядывая гигантского головастика, — ну да ладно, поверим тебе на слово.

Мы снова принялись работать сачком и, когда каноэ вернулось, могли похвастаться еще двумя огромными головастиками. Вернувшись домой, мы внимательно рассмотрели головастиков при ярком свете. За исключением своих колоссальных размеров, они ничем не отличались от головастиков, которых можно наловить весной в любом английском пруду, вот разве что цветом они были не черные, а крапчатые, зеленовато-серые. Прозрачные края их хвостов были как заиндевелое стекло, а губастые рты смешно надуты, словно они посылали нам через стекло воздушные поцелуи. Вид таких вот громадных головастиков, которые, извиваясь, без устали крутятся в банке, вселяет чувство некоторой жути. Вообразите себе свой испуг, если, гуляя по лесу, вы столкнетесь носом к носу с муравьем величиной с терьера или со шмелем величиной с дрозда. Они вроде бы и

обыкновенные, но, увеличенные до фантастических размеров, производят ошеломляющее впечатление, и вы невольно спрашиваете себя, уж не снится ли вам все это.

Мы до того обрадовались своему новому приобретению, что на следующую ночь вернулись на то же место с сачками, банками и прочими причиндалами и в первые же полчаса поймали еще двух квакш Эванса, а после долгого прочерпывания ручья — еще одного гигантского головастика. После этого мы в течение трех часов не вычерпали ничего, кроме веток и чудовищного количества отвратительного ила со дна ручья. Боб, не теряя надежды, продолжал цедить воду сачком, а я отделился от него и, пройдя дальше вниз по течению, наткнулся на мелкий и узкий, чуть пошире сточной канавы, приток, сплошь забитый листьями. Он, извиваясь, отходил от основного ручья и терялся в группе низкорослых деревьев. Решив, что на притоке охота может оказаться более удачной, я позвал Боба, и мы вместе принялись прочерпывать его, продвигаясь вверх по течению. Но казалось, живности в нем было еще меньше, чем в основном ручье. Я вскоре присел покурить, а Боб упорно продолжал работать сачком, уходя все дальше и дальше от меня. Вот он вытащил сачок, как и следовало ожидать, полный набухших влагой листьев, вывалил его содержимое на берег и уже собирался вновь погрузить сачок в воду, как вдруг остановился и стал пристально рассматривать что-то в куче листьев, только что выуженных из воды. Потом бросил сачок и с радостным воплем стал копаться в листьях.

— Что там у тебя? — спросил я. Боб схватил что-то в пригоршни и заплясал от радости.

— Это она! — вопил он. — Это она!

— Кто она?

— Жаба пипа.

— Врешь, — недоверчиво сказал я.

— Ну так поди да посмотри, — сказал Боб. Его так и распирало от гордости.

Он раскрыл ладони, и я увидел странное и уродливое

существо. Честно сказать, выглядело оно совсем как бурая жаба, но такая, по которой проехался очень тяжелый паровой каток. Ее короткие тоненькие лапы жестко торчали по углам квадратного тела, словно охваченного трупным окоченением. Морда у нее была острая, глазки крохотные, и вся она была плоская, как блин. Боб не ошибся: это был крупный самец пипы — пожалуй, самой интересной из всех амфибий на свете. Боб гордился и волновался не зря: с первого дня нашего пребывания в Гвиане мы старались раздобыть это животное, но безуспешно. А теперь, в самом, казалось бы, неподходящем месте, когда мы и думать забыли о пипе, мы нашли ее. Легко себе представить наше восторженное беснование и самоупоение по поводу уродины, лежавшей в горстях у Боба, между тем как всякий другой на нашем месте наверняка проникся бы отвращением к такой добыче и поспешно выбросил ее. Несколько придя в себя, мы засучили рукава и принялись с яростным ожесточением протраливать каждый дюйм маленького притока, воздвигая на его берегах пирамиды гниющих листьев, которые мы перебирали с рвением двух обезьян, ищущих друг у друга в шерсти. Наше упорство было вознаграждено: за час работы мы нашли еще четыре фантастические жабы, причем одна из них оказалась самкой с икрой — добыча, не имевшая цены в наших глазах, потому что самое необыкновенное в пипе — это ее способ выведения потомства.

В брачную пору, перед икрометанием, у большинства видов жаб и лягушек представителей обоих полов какое-то время можно видеть вместе. Самец в исступлении страсти обхватывает самку «под мышки» и продолжительное время остается у нее на спине, сжимая ее в брачном объятии. В конце концов самка мечет икру, а самец оплодотворяет ее. У пип этот процесс совершается несколько иначе. Самец забирается самке на спину и обхватывает ее поперек груди, согласно общему правилу. Но когда наступает момент икрометания, самка выпускает из заднепроходного отверстия длинный трубкообразный яйцеклад и загибает его себе на

спину, просовывая под живот самца. Когда яйцеклад должным образом уложен, самец начинает ерзать по спине самки, массируя яйцеклад и выдавливая из него икру, которая неровными рядами укладывается на коже самки и прилипает к ней, словно приклеенная. В начале брачной поры кожа на спине самки становится мягкой и рыхлой, словно губка, и после оплодотворения икринки внедряются в нее, образуя в ней чашеобразные углубления. Верхняя часть икринок, выступающая над поверхностью кожи, твердеет и образует как бы маленькие выпуклые купола. Вот и выходит, что самка пипы носит всю свою икру в многочисленных маленьких кармашках на спине. В этих-то кармашках ее потомство и проводит свое раннее детство, превращаясь из икринок в головастиков, а из головастиков — в жаб. Когда детеныши подрастут, они отжимают крышку на верху кармана и выходят в новый, отовсюду грозящий им опасностями мир.

Самка, которую мы поймали, должно быть, лишь недавно уложила свои икринки: крышки карманов еще не успели затвердеть. Несколько недель спустя кожа на ее спине стала еще более ноздреватой и набухшей, словно пораженная проказой, а карманы еще более оттопыренными. Когда детеныши достаточно подросли, чтобы покинуть спину матери, мы плыли на пароходе где-то посередине Атлантики. Лучшего момента они не могли и выбрать. Наши жабы сидели в банках из-под керосина, которые, как и весь мой зверинец, стояли в пароходном трюме. Первое указание на то, что среди амфибий назревает счастливое событие, я заметил однажды утром, спустившись в трюм сменить воду в банках. Самка лежала, распластавшись на поверхности воды, в своей обычной позе, тяжелая и раздутая, выглядя так — все пипы выглядят так, отдыхая, — будто она умерла несколько недель назад и уже частично разложилась. Я внимательно ее оглядел — я все время так делал, чтобы увериться, что она и вправду не умерла, — как вдруг заметил какое-то копошение у нее на спине. Присмотревшись, я увидел крошечную лапу, она торчала прямо из спины жабы и слабо колыхалась, из чего я

заключил, что наконец-то настал великий момент. Я пересадил роженицу, которая не подавала признаков жизни, в отдельную жестянку и поставил жестянку так, чтобы во время работы она постоянно была у меня перед глазами. Я был очень взволнован и решил не пропустить ни единой минуты этих необычайных родов.

Все утро я то и дело заглядывал в жестянку и отмечал величайшее оживление в карманах: крошечные руки и ноги высовывались из них под самыми невероятными углами, неуверенно помахивали в воздухе и поспешно прятались обратно. Раз из одного кармана показались голова и лапы детеныша, и впечатление было такое, будто кто-то высовывается из люка. Когда я наклонил жестянку, чтобы получше разглядеть его, жабеныш оробел и, отчаянно заработав лапами, снова упрятался в карман. Жаба, казалось, совершенно не замечала ерзанья, дрыганья и толкотни, разыгравшихся на ее пространной спине. Она лежала на воде и была как мертвая.

Лишь ночью того же дня малютки набрались сил, чтобы покинуть мать, и я бы пропустил этот необыкновенный исход, если бы не заглянул случайно в банку около полуночи. Я только что управился с последними делами — раздал броненосцам грелки, так как похолодание эти зверьки чувствовали острее, чем все остальные животные. И вот, перед тем как потушить свет и вернуться к себе в каюту, я заглянул в наше родильное отделение и с удивлением увидел крошечную копию мамаши, плавающую рядом с ней на поверхности воды. По всей видимости, великий момент родов настал. Хотя последние два часа я только о том и думал, как бы дорваться до койки и завалиться спать, при виде этой странной уродливой маленькой амфибии сонливость с меня как рукой сняло. Я протащил через весь трюм дуговой фонарь, повесил его над жестянкой, присел и стал наблюдать.

Уже до этого мне приходилось быть свидетелем величайшего множества самых различных рождений. Я видел, как с живостью ртути распадается надвое амеба, видел кур, с

кажущейся легкостью осуществляющих процесс яйцекладки, видел долгие родовые муки коровы и быстрое, изящное рождение олененка, беспечно-небрежное икрометание рыб и полное драматизма, невероятно «человеческое» рождение детеныша обезьяны. Все это волновало и захватывало меня. Есть в природе и множество других явлений, порой вполне заурядных, на которые я не могу смотреть без трепета благоговения. Это превращение головастика в полулягушку, а затем в лягушку; фантастическое зрелище паука, когда он выходит из собственной шкурки и удаляется восвояси, оставляя на земле прозрачную, микроскопически верную копию самого себя, недолговечную, как пепел, которому суждено быть развеянным ветром; превращение аляповатой и уродливой куколки, когда она лопается, высвобождая чудесно расцвеченную бабочку или мотылька, — преображение, равного которому не сыщешь ни в одной сказке. Но лишь в редких случаях увиденное поглощало и изумляло меня так, как в ту ночь посередине Атлантики, когда появлялись на свет детеныши пипы.

Сначала оживление в банке ограничивалось лишь маханием рук и ног. Решив, что младенцам мешает резкий свет фонаря, я затенил его, и это послужило сигналом к форсированию событий. В одном из карманов я увидел его крошечного обитателя; он отчаянно барахтался и штопорообразно извивался, так что вначале в отверстии показались его лапы, а потом голова. После этого он на некоторое время затих, а отдохнув, принялся окончательно проталкивать через отверстие голову и плечи. Затем он снова передохнул: выдираться из стеснявшей его толстой, эластичной кожи мамаши было явно нелегко. Потом он завихлялся, словно рыба, мотая головой из стороны в сторону, и его тело стало медленно выбираться из кармана наподобие пробки, нехотя вылезающей из горлышка бутылки под давлением газа, — и вот уже он лежит в изнеможении на спине мамаши, лишь одной ногой увязая в ячейке, так долго служившей ему колыбелью. Затем он прополз по

шероховатой, изрытой кратерами спине матери, скользнул в воду и замер на ее поверхности. Еще одна крохотная жизнь вступила во вселенную. Он и его брат, плававший рядом с ним, свободно уместились бы на шестипенсовике, но при всем том они были самые настоящие маленькие пипы и с первой же минуты, как попали в воду, умели плавать и нырять с поразительной энергией и быстротой.

Я уже пронаблюдал за появлением на свет четырех пип, когда ко мне присоединились два матроса экипажа. Возвращаясь со смены, они заметили огонь в трюме и спустились проверить, не случилось ли чего неладного. Вид человека, сидящего на корточках перед жестянкой из-под керосина в два часа ночи, весьма их заинтересовал. Я коротко объяснил, что такое пипы, как они брачуются и мечут икру и что сейчас я как раз наблюдаю последний акт драмы, разыгрывающейся в недрах керосиновой жестянки. Матросы заглянули в банку. В этот самый момент еще один детеныш начал выкарабкиваться на свет божий, и они остались посмотреть. Вскоре явились еще три матроса — выяснить, почему застряли в трюме их дружки, и на них тут же зашикали. Им шепотом разъяснили, что тут происходит, и кружок наблюдателей пополнился еще на три человека.

Теперь мое внимание было разделено между животными и людьми: те и другие представлялись мне в равной мере интересными. Маленькие плоские земноводные в банке продирались сквозь узкие амбразуры в материнской коже, всецело поглощенные своей микроскопической борьбой за существование; вокруг сидели самые типичные матросы, ведущие не лишенную суровостей жизнь, — как можно предполагать, люди отнюдь не сентиментального склада, предварявшие каждую свою фразу неудобопечатаемым присловьем и чьи интересы в жизни (судя по их разговорам) ограничивались исключительно выпивкой, азартными играми и женщинами. И тем не менее эти огрубелые, отнюдь не нежные представители рода человеческого сидели вокруг банки из-под керосина в два часа ночи в холодном,

неприютном трюме и с недоверчивым удивлением свидетельствовали начало жизни маленьких жабят, время от времени обмениваясь замечаниями приглушенным шепотом, словно все происходило в церкви. Каких-нибудь полчаса назад они и знать не знали, что есть на свете такая штука — пипа, а теперь переживали за маленьких жабят, словно за собственных детей. Озабоченно следили они за тем, как малыши выворачиваются в своих карманах, прежде чем начать выбираться на волю, а потом напряженно, с нетерпеливым ожиданием смотрели, как они тужатся и извиваются, прокладывая себе путь наружу и время от времени останавливаясь передохнуть. Один детеныш, слабее всех остальных, выбирался на волю чудовищно долго, и матросы не на шутку… взволновались, а один из них даже жалостно спросил меня, нельзя ли помочь ему спичкой. Я ответил, что лапы жабенка тонки, как хлопковые волокна, а тело хрупко, как мыльный пузырь, и при всякой попытке помочь ему можно жестоко его покалечить. Когда отставший выкарабкался наконец из кармана, раздался всеобщий вздох облегчения, а матрос, предлагавший помочь жабенку, повернулся ко мне и с гордостью сказал:

— Молодец, чертенок, правда ведь, сэр? Время летело незаметно, и не успели мы оглянуться, как спустившийся над серым морем рассвет застал нас все еще сгрудившимися вокруг банки с жабой. Мы поднялись, внезапно ощутив боль в затекших руках и ногах, и отправились в камбуз за чаем. Весть об удивительных жабах скоро облетела весь пароход, и следующие два дня в трюм без конца шли люди поглядеть на них. В конце концов вокруг жестянки образовалась такая давка, что я стал опасаться, как бы ее не опрокинули, а потому заручился помощью тех пяти матросов, которые были со мной в ночь рождения малюток. Они по очереди приходили дежурить возле банки, когда не были на вахте, и следили за тем, чтобы жабам не причинили вреда. Без конца бегая по трюму, занятый то чисткой клеток, то кормежкой животных, я слышал, как эти стражи порядка сдерживали

толпу.

— Заткнись, тебе говорят! Ну чего ты топочешь тут ножищами? Хочешь до смерти испугать их?

— Да, все из спины старушки… Вон, видишь дырки? В них-то они и сидели, аккуратно свернувшись клубочком. Эй! Не напирай! Ведь этак и жестянку опрокинуть недолго.

Я совершенно уверен, что этим людям было жалко расставаться с жабами, когда я выгружался в Ливерпуле.

Как я уже сказал, все это стало возможным благодаря решительному намерению Боба протралить один из самых незначительных и малоинтересных ручейков во всем краю ручьев. Уверившись, что в его забитом листьями русле не осталось больше ни одной пипы, мы перешли на другой, столь же невзрачный ручей и прочесали его от начала до конца. Однако охотничья фортуна улыбнулась нам один только раз и не собиралась баловать нас: мы не поймали больше ни одной жабы, В конце концов, усталые и перемазавшиеся в грязи, мы бережно подхватили нашу драгоценную добычу и вернулись к основному ручью. Тут обнаружилось, что мы отсутствовали целый час; встревоженный Айвен искал нас по всему берегу, думая, что мы стали жертвой ягуаров. Мы похвастались перед ним своими сокровищами, сели в каноэ и отправились обратно в деревню.

Звероловство — необычная профессия. Часто на твою долю выпадает столько неудач и разочарований, что поневоле начинаешь сомневаться, стоит ли вообще заниматься этим делом. Но вот счастье вдруг улыбнется, ты выходишь на охоту, как в ту ночь, и добываешь животное, о котором говорил и мечтал месяцами. Все мигом оборачивается к тебе своей розовой стороной, мир снова кажется прекрасным, а все прошлые неудачи и разочарования разом забываются. Ты немедленно решаешь, что никакое другое занятие не даст тебе того удовольствия и удовлетворения, как звероловство, к не можешь без сожалеющей усмешки на губах думать о людях, занимающихся чем-нибудь другим. При этом тебя охватывает

такое упоение и блаженство, что ты готов простить не только своих друзей за все неприятности, которые они тебе причинили, но даже всех своих родственников.

Мы плыли обратно вдоль тихих берегов по черной воде, с такой верностью отражавшей сверкающее звездами небо, что казалось, мы плывем в космосе среди планет и светил. В тростнике всхрапывали кайманы, какие-то странные рыбы поднимались к поверхности и ловили ртом мотыльков, во множестве плывших вниз по течению. А на дне каноэ, распластавшись в банке, лежали жабы, гордость этого вечера. Мы не могли налюбоваться на них и то и дело довольно улыбались. Поимка невероятно уродливой жабы — из таких простых радостей состоит жизнь зверолова.

ГЛАВА ДЕВЯТАЯ
ПИМПЛА И СЛАВА БОГУ

Очень скоро наша хижина стала буквально ломиться от животных. Во дворе на привязи сидели капуцин, обезьяны саймири и паки. Внутри во временных клетках — агути, нервно цокавшие своими так похожими на оленьи ногами, хрюкающие, точно свиньи, броненосцы, игуаны, кайманы, анаконды и пара маленьких красивых тигровых кошек. В ящике с надписью «Опасно!» сидели три куфии — чуть ли не самые ядовитые змеи во всей Южной Америке. На стенах хижины рядами висели мешочки с лягушками, жабами, мелкими змеями и ящерицами. Были у нас и блестящие колибри, с мягким гудением трепетно порхающие вокруг своих кормушек, и попугаи макао в разгульно, карнавально ярких нарядах, переговаривающиеся между собой низкими голосами, и пронзительно кричащие, квохчущие попугаи помельче, и солнечные цапли в оперении осенних тонов, на крыльях которых, когда птицы расправляли их, появлялся пугающий узор в виде глаз. Все эти животные требовали ухода и ухода. По совести говоря, мы уже достигли той степени насыщенности, когда животных в лагере столько, что отправляться за новыми не имеет смысла. В таком случае приходится упаковываться и переправлять пойманных животных на основную базу. Ни я, ни Боб не жаждали сократить срок нашего пребывания в краю ручьев: мы понимали, что совершить еще одно путешествие по Гвиане, перед тем как покинуть страну, мы уже не успеем. Но как я уже сказал, с приобретением каждого нового животного день нашего отъезда придвигался все ближе.

Деревенский школьный учитель, принимавший в нашей работе такое горячее участие и неустанно старавшийся пополнить наш зоопарк, посоветовал нам съездить в небольшое индейское поселение в тех же краях. Он был уверен, что там можно разжиться кое-какими животными, и мы с Бобом решили «под занавес» наведаться туда, а уж

потом окончательно упаковаться и вернуться в Джорджтаун.

Одна из самых обаятельных черт в характере индейцев — это их пристрастие к животным. В их поселениях всегда можно встретить самый необычный набор обезьян, попугаев, туканов и других прирученных диких животных. Большинство первобытных племен ведут шаткое, суровое существование в джунглях или саванне, и, как правило, их интерес к животным диктуется чисто кулинарными соображениями. Их нельзя за это винить, поскольку жизнь для них — это постоянная суровая борьба за существование. Они отнюдь не прохлаждаются в тропическом раю, срывая бананы с ближайшего куста. Я сильно подозреваю, что битком набитые едой джунгли Тарзана существуют лишь в голливудских фильмах. И тем более замечательно, что индейцы с таким удовольствием держат животных, приручают их так легко и нежно и не всегда (несмотря на неплохое вознаграждение) соглашаются расстаться с ними.

Школьный учитель подобрал нам двух дюжих индейцев в качестве гребцов. В одно прекрасное утро они выросли перед нашей хижиной, и мы спросили, далеко ли до деревни и за какой срок мы обернемся туда и обратно. Ответ был очень туманный: до деревни недалеко, поездка будет недолгой. В шесть часов вечера того же дня, все еще на пути домой, я вспоминал их слова и думал о том, какие разные у нас с ними понятия о времени. Но мы не знали этого утром, а потому бодро отправились в путь. Мы не взяли с собой никакой еды, потому что, втолковывал я Айвену, мы вернемся не позже второго завтрака.

Плыли мы в длинном и глубоком каноэ. Мы с Бобом сидели посередке, индейцы — один на носу, другой на корме. Пожалуй, только плывя в каноэ, можно получить максимум удовольствия от путешествия в краю ручьев. Лодка движется бесшумно, лишь плеск и бульканье воды под веслами, ритмичные, как удары сердца, слышны в тишине. Время от времени один из гребцов затягивает песню — короткий, живой и вместе с тем несколько печальный напев, который

обрывается так же внезапно, как и начался. Он эхом отдается над залитой солнцем водой, замирает, и вот уж снова тишина, лишь изредка нарушаемая невнятным ругательством, — это Боб или я защемил пальцы между веслом и бортом каноэ. Мы помогаем грести, и только теперь, после часа работы, когда вздулись первые волдыри, до меня стало доходить, что толкать веслами долбленку — большее искусство, чем я предполагал.

Миля за милей мы плавно скользили вниз по течению. Убранные орхидеями деревья склонялись над нами, филигранным узором мерцая на фоне ярко-голубого неба. Их ажурные тени ложились на воду, и ручей превращался в дорожку из полированного черепашьего панциря. Время от времени ручей разливался по саванне, так что над водой поднимались лишь золотистые верхушки травы. В одном таком месте мы увидели круг прибитой, примятой травы; от этой вмятины по саванне тянулся извилистый след — здесь явно кто-то проползал, оставляя за собою в траве аккуратный проход. Один из гребцов объяснил нам, что здесь отдыхала анаконда, причем, насколько можно судить по следу, удивительно больших размеров.

Мы плыли уже три часа, а признаков деревни не было и в помине. Больше того, вокруг вообще не замечалось никаких следов человеческого обитания. Зато животных было великое множество. Вот мы проплываем под большим деревом, сплошь обсыпанным белыми и золотыми орхидеями. В его кроне резвятся пять туканов, они снуют между ветвями и поглядывают на нас, уставя ввысь свои большущие носы и взлаивая пронзительно и скрипуче, словно стая мучимых астмой китайских мопсов. В густом переплетении прибрежных тростников и веток на небольшой грязевой отмели мы увидели, тигровую выпь в коричневато-оранжевом оперении с шоколадно-коричневыми полосами. Мы проплыли от нее так близко, что я мог бы коснуться ее веслом, но она сидела не шевелясь все то время, пока мы были у нее в виду, всецело полагаясь на свою красивую защитную окраску.

В другом месте ручей разливался чуть ли не до размеров небольшого озера, сплошь покрытого ковром водяных лилий — лесом розовых и белых цветов на фоне глянцевито-зеленых листьев. Нос каноэ с мягким хрустким шелестом вспарывал эту массу цветов, и чувствовалось, как их длинные эластичные стебли облегают и удерживают дно лодки. Вот перед нами бегут по листьям лилий яканы, трепыхая своими ярко-желтыми крыльями, из тростника с невероятным плеском поднимается пара мускусных уток и тяжело летит над лесом. Какая-то крошечная рыбка выскакивает из воды перед самым носом каноэ, и небольшая тонкая змейка, развертывая свои кольца, скользит в воду с нагретого солнцем листа. Воздух звенит от множества стрекоз — золотых, синих, зеленых, красных, бронзовых, — которые то взмывают ввысь и неподвижно повисают у нас над головами, то ненадолго присаживаются на листья лилий, нервно вздрагивая стеклянными крыльями.

Но вот каноэ снова нырнуло в основное русло, и, проплыв с полмили, мы, к своей радости, услышали голоса и смех, эхом разносившиеся между деревьями. Мы скользили в тени вдоль берега, потом завернули в крохотную бухту. Здесь в теплой воде ручья купались девушки-индианки. Они плескались, смеялись и весело щебетали, словно стая птиц. Когда мы пристали к берегу, они обступили нас обнаженной, улыбающейся стеной смуглых тел и повели в деревню, смеясь и оживленно переговариваясь между собой. Деревня располагалась за полосой деревьев и состояла из семи-восьми больших хижин, каждая из которых представляла собой покатую крышу из пальмовых листьев, установленную на четырех столбах. Пол хижин был приподнят над землей фута на два-три с таким расчетом, чтобы под ним могли проходить паводковые воды. Обставлены хижины были предельно просто — несколько гамаков да один-два чугунка в каждой.

Нас вышел встретить вождь племени, пожилой, морщинистый человек. Он горячо пожал нам руки и провел нас в одну из хижин. Там мы сели и минут пять молча

улыбались друг другу. Когда у компании нет общего языка, разговор «о погоде» сводится к минимуму. Не переставая восхищенно нам улыбаться, вождь отдал краткое приказание, после чего один юноша вскарабкался на ближайшую пальму и срезал два кокосовых ореха. Сняв с них верхушки, орехи церемонно вручили нам, дабы мы утолили свою жажду их сладким молоком. Я уже запрокинул голову, допивая последние капли, как вдруг увидел под потолком на балке животное, вид которого до того поразил меня, что я не выдержал и расхохотался. Смеяться, когда пьешь из кокосового ореха, далеко не самое благоразумное на свете. Я заперхал, закашлялся и замахал руками, указывая на потолок. К счастью, вождь меня понял. Он забрался в гамак, дотянулся до балки, схватил животное за хвост и стащил его вниз. Вися вниз головой и медленно вращаясь на своем хвосте, оно жалобно повизгивало.

— Господи боже! — сказал Боб, когда животное развернулось мордой к нему. — Это еще что такое?

Его удивление можно было понять: вождь держал за хвост животное самой смехотворной наружности, какую только можно себе представить.

— Это, — сказал я, все еще прокашливаясь, — это не что иное, как пимпла, самая настоящая, живая пимпла.

Дело в том, что во всех тех местах, где нам довелось бывать, гвианские охотники неизменно упоминали об этом животном. Рано или поздно местные звероловы спрашивали, нужна ли мне пимпла. «Да, — отвечал я, — нужна», и мне обещали раздобыть ее. Но на этом дело засыхало. Звероловы уходили и больше не поднимали об этом разговор, и вот уже нет у меня в перспективе никакой пимплы. Пимпла — это древесный дикобраз, а дикобразы, вообще-то говоря, не такие уж редкие животные, и ловить их не особенно трудно. Вот почему, оставаясь так долго без единого экземпляра, я даже начал недоумевать, в чем тут дело. Я чуть повысил предлагаемую мной цену за животное, но этим и ограничился. Дикобраз есть дикобраз, думалось мне, один ничуть не лучше

другого, и вся эта семейка не внушала мне особых симпатий. Знай я с самого начала, какие это прелестные, очаровательные твари, я бы приложил все силы, чтобы приобрести несколько экземпляров. Больше того, я б, наверное, скупал их мешками, было бы только предложение, до того неотразимое впечатление они на меня произвели.

Вождь опустил зверька на пол, и тот сразу же уселся на задние лапы и уставился на нас проникновенным взором, причем выглядел он до того потешно, что мы с Бобом так и покатились со смеху. Размерами он был со скотчтерьера и сплошь утыкан длинными острыми иглами, черными и белыми. Лапы —у него были маленькие и толстенькие, хвост длинный, цепкий и волосатый. Но самое смешное в нем была его морда. Из всей этой массы иголок выглядывала рожа, до того похожая на лицо покойного У. К. Филдса, что просто дух захватывало: тот же большой нос картошкой, шмыгающий во все стороны, а справа и слева от него маленькие, хитрые и в то же время несколько печальные глаза, в которых стоят невыплаканные слезы.

Рассматривая нас со всей зловредной проницательностью великого комика, дикобраз сжал передние лапы в кулаки и закачался на месте, словно нокаутированный боксер, готовый рухнуть на ринг. Затем, забыв о своем кровожадном боксерском ремесле, он сел на свои жирненькие окорока и стал тщательно очесывать себя. При этом на его морде расплылось такое блаженство, что одного взгляда на эту потешную физиономию было достаточно, чтобы на всю жизнь сделаться обожателем пимпл, и я тут же без звука уплатил за животное цену, запрошенную вождем.

Древесный дикобраз, пожалуй, единственный настоящий комик из всех зверей. Могут быть смешны обезьяны, поскольку они являют собой не всегда льстящую нашему самолюбию карикатуру на нас самих; могут быть забавны утки, но в этом нет никакой заслуги с их стороны: просто они такими родились. По-разному забавными могут

быть для нас и некоторые другие звери. Но покажите мне животное, которое подобно древесному дикобразу имело бы все задатки клоуна да еще использовало бы их с таким невероятным мастерством. Наблюдая пимплу, я готов был поклясться, что зверек знает не только о том, что он смешон, но и то, как надо смешить. Большой шмыгающий нос картошкой, за которым почти не видно словно вспухших от насморка глазок с постоянным слегка недоуменным выражением в них, плоские, шаркающие при ходьбе задние лапы и волочащийся хвост — у него есть все данные настоящего клоуна, и он умеет выжать из них все. Вот он делает что-нибудь ужасно глупое, но с таким простодушно-озадаченным видом, что тебя и смех, и жалость берет к этому бедному, спотыкающемуся, незлобивому зверю. Такова сущность его комического искусства, поистине чаплинская гениальность — он одновременно и смешит, и трогает до слез.

Мне довелось быть свидетелем боксерской встречи двух пимпл. Она была яростной и ожесточенной, но за все время поединка участники ни разу не коснулись один другого и постоянно сохраняли выражение доброжелательно-озадаченного интереса друг к другу. Никогда не видел ничего более забавного. В другой раз мне довелось наблюдать, как пимпла жонглировала косточкой манго: неуклюже орудуя лапами, она, казалось, вот-вот уронит косточку, но всякий раз вовремя подхватывала ее. Виденный мной клоун в цирке проделывал этот же фокус куда менее ловко и успешно. Я настоятельно советовал бы всякому профессиональному комику держать у себя в доме древесного дикобраза: десять минут наблюдения за зверьком дадут ему в смысле познания своего искусства больше, чем десять лет любого другого учения.

Купив дикобраза, мы жестами растолковали вождю, что не прочь посмотреть и других животных в деревне, и в скором времени купили четырех попугаев, агути и молодого удава. Потом пришел мальчик лет четырнадцати, он нес

что-то мохнатое на конце сука, и вначале я даже подумал, что это кокон какой-то гигантской бабочки. Но при ближайшем рассмотрении оказалось, что это нечто более ценное и интересное, даже больше того — как раз то самое животное, которое я давно мечтал приобрести.

— Кто это? — спросил Боб, увидев по выражению моего лица, что нам подвернулось нечто особенное.

— Один из сородичей Амоса, — радостно отвечал я.

— Кто именно?

— Двупалый муравьед. Тот самый, которого я хотел иметь, ты знаешь.

—Животное было дюймов шести в длину, крутобокое, словно котенок, и одето в густую и шелковистую рыжеватую шубу, мягкую, как кротовый мех. Оно держалось на ветке, уцепившись за нее необычной формы когтями и обвив ее своим длинным хвостом. Когда я притронулся к его спине, оно с невероятной быстротой проделало какое-то странное движение: выпустило ветку из передних лап и село торчмя, удерживаясь на ветке хорошим треножником — хвостом и когтями обеих задних лап; передние были вскинуты над головой, как у ныряльщика, готового прыгнуть в воду. В этой позе оно и застыло, словно окаменело. Но вот я вновь тронул его, и оно вдруг ожило: продолжая прочно удерживаться на суке, оно всем телом упало вперед, разрубив воздух передними лапами. Не отдерни я вовремя руку, оно так бы и резануло меня по запястью когтями своих передних лап, по величине и остроте не уступающими когтям тигра. Проделав это движение, муравьед выпрямился и застыл в прежней позе, неподвижный, как часовой, ожидая следующего раунда. С воздетыми к небу лапами он словно взывал к Всемогущему о помощи и защите, и тут мне стало ясно, откуда пошло местное название животного — Слава Богу.

В этом миниатюрном зверьке было столько прелестных особенностей, что я уединился в хижине и провел полчаса в размышлениях над ним, а Боб тем временем отправился знакомиться с деревней в сопровождении неустанно

улыбающегося вождя. Я осматривал муравьеда, а вокруг меня кружком стояли молчаливые индейцы и с серьезным, сочувствующим выражением глядели на меня, как бы вполне понимая и одобряя мой интерес к зверьку.

Прежде всего мое внимание привлекла приспособленность его конечностей к жизни на деревьях. Розовые подушечки его задних лап имели вогнутую поверхность и могли легко облегать ветку дерева, а пальцы, числом четыре, почти одинаковой длины, плотно прилегали один к другому и были уснащены длинными когтями. Поэтому, когда задняя лапа обхватывает ветку, вогнутая подушечка, пальцы и изогнутые когти смыкаются на ветке почти полным кольцом, обеспечивая сильный, надежный захват. Передние лапы были устроены очень своеобразно: кисть загибалась от запястья вверх, а когти — их было два — вниз, к ладони. Эти длинные и тонкие, но очень острые когти могли с большой силой прижиматься, почти вдавливаться в ладонь наподобие лезвия перочинного ножа. Как хватательный орган такая лапа не оставляет желать ничего лучшего и вместе с тем может служить отличным оружием защиты, грозя нешуточным кровопусканием, как я едва не убедился на собственном опыте. Рыло у муравьеда было короткое, не очень толстое, глаза маленькие, словно заспанные, уши почти полностью утопали в мягком меху. Его движения, когда он не нападал, были очень медленными, а манера ползать по веткам, цепляясь за них когтями, делала его похожим скорее на некоего ленивца-лилипута, чем на муравьеда. Будучи исключительно ночным животным, днем он, естественно, был не «в форме» и хотел только одного — чтобы его оставили в покое и дали ему спать. Поэтому, закончив осмотр, я приткнул ветку в угол, и муравьед, страстно сжимая ее в своих объятиях, мирно заснул, даже не помышляя о бегстве.

Тут вернулся Боб, бодро помахивая длинной палкой, на конце которой болталась помятая корзина. Вид у него был страшно довольный.

— Пока ты зря тратил время на разглядывание этой твари, — сказал он, — я приобрел редкий экземпляр у одной женщины. Не то она съела бы его, если я правильно истолковал ее жесты.

Редкий экземпляр оказался молодым электрическим угрем футов двух длиной, который отчаянно трепыхался в корзине. Я очень обрадовался ему, потому что это был единственный электрический угорь, которого нам пока что удалось раздобыть. Похвалив Боба за расторопность, я собрал наши покупки, и мы пошли к каноэ. Там мы поблагодарили за помощь вождя и пришедших проводить нас индейцев, щедро наградили всех улыбками, сели в каноэ и отчалили.

Я поместил всех животных в носу и устроился с ними рядом. За мной сидел Боб, за ним гребцы. На потеху всем нам пимпла исполнила замысловатый кекуок вверх и вниз по моему веслу, потом свернулась клубком у меня в ногах и заснула. Слава Богу, крепко вцепившись в торчмя стоявшую в носу лодки ветку, застыл в своей умоляющей позе, очень похожий на носовое украшение старинного корабля. Внизу под ним обнадеженно ерзал в своей корзине электрический угорь.

Закатное солнце до слепящего блеска золотило и полировало поверхность ручья и затопляло своим светом лес на берегу, так что листва деревьев казалась до неземного зеленой, а орхидеи на ее фоне казались драгоценными камнями. Где-то вдали затянула свою вечернюю песнь стая рыжих ревунов. Это был чудовищный рев, грохочущий водопад звуков, который еще больше усиливался и эхом разносился в глубине леса, — сумасшедший, кровожадный, леденящий душу вопль. Должно быть, такой крик издает толпа линчевателей, видя, что жертва, ускользает от нее. В Гвиане нам часто приходилось слышать рыжих ревунов, главным образом по вечерам или ночью. А однажды я даже проснулся от их крика перед рассветом и спросонок вообразил, что это в лесу завывает могучий ветер.

Но вот ревуны умолкли, и на ручей снова легла тишина.

Под шатром леса уже царил полумрак, вода потеряла свой янтарный оттенок и стала гладкой и черной, как вар. Мы с Бобом вяло гребли в каком-то полузабытьи от голода и усталости, мыча про себя что-то нечленораздельное в лад песням гребцов и мерным ударам их весел. Воздух, теплый и сонный, был напоен запахами леса. Размеренный плеск и бульканье воды под веслами действовали успокаивающе, почти гипнотизирующе, нас стала одолевать приятная дрема. И тут, в этот волшебный сумеречный час, когда вокруг царила тишина и покой, а мы знай дремали себе в плавно скользящем каноэ, электрический угорь сбежал из своей корзины.

Мое внимание было внезапно разбужено пимплой: она вскарабкалась на мою ногу и, позволь я ей это, добралась бы до самой головы. Я передал ее сидевшему за мной Бобу и оглядел нос лодки, желая выяснить, что испугало ее. Глянув вниз, я увидел угря, который, извиваясь, полз по наклонному днищу прямо к моим ногам. Голову даю на отсечение: что змея, что электрический угорь, подползающий к вашим ногам, вызывает у вас самую поразительную мускульную реакцию, на какую способно человеческое тело. Словом, я и сам не знаю, как я убрался с его пути, помню только, что, когда я снова плюхнулся в каноэ, угорь уже миновал меня и направлялся прямехонько к Бобу. — Берегись! — крикнул я. — Угорь сбежал! Прижав пимплу к груди, Боб хотел вскочить на ноги, да так и грянулся навзничь на дно каноэ. Не знаю, то ли угорь выключил свое электричество, то ли сам был слишком напуган, но так или иначе, не причинив Бобу вреда, он стремительно, как струя воды, пролетел мимо его отчаянно дергающегося тела и устремился к первому из гребцов. Тот явно разделял наше нежелание общаться с электрическими угрями и выказал твердую решимость покинуть судно, когда угорь приблизился к нему. От всеобщих подскакиваний и увертываний каноэ качало, как в шторм. Боб хотел встать, ненароком схватился за дикобраза, и, услышав его крик боли и испуга, я решил, что угорь

повернул назад и напал на него с тыла. Дикобраз явно присоединился к этому мнению, ибо снова залез мне на ногу и хотел вскарабкаться на плечо. Уверен, что, если бы первый гребец выпрыгнул за борт, каноэ бы перевернулось. Положение спас второй гребец: не иначе как усмирение электрических угрей в лодке было для него делом привычным. Он наклонился вперед и прижал угря к дну каноэ лопастью весла, а затем отчаянными жестами дал мне понять, чтобы я бросил ему корзину. И без того хилая, теперь она едва дышала: уворачиваясь от ее обитателя, я ненароком наступил на нее обоими коленями. Каким-то хитроумным способом второй гребец затолкал угря в корзину, после чего все облегченно вздохнули и заулыбались, правда несколько натянуто. Гребец передал корзину своему товарищу, тот поспешно протянул ее Бобу. Боб принял ее неохотно. И тут, в тот самый момент, когда он передавал корзину мне, ее дно отвалилось.

Боб держал корзину как можно дальше от себя, и, когда угорь выпал, он угодил прямо на борт каноэ. На нашу беду, падал он головой к реке и раздумьям не предавался: вильнул, всплеснул — и был таков.

Боб взглянул на меня.

— Ну что ж, — сказал он. — По мне, так уж лучше туда, чем сюда.

По совести сказать, я был с ним согласен. Уже совсем стемнело, когда мы достигли последней излучины ручья. Мы плыли по ковру отраженных звезд, который дрожал и зыбился в волне за кормой. Сверчки и лягушки вокруг сипели, скрипели и звенели, словно целый часовой магазин. Вот мы прошли последний поворот и увидели впереди хижину, из окон которой лились потоки желтого света. Каноэ с мягким шелестящим вздохом ткнулось в песок, словно радуясь возвращению домой. Забрав животных, мы двумя тенями в лунном свете прошли по песку к хижине. Мы были измучены, голодны и несколько удручены, ибо мы знали, что это наше последнее путешествие в сказочный мир ручьев и что скоро

мы его покинем.

ФИНАЛ

Мы сидим вчетвером в крохотном баре на задворках Джорджтауна, потягиваем ром и имбирное пиво, и вид у нас жутко невеселый. На столе перед нами куча бумаг: документы, пароходные билеты, списки, банковые чеки, багажные квитанции и все такое прочее. Время от времени Боб с явным отвращением поглядывает на них.

— Ты уверен, что все запомнишь? — в сотый раз спрашивает Смит.

— Запомню, — мрачно отвечает Боб.

— Не вздумай потерять багажную квитанцию, — предупреждает Смит.

— Не потеряю, — отвечает Боб.

Невеселы мы по различным причинам. Боб невесел потому, что на следующий день покидает Гвиану, забирая с собой пресмыкающихся потолще. Смит невесел, так как совершенно уверен, что Боб обязательно потеряет либо багажную квитанцию, либо какой-нибудь другой не менее важный документ. Я невесел потому, что отъезд Боба означает и мой скорый отъезд: я должен уехать через три недели, билет уже заказан. Ну, а Айвен, похоже, невесел по одному тому, что невеселы мы.

В обсаженных деревьями каналах на улицах Джорджтауна радостно заквакали гигантские жабы ага, будто разом завели сотни мопедов. Смит с усилием оторвал свою мысль от багажных квитанций и прислушался к хору аг.

— Надо бы поймать несколько штук этих жаб, пока ты еще не уехал, Джерри, — сказал он. И тут меня словно осенило.

— А вот пойдемте да наловим их прямо сейчас, — предложил я.

— Сейчас? — неуверенно переспросил Смит.

— А что? Лучше сидеть здесь, как на похоронах?

— Пойдем, — оживился Боб. — Это отличная идея.

Айвен извлек откуда-то из-за стойки мешок, карманный

фонарик, и мы вышли в теплую ночь на последнюю охоту, в которой мог принять участие Боб.

По окраине Джорджтауна, вдоль берега моря, тянется широкий, поросший деревьями и травой пустырь, изрезанный многочисленными каналами, — излюбленное место жаб ага и влюбленных парочек. Жабы эти — большие, цвета замазки твари в шоколадных крапинах. Они довольно привлекательны: широкие, постоянно ухмыляющиеся рты, большие, темные навыкате глаза с золотисто-серебристым отливом; представительная, хорошо упитанная фигура. Вообще говоря, нрав у них довольно флегматичный, но, как выяснилось в ту ночь, в случае необходимости они способны проявлять поразительное проворство.

До того дня жабы знай себе поживали в своей трясине, предаваясь размышлениям днем и хоровому пению ночью, поэтому можно себе представить, как они были удивлены и возмущены, когда в их владениях появились четверо людей и стали как угорелые гоняться за ними с карманным фонариком. Не менее удивлены и возмущены были и многочисленные влюбленные парочки, усеявшие траву почти так же густо, как жабы. Жабы решительно возражали против того, чтобы на них направляли луч фонарика, парочки — тоже. Жабам не хотелось без конца убегать от нас по траве, а парочки единодушно сходились на том, что лишь маньяки могут прыгать в темноте через лежащих людей, гоняясь за жабами. Но так или иначе, спотыкаясь о влюбленных и тут же принося извинения, наводя на них луч фонарика и поспешно отводя его прочь, мы ухитрились наловить тридцать пять жаб. Домой мы вернулись разгоряченные и запыхавшиеся, но в гораздо лучшем настроении, оставив на пустыре множество испуганных жаб и негодующих девушек и парней.

На следующий день мы проводили Боба, а затем я вместе со Смитом взялся за нелегкую работу по подготовке нашего зверинца к погрузке на пароход, с которым я уезжал. Я решил забрать с собой всех зверей, чтобы освободить Смита и дать ему возможность совершить одну-две короткие

поездки в глубь страны перед комплектованием новой коллекции животных. Все то время, пока мы были в Гвиане, он безвылазно сидел в Джорджтауне, ухаживая за прибывающими на основную базу животными, и вполне заслуживал передышки.

Всего у нас было около пятисот экземпляров животных: рыбы и лягушки, жабы и ящерицы, кайманы и змеи; птицы, начиная от гокко размерами с индюка и кончая крохотными хрупкими колибри размером со шмеля; полсотниобезьян, муравьеды, броненосцы и паки, еноты-крабоеды, пекари, тигровые кошки и оцелоты, ленивцы и увари. Рассадить по клеткам и погрузить на пароход такое ужасающее множество различных животных — дело нещуточное, причем, как всегда, одна из самых трудных проблем — это обеспечить их питанием.

Прежде всего надо рассчитать, сколько и какого рода продовольствия вам понадобится, затем надо закупить его и погрузить на пароход, позаботившись о том, чтобы скоропортящиеся продукты были сложены в холодильник. Продовольствие — это дюжины яиц, банки молока в порошке, мешки овощей, кукурузной и пшеничной муки, корзины свежей рыбы, переложенной льдом, и масса сырого мяса. Затем идут фрукты, которые уже сами по себе проблема. Такие фрукты, как апельсины, можно покупать крупными партиями, они могут долго храниться без особых забот. Другое дело слабые фрукты. Так, например, нельзя брать с собой в морской переезд полсотни гроздей спелых бананов: большая часть плодов испортится на полпути, задолго до того, как вы прибудете на место. Поэтому бананы надо покупать частью спелыми, частью только созревающими, а частью зелеными и твердыми. Таким образом, когда кончается одна часть, другая как раз поспевает. Далее, у вас есть такие животные, например колибри, которые питаются только разбавленным медом, и все это надо купить и доставить на борт. И последнее, но отнюдь не самое маловажное — надо запастись

соответствующим количеством чистых сухих опилок, чтобы посыпать в клетках после ежедневной уборки.

Другая работа — обеспечение животных клетками. У каждого животного должна быть клетка — ни чересчур большая, ни чересчур тесная, — клетка, в которой ему будет не жарко в тропиках и не холодно в более высоких широтах. Особенно много хлопот в этом отношении доставили муравьеды: нам не сразу удалось раздобыть для них достаточно большие ящики. Но в конце концов сорок сороков ящиков были собраны, сколочены, свинчены и приведены в окончательную готовность к погрузке.

Возвращение морем на родину с животными для зверолова всегда самая тревожная часть любой его экспедиции, и мое возвращение из Гвианы не являлось в этом смысле исключением. На пароходе мне предложили на выбор несколько помещений под мой зверинец, и я опрометчиво выбрал один из трюмов, но вскоре понял, что совершил грубейшую ошибку. В тропиках трюм был раскален, как железная печка (даже при открытом люке), и ни малейший ветерок не разгонял удушливой жары. Но вот мы внезапно встретились с холодной погодой (это случилось неподалеку от Азорских островов), температура за одну ночь упала на десять градусов, и из турецкой бани трюм разом превратился в холодильник. Пришлось закрыть люк, птицам и животным пришлось привыкать к электрическому свету, и это им вовсе не понравилось. Затем последовал жестокий удар: из-за неисправности холодильника у меня моментально сгнило гроздей сорок бананов, и мой запас фруктов сократился до исчезающе малых размеров. В результате всех этих невзгод погибло некоторое количество красивых и ценных животных — обстоятельство малоутешительное, если учесть, что похороны на море не входят в число радующих зверолова вещей. Однако я был подготовлен к потерям: в нашем деле они неизбежны. Больше того, очень опытные звероловы предупреждали меня, что южноамериканские животные более нежны и их труднее доставлять к месту назначения, чем

животных из всех прочих частей света. Некоторые были с этим несогласны (в том числе один очень достойный человек, который никогда не бывал в Южной Америке и, естественно, не ловил там зверей), но в общем и целом звероловы-ветераны оказались правы.

Помимо неудач возвращение домой имело и свои занятные стороны. Как я уже рассказал, у пипы вывелись детеныши, а одна из наших обезьян сбежала и укусила судового плотника. Эти эпизоды оживили путешествие. Потом мне пришлось долго и упорно единоборствовать с двумя макао, которые своими большущими клювами так разбили свою клетку, что ее передняя стенка попросту выпала. Всякий раз, как я ставил ее на место, птицы снова пробивали себе путь на волю, так что в конце концов я махнул на них рукой и предоставил им полную свободу. Они разгуливали по верхам клеток, разговаривали со мной своими хриплыми, несколько смущенными голосами или вели беседы с другими макао, не покидавшими своих клеток. Беседы эти были забавны тем, что, как правило, ограничивались одним только словом. Дело в том, что в Джорджтауне всех макао зовут Роберт, точно так же как большинство попугаев в Англии имеют кличку Пол или Полли. Поэтому, покупая в Гвиане макао, можешь быть уверенным в том, что уж свое-то собственное имя он может произнести, равно как и оглушить тебя своим криком. Два макао, о которых идет речь, перебегали с клетки на клетку, и время от времени один из них останавливался и задумчиво вопрошал: «Роберт?» Другой бешено рявкал в ответ: «Роберт!», а какой-нибудь третий, в клетке, начинал бормотать про себя: «Роберт, Роберт, Роберт». Так они и беседовали, вот уж не думал, что в одно слово — самое заурядное имя Роберт — можно вложить такое богатство интонаций!

Как ни странно, на этот раз я действительно обрадовался, увидев за бортом серые угрюмые доки Ливерпуля. Разумеется, впереди была уйма работы: выгрузка животных и распределение их по различным зоопаркам, но я

знал, что самое трудное уже позади. Боб с ужасно цивилизованным видом ждал меня на причале, и мы вместе наблюдали за выгрузкой клеток. Последними выгружались две большие клетки с муравьедами, они медленно вращались в сетке, когда кран опускал их на причал. С таким чувством, будто у меня камень с души свалился, я вместе с Бобом спустился в каюту укладывать багаж.

— В нашей доброй старой Англии, — сказал Боб, сидя на моей койке и глядя, как я собираю вещи, — с первого же дня, как я приехал, идут дожди, чуешь?

— Чую, — ответил я. — Англия — индейское слово, означающее «страна бесконечных ливней».

Укладывая одежду в чемодан, я нащупал что-то твердое в кармане брюк. «Уж не деньги ли это?» — подумал я и решил проверить. Когда я вывернул карман, на пол упало три маленьких зеленых билета. Я поднял и осмотрел их, потом молча передал Бобу. На них отчетливыми черными буквами стояло:

Джорджтаун — Эдвенчер

Первый класс.

КРАТКИЕ СВЕДЕНИЯ О ЖИВОТНЫХ, УПОМИНАЮЩИХСЯ В КНИГЕ

МЛЕКОПИТАЮЩИЕ

Агути (Dasyprocta aguti) — крупные (до полуметра в длину) грызуны, населяющие северную половину Южной Америки. Высокие ноги, короткий, почти не выступающий из шерсти хвост и блестящий жесткий мех придают агути совершенно своеобразную внешность. Обитают в сырых, заросших лесом местах, часто у рек, в крутых берегах которых роют глубокие норы. Очень подвижные и чуткие, агути при малейшей опасности спасаются бегством, причем могут развивать значительную скорость. Самка обычно приносит по два детеныша дважды в год. Питаются агути плодами, ягодами, семенами, кормятся преимущественно ночью. Мясо агути употребляется в пищу, Двупалый ленивец (Choleopus didactylus) — животное из отряда неполнозубых. От других ленивцев (их всего два рода с примерно восемью видами) отличается наличием только двух пальцев на передних лапах (на задних лапах у всех ленивцев три пальца). Населяет тропические леса Венесуэлы, Гвианы и северной Бразилии. Длина тела двупалого ленивца доходит до 60 см, а вес достигает девяти килограммов. Живут ленивцы на деревьях, где кормятся различными плодами. По ветвям деревьев передвигаются весьма медленно, цепляясь за них длинными (до 75 мм) когтями, при этом само животное висит спиной вниз. Одной из своеобразных особенностей ленивцев является непостоянная температура тела, которая колеблется в пределах от 24 до 33В° С. Все ленивцы — ночные животные и день проводят во сне, откуда и происходит их название. Самка ежегодно приносит только одного детеныша, который сразу после рождения крепко держится когтями за мех матери. В неволе ленивцы доживали до одиннадцати лет.

Двупалый муравьед (Cuclopes didactylus) — самый мелкий из муравьедов (второе его название — карликовый муравьед). Населяет тропические леса от южной Мексики до Боливии и Бразилии. Длина тела карликового муравьеда лишь немногим превышает 15 см, а длина хвоста доходит до 20 см. Это почти исключительно ночное древесное животное, передвигается, цепляясь хвостом за ветви, и очень редко спускается на землю. Кормится карликовый муравьед только ночью, а день проводит, свернувшись в клубок, в дупле или в ветвях шелковичной пальмы (Ceiba), плоды которой необычайно похожи на само животное. Питается древесными муравьями и термитами, которых слизывает длинным липким языком.

Древесный дикобраз (Coendou prehenseis) населяет Мексику и северную половину Южной Америки (до Перу). Это сравнительно некрупное животное (длина тела до 45 см) с длинным цепким хвостом. Тело древесного дикобраза покрыто короткими колючками, хвост снизу голый. Как показывает само название, древесный дикобраз большую часть времени проводит на деревьях, питаясь побегами и плодами (в частности, бананами). Движения его медленны и неторопливы. Самка приносит в год только одного детеныша, который покрыт в первые месяцы своей жизни длинными рыжеватыми волосами.

Енот-крабоед (Procyon cancrivorus) относится к тому же семейству (Procyonidae) и роду, что и обыкновенный енот-полоскун. Населяет Панаму и северную часть Южной Америки. Живет в лесистых местностях вблизи рек. Питается мелкими животными: лягушками, моллюсками, в массе поедает пресноводных крабов. В отличие от енота-полоскуна не обладает ценной шкуркой.

Иглошерстная крыса (Echimys armatus) относится к особому семейству Echimyidae, распространенному в Южной Америке. Всего в роде Echimys насчитывают около двадцати видов, из которых только упоминающаяся в тексте E. armatus кроме Южной Америки встречается на острове Мартинике,

куда она, очевидно, завезена человеком. Отличительной особенностью иглошерстной крысы является наличие иглоподобных щетинок на спине, назначение которых неясно. Все иглошерстные крысы — ночные древесные животные, ведущие довольно скрытый образ жизни. Они держатся небольшими группами, устраивая в ветвях или в дуплах своеобразные гнезда из сухих растений. Самка приносит только одного или двух детенышей.

Капибара, или водосвинка (Hydrochoerus hydrochaeris), — самый крупный из современных грызунов, достигающий веса в 50 кг и более. Она относится к монотипичному семейству Hydrochoeridae и распространена в Южной Америке к востоку от Анд до реки Параны. Капибары живут обычно небольшими стадами по десять — двадцать особей, держатся у воды, куда спасаются от опасности, прекрасно плавают и ныряют. Нор они не роют, а выводят потомство в наземных логовищах. Питаются капибары травянистой растительностью, причем часто поедают водные или прибрежные растения. Мясо капибары — одно из наиболее популярных кушаний у южноамериканских индейцев.

Капуцины (Cebus) — большой и систематически очень мало изученный род южноамериканских обезьян. Населяют тропические леса, живут обычно группами, питаются плодами и различными фруктами, животную пищу (насекомых, яйца и птенцов птиц, древесных лягушек) поедают реже, чем другие обезьяны. В неволе легко осваиваются и в зоопарках живут подолгу (в отдельных случаях до тридцати и более лет).

Муравьед (Myrmecophaga tridactyla) — единственный представитель рода трехпалых муравьедов, населяет различные ландшафты Центральной и Южной Америки от Гондураса до севера Аргентины. Довольно крупное животное, вес взрослых особей достигает 23 кг и более. Питается муравьями и термитами, которых слизывает длинным (до 610 мм) языком. Мощные когти на передних лапах служат

животному для разрывания муравейников и термитников. Самка приносит только одного детеныша в год. Детеныш муравьеда долго живет вместе с матерью, при переходах обычно сидит у нее на спине, вцепившись когтями в длинный мех.

Мышиный опоссум (Marmosa murina) — один из наиболее мелких представителей отряда сумчатых в Новом Свете (длина тела не превышает 20 см). Распространен от Мексики до Парагвая, Чили и Аргентины, населяет преимущественно тропические леса. Ночное животное, ведущее исключительно древесный образ жизни. Питается мелкими животными (насекомыми, амфибиями, птенцами птиц) и различными плодами и ягодами. Самка приносит от трех до восьми детенышей, которые первое время находятся в выводковой сумке, а затем путешествуют с матерью, уцепившись за ее мех.

Носуха, или коати (Nasna nasua), — хищник из семейства енотовых (Procyonidae). Распространена по всей Южной Америке. Длина тела достигает 60, хвоста — 70 см, вес зверька около 10 кг. Носухи живут обычно стаями, иногда до сорока особей. Питаются плодами, ягодами и мелкими животными, т. е. практически они всеядны. Пищу добывают как днем, так и ночью, хорошо лазают по деревьям, при этом длинный хвост служит им балансиром. Самка приносит от двух до шести детенышей. Коати хорошо приручаются, и индейцы часто содержат их в неволе. Иногда носухи нападают на домашнюю птицу, однако серьезного ущерба не причиняют.

Обыкновенный опоссум (Didelphys marsupialis) — наиболее многочисленный представитель отряда сумчатых в Америке. Распространен от Южной Канады до севера Аргентины. Это довольно крупное животное, достигающее длины одного метра (от носа до кончика хвоста) при весе в 5-6 кг. Опоссум ведет ночной образ жизни, день проводит в дупле дерева или другом укрытии. Питается как животной, так и растительной пищей; причиняет существенный вред

птицеводческим хозяйствам. Прекрасно лазает по деревьям, помогая себе при этом длинным цепким хвостом. Характерная черта поведения опоссума — способность притворяться мертвыми при опасности, в этой «игре» опоссум просто неподражаем. Мясо опоссума иногда используется в пищу.

Пака (Cuniculus paca) — крупный (до 10 кг весом) грызун, относящийся к тому же семейству Dasyproctidae, что и агути. Распространена от Центральной Мексики до Бразилии. Населяет лесистые или поросшие кустарником местности, обычно вблизи воды. Ведет ночной образ жизни, днем скрывается в довольно сложно устроенных норах с несколькими выходами. Питается различными сочными частями растений, подбирает опавшие фрукты и ягоды, особенно любит плоды манго и авокадо. Самка рождает в год двух детенышей.

Пекари — единственные представители свиней в Новом Свете. Они относятся к монотропическому семейству Tayassuidae, включающему всего два вида: ошейниковый пекари (Tayassu tajacu) и белогубый пекари (T. pecari). Первый характерен для сухих районов, второй — для влажных тропических лесов. Белогубый пекари, о котором идет речь в этой книге, ведет преимущественно ночной образ жизни, держатся стадами по пятьдесят — сто особей, питаются самой разнообразной пищей, состоящей из корневищ и клубней растений, опавших плодов, мелких животных. Самка пекари приносит ежегодно одного-двух детенышей. При нападении хищников пекари активно защищаются с помощью хотя и коротких, но очень острых клыков, и дружная стая пекари в состоянии противостоять даже человеку. Мясо пекари используется индейцами в пищу.

Рыжий ревун (Alouatta seniculus) — самая крупная обезьяна Нового Света (вес старых самцов доходит до 9 кг). Населяет тропические леса от Мексики до Эквадора, Боливии, Парагвая и Бразилии. Держится обычно в кронах деревьев группами в двадцать — тридцать особей,

предводительствуемыми одним или двумя старыми самцами. Каждая группа имеет свой участок, куда не допускает чужаков. Кормятся ревуны ранним утром или вечером, поедая различные плоды и мелких древесных животных. Громкий голос этих обезьян, напоминающий рев льва, слышен на расстоянии трех — пяти километров. Предполагают, что с помощью голоса ревуны сигнализируют своим сородичам из других групп о том, что данный участок леса занят. Самка приносит в год только одного детеныша. Мясо ревунов индейцы употребляют в пищу, однако оно считается менее вкусным, нежели у других обезьян.

Саймири (Saimiri sciur ea) — одна из самых мелких обезьян вообще (длина ее тела 35 см, а вес около килограмма). Распространена по всему северу Южной Америки до Перу, Боливии и Парагвая. Населяет тропические леса по берегам рек, нередко встречается в культурном ландшафте. Живет довольно большими стаями, иногда до ста и более особей, в кронах деревьев, лишь изредка спускаясь на землю. Кормится днем, пища в основном состоит из мелких животных (насекомых и их личинок, птенцов и яиц птиц) и различных плодов. В неволе это одно из очаровательнейших созданий, однако держать их нужно обязательно группами.

Тигровая кошка (Felis tigrina) — небольшая южноамериканская дикая кошка. Систематически она ближе всего, по-видимому, к оцелоту и вместе с тем довольно далека от других мелких кошек Нового Света, таких, как ягуарунди, ночная кошка и кошка Жоффруа. Тигровая кошка — редкое и скрытное животное, и биология ее практически неизвестна.

Трехпалый ленивец (Bradypus tridactylus) помимо прочих морфологических признаков отличается от двупалого наличием трех пальцев на передних конечностях. Биологически же эти оба вида весьма схожи.

ПТИЦЫ

Американский черный гриф (Coragyps atratus) —

представитель особого семейства американских грифов Cathartidae, систематически весьма далекого от грифов Старого Света. Распространен в центральных и южных штатах США, в Южной Америке — до Чили, Бразилии и Аргентины. Преобладающая окраска черная, размах крыльев около полутора метров, хвост очень короткий, лапы длинные. По численности стоит на втором месте после грифа-индейки. Населяет открытые и гористые местности, питается как падалью, так и мелкими животными.

Водорез, или, вернее, черный водорез (Rynchops nigra), относится к особому семейству Rynchopidae отряда чайковых. Длинные острые крылья и короткие лапы придают водорезу сходство с крачками. Спина, верхняя поверхность крыльев и головы черные; грудь, брюшко и подкрылья белые; лапы оранжевые, довольно большой клюв, строение которого хорошо описано Д. Даррелом, оранжевый, с черным концом. Распространен от центральных районов Северной Америки до Магелланова пролива. Живет по берегам рек и морей, гнездится по песчаным пляжам и косам, образуя колонии, иногда весьма значительные. Питается рыбой и мелкими водными беспозвоночными. В Африке обитает другой вид водореза — Rynchop s flavirostris.

Гокко (Cracidae) — семейство птиц отряда куриных, насчитывающее несколько родов (Crax, Nothocrax, Mitu и др.). Распространены только в Южной Америке, где экологически замещают фазанов Старого Света. Гокко — довольно крупные птицы, иногда достигающие размеров индейки. Активны днем, держатся как на земле, так и на деревьях, причем очень ловко лазают по ветвям, летают неохотно и лишь на небольшое расстояние. Питаются гокко различными семенами, фруктами, насекомыми, гнездо строят на дереве из сухих ветвей, в кладке обычно два-три крупных яйца.

Желтоспинный кассик (Cacicus cela) относится к семейству американских иволг (Icteridae), систематически очень далекому от иволг Старого Света. Семейство насчитывает много родов и видов и распространено в

Северной и Южной Америке. По размерам кассики варьируют от величины вороны до дрозда, окраска яркая, в основном преобладают черный и желтый цвета. Обитают в лесах, в болотах, по берегам рек, на заросших кустарником равнинах, питаются ягодами и семенами, гнездятся часто колониями, красивые, искусно сплетенные из травы гнезда подвешивают на ветвях высоко над землей. Некоторые виды кассиков подобно кукушкам подкладывают яйца в гнезда других птиц. К этому же семейству относятся и упоминающиеся в тексте красногрудый трупиал (Leistes militaris) и желтоголовый трупиал (Agelaius icterocephalus).

Земляная сова (Speotyto cunicularia) — мелкая и в высшей степени своеобразная сова, распространенная в западных штатах США и по всей Южной Америке, за исключением области тропических лесов. Обитает в прериях, в пампасах и разреженных лесах типа саванн. Активна преимущественно днем, охотится главным образом за насекомыми, но поедает также в массе мышевидных грызунов, ящериц, лягушек. Гнездится колониями по десять — двенадцать пар. Гнезда устраивает под землей, в норах грызунов, чаще всего в норах луговых собачек Cynomys leucurus, C. ludovicianus — грызунов из семейства беличьих, внешне несколько напоминающих сурков. Иногда, однако, земляные совы роют самостоятельно довольно глубокие норы. В кладке пять — восемь яиц. В последние десятилетия численность земляных сов очень резко сократилась в связи с широким применением ядов против грызунов.

Краснохохлый дятел (Phloeoceaster melanoleucos) — очень крупная и красивая птица, распространена от Панамы и Венесуэлы до Эквадора, Перу и Парагвая. Населяет тропические леса. Образ жизни изучен мало, хотя в общих чертах напоминает образ жизни других дятлов.

Красный ибис (Eudocimus ruber) — бесспорно красивейший представитель семейства ибисов, да и вообще одна из самых красивых птиц Южной Америки. Распространение красного ибиса охватывает тропические

леса от Венесуэлы до Бразилии, некоторые из островов Карибского моря. Когда-то красный ибис гнездился огромными колониями в мангровых лесах и по берегам рек, однако вследствие упорного преследования со стороны человека, привлекаемого красивыми перьями и довольно вкусным мясом, колонии эти исчезли с лица земли. Красный ибис стал редкостью, и, по-видимому, полное его истребление не за горами. Это один из тех случаев, когда законы оказываются бессильными.

Коршун-слизнеед (Rostrhamus sociabilis) является классическим примером птиц с высокой степенью пищевой специализации. Его пищу составляют исключительно пресноводные моллюски рода Pomacea. В связи с этим клюв у коршуна-слизнееда тонкий, слабый и совершенно непригоден для умерщвления и разрывания какой-либо другой добычи. Распространен во Флориде, в Центральной Америке, в Южной Америке к востоку от Анд, на Кубе. Однако после значительного осушения болотистых местностей во Флориде птица эта практически исчезла. Гнездится коршун-слизнеед колониями, гнезда строит на деревьях, кормится по болотистым берегам рек и озер.

Макао, или, вернее, красный ара, араканга (Ara macao), — один из самых крупных попугаев. В окраске преобладают красный и синий цвета. Распространен от Мексики до Венесуэлы, в северо-восточной Бразилии и Боливии. Населяет тропические леса, держится стаями, питается фруктами, орехами и различными семенами, гнездится в дуплах старых деревьев. В кладке красного ара два яйца. Араканга отлично привыкает к неволе, индейцы охотятся на нее ради мяса и перьев.

Солнечная цапля (Eurypygiae helias), собственно говоря, вовсе не цапля: она относится к особому семейству Eurypygidae из отряда журавлеобразных. Распространена в Центральной и Южной Америке до Венесуэлы и Центральной Бразилии. Держится поодиночке по лесистым берегам рек и озер, питается различными мелкими животными,

преимущественно насекомыми и их личинками. Гнездо устраивает на дереве, невысоко над землей, в кладке два яйца. Гнездованию предшествуют своеобразные брачные игры, во время которых птицы, подобно журавлям, танцуют, распустив веером крылья и хвост. Коричневые, серые, черные и белые пятна оперения сливаются тогда в сверкающий полукруг (отсюда и произошло название птицы).

Танагры (Tanagridae) — обширное семейство птиц из отряда воробьиных, распространенное в Северной и Южной Америке. Большинство представителей этого семейства имеют яркую окраску, в которой преобладают красный, черный, зеленый и синий цвета. Населяют тропические леса, поросшие кустарником равнины и даже пустынные местности. Держатся они обычно стаями, питаются ягодами, семенами и насекомыми. Открытые чашеобразные гнезда устраивают на ветвях деревьев или на кустах. В книге упоминаются два вида: желтобрюхая танагра (Tanagra xanthogaster), распространенная в Венесуэле, Эквадоре, Бразилии и Гвиане, и голубая танагра (Tanagra vassorii), обитающая примерно в тех же районах.

Тигровая выпь (Tigrisoma lineatum) — небольшая (мельче обыкновенной) выпь, распространенная в Гондурасе, Колумбии и Гвиане. Название свое получила за буровато-рыжие пятна и полосы на белой груди и горле. Населяет побережья рек и озер, заросшие тропическим лесом. Биология тигровой выпи почти не изучена.

Ябиру (Jabiru mycter ia) — самый крупный из аистов Нового Света. Населяет открытые заболоченные низменности от Мексики до Аргентины. В оперении преобладает белый цвет, голова и шея черные. Мощный клюв хорошо приспособлен для схватывания живой добычи. Питается ябиру рыбой и различными земноводными.

Якана (Jacana jacana) относится к особому семейству Jacanidae в отряде ржанкообразных. Семейство включает шесть родов с семью видами, распространено в Северной и Южной Америке, Юго-Восточной Азии, Австралии и

Африке. Отличительная особенность якан — очень длинные пальцы, благодаря которым птица может передвигаться по листьям плавающих растений. Держатся яканы обычно парами на заросших водоемах со стоячей или медленно текущей водой: речных протоках, прудах, озерах. Питаются моллюсками, мелкой рыбой, семенами растений. Гнездо устраивают прямо на плавающей растительности, в кладке четыре яйца, для которых характерен яркий маслянистый блеск.

ЗЕМНОВОДНЫЕ И ПРЕСМЫКАЮЩИЕСЯ

Амейва (Ameiva) относится к семейству американских варанов. Всего в роде насчитывается двадцать семь видов, населяющих Центральную и Южную Америку и острова Карибского моря. В книге Д. Даррелла фигурирует суринамская амейва (A. surinamensis), крупная (длина до 50 см) ящерица, распространенная в Южной и Центральной Америке. Населяет сухие песчаные местности, поросшие кустарником. Амейва очень подвижная и быстрая ящерица, питается крупными насекомыми, живет в довольно глубоких норах, которые сама выкапывает в грунте. В этих же норах она откладывает яйца.

Анолис (Anolis) — обширный род, относящийся к семейству игуан (Iguanidae). Всего насчитывают около трехсот видов анолисов. Красивые, необычайно подвижные древесные ящерицы. Распространены в Северной и Южной Америке, на островах Карибского моря, населяют практически любые места, где есть древесная растительность. В окраске преобладает зеленый цвет, однако она может быстро меняться, за что анолисы получили название «хамелеонов Нового Света». Питаются анолисы насекомыми, но иногда поедают ягоды и молодые побеги различных растений.

Волосатая лягушка (Astilosternus robustus) — довольно крупная лягушка из семейства настоящих лягушек (Raniciae),

распространенная в Гвинее и Камеруне. В брачное время у самцов этой лягушки на боках и бедрах развиваются длинные волосовидные сосочки, являющиеся выростами кожи и внешне напоминающие мех. По-видимому, они служат дополнительными органами дыхания.

Гвианская водяная жаба, или «парадоксальная жаба» (Pseudis paradoxa), действительно замечательна тем, что ее головастик достигает длины более четверти метра, тогда как взрослое животное не превышает в длину 70 мм. Распространена эта жаба только в Гвиане и живет исключительно в воде.

Жаба ага (Bufo marinus) — одно из самых крупных современных земноводных. Длина тела достигает 25 см и даже более. Распространена в Центральной и Южной Америке, населяет болотистые места вблизи рек и озер, питается крупными беспозвоночными и часто поедает лягушек, мелких грызунов, птенцов околоводных птиц. Кожные выделения аги ядовиты и использовались местным населением для смазывания стрел. Будучи завезенной в Австралию, жаба ага прекрасно акклиматизировалась и сейчас является одним из массовых видов земноводных этого континента.

Жаба повитуха (Alytes obstetricans) принадлежит к тому же семейству круглоязычных (Discoglossidae), что и наши жерлянки. Распространена в Западной Европе от Германки до Пиренейского полуострова включительно. Живет на суше, выкапывая норы под камнями, под пнями, на виноградниках. В период размножения переселяется в водоемы, где и мечет икру. Размножение повитухи в высшей степени интересно: оплодотворенную икру, имеющую вид длинных шнуров, самец наматывает на бедра, студенистая оболочка икры затвердевает, после чего самец закапывается в нору.

Через десять дней самец снова переходит в воду, где из вновь набухших икринок дружно появляются головастики.

Игуаны (Iguanidae) — очень большое семейство рептилий, насчитывающее пятьдесят три рода и более

четырехсот видов, распространенное в Америке, Полинезии и на Мадагаскаре. Внешний вид игуан чрезвычайно разнообразен, размеры варьируют от средних до очень крупных, в окраске преобладают зеленые тона, часто с яркими пятнами, многие игуаны имеют роговые гребни на спине или шипы на хвосте. Разнообразен и образ жизни: одни — чисто древесные животные, другие населяют каменистые пустыни. Питаются игуаны насекомыми и мелкими ящерицами, но есть и растительноядные формы. Мясо многих крупных игуан используется в пищу местными жителями.

Квакша Эванса (Hyla evansi) — небольшого размера древесная лягушка, распространенная в Гвиане. Головастики этой квакши проходят развитие в икринках, которые самка носит на спине прикрепленными к особым шестиугольным углублениям в коже.

Куфия, или копъеголовая змея (Lachesis lanceolatus), известна также под названием ярарака, жарарака. Крупная (до 2 м в длину) змея из семейства гремучих змей. Распространена в северной половине Южной Америки, живет на земле среди кустарника, на полях, в болотах, по берегам рек и в лесах. Питается мелкими грызунами, птицами, ящерицами. Как и все другие представители этого рода, относится к числу наиболее ядовитых.

Летающая лягушка (Polypedates nigropalmat.us) относится к семейству веслоногих лягушек. Распространена на Яве и Суматре, ведет древесный образ жизни. Благодаря очень длинным пальцам, соединенным перепонкой, может совершать планирующие прыжки с деревьев, причем длина прыжков достигает 15 м. Все пальцы заканчиваются своеобразными присосками. Эта лягушка взбивает свою икру движениями ног до пенообразного состояния и помещает комки икры среди листвы.

Лягушка-голиаф (Rana goliath) — самая крупная лягушка. Наравне с жабой ага может оспаривать и первое место по величине среди современных земноводных вообще — длина тела наиболее крупного экземпляра достигает 36 см!

Лягушка-голиаф относится к семейству настоящих лягушек и распространена в Камеруне и некоторых других странах Западной Африки. Питается наряду с насекомыми, моллюсками и червями также рыбой, птенцами, другими лягушками.

Пипа (Pipa americana) относится к особому семейству пиповых, распространена в Гвиане и Бразилии. Питается червями и мелкой рыбой. Внешний вид и особенности размножения очень хорошо описаны самим Д. Даррелом. Нужно лишь добавить, что, возможно, икринка получает во время развития из тела матери воду и некоторые питательные вещества. Во всяком случае, вначале икринка весит 2,95 г, а в конце развития 3,37 г.

Тейю (Tupinambis teguixin) — ящерица из того же семейства американских варанов, что и амейва, упоминавшаяся выше. Распространен почти по всей Южной Америке и на островах Карибского моря. Он достигает метра длины, населяет лесистые и кустарниковые местности. Живет в самостоятельно вырытой норе. Питается мышевидными грызунами, лягушками, червями, поедает также яйца птиц. Предполагают, что зимует тейю в норе, питаясь запасами плодов. Яйца откладывает внутрь термитников. Индейцы употребляют мясо тейю в пищу.

Путь кенгуренка

Крису и Джиму в память о пиявках, лирохвостах и велосипеде в дымоходе (не говоря уже о светлячках)

ПРЕДВАРЕНИЕ

Перед вами повесть о шестимесячном путешествии, во время которого мы побывали в Новой Зеландии, Австралии и Малайе. Путешествие это состоялось по двум причинам: во-первых, мне хотелось посмотреть, как в этих странах поставлена охрана животных, во-вторых, Би-би-си предполагало снять многосерийный телевизионный фильм на ту же тему. Я отлично понимаю, что наша экспедиция больше всего напоминала туристскую поездку, уж очень быстро мы проскочили через каждую страну. Наверно, я кое в чем исказил истину и, конечно, опустил многое, о чем следовало бы упомянуть.

Как ни странно, очень трудно написать такую книгу и соблюсти при этом золотую середину между истиной и опусами вроде «Два с половиной дня в Джакарте». Истина, какой она вам представилась, может показаться обидной всем тем, кто так радушно вас принимал и, не жалея сил, помогал вам. К сожалению, людям свойственно принимать все на свой счет.

Поэтому разрешите сразу воспользоваться случаем, чтобы отвести хотя бы часть ударов, которые непременно обрушат на меня разгневанные новозеландцы, австралийцы и малайцы. Заранее знаю, что они мне напишут: человек, который провел в стране всего полтора месяца, не вправе критиковать. Я-то считаю, что достаточно провести где-нибудь пять минут, и вы вполне можете критиковать, а уж читатель пусть сам рассудит, насколько обоснованна критика.

Так или иначе, одно я могу сказать совершенно искренне: путешествие было чудесным и доставило мне подлинное удовольствие от начала до конца.

Часть первая.
СТРАНА ДЛИННОГО БЕЛОГО ОБЛАКА

С ним было ящиков сорок два,
все аккуратно уложено,
На каждом — имя владельца
написано очень четко.
«Охота Ворчуна»

ПРИБЫТИЕ

Мы собирались незаметно проникнуть в Новую Зеландию, посмотреть и заснять все, что задумали, и так же незаметно удалиться. Но когда наш корабль прибыл в Окленд, оказалось, что Управление природных ресурсов, предупрежденное о нашем приезде, фигурально выражаясь, расстелило для нас огромную ковровую дорожку. Прежде всего на борт поднялся невысокий, коренастый человек (чем-то похожий на кэрролловского Твидлдама) с круглыми, невинными, младенчески-голубыми глазами и широкой улыбкой.

— Меня зовут Брайен Белл, — сообщил он и стиснул мою руку железной хваткой. — Я из Управления природных ресурсов. Управление поручило мне сопровождать вас в поездке по Новой Зеландии и проследить за тем, чтобы вы увидели все, что хотите увидеть.

— Это чрезвычайно любезно со стороны Управления, — ответил я. — Но мне, право же, неловко…

— Я привел сюда ваш лендровер из Веллингтона, — решительно перебил меня Брайен. — А вчера я встретил двух ваших коллег из Би-би-си, они едут нам навстречу.

— Это очень любезно…— начал я.

— Кроме того, — невозмутимо продолжал Брайен, гипнотизируя меня своими голубыми очами, — я составил для вас программу. Если вас что-нибудь не устраивает — вычеркните.

С этими словами он вручил мне стопку бумаги с машинописным текстом, нечто среднее между программой официального королевского визита и планом армейских маневров какой-нибудь великой державы. Программа изобиловала увлекательными предложениями и конкретными указаниями, например: «5 июня, 17.00, осмотр королевских альбатросов, мыс Таиароа». Интересно, спрашивал я себя с легким изумлением, альбатросам тоже вручено расписание? В таком случае, быть может, они пролетят мимо нас стройными рядами и сделают что-нибудь этакое крыльями в знак приветствия?

Но как ни заманчиво все это выглядело, я был несколько встревожен, мне вовсе не хотелось, чтобы мое путешествие по Новой Зеландии выродилось в тоскливое мероприятие, имя которому — организованный тур по заранее утвержденной программе. Не успел я, однако, высказать свои опасения, как Брайен взглянул на часы, грозно нахмурился, буркнул что-то себе под нос и рысцой покинул палубу. Прижимая к себе увесистую программу, я в слегка ошалелом состоянии прислонился к поручням; в это время появилась Джеки.

— Что это за тип в коричневом костюме, с которым ты беседовал? — спросила она.

— Это некий Брайен Белл из Управления природных ресурсов, — ответил я, передавая ей программу. — Его специально приставили к нам, чтобы он все организовал. Все, понимаешь?

— По-моему, это как раз то, чего ты мечтал избежать, — сказала Джеки.

— Вот именно, — угрюмо подтвердил я.

Она пролистала план и удивленно вскинула брови.

— Они что же думают — мы приехали сюда на десять лет?

В эту минуту вернулся Брайен, и я представил его Джеки.

— Очень приятно, — рассеянно произнес он. — Так вот, ваш багаж на берегу, с таможней я все уладил. Мы погрузим

вещи в машину и доставим их прямо в гостиницу. Первая пресс-конференция назначена на одиннадцать часов, вторая — на четырнадцать тридцать. Вечером предстоит интервью по телевидению, но об этом пока рано думать. Если вы готовы, можно приступать.

Подгоняемые Брайеном, мы в полном смятении сбежали по трапу и на несколько часов попали в такой водоворот, что мне трудно припомнить что-либо подобное. В гостинице Брайен сдал нас с рук на руки представителю Отдела информации Терри Игену, человеку невысокого роста, с мясистыми щеками, веселым взглядом и приятным нравом.

— Оставляю вас на Терри, — сказал Брайен. — Увидимся после, а пока мне надо еще кое-что организовать.

Интересно, что именно? Может быть, почетный караул из десяти тысяч киви на улицах Окленда? И хотя мы только что познакомились, я не сомневался, что Брайен Белл способен и на это.

Едва он исчез за дверью, как ворвалась первая ватага журналистов. Началось нечто несусветное: нас фотографировали со всех мыслимых точек, а наши ответы, даже самые идиотские, слушали с таким благоговением, словно то были изречения великих мудрецов. Затем последовал долгожданный, но увы, слишком короткий перерыв на ленч, после чего все началось сначала. И когда, уже под вечер, убрался последний репортер, я обратился к Терри с видом утопающего, который хватается за соломинку.

— Терри, — умоляюще прохрипел я, — вы не знаете какого-нибудь тихого, уютного уголка, где можно посидеть, выпить и хотя бы минут десять ничего не говорить?.. Какую-нибудь блаженную нирвану…

— Знаю, — не раздумывая ответил Терри, — будет сделано… Есть отличное местечко.

— Вот и хорошо, а я тем временем приму ванну, — сказала Джеки.

— Мы недолго, — заверил я ее. — Мне только привести в порядок свои истерзанные нервы. Если еще кто-нибудь

спросит меня, что я думаю о Новой Зеландии, я начну кричать.

— Кстати, — вспомнила Джеки, — что ты ответил журналистке, которая задала тебе этот вопрос? Я не расслышала.

— Он сказал, что уголок порта, который он успел увидеть, показался ему просто прелестным, — хихикнул Терри.

— Ну, зачем же так, — укоризненно сказала Джеки.

— Пусть не задает дурацких вопросов.

— Пошли, — позвал Терри, — мне тоже нужно выпить.

Следом за Терри я вышел из гостиницы, и мы зашагали по улице. Поворот, еще поворот, еще — наконец мы очутились перед какой-то коричневой дверью. Терри первым нырнул в нее, я — за ним, жаждая поскорее очутиться в приюте мира и тишины…

Если мои первые шаги по новозеландской земле были слегка неверными, то это потому, что меня слишком рано познакомили с понятием «пятичасовое пойло». Не правда ли, в этом выражении есть что-то восхитительно пасторальное, я бы даже сказал, идиллическое. Сразу представляешь себе откормленных, чисто вымытых свиней, которые жадно, торопясь утолить голод, хлебают теплое пойло, принесенное загрубевшими, но заботливыми руками славного сына земли, добродушного селянина с лучистыми глазами.

Как далека от истины эта картина!

«Пятичасовое пойло» — прямое следствие глупейших постановлений, которые ограничивают продажу спиртных напитков в Новой Зеландии. Чтобы люди не пьянствовали, бары закрывают в шесть часов вечера, сразу после окончания рабочего дня в учреждениях. Поэтому служащие, выйдя на улицу, мчатся сломя голову в ближайшую пивную и предпринимают отчаянные усилия, чтобы в кратчайший срок поглотить возможно больше пива. Из всех мер борьбы с алкоголизмом, о которых я слышал, эта — одна из самых нелепых.

В «приюте тишины», куда меня заманил Терри, как раз шел розлив пятичасового пойла. Сцена, которую я увидел, с трудом поддается описанию. Десятки изнывающих от жажды новозеландцев сплоченными рядами осаждали стойку, все старались перекричать друг друга и быстро-быстро глотали пиво. Чтобы кружки не простаивали, пиво разливалось через длинный шланг с краном на конце. Как только на стойку опускалась пустая кружка, бармен подбегал и мгновенно наполнял ее. Дело это было совсем не простое; по-моему, на стойку попадало больше пива, чем в кружки.

Не успел я и глазом моргнуть, как меня уже представили пяти-шести завсегдатаям (имен я не разобрал), они не мешкая поднесли мне по кружечке пива. Помню, что передо мной стояло в ряд восемь кружек, а так как я держал в руках еще три, рукопожатия на этом кончились. Время от времени все, как по сигналу, принимались кричать: «Пей, пей скорей, через минуту закроют!» Едва я управился с восьмой кружкой, как в то же мгновение, словно по знаку злого волшебника, на месте пустых кружек возникло восемь полных! Новозеландское гостеприимство превыше всяких похвал, но не каждый может его вынести. От выпитого пива и от шума у меня разболелась голова. Внезапно раздался оглушительный звон медного колокола; казалось, это причитает пожарная машина, обезумевшая от несчастной любви. Я решил, что пивная загорелась, и даже попытался представить себе, как будут гасить пожар пивом из шланга, но тут увидел обращенные на меня скорбные глаза Терри.

— К сожалению, Джерри, уже закрывают, — грустно произнес он. — Надо было прийти пораньше.

— Да-да, ужасно обидно, — соврал я.

Мы пробрались сквозь толпу на улицу и добрели до гостиницы; здесь Терри покинул меня.

Джеки выглядела возмутительно свежей и отдохнувшей после ванны.

— Ну как, подкрепился? — спросила она.

Не удостоив ее ответом, я лег на кровать и закрыл глаза.

Только я погрузился в приятную дремоту, как раздался стук в дверь и вошел Брайен Белл. Глаза его горели организаторским рвением.

— Хелло! — бодро воскликнул он. — Как самочувствие? Отдохнули немного?

— У меня такое самочувствие, — с горечью произнес я, — словно я только чудом не утонул в бочке мальвазии.

— Ну вот и отлично, — сказал Брайен, пропуская мои слова мимо ушей. — А теперь, поскольку завтра рано выезжать и другой возможности вам не представится, вы, верно, не откажетесь поехать и навестить кривоклювов. У нас еще есть время перед телевизионной передачей.

Жизнь научила меня одному важному правилу: хочешь чему-нибудь научиться, не бойся признаться в своем невежестве. Скажи прямо: «Не знаю», — и тотчас все бросятся тебе объяснять и показывать и в два счета тебя просветят. И теперь я применил этот же принцип.

— Что такое кривоклюв? — спросил я.

От такого невежества круглые голубые глаза Брайена округлились еще больше, но он был слишком воспитан, чтобы высказать вслух то, что думал.

— Это маленькая болотная птица, — принялся он объяснять таким тоном, словно перед ним был недоразвитый ребенок ясельного возраста. — Ее назвали так из-за свернутого набок клюва. Кривоклювы, или, как их еще зовут, кривоклювые зуйки, водятся только в Новой Зеландии, и их осталось совсем немного, от силы тысяч пять. Правда, точного счета никто не вел. Здесь неподалеку, на побережье, как раз есть небольшая колония, и я предлагаю съездить туда, посмотреть на них.

Какой натуралист, как бы гнусно он себя ни чувствовал, устоит, когда ему предлагают посмотреть птицу, у которой клюв свернут набок! И вот уже окраина Окленда осталась позади.

Мы ехали по сельской местности, и чем дальше, тем тоскливее становилось у меня на душе, потому что кругом

был точно такой же приятный ландшафт, какой вы увидите на стыке Дорсета и Девона: холмы, холмы, сочная зелень травы на склонах с белыми крапинками овечьих стад, аккуратно огороженные квадратики полей с невысокими ветрозащитными рощицами. Даже птицы, взлетавшие с обочин, были старые знакомые — дрозды и скворцы. а высоко в небе над нами, исполняя свою вечернюю песенку, висел жаворонок. Ехать, рваться в такую даль только для того, чтобы увидеть второе издание Англии! А тут еще это пиво… Я чувствовал себя так, словно меня подвергли какой-то утонченной пытке. И к тому времени, когда машина свернула на ухабистый проселок, ведущий к морю, настроение у меня совсем испортилось, и я уже спрашивал себя, стоило ли вообще ехать в эту Новую Зеландию. Дроздов и жаворонков у нас и дома хватает.

Сбавив ход, Брайен протиснул машину сквозь стадо овец, которые шарахались во все стороны, тряся густым руном, и остановился возле изгороди. За изгородью был кочковатый луг, дальше начинался совершенно ровный участок высохшей глины, глину сменил галечный пляж, его омывало хмурое серое море. Брайен объяснил нам, что обычно кривоклювы добывают себе корм на длинной галечной косе слева, но в прилив, когда коса исчезает под водой, они отступают на вот этот глинистый участок перед нами. Однако, как мы ни напрягали зрение, никаких птиц не было видно. Бормоча себе под нос страшные проклятия организатора, чье рвение пошло насмарку, Брайен медленно двинулся вдоль изгороди; мы последовали за ним. В это время подул резкий, холодный ветер и сразу же начал накрапывать дождик. Где вы, горячая ванна и мягкая постель… Вдруг Брайен остановился и приставил к глазам бинокль.

— Ага! — торжествующе гаркнул он. — Вон они! Не совсем там, где им положено быть, но все-таки мы их нашли.

Я направил свой бинокль туда, куда он показывал рукой. В первую минуту я увидел одну только серую грязь, много

грязи и никаких признаков жизни. Потом разглядел на глине нечто вроде огромной шали из тончайшего серого шелка, которая непрерывно переливалась. А когда я как следует присмотрелся, шаль оказалась плотным скоплением маленьких птиц. Они совершали какие-то странные маневры, так что стая почти все время находилась в движении, оставаясь при этом на одном месте. Издали нельзя было разобрать, чем они заняты, поэтому мы осторожно пошли через разделявший нас кочковатый луг. Нам удалось подойти к кривоклювам метров на шестьдесят, не вызвав у них ни малейшей тревоги. Теперь было ясно видно, что они делают. Из всех стайных маневров, которые я когда-либо наблюдал в мире пернатых, этот был одним из самых удивительных.

Кривоклювы были величиной с зуйка-галстучника, спинка голубовато-серая, брюшко белое, над глазами через весь лоб белая поперечная полоса, под подбородком аккуратное черное пятнышко. Маленький клюв изогнут вправо наподобие садовых ножниц, так что эти крутолобые птицы кажутся курносыми. Но больше всего меня заинтересовала не редкостная форма клюва, а поведение стаи. На участке площадью пятьдесят квадратных метров собралось около полусотни птиц, все они стояли на одной ноге, головой к ветру, с интервалом сантиметров в тридцать. Стоят, борясь с ветром, нахохлились, темные глазки моргают, и вид у всех такой печальный, что дальше некуда. Вдруг, без всякой видимой причины, один кривоклюв прыгнул вперед сантиметров на пятнадцать, продолжая опираться на одну ногу. Сразу строй оказался нарушенным, соседям пришлось подтянуться, за ними последовали другие, и пошло… То и дело все птицы приходили в движение, в целом же стая оставалась на месте. Я смотрел очень внимательно, но так и не смог понять, что побуждало их совершать этот маневр. Они не танцевали и не разыскивали корм, а просто стояли кучкой, словно какие-нибудь горькие сироты, время от времени затевающие странную игру в «классы», чтобы отвлечься от тоскливых мыслей…

По словам Брайена, специалисты считают, что причудливая форма клюва помогает кривоклювам доставать из-под камней мелких рачков и прочую морскую мелюзгу, которой они кормятся.

Около часа наблюдали мы взъерошенных, иззябших кривоклювов. Несмотря на кипучую деятельность, стая переместилась за это время от силы на метр. Но как ни увлекательно было смотреть на этих прыгунов, пришла пора уезжать. Мы нехотя вернулись к машине и под мелким дождем покатили обратно в Окленд. Встреча с кривоклювами приободрила меня, я воспринял ее как добрую примету, знак того, что мы, пожалуй, все-таки увидим в Новой Зеландии кое-что интересное.

Глава первая. ГЕЙЗЕРЫ, УЭКИ И КАКИ

Если встретим мы страшную птицу джабджаб,
Нелегко нам с ней будет справиться!
«Охота Ворчуна»

На следующее утро мы встали безбожно рано (во всяком случае, так показалось мне, еще не опомнившемуся после «пойла»). Выехали из Окленда, и снова потянулся «английский» ландшафт с наводящими тоску дроздами и скворцами. Брайен вел машину, причем делал это — как и все, за что брался, — очень хорошо. Заранее скажу, что на протяжении нескольких недель, которые мы провели вместе с Брайеном Беллом, мое уважение и моя симпатия к нему росли день ото дня. Он показал себя человеком спокойным и находчивым, а главное — превосходно знал свое дело. Больше всего на свете его заботило, как бы последние уцелевшие виды исконной новозеландской фауны и флоры не погибли из-за недостаточно строгих и действенных законов и мероприятий. И пока мы ехали к очередному объекту, он объяснял мне, какие трудности стоят перед Управлением природных ресурсов, которое пытается отстоять фауну Новой Зеландии.

Прежде всего, говорил Брайен, нужно учитывать, что Новая Зеландия — геологически совсем молодая страна, поэтому ее горы больше подвержены разрушению. Местами можно буквально раскрошить камни пальцами. Поверх рыхлой породы лежит тонкий почвенный покров, в большинстве районов его защищает от размыва лес, а на возвышенностях — травы. Первыми Новую Зеландию заселили «охотники на моа»; эти племена называют так потому, что для них главным источником существования была охота на ныне вымершую, напоминавшую страуса огромную птицу моа. Охотники на моа, хотя в какой-то мере

и жгли и рубили лес, не причинили ему большого ущерба. Потом явились маори и истребили охотников на моа. При маори леса и пастбища гораздо больше пострадали от вырубки и пала. Наконец прибыли европейцы. Они взялись за дело столь основательно, что вскоре огромные площади остались без леса и трав. Началась эрозия, появились обширные плеши. Одной из первых (и, несомненно, глупейших) затей европейских переселенцев был привоз животных и птиц, преимущественно из «родной Англии». До тех пор природа, которая в общем-то неплохо знает свое дело, сумела наладить равновесие в животном мире. Млекопитающих вовсе не было, если не считать небольшого количества летучих мышей; было несколько видов безобидных мелких рептилий с живописной окраской и была тьма красивых птиц. До прихода человека, а точнее — европейцев, Новая Зеландия была раем для птиц: густые леса, просторные луга, обилие насекомых и почти полное отсутствие хищников. В это гармоничное царство европейцы ввезли дрозда, скворца, крякву, лебедя-шипуна, жаворонка, фазана, зеленушку, завирушку, воробья, зяблика, щегла, овсянку и множество других европейских видов, а также более экзотических птиц: индийскую майну, белоспинную сороку, розового какаду и черного лебедя. Мало им было этого акта преступной глупости, они еще завезли млекопитающих: благородного оленя, дань, пятнистого оленя, виргинского оленя, малого кенгуру, серну, американского лося, индийского оленя замбара, опоссума, непальского горного козла тара, вапити, яванского оленя Руса. Одновременно поселенцы, разумеется, продолжали рубку леса и хищнический выпас на горных лугах. Чудесным новозеландским птицам пришлось туго. Площадь угодий, пригодных для их жизни, сократилась, а тут еще надо конкурировать с чужеземными животными, с которыми они никогда прежде не сталкивались. Неудивительно, что их число пошло на убыль, а некоторые виды и совсем исчезли. Многие уникальные виды прежде обитали на маленьких

островках вдоль побережья; этих птиц всегда было мало, даже когда их никто не трогал. Сколько таких малочисленных видов вымерло, из-за того, что на остров намеренно или случайно привозили кошек, которые затем дичали, или же овец и коз, которые сводили всю растительность, то есть среду обитания птиц! Даже теперь, по словам Брайена, Управление природных ресурсов вынуждено тратить немалые силы, стараясь избавить острова от вредителей и спасти пернатых от гибели.

В дороге Брайен снова и снова приводил мне красноречивые примеры, подтверждающие его слова.

— Вот, убедитесь сами. — Он останавливал машину у обочины и показывал на холм, лишенный травы и почвенного покрова. — Пример чересчур интенсивного выпаса. Не разрешается пасти овец выше трехсот метров, а они пасут. Что же получается? Трава исчезает, дерновый покров исчезает, горная порода разрушается и — готово: обвал! Обвал запрудит реку, она разольется и смоет почву на дне долины, где ей, казалось бы, ничто не грозило.

Иногда он останавливался у опушки леса и показывал на молодые деревца, «окольцованные» оленями. Эти пришельцы обгладывают нежную кору вокруг всего ствола, и дерево погибает. Но, пожалуй, самым ироническим примером служили телеграфные столбы, обитые посередине полоской жести.

— Это против опоссумов, — объяснил Брайен. — Какому-то предприимчивому малому пришло в голову, что у опоссума красивая шкурка, и он задумал организовать пушной бизнес. Привез из Австралии животных и начал дело. Конечно, из этой затеи ничего не вышло, тогда он выпустил опоссумов на волю. Теперь они — настоящий бич: затеяли лазить на столбы электропередачи. Устроят короткое замыкание, сами погибнут и целый город оставят без света. Вот и приходится обивать столбы жестью, чтобы опоссумы не могли залезть.

К десяти часам мы добрались до небольшого городка на

берегу озера Вангапе, где предполагали встретиться с нашим режиссером Крисом Парсонсом и оператором Джимом Сондерсом. Где же они?.. Остановив машину возле кафе, Брайен хмуро поглядел на свои часы.

— Не понимаю, — встревоженно произнес он, — они уже должны быть здесь.

— Может быть, спустились к озеру? — продолжил я.

— Может быть, — неуверенно произнес Брайен. — Но мы же условились встретиться у кафе. Ладно, пойдем посмотрим.

Оставив лендровер, мы поднялись по зеленому откосу на гребень, возвышавшийся над озером. С голубого неба светило яркое солнце, и вид был изумительный. На самом деле здесь было не одно, а два, если не три соединенных друг с другом протоками озера с множеством островков, поросших лесом и камышом. Окружавшие Вангапе увалы были изумрудно-зеленого цвета, с редкими купами тополей, чьи кроны уже были тронуты червонным золотом. Но мой взгляд был прикован к поверхности озера — там плавала такая армада черных лебедей, что у меня захватило дух.

Они плыли где в одиночку, где огромными стаями; время от времени какой-нибудь отряд лениво отрывался от воды и летел над зеркальной гладью вдогонку за собственным отражением. Лебедей было так много, что я не пытался даже приблизительно определить их численность. Куда ни погляди — всюду плывут, летят лебеди; такое впечатление, словно вся поверхность озера непрерывно движется. Казалось непостижимым, как эти полчища птиц — пусть даже на такой большой площади — находят себе достаточно корма.

— По нашим расчетам, — бесстрастно сказал Брайен, — на этом озере около десяти тысяч лебедей. Разумеется, время от времени мы устраиваем отстрел, чтобы они не слишком размножались, но это почти безнадежное дело.

— Очевидно, если бы не эта армия незваных гостей из Австралии, озеро кишело бы новозеландскими утками? — спросил я.

Брайен пожал плечами.

— Да, — подтвердил он, — тут отличное место для уток. Но я уже говорил, в чем беда. Мы завезли всю эту не-чисть, и теперь она вышла из-под нашей власти. В этом одна из главных проблем нашего Управления.

Первых черных лебедей привезли из Австралии в Новую Зеландию в 1864 году, и, судя по тому, что мы увидели на Вангапе, они превосходно освоились на новом месте. Хуже всего, что эти красивые, грациозные птицы добывают корм (преимущественно водные растения) поблизости от берега и, естественно, достают его с большей глубины, чем утки. Лебеди засоряют и воду и берег, обрекают уток на голод и вынуждают их покидать насиженные места. На Вангапе не осталось ни одной утки; насколько хватало глаз — одни только черные лебеди.

Мои размышления о человеческой глупости были прерваны гулом мотора. Мы скатились по откосу на дорогу и увидели выбирающихся из машины Криса и Джима.

— Э-гей! Люди! — с небывалым для него энтузиазмом кричал Крис, спеша нам навстречу.

Крис Парсонс — мужчина среднего роста, темноволосый, из-под тяжелых век смотрят зеленые глаза, а нос у него такой, что ему позавидовал бы покойный герцог Веллингтон. Обычно сдержанный и спокойный, он не мог нарадоваться своему первому большому путешествию и, здороваясь, чуть не оторвал нам руки. Оператор Джим Сондерс — невысокий брюнет с красивым, четко очерченным лицом, какие можно увидеть на древнеримских медальонах, и на редкость озорной, подкупающей улыбкой. Его приятный западноанглийский говор с легкой картавинкой будит в душе уютные воспоминания о дремлющих ульях в час заката или о прохладе яблоневого сада в жаркий летний день.

— Нет, нет, вы только подумайте! — воскликнул Крис, продолжая победно улыбаться, словно это он сотворил Новую Зеландию. — Скажи мне кто-нибудь два месяца назад, что мы встретимся на берегу озера Вангапе, в сердце Новой

Зеландии, точно в назначенное время…

—Где же точно,-сурово перебил его Брайен,-вы опоздали на полчаса.

— Ничего подобного, — возмутился Крис. — Мы приехали полчаса назад, но вас тут не было, и мы проехали немного дальше, поснимали озеро широкоугольником.

— А-а…— Брайен несколько смягчился. — Ну ладно, давайте выпьем по чашке чая, а затем спустимся к озеру.

За чашкой чая и горой гренок мы с Крисом обсудили, что и как снимать на озере. Я уже говорил, что главной темой задуманных нами программ была охрана природы. Мы хотели показать на примере трех стран, как решается эта задача, и подчеркнуть мысль о том, что охранять надо не только животных, но и среду, в которой они обитают. Дело осложнялось тем, что все три страны были для меня совершенно новыми, поэтому сразу по прибытии я старался узнать возможно больше об интересующем меня предмете, чтобы дать Крису и Джиму примерный сценарий.

— Пока мы ехали сюда из Окленда, — рассказывал я своим друзьям, — я постарался выкачать из Брайена все, что он знает. И по-моему, надо попробовать осветить такие проблемы: во-первых, совершенно непродуманный завоз в Новую Зеландию животных, большинство которых стало подлинным бичом. Ярким примером могут служить здешние черные лебеди. Во-вторых, изменение среды, которое отражается и на людях и на животных. Я имею в виду сплошную рубку леса на больших площадях в прошлом и уничтожение травостоя скотом в наши дни. Это и ляжет в основу сценария, я его набросаю вечером, а сейчас надо непременно снять лебедей. Их завезли, они стали вредителями, но в то же время они очень эффектны и хороши собой. Ваше мнение?

Крис в знак раздумья зашторил глаза веками, словно ястреб, укрылся за собственный нос и стал похож на дистрофичную ламу.

— Гм, — молвил он наконец. — Вообще-то мне бы

хотелось сперва почитать сценарий, но, как ты справедливо заметил, завезенные виды, которые стали вредителями, будут, конечно, играть важную роль, так что, по-моему, не мешает отснять возможно больше материала о лебедях.

— Черные лебеди есть в Бристольском зоопарке, — сообщил Джим с полным ртом. — Можно было снять их там… Незачем лететь сломя голову в Новую Зеландию… Пустая трата денег… Смотаться в Бристоль, и дело в шляпе.

— Не слушай ты его, — с достоинством произнес Крис. — Эти операторы, за редким исключением, грубый и неотесанный народ.

— Точно, — согласился Джим. — Но я хоть знаю, что я неотесанный, в этом мое преимущество. Я всегда говорю: познай самого себя. Не то что наш Крис, у него сплошь одни пороки, да разве он признается хоть в одном. Я так рассуждаю: греши, пока можешь. А то кто его знает, вдруг завтра явится кто-нибудь и исправит тебя. Что тогда?

— Хотел бы я посмотреть на того, кто попытается исправить тебя, — уничтожающим тоном сказал Крис.

Перекусив, мы спустились по разбитому проселку на машине к озеру. Здесь нас ждал смотритель с большой лодкой, на которой был установлен мощный подвесной мотор. Мы погрузили съемочную и звукозаписывающую аппаратуру, Генри пустил мотор, и лодка заскользила по блестящей глади к самой большой лебединой стае. Мы хотели сперва снять взлетающих птиц, чтобы лучше показать, как их много. Взяв курс на участок, где из-за лебедей не было видно воды, Генри развил предельную скорость, а когда осталось метров сто, выключил мотор, и лодка продолжала идти по инерции. Птицы, все это огромное скопище, попытались уйти от нас, но лодка шла быстрее, и вскоре самые робкие предпочли взлететь. И сразу началась паника, пятьсот — шестьсот птиц отчаянно забили крыльями, спеша оторваться от воды. Пепельно-серое и черное оперение, сургучно-красные клювы и ноги — непередаваемое зрелище… Лебеди вспенили тихую гладь, взлетели, и шум

хлопающих крыльев уподобился грому оваций в огромном, гулком концертном зале. Вытянув длинные шеи, птицы кружили над нами, и, казалось, в воздухе распластались сотни черных крестов, только белые кончики крыльев, словно огоньки, мелькали на фоне темного оперения. Вскоре все небо над озером заполнилось лебединой круговертью, гигантским вихрем черного конфетти. Жутко было смотреть на этот карнавал пернатых и сознавать, что все началось с нескольких пар лебедей, неосмотрительно завезенных в страну сто с небольшим лет назад. Можно ли привести более выразительный пример того, какие грубые промахи совершает человек, вмешиваясь в распорядок природы!

Мы продолжали скользить туда-сюда по озеру и встретили немало молодых лебедей, которые явно не желали поддаваться панике. Изящно изогнув шею и аккуратно сложив крылья, так что они сливались со всем оперением, будто выложенным из раковин, они плавали степенно, невозмутимо, как приличествует лебедям. Однако, по мере того как лодка начинала их настигать, они теряли самообладание, постепенно расправляли крылья и вытягивали шею вперед, выпрямляя ее. А лодка все ближе, ближе, и вот уже лебеди с недовольным гуканием вспенивают воду ударами сильных крыльев и взлетают в каскадах брызг, волоча за собой ярко-красные ноги.

Наконец все, что требовалось, было отснято, и мы пошли к берегу. Как только лодка причалила, черная круговерть начала опускаться на озеро, и по темной глади побежали широкие клинья. Вполне довольные отснятыми кадрами, мы сложили аппаратуру, усидели еще один здоровенный чайник, закусили гренками и приступили к следующему этапу нашего путешествия.

Нашей целью был город Роторуа, несомненно, один из самых необычных городов в мире, необычных — и ненадежных, ведь он построен в «питомнике вулканов», иначе это место не назовешь.

Когда въезжаешь в Роторуа, так и кажется, что перед

тобой Голливуд, декорации для какого-нибудь ковбойского фильма. (Впрочем, то же можно сказать о многих новозеландских городах.) Кажется, если заглянуть за фасад деревянных домов на главной улице, там будет пусто. Но еще больше при въезде в Роторуа поражает запах. В первый миг вы готовы приписать его миллиону протухших яиц, но после второго или третьего вдоха узнаете чудесный аромат сероводорода. Его в воздухе столько, что хоть топор вешай. Есть и другие, я бы сказал, зловещие признаки, свидетельствующие о том, что этот город непохож на прочие города. Тут и там вдоль тротуаров, а то и посреди мостовой в дорожном покрытии видны трещины, из которых лихо бьет струя белого пара, как будто захоронили небольшую паровую машину, а она возьми да оживи. Это придает уличным сценам особую, жуткую прелесть, но иногда оборачивается неприятностями. Незадолго до нашего приезда, рассказал Брайен, один местный житель, работая в своем подвале, ударом кирки открыл выход струе пара, и она убила его. Одержимый рвением, он, можно сказать, проколол аорту какого-то вулкана и поплатился жизнью. Эта история произвела на Джима такое впечатление, что он настоятельно потребовал, чтобы мы отказались от задуманной ночевки в Роторуа и тотчас отправились дальше, однако его предложение не нашло поддержки.

— Вы просто сумасшедшие, — убежденно произнес он. — Попомните мои слова, утром в наших постелях будет лежать вареное мясо. А запах… Как прикажете есть в таком воздухе? Никакого вкуса не разберешь.

Что верно, то верно: все, что мы ни ели в Роторуа, отдавало тухлыми яйцами. Я попытался утешить своих товарищей тем, что пища в рядовом новозеландском отеле только выигрывает от запаха сероводорода…

Как только мы решили вопрос с жильем, Брайен повел нас смотреть, как он выразился, «горячие источники». Честно признаюсь, я вовсе не жаждал их увидеть, так как с этим названием у меня были связаны страшные воспоминания о

месте, где старики и калеки обоего пола на инвалидных колясках передвигались от источника к источнику, кашляя, харкая и глотая самую отвратительную (во всяком случае, если судить по запаху) воду, какая только бьет из недр земли. Всякому, кто полагает, что знахарство уже в прошлом, было бы крайне полезно взглянуть на такой, с позволения сказать, курорт. Однако я вскоре убедился, что Брайен понимает под горячими источниками нечто совсем иное, и я ничуть не жалею, что совершил эту экскурсию, потому что зрелище было поистине удивительным.

Доехав до окраины Роторуа, мы вышли из лендровера и спустились пешком в небольшую долину. Запах тухлых яиц сразу же неимоверно усилился, и воздух стал более теплым и влажным. Поворот — и нам почудилось, будто мы вдруг перенеслись на миллионы лет назад, в эпоху, когда Земля была еще совсем молодой, неостывшей и неоформившейся. Выходы коренной породы причудливо смяты, скручены, испещрены отверстиями и трещинами, из которых периодически, подчиняясь какому-то загадочному биению в недрах земли, словно кровь из перерезанной артерии, вырывались струи пара — местами короткие, а местами и повыше, достигая двух — двух с половиной метров. Пар курился даже над самыми маленькими щелями, поэтому воздух буквально был пропитан влагой и все было видно как бы сквозь колышащуюся вуаль. Самые мощные гейзеры выбрасывали столбы пара высотой до четырех-пяти метров. Извержение длилось минут десять, потом почему-то прекращалось, а через некоторое время возобновлялось, сопровождаемое своеобразным гулом и свистом. И если вы, забывшись, станете над таким «жерлом», это может стоить вам жизни — ведь даже брызги, что разлетаются в стороны от кипящего столба, погорячее воды в вашей ванной…

Через скользкий, коварный участок мы осторожно прошли к небольшому говорливому потоку, который бежал по каменистому ложу, кутаясь в рваное одеяло из пара. Температура воды в нем была вполне сносная, каких-нибудь

тридцать градусов с хвостиком. Форсировав поток, мы пошли дальше и очутились у грязевых озер. Они оказались настолько любопытными, что я около получаса буквально не мог от них оторваться.

Озера были разной величины, одни довольно большие, другие с маленький круглый стол. Цвет их тоже разный: где густо-коричневый, где посветлее, вроде кофе с молоком. Цветом и консистенцией грязь напоминала кипящий молочный шоколад. Казалось, она и впрямь кипит, на самом же деле ее заставляли бурлить струйки пара, пробивающиеся сквозь горячую вязкую массу. Посмотришь — озеро ровное, гладкое, такое соблазнительное на вид, что хоть зачерпывай ложкой и ешь. Но тут на зеркальной поверхности вздувался пузырь — сперва маленький, с яйцо дрозда, он становился все выше и шире, достигая размеров целлулоидного мячика, а то и апельсина (если грязь была достаточно вязкая). В конце концов пузырь лопался с громким булькающим звуком, и возникал крохотный «лунный» кратер. Постепенно кратер заполнялся, и опять озеро гладкое, пока не накопится пар — тогда все начнется сначала.

В некоторых озерках, где пар напирал сильнее, шесть-семь пузырей выстраивались в круг и буквально «пели» вместе. Впрочем, «пение» это скорее напоминало перезвон колоколов — ведь пузыри были неодинаковые и лопались с разным звуком. Через равные промежутки времени пар пробивался сквозь грязь и пузатые пузыри исполняли свою мелодию: глоп.. плип… глуг… плип… сплоп… плип… глуг.. плиш… сплоп… плип… Упоительная музыка; я наклонялся то над одним, то над другим озерком, плененный этими своеобразными оркестрами. Мне удалось найти семнадцать особенно одаренных пузырьков, исполнявших нечто настолько сложное и гармоничное, что, пожалуй, кроме Баха, этого никто не мог сочинить. И я уже прикидывал, как бы заключить с ними контракт и переманить их в Англию, где они свободно могли бы выступать в Лондонском концертном зале (скажем, под управлением сэра

Малькольма Сарджента), но тут меня грубо вернул с облаков на землю голос Криса.

— Пошли-ка, дружок, — сказал наш режиссер, вынырнув из тумана с видом убитого горем Данте. — Хватит лепить пирожки из грязи. Я там нашел штук шесть гейзеров, все они выстроились в ряд и извергаются, как черти. Мне нужно, чтобы ты и Джеки прошлись перед ними.

— Очаровательная идея! — горестно произнес я, с трудом отрываясь от поющих пузырьков и ныряя в туман следом за ним.

В самом деле, лихо пересвистываясь и аукаясь, стояли почти точно в ряд шесть гейзеров высотой в четыре-пять метров.

— Вот они, — гордо сказал Крис. — Теперь я хочу, чтобы вы с Джеки прошли перед ними. Начнете вон у того камня и остановитесь примерно вон там.

— А как насчет надбавки за риск? — справилась Джеки.

Ее темные волосы были сплошь покрыты мельчайшими капельками воды, и казалось, что она прежде времени поседела.

— Надбавка будет лишь в том Случае, если сработает Большая Берта,-ухмыльнулся Крис.

— Это еще что за Большая Берта? — спросил я.

Крис показал на большое отверстие в скале рядом с тем местом, где мы должны были пройти.

— Большая Берта находится вон в той дыре, — объяснил он. — По-видимому, это самый мощный из здешних гейзеров, но он извергается нерегулярно, раз в десять — пятнадцать лет. Зато уж как разойдется, говорят, струя бьет метров на пятнадцать. Вот, должно быть, зрелище!

Я уловил в голосе Криса невысказанную мечту и строго посмотрел на него.

— Ну так вот, заруби себе на носу, — сказал я. — Я не намерен ни при каких обстоятельствах якшаться с пятнадцатиметровым гейзером!

Заняв позицию, которую нам указал Крис, мы с Джеки

подождали, пока приготовят съемочную и звукозаписывающую аппаратуру, затем по знаку режиссера двинулись вперед. Маленькие гейзеры неистово фыркали, создавая весьма впечатляющий фон.

Нам оставалось пройти примерно половину, как вдруг у нас под ногами задрожала земля, послышался такой звук, словно рыгнул сам Гаргантюа, потом шипение, и над жерлом Большой Берты вырос столб пара толщиной с доброе дерево. Все громче шипя, струя продолжала вздыматься вверх, пока не рассыпалась брызгами, как фонтан. Град жгучих капель заставил нас с Джеки сломя голову обратиться в бегство. Если не считать того раза, когда меня преследовал разъяренный гну, я не припомню, чтобы мне когда-либо приходилось бегать с такой быстротой. Тяжело дыша, мы добежали до наших друзей, Крис и Джим прыгали от восторга, а Брайен, стоя рядом, гордо улыбался, словно это он самолично организовал извержение Большой Берты.

— Великолепно! — услышал я голос Криса сквозь шипение гейзера. — Просто великолепно! Лучше не придумаешь.

Мы с Джеки сели отдышаться на влажный камень; она смотрела на меня, я — на нее.

— Ах, как я вам завидую, мистер Даррелл, — сказала Джеки. — У вас такая интересная жизнь.

— Да-да, сплошные удовольствия и сюрпризы, — отозвался я, вытирая лицо и чиркая отсыревшей спичкой, чтобы прикурить.

— Не понимаю, чем вы недовольны, — заметил Крис. — Вы же были совсем в стороне.

— Не в этом соль, — ответил я. — Ты меня заверил, будто эта пакость извергается только раз в сто лет. Представь себе, что я из мальчишеского озорства встал бы как раз над отверстием. Вот была бы клизма — второй уже не понадобится…

Пока Крис и Джим снимали Большую Берту в самых различных ракурсах, мы с Джеки еще немного полюбовались

грязевыми озерами. Наконец съемки были закончены, мы уложили аппаратуру и выбрались из долины. Наверху я остановился и на прощание еще раз поглядел на смятые, искореженные пласты, на столбы шипящего пара, на лоснящиеся грязевые озера. Все тонуло в плотной завесе тумана, вызванного извержением Большой Берты. Чем-то эта картина напоминала рисунки Гюстава Доре, и я бы не удивился, если бы из-за скалы вдруг вышел динозавр и спустился к грязевому озеру, чтобы искупаться.

Переночевав в Роторуа (вопреки мрачным предсказаниям Джима, никто из нас не сварился в постели), мы на следующий день покатили дальше в сторону Веллингтона, расположенного на самом юге Северного острова.

Минул час, за ним другой, нам уже надоело кричать «Смотрите!» и видеть все одних только зябликов да завирушек, когда Брайен наконец свернул к большому тихому озеру, на берегах которого высились могучие деревья, и здесь мы впервые увидели новозеландских птиц. Разумеется, и тут не обошлось без полчищ черных лебедей, но на этом озере они еще не успели полностью вытеснить коренных обитателей. Вооружившись камерами и биноклями, мы живо выскочили из лендровера. Каждый занялся своим делом: Крис и Джим снимали, а Джеки, Брайен и я вели наблюдения за птицами, причем Брайен называл нам виды и коротко рассказывал об их образе жизни и распространении.

Самыми многочисленными и самыми красивыми были новозеландские огари, или, как их еще называют, райские утки. Несколько пар этих птиц добывали себе корм на мелководье в каких-нибудь десяти метрах от нас. Удивительно, до чего непохожи друг на друга самец и самка; на первый взгляд казалось даже, что перед нами представители двух разных видов. Селезень: голова, шея и грудь черные с блестящим отливом, спинка тоже черная, но с тонкими белыми полосками, живот ярко-рыжий, также расписанный белыми полосками. Утка: спинка черная в

белую полоску, грудь и живот рыжие с белыми полосками, голова и шея чисто белые. Я впервые видел этих очаровательных уток и сначала принял более нарядную самку за самца, пока Брайен не просветил меня. И все-таки странно, что утка окрашена ярче селезня — как-никак, ей принадлежит опасная обязанность высиживать яйца, когда, казалось бы, особенно важен камуфляж.

Вторым по численности новозеландским видом, представленным здесь, были новозеландские чернети. Но они держались куда осторожнее, ходили стайками вдалеке от берега, и мы только мельком, да и то в бинокль, видели этих небольших, ладных птиц с коротковатым тупым клювом. Плавали чернети быстро и как-то воровато. Голова и шея у них были черные с пурпурным отливом сверху и зеленым снизу, и видимая часть тушки выше «ватерлинии» тоже черная. Этот мрачноватый наряд красиво оттенялся белой полоской на крыле, серо-голубым клювом и ярко-желтыми глазами.

Проведя на берегу озера несколько приятных часов, мы снова уселись в лендровер и доехали до Веллингтона. Здесь нас разместили в гостинице, которая, как и все новозеландские гостиницы на нашем пути, буквально во всех отношениях оставляла желать лучшего. Уж очень разителен был контраст с искренним, неподдельным радушием, с каким нас встречали повсюду.

На следующий день мы встали рано утром и отправились к морю. Брайен настоял, чтобы мы, прежде чем покинуть Северный остров, непременно побывали в птичьем заповеднике Капити. Устав от моего брюзжания по поводу неизменных скворцов и дроздов, он поклялся, что там я увижу типичных представителей пернатых Новой Зеландии.

Наш лендровер остановился около песчаного пляжа, окаймленного небольшими бурунами. Прямо перед нами лежал длинный горбатый островок, поросший густым лесом. В бледном утреннем свете Капити казался темным и угрюмым, в нем не было ничего притягательного. Джим

посмотрел на курчавые волны и смерил взглядом расстояние до острова.

— А как мы туда попадем? — нервно спросил он. — Вплавь?

— Нет-нет. Джордж Фокс, смотритель заповедника, придет за нами на катере, — ответил Брайен и поглядел на часы. — Он будет с минуты на минуту.

Мы выгрузили аппаратуру и расположили ее на берегу, приведя в боевую готовность. Наконец от острова отделилась маленькая точка и запрыгала по волнам в нашу сторону. Джим с растущей тревогой следил, как лихо скачет лодка.

— Меня укачает, — объявил он замогильным голосом.

— Вздор, — возразил Крис. — Разве это волна? И вообще, тут так близко, что тебя просто не успеет укачать.

— В армии меня однажды укачало на грузовике, когда мы переправлялись через Рейн, — важно сообщил Джим.

На короткое время воцарилась тишина, все переваривали это необычайное заявление.

— Я не хотел бы показаться глупее, чем я есть, — осторожно заметил я, — но мне непонятно, как это может укачать на грузовике при переправе через Рейн? Может быть, ты переправлялся на амфибии?

— Нет, — объяснил Джим, — мы ехали по понтонному мосту. И мост качался вверх-вниз, вверх-вниз.

— Ну?.. — нетерпеливо воскликнул Крис.

— Ну и меня укачало, — смиренно сказал Джим.

Я пожал ему руку.

— Горжусь — горжусь знакомством с храбрецом, который пересек реку на грузовике по понтонному мосту, невзирая на морскую болезнь. Теперь понятно, почему мы выиграли войну.

Тем временем катер проскользнул через полосу прибоя и с легким хрустом врезался килем в песок. Из крохотной рулевой рубки выбрался человек, прыгнул через борт и зашагал по воде к нам. Невысокого роста, плечистый, смуглое обветренное лицо и ясные голубые глаза… Это и был

Джордж Фокс. Поначалу он показался мне замкнутым и неразговорчивым, но потом я убедился, что Джордж далеко не со всеми таков. Просто за последнее время в птичий заповедник зачастили натуралисты, и большинство из них не отличалось учтивостью. Неудивительно, что он подозрительно встречал каждую новую партию любителей природы и киношников, пока не узнавал их ближе.

Лодка весело ринулась вперед, спеша одолеть те восемьсот метров, что отделяют Капити от Большой земли. Джим сидел в рулевой рубке, и на его угрюмом лице было написано недоброе предчувствие. Однако мы добрались до маленькой пристани прежде, чем с ним успело случиться что-нибудь страшное.

Вблизи остров выглядел еще неприветливее. Из моря вздымались крутые скалы, отороченные глухим и пустынным на вид темно-зеленым буковым лесом. Мы выгрузили аппаратуру, втащили ее по узкой тропе наверх, вошли в густой сумрачный лес и тотчас услышали барабанную дробь.

Можно было подумать, что какой-то пигмей, спрятавшись в зарослях слева от нас, тихонько что-то выстукивает на крохотном тамтаме. Дробь звучала несколько секунд, потом прекратилась. После небольшого перерыва другой пигмей, укрывшийся где-то справа, выбил ответный сигнал: короткая дробь — и опять тишина. Внезапно со всех сторон зарокотали тамтамы, как бы подтверждая, что послание принято и понято. Дробь отзывалась на дробь, шел сложный, непонятный разговор.

— Скоро пигмеи нас атакуют? — спросил я Брайена, живо представляя себе племя карликов, доведенное до неистовства речитативом военных тамтамов.

Брайен улыбнулся.

— Я же говорил вам, что вы увидите здесь настоящих новозеландских птиц, — ответил он. — Это уэки. Одна из самых любопытных птиц Новой Зеландии. Им всегда надо знать, кто и зачем прибыл на остров. Вы их сейчас увидите.

Тропа вела нас все дальше вверх, и вдруг лес

расступился. На залитой солнцем прогалине стоял чистенький домик Джорджа Фокса. Нас встретила его сестра и сразу покорила наши сердца, предложив нам горячего кофе и домашнего печенья. Сидя на солнышке, мы жадно уписывали пришедшееся очень кстати угощение; вдруг из-за камня высунулась чья-то коричневая голова, с любопытством обозрела меня большими темными глазами и снова исчезла.

— Брайен, — сказал я, — только что вон из-за того камня выглянула какая-то коричневая птица.

— Ага, — отозвался Брайен, жуя печенье. — Это была уэка. Сейчас они все сюда пожалуют. Все новое неудержимо влечет их.

Не успел он договорить, как из зарослей высунулась еще одна коричневая голова, окинула нас проницательным взглядом и тихонько скрылась. Несколько минут продолжалась интенсивная разведка, птицы выглядывали то из-за камня, то из гущи папоротников, наконец решили, что нас можно не опасаться, и в ту же секунду мы оказались в окружении уэк. Это было похоже на волшебство, птицы появлялись из самых неожиданных мест. Осадив нас, они принялись внимательно изучать съемочную аппаратуру — осторожно клевали кожаные сумки и жестяные коробки с пленкой, рассматривали треноги, наклонив голову, и непрерывно о чем-то переговаривались на своем «языке тамтамов»; ни дать ни взять таможенники, разыскивающие контрабанду. Я бы сравнил этих красивых, хотя и несколько угрюмых на вид птиц с огромными коростелями. Походка у них была типичная для пастушков: вытянув шею с любопытным видом, они бережно ставили на землю свои крупные ноги, точно страдали от мозолей. Оперение в верхней части приятного золотисто-коричневого оттенка, с черными крапинками; живот и шея снизу серые; над глазами щегольская серая полоска; клюв и ноги красноватые. Глаза, издали показавшиеся мне почти черными, на самом деле были красновато-коричневыми.

Осмотрев аппаратуру, уэки приступили к исследованию

нашей одежды и обуви. Они легонько тюкали нас клювом по ногам и невозмутимо расхаживали между нами, причем ни на минуту не переставали трещать. Чем-то это походило на чревовещание: стоя подле ваших ног, уэка вдруг начинала стучать, вы даже видели, как она это делает, а звук доносится откуда-то со стороны. Что до невозмутимости, то ее им хватало ненадолго. Стоило бросить на землю горсть крошек, как начиналось постыдная свалка, уэки беззастенчиво отталкивали друг друга и сердито перебранивались.

Все время, что мы находились на Капити, уэки ни на миг не отходили от нас. Они сновали кругом, будто хлопотливые гномы, вмешивались в наши дела, путались у нас под ногами и непрерывно тараторили. Очаровательное общество — но утомительное.

В первые минуты можно было подумать, что уэки — единственные пернатые на Капити, но после того как мы расставили треноги с камерами, начали появляться другие птицы. Первой к небольшой кормушке, сколоченной Джорджем Фоксом, спустилась птица-колокольчик. Перед этим она некоторое время пряталась в листве и развлекала нас упоительным концертом, который состоял из головокружительного каскада чудесных звонких трелей. Мы с нетерпением ждали, когда же покажется певец. Наконец он слетел вниз к кормушке — и мы испытали чувство разочарования, так он смахивал на обыкновенную европейскую зеленушку, если не считать темно-пурпурной окраски головы. Поев и утолив жажду, птица-колокольчик села на ветку над самой кормушкой и дала еще один небольшой концерт. Она так легко, так виртуозно играла на своей восхитительной флейте Пана, что за это ей вполне можно было простить заурядную внешность.

Зато следующая птица буквально поразила меня своей внешностью, потому что я представлял ее себе совсем другой. Это был новозеландский голубь, который весьма лениво и самодовольно описал круг над домом, потом опустился на траву и принялся клевать что-то в метре от меня. Почему-то

мне всегда казалось, что новозеландский голубь должен напоминать обыкновенного вяхиря, разве что окраска будет более изысканной, как, например, у горлинки. Я никак не ожидал увидеть такую огромную — в два раза больше вяхиря — великолепную птицу, с ярчайшей окраской, которая сделала бы честь самому живописному представителю плодоядных голубей. Голова, шея и верхняя часть грудки были сочного золотисто-зеленого цвета с налетом медной патины, а спинка — пурпурная с каштановым оттенком и тоже с патиной. Нижняя часть спинки, надхвостье и часть хвоста — зеленые с металлическим отливом. Хвост — коричневый с зеленым блеском; кроме того, в хвосте и крыльях были отдельные бронзово-зеленые перья. Клюв желтый, а у основания малиновый, веки красные. Словом, не голубь, а вдовствующая герцогиня, надевшая на себя самые яркие наряды. Рядом с таким оперением трава казалась какой-то тусклой, бесцветной.

Я еще любовался голубем, когда внезапно из кустов вынырнул этакий щеголь в зеленом оперении с металлическим отливом и пурпурными блестками, внешностью настоящий артист. Поверх зеленоватого оперения на шее лежали длинные белые нитевидные перья, а горло украшали две маленькие белые пуховки, в точности похожие на изысканно повязанный шарф, которому мог позавидовать любой законодатель мод. Это был туи. Размерами туи примерно с черного дрозда, но если дрозд выглядит толстым и неуклюжим, то туи — живой и стройный, двигается с изяществом и легкостью балерины. Обозрев нас, он посмотрел в одну, затем в другую сторону и выбрал себе место для выступления. С нашей точки зрения выбор был идеальным — туи примостился на голом, сухом суку в нескольких метрах от нас, где очень эффектно вырисовывался на фоне светлого неба. Бросив еще один взгляд в нашу сторону и удостоверившись, что мы слушаем, туи запел. Надо сказать, что с первого же дня нашего пребывания в Новой Зеландии мне превозносили до небес певческие способности

туи. Но ведь в какую страну ни приедешь, всюду есть своя любимая птица, которая поет, как никакая другая птица на свете, и я давно привык критически относиться к подобным уверениям. Тем не менее, послушав несколько минут туи, я решил, что новозеландцы не преувеличивали, а скорее преуменьшали — мне редко доводилось слышать столь совершенное и выразительное пение. Мелодичные трели, журчание и воркование искусно сочетались со звуками, напоминавшими то хриплый кашель, то даже чиханье. Перемежать такие звуки с трелями, так что они кажутся вполне уместными и даже необходимыми, — это ли не верх артистизма!

Очарованные пением туи, мы даже забыли, ради чего, собственно, приехали на Капити, пока нам не напомнил об этом Брайен. Речь шла о стае кака, крупных новозеландских попугаев, которые обитали в лесу, но были приучены прилетать на зов. Джордж зашел в свои домик и вынес горсть липких сушеных фиников. Мы приготовили камеры, он встал возле кормушки и начал звать попугаев.

— Сюда, сюда! — его могучий голос перекатывался между лесистыми холмами. — Сюда, Генри, Люси… Ну, скорей, мои славные… Генри… Люси… ну, сюда, сюда!

Минут пять он кричал впустую, потом вдруг высоко над темно-зеленым пологом леса показалось стремительно летящее пятнышко. Кака спикировал на домик и совершил мастерскую посадку на железную крышу. Здесь я смог как следует рассмотреть его в бинокль. Это была очень крупная птица с необычно длинным и тонким для попугая изогнутым клювом. Голова впереди серая, а цвет перьев вокруг глаз переходил от оранжево-красного вверху к малиновому внизу. Сзади голова коричневая, но с особенным шелковистым переливом и нежными оттенками. Спинка, поясница и надхвостье малиновые, грудь серая, живот малиновый.

Кака решил пройтись по коньку. Шел он, забавно переваливаясь, как ходят все попугаи, причем раз-другой срывался и, чтобы удержать равновесие, начинал хлопать

крыльями. Я разглядел, что с внутренней стороны оперение крыльев ярко-красное в коричневую полоску. Осторожно ступая, кака дошел по коньку до водосточного желоба. За желоб было легче держаться, и попугай заскользил по нему вниз боком, пока не добрался до такого места, откуда ему было удобнее созерцать нашу компанию.

Несколько минут он пристально глядел на нас своими карими глазами, не обращая никакого внимания на мольбы Джорджа, который уговаривал его спуститься. Потом, решив, что под другим углом мы, пожалуй, будем смотреться лучше, он повис вниз головой. Повисел так минут десять, сделал вывод, что мы, несмотря на весьма странный вид, вполне безопасны, расправил крылья и малиновым вихрем опустился на кормушку. Важно расхаживая и приплясывая, кака ел кусочки финика, которыми его угощали мы с Джорджем. В это время из леса вылетели еще два попугая, и спектакль повторился. Они прошлись по крыше, рассмотрели нас под различными углами и наконец спустились к кормушке. Один из вновь прилетевших, совсем молодой птенец, схватив кусочек, тотчас вернулся на крышу домика; родители же остались и скрипучими голосами о чем-то болтали, воздавая должное липкому угощению. Папаша до того разошелся, что взлетел и уселся мне на голову, чем немало порадовал Криса. Однако я вскоре пришел к заключению, что наблюдать птиц, когда большой тяжелый попугай цепляется за вашу голову острейшими когтями и роняет вам на волосы крошки разжеванного финика, — далеко не лучший способ. Да и клюв у него был такой мощный, что я старался непрерывно потчевать попугая, опасаясь, как бы он не отхватил мне ухо. Тем временем Джордж рассказывал историю своих кака.

Стая, которая обычно слеталась на его зов к кормушке, насчитывала семнадцать попугаев. К сожалению, в день нашего визита большинство их, по-видимому, находилось в дальнем конце острова, куда не проникал даже зычный голос Джорджа. Первоначально на «званый чай» прилетали две-три птицы, обитавшие по соседству с домиком. Они быстро

убедились, что поселившиеся в доме люди не только безопасны, но даже готовы угощать их всякими вкусными вещами, каких в лесу не найдешь, и стали прилетать регулярно. Слух о таком изобилии (если только пернатые пользуются слухами) распространился по всей окрестности, и вскоре стоило человеку повысить голос, как на крышу дома пикировали семнадцать попугаев.

Пока Джордж рассказывал, я с интересом наблюдал за птенцом. Он все еще не решался спуститься к родителям и, сидя в довольно опасной позе на крыше, хлопал крыльями и издавал жалобные хриплые крики. После того как самка основательно наелась, она зажала в клюве несколько кусочков финика и отнесла на крышу, где принялась совать их в жадно разинутый клюв своего отпрыска. Птенец астматически сипел от возбуждения и так энергично бил крыльями, что чуть не свалится с крыши. Четыре порции скормила мать юному попугаю; наконец он приобрел задумчивый и слегка надутый вид. Тут, кстати, и запас фиников кончился, и кака, удостоверившись, что мы ничего не утаили, улетели в лес. Птенец потянулся за ними, сипя и хныча, словно избалованный ребенок.

Дневной свет померк, снимать стало невозможно, поэтому мы с неохотой собрали аппаратуру и простились с Капити. Катер пошел через пролив к Большой земле, а я смотрел на остров, который вырисовывался черным силуэтом на фоне золотисто-зеленого заката. И мне подумалось, что, если разобраться, птицы Капити не такая уж диковина. Если животных и птиц повсюду оставят в покое, если они узнают, что людям можно доверять, в мире появится множество Капити; больше того, стоит чуточку постараться, и весь мир может стать сплошным огромным Капити. Вот было бы чудесно!.. Но увы, с горечью сказал я себе, эта мечта вряд ли когда-либо осуществится.

Глава вторая. ТРЕХГЛАЗАЯ ЯЩЕРИЦА

Увы, на первый взгляд картина
опечалила отряд —
Кругом все ущелья да пропасти.
«Охота Ворчуна»

Из Веллингтона мы отправились на Южный остров на пароме. Пока мы наслаждались прелестями морского путешествия, Брайен рассказывал, что на Южном острове есть две вещи, которые ему особенно хотелось бы нам показать, поскольку речь идет о двух примерах успешной борьбы за охрану фауны. Это, во-первых, колония королевских альбатросов на мысе Таиароа, во-вторых, гнездовье желтоглазых пингвинов. После этого, продолжал он, — и глаза его горели организаторским пылом, — мы побываем на островке, где живет одна из самых поразительных рептилий на свете — туатара, она же гаттерия. Ничего не скажешь, от такой программы потекли бы слюнки у любого уважающего себя натуралиста, и мы сошли на берег Южного острова, исполненные энтузиазма.

На пути к полуострову Отаго и мысу Таиароа мы обнаружили, что Южный остров совсем не похож на Северный, хотя сразу было как-то трудно определить, в чем разница. Столько же ферм и ничуть не меньше полей, и все-таки он мне показался более диким и менее населенным. Наверно, это потому, что все время ощущалось присутствие могучих зазубренных вершин, которые тянутся цепочкой вдоль западного берега. Даже когда их не было видно, они как-то давали о себе знать.

Некоторое время дорога шла по берегу моря, и местами открывались изумительные дикие пейзажи. Могучие валы проталкивались к берегу, где причудливыми пластами громоздились плиты серого камня, будто окаменевшие книги из библиотеки какого-нибудь исполина. На некоторых камнях

мы увидели новозеландских котиков; одни лежали кучками, греясь на солнце, другие ныряли со скал в ревущие водовороты, такие неистовые, что просто удивительно, как котики оставались живы.

Полуостров Отаго находится неподалеку от города Данидина, а самый его кончик — это и есть мыс Таиароа. Мы заехали в Данидин, прихватили Стена Кларка, смотрителя заповедника альбатросов, и покатили дальше. Полуостров Отаго представляет собой весьма солидный довесок суши, с виду напоминающий опрокинутую лодку и окаймленный крутыми скалами. На самой макушке, поросшей длинной кустистой травой и открытой всем ветрам, и обосновались королевские альбатросы, едва ли не самые представительные среди морских птиц.

У этого заповедника прелюбопытная история. Стен — высокий, спокойный и мягкий человек — с гордостью поведал мне, как удалось спасти королевских альбатросов.

Обычно альбатросы предусмотрительно выбирают для своих гнездовий окруженные бурными водами уединенные острова, где можно не опасаться хищников, в том числе самого свирепого из них — человека. Но в 1914-1919 годах королевских альбатросов видели летающими над полуостровом Отаго. Они садились на мысе Таиароа, словно проверяя, не годится ли это для монарших яслей, а в 1919 году там нашли первое яйцо. Новость эта взбудоражила орнитологов, ведь это был первый известный случай гнездования королевских альбатросов на главных островах Новой Зеландии. Некий доктор Ричдейл и отделение Королевского географического общества в Отаго принимали все мыслимые меры, чтобы защитить альбатросов от двух опасностей: во-первых, от тех людей, которые крадут яйца, или разоряют гнезда, или побивают камнями взрослых птиц (просто удивительно, сколько на свете находится таких идиотов!), во-вторых, от любителей природы, которые ходили на мыс просто полюбоваться на птиц, яйца и птенцов, не понимая, что потревоженные альбатросы могут вовсе улететь.

Помимо людей альбатросам грозили кошки, собаки и хорьки, уничтожавшие немало птенцов, и даже кролики — они привлекали на мыс хищников, а сами губили растительность и почву. Тем не менее в 1938 году с мыса Таиароа поднялся в небо первый молодой королевский альбатрос. После этого местное портовое управление и министерство внутренних дел решили помочь заповеднику, а жители Данидина по инициативе клуба Ротари собрали 1250 фунтов — это позволило учредить должность смотрителя, которую и занял Стен.

Потребовалось огородить гнездовье, чтобы на этот участок не ходили посторонние; мера совершенно необходимая, хотя она и пришлась не по душе многим из тех, кто помогал создавать заповедник. Постепенно колония росла, и теперь здесь гнездятся двенадцать пар. Если поменьше тревожить птиц, колония будет расти и дальше, альбатросы привыкнут доверять людям, и придет время, когда можно будет открыть свободный доступ посетителям. Сейчас пускать в заповедник большие группы рискованно, можно спугнуть птиц и уничтожить плоды многолетнего труда.

Стен открыл калитку, запирающуюся внушительным висячим замком, и повел нас по узкой тропе, извивающейся сквозь траву по самому краю скалы. Далеко внизу отливало сталью море; по его сморщенной ветром поверхности скользили стаи морских птиц — чайки, поморники, различные бакланы. Потом тропа начала взбираться по склону на горб, и трава стала повыше, но попадались участки дерна с совсем короткой зеленой щеточкой. Стен вдруг остановился и показал рукой: рядом с тропинкой, всего в нескольких метрах от нее, лежал на земле большой клубок пуха. При ближайшем рассмотрении клубок оказался птенцом, который важно восседал на кучке веточек, изображающей гнездо, каким его представляет себе королевский альбатрос. Птенец размером с откормленную индейку был весь покрыт тонким снежно-белым пухом, удачно оттенявшим большие черные глаза и бананово-желтый

клюв. Он плотно сидел на своем гнезде и смотрел на нас, словно рассерженная пуховка. Но стоило нам приблизиться, как птенец начал нервничать, с превеликим усилием взгромоздился на большие плоские ноги, поднял крылья над спиной и защелкал клювом, точно кастаньетами. Снимая его на пленку, мы постоянно помнили о расстоянии: подойдешь слишком близко, и он отрыгнет струйку черной, дурно пахнущей жидкости — его единственное средство защиты — и окатит ею тебя и свою беленькую манишку.

Мы оставили птенца в покое и пошли по тропе дальше вверх. Прикрытое от ветра грудой камня, на дерне примостилось еще одно гнездо. Его обитатель оказался куда более флегматичным, он только взглянул на нас и преспокойно продолжал выполнять нелегкую задачу, которую сам себе задал. Родители, когда сооружали гнездо, набросали кругом изрядное количество веток, и теперь юнец развлекался, проверяя, как далеко он может дотянуться со своего места, чтобы взять ветку и добавить в конструкцию. Очевидно, он давно приступил к делу, потому что около самого гнезда земля была очищена от веток, и ему приходилось тянуться все дальше и дальше, рискуя выкатиться и уподобиться обросшему пухом футбольному мячу.

Я выбрал место, куда птенец не мог доплюнуть, лег на землю и стал наблюдать, как прилежно трудится юный строитель, но скоро запас веточек кончился и малыш, покрутившись в гнезде и убедившись, что в пределах досягаемости строительных материалов больше нет, уселся поудобнее и уставился в пространство, словно размышляя о чем-то серьезном и важном. Тогда я отыскал подходящий прутик и, осторожно подавшись вперед, протянул его маленькому альбатросу. С минуту он пристально глядел на меня, словно изучая, и осторожно взял прутик клювом с видом аристократки, принимающей слегка потрепанный букет из рук сопливого деревенского мальчишки. После секундного раздумья птенец деловито сунул прутик в ту часть

гнезда, которая, по его мнению, нуждалась в починке. Ободренный его милостью, я подобрал другую ветку, подвинулся еще ближе и подал ему. Он взял ее сразу и заметно воодушевился. Примерил ветку с одной стороны гнезда, решил, что здесь она не на месте, вытащил и положил с другой стороны. Лишь после третьей или четвертой попытки он остался доволен результатом и устремил на меня выжидательный взгляд. Каким бы отвратительным я ему ни казался, в роли сборщика прутьев я его устраивал. За десять минут он натыкал в гнездо кучу прутьев и позволил мне приблизиться, так что нас разделял всего какой-нибудь метр. Еще через полчаса мы стали закадычными друзьями, юный альбатрос даже позволил мне поправить две-три ветки, которые легли не совсем удачно (один прутик он по ошибке засунул себе под крыло).

Глядя на пушистого круглого птенца, который так усердно чинил свое гнездо, я просто не мог себе представить, что в один прекрасный день он превратится в красивую белую птицу с черными крыльями и желтым клювом и будет легко парить над волнами, распахнув свои «плоскости» на три с лишним метра. Через десять лет он (или то была она?) достигнет зрелости, найдет себе пару, и они вернутся на мыс Таиароа, чтобы соорудить гнездо и вырастить своего пушистого птенца. Родители будут по очереди насиживать яйцо, и оба будут заботиться о вылупившемся отпрыске. Когда же птенец подрастет и сможет сам за себя постоять, они улетят в море, а через два года вернутся, и все повторится. Королевские альбатросы соединяются в пары на всю жизнь, и возраст самых старых членов колонии — тридцать пять лет, но медленное созревание, долгий срок насиживания яиц (одиннадцать недель. это почти рекорд), а также то обстоятельство, что у альбатросов бывает лишь один птенец в два года, — все это делает процесс создания колонии чрезвычайно длительным, требующим большого терпения.

Неохотно простившись с птенцами, мы пошли по тропе вниз и вдруг увидели одного из родителей: вдали, у самого

горизонта, над седым морем парил черно-белый крест. Он падал и снова взмывал, скользя в воздухе так же легко. как камень скользит по льду. Крылья оставались неподвижными, только тело чуть наклонялось то в одну, то в другую сторону, помогая широким «плоскостям» лучше приноравливаться к воздушным течениям. Мы остановились и долго любовались этим парением, пока альбатрос окончательно не исчез из поля зрения. Тогда мы еще раз помахали на прощание птенцам и покинули заповедник.

Дальше наш путь лежал туда, где, по словам .Стена. находилось одно из гнездовий желтоглазых пингвинов. Эти пингвины — одни из самых красивых представителей отряда, и некогда их было довольно много в районах побережья с благоприятными природными условиями, но всюду, где появлялся человек, они исчезали. Желтоглазые пингвины предпочитают гнездиться вдали от воды, в лесу или в кустах; подле бревна или камня они сооружают себе гнездо из прутиков и жесткой травы. Но люди сводили лес и кустарник; расчищая пастбища для своих драгоценных овец, они уничтожили естественную среду обитания птиц, и число пингвинов пошло на убыль. Если к этому добавить, что фермеры (и не только фермеры) грабили гнезда, разбивали яйца и истребляли беззащитных родителей, — и перед вами в миниатюре то же, что происходит по всему свету: гибнут сотни безобидных видов — птицы, млекопитающие, рептилии.

Стен привез нас на территорию большой овцеводческой фермы. Высокие скалы отгораживали ее от моря, но в этой части полуострова их во многих местах рассекали лощины, заросшие тем самым кустарником, в котором так любят гнездиться пингвины. Владелец фермы (должно быть, один из самых просвещенных фермеров Новой Зеландии) согласился оставить эти лощины в неприкосновенности, и они стали своего рода пингвиньим заповедником. Заодно — все равно он тут жил — фермер вызвался быть общественным смотрителем заповедника. До этого гуманного и разумного

шага численность пингвинов сократилась до каких-нибудь нескольких сот. В первые же годы создания заповедника начался прирост, и теперь здесь около двух тысяч пингвинов. Стен опасался, что мы никого не увидим, так как, выведя птенцов, пингвины большую часть времени проводят в море и ловят рыбу. Это нас не остановило, мы спустились по одной из лощин и вышли на длинный пляж, усеянный множеством обкатанных морем камней с бахромой из зеленых водорослей. Пробираясь между камнями, мы внимательно изучали и лощины и море — разве угадаешь, где могут оказаться пингвины. Прошло полчаса, а мы все еще ничего не заметили, если не считать нескольких чаек и бакланов. Я уже решил, что впервые в Новой Зеландии нам не повезло и мы не найдем искомого. Вдруг Стен, стоя на высоком камне, показал на море.

— Есть один! — торжествующе воскликнул он. — Плывет к берегу!

Мы с Брайеном живо взобрались к нему по скользкой грани.

— Точно, — самодовольно подтвердил Брайен. — Он выйдет на берег метрах в пятидесяти отсюда.

Я напряг зрение, но мои глаза не могли сравниться с глазами Брайена и Стена, пришлось прибегнуть к биноклю, да и то я различил лишь голову, которая на таком расстоянии напоминала пучок соломы, быстро скользящий к берегу.

Мы терпеливо подождали на камне, пока пингвин не достиг мелководья и не вышел на сушу в полусотне метров от нас, как и предсказал Брайен. С типичным для пингвинов серьезным видом он зашлепал через пляж. По совету Стена мы дали ему подняться на бугор в устье лощины, прежде чем начинать погоню. Отлогий бугор представлял собой груду больших и малых камней, за которой начинались трава и кустарник. Я думал, что пингвин будет пробираться между камнями — ничуть не бывало. Он постоял, собираясь с силами, потом одним прыжком вскочил на первый камень и остановился с торжествующим видом, покачиваясь, будто

был под хмельком. Затем прикинул расстояние до следующего камня и снова прыгнул, уповая скорее на удачу, чем на точный расчет. Один за другим следовали лихие прыжки. Иногда пингвина подводил глазомер, и он, приземлившись на камне, расправлял крылья, судорожно пытаясь удержать равновесие, но в конце концов грациозно съезжал вниз и пропадал из виду. Немного погодя он вновь показывался и храбро карабкался вверх, чтобы повторить попытку. Мне было абсолютно непонятно, почему пингвин избрал столь сложный и утомительный способ движения. Если бы он шел между камней, то достиг бы цели куда скорее и без ущерба для собственного достоинства.

Желтоглазый ушел так далеко от моря, что теперь, хотя бы и заметил нас, не успел бы спастись бегством. Поэтому я быстро поднялся на бугор и сквозь кусты прополз на четвереньках туда, где, по моим расчетам, он должен был появиться. Здесь я распластался на траве, стараясь слиться с окружающей растительностью. Я надеялся засечь пингвина на макушке бугра, до которой от меня было метров шесть.

Не сводя глаз с заветной точки, я прикидывал, каким способом лучше всего поймать этого прыгуна, чтобы мы потом могли снять его крупным планом, и вдруг его голова высунулась из-за кочки в каких-нибудь полутора метрах от меня. Не знаю, кто из нас больше удивился. Пингвин, не веря своим глазам, уставился на меня, я таращился на него. Ведь я его видел только издали и совершенно не представлял себе, до чего он хорош. Перья на макушке — ярко-желтые, с поперечной черной полосой посередине; зеленовато-желтое пятно вокруг глаза переходило в полосу такого же цвета, опоясывающую всю голову; на коричневатом клюве — пепельно-голубые крапинки; глаза — лимонно-желтые.

Я замер неподвижно, в надежде, что желтоглазый примет меня за камень или куст, хотя шансов на это было очень мало. Пингвин подозрительно осмотрел меня, наклонил голову в одну, в другую сторону, как бы проверяя свое впечатление, и наконец решил, что я — какой-то не совсем

обычный, но вполне безобидный кусок дерева. Последнее усилие — он выбрался наверх и остановился, взмахивая крыльями и часто дыша. Теперь было видно, что спина у него дымчато-голубая, а крылья черноватые, с красивой желтой каймой. Манишка сверкала такой чистой, незапятнанной белизной, что какой-нибудь фабрикант стиральных порошков не сдержал бы слез восторга при виде такого зрелища. Широкие плоские ноги розоватого цвета заканчивались на редкость большими коричневыми когтями, которые, насколько я мог понять, помогали пингвину передвигаться по камням. Постояв и отдышавшись, он повернулся и целеустремленно зашагал вразвалку вверх по лощине. Я бесшумно встал, несколькими прыжками настиг его и схватил. Одной рукой я стиснул его шею сзади, полагая, что клюв дан желтоглазому не для украшения. Пингвин повернул голову, с ужасом воззрился на меня и испуганно пискнул. Ласково приговаривая что-то, я зажал под мышкой его тучное тело и, продолжая крепко держать шею, спустился на пляж к ожидавшим меня друзьям.

После того как все вдоволь повосхищались моим пленником и необходимые фотоснимки были сделаны, нужно было как-то поладить с пингвином, чтобы снять кадры для нашего фильма. Мы уже зафиксировали, как он выходил из моря и как поднимался на бугор, но издали; теперь нам хотелось запечатлеть его прыжки крупным планом. Совершенно неожиданно для нас пингвин не стал артачиться. Мы опустили его на песок в нескольких метрах от камней, и он сразу направился к ним. Минут пять мы снимали, как пингвин прыгал с камня на камень, и хотя ему, наверное, казалось, что он делает это с грацией серны, на самом деле он частенько оступался и шлепался на живот или же опрокидывался назад и, отчаянно махая крыльями, исчезал в какой-нибудь щели.

Отсняв требуемое, мы решили, что с нашей стороны было бы неблагородно заставлять пингвина заново проделывать столь трудное восхождение, поэтому я взял его

на руки и отнес в глубь лощины, куда он первоначально направлялся. Здесь я посадил его на траву. Он вопросительно посмотрел на меня. Я шлепнул его раз-другой сзади, чтобы подбодрить; пингвин неуверенно сделал несколько шагов и опять оглянулся, как бы сомневаясь — стоит ли идти дальше, вдруг я брошусь вдогонку и снова его схвачу?! Но я стоял неподвижно, тогда желтоглазый, решив, что ему больше не грозят никакие неприятности, засеменил к зарослям, аккуратно переступая через кочки, и вскоре пропал из виду. Я глядел ему вслед и вопрошал себя, каким жестоким надо быть, чтобы убивать этих красивых и безобидных птиц или хотя бы разорять их гнезда. Одно меня утешило: здесь, в этом нетронутом уголке побережья с уходящими в глубь острова зелеными, приветливыми лощинами, пингвины в безопасности.

Мы вернулись в город, высадили Стена около его дома и поехали назад по той самой дороге, которая привела нас в Данидин. Нашей целью был Пиктон, порт в северной оконечности Южного острова; оттуда нам предстояло совершить экскурсию на острова Бразерс.

Благополучно добравшись до Пиктона, мы утром спустились на пристань и отыскали судно, которое должно было доставить нас на Бразерс. Нашим глазам предстал маленький, неказистый катер с рулевой рубкой чуть побольше спичечной коробки. Джим, обвешанный аппаратами, словно рождественская елка игрушками, смотрел на эту скорлупку с явным беспокойством.

— Мы отправимся на этой калоше? — спросил он.

— Да. Тебе не нравится? Премилое суденышко, — сказала Джеки, и я заметил, как поморщился владелец катера.

— Очень уж маленькое, — сказал Джим. — И каюты нет.

— Нам всего-то час-другой идти. И зачем тебе каюта, скажи на милость?

— Но ведь куда-то надо же пойти, когда тебя начнет мутить, — с достоинством произнес Джим.

— А ты валяй через борт, — сказал бессердечный Крис.

— Лично я предпочитаю, чтобы это происходило не на глазах у людей, — возразил Джим.

— Тогда накрой голову пиджаком, — не унимался Крис.

— Шевелитесь, шевелитесь, пора трогаться, — поторопил нас Брайен, бегая взад и вперед с вещами.

Мы завершили погрузку аппаратуры и втиснулись сами.

Капитан отдал швартовы, пустил мотор, и катер понесся по бухте Королевы Шарлотты. Шлюпка скакала и подпрыгивала в кильватере, словно игривый щенок, ловящий хвост матери.

Гладкие воды бухты напоминали голубое зеркало, в котором с обеих сторон отражалась череда холмов с жухлой, пожелтевшей растительностью. Мы устроились на крохотной носовой палубе, нежась в лучах бледного солнца, высматривали птиц. Вот когда Брайену представился случай отличиться — феноменальное зрение позволяло ему заметить и опознать птицу задолго до того, как мы могли что-либо различить среди голубых бликов на шелковистой воде. К счастью, большинство попадавшихся нам птиц были сравнительно непуганые, и они подпускали нас довольно близко.

Первыми (и самыми многочисленными), кого мы увидели, были буревестники-ласточки — небольшие изящные птицы с черновато-коричневым верхом, белым низом и пепельно-серыми пятнами на голове. Буревестники плавали стайками по четыре-пять штук. Подпустив катер метров на пять, они снимались и летели стремительными зигзагами над самой водой, часто-часто работая крыльями; за этот полет их и назвали ласточками. Мы решили постараться и заснять хорошие кадры с буревестниками, но в это время Брайен указал мне на какой-то странный округлый предмет на поверхности воды.

— Пингвин! — коротко бросил он.

Я недоверчиво взглянул на шар — ничего общего с известными мне птицами! Вдруг «мячик» повернулся, и я

увидел, что из него торчит клюв. Это и в самом деле был пингвин, который плыл под водой, выставив наружу голову, будто перископ.

Катер подошел ближе, и мы различили в прозрачной воде тело птицы, а также работающие ноги и ласты. Сбылась моя давнишняя мечта; передо мной был малый пингвин, самый мелкий представитель этого своеобразного отряда. Рост этого толстяка менее полуметра; у него невообразимо белая, сверкающая манишка, а все остальное оперение чудесного синего цвета, который красиво оттеняется белой каймой на крыльях.

Обнаруженный нами пингвин вел себя скорее осторожно, чем робко. Он то подпустит катер метров на десять, то нырнет, рассекая толщу воды, словно торпеда, оставляя позади цепочку серебристых пузырьков, то уйдет вперед, а затем всплывет и лежит на поверхности, с любопытством обозревая нас, пока мы его опять не настигнем. Через некоторое время к нему присоединилось шесть или семь собратьев, и они несколько километров сопровождали нас, будто какой-нибудь почетный караул. Прелестные птицы; чем больше мы на них смотрели, тем сильнее они нам нравились. Правда, иногда их соседство действует на нервы, в чем нам вскоре пришлось убедиться.

Примерно через час хода мы обогнули мыс и увидели ворота бухты Королевы Шарлотты, а за ними простирался широкий пролив Кука. Голубая гладь переходила в ярко-синее с переливами открытое море, расцвеченное пятнами и полосами белой пены.

— Похоже, нас ждет небольшая волна, — весело крикнул наш капитан.

При этих словах Джим, который до сих пор лежал на спине, закрыв глаза и блаженно улыбаясь, сел и тревожно поглядел вперед.

— Силы небесные, — сказал он, — это мы туда пойдем?

— Меня беспокоит другое, — заметил Брайен. — Если волны большие, мы не сможем высадиться ни на Бразерс, ни

на Уайт-Рокс!

— Меня это не беспокоит, — сказал Джим. — Ни капельки. Давайте повернем назад и поснимаем пингвинов.

— Ну что вы, разве это волна, — успокоил нас капитан.

В эту минуту мы пересекли демаркационную линию, отделяющую тихие воды залива от буйных вод пролива. И тотчас катер, словно пугливая лошадь, попытался встать на голову, и на нас обрушился каскад брызг. Мы поспешно покинули палубу и забились в рулевую рубку — все-таки какая-то защита.

— Это сумасшествие, это полнейшее безумие, — твердил Джим, силясь сохранить равновесие и уберечь от морской волны линзу кинокамеры.

— Дует самую малость, — с довольным видом сказал капитан. — Правда, из-за этого трудновато будет высадиться на Уайт-Рокс.

— А как мы будем высаживаться?

— спросил Джим.

— На шлюпке, — ответил капитан.

Джим поглядел через корму назад — как раз в этот миг крохотная шлюпка на конце буксирного каната совершенно скрылась за очередной волной.

— Трудновато…— задумчиво произнес Джим. — Давненько не встречал я такого мастера преуменьшать.

Для того, кто привык ходить на малых судах, волнение было пустячным, но для человека с повышенной восприимчивостью к морской болезни это была настоящая буря. И все же я понимал капитана — если нет надежной якорной стоянки, в такую погоду и в самом деле будет нелегко высадиться на торчащую из воды почти отвесную скалу.

Вскоре сквозь побеленные солью иллюминаторы мы увидели Уайт-Рокс, и я воочию убедился, какие трудности нас ожидают. Над водой возвышалась средних размеров пирамида с шишковатой макушкой. Вверху камень казался белым от помета многочисленных поколений морских птиц,

это придавало острову вид неумело выпеченного рождественского пирога, кое-как покрытого сахарной глазурью. Капитан обогнул остров и подошел со стороны моря к выемке, которую даже с натяжкой нельзя было назвать бухтой. Он сбавил ход до самого малого, а помощник подтянул к качающемуся катеру шлюпку. При таком волнении перейти в нее было непросто, а если еще нагрузиться хрупкой, но увесистой аппаратурой, требовалась поистине обезьянья ловкость. И когда Джим споткнулся, я решил было, что он сейчас ухнет в воду вниз головой и, увлекаемый тяжестью своего груза, пойдет ко дну.

Одного за другим — Криса, Джима, Брайена и меня — отвезли к подножию скалы и высадили на пляж размером не больше обеденного стола. Боюсь, что для пятого человека здесь уже не нашлось бы места.

Со слов Брайена мы знали, что королевские бакланы гнездятся на маленькой площадке на вершине Уайт-Рокс; чтобы попасть туда, надо было взобраться по скале, у которой мы стояли. Джим поглядел на почти вертикальную стенку и закатил глаза. Вообще-то подъем оказался не таким уж сложным — ветер и дождь, источив поверхность, понаделали в ней множество выемок и ступеней. Опасность заключалась в структуре породы — хрупкий камень крошился, словно сухой бисквит, его буквально можно было ломать голыми руками, поэтому каждую ступеньку приходилось проверять и дважды, и трижды. Риск усугублялся еще и тем, что ветер сыграл роль точильного камня и довел каждый выступ до остроты бритвенного лезвия.

С трудом мы одолели стенку, а когда добрались до верха, нас встретил такой сильный ветер, что мы едва не свалились в море вместе со своей аппаратурой. Вершина, за которую мы цеплялись, находилась примерно в полусотне метров над водой. Справа от нас нависала плита, напоминающая гроб; слева метров на семьдесят протянулся разрушенный гребень, который заканчивался довольно ровной площадкой размером пятнадцать на шесть метров.

Там-то и разместилась колония королевских бакланов. На камне между гнездами сидело десятка два птиц. Едва мы высунули головы из-за края скалы, как птицы заковыляли к противоположному краю, взлетели и закружили около нас. У каждой из них на спине светилось, словно автомобильные фары, по два белых круглых пятна. Описывая все более широкие круги, бакланы поднимались ввысь, пока не превратились в точки на фоне голубого неба. Брайен заверил нас, что они скоро вернутся, и Джим, который мигом оценил кинематографические возможности ситуации, выполз на гробоподобный выступ и улегся там, сколько ему ни твердили, что выступ может обломиться под его тяжестью и тогда лететь ему пятьдесят метров до моря. Таков Джим: он будет изо всех сил внушать вам, что он последний трус, а стоит ему взять в руки камеру — и он готов пойти на такой риск, что кровь стынет в жилах.

В ожидании бакланов мы съежились на резком ветру, стараясь, поелико возможно, слиться с камнем. Тем временем я навел бинокль на гнезда и принялся их разглядывать. Они были круглые, диаметром около полуметра и высотой примерно сантиметров двадцать, сделаны из растений и водорослей, слепленных пометом. Гнезда каждый год надстраиваются, поэтому некоторые из них заметно выше других. Уайт-Рокс, разумеется, лишен всякой растительности, он гол, как бильярдный шар, поэтому за строительным материалом птицам приходится летать на соседние островки. Перечень растений, используемых бакланами для гнезд, кажется заимствованным у Льюиса Кэрролла: ветки таупаты, цинготная трава и мезембриантемум.

Бакланы не спешили возвращаться, и Брайен встревожился — погода явно ухудшалась, и перед нами возникла дилемма: либо отправиться восвояси, ничего не засняв, либо махнуть рукой на то, что катер может уйти, и остаться на необитаемом острове. Последняя перспектива нам вовсе не улыбалась, ибо даже самый закаленный спартанец вряд ли согласился бы провести ночь на Уайт-Рокс. Но тут мы

увидели кружащих в небе бакланов. На фоне темного оперения отчетливо выделялись ослепительные белые пятна «фар». Бакланы опускались все ниже, наконец один, самый храбрый, спикировал и сел подле гнезд. Его пример ободрил остальных, и через несколько минут вся стая присоединилась к храбрецу.

Камера Джима жужжала вовсю, а я тем временем наблюдал птиц в бинокль. Они были величиной с европейскую олушу, но с типичной для бакланов вертикальной посадкой. Спина очень красивого сине-зеленого цвета с металлическим отливом, манишка белая; кожа в основании клюва и вокруг глаз ярко-оранжевая и голубая. Взмахивая крыльями, бакланы ходили вразвалку между гнездами и подкладывали в них кусочки водорослей, причем не стеснялись воровать строительный материал у соседей, стоило тем засмотреться. Один рослый птенец, еще не сменивший своего серенького «юношеского» оперения, кружил по гнезду за матерью и назойливо выпрашивал у нее корм, разинув клюв и часто хлопая крыльями. Наконец мамаша, утомленная преследованием, остановилась и распахнула клюв; с радостным пронзительным криком птенец буквально нырнул ей в горло, так что вся голова и часть шеи исчезли в глотке родительницы. При этом он так отчаянно бил крыльями, что она с трудом сохраняла равновесие. Казалось, птенец вознамерился выпотрошить свою мать: Наконец, когда она, видимо, отрыгнула все, что было у нее в запасе, он неохотно выдернул голову обратно и сел, щелкая клювом и удовлетворенно попискивая и покряхтывая. Мамаша с явным облегчением отошла в сторону, выдернула из соседнего гнезда клок водорослей, чтобы отвести душу, и принялась ремонтировать свою обитель Ветер все крепчал, и далеко внизу было видно, как подпрыгивает и качается на волнах наш катер, круживший около острова. Все, что требовалось, было заснято, и благоразумие подсказывало нам покинуть Уайт-Рокс, пока это еще в наших силах. Спуск оказался куда рискованнее, чем подъем, однако мы

благополучно достигли крохотного пляжа — исцарапанные и обессиленные, но невредимые. Когда мы погрузились на катер и пошли от острова, несколько бакланов снялись со скалы, пролетели над нами, сделали вираж и вернулись к гнездовью. Я спрашивал себя, сколько еще просуществуют эти чудесные морские птицы, ведь во всем мире есть только два гнездовья королевских бакланов, причем Уайт-Рокс вряд ли можно назвать желанной обителью — каждый год прожорливые стихии отгрызают еще один кусочек острова. К тому же в Новой Зеландии среди различных видов бакланов есть и такие, которые, по словам рыбаков, наносят ущерб рыболовному промыслу, а потому их разрешено отстреливать в определенных районах, и один из этих районов находится как раз по соседству с Уайт-Рокс. Обыкновенный рыбак, не натуралист, не больно-то разбирается, какой баклан королевский, а какой нет, да его это меньше всего интересует. Он знает, что все бакланы едят рыбу, значит, их надо стрелять, так что будущее королевского баклана по меньшей мере неопределенно.

Примерно через полчаса хода мы сквозь забрызганные пеной иллюминаторы рулевой рубки увидели на горизонте два каменных горба, один побольше, другой поменьше, вроде верблюжьих. Я вышел на палубу и поглядел в бинокль на нашу цель. Меньший горб оказался попросту голой, безжизненной глыбой, только белая оборка прибоя несколько оживляла картину; зато на втором я рассмотрел какую-то растительность, и на краю острова вырисовывались очертания маяка. Так вот они, Бразерс, где (если мы сможем высадиться) я увижу рептилию, известную под именем *Sphenodon punctatus,* или туатара! Брайен заблаговременно запросил телеграммой Алена Райта, который вместе с двумя товарищами обслуживал маяк, не смогут ли они приютить нас дня на два, а также не возьмется ли Ален поймать для нас пару туатар. Вторая просьба объяснялась тем, что наш визит в Новую Зеландию в общем-то подходил к концу и мы могли посвятить островам Бразерс не больше двух дней, поэтому

нам вовсе не хотелось тратить драгоценное время, гоняясь с кинокамерой за юркими туатарами. В ответ пришла телеграмма, гласящая, что Ален Райт готов нас приютить и постарается что-нибудь сделать с туатарами, и не может ли Брайен поставить за него десятку за и против рысака по имени Бурное веселье, чьи шансы на победу в предстоящих бегах оценивались соотношением сто к одному. Брайен остался вполне доволен ответом Алена, я же воспринял несерьезный тон послания как дурное предзнаменование. Однако нам оставалось только ждать, как все обернется.

Подойдя поближе к «старшему брату», мы увидели вздымающиеся из моря отвесные скалы высотой до семидесяти метров. На площадке возле обрыва примостился маленький кран, похожий, как и все краны, на сюрреалистского жирафа. Катер направится к подножию скалы, и мы разглядели вверху, возле крана, группу из трех человек. Они как-то рассеянно помахали нам, мы помахали в ответ.

— Насколько я понимаю, этим краном на остров поднимают грузы? — спросил я Брайена.

— Этим краном на остров поднимают все, — сказал он.

— Все? — переспросил Джим. — Что вы имеете в виду?

— Если вы хотите попасть на остров, придется воспользоваться краном. Правда, снизу наверх ведет тропа, но в такую волну на берег не высадишься. Ничего, сейчас спустят сеть и в два счета вас поднимут.

— Как вы сказали — нас втащат на эту скалу сетью? — удивился Джим.

— Вот именно, — ответил Брайен.

В эту секунду капитан сбавил ход, и катер лег в дрейф, качаясь на зелено-голубых валах метрах в семи-восьми от зазубренных камней, на которые накатывался белопенный прибой. Высоко над головой у нас показалась стрела крана, а под ней на крайне непрочном с виду тросе болталась сеть, похожая на огромный мелкий сачок. Кран заскрипел, заскрежетал, завизжал, так что было слышно даже сквозь гул

ветра и прибоя, и сеть пошла вниз. Джим обратил на меня взгляд, исполненный муки, и, должен сказать, я ему сочувствовал. Я не переношу высоты, так что мне тоже не улыбалось совершить подъем на скалу в сетке, подвешенной к крану, который к тому же, судя по звуку, изрядно одряхлел и много лет не видел смазки. Кутаясь в теплое пальто, Крис, как никогда похожий на недовольного герцога Веллингтона, развил бурную организаторскую деятельность, причем глаза его горели одержимостью точно так же, как глаза Брайена в подобных ситуациях.

— Вот что, Джим, ты отправишься первым и установишь камеру рядом с краном, чтобы заснять Джерри и Джеки, когда их втащат наверх, — распорядился он. — Затем поднимусь я и сниму из сети катер, а за мной с остальной аппаратурой последуют Джерри и Джеки. Идет?

— Нет, — ответил Джим. — С какой стати я должен быть первым? Представь себе, что эта штука сломается, когда я буду у самой цели. Ты успел рассмотреть камни там, внизу?

— Если сломается, тем лучше, мы будем знать, что кран ненадежный, и отправимся обратно в Пиктон, — мягко сказала Джеки.

Джим испепелил ее взглядом и неохотно ступил на сеть, которая уже опустилась на крохотную палубу. Капитан помахал рукой, послышался ужасающий скрежет терзаемого металла, и наш оператор, отчаянно цепляясь за ячею, медленно вознесся вверх вместе с непрерывно вращающейся сетью.

— А вдруг его одолеет морская болезнь? — осведомилась Джеки.

— Как пить дать одолеет, — безжалостно ответят Крис. — Насколько мне известно, он везде болеет морской болезнью: в поезде, на машине, в самолете. Значит, и здесь она его не минует.

Половина подъема была уже позади, а сеть не переставала вращаться, и через ячею мы могли видеть побелевшее лицо Джима.

— Мы все с ума сошли! — донесся до нас его голос сквозь шум прибоя и адский скрежет крана. Джим кричал еще какие-то оскорбительные слова, но тут сеть исчезла за краем скалы.

Немного погодя она появилась вновь и легла на палубу; теперь в нее с видом стоика шагнул Крис. Он просунул свой нос и линзу кинокамеры в ячею и, едва сеть оторвалась от палубы, принялся снимать. Трос увлекал его выше и выше, съемка продолжалась, но вдруг, посередине между катером и краном, сеть остановилась. Мы с тревогой смотрели на нее, но прошло минут пять, а Крис висел на том же месте, описывая вместе с сетью все меньшие круги.

— Как, по-твоему, что случилось? — спросила Джеки.

— Не знаю. Может, Джим заклинил лебедку, чтобы отомстить Крису.

Не успел я договорить, как кран снова заработал, Крис возобновил свой величавый полет и скрылся наверху. Уже потом мы узнали, что Джим поставил треногу с камерой на самом ходу, где они мешали повернуть стрелу, а так как Ален Райт решил, что оператору нужна именно эта точка, он предоставил Крису болтаться в воздухе. Лишь когда Джим отошел от камеры, выбрал камень поудобнее, сел, вытащил из кармана плитку шоколада и принялся уплетать, Ален сообразил, что напрасно заставил Криса парить в воздухе, словно сказочную фею. Треногу отодви-нули, и Крис ступил на площадку, громогласно требуя объяснить, почему его так долго держали в подвешенном состоянии между небом и землей.

Сеть еще раз отправилась вниз, мы погрузили аппаратуру и неохотно заняли места.

— Вот увидишь, мне это не доставит ни малейшего удовольствия, — убежденно сказала Джеки.

— Если станет страшно, закрой глаза.

— Дело даже не в высоте, — объяснила она, глядя вверх. — Меня смущает этот трос.

—А что тут смущаться, — бодро сказал я. — Ведь он не

первый год поднимает грузы.

— Это-то меня и пугает, — мрачно произнесла она.

— Ну, теперь уже поздно, — философски заключил я.

В ту же минуту послышался леденящий душу вой лебедки, и мы понесись вверх со скоростью современного лифта. Из-за широкой ячеи у нас было неприятное чувство, будто мы летим в воздухе без всякой опоры. Кружась вместе с сетью, мы видели, как внизу на острые камни обрушиваются волны. Катер был словно игрушечный, а вершина скалы казалась намного выше Эвереста. Но вот мы достигли края, стрела повернулась и бесцеремонно швырнула нас на камни.

Мы выкарабкались из сети и выгрузили аппаратуру; в это время к нам подошел оператор крана — рыжеволосый, веснушчатый, с яркими голубыми глазами.

— Ален Райт, — представился он. — Рад познакомиться.

— Были минуты, — сказал я, поглядывая на кран, — когда я сомневался, что наше знакомство состоится.

— Ну, что вы, — рассмеялся Ален, — на него вполне можно положиться. Немножко мяукает, когда его нагрузишь, а так ничего.

Заключительную часть пути до маяка наши вещи проделали на своеобразной длинной тележке, которую тянула вверх по склону лебедка с тросом. Мои товарищи пошли пешком, а мне захотелось прокатиться, и я уселся на камеры. Где-то на полпути, оглянувшись назад, я вдруг сообразил, что этот способ передвижения в общем-то так же опасен, как подъем в сети. Ведь если лопнет трос, тележка под действием груза покатится назад по рельсам и вымахнет со скалы в воздух, словно ракета. Я облегченно вздохнул, когда мой экипаж остановился возле маяка.

Как только аппаратура была благополучно сложена в деревянном домике, призванном служить нам и жильем и складом, я нетерпеливо обратился к Алену:

— Скажите, вам удалось поймать для нас туатару?

— Конечно, — небрежным тоном ответил он. — Все в

порядке.

— Чудесно, — произнес я с воодушевлением. — Можно на нее посмотреть?

Ален лукаво поглядел на меня.

— Конечно. Пошли.

Он отвел Джеки, Криса и меня к маленькому сараю, который стоял неподалеку от нашего домика, отпер дверь и распахнул ее.

На мою долю выпадали всякие зоологические сюрпризы, но я сейчас не припомню случая, чтобы я был так ошеломлен, как в тот раз, когда заглянул внутрь сарайчика на Бразерс. Я приготовился увидеть одну туатару, а на самом деле весь пол был буквально вымощен рептилиями. Тут были и прадедушки на полметра, и младенцы длиной сантиметров пятнадцать. Ален посмотрел на мое лицо, на котором восторг смешался с недоверием, и подумал было, что я в ужасе.

— Надеюсь, я не перестарался, — тревожно сказал он. — Но ведь вы не сказали, какие туатары вам нужны и сколько, поэтому я решил наловить всяких.

— Дружище, — вымолвил я чуть слышно, — вы не могли доставить мне большей радости. Я говорил себе — дай Бог увидеть хотя бы одну туатару, а вы раздобыли мне целый легион. Просто невероятно. Долго вы их ловили?

— Да что вы, — ответил Ален. — Вчера вечером всех и поймал. Я откладывал до последней минуты, чтобы не держать их слишком долго в неволе. Надеюсь, вам хватит для ваших съемок?

— А сколько их тут всего? — спросил Крис.

— Да штук тридцать наберется, — сказал Ален.

— Что ж… Постараемся на худой конец обойтись тремя десятками, — милостиво заключил Крис.

Мы вернулись к маяку ликующие, а после отличного ленча вновь отправились к туатарам, чтобы отобрать будущих звезд. Удивительно интересно было сидеть в полутьме на карточках среди любопытствующих рептилий. Все детеныши были ровного шоколадно-коричневого цвета — защитная

окраска, которую они сохраняют, пока не вырастут. Но больше всего меня поразила окраска взрослых туатар. До сих пор мне приходилось видеть туатар только в зоопарках, где они содержатся в павильонах с температурой, не превышающей 27-30 градусов, — такая температура абсолютно не подходит несчастным узникам, которые с горя становятся бурыми. А теперь передо мной были только что отловленные экземпляры, и они выглядели так, как положено выглядеть туатарам. Мне они показались прекрасными. Основная окраска кожи зеленовато-бурая, с серовато-зелеными и зеленовато-желтыми пятнами и полосами. Вдоль спины от головы до основания хвоста тянется гребень (причем у самца он шире и выше, чем у самки), он состоит из маленьких треугольников белой кожи, плотностью напоминающих толстую бумагу. Хвост украшают твердые шипы такой же формы, но если они по цвету не отличаются от хвоста, то гребень будто только что прошел отбелку. Самцов отличает тяжелая, царственная голова и огромные черные глаза — настолько большие, что они напоминают совиные. Поразмыслив, мы выбрали трех туатар: великолепного самца, бойкую самку с четкой раскраской и детеныша. Всех остальных мы пока надежно заперли — прежде всего потому, что до ночи их нельзя было выпускать, а кроме того, не мешало иметь дублеров на тот случай, если какая-нибудь из «звезд» удерет во время съемок. Правда, наши опасения не оправдались, туатары отлично себя вели перед камерой и делали все, что от них требовалось.

Для человека непосвященного туатара — попросту крупная, внушительного вида ящерица; на самом же деле — и этим объясняется, почему натуралисты вроде меня не могут равнодушно смотреть на нее, — туатара вовсе не ящерица. Своим строением она настолько отличается от ящериц, что, когда туатару открыли, для нее учредили особый подкласс *Rhynchocephalia,* что означает «клювоголовые». А вскоре выяснилось к тому же, что туатара — настоящее, *живое* доисторическое чудовище, последний представитель некогда

широко распространенной группы, обитавшей в Азии, Африке, Северной Америке и даже Европе. Большинство найденных скелетов относится к триасовому периоду, им около двухсот миллионов лет, и по ним можно судить о необыкновенном сходстве клювоголовых той поры и нынешних туатар. Столько лет оставаться практически неизменным — назовите мне другого такого консерватора! Многих поражает еще и то, что у этого красивого животного есть «третий глаз», помещающийся на темени между двумя настоящими глазами, но как раз эта особенность вовсе не так примечательна, чтобы о ней стоило столько говорить, ведь теменной глаз можно найти у многих ящериц, да и у других животных тоже.

У детеныша туатары, только что вылупившегося из яйца, рыло заканчивается своеобразным «клювом» (который помогает разорвать напоминающую пергамент скорлупу), и теменной глаз виден совершенно отчетливо. Он представляет собой голое пятнышко, окруженное чешуями, которые расположены подобно цветочным лепесткам. Со временем «третий глаз» зарастает чешуей, и у взрослых туатар его уже не разглядеть. Исследователи неоднократно пытались выяснить, есть ли туатаре какая-нибудь польза от теменного глаза. На него воздействовали лучами разной частоты, проверяли, воспринимает ли он тепло, но все результаты оказались отрицательными. Так и живет туатара со своими тремя глазами, ставящими в тупик биологов, живет на радость тем натуралистам, которым посчастливится ее увидеть. Прежде эти рептилии встречались и на двух главных островах Новой Зеландии, но там их давно истребили, и теперь их осталось совсем немного на некоторых островках в прибрежной полосе (таких, как Бразерс), где они охраняются государством, — мера вполне оправданная.

Съемки закончились к закату, и тут совершенно неожиданно для себя мы обнаружили, что Бразерс — это не просто полуголые каменные глыбы, населенные одними лишь смотрителями маяка да туатарами. Откуда-то появились стаи

пингвинов и запрыгали вверх по скале к своим норам, время от времени останавливаясь, чтобы запрокинуть голову и издать громкий крик, похожий на рев маленького, но на редкость восторженного осла. Потом начали слетаться похожие на ласточек изящные маленькие качурки. Любопытно, что туатары наладили своеобразное сожительство с этими птицами: качурки роют себе норы, чтобы откладывать яйца, а туатары вселяются в эти норы и живут там, по всем признакам, в полном согласии с хозяевами. Дело в том, что большую часть дня качурка проводит в море, охотясь за планктонными рачками, нора ей нужна только ночью, во всяком случае, пока она не насиживает яиц. А туатары выходят на охоту по ночам, когда они ловят жуков, сверчков и прочих насекомых. Вот и получается, что когда качурки (дневная смена) на закате летят домой, туатары (ночная смена) как раз покидают квартиры. Похвальное сосуществование, хотя и несколько странное. Туатары вполне способны сами вырыть себе нору (и они это часто делают), однако качурки, по-видимому, нисколько не возражают против жильцов. Правда, еще не выяснено, как туатары относятся к яйцам и птенцам качурки, но я не удивлюсь, если окажется, что они их едят — рептилии не очень-то совестливы.

Итак, едва солнце коснулось горизонта, как на берег стали выходить отряды пингвинов; в воздухе призрачными тенями заскользили качурки, которые садились среди низкой поросли и как-то неуклюже, по-стрижиному забирались в свои норы. Исчезнув в подземелье, они начинали переговариваться, наполняя воздух отрывистым храпом, писком и голубиным воркованьем. Норы находились довольно близко друг от друга, поэтому мы слышали двадцать — тридцать бесед одновременно. А так как весь этот гам сливался с ревом пингвинов, нам казалось, что земля дрожит у нас под ногами. Разумеется, ближние голоса звучали особенно громко, но если хорошенько прислушаться, было слышно, что весь остров, подобно огромной арфе, гудит

от неумолчного подземного хора.

Наконец солнце скрылось за морем, небо стало кроваво-красным, но красный цвет быстро сменился черным с бесчисленными крапинками звезд, и бдительный желтый луч маяка начал свое медленное вращение. После сытного ужина, усталые, но довольные, мы направились к своему домику. Пока мои товарищи разбирались, кому где спать, я взял фонарик и пошел прогуляться к обрыву. Качурки и пингвины продолжали кричать с неослабевающей энергией. Вдруг луч моего фонарика упал на туатару. Здоровенный самец с гордо торчащим белым гребнем вдоль спины смотрел на меня своими огромными глазами, приподняв могучую голову. Я сразу выключил фонарик, потому что его вполне можно было наблюдать при свете луны. Несколько минут он оставался неподвижным, потом медленно, с великим достоинством зашагал вперед через кусты. Земля дрожала от чириканья, рева, писка и храпа птиц, а он шел по своему лунному царству, величественный, словно дракон. Вот он снова остановился, надменно посмотрел на меня (впрочем, не так уж и надменно, потому что природа снабдила туатару «улыбающимся» ртом) и исчез в кустах.

Я вяло побрел назад в домик; мои друзья уже свернулись калачиком на раскладушках.

— А, это ты, Джерри! — Джим высунул голову из-под кучи одеял. — Ты, кажется, увлекаешься птицами? Тогда тебя, верно, обрадует, что под нами живут соседи — пара пингвинов.

Не успел он договорить, как у меня под ногами раздался хриплый рев, да такой, что разговаривать было невозможно. И не будь мы такими усталыми, спать тоже было бы невозможно, потому что всю ночь напролет, через каждые пять минут, пингвины голосили свои песни. Ничего, сказал я себе, накрывая голову подушкой, можно стерпеть и не такое ради того, чтобы увидеть, как туатара с полным пренебрежением к человеку шествует по острову — своему острову.

Глава третья. ПТИЦА, КОТОРАЯ ИСЧЕЗЛА

А долина все уже и уже…
А вечер все холодней и темней…
«Охота Ворчуна»

В 1948 году в Новой Зеландии было сделано открытие, которое потрясло мир орнитологов и пробудило его от обычной спячки, а именно была открыта (точнее, вновь открыта) птица, исчезнувшая с лица Земли, птица, которую вот уже пятьдесят лет считали вымершей. Имя этой птицы — ноторнис, или такахе *(Notornis mantelli),* а ее история — одна из самых увлекательных в анналах орнитологии(*1). Впервые такахе обнаружили в прошлом веке, и это событие взбудоражило самых уравновешенных натуралистов той поры. Маори хорошо знали эту птицу; правда, на Северном острове она была известна только по находкам костей. На Южном острове, рассказывали маори, особенно по берегам двух больших ледниковых озер, Те Анау и Манапоури, водилось много такахе, так много, что маори устраивали ежегодную охоту на них зимой, когда снегопад вынуждал птиц спускаться с гор в поисках пищи. Ко времени прибытия европейцев в этих районах можно было найти также одни лишь кости. Однако в 1849 году на острове Резолюшн в проливе Даски отряд зверобоев впервые поймал живую такахе, и ловцы поступили с ней так, как обычно поступают в таких случаях люди: они ее съели. Через два года поймали еще одну такахе, которую, вероятно, постигла та же участь, но, к счастью, шкурки обеих птиц были приобретены неким Мэнтеллом, и он отправил их в Лондонский музей естественной истории. Затем такахе на двадцать восемь лет исчезла столь же таинственно, как появилась, и только в 1879 году поблизости от озера Те Анау опять поймали одну птицу, а в 1898 году в этом же районе одну такахе поймала собака.

После этого стало похоже, что такахе, подобно другой знаменитой нелетающей птице — додо (дронту), окончательно вымерла, ибо прошло полвека, а ее больше никто не встречал.

Однако нашелся ученый, по фамилии Дж. Б. Орбелл, который не верил, что такахе разделила судьбу дронта, и в 1948 году он отправился ее искать. Для поисков он избрал древнюю ледниковую долину высоко в горах западнее озера Те Анау. Экспедицию Орбелла нельзя назвать удачной, ибо он, хотя и видел какие-то следы и слышал необычные птичьи крики, не смог обнаружить никаких доказательств существования такахе. Нимало этим не обескураженный, доктор Орбелл через семь месяцев вернулся в ту же долину и на сей раз нашел небольшую колонию неуловимых птиц. Каждый натуралист мечтает о таком открытии, но только одному из миллиона удается его сделать, так что я отлично представляю себе радость Орбелла, когда он впервые увидел настоящую, живую такахе, — и завидую ему. Разумеется, газеты всех стран на следующий же день возвестили о редкостной находке, и правительство Новой Зеландии, опасаясь нашествия в маленькую долину экскурсантов, орнитологов и прочих странников, способных распугать птиц, с похвальной оперативностью поспешило объявить весь район площадью около двух тысяч квадратных километров заповедником. Заповедник был закрыт для всех, кроме официально командированных ученых и натуралистов, да и их визиты контролировались правительством и Управлением природных ресурсов. Теперь такахе (а их численность примерно определяли всего в тридцать — пятьдесят штук) могли наконец жить спокойно.

Сразу по приезде в Веллингтон я познакомился с биологом Гордоном Уильямсом, который работал в новозеландском Управлении природных ресурсов, когда была вновь открыта такахе. Он рассказал мне вторую половину истории, и она показалась мне еще примечательнее, чем первая.

Несмотря на то, что район объявили заповедником и закрыли доступ для посторонних лиц, птицы отнюдь не были застрахованы от опасностей в своей уединенной долине. Прежде всего их было так мало, что неожиданное вторжение завезенных в страну ласок, опоссумов и горностаев могло привести к полному истреблению такахе. Не менее гибельным могло стать вторжение также завезенных оленей, которые губят деревья и тем самым изменяют среду обитания птиц. Вот вам еще один пример, когда исконной новозеландской птице угрожали завезенные животные. Организовать патрулирование и следить, чтобы олени, опоссумы или хищники не проникли в долину, конечно, было невозможно, поэтому оставался один способ защитить птиц: попытаться создать питомник такахе, но это было не так просто, как может показаться на первый взгляд. Прежде всего для эксперимента требовался район, похожий на долину Такахе; далее нужно было привлечь на свою сторону общественность, ибо множество доброжелательных людей, которые, естественно, не в состоянии были охватить всей проблемы в целом и не понимали, какая опасность угрожает вновь открытой птице, выступали против «заточения такахе в клетки». На горе Брюса, километрах в ста тридцати от Веллингтона, подыскали вполне подходящий район — так была решена первая задача. И общественность удалось в конце концов убедить, что все это делается только для блага самих птиц. «Операция такахе» была утверждена.

А затем, рассказывал нам Гордон Уильямс, началось самое трудное. В те дни был только один способ попасть в долину: преодолевая всевозможные препятствия, карабкаться с берега Те Анау вверх по крутым лесистым склонам до узкой расщелины на высоте семисот пятидесяти метров, через которую входят в долину. Это было достаточно трудно (в чем смогли убедиться предыдущие экспедиции), даже если вы намеревались просто снять фильм или собрать кое-какие научные данные; но забраться наверх, поймать живых такахе и снести их вниз — подобная задача привела бы в смятение

самого искушенного зверолова. При таких трудностях было очевидно, что о поимке и транспортировке взрослых птиц говорить не приходится: ведь доставить что-нибудь в долину или из долины можно было только вьюком, а взрослые птицы вряд ли вынесли бы такое путешествие. Оставался один выход — добыть птенцов. Но это решение автоматически породило тьму новых проблем. Прежде всего птенцам нужна приемная мать. Казалось бы, для этой роли лучше всего подходит всем известная курица-бентамка. Однако даже самая флегматичная бентамка вряд ли посмотрит милостиво на то, что ей сунут под крыло птенцов такахе и велят их греть. Значит, нужно найти яйца такахе и подложить их наседке. Но кто-то возразил, что самая кроткая и чадолюбивая курица не усидит на яйцах, если ее будет швырять и трясти всю дорогу. Авторы «Операции такахе» совсем приуныли; казалось, что такахе невозможно выручить. И тут кому-то (подозреваю, что самому Уильямсу, уж очень он болел душой за этот план) пришло в голову подвергнуть кур психологической обработке, иначе говоря, научить их при любых обстоятельствах, что бы ни случилось, неколебимо сидеть на яйцах. Надежд на успех было мало, но почему не попробовать? И вот был произведен тщательный отбор; из целой сотни кур выбрали несколько штук, которых отличала либо полнейшая тупость, либо предельная флегматичность, и принялись тренировать их так, словно речь шла о будущих десантниках. В картонные коробки положили для насиживания по нескольку яиц на каждую курицу. Наседки заняли свои места, после чего их начали подвергать всевозможным толчкам, какие только могли им грозить на пути в долину и обратно. Коробки трясли, роняли, возили на машинах по ухабистым дорогам, перевозили в поездах, на быстроходных катерах и самолетах. Постепенно менее устойчивые натуры начали сдавать и покидать яйца, и к концу испытания остались всего три наседки. Из них отобрали одну по той простой причине, что коробку, в которой она насиживала яйца, сбросило веткой с крыши машины на землю

вместе со всем содержимым (элемент тренировки, не предусмотренный программой); коробка прокатилась несколько метров по земле и остановилась вверх дном, а когда ее открыли, курица по-прежнему с мрачной решимостью насиживала яйца, причем ни одно из них не разбилось — очевидно, наседка своим телом защитила их от удара. Послушная долгу бентамка стала самым важным участником экспедиции, проводившей «Операцию такахе».

Представляю себе, скольких нервов стоила эта операция ее исполнителям. Прежде всего примерное поведение курицы внизу отнюдь не означало, что она поведет себя так же в горах, а члены экспедиции отлично сознавали, что неудача повлечет за собой протесты сентиментально настроенной общественности и о повторной попытке нечего и мечтать. К счастью, все обошлось как нельзя лучше. Были собраны яйца такахе, курица плотно уселась на них, и, выждав на всякий случай день-другой, отряд приступил к трудному спуску вниз по коварному склону к озеру Те Анау. Здесь их ждал быстроходный катер, который мигом домчал драгоценный груз до ближайшей дороги, затем курицу и яйца погрузили на машину и живо отвезли в Пиктон, из Пиктона самолет доставил их в Веллингтон; новый бросок на машине — и верная наседка вместе с яйцами наконец-то благополучно прибыла в заповедник на горе Брюса.

После этого героического, исполненного треволнений путешествия членам экспедиции оставалось только выжидать и молить Бога, чтобы яйца не оказались болтунами. Но в положенный срок вылупились два птенца, и ученые вместе с курицей начали даже слегка гордиться. Ведь они все-таки добились успеха.

Однако тут совсем некстати возникло новое препятствие. Приемная мать, разумеется, обращалась с птенцами словно с цыплятами. Она водила их за собой, энергично рыла землю и клевала добытое, простодушно считая, что детки последуют ее примеру, но птенцы такахе — не цыплята, они растерянно ходили за курицей, пищали от

голода, а куриного способа есть никак не могли усвоить.

Стало ясно, что мамаши такахе сами кормят птенцов, а не учат их добывать пищу, как это делает курица. Причем кормить птенцов оказалось совсем не просто, поскольку выяснилось, что малыши такахе не разевают клюва, как обычные птенцы: мать держит добычу в клюве, а птенец берет ее сбоку. В конце концов удалось придумать способ: мясных мух и другие лакомства накалывали на острие карандаша и скармливали птенцам. Благодаря этому способу кормления и материнской заботе бентамки, которая согревала их по ночам, птенцы такахе благополучно росли и процветали.

Не говоря уже о том, что речь шла о чрезвычайно редкой птице, эта история сама по себе не могла не вызвать у нас желания увидеть живую такахе в естественной среде, и, как только мы прибыли в Веллингтон, я запросил разрешения посетить долину, разумеется, вместе с Брайеном — чтобы гарантировать, что мы не украдем яиц и не унесем под полой парочку такахе. Наконец разрешение было дано, и мы отправились на озеро Те Анау.

Я уже говорил, что прежде до долины добирались только пешком, но теперь налажено сравнительно удобное сообщение. Вы садитесь на Те Анау в маленький гидроплан, он поднимает вас на шестьсот с лишним метров и садится на озерко, которое занимает большую часть долины. Брайен заказал самолет, но надо было сутки ждать, поэтому мы сняли номера в роскошном государственном отеле на берегу Те Анау и насладились великолепной кухней, превосходными винами и первоклассным сервисом. После скверных новозеландских отелей, с которыми мы сталкивались до сих пор, эта гостиница нам особенно понравилась.

— Пользуйтесь случаем, — сказал Брайен, прислушиваясь к тому, как я втолковываю метрдотелю, какая марка шатобриана мне нужна. — Там, наверху, нас ждут суровые условия.

Я внял его предупреждению и вместо двух бутылок вина

заказал три.

Утро преподнесло нам два неприятных сюрприза. Во-первых, выяснилось, что домик в долине Такахе занят охотниками и, следовательно, для Джеки не найдется места; во-вторых, было похоже, что мы вообще не сможем вылететь: над Те Анау нависли черные тучи, и видимость никак не подходила для полетов в такой местности. Все утро мы мерили шагами берег озера, проклиная погоду. К полудню небо несколько прояснилось, однако доверия по-прежнему не внушало. Но тут появился Брайен, который все это время держал связь с летной базой. Лицо его озаряла довольная улыбка.

— Пошли, — сказал он. — Живо несите снаряжение на пристань. Они прилетят за нами через полчаса.

— Превосходно! — воскликнул Крис. — А погода подходящая?

— Не очень-то, — беззаботно ответил Брайен. — Но они говорят, лучше рискнуть сейчас, чем ждать, когда облачность увеличится настолько, что в долину вообще нельзя будет проникнуть. Летчик считает, что справится.

— Прелестная перспектива, — с воодушевлением произнес Джим, обращаясь к Джеки. — Ты не жалеешь, дорогая, что не можешь лететь с нами? Вознестись в облака в поисках долины, которую все равно не рассмотришь, а когда доберешься туда, искать птицу, которой тоже не разглядишь! Все наше путешествие с самого начала — это сплошные радости и удовольствия. Я бы не променял его ни на что на свете.

Мы отнесли снаряжение на причал, и тут Брайен вдруг объявил, что гидроплан слишком маленький и может взять только двоих пассажиров.

— Ладно, — сказал Крис. — Ты, Джим, забираешь аппаратуру и отправляешься первым…

— Почему это всегда я? — возмутился Джим. — Неужели нет других добровольцев?

— Постарайся побольше снять в полете, — продолжал

Крис, пропустив мимо ушей его негодующую реплику, — а там установишь камеру и заснимешь наш прилет.

— А если они забросят меня туда, а потом застрянут здесь? — спросил Джим. — Что тогда? Я один в глухой долине, полной свирепых птиц… ни еды… ни товарищей… а когда-нибудь, лет через десять, вы забредете туда и отыщете в тумане мой белый скелет… старина Джим, скажете вы… ведь ничего был парень… пожалуй, стоит послать открытку его жене. Изверги бесчувственные!

— Не унывай, Джим, — утешила его Джеки. — Если ты отправишься вперед с вещами, в твоих руках будет виски, которое припас Джерри.

— О! — Джим сразу просиял. — Это совсем другое дело. Было бы что поесть, тогда я могу и подождать немного.

Вскоре послышалось какое-то, я бы сказал, брюзгливое жужжание, показался гидроплан и пошел вниз, всем своим видом и гудением напоминая рассерженную стрекозу Он плавно сел на воду, развернулся и медленно приблизился к причалу. Мы принялись грузить снаряжение, а Джим тем временем выяснил у летчика, который из братьев Райт — его брат и верит ли он, что летательные аппараты со временем заменят лошадь. В конце концов мы затолкали сопротивляющего Джима в кабину, гидроплан заскользил по поверхности озера и поднялся в воздух, оставляя за собой след — мелкую рябь и белую пену. Через полчаса самолет вернулся; теперь настала очередь Криса лететь с оставшейся аппаратурой. По словам летчика, условия для посадки и взлета в долине были вполне подходящие, но облака сгущаются, так что лучше пошевеливаться. И Крис полетел к Джиму, а мы с Брайеном ходили по пристани, тревожно поглядывая на облачный покров, который с каждой секундой становился все чернее и гуще. Наконец гидроплан возвратился, мы поспешно заняли места и понеслись по озеру.

Озеро Те Анау — длинное, и мы довольно долго летели над водой, разглядывая крутые лесистые склоны с обеих сторон. Лес был густой, преимущественно буковый, а у бука

темная листва, поэтому поднимающиеся к небу горы производили весьма мрачное впечатление. Сделав вираж, пилот прижался ближе к одному склону, и тот сразу показался нам вдвое мрачнее и круче. Я реагирую на полеты, как все нормальные люди; другими словами, твердо убежден, что либо у летчика будет разрыв сердца в критическую минуту, либо оба крыла самолета отломятся — если не во время взлета, то при посадке или на полпути. Но все это относится к полетам на больших машинах. В маленьком же самолете я чувствую себя относительно безопасно — тут примерно та же разница, что между восьмицилиндровым автомобилем и велосипедом. Падая с велосипеда, вы не опасаетесь серьезных повреждений, и я почему-то тешу себя мыслью, что авария на маленьком самолете — пустяковое дело, две-три ссадины — вот и все, что вам грозит. Однако наш летчик все ближе и ближе прижимал машину к горному склону, и я начал сомневаться, в самом ли деле авария на маленьком самолете так безболезненна, как мне всегда представлялось? А затем вдруг случилось то, чего я много лет опасался: летчик потерял рассудок. Сделав крутой вираж, он направил машину прямо на стенку. Сперва я подумал, что мы перевалим через нее, но он упорно вел самолет по прямой. Уже можно было ясно различить макушки отдельных деревьев, они приближались к нам с угрожающей скоростью, и я примирился с мыслью о неминуемой гибели в результате маневров обезумевшего летчика, как вдруг в склоне открылась узкая щель (другого слова не подберешь) и мы ворвались в нее. Это было то самое ущелье, которое служит входом в долину Такахе и связывает верхнее озеро с Те Анау. По обе стороны высились источенные водой утесы с буковым лесом, причем расстояние от стенки до стенки было таким, что самолет только-только помещался. В одном месте деревья почти вплотную подступали к крыльям самолета, казалось, протяни руку — и можно сорвать горсть листьев. К счастью, ущелье было не особенно длинным, через полминуты мы благополучно выскочили из него и увидели перед собой

долину.

Долина Такахе тянется километров на пять и представляет собой как бы овал, зажатый между крутыми склонами с густым буковым лесом. Дно удивительно ровное, большую часть его занимает мелкое, спокойное озеро Орбелл. Озеро, естественно, лежит ближе к выходу, откуда мы появились, а в дальнем конце простираются обширные луга, поросшие полевицей. Пролетая над озером, я не мог налюбоваться изумительным видом. Вдали на фоне зловещего темного неба вырисовывались главные вершины хребта Мерчисона, каждая увенчана зубчатой снежной короной; спадающие в долину склоны угрюмого темно-зеленого цвета тут и там оживлялись пятнами более светлой зелени с седым налетом; озеро отливало серебром и казалось лакированным; полевица в пробивавшемся сквозь мрачные тучи жидком солнечном свете была золотистой и ярко-зеленой.

Чтобы сесть на озере, нам пришлось сначала пролететь вдоль долины и развернуться в дальнем конце. Самолет пошел на снижение, и серебристая гладь начала стремительно приближаться, когда летчик, решив, что именно сейчас такого рода информация представит для меня особый интерес, лаконично сообщил, что длина озера около тысячи двухсот метров — в обрез для посадки (разумеется, при условии, что вы не промахнетесь). Малейший просчет — и машина с ходу проскользнет прямиком в ущелье, по которому мы поднимались. Я отлично представил себе эту картину, когда мы коснулись воды и понеслись по озеру, увлекая за собой расширяющийся равнобедренный треугольник серебряной ряби. Метрах в тридцати от берега гидроплан остановился, летчик выключил мотор и улыбнулся нам через плечо.

— Приехали, — сказал он. — Долина Такахе.

Он открыл дверцу кабины, и меня поразила абсолютная, полная тишина. Если бы не слабый плеск воды вокруг поплавков, можно было бы подумать, что ты вдруг оглох. Я даже глотнул несколько раз, решив, что мне заложило уши

из-за высоты, до того здесь было тихо. Джим снимал наше прибытие, стоя на берегу в полусотне метров от нас, а мы невольно стали говорить вполголоса; когда же мы приступили к разгрузке, малейший шум казался усиленным во сто крат.

Единственным способом доставить багаж на сушу было тащить его на себе, разувшись и подвернув брюки. Выйти из самолета прямо в воду ледникового озера глубиной почти в полметра — это удовольствие, о котором лично я предпочел бы забыть. Мне и в голову не приходило, что вода может быть настолько холодной, не обращаясь при этом в лед. Мы с Брайеном сделали два захода, пока не перенесли все, и за это время ноги у меня так онемели, что я их абсолютно не чувствовал, словно их отрезали ниже колен. К тому же я уронил один ботинок в озеро, что отнюдь не улучшило моего настроения.

— Послушай-ка, Джерри! — крикнул мне Крис; он стоял позади Джима с видом изможденной ламы. — Ты не мог бы пройти еще разок? По-моему, мы снимали не с той точки.

— Что за вопрос, дружище, конечно, могу! — саркастически вымолвил я, свирепо глядя на него и стуча зубами. — Все что угодно во имя искусства. Хочешь, разденусь догола и переплыву озеро? Ты только скажи. Сейчас столько новых лекарств повыпускали, говорят, от воспаления легких в два счета вылечивают.

— Только на этот раз пройдись помедленнее, — ухмыльнулся Джим. — Будто тебе это доставляет подлинное наслаждение, понял?

Я показал им кулак, потом мы с Брайеном подняли с земли свою ношу и побрели назад к гидроплану. Наконец Крис остался доволен кадром, и нам было дозволено выйти из воды. Летчик помахал рукой на прощание,захлопнул дверцу кабины, вырулил в конец озера и понесся прямо на нас. Самолет пролетел метрах в двадцати над нами и скрылся в ущелье. Гул мотора звучал все тише, а затем, заглушенный деревьями, и вовсе смолк, нас снова объяла тишина, и долина

сразу стала какой-то очень глухой и пустынной.

За озером, как раз напротив того места, где стояли мы со своим багажом, виднелся домик размерами не больше сарая, в котором садовник держит свои инструменты. Домик стоял на опушке леса, где начиналась обрамляющая озеро кайма полевицы.

— Что там такое? — полюбопытствовал Джим.

— Это и есть хижина, — сказал Брайен.

— Как, та самая хижина, в которой нам придется жить? — недоверчиво спросил Джим. — Да там и одному не поместиться, не то что вчетвером.

— Сегодня ночью нас будет семеро, — сказал Брайен. — Не забудьте охотников.

— Да, кстати, где они? — спросил я, потому что хижина выглядела совсем заброшенной и над длинной железной трубой (словно снятой с одной из первых паровых машин) не было видно никакого намека на дым.

— Они где-нибудь в горах, — объяснил Брайен. — Вечером должны вернуться.

Когда мы добрались до хижины и вошли внутрь, нашему взору предстала каморка площадью примерно двенадцать квадратных метров. В ней были две деревянные койки, словно вывезенные из какого-нибудь малоизвестного концентрационного лагеря худшего рода. В одной стене было широкое окно с зеркальным стеклом (неожиданная роскошь), из которого открывался великолепный вид на всю долину, а напротив коек помещался очаг. На первый взгляд казалось, что, когда наш багаж будет внесен внутрь, всем нам, включая охотников, придется спать снаружи. Однако после долгих трудов и споров удалось разместить вещи так, что койки и часть пола остались свободными. Тем не менее было очевидно, что семерым тут, мягко выражаясь, будет крайне тесно. Охотники оставили на столе записку, в которой они приветствовали нас и сообщали, что приготовили растопку и принесли воду, за что мы были им чрезвычайно благодарны. Пока Джим с Крисом возились со своей аппаратурой, мы с

Брайеном натянули над очагом веревку, развесили мокрую одежду, развели огонь и поставили чайник.

Небо становилось все чернее, начало смеркаться, над озером заскользили клочья тумана. Мы зажгли лампы и в их мягком желтом свете принялись готовить ужин. Вдруг послышались голоса — казалось, что говорят за стеной, но когда мы вышли, то в сумерках с трудом различили три фигуры, которые двигались вдоль берега метрах в четырехстах от нас. Мы обменялись приветствиями, потом вернулись в дом, поставили чайник для охотников, и минут через пятнадцать они присоединились к нам.

Говорить о ком-нибудь, что он типичный представитель своей страны, неверно, ибо в каждой стране вы найдете множество разных типов. И все-таки я бы назвал этих троих типичными новозеландцами. Высокие, мускулистые, лица и руки обветренные. В своих плотных рубашках, вельветовых штанах и тяжелых ботинках, в надвинутых на глаза помятых шляпах, с ружьями за спиной они выглядели чрезвычайно лихо. Правда, они не принесли с собой окровавленных туш, но это меня не удивило; Брайен уже успел нам объяснить, что убитых оленей оставляют на месте отстрела.

Чтобы хоть как-то контролировать численность оленей и опоссумов, Управлению природных ресурсов пришлось бы содержать целую армию штатных охотников, а на это нет средств. Но ведь есть множество охотников-любителей, и среди них Управление набирает людей, которым оплачивают издержки и позволяют охотиться в районах, где развелось слишком много вредителей. Так что охота, с которой возвратились наши новые знакомые (по-видимому, не очень-то успешная — они убили всего шестнадцать оленей), преследовала две цели: охотники получили удовольствие и помогли сократить поголовье оленей, грозивших наводнить долину и погубить такахе.

Плотно закусив и напившись чаю, мы расселись перед гудящим пламенем (ночь была на редкость холодная), и я откупорил бутылку виски из запаса, который

предусмотрительно захватил с собой.

Рано утром, окостеневшие от причудливых поз, в которых нам пришлось лежать на полу всю ночь, мы встали и приготовили завтрак. Долину заволокло туманом, с порога хижины почти ничего не было видно, но Брайен не сомневался, что с восходом солнца прояснится. После завтрака охотники распрощались с нами и побрели сквозь туман вниз по ущелью к Те Анау, где их ожидала лодка. Славные ребята, и все же мы были рады, когда они ушли и освободили толику дефицитной площади.

Прогноз Брайена подтвердился: часам к восьми утра открылось почти все озеро и некоторые из окружающих вершин. День обещал быть хорошим, и мы в приподнятом настроении зашагали по берегу к широкому лугу, где, по словам Брайена, были найдены первые гнезда такахе. Наше хорошее настроение объяснялось еще и тем, что в опаловом утреннем свете озеро казалось меньше вчерашнего и мы надеялись за каких-нибудь полчаса прогулочным шагом дойти до цели. Однако нам предстояло вскоре убедиться, что долина Такахе обманчива. Я уже много лет охочусь за животными в разных концах света, но не припомню случая, чтобы где-нибудь было так неуютно, как здесь. В первый же день мы наглядно убедились, что ожидает тех, кто вздумает охотиться на такахе.

Начну с облаков. Они переваливали через гребень, заглядывали в долину и наконец, решив, что здесь вполне можно отдохнуть, неторопливо скатывались вниз, обволакивая и вас и весь ландшафт, да к тому же промачивая вас до костей. Но это, так сказать, мелкие неприятности. Полевица — мощные, высотой по пояс желтоватые кусты — жадно собирала влагу и щедро делилась с вами своими накоплениями, когда вы продирались сквозь нее. Ко всем этим удовольствиям добавлялся сфагновый мох. Толстый слой ярко-зеленого мха дорогим ворсистым ковром выстилал почву между кустами полевицы. Он казался гладким, точно лужайка для игры в шары, и столь же приятным для ходьбы.

Да, ковер был толстый, местами до четверти метра, нога буквально тонула в нем — тонула так, что вы с неимоверным усилием вытаскивали ее. В довершение всего этот зеленый ковер, разумеется, рос на воде, поэтому с каждым шагом вы набирали полный ботинок воды, а когда извлекали ногу из мха, звонкое чавканье отдавалось по всей долине, подобно выстрелу. Уверен, что через пятнадцать минут в пределах сотни километров не осталось ни одной такахе, которая не была бы предупреждена о нашем появлении и продвижении. Метр за метром прошлепали мы вдоль берега, потом ступили на луг. Время от времени мы заходили в буковый лес, потому что в то время года, когда такахе не насиживают яиц, они предпочитают держаться у опушки. Темные, серо-зеленые стволы деревьев, как и мелкая темно-зеленая листва, были покрыты влагой. Тут и там с ветвей свисали длинные пряди лишайника, словно причудливые коралловые образования. На первой взгляд лишайник казался белым, издали можно было даже подумать, что некоторые деревья обсыпаны снегом, а посмотришь вблизи — и видишь, что тонкие филигранные пряди окрашены в нежный, приятный зеленовато-серый цвет.

Весь день мы пробирались сквозь мокрую полевицу и сумрачный буковый лес с его марсианской порослью лишайников. Мы иззябли, мы промокли насквозь, и мы видели все что угодно, только не такахе. Однажды нам попался свежий помет, и мы окружили его с тем же чувством, с каким Робинзон Крузо рассматривал знаменитый след ноги; мы находили места, где птицы недавно кормились, пропуская сквозь клюв длинные стебли полевицы;-находили на земле пустые гнезда, свитые из той же полевицы и ловко укрытые под нависающей травой; а один раз Брайен даже заявил, что слышит крик такахе, но так как уже вечерело и в долине была такая тишь, что урони булавку — и все услышат, мы решили, что он просто хочет нас приободрить. А потом тучи начали опускаться все ниже и стало слишком темно для съемок, даже если бы нашлось что снимать. Мы уже дошли до конца долины, и Брайен предложил повернуть назад, ибо, бодро

объяснил он, если в долину неожиданно спустится облако, мы можем заблудиться и будем всю ночь бродить по пояс в мокрой полевице, описывая все более широкие круги. Напуганные столь ужасной перспективой, мы, преодолевая отвращение, зашагали обратно по своим чавкающим следам через луг и вдоль озера. И когда наконец, уставшие, озябшие, промокшие, удрученные, достигли хижины, о которой накануне отзывались столь пренебрежительно, она показалась нам верхом роскоши. Сбросить мокрую одежду и, сидя перед горящими поленьями, глотать горячий чай, основательно сдобренный виски, — это ли не верх блаженства, и скоро мы уже говорили себе, что сегодня нам просто не повезло. Скверная погода сделала такахе нелюдимее обычного, а вот завтра, уверяли мы друг друга, в долину набьется столько птиц, что негде будет ногу поставить.

Наш энтузиазм несколько поумерился, когда мокрые носки Джима (старательно развешанные над очагом) с убийственной точностью свалились прямо в кастрюлю, в которой Брайен задумчиво помешивал закипающий суп. Правда, от этой необычной приправы суп не стал хуже, зато у Джима появился еще один повод брюзжать, и он с большим рвением предался этому занятию.

На следующее утро погода была, пожалуй, даже похуже, чем накануне, но это нас не остановило; дрожа от холода, мы натянули на себя сырую одежду и снова зашагали по берегу озера. Опять мы дошли до луга, опять очутились в ледяных объятиях полевицы и сфагнума, и опять нам попадались следы такахе, а самих птиц по-прежнему не было видно. Под вечер погода испортилась, и мы совсем пали духом. Завтра нам уходить из долины, и до чего же обидно — проделать такой путь, так промокнуть, столько зябнуть — и все впустую! И ведь такахе где-то тут: стебли полевицы только что объедены, помет свежий. Эти негодные птицы явно играли с нами в прятки, но нам было вовсе не до игры — не то место и не то настроение.

И вдруг — только что перед тем я оступился и

шлепнулся на мокрый, особенно вязкий в этом месте мох — Брайен поднял руку, призывая нас к тишине. Мы замерли, боясь дохнуть, а меж тем ноги медленно, но верно погружались в мох.

— В чем дело? — выдохнул я наконец.

— Такахе, — ответил Брайен.

— Вы уверены? — Лично я слышал только плеск и чавканье, когда упал.

— Да, — сказал Брайен. — Прислушайтесь, и вы сами услышите.

Мы в это время находились под откосом, метрах в двадцати от линии, за которой буковый лес начинал восхождение на крутой склон; здесь кустики полевицы казались выше и гуще, чем на других осмотренных нами участках. Стоим и слушаем — мокрые, продрогшие, притихшие… Неожиданно справа из-за деревьев донесся звук, услышанный Брайеном. Это был глухой рокот, вроде барабанной дроби, очень похожий на звук, который издавали уэки на Капити, но несравненно громче и какого-то особого, глубокого контральтового тембра. Первая дробь состояла из семи-восьми частых ударов, затем, после короткой паузы, уже с другого места, чуть подальше, прозвучала новая дробь. Мы заметили какое-то движение в траве прямо перед нами, потом еще, но ближе к лесу. Не думая о том, что Крису и Джиму, нагруженным камерой и треногой, трудно поспевать за нами, мы с Брайеном стали подкрадываться к подозрительным точкам. Я говорю «стали подкрадываться», на самом же деле моему сверхчувствительному слуху казалось, будто мы шлепаем по мху, словно полк гиппопотамов, забредших в котел с густой кашей. Ближе, ближе… Вдруг трава опять зашевелилась — и мы застыли на месте. Через секунду мы снова двинулись вперед, еще осторожнее, чем прежде, потому что подозрительное движение происходило всего в нескольких метрах от нас. Опять колыхнулась трава… Я шагнул в сторону,. и тут из-за густой полевицы показалась такахе.

То, что я увидел, ошеломило меня: ведь до сих пор я знал такахе только по черно-белым фотографиям и считал, что они величиной с куропатку, с невзрачным крапчатым оперением, как у уэки, а тут передо мной стояла птица ростом с крупную индейку, только покруглее, и на фоне темной буковой листвы и бледно-желтой полевицы ее оперение сверкало, словно ювелирное изделие. Мощный клюв, напоминающий клюв клеста, был алого цвета, ноги — тоже; голова и грудь яркой синевой могли поспорить со Средиземным морем; спина и крылья были дымчато-зеленые. Стоя на широко расставленных ногах, такахе настороженно повернула голову в мою сторону и издала короткую дробь. Я глядел на птицу с восхищением, она на меня — с величайшим недоверием. Внимательно рассмотрев меня, такахе опустила голову и с необыкновенной важностью прошествовала дальше. Мгновение — и она скрылась за кустиком полевицы. Мне бы не двигаться, и она, наверно, вышла бы снова, но я так боялся потерять из виду эту великолепную птицу, что сделал несколько шагов в сторону. И испортил этим все дело. Такахе испуганно оглянулась, издала низкий звук — сигнал тревоги — и довольно неуклюже, но достаточно быстро побежала в лес искать укрытие. Беглянка исчезла за деревьями, и потом, сколько мы ни подкрадывались, не увидели ни одной птицы, а слышали таинственное потрескивание да взволнованную дробь.

А тут еще облака опустились так низко, что Брайен посоветовал немедля возвращаться в хижину. Иззябшие, промокшие и все-таки счастливые — ведь мы добились пусть маленького, но успеха, — мы зашлепали через луг и по берегу обратно. До конца озера оставалось совсем немного, каких-нибудь пятьсот метров отделяли нас от теплой хижины (было видно, как вьется приветный дымок над высокой трубой), и в это время Брайен оглянулся назад.

— Посмотрите, — сказал он, — и вы увидите то, от чего я спешил вас увести.

Над лесистым гребнем в противоположном конце

долины, совсем низко, показалось огромное серое облако. На наших глазах оно изогнулось и с невероятной скоростью покатилось вниз в долину. Через несколько секунд участок, где мы видели такахе, исчез, еще мгновенье — и мягкая серая лапа накрыла луг за озером, затем облако распласталось по водной глади и понеслось к нам, заволакивая на ходу всю долину. Мы уже подошли к хижине, когда нас настигли невесомые щупальца. С чувством облегчения мы отворили дверь, на пороге обернулись и увидели глухую колышащуюся стену, а долина Такахе исчезла, словно ее никогда и не было. В итоге все мы пришли к убеждению, что нам удивительно повезло — ведь туман мог захватить нас по ту сторону озера. И пока туча дышала холодом на окно, мы подложили в очаг сухих дров, сбросили мокрую одежду и позволили себе поваляться в розовом свете огня, потягивая чай пополам с виски и почему-то испытывая глубокое удовлетворение от мысли, что нам удалось увидеть такахе и обмануть стихию.

— Ну так, — наконец заговорил Брайен, — завтра спускаемся на Те Анау, а оттуда можно отправляться на гору Брюса. Там вы снимете отличные кадры, ведь наши такахе, после того как переросли наседку, стали на диво ручными, ну прямо домашняя птица.

— Одного не могу понять, — сказал Джим, — почему мы сразу не отправились на гору Брюса, вместо того чтобы бродить здесь, рискуя схватить воспаление легких.

— А подлинность? — строго произнес Крис. — Нам ведь нужно показать места обитания птиц… передать обстановку.

— Что до меня, я-то эту обстановку узнал, — сказал Джим, глубокомысленно выжимая из своего носка полчашки воды.

За ночь облако исчезло, и на следующее утро вся долина сверкала в солнечных лучах, словно хрустальная. Мы собрали свое имущество и вышли в путь пораньше, потому что спуск до Те Анау, где нас должна была встретить лодка, занимает немало времени. Пробираясь через влажный буковый лес,

спотыкаясь и скользя по толстому сырому ковру опавших листьев, я не переставал восхищаться выдержкой и сноровкой людей, которые карабкались по почти отвесному склону, неся на спине курицу, призванную спасти такахе. Шлепаясь на землю в третий раз и катясь вниз на «пятой точке», я повторял про себя пожелание, чтобы на свете было побольше самоотверженных людей, не жалеющих ни времени, ни сил для спасения вида, которому угрожает гибель.

Теперь, когда мы своими глазами увидели такахе в ее долине, я еще сильнее рвался на гору Брюса, где живут птицы, ради которых была проделана такая работа. Заповедник (разумеется, государственный) представляет собой обширный зеленый участок, тщательно огороженный и засеянный полевицей. Такахе, уже совсем взрослые, содержатся на воле. Когда мы вошли за ограду, на участке никого не было видно, но стоило птицам услышать наши голоса, как они тотчас выскочили из кустов и помчались к нам, низко опустив головы и топая большими ногами. Им так не терпелось отведать бананов, которые мы для них принесли, что они буквально набросились на нас, толкались, лезли на колени. Вблизи такахе выглядели еще великолепнее, чем я думал; зеленоватое золото и пурпур их шелковистого оперения ярко блестели в солнечных лучах. Душа ликовала от сознания, что живые такахе суетятся у наших ног и едят из рук, совсем как домашняя птица. Мог ли я подумать, что меня ожидает еще большая радость!

В одном конце участка стоял большой птичник в виде полумесяца. Мы были настолько увлечены такахе, что я не обратил особого внимания на эту постройку, только заглянул внутрь мимоходом.

Там лежали прутья и пучки травы, больше я ничего не заметил и решил, что птичник пустует. А может, его построили для такахе, когда те были поменьше? С трудом отделавшись от бесцеремонных птиц, которые были убеждены, что у меня где-то еще спрятаны бананы, я спросил об этом Брайена.

— Нет, это какапориум, — с гордостью в голосе ответил Бра йен.

— Что такое какапориум? — осторожно осведомился я.

— Это такое место, — объяснил Брайен, внимательно глядя на мое лицо, — где держат какапо.

Слова Брайена подействовали на меня так, как если бы он объявил, что у него есть полная конюшня разноцветных единорогов. Ведь какапо не только одна из самых редких, но и одна из самых своеобразных птиц Новой Зеландии, и хотя я мечтал увидеть какапо, мне это казалось несбыточным.

— Не хотите ли вы сказать, — продолжал я, — что у вас в птичнике есть какапо и вы до сих пор об этом молчали?

— Вот именно, — ухмыльнулся Брайен. — Сюрприз.

— Ведите меня к нему, — потребовал я, дрожа от нетерпения. — Ведите меня к нему немедленно.

Довольный моей бурной реакцией, Брайен отворил калитку птичника, и мы вошли. В углу стоял деревянный ящик, накрытый большой охапкой сухого вереска. Мы подошли, осторожно раздвинули вереск, и я увидел глядящие на меня с расстояния около полуметра глаза доподлинного, живого какапо.

Какапо еще называют совиным попугаем — очень меткое название, потому что он так похож на сову, что даже опытному орнитологу простительно ошибиться с первого взгляда. Он крупный, крупнее сипухи; оперение очень красивое, дымчатого серовато-зеленого цвета с черными крапинками. «Лицо» широкое и плоское, как у совы, с огромными темными глазами.

Обитатель ящика смотрел на меня свирепо, точно престарелый полковник, которого разбудил в клубе пьяный младший офицер. Помимо своеобразной внешности у какапо есть еще две особенности. Во-первых, он редко летает, да и то очень неуклюже, чаще же всего совсем не по-попугаячьи бегает по земле; во-вторых, он ведет ночной образ жизни. На воле какапо во время своих ночных экскурсий протаптывает в траве маленькие тропинки, и сверху местность, где они

обитают, кажется сплошь исчерченной пересекающимися проселками.

Пока мы снимали сердитую птицу, Брайен рассказал, что совиные попугаи находятся под серьезной угрозой, настолько серьезной, что мы, возможно, видим перед собой последнего живого какапо. Печальная мысль, которая должна встревожить всякого, особенно если вспомнить, что гибель грозит многим птицам, млекопитающим и рептилиям. Вероятно, единственная надежда на спасение для такахе и какапо заключена в таких заповедниках, и чем больше их будет на свете, тем лучше.

Завершив съемку такахе, мы собирались посвятить последние три дня Веллингтону и его окрестностям и запечатлевать на пленку все, что покажется нам интересным. Но судьбе в облике щуплого человечка, встреченного нами в баре, было угодно расстроить эти планы.

Надо сказать, что с первого же дня нашего пребывания в Новой Зеландии Крису не давали покоя и портили настроение две вещи. Во-первых, ему никак не удавалось прилично записать звук: только приготовит аппаратуру, как либо машина проедет, либо самолет пролетит, либо подует сильный ветер, а то и сам «артист» скроется — да разве перечислишь все, что мешает звукозаписи. Во-вторых, нас повсюду спрашивали, что мы уже засняли, а услышав ответ, удивленно восклицали:

— Как, неужели вы не сняли кеа?.. Что это за фильм о Новой Зеландии без кеа… без этого клоуна снеговых гор… ведь их так легко снять… они совсем ручные, вы их увидите повсюду…

Возможно, кому-нибудь еще эти крупные, ярко окрашенные попугаи и в самом деле встречались повсюду, но мы пока ни одного не видели, и это чрезвычайно раздражало Криса. И когда на вопрос уже упомянутого злополучного субъекта, что мы успели заснять, я начал перечисление, Крис опять стал похож на ламу.

— Как? — удивился человечек. — Вы не сняли кеа?

— Нет! — отрезал Крис, вложив в одно это коротенькое слово столько холода, что его хватило бы, чтобы сотворить небольшой айсберг.

— А вы бы поднялись на гору Кука, — продолжал наш собеседник, не подозревая, что ступает по краю пропасти. — Я только что оттуда, их там видимо-невидимо. Ничего нельзя оставить, сразу налетят и разорвут в клочья. Сущие комики… честное слово, стоит попробовать их заснять.

Я поспешил наполнить стакан Криса.

— Да-да, разумеется, мы попробуем, — сказал я.

— Совершенно верно, — громко произнес Крис с внезапной решимостью. — И мы отправимся на гору Кука завтра же.

Он одним духом осушил стакан и сердито посмотрел на наши ошеломленные лица.

— Но это невозможно, — возразил Брайен. — У нас нет на это времени.

— Я не уеду из Новой Зеландии, пока не сниму кеа, — отчеканил Крис.

Что нам оставалось делать после такого ультиматума? Мы отправились на гору Кука, где поселились в превосходном государственном отеле с великолепным видом на гору и на ледник Тасмана и безотлагательно приступили к лихорадочным поискам кеа. Все уверяли нас, что нет ничего проще, горы и долины кишат этими птицами, нельзя даже машину поставить, ибо сейчас же на нее опустятся несколько десятков кеа и примутся разбирать на части, словно какие-нибудь одержимые механики. Стоит только отъехать немного в горы — в любую сторону! — и позвать: «Кеа… кеа… кеа…», подражая их крику, как в тот же миг к вам отовсюду слетятся кеа.

Так мы и сделали. В первый же день отправились к горе Кука и стали кататься вокруг нее, останавливаясь перед каждой трещиной и расщелиной, чтобы позвать, как нас учили: «Кеа… кеа… кеа…». Но голые склоны оставались безжизненными. В тот вечер Крис, несмотря на чудесное вино

и нежнейшую жареную форель, сидел с видом сердитого верблюда, который забыл дорогу к ближайшему колодцу.

На следующее утро ни свет ни заря, храня унылое молчание, мы поехали к леднику Тасмана у подножия горы Кука, чтобы возобновить поиски кеа. Дорога в этот неуютный уголок с каким-то лунным ландшафтом напоминает сухое русло, берущее начало на краю обрыва, с которого внизу видно могучий ледник, а вверху — снежную вершину горы. Ледник здесь широкий и представляет собой мощный бугристый пласт, начиненный, словно пирог, камнями, буреломом и, вне всякого сомнения, бесчисленными останками замерзших кеа. Стоя над ледником, мы явственно слышали, как он, покряхтывая, постанывая и потрескивая, миллиметр за миллиметром ползет вниз по долине на свидание с морем.

Заглушая бормотание ледника, над голым пустынным ландшафтом разнестись наши крики: «Кеа!», и со всех сторон отозвалось обманчивое эхо. И как же мы удивились, когда внезапно невесть откуда показался кеа и уселся на каменный шпиль за пределами досягаемости нашей кинокамеры. С округлившимися от возбуждения глазами Крис полез вверх по склону, хрипло вопя: «Кеа!». Птица взглянула на взъерошенное существо с безумным взором, вынырнувшее откуда-то из недр ледника, издала крик, полный недоумения и ужаса, и поспешно улетела. Когда мы пришли в себя после приступа неприличного хохота, то с удивлением обнаружили, что Крис отнюдь не обескуражен, напротив, первая встреча с кеа воодушевила его. Он считал, что успех почти обеспечен, теперь надо только снять вводные кадры. Под «вводными» Крис подразумевал кадры, показывающие, как лендровер подъезжает к леднику, как мы выходим из машины и зовем кеа, и виды местности. Потом снимем крупным планом птицу и все смонтируем.

Съемки фильма — дело хитрое, подчас приходится сперва снимать отъезд, а уж потом прибытие. Мы выгрузили снаряжение и установили камеры, и так как нам нужен был

звук, Крис торжественно достал из футляра рекордер и водрузил его на груду камня.

После долгой беготни с проводами и микрофонами он объявил наконец, что все готово. Наша задача была несложной: подъехать на лендровере к указанной точке, выйти и звать кеа. Камера запечатлеет наши движения, а рекордер увековечит отраженные склонами голоса. Я уже говорил, что другого такого глухого и уединенного места надо было поискать, не видно не только людей и построек, но даже животных, поэтому мы были просто поражены, когда, выйдя из машины и дружно прокричав «кеа!», внезапно услышали такой невообразимый шум, словно по соседству свихнулся какой-нибудь из заводов Форда. Это был визг, вой и скрежет механизмов, подвергнутых неслыханным пыткам. Что вызвало эти звуки, откуда они идут? Мы видели только Криса, который присел около своего аппарата с наушниками на голове и выражением невообразимой муки на лице.

Вдруг из-за беспорядочно нагроможденных глыб показался огромный, величиной с полдома, экипаж, пращур всех бульдозеров. Звеня, гремя и дребезжа, он полз в нашу сторону, а на самом верху на маленьком сиденье примостился перемазанный машинным маслом человечек, который как будто пытался управлять этой махиной. Он приветливо помахал нам рукой. Крис сорвал с головы наушники и, отчаянно размахивая руками, подбежал к дьявольской колеснице.

— Выключите мотор! — заорал он. — У нас идет звукозапись!

— Чего? — крикнул в ответ человечек, переключая скорость с леденящим кровь скрежетом.

— Мы снимаем кино… Вы не могли бы выключить мотор? — ревел побагровевший Крис.

— Говорите громче… ничего не слышу…— твердил человечек.

— Выключите эту проклятую штуковину… ВЫКЛЮЧИТЕ! — вопил Крис, бурно жестикулируя.

Водитель сосредоточенно посмотрел на него, извлек из коробки скоростей еще одно короткое, терзающее слух созвучие, потом наклонился вперед, нажал какую-то кнопку, и могучая машина стихла.

— Так что вы там говорите? — спросил он. — Извините, мне тут было плохо слышно… Очень уж шумно.

Крис нервно вздохнул.

— Вы не могли бы несколько минут не пускать эту… эту… эту штуку? Понимаете, мы снимаем кино, нам нужно записать звук.

— Ах, кино, да? — заинтересованно произнес человечек. — Конечно, могу и не пускать.

— Спасибо, — с дрожью в голосе поблагодарил Крис и вернулся к рекордеру.

Только он надел наушники и подал нам знак начинать, как механическое чудище вновь ожило, с той лишь разницей, что теперь водитель посредством какого-то волшебства пустил ее задним ходом, и она медленно поползла обратно за камни, из-за которых явилась. Крис, с лицом цвета перезрелого персика, швырнул наушники на землю и, изрекая смачные фразы, которых продюсерам Би-би-си по штату знать не положено, кинулся следом за махиной. Через мгновение воцарилась благословенная тишина и Крис вышел из-за камней, отирая лоб.

— А теперь, — хрипло произнес он, — попробуем снова. На этот раз удалось снять кадр, но эпизод с бульдозером пагубно повлиял на нервы Криса, и весь остаток дня он подскакивал от малейшего шума, словно пугливый олень. В довершение всего мы не увидели больше ни одного кеа и вернулись в гостиницу совершенно убитые. У нас был такой удрученный вид, что наша очаровательная горничная-маорийка не выдержала и участливо спросила, в чем дело. Обрадованные, что нашелся сочувствующий слушатель, мы заговорили все разом. Когда гам немного стих и стало возможно разобрать, о чем идет речь, на лице горничной отразилось удивление.

— Кеа? — с недоумением переспросила она. — Вы хотели снять кеа? Что же вы мне не сказали?

— А что? — подозрительно спросил Крис.

— Пять диких кеа каждое утро прилетают во двор гостиницы, — объявила она. — Я кормлю их хлебом с маслом. Каждое утро они тут как тут.

Комментарии излишни.

На следующее утро, едва рассвело, мы уже бродили в ожидании добычи по двору, вооруженные камерами, магнитофонами и солидным запасом хлеба с маслом, которое каким-то образом ухитрилось оставить свои следы на всей нашей аппаратуре и почти на всей одежде. И точно, едва рассеялся утренний туман и открылась гора Кука с розовой от восходящего солнца снежной макушкой, как между скалами в нижней части склона, начинающегося сразу же за гостиницей, раздались громкие крики. В сущности, они напоминали крики, которые мы пытались издавать накануне, рискуя заболеть острым ларингитом, но тембр был другой, какой-то звонкий, ликующий, буйный, не для наших голосовых связок. И вот показалась пятерка кеа. Они опустились на крышу гостиницы и стали ходить по ней, наблюдая за нами и время от времени крича свое «кеа… кеа… аррар…» Деревянная походка и напыщенный вид, словно они чувствовали себя господами вселенной, в сочетании с назойливым однообразным криком придавали им удивительное сходство с кучкой фашистов. Сперва они показались мне похожими на кака, которых мы видели на Капити, но когда солнце поднялось выше, я убедился, что это относится только к их общему виду, а не к окраске. Основной цвет оперения кеа — зеленый разных оттенков, от травяного до сероватого, но из-за пурпурного отлива оно издали кажется довольно темным. Крылья снизу изумительного огненно-оранжевого цвета, и когда птица их расправляет или взлетает, на секунду кажется, что ее объяло пламя.

Наконец-то кеа оказались в пределах досягаемости наших камер. А какое замечательное представление они

устроили! Поглощали в огромных количествах хлеб с маслом, бегали по водосточным желобам, повисали вниз головой и кричали, потом по очереди начали съезжать по скату крыши, словно дети с горки. И опять кричали, горланили, ели хлеб с маслом, даже попытались, — правда, безуспешно — сорвать с лендровера брезентовый верх. Когда пернатым механикам наскучила эта затея, двое из них, взлетев с машины, принялись кричать «кеа!» в окна спящих постояльцев, а остальные в это время разрушили замысловатое сооружение из картонных коробок у черного хода. Необузданные, шумные, озорные — ну просто неотразимые птицы… Глядя, как два кеа, вымазав клюв маслом с крошками хлеба, дерутся за очередь скатиться с крыши, бранят друг друга, взъерошив хохолок и хлопая крыльями, так что оранжевая подкладка горит на солнце, превращая их в ожившие костры, я думал о том, как жаль, что этих обаятельных птиц многие в Новой Зеландии считают врагом общества номер один. Дело в том, что кеа пристрастились к салу домашнего животного, которое новозеландцу дороже родной матери: овцы.

Спору нет, найдя овечью шкуру или тушу, кеа не упустит случая попировать, но фермеры уверяют, будто дело этим не ограничивается, будто птицы нападают на живых овец и убивают их ради сала. Достоверные случаи действительно отмечены, но никто еще не исследовал, все ли кеа ведут себя так и в самом ли деле они причиняют такой ущерб, как это утверждают фермеры. Но попробуйте сказать об этом овцеводу, да еще добавьте, что, по-вашему, не жаль потерять несколько овец ради удовольствия иметь соседями кеа, — и можете вызывать «скорую помощь». И тем не менее кеа — большой, красивый, шумный, озорной и своенравный кеа — олицетворяет край диких гор, Новую Зеландию. Этим веселым чудаком и безобразником надо гордиться. А вместо этого (и так ведь бывает со многим, что украшает нашу жизнь) его нещадно преследуют и убивают всюду, где только застигнут.

В качестве прощальной виньетки из Новой Зеландии

предлагаю вам такую картину: на заднем плане — гора Кука с обтрепанной по краям шапкой розового снега и лениво ползущими по склонам клочьями утреннего тумана, который мягко обволакивает скалы и скрывает шрамы после недавних обвалов, а на фоне горы стремительно летят энергичные птицы — только крылья вспыхивают огнем на солнце да веселые звонкие крики «кеа… кеа…» раздаются между седых скал.

Часть вторая.
ЧЕРДАК МИРА

Различая пернатых, что больно кусают,
И усатых, что рвут вас когтями.
«Охота Ворчуна»

ПРИБЫТИЕ

Славный, надежный корабль «Ванганелла», на котором мы отплывали из Новой Зеландии, несомненно, одно из самых очаровательных судов, на каких мне когда-либо приходилось путешествовать. Поразмыслив, я пришел к выводу, что «Ванганеллу» проектировала какая-нибудь прижимистая кинокомпания, которая стремилась объединить на одном судне возможно больше различных стилей и эпох, начиная с елизаветинской и кончая двадцатыми годами нашего столетия с их гладкой, лишенной всяких украшений мебелью (не были забыты и худшие образцы эпох, носящих имя французских королей или английских Эдуардов). Куда ни пойди, всюду двери с надписью «Тюдоровские покои», или «Пальмовый уголок», или еще что-нибудь в этом роде, а откроешь — и в самом деле и «Тюдоровские покои» или «Пальмовый уголок»! Стоило сесть на этот корабль хотя бы ради того, чтобы увидеть мозаичные колонны в столовой, подкупавшие своей откровенной вульгарностью. На этом судне, которое словно привиделось в кошмаре специалисту по интерьерам, мы и познакомились с Гертой.

После обеда, досыта налюбовавшись мозаичными колоннами, мы пошли пить кофе в некое подобие Шекспировской библиотеки — кругом сплошные дубовые балки и подшивки «Панча» в пожелтевших переплетах — и наметанным взглядом принялись изучать наших спутников по плаванию. После нескольких лет морских путешествий у вас

вырабатывается своего рода шестое чувство, вы легко определяете, кто из пассажиров будет на всех нагонять тоску, кто возьмет на себя роль затейника и так далее. После долгого, внимательного изучения сидящих за столиками я повернулся к Джеки.

— Здесь есть только один стоящий человек, — твердо сказал я.

— Кто именно? — спросил Крис, который был новичком в этой игре.

— Она сидит вон там, под тюдоровской жаровней.

Осмотрев мою избранницу, Крис и Джеки удивленно повернулись ко мне. Их можно было понять, потому что на первый взгляд она смахивала на одетого во все розовое гиппопотама средних размеров с волосами цвета переспелой ржи. Унизанные кольцами короткие толстые пальцы держали рюмку с жидкостью, которая, на мой взгляд, смахивала на джин, а устремленные в пространство круглые голубые глаза были густо так подведены, что придавало всему лицу что-то кукольное.

— Ты спятил! — убежденно произнес Крис.

— Просто он не может устоять против блондинок, независимо от их комплекции, — объяснила Джеки.

—А вот увидим, кто прав.

И я подошел к своей избраннице, уныло созерцавшей дубовые балки.

— Добрый вечер, — сказал я. — Извините, нет ли у вас огня?

— На кой черт он вам нужен? — полюбопытствовала она. — Пять минут назад я видела, как вы прикуривали вашу паршивую сигарету от зажигалки.

У нее был низкий голос глухого тембра, который достигается многолетней обработкой голосовых связок джином. Я понял, что недооценил бдительность моей новой приятельницы.

— Просто вы мне понравились, — признался я, — и мне захотелось выпить с вами.

— Господи, подъезжать ко мне, в моем-то возрасте… Нахал, да и только, — игриво сказала она.

— Вы не беспокойтесь, — поспешно произнес я. — Я не один — там, за столиком, моя жена.

Она малость развернула свои могучие телеса и вытянула шею, чтобы получше рассмотреть наш столик, закрытый от нее широкими листьями на редкость непривлекательной аспидистры.

— Так и быть, — сказала она, и ее лицо осветилось озорной и неожиданно милой улыбкой. — Я выпью с вами… Вы хоть на живых людей похожи… А то здесь на корабле кругом одни паршивые дохляки…

С этими словами дама в розовом поднялась на ноги и пошла враскачку впереди меня. После церемонии взаимных представлений она с трудом втиснулась в кресло, добродушно улыбаясь. Как только принесли напитки, она схватила свою рюмку и подняла ее вверх.

— Ваше здоровье!

Она сделала добрый глоток, подавила негромкую благородную отрыжку, вытерла рот лоскутком, который некогда был кружевным платочком, и села поудобнее; я понял, что теперь только динамит сдвинет ее с места.

— Хорошо, когда есть компашка, — заговорила она так громко, что ее слова вполне могли разобрать за соседним столиком. — Я уже думала, что тут собрались одни ублюдки тупоголовые, как вы ко мне подошли.

С этой минуты успех нашего плавания на «Ванганелле» был обеспечен. Герта превзошла все мои ожидания. Трижды замужем, ныне вдова, она за те годы, что жила в Австралии, перепробовала все мыслимые профессии, и среди них такие контрастные, как медицинская сестра и буфетчица.

В последнем качестве она заслуженно преуспела и теперь сама владела баром в одном из глухих уголков Австралии. Но больше всего нас потрясли ее медицинские познания. Мне кажется, что несчастный врач, который нанял Герту, вскоре очутился на грани нервного расстройства, ибо

она твердо считала, что он никудышный диагност и что все его предписания основывались на неквалифицированных диагнозах и поверхностном представлении о том, как функционирует человеческий организм. Зато ее речь обогатилась великолепным набором нелепиц, в которых угадывались термины, услышанные ею от своего незадачливого хозяина.

— Никакой уверенности в себе у него не было, — доверительно рассказывала она нам. — Чертовски славный малый, но тюфяк тюфяком. Я ему всегда говорила: у вас, говорю, шеф, никакой уверенности в себе, всегда паршивую овцу к другим посылаете. Вот приходит женщина, которая не сумела уберечься. Обыкновенное дело, скажете вы, так нет же, он ее посылает к геологу.

— К кому? — переспрашивали мы, заранее предвкушая ее ответ.

— К геологу… ну, знаете… из этих паршивых надувал, которые воображают, будто им все известно про женские внутренности… помнет ваши овалоиды, и пять гиней кошке под хвост…

Какого бы вопроса медицины ни коснулись, Герта была на высоте.

Итак, благодаря Герте и изысканной обстановке кают наше плавание уподобилось путешествию Алисы в Стране чудес и протекало весьма приятно, завершившись в гавани Сиднея, куда «Ванганелла» вошла с большой помпой. Напоследок Герта порадовала нас еще одной выходкой. Одна пассажирка неопределенного возраста всю дорогу гордо выставляла напоказ всем мужчинам свой единственный капитал, чем заслужила крайнее неодобрение Герты. Случилось так, что мы спускались по трапу как раз за этой женщиной, у которой, как говорится, все было впереди. В эту минуту наверху показалось розовое луноподобное лицо провожавшей нас Герты. Она сразу заметила выступавшую перед нами пассажирку, столь щедро одаренную природой (если только это была природа), и брезгливо поджала губы

при виде сего зрелища. Потом поглядела на нас и подмигнула.

— Таких накладных желез в Австралии еще не видели, — ликующе прогремела она.

Мы ступили на австралийскую землю в отличном настроении.

Глава четвертая. ЛИРОХВОСТЫ И ДРЕВОЛАЗЫ

Они его искали, не жалея ни времени, ни ног.
Они за ним охотились с надеждой и с большим ружьем.
«Охота Ворчуна»

Мы полюбили Австралию с первой же минуты и всем сердцем. Если мне (не дай Бог!) когда-нибудь придется навсегда осесть в каком-то одном месте, из всех виденных мною стран я, вероятно, выберу Австралию.

От Сиднея до Мельбурна мы ехали под ослепительно синим небом, расписанным невесомыми облачками. Кругом простиралась выцветшая на солнце волнистая степь с просвечивающей то тут, то там ржаво-красной землей. Словно побелевшие кости, светились в рощах причудливо изогнутые стволы и ветви эвкалиптов. Казалось, будто эти на редкость изящные, красивые деревья исполняют некий фантастический танец. На деревьях постарше кора шелушилась и свисала широкими, напоминающими бороды гирляндами, а свежая кора вблизи отливала розоватым оттенком, словно стволы были вылеплены из живой плоти. Под вечер второго дня мы остановились выпить чаю. Среди необозримой золотистой степи стояла группа мертвых эвкалиптов с ослепительно белыми, точно коралловыми, стволами и ветвями, а между ними извивалась разбитая красная дорога, по которой мы приехали на нашем лендровере. Заходящее солнце наполнило воздух нежной золотистой дымкой, и вдруг, неведомо откуда, явилась стая розовых какаду — шесть птиц упали с неба и сели на сухие ветки над нами. В этом свете, на фоне белых стволов они были невыразимо хороши — белые хохолки, пепельно-серые крылья и дымчато-розовые грудки и головы. Семеня вдоль ветвей мелкими шажками, немного по-ящеричьи (как все представители отряда попугаев), они сверху поглядывали на

нас, что-то неразборчиво бормотали и топорщили свои хохолки. А мы сидели неподвижно, словно завороженные, любуясь ими; тогда они решили, что нас можно не опасаться, и слетели на землю этакими облачками розовых лепестков. Медленно прошествовали по красной земле к глубокой автомобильной колее, где поблескивала лужица дождевой воды, и принялись жадно пить. Потом один из них обнаружил в траве какой-то соблазнительный кусочек, и завязалась постыдная драка. Какаду набрасывались друг на друга с раскрытыми клювами, кружили, хлопали пепельными крыльями. Кончилось тем, что вся шестерка стремглав улетела, только белые спинки сверкнули на фоне голубого неба.

Розовые какаду, или, как их здесь называют, гала, относятся к самым мелким, но зато и самым красивым австралийским какаду, и, провожая взглядом птиц, я удивился, как у людей поднимается рука убивать их. А ведь в некоторых районах гала считают вредителями и каждый год отстреливают в огромном количестве.

Чем ближе к Мельбурну, тем сильнее мы зябли, а когда въехали в город, было холодно, как в промозглый ноябрьский день в Манчестере. К моему стыду, такая погода застала меня врасплох. Почему-то я представлял себе Австралию страной вечного солнца, хотя достаточно было взглянуть на карту и сделать простейшие подсчеты, чтобы убедиться, что это не так. Хорошо еще, что в расчете на суровый климат Новой Зеландии мы захватили вдоволь одежды, теперь она нас выручила.

Мы мечтали увидеть и, если представится возможность, снять прежде всего лирохвостов и сумчатых белок. Лирохвосты, на мой взгляд, — одна из великолепнейших австралийских птиц, и я знал, что мельбурнское Управление природных ресурсов создало для них заповедник в Шервудском Лесу. Но ведь если для какого-нибудь животного создан заповедник, это еще не значит, что там его легко увидеть и снять. Тем не менее мистер Батчер, начальник

Управления, видимо, был настроен оптимистично, ибо он передал нас на попечение мисс Айры Уотсон, которая занималась лирохвостами и отчетливо знала район их обитания. Айра заказала для нас номер в небольшой гостинице на окраине заповедника, и в одно ясное прохладное утро мы отправились в путь, захватив с собой все снаряжение. Но к тому времени, когда мы прибыли в гостиницу и разобрали вещи, весь мир окутался серым туманом и изморозью, а температура явно упала намного ниже нуля. Мы взвалили аппаратуру на плечи и, дрожа от холода, без большой охоты последовали за Айрой в лес на поиски лирохвостов.

Огромные старые эвкалипты стояли в элегантных позах, кутаясь в рваные шали из шелушащейся коры, а между ними были вкраплены мощные, приземистые древовидные папоротники; их длинные листья пышным зеленым фонтаном вздымались над волосатыми коричневыми стволами. В лесу было сумрачно от тумана, каждый звук отдавался гулко, как в пустом соборе. По извилистой тропе Айра вывела нас на широкую просеку, заросшую папоротниками и кустарником. Мы нашли подходящую полянку, сложили на землю снаряжение и отправились разыскивать лирохвостов.

Сами по себе лирохвосты не так уж и эффектны, скорее, даже довольно бесцветны, вроде самки фазана. Вся их прелесть заключена в хвосте, в двух очень длинных, изящно изогнутых перьях, очертаниями напоминающих старинную лиру. Эта иллюзия тем сильнее, что пространство между лировидными перьями заполнено ажурным узором из тончайших белых перьев, похожих на струны. Когда подходит начало брачного сезона, самцы выбирают себе в лесу участки, которые превращают в «танцевальные залы». Своими сильными ногами они расчищают площадку, причем опавшие листья собирают в кучу в центре, так что получается своего рода эстрада. Затем начинаются брачные игры, и я затрудняюсь назвать более захватывающее зрелище. Хвост и пение — вот два средства, с помощью которых самец

старается соблазнить всех дам в округе, и, возможно, они и устояли бы против хвоста, но против такого пения, по-моему, устоять невозможно. Лирохвост — подлинный мастер подражания, и он включает в свой репертуар песни других птиц, да и не только песни, а все звуки, которые ему придутся по душе. Казалось бы, должна получиться какофония, но на самом деле выходит нечто совершенно восхитительное.

Пробираясь через влажные заросли, мы то и дело видели следы лирохвостов — помет и борозды от когтей на подстилке; это нас ободряло. Затем нам попалась и «танцевальная площадка». Меня поразили ее размеры — она была около двух с половиной метров в поперечнике, а высота «эстрады» посередине составляла приблизительно восемьдесят сантиметров.

— Это одна из площадок Спотти, — объяснила Айра. — Он у нас один из самых старых и самых ручных. Я на него особенно рассчитывала, его намного легче снимать, чем других.

Но пока что не было видно ни Спотти, ни других лирохвостов. Вскоре мы дошли до лощины, где древовидные папоротники росли в окружении огромных валунов, облаченных в зеленые шубы из меха. По дну лощины, журча, бежал ручеек с крохотными белыми пляжами в излучинах. И вот тут-то, идя вдоль ручья, мы увидели первого лирохвоста. Айра, возглавлявшая нашу колонну, вдруг остановилась и подняла вверх руку. Мы тихонько подошли к ней, и она показала на малюсенький пляж метрах в пятнадцати от нас. Там на песке, чуть наклонив голову набок, стоял лирохвост и смотрел на нас большими, блестящими темными глазами; его огромный хвост был подобен пышному кружевному жабо. Наконец лирохвост решил, что мы вполне безобидны, покинул пляжик и грациозно зашагал между толстыми стволами древовидных папоротников, то и дело останавливаясь, чтобы энергично поскрести подстилку своими мощными ногами. Мы было последовали за ним в надежде, что он свернет и выйдет на просеку, так как в

лощине было слишком темно для съемки, но он весь ушел в добывание пищи и продолжал углубляться в чащу. Впрочем, уже то, что мы все-таки увидели лирохвоста, нас чрезвычайно воодушевило, и мы вернулись на просеку в приподнятом настроении. Согревшись горячим кофе, мы разделились и начали обследовать опушку леса вдоль просеки.

Мы так настроились на поиски лирохвостов, что встречи с другими лесными жителями явились для нас полным сюрпризом. Первыми нам попались три дородных птенца кукабурры — три «смешливых дурака», как называют в Австралии этих гигантских зимородков. Тройка сидела в ряд на ветке, красуясь шоколадно-серым оперением с нарядными синими заплатами крыльев. Полоска черных перьев на голове образовала как бы полумаску, придавая птенцам неожиданное сходство с тройкой толстых мальчишек, играющих в бандитов. К нашему удивлению, зимородки, завидев нас, издали резкий стрекочущий клич, слетели вниз и сели прямо перед нами, после чего запрыгали взад-вперед и принялись сипло кричать, взмахивая крыльями и просительно разевая свои широкие клювы. Айра, лучше нас знавшая обычаи Шервудского Леса, преспокойно извлекла из кармана большой кусок сыра, и мы стали потчевать крикунов этим несколько неожиданным лакомством. Наконец, набив себе животы сыром, зимородки тяжело взлетели на сук и опять устроили засаду, подстерегая новые жертвы.

Следующий обитатель леса поразил нас еще больше, чем кукабурры. Я уныло стоял перед кустами, соображая, в какую сторону лучше направиться, чтобы найти лирохвостов, как вдруг тихонько хрустнули ветки и появился толстый серый зверь ростом с крупного бульдога. Я сразу узнал вомбата. В прошлом (когда я работал в зоопарке Уипснейд) у меня был как-то длительный и пылкий роман с очаровательным представителем этого вида, и с тех пор я к ним неравнодушен. На первый взгляд вомбат напоминает коалу, но у него гораздо более плотное сложение, и он больше смахивает на медведя, так как приспособлен к наземному

образу жизни. У него сильные, короткие, слегка искривленные ноги, и косолапит он совсем по-медвежьи; зато голова больше похожа на голову коалы — круглые глаза-пуговки, овальная плюшевая заплатка носа и бахромка по краям ушей.

Выйдя из кустов, вомбат на секунду остановился и с каким-то грустным видом громко чихнул. Потом встряхнулся и, уныло волоча ноги, зашагал прямо на меня — этакий игрушечный мишка, который знает, что дети его разлюбили. Совершенно убитый, ничего не видя перед собой, он продолжал приближаться ко мне, явно поглощенный какими-то очень мрачными мыслями. Я стоял абсолютно тихо, и вомбат только тогда заметил меня, когда его отделяли от моих ног каких-нибудь два-три метра. К моему удивлению, он не бросился наутек, даже не убавил шаг, а подошел ко мне и с легким интересом во взоре принялся осматривать мои брюки и ботинки. Еще раз чихнул, потом горько вздохнул и, бесцеремонно оттолкнув меня, побрел дальше по тропе. Я пошел за ним, но вомбат вскоре свернул в лес, и я его потерял.

На мой вопрос, не знает ли она этого вомбата, Айра рассказала, что он уже лет десять пользуется славой патриарха здешнего леса. Он часто показывается днем — для ночного животного это необычно — и относится ко всем посетителям так же равнодушно, как отнесся ко мне. Очевидно, раз и навсегда решил, что если этим нескладным двуногим нравится бродить по его лесу в поисках каких-то горластых птиц — пусть себе бродят, лишь бы его не трогали.

Всю вторую половину дня мы прочесывали лес, надеясь застать лирохвостов на участках, пригодных для съемки, однако нам не повезло. Птиц было много, но все они таились в лесном сумраке. Мы вернулись в гостиницу, хмурые, иззябшие и голодные.

На следующий день (это было воскресенье) погода выдалась получше, и мы отправились в лес, окрыленные надеждой. Правда, Айра несколько обескуражила нас: по ее

словам, в воскресенье заповедник привлекает особенно много посетителей, поэтому птицы могут оказаться пугливее, чем обычно. Она продолжала настаивать, что самое правильное — ориентироваться на старину Спотти, и мы пошли к лучшей из его «танцевальных площадок», которую нам удалось найти на лесной поляне среди невысоких, по пояс, кустов. Условия для съемки здесь были отменные, теперь все дело было за Спотти. Казалось, наша кампания кончится успешно — не успели мы расположиться по соседству с поляной, как явился долгожданный Спотти. Однако он ничего не стал исполнять, а, постояв неподвижно несколько минут с отсутствующим видом, опять скрылся в лесу. Так повторялось шесть раз; шесть раз мы хватали аппаратуру и делали стройку, словно терьер перед крысиной норой, но все напрасно. На седьмой раз Спотти подошел к нам и милостиво поклевал немного сыра, но стоило нам заикнуться, что, мол, теперь не худо бы и исполнить что-нибудь, как он величаво удалился.

Мы продолжали терпеливо ждать. Мимо нас по тропе шли экскурсанты — пожилые дамы, молодые пары и отряды бойскаутов; всех их привлекла в лес надежда увидеть танцы лирохвостов. Как чудесно, говорил я себе, что есть такой заповедник, куда столько горожан могут приходить на пикник и с расстояния в несколько метров наблюдать одно из самых удивительных представлений в мире пернатых. А люди все шли и шли, неся свертки с бутербродами и дешевенькие фотоаппараты, и все желали нам доброго утра и справлялись, где сегодня танцуют птицы. Мы не без желчи отвечали, что сами хотели бы это знать.

Ожидание затянулось, а Спотти все не показывался. Тут послышался треск, и из леса выскочил пожилой священник в потрепанной панаме, который прижимал к себе сумку, набитую провизией. Заметив нас, он остановился, поправил модные очки, мягко улыбнулся и приблизился вкрадчивой походкой, чтобы рассмотреть извивающиеся провода, звукозаписывающую аппаратуру и кинокамеры, которые холодно поблескивали на своих треногах, словно марсианские

чудовища.

— Вы хотите снимать лирохвостов? — спросил он наш унылый отряд.

— Да, — ответили мы, потрясенные его проницательностью.

— Так ведь их целые полчища вон там, в лесу, — сказал он, подчеркивая свои слова энергичным жестом. — Полчища… В жизни не видел так много лирохвостов. Вы бы туда пошли… вон туда.

Когда он проследовал дальше, выполнив дневную норму добрых поступков, Джим глубоко вздохнул.

— Если в пределах досягаемости появится еще один лирохвост, я своими руками сверну ему шею, — объявил он. И добавил: — Это относится и к священникам тоже.

Минул еще час. Крис расхаживал по поляне с видом герцога Веллингтона в канун битвы при Ватерлоо, и вдруг почти одновременно произошли две вещи. В лесу, метрах в трехстах-четырехстах от нас, запел лирохвост, и Джим, ругнувшись вполголоса, вскочил на ноги, схватил одну камеру и помчался туда. Только он исчез, как показался старина Спотти и решительным шагом направился к «танцевальной площадке».

— Живей, живей, — простонал Крис, хватая запасную кинокамеру. — Придется тебе записывать звук.

Прорвавшись сквозь кусты, он принялся лихорадочно устанавливать камеру на краю площадки; я последовал за ним, весь опутанный волочащимися по земле проводами. Нам повезло, мы сумели развернуть аппаратуру, прежде чем подоспел Спотти. Мы остановились метрах в двух от «эстрады», ближе подойти не решались, чтобы не спугнуть птицу. Крис нажал кнопку, камера застрекотала, и в ту же секунду, словно он только и ждал этого сигнала, Спотти ступил на площадку. Он остановился, смерил нас царственным взглядом, затем поднялся на кучу листьев и начал свое выступление.

Я был готов услышать что-то замечательное, но Спотти

был так великолепен, что мне стоило большого труда сосредоточиться на звукозаписи. Сперва прозвучали две-три пробные ноты, словно он настраивал свою флейту, а затем Спотти медленно опустил крылья, расправил хвост, так что над спиной у него засверкал белый каскад перьев, закинул голову — и из его горла полились звуки столь виртуозные, что описать их попросту невозможно. Наряду с трелями и фиоритурами, иногда даже сочного контральтового тембра, я услышал хриплый, резкий хохот кукабурры, крик австралийской трещотки (напоминающий свист и щелчок пастушьего бича) и звук, который можно сравнить лишь с дребезжанием набитой камнями жестяной банки, катящейся вниз по скале. И ведь что удивительно: все эти странные, немелодичные звуки так искусно сочетались с основной темой, что ничуть ее не портили, а только украшали. Я ухитрился подвесить микрофон примерно в метре от певца и был очень доволен своей ловкостью, но когда взглянул на рекордер, то с ужасом обнаружил, что он вот-вот лопнет от силы звука, врывающегося в микрофон. Энергичными жестами я попытался втолковать Крису, какая случилась оказия; говорить я не смел, опасаясь что мой голос попадет на звуковую дорожку. Во что бы то ни стало (объяснял я руками) нужно отодвинуть микрофон. Крис бросил взгляд на пляшущую стрелку прибора, тоже пришел в ужас и понимающе кивнул мне.

Передо мной стояли одновременно две нелегкие проблемы: во-первых, отодвинуть микрофон так, чтобы не потревожить Спотти, во-вторых, при этом не влезть самому в кадр. Придется ползти под камерой на индейский манер… Я осторожно лег на живот и пополз, чувствуя, что именно здесь специально для меня собраны колючки со всей Австралии. Вообще-то я напрасно опасался реакции Спотти. Как истинный артист, он был настолько поглощен и восхищен собственным исполнением, что при желании я мог бы выдернуть ему все хвостовые перья. Но кто мог поручиться, что этот Нарцисс не пробудится от транса и не оборвет

выступление? Поэтому я старался двигаться медленно и незаметно. Именно в эти минуты я постиг важнейшую житейскую мудрость: шип, что вонзается в вашу плоть постепенно, причиняет боль неизмеримо более сильную, чем шип, который вонзается мгновенно. Все же мне в конце концов удалось перенести микрофон в точку, где можно было не бояться, что он рассыплется от мощного голоса лирохвоста. Четверть часа, пока Спотти изливал свою душу в песне, мы с Крисом пребывали в неловких позах. Но вот прозвучала восхитительная завершающая трель, после чего Спотти опустил хвост, поправил крылья и величаво удалился с площадки в кустарник.

Крис повернулся ко мне с округлившимися глазами и недоверчивым выражением лица, обычным для него, когда все идет на лад.

— Кажется, вышло неплохо, — вымолвил этот мастер преуменьшать.

Я освободил середину живота от многочисленных образцов австралийской растительности, встал и внимательно посмотрел на него.

— По-моему, тоже неплохо, — подтвердил я. — Конечно, было бы гораздо лучше, если бы он подписал контракт и приехал в Бристоль, чтобы повторить все на студии.

Крис испепелил меня взглядом, мы собрали снаряжение и пошли обратно к просеке.

— Удалось что-нибудь снять? — взволнованно спросила Джеки.

— Да, кое-что сняли, — ответил Крис с видом престарелого государственного деятеля, не желающего признаться, что ни он сам, ни его партия не знают толком, в чем суть его политики. — Но пока еще неизвестно, что получится.

— Это было, как игра в кости, — объяснил я Джеки. — И почти все шансы против нас. В нашу пользу только одно: мы находились в полутора метрах от придурковатого

лирохвоста, который исполнял свои лучшие номера. Ближе нельзя было подойти без риска, что певец проглотит микрофон, но, конечно, с точки зрения Парсонса, — это типичный случай съемки наобум.

Крис яростно поглядел на меня, однако не успел дать сдачи, потому что в эту минуту из кустарника, весело и фальшиво что-то насвистывая, ленивой походкой вышел Джим. Он добродушно улыбнулся нам, положил на землю камеру и любовно ее погладил.

— Нет маленьких людей, — сказал он. — Не горюй, Крис… дело в шляпе… я все снял… положись на Джима.

— Что ты снял? — недоверчиво спросил Крис.

— Все сокровенные тайны жизни и быта лирохвостов, — небрежно произнес Джим, — Прихожу, а они там бегают туда-сюда, топают ногами, из себя выходят. После Дворца танцев в Слау мне еще не приходилось видеть ничего подобного.

— Что ты снял? — резко повторил Крис.

— Я же тебе говорю — все. Как лирохвосты бегают и трясут хвостом друг перед другом. Пока вы тут копались, я отошел на несколько шагов и один все сделал. Спас наш фильм. Ладно, так уж и быть, разделим Большой приз телевидения поровну.

Прошло еще несколько минут, прежде чем мы добились от него внятного и вразумительного рассказа, что именно он снял. Эти кадры и в самом деле оказались чуть ли не лучшими за всю нашу экспедицию.

Возмущенный нежеланием лирохвостов сотрудничать с нами, Джим немедля ринулся в заросли, как только услышал их крики, и застал такую сцену, которую мало кому доводилось видеть, не говоря уж о том, чтобы как-то зафиксировать увиденное на пленку. В лощине с вполне достаточным для съемок освещением он обнаружил самца, преступившего границу территории соперника. Необыкновенное зрелище! Хозяин участка расправил в воздухе свой хвост, напоминающий белое облачко, наклонил

голову и сделал выпад, топая ногами и раскачиваясь. Нарушитель отлично понимал, что провинился, однако, оберегая свой престиж, тоже расправил хвост и принялся топать ногами и раскачиваться. При этом оба громкими, раскатистыми голосами кричали друг другу что-то оскорбительное. Из-за пышных хвостов почти не видно было самих птиц, и они напоминали какие-то одушевленные искрящиеся водопады, к которым внизу приделали ноги, а хвостовые перья шуршали, будто осенние листья на ветру. Наконец нарушитель решил, что достаточно постоял за свою честь, и отступил, после чего Джим, ликуя, вернулся к нам. Пусть нас непрерывно поливал дождь и донимал холод, какого я не помню со времен путешествия в Патагонию, — мы все-таки сняли лирохвостов.

Следующей нашей задачей было попытаться снять сумчатую белку. Одно время казалось, что этот маленький, очень милый зверек совершенно исчез с лица Земли. Впервые его открыли в 1894 году, и в музейных коллекциях хранилось немало шкурок сумчатых белок, но затем он внезапно пропал, и, так как область распространения вида была очень невелика, все решили, что он вымер. А в 1948 году, к удивлению скептически настроенных натуралистов, в эвкалиптовом лесу неподалеку от Мельбурна была обнаружена маленькая популяция сумчатых белок. Точное место держали в секрете из опасения, что натуралисты (из самых добрых побуждений) и экскурсанты нагрянут туда и все испортят.

Вот почему меня ничуть не удивила реакция мистера Батчера, когда в ответ на мои слова о том, что нам очень хотелось бы снять сумчатую белку, он смерил меня взглядом, в котором было столько же подозрительности, сколько сочувствия. Он сказал, что хотя район обитания этих животных приблизительно известен, пока не определены ни границы ареала, ни количество особей, поэтому мы можем неделями бродить по лесу и ничего не увидеть. Мои кости еще помнили промозглую сырость Шервудского Леса, тем не менее я с храброй улыбкой ответил, что это ничего не значит,

если есть хоть малейшая надежда выследить этих робких зверьков. Разумеется, добавил я, мы сохраним в секрете место их обитания, а если нам удастся заснять хотя бы несколько кадров с сумчатыми белками, это будет очень важно для нас и для фильма, который мы намереваемся посвятить охране фауны. Только бы мистер Батчер отверз свои уста и доверил нам тайну, а мы, продолжал я (бесцеремонно распоряжаясь судьбой Джеки, Криса и Джима), готовы ночи напролет бродить по лесу ради того, чтобы хоть одним глазком взглянуть на сумчатую белку.

То ли тупость моя подействовала, то ли верность долгу, а может, то и другое вместе, во всяком случае мистер Батчер печально вздохнул и сказал, что, уж так и быть, он отправит нас в район обитания белок в сопровождении молодого ученого, вновь открывшего пропавший вид, но за результат не ручается. А пока, на тот случай, если из этой затеи ничего не выйдет, он предлагает мне посмотреть кое-что. И мистер Батчер провел меня в принадлежащую Управлению обширную лабораторию, полную банок с заспиртованными зверьками, карт, диаграмм и прочих предметов ученого обихода. Перед небольшой вертикальной клеткой, напоминающей шкафчик с проволочной дверцей, он остановился, отворил дверцу, сунул руку внутрь и, к моему несказанному удивлению, извлек из маленького ящичка двух толстых, большеглазых и чрезвычайно добродушных сумчатых белок.

Это было так же невероятно и так же волнующе, как если бы мне вдруг преподнесли живых додо или детеныша динозавра. Лежа у меня на ладонях, плюшевые зверушки подергивали носами и ушками и глядели на меня большими темными глазами, еще мутноватыми от столь бесцеремонно нарушенной сладкой дремоты. Животные были ростом с галаго, мех — гладкий и мягкий, как у крота, с красивым узором из пепельных, белых и черных полос, а волоски на беспокойных хвостиках — тонкие, словно нити стеклянной ваты. У них были округлые, добродушные мордочки и

крохотные, изящные лапки. Очнувшись от сна, они сели на задние лапы, степенные и дородные, и милостиво приняли от меня угощение в виде мучных червей. Тем временем мистер Батчер объяснил, что, когда эти обаятельные зверушки были открыты вновь, исследователи решили, что не худо бы поймать пару и попытаться приучить их к неволе на случай, если маленькую колонию постигнет какое-нибудь несчастье.

Налюбовавшись очаровательными существами, мы сжалились и вернули их в спальню: пусть спят дальше. Затем мистер Батчер представил нас Бобу Уонерку, рослому, плечистому молодому австралийцу с приятной внешностью. Боб занимался сумчатыми белками, и он сказал, что охотно покажет нам их последний оплот, однако встречи с ними не гарантирует. Мы ответили, что все понимаем и ни на что не претендуем, так как это не первый случай в нашей практике.

Ночью, когда Боб заехал за нашей четверкой, чтобы проводить нас к сумчатым белкам, небо было безлунным и стоял страшный мороз. Мы забрались в лендровер, напялив на себя все, что нашлось из одежды, и все равно у нас зуб на зуб не попадал. Следуя за машиной Боба, мы выехали из Мельбурна; сперва дорога шла по сравнительно ровной, открытой местности, а потом начался подъем, и мы очутились в высоком, глухом эвкалиптовом лесу, причем в свете фар стволы казались еще более причудливо изогнутыми, чем днем. По мере подъема становилось все холоднее.

— Приезжайте в солнечную Австралию, — задумчиво произнес Джим. — Помните рекламу? В страну, где тридцать градусов в тени и все ходят смуглые… Типичное надувательство.

— Но ведь в Англии в самом деле так считают, — возразил я. — Вот уж не думал, что тут будет такой холод.

— Сейчас бы несколько хороших грелок, или электрический камин, или что-нибудь в этом роде, — донесся голос Джеки, приглушенный мехом куртки, в которую она куталась.

Наступила короткая пауза; я соображал, не завалялась

ли где у меня бутылка виски.

— А вот я однажды, — предался воспоминаниям Джим, — поджег постель феном.

Мы молча переваривали эту информацию, пытаясь представить себе, как это могло произойти. Конечно, Джим все может, но… в конце концов мы сдались.

— Ну? — сказал я.

— Я тогда только женился. Мы с женой снимали меблированную комнату. Хозяйка была настоящая собака, вы понимаете, о чем я говорю: того не делай, этого не делай. Я ее боялся как огня. А холод стоял страшный, и у нас нечем было согреть постель, только женин фен. Здорово он нас выручал. Кладешь подушки по сторонам, между ними сушилку, накрываешь одеялом — и все в порядке: через полчаса приятная теплая постель.

Джим смолк и печально вздохнул.

— Но однажды ночью, — продолжал он, — что-то разладилось. Не успели оглянуться — пшшш! — вся постель загорелась. Дым, пламя, перья летят во все стороны. Мы больше всего боялись хозяйки, как бы она не пронюхала, а то выбросит на улицу среди ночи. Я всю кровать облил водой, когда тушил, представляете себе, сколько грязи было. Полночи мы занимались уборкой, а вторую половину провели на стульях. На следующий день пришлось потихоньку выносить матрац и покупать новый. С тех пор — никаких электрических штучек. Только обычные грелки с горячей водой.

Забираясь все выше в горы, мы углубились в эвкалиптовый лес и находились уже на изрядном расстоянии от Мельбурна. Наконец машина Боба свернула с шоссе на ухабистый проселок, который на первый взгляд вел в непролазную чащу, однако через двести-триста метров мы увидели поляну с крохотным домиком. Здесь машины остановились, мы выгрузились сами и выгрузили снаряжение. Боб захватил с собой охотничьи фонарики (из тех, что укрепляют с помощью ремешка на голове, а батарейку

подвешивают на поясе), и теперь он роздал их нам. Приготовив всю аппаратуру, мы гуськом отправились по дороге в лес. Шли медленно, тихо, время от времени останавливались, чтобы прислушаться и посветить кругом. Тишина царила полная. Как будто эвкалипты только что лихо исполняли буйную пляску, но, заметив нас, насторожились и застыли. Казалось, урони булавку, и все услышат; единственным звуком был шелест листвы под ногами. В такой жуткой тишине мы прошли с полкилометра. Это было похоже на то, как если бы мы очутились в пещере в недрах земли и кругом торчали не эвкалипты, а причудливые сталагмиты. Но вот Боб остановился и кивнул мне.

— Отсюда примерно на полтора километра простирается участок, где мы их обычно встречаем, — прошептал он и добавил: — Если вообще встречаем.

Наше продвижение возобновилось, а уже через несколько метров Боб вдруг замер на месте и направил луч фонаря на землю метрах в пяти от нас. Мы затаили дыхание. Впереди в кустах что-то еле слышно шуршало. Боб стоял неподвижно, только светил во все стороны, будто маяк. По-прежнему слышался шорох, но никто не показывался, и тут внезапно луч фонарика выхватил из мрака одного из самых причудливых зверьков, каких мне когда-либо доводилось видеть. Он был величиной с кролика, с длинным, посапывающим носиком, яркими бусинками глаз и заостренными, как у чертика, ушками. Шерстка грубая, коричневая с желтым отливом, хвост совсем крысиный. Зверек брел по опавшей листве и усиленно что-то вынюхивал; время от времени он останавливался, чтобы поскрести землю своей аккуратной лапкой, — видимо, искал насекомых.

— Кто это? — прошептала Джеки.

— Это длинноносый бандикут, — шепнул я в ответ.

— Не остри, — прошипела она. — Ответь толком.

— Я не виноват, что их так называют, — рассердился я.

А длинноносый бандикут, не подозревая, что моя жена не верит в его существование, между тем вспахивал носом

кучу листьев, словно бульдозер какой-нибудь диковинной конструкции. Внезапно он сел и с минуту чрезвычайно энергично и сосредоточенно чесался. Отведя душу, он еще несколько секунд посидел как бы в забытьи, вдруг сильно чихнул и, продолжая вспахивать листья, скрылся в кустах.

Мы прошли крадучись еще несколько сот метров и очутились на лужайке. Здесь нас ожидало второе доказательство того, что лес не такой уж безжизненный, каким он казался. Мы остановились и направили фонарики на кроны ближайших эвкалиптов; неожиданно в лучах света огромными рубинами засверкали четыре глаза. Осторожно ступая, мы заняли более удобную позицию и разглядели тех, кому принадлежали светящиеся глаза. На первый взгляд эти животные напоминали большущих черных белок, но с гладкими хвостами. Они высунулись из дупла, которое образовалось на месте обломившегося сука. Свет потревожил зверьков, они выбрались на ветку, и это позволило нам лучше разглядеть их. Сходство с белкой оказалось чисто внешним. Уши у них пушистые и листовидные, мордочки — круглые, чем-то похожие на кошачьи, с маленькой пуговкой носа. Вдоль боков тянулась кожная перепонка, и, когда зверьки сидели, как теперь, она лежала на их ребрах складками, точно занавеска. Я сразу понял, что это какие-то сумчатые белки, но не знал, какие именно.

— Кто это? — шепотом спросил я Боба.

— Большие сумчатые летяги, — ответил он тоже шепотом. — Самые крупные из сумчатых летяг… их здесь довольно много. Постойте, может, мне удастся заставить их спланировать.

Он поднял с земли палку и направился к дереву. Зверьки с благодушным любопытством наблюдали за ним. Подойдя к стволу, Боб раз-другой сильно ударил по нему палкой, и тотчас любопытство сменилось паникой. Животные заметались по ветке, испуганно вереща, словно две старые девы, обнаружившие под кроватью мужчину. Им было явно невдомек, что не меньше двадцати метров разделяет их и

Боба, так что бояться нечего. Боб вновь принялся колотить по стволу; смятение сумчатых летяг возрастало, и наконец одна из них с каким-то кошачьим мяуканьем оттолкнулась от ветки и прыгнула в воздух. При этом она вытянула все четыре лапы, кожные перепонки по бокам расправились и превратились в «крылья», а сам зверек стал почти прямоугольным, если не считать, что спереди торчала голова, а сзади длинный хвост. Поразительно ловко, словно искусный планерист, бесшумно делая сложные повороты, он пролетел над прогалиной и с легкостью бумажного голубя приземлился на другом стволе, метрах в двадцати пяти от первого. Тут и второй зверек последовал за ним таким же манером и сел на то же дерево, чуть пониже. Воссоединившись, они принялись карабкаться вверх по стволу и вскоре исчезли в густой кроне. Полет этих милых созданий произвел на меня сильнейшее впечатление, особенно — расстояние, которое они покрыли, однако Боб заметил, что это далеко не предел: известны случаи, когда сумчатые летяги одним прыжком покрывали расстояние до ста метров, а шестью последовательными прыжками — до шестисот метров.

Но хотя увиденные нами животные были удивительно интересными, мы еще не выследили главную дичь, а потому продолжали углубляться в лес. Мы продвигались так медленно, описывая кривые в зарослях, что казалось, будто позади уже не один километр, на самом же деле мы не прошли и пятисот метров. Кто-то заметил на дереве еще какого-то зверька, но это была ложная тревога, зверек оказался малой сумчатой летягой. В свете фонарика она и внешностью и размерами очень напоминала сумчатую белку, однако мы сразу ее опознали, как только она прыгнула и исчезла, паря среди ветвей, будто пепел над костром. Шел уже первый час ночи, от холода я не чувствовал ни рук ни ног и с вожделением думал о горящем камине и о чае с виски. Внезапно Боб остановился и осветил молодую эвкалиптовую поросль перед нами, потом быстро шагнул в сторону и опять повел лучом по листве. А когда он поймал нужную точку, мы

неожиданно увидели толстую, пушистую сумчатую белку, которая абсолютно невозмутимо лежала на ветке всего в трех-четырех метрах от нас.

Мне уже доводилось видеть этих редких животных в мельбурнской лаборатории Управления природных ресурсов, но это нисколько не умерило моего восторга от встречи с одним из представителей вида в его родном эвкалиптовом лесу. Направив на него свой фонарик, я жадно впитывал все подробности. Зверек лежал боком к нам и мигал своими большими темными глазами, словно давая понять, что яркий свет ему мешает. Немного погодя он попробовал сесть и причесать свои усы, однако опора была слишком узка для такого маневра, и зверек сорвался. В последнюю секунду ему удалось уцепиться за ветку, и он повис, силясь дотянуться до нее задними лапами — точь-в-точь как неопытный и весьма тучный акробат, впервые имеющий дело с трапецией. Наконец он подтянулся и, переведя дух, с озабоченным видом медленно побрел по ветке. Неожиданно зверек с поразительной при такой комплекции скоростью и энергией прыгнул, пролетел метра два по воздуху и легко, как пушинка, опустился на другую ветку. А тут — представляете себе нашу радость! — навстречу из листвы выбежала его супруга. Они взволнованно приветствовали друг друга тоненьким писком, затем она села на корточки и принялась расчесывать шерсть своего повелителя, который воспринял эту процедуру с явным удовольствием. Ни свет, ни наш шепот их нисколько не тревожили, но тут я неосторожно наступил на сучок, и он сломался с таким звуком, словно выстрелила небольшая пушка. Белки замерли в разгар нежного объятия, потом молниеносно повернулись и тремя грациозными прыжками скрылись в сумраке леса. Проклиная свою неловкость, я утешал себя мыслью, как нам повезло, что мы вообще увидели сумчатых белок, и не просто увидели, а минут десять наблюдали их личную жизнь.

Мы возвратились на поляну, где стояли машины, и вошли в домик. И вот уже жаркое пламя гудит над

душистыми эвкалиптовыми поленьями, и мы сидим перед огнем и изгоняем холод из окоченевших конечностей с помощью смеси из виски, горячей воды и большого количества сахара. Наконец, когда наши ткани обрели чувствительность, а щеки начали гореть, мы уселись в лендровер и покатили обратно в Мельбурн. Путь предстоял долгий, зато позади был вечер, который я не променял бы ни на что на свете.

Глава пятая. ПОЛНО ДЕРЕВО МЕДВЕДЕЙ

«Он телом нескладен, он скуден умом…»
(Так часто говаривал Сторож.)
«Охота Ворчуна»

Температура в кабине лендровера достигла тридцати с лишним градусов, и мы изнемогали от пыли, жары и усталости. Позади был долгий путь: выехав из Мельбурна, мы пересекли Новый Южный Уэльс и теперь катили по Квинсленду. После леденящей изморози, которая донимала нас в Мельбурне, контраст с безоблачным голубым небом и палящим солнцем казался особенно резким. И никто из нас не смел роптать — ведь всего сутки назад мы проклинали холод и молили небо послать нам немного солнца. Теперь солнца было столько, что мы обливались потом. Но вот дорога плавными петлями начала спускаться в долину, где плечом к плечу стояли шелестящие листвой розовоствольные эвкалипты, и на обочине мы увидели дощечку с надписью:

ОСТОРОЖНО НОЧЬЮ ЗДЕСЬ ПЕРЕХОДЯТ КОАЛЫ

Я понял, что мы приближаемся к цели — заповеднику Дэвида Флея в Баррен-Пайнз.

Дэвид Флей, верно, один из самых известных натуралистов Австралии. Уже много лет он пишет об удивительной фауне своей страны, и это он первым добился того, что утконосы стали размножаться в неволе. Я давно слышал о деятельности Дэвида Флея и очень хотел познакомиться с ним лично. Многолетний руководитель заповедника Хилсвилл в Виктории, он недавно оставил эту должность, переехал в Квинсленд и основал свой собственный заповедник на Золотом Берегу — так называют полоску солнечных пляжей, слывущих австралийской Ривьерой. Через полчаса, миновав еще три предупреждающих знака, мы поравнялись с симпатичным домиком,

примостившимся на склоне, с которого открывался вид на эвкалипты всех сортов и цветущие субтропические растения, радующие глаз яркими красками. Колокольчик висел на виду, мы позвонили и стали смиренно ждать. Наконец появился Дэвид Флей.

Если можно о ком-нибудь сказать, что он выглядит как типичный австралиец, так это о Дэвиде Флее. Он воплощает собой австралийца, каким его принято представлять себе, но какого вы очень редко увидите в жизни. Рост сто восемьдесят сантиметров с гаком, отличное сложение, однако не за счет мускулов — не тяжеловес, а скорее гибкий хлыст. Обветренное, морщинистое лицо, добрые, умные голубые глаза с лукавой искоркой. Портрет типичного «осси» довершала стетсоновская шляпа, в которой он выглядел так, словно только что вернулся из набега на какой-нибудь пограничный поселок.

Дэвид приветствовал нас сердечно и в то же время с какой-то приятной застенчивостью. Многие люди, достигнув тех же высот славы, что и он, склонны мнить о себе больше, чем это оправдывается их делами; Дэвид же держался так мягко и скромно, что беседовать с ним было одно удовольствие. О себе он не говорил вовсе, только о своих животных, которые составляли смысл его жизни. Об утконосах я уже упомянул, но помимо них Дэвид держал и разводил столько мелких и редких австралийских сумчатых, что тут никто на свете с ним не сравнится; его познания в этой области неоспоримы.

Многие из животных Дэвида — кенгуру, валлаби, эму и другие — содержались в просторных загонах, куда можно было войти через автоматически запирающиеся двери. В итоге посетитель оказывался, так сказать, в одной клетке с животными, — превосходно придумано, ибо это способствовало более непринужденным отношениям с объектом исследования. Захватив большое ведро, полное хлебных корок, Дэвид провел меня к самому вместительному загону, где бок о бок жили кенгуру, валлаби, ибисы и

молодой, метрового роста казуар по кличке Клод. Волосовидное оперение Клода выглядело так, словно он за всю свою жизнь ни разу не причесывался; откровенно говоря, больше всего он напоминал небрежно связанную метелку из перьев для смахивания пыли. Ноги толстые, страусиные, клюв, как у знаменитого диснеевского утенка Дональда Дака, взгляд решительный и властный. И хотя Клод был намного меньше кенгуру и валлаби, с которыми делил загон, не оставалось никакого сомнения, кто здесь хозяин.

Мы с Дэвидом сели на поваленный ствол и начали раздавать угощение. В тот же миг нас окружила целая толпа суетящихся кенгуру и валлаби, которые нетерпеливо тыкались мягкими носами в наши руки, спеша получить корки. Клод в это время стоял в дальнем конце загона и, судя по его виду, размышлял о греховности мира сего; вдруг до него дошло, что он рискует прозевать бесплатный обед. Он стряхнул с себя оцепенение и вприпрыжку помчался к нам, громко топая своими ножищами. Осадившие нас животные преграждали ему путь, но Клод живо пробился в первые ряды, разгоняя пинками всех мешавших ему кенгуру и валлаби. Они явно привыкли к подобным атакам и прытко отскакивали в сторону, а один раз, когда Клод хотел наподдать большому серому кенгуру обеими ногами, тот (вот ведь трус!) увернулся, и казуар с размаху сел на землю. Сверкая глазами, он поднялся на ноги и с такой решимостью пошел на сумчатых, что они бросились врассыпную, словно стадо овец перед овчаркой. Любой из крупных кенгуру мог одним метким пинком уложить Клода наповал, но они были слишком хорошо воспитаны. Обратив в бегство соперников, казуар вернулся к нам и начал поглощать хлебные корки с такой жадностью, что кто не видел — не поверит.

Однако кенгуру и валлаби вновь стали подступать, и Клоду то и дело приходилось отрываться от еды, чтобы отгонять их. Взрослые казуары достигают почти полутора метров, и я невольно подумал, что если Клод и впредь будет столь же воинственно относиться к другим животным,

пожалуй, лучше всего со временем отвести ему персональный загон.

В следующем загоне Дэвид держал своих эму — крупных медлительных птиц с крайне тупым и самодовольным видом. Один эму, с белым оперением и лазоревыми глазами(*2) сидел на гнезде, в котором лежало четыре яйца. Семейная жизнь этих птиц налажена так, что она удовлетворила бы самую ярую суфражистку: испытав, так сказать, радости брачного ложа, самка откладывает яйца и спешит выбросить из головы всю эту гадость. Самец строит гнездо (если можно его так назвать), переносит в него яйца и преданно их насиживает, даже ничего не ест, а когда птенцы вылупятся, он пестует их, пока они не подрастут настолько, что могут сами о себе позаботиться. А самка все это время преспокойно развлекается в эвкалиптовых кущах — это ли не верх эмансипации!

Мне хотелось посмотреть на яйца, которые так старательно насиживал белый эму, и Дэвид сказал мне, чтобы я вошел в загон и попросту спихнул отца с гнезда — он, мол, совершенно ручной и ничуть не обидится. До этого дня я и не подозревал, как трудно столкнуть с гнезда сопротивляющегося эму. Во-первых, он кажется невероятно тяжелым, не меньше тонны, во-вторых, за него никак не ухватишься. Эму знай себе сидел на гнезде, и сколько я ни возился с этим нескладным созданием, мне никак не удавалось сдвинуть его с места, только перья поддались моим усилиям. Наконец, подсунув ему под грудь колено и действуя им как рычагом, я заставил папашу встать и оттолкнул его, после чего, пока эму не улегся опять, поспешил наклониться над яйцами, словно сам собирался их насиживать. Стоя за моей спиной, белый эму сосредоточенно смотрел на меня. Несмотря на уверения Дэвида, что он совсем ручной, я не спускал с него глаз — ведь эму ничего не стоило прикончить меня одним ударом ноги, а я не представляю себе более унизительной смерти для натуралиста, чем смерть от пинка птицы.

Яйца длиной около пятнадцати сантиметров казались сделанными из оливково-зеленой керамики очень красивого темного оттенка с каким-то скульптурным узором по всей скорлупе наподобие барельефа. Разглядывая их, я увлекся, на миг забыл про хозяина гнезда и с ужасом обнаружил, что он воспользовался случаем и подкрался ко мне вплотную. Внезапно могучее тело эму навалилось на меня сзади, так что я едва не упал на яйца, а длинная шея легла на мое плечо, и, повернув голову, он благодушно уставился мне в лицо с расстояния менее четверти метра. Одновременно в груди птицы родился рокочущий звук, словно некий обезумевший танцор в солдатских ботинках отплясывал чечетку на большом барабане. Не зная, как воспринять этот маневр эму, я предпочел стоять неподвижно, глядя в его голубые гипнотизирующие глаза. А папаша тем временем совсем вывернул шею, словно решил проверить — может, вверх ногами я выгляжу симпатичнее. Вновь прозвучал глухой рокот, и эму, упираясь ногами в землю, начал настойчиво подталкивать меня к гнезду. Очевидно, он полагал, что я должен разделить с ним его обязанности, но у меня на очереди были более важные дела, чем насиживание страусиных яиц. Медленно, чтобы не обидеть его, я выпрямился и удалился. Эму проводил меня печальным взглядом, и весь его вид свидетельствовал о том, что он был обо мне лучшего мнения. Наконец он решительно встряхнулся (при этом его перья зашелестели, точно дубовые листья на ветру), шагнул к гнезду и бережно лег на драгоценные яйца.

Как только я пришел в себя после интрижки с эму, Дэвид повел меня смотреть животных, которыми он чрезвычайно гордился, и не без основания, ибо речь шла о питомнике тайпанов — самых грозных змей Австралии. Держать змей в неволе само по себе нелегко, добиться от них потомства еще труднее, а заставить размножаться в неволе таких редких и пугливых тварей, как тайпаны, — это настоящий подвиг. Тайпан — третья в мире по величине

ядовитая змея (уступает только королевской кобре и черной мамбе), он достигает в длину трех с половиной метров. Крупный экземпляр выделяет при укусе до трехсот миллиграммов яда — вдвое больше, чем любая другая австралийская ядовитая змея, — а роль шприца играют зубы длиной почти в полтора сантиметра. Не так-то приятно получить этакую инъекцию…

Питомцы Дэвида возлежали в элегантных позах в благоустроенной клетке и были очень хороши собой. Спина — цвета надраенной меди, живот перламутровый, голова светло-коричневая. Тонкая шея и большие яркие глаза подчеркивали красоту и грозный вид тайпанов. Дэвид рассказал о волнующих минутах, которые он пережил, ловя этих змей. Впрочем, не только волнующих, но и опасных, ибо укус тайпана способен за пять минут убить лошадь. Он показал мне двухметровую красавицу Александру — гордую мамашу, которая ежегодно откладывала по двадцать яиц. Эти яйца Дэвид переносил в особый инкубатор, и через сто семь дней из них вылуплялись змееныши. Интересно, что при размере яиц шесть на четыре сантиметра из них выходят детеныши длиной около полуметра; тайпаны явно знают секрет, как влить море в наперсток. Дэвид регулярно «доит» своих змей и отправляет яд в лабораторию Содружества, где делают сыворотку, которая уже спасла жизнь многим жертвам тайпанов. «Доение» происходит так: стакан или другой стеклянный сосуд накрывают марлей, берут змею, открывают ей пасть и просовывают ядовитые зубы сквозь марлю. Яд капает с зубов в сосуд.

В эту минуту властно прозвенел висящий снаружи дома колокольчик, и два австралийских журавля в загоне поблизости расправили крылья и принялись лихо отплясывать, закинув голову и громко трубя.

— Чай готов, — объяснил Дэвид. — Они всегда танцуют, как услышат колокольчик. Очень удобно для съемок.

Журавли продолжали свой буйный танец, а мы пили чай

и любовались этими красивыми птицами: оперение дымчатого, графитового цвета, на голове — яркие красные и желтые метины. Как и большинство журавлей, они танцевали превосходно, очень изящно выполняя разные па, пируэты и поклоны. На воле австралийские журавли иногда собираются большими группами и устраивают своего рода птичий бал, вальсируют и прыгают с партнерами под голубым небом. Я не раз слышал, что это одно из самых замечательных зрелищ, какие можно увидеть в Австралии.

После чая мы пошли смотреть животных, которым Дэвид больше всего обязан своей славой, — удивительных утконосов.

Об утконосах написано столько, что, как говорится, дальше некуда, и все-таки стоит еще раз перечислить самые примечательные особенности этих редкостных, невероятных созданий. У них упругий клюв и перепончатые ноги, как у утки; тело покрыто короткой, очень мягкой шерстью, как у крота; хвост короткий и веслообразный, как у бобра; задние ноги самца вооружены шпорами с ядом, который почти так же опасен, как яд змеи, и в довершение всего, хотя утконос — млекопитающее (то есть он теплокровный и выкармливает свое потомство молоком), его детеныши вылупляются из яиц. Правда, в отличие от других млекопитающих у него нет сосков, их заменяет так называемое железистое поле: молоко выделяется через мелкие отверстия, и детеныши не сосут его, а слизывают. Утконосы — насекомоядные, они питаются пресноводными рачками, червями и личинками, причем каждый утконос съедает за ночь столько, сколько весит сам. Чудовищный аппетит этого животного — одна из многих причин, почему его так трудно содержать в неволе.

Чета, которую нам показал Дэвид, обитала в специально устроенном им «платипусариуме» (платипус — утконос). Платипусариум состоял из большого мелкого пруда и размещенных на берегу деревянных «спален» — неглубоких ящиков, выстланных сеном и соединенных с водой длинными ходами, обитыми изнутри резиновой губкой. Дело в том, что

утконосы всегда роют себе узкие ходы, и когда они возвращаются из воды в нору, лишняя влага отжимается из шерсти трением о стенки. В неволе, как установил Дэвид, лучше всего выстилать ходы сеном или губкой, которые выполняют ту же функцию. Если утконос попадет в свою «спальню» мокрый, он почти неизбежно простудится и погибнет.

Пруд был пуст, когда мы подошли к нему; тогда наш любезный хозяин открыл одну «спальню», сунул руку в шуршащее сено и извлек оттуда утконоса. Мне никогда не доводилось видеть живых утконосов, но я уже давно знал их по фотографиям и по фильмам. Я читал про их своеобразное строение, сколько яиц они откладывают, чем питаются и так далее. Словом, мне казалось, что я их основательно изучил, но, глядя на извивающегося зверька на руках у Дэвида, я вдруг понял, что многолетнее заочное знакомство не дало мне ровным счетом никакого представления об индивидуальности утконоса. Причудливый изгиб клюва создавал видимость постоянной благодушной улыбки; в круглых карих глазах-пуговках выражалась яркая личность. Я бы сравнил утконоса с одним из милых родственников Дональда Дака, одетым в меховую шубу, которая была ему велика. Казалось, он сейчас закрякает, — и в самом деле, звук, издаваемый утконосом, напоминал недовольное квохтанье сердитой наседки. Дэвид опустил его на землю, и утконос заковылял, словно детеныш выдры, с любопытством обнюхивая все на своем пути.

Дэвид не только разработал методы содержания утконосов и первым в мире добился того, что они размножались в неволе, — он дважды брался за такое рискованное дело, как доставка утконосов в нью-йоркское Зоологическое общество. Страшно даже подумать обо всех трудностях, сопряженных с таким предприятием! Надо припасти на дорогу тысячи рачков, червяков и головастиков, изготовить специальный платипусариум; надо исподволь, осторожно подготовить животных к путешествию, ведь

утконосы чрезвычайно впечатлительны, чуть что не так — откажутся от пищи и зачахнут. О выдержке и сноровке Дэвида говорит уже тот факт, что оба раза он благополучно довез своих питомцев до США, и они много лет жили и здравствовали на новом месте.

— Знаете, в Англии в войну ходил один странный слух, — сказал я Дэвиду. — Это было примерно в сорок втором, если не ошибаюсь. Кто-то рассказал мне, будто в Лондонский зоопарк был отправлен утконос. Больше я ничего не слышал и решил, что все это пустые разговоры. Вы случайно не знаете об этом?

— Нет, то были не пустые разговоры, — усмехнулся Дэвид. — Это факт.

— Как, — удивился я, — в разгар мировой войны через все моря везли утконоса?

— Вот именно, — подтвердил Дэвид. — Чистое сумасбродство, верно? В самый разгар войны Уинстон Черчилль вдруг решил, что ему нужен утконос. То ли он рассчитывал, что это хорошее средство поднять дух людей, то ли собирался как-то обыграть это в пропаганде, то ли просто захотел получить утконоса — не знаю. Так или иначе, Мензис обратился ко мне и поручил поймать утконоса, приучить его к неволе и подготовить к плаванию. Ну так вот, я поймал красивого молодого самца, готовил его полгода, потом решил, что можно его отправлять. Проинструктировал человека на судне, которое должно было везти утконоса, снабдил его кучей письменных наставлений. Команда страшно увлеклась этим заданием, все старались мне помочь, и вот утконос вышел в плавание на «Порт Филипе».

Дэвид остановился, внимательно посмотрел на утконоса, который вознамерился съесть его ботинок, нагнулся, осторожно взял озорника за хвост и водворил обратно в «спальню».

— Представьте себе, — продолжал он, — утконос пересек весь Тихий океан, прошел Панамский канал, пересек Атлантику, и вдруг в двух днях пути от Ливерпуля —

подводные лодки! Понятно, пришлось бросать глубинные бомбы. А утконосы, как я уже говорил, страшно впечатлительны и очень восприимчивы к шуму. Разрывы глубинных бомб оказались для нашего путешественника последней каплей, и он испустил дух. В двух днях пути от Ливерпуля!

Мне эта история показалась одним из великолепнейших примеров донкихотства, о каких я когда-либо слышал. Человечество раскололось на два враждующих лагеря, идет самая лютая война в истории, а тут Черчилль с его неизменной сигарой приказывает, чтобы ему подали (подумать только!) утконоса. И вот уже на другом конце света Дэвид терпеливо растит молодого утконоса и старательно готовит его к долгому плаванию через моря, кишащие подводными лодками. Жаль, что у этой истории не было счастливого конца. И все-таки: какой великолепный идиотизм! Сомневаюсь, чтобы Гитлер, даже в минуты умственного просветления, был способен на такое чудачество — в разгар войны потребовать утконоса!

Три дня мы занимались съемками, наслаждаясь очаровательным обществом Дэвида и его жены, а затем пришла пора укладывать снаряжение и отправляться в Мельбурн. Управление природных ресурсов организовало для нас особого рода «охоту», которую мы никак не хотели пропустить; к тому же мы надеялись по пути увидеть одну из удивительнейших птиц Австралии — глазчатую сорную курицу. Итак, мы простились с гостеприимными хозяевами, покинули их чудесный заповедник и направились на юг. Первым «пунктом захода» был маленький городок Гриффитс в сердце Нового Южного Уэльса. По соседству с ним расположен довольно обширный район «малли»: здесь-то мы и надеялись найти глазчатую сорную курицу (она же курица-малли). В Гриффитсе нас встретил Бивэн Бауэн из Организации научного и промышленного исследования (ОНПИ). Под руководством Гарри Фрита, начальника Отдела природных ресурсов ОНПИ, Бивзн занимался изучением

экологии и особенностей размножения сорной курицы, поэтому его попросили быть нашим проводником и консультантом.

Малли представляют собой кусты эвкалипта высотой от двух до четырех метров; местами они растут так густо, что их ветви переплетаются и образуют сплошной полог. На первый взгляд малли кажутся сухими и безотрадными, лишенными каких-либо обитателей, на самом же деле это один из самых интересных типов ландшафта в Австралии — многие виды птиц и насекомых приспособились к этой неблагоприятной среде и их больше нигде не найдешь. Подобно тому как на изолированных архипелагах (так было на Галапагосе) нередко развивались уникальные виды, так и зарослям малли, протянувшимся цепочкой через весь континент, присуща своя особая фауна. И, несомненно, самый интересный вид, обитающий в малли, — глазчатая сорная курица, красивая птица с индейку величиной, которая (пользуясь выражением Гарри Фрита) строит «инкубаторы». К сожалению, мы попали в малли не в брачный сезон, но нам все-таки посчастливилось увидеть и инкубатор, и его строителей.

Серо-зеленые заросли встретили нас жарой и безмолвием, и казалось, кругом нет ничего живого. Немного погодя Бивэн остановил машину и сказал, что дальше лучше идти пешком — больше шансов увидеть сорных кур, если они есть поблизости. И вот тут-то, во время нашей короткой прогулки, мы смогли убедиться, что малли вовсе не такие безжизненные, какими кажутся на первый взгляд. Спугнутые нами, шумно взлетели бронзовокрылые голуби; среди опавшей листвы у нас под ногами скользили тоненькие коричневые ящерки с золотистыми глазами. А перевернув гнилую колоду, я увидел притаившегося человеконенавистника — небольшого, но весьма злобного черного скорпиона. Я копнул рукой землю рядом и извлек на свет Божий двух маленьких своеобразных тварей. Посмотришь — ну прямо золотые змейки длиной каких-нибудь десять сантиметров и со спичку толщиной, но приглядись поближе,

и различишь по бокам, в углублениях в коже четыре крохотные ноги. Выходит, и это ящерицы, только с рудиментарными конечностями: когда надо двигаться, они их поджимают и ползут по-змеиному. Я был в восторге от своей находки, но Крис рвался вперед, ему не терпелось схватиться с большеногой курой. Я неохотно вернул ящериц в лоно земли, и мы зашагали дальше.

Наконец, выйдя на поляну, мы в центре ее увидели что-то похожее на воронку от небольшой, но мощной бомбы. Окружность самой воронки не превышала мусорный контейнер, зато ширина окружавшего ее земляного вала достигала четырех метров. Бивэн объяснил, что это и есть «инкубатор», и рассказал, как возникают эти странные земляные укрепления.

Зимой самец (иногда с помощью самки) вырывает здоровенную яму, заполняет ее отмершей растительностью, а сверху насыпает песок. Под действием дождя и солнца начинается гниение и температура в инкубаторе повышается. Затем самец вскрывает гнездо, приходят самки и откладывают яйца в несколько слоев, тупым концом вверх. Самец тщательно засыпает их песком. Будь это рептилии, заботы самца на этом закончились бы, он удалился бы восвояси, предоставив солнцу «насиживать» яйца. Но сорные куры — не беспечные рептилии, самец следит за яйцами, и ему нужно, чтобы температура в «инкубаторе» держалась на уровне 35 градусов. Казалось бы, это непосильная задача для какой-то птицы, но самец сорной курицы отлично с нею справляется. То ли язык, то ли нежная оболочка внутри клюва (точно еще никому не удалось определить) служат термометром, и он с поразительной точностью определяет температуру в гнезде. Ежедневно самец погружает открытый клюв в песок и в зависимости от колебаний температуры либо снимает часть покрова, либо наращивает его. Шесть-семь месяцев он неотступно следит за тем, как бы драгоценные яйца не простыли или не испеклись. Его преданность долгу поразительна. Стоит показаться дождевой туче, как он со всех

ног мчится к гнезду и насыпает конус из песка, чтобы дождевая вода стекала по этой «крыше». Попробуйте прийти с лопатой и добраться до яиц: тотчас прибежит самец и, стоя рядом с вами, будет засыпать гнездо ногами с такой же скоростью, с какой вы его будете раскапывать. В конечном итоге упорный труд самца вознаграждается — из яиц вылупляются птенцы, но им еще надо пробиться на волю сквозь более чем полуметровый слой горячего песка. Это дело долгое и нелегкое, птенцу требуется от двух до пятнадцати часов, чтобы выползти на поверхность. И когда он, совсем беспомощный, выберется из кучи, то обычно в полном изнеможении бредет в ближайшую тень, где ложится отдохнуть и набраться сил. Но через два часа птенец уже способен довольно быстро бегать, а через сутки он может летать.

Как только мы кончили исследовать кучу, Бивэн повел нас дальше в глубь малли. Продолжая поиски птиц, мы около часа безуспешно прочесывали заросли и уже готовы были сдаться, как вдруг Бивэн замер на месте и показал пальцем. Впереди на полянке, недоверчиво глядя на нас, стояли две глазчатые курицы. У них была очень приятная розовато-серая окраска, причем спину, крылья и хвост еще украшали рыжевато-коричневые, серые и густо-золотые пятна. Ниже клюва на грудку спускался «шарф» с таким же узором. Птицы оказались намного красивее, чем я думал, и мне страшно хотелось подойти поближе. Мы начали подкрадываться к ним через заросли, но не прошли и нескольких метров, как курицы насторожились. С минуту они беспокойно ходили взад-вперед, потом направились в заросли, шагая четко и важно, словно встревоженные индейки, к которым подбирается повар.

Страшно подумать, что, если в ближайшие десять лет не будут приняты решительные меры, эти удивительные птицы могут исчезнуть с лица Земли. Мало того, что завезенные лисы раскапывают «инкубаторы» и крадут яйца, опаснейшими конкурентами сорных кур стали кролики и

овцы, которые наводняют малли и уничтожают растения и семена, составляющие их питание. Эти прожорливые и неразборчивые гости изменяют всю экологию зарослей, и лишенным пищи птицам остается либо уходить (если есть куда), либо погибать от голода. А недавно возникла еще одна угроза — со стороны земледельцев. Прежде никто из них не трогал малли, так как почва этих районов считалась неплодородной, но теперь открыли новые минеральные удобрения, позволяющие использовать эти земли под пшеницу. Значит, обширные площади малли, до сих пор служившие убежищем для сорных кур, будут расчищены и распаханы, а птица исчезнет. Разумеется, прогресс тормозить нельзя, но неужели во имя прогресса непременно надо уничтожить все на нашем пути? Сорные куры — одни из самых поразительных птиц на свете, уже поэтому они заслуживают право на жизнь. Немало времени и сил потрачено. чтобы привлечь внимание общественности и отстоять других представителей австралийской фауны, и это хорошо, так неужели нельзя сделать то же для глазчатой сорной курицы и хоть где-то сохранить эту птицу и ее специфическую среду обитания на радость грядущим поколениям?

Неподалеку от того же Гриффитса мы стали очевидцами картины, которая с потрясающей силой свидетельствовала о том, как важно наладить охрану животных. Рядом с дорогой, на колючей проволоке, ограждающей огромное поле, было развешано двадцать восемь орлов-клинохвостов. Их подстрелили и распяли вниз головой на ограде, устроив своего рода птичью Голгофу. Больше половины составляли едва оперившиеся птенцы. Пока мы снимали это жуткое зрелище, показался грузовик, в кузове которого сидели австралийцы.

— Нашли что снимать! — закричали они. — Из-за такой малости не стоит время тратить.

— Из-за такой малости? Что они хотели этим сказать? — спросил я Бивэна. — По-моему, двадцать восемь

убитых орлов — неплохая добыча.

— Они так не считают, — угрюмо ответил Бивэн. — Иногда на ограде можно увидеть до полусотни и больше убитых птиц.

Конечно, клинохвост — крупная и сильная птица, и он, несомненно, причиняет немалый ущерб фермерам, унося ягнят, так что этому хищнику нельзя позволять чересчур размножаться. Но хотя клинохвосты пока достаточно широко распространены, есть ли у них надежда выжить, если истребление будет продолжаться? На свете очень мало видов, хитрость и плодовитость которых позволила бы им выдержать подобный натиск.

Удрученные кровавым зрелищем, мы поехали дальше. Нас ждал Мельбурн, где мы надеялись запечатлеть на пленке пример успешной борьбы за спасение фауны, с самым популярным животным Австралии в главной роли. Речь шла о медведе коала.

Разумеется, коала никакой не медведь, а сумчатое, которое, подобно многим другим австралийским животным, донашивает своих детенышей в выводковой сумке. Было время, когда коал нещадно отстреливали ради их шкур. Трудно представить себе более беспомощную жертву — коалы совсем не боялись людей: сидя на деревьях, они преспокойно смотрели на охотников, которые убивали их сородичей. В 1924 году было экспортировано больше двух миллионов шкурок коал. А так как побоище пришлось на такое время, когда среди коал свирепствовала загадочная вирусная болезнь, косившая их сотнями, они вскоре оказались на грани полного уничтожения. К счастью, правительство своевременно вмешалось и приняло строгие постановления, охраняющие коал. Мало-помалу их число стало возрастать, а в последние годы возникла прямо противоположная проблема: коалы так быстро размножаются, что им уже не хватает корма. Вот и приходится Управлению природных ресурсов устраивать «охоту»: отлавливать часть коал и перевозить их в другие районы, пока они не начали умирать с

голоду.

Отлов, на который нас пригласили, намечался в эвкалиптовом лесу под Мельбурном, в местности с несколько странным названием Стони-Пайнз (Каменные Сосны). В хмурый, дождливый, ветреный день мы прибыли к месту сбора; «охотники» приехали еще раньше на большом грузовике со всем необходимым снаряжением, включая множество деревянных клеток для отловленных коал. Управление природных ресурсов разработало превосходный способ, как ловить сумчатых медведей, чтобы не причинить им вреда и самому избежать укусов. Ловец вооружается длинным раздвижным шестом, на конце которого укреплена петля с фиксирующим узлом, не дающим ей затянуться слишком туго и удушить пленника. Кроме того, необходим круглый брезент вроде того, каким пользуются пожарные при спасении людей из горящего дома. Отлов происходит так: вы находите коалу, надеваете ему петлю на шею (против чего он нисколько не возражает) и дергаете так, чтобы он упал на растянутый брезент, который держат наготове другие участники охоты.

Нагруженные снаряжением, мы углубились в лес и вскоре обнаружили восьмерку коал, в числе которых были три самки с детенышами. Зверьки спокойно сидели на деревьях, рассеянно глядя на нас и не проявляя ни малейших признаков тревоги. Увы, должен признаться, что в тот день у меня сложилось крайне невыгодное впечатление об интеллекте коал. Они как кинозвезды: на вид хороши, а в голове пусто. Мы начали с большого самца, который даже с петлей на шее продолжал нам улыбаться, явно не догадываясь о наших намерениях. Правда, когда петля натянулась, он покрепче ухватился за дерево своими кривыми когтями и даже хрипло зарычал, словно тигр. Но веревка оказалась сильнее, и в конце концов он выпустил ствол и шлепнулся на брезент. Поле этого нас ожидала приятная работенка: надо было снять петлю с шеи пленника и поместить его в транспортную клетку. Кто считает коалу ласковым, кротким

существом, пусть-ка попробует снять у него с шеи петлю.

Наш сумчатый медведь ворчал, рычал, отбивался острыми когтями и норовил укусить всякого, кто подходил близко. Мы немало помучились, прежде чем удалось затолкать свирепо рычащего зверька в клетку. На поимку всей «шайки» ушло часа два. Но вот наконец последний, восьмой коала оказался под замком, и мы повезли их на новое место. Здесь нас ожидал сюрприз: когда мы открыли клетки и вытряхнули коал на землю, они встали и замерли, глядя на нас; пришлось буквально гнать их к деревьям. По гладким стволам эвкалиптов они легко взобрались наверх, примостились на ветвях и вдруг дружно заголосили, точно обиженные младенцы.

У коал есть интереснейшая повадка, которую я надеялся запечатлеть на кинопленку, но, к сожалению, у нас ничего не вышло. Речь идет о способе выкармливания детенышей. Когда детеныш покидает сумку и для него настает пора переходить к твердой пище, мать при помощи некой внутренней алхимии вместо испражнений выделяет мягкую пасту из полупереваренных листьев — нечто вроде нашего детского питания в банках. Детеныш ест эту пасту. пока не подрастет настолько, что может сам жевать довольно жесткие листья эвкалиптов. Более удивительного способа выкармливания детенышей я не знаю.

Хоть коалы и обаятельны на вид, меня разочаровали в них полное отсутствие индивидуальности и общая вялость. Но как охотники за пушниной могли столь безжалостно уничтожать этих доверчивых, милых и безобидных животных — это выше моего разумения.

Как только были завершены съемки «медвежьей охоты» и я перевязал большой палец, распоротый до кости ласковым коалой (я хотел помочь ему влезть на дерево), мы взяли курс на Канберру. ОНПИ организовал там крупную научную станцию с богатой коллекцией сумчатых, и я надеялся заснять немало интересных кадров. Мы в самом деле увидели и сняли в Канберре одно из самых удивительных зрелищ, какие

только мне приходилось когда-либо видеть, и вышло это чисто случайно.

Глава шестая. ЧУДЕСНОЕ ВОСХОЖДЕНИЕ

Миг — и это страшилище дикое
Прямо в пропасть с размаху бросилось.
«Охота Ворчуна»

Фауна Австралии — это такой предмет, о котором ни один уважающий себя натуралист не может говорить без волнения. Кто-то назвал Австралию «чердаком мира», подразумевая место, где хранится всякое старье; сравнение остроумное, но не совсем точное. Самые интересные группы австралийской фауны — однопроходные и сумчатые. Однопроходные — наиболее примитивные среди млекопитающих, они сохранили много черт, подтверждающих, что млекопитающие произошли от рептилий. На первый взгляд однопроходные похожи на обычных млекопитающих: они дышат легкими, теплокровны, их тело покрыто шерстью. А главная и самая поразительная черта, унаследованная от рептилий, заключается в том, что они откладывают яйца, однако детенышей, вылупившихся из яиц, вскармливают молоком. Наиболее знаменит из однопроходных, конечно, утконос; другой представитель отряда — ехидна, странное существо с иглами вместо шерсти, этакий огромный марсианский дикобраз с длинным роговым клювом и сильными, вывернутыми наружу когтями на передних ногах.

У сумчатых целый ряд примечательных черт; хорошо известны такие, как очень короткий срок беременности у большинства видов и рождение совсем недоразвитых детенышей, чуть ли не зародышей. Новорожденный пробирается в выводковую сумку матери, и там продолжается его развитие. Сумчатые чрезвычайно примитивны, и их счастье, что сухопутный мост, по которому они в свое время проникли в Австралию, затем разрушился, не то другие

млекопитающие (такие, как тигры, леопарды, львы и прочие хищники) живо расправились бы с ними. Зато развитие этих животных, отрезанных от всего света и имеющих в своем распоряжении целый континент, шло по самым удивительным линиям. Происходила своего рода параллельная эволюция. Вместо огромных стад копытных, развившихся в Африке, Азии и Америке, нишу травоядных здесь занимают кенгуру и валлаби. Там, где в других частях света обитают лемуры и белки, в Австралии поселились кускусы, сумчатые белки, сумчатые летяги и сумчатые сони. Эквивалентом барсука здесь стал вомбат; хищников представляет тасманский волк — на самом деле, конечно, не волк, а сумчатое животное, очень похожее на своего тезку. Словом, сумчатые не только приспособились к различным экологическим нишам, они повадками, а порой и внешностью напоминают совсем не родственных им животных, развившихся в других частях света. Как пример эволюции Австралийский континент с его клоачными и сумчатыми не менее удивителен, чем Галапагосские острова, которые вдохновили Дарвина на создание эволюционной теории.

До прихода человека сумчатые вели в общем-то довольно идиллическое существование. Конечно, приходилось опасаться некоторых хищников, как то: сумчатого (тасманского) волка, орла-клинохвоста и змей, однако в целом им жилось достаточно вольготно. Но затем появились аборигены и с ними, как полагают, собака динго — коварнейший хищник, который наряду со своим хозяином, человеком, быстро стал врагом номер один местной фауны. Впрочем, хотя динго плодились и распространялись все шире, они почти не повлияли на природный баланс; не нарушили его и аборигены, их было слишком мало. А вот с приходом белого человека для сумчатых наступили черные дни. Мало того что их нещадно истребляли, в их среду обитания вторглись завезенные животные, в частности европейская лиса и кролик; при этом лиса выступала как хищник, а кролик конкурировал с травоядными сумчатыми из-за корма. Когда

же в Австралии появилась овца, крупные травоядные сумчатые окончательно попали в опалу — ведь они конкурировали с овцами, а овцы были нужны человеку. Фермеры возделывали обширные площади засушливых земель, на которых прежде не селились даже кенгуру и валлаби; колодцы и буровые скважины позволили им организовать тучные пастбища для своих стад. Но, к досаде овцеводов, кенгуру и валлаби тоже оценили их труд и устремились на освоенные земли в количестве, равном, а то и превосходящем число овец. И возникла так называемая «угроза кенгуру».

Чтобы управлять популяцией дикого животного, надо кое-что знать об основах его биологии; если его просто убивать, это может не только поставить под угрозу вид, но и причинить огромный ущерб всей экологической системе страны. В разных концах света уже известны примеры того, какими бедствиями грозит пренебрежение спецификой биологии животных. Поэтому, если какое-то животное становится вредителем, постарайтесь возможно лучше изучить его — как говорится, «познай врага своего». Именно для таких задач и создали Отдел природных ресурсов ОНПИ. Стоит только какое-нибудь животное объявить вредителем, как вмешивается ОНПИ и тщательно изучает проблему. По сути дела, эта организация выступает в роли верховного судьи — ведь сколько раз животное, объявленное вредителем, оказывалось после расследования совсем не таким уж вредным! В Канберре у ОНПИ есть крупная лаборатория, уделяющая особое внимание двум видам кенгуру: рыжему и гигантскому. И мы обратились туда, чтобы из первых рук узнать, какая судьба ждет двух самых крупных и самых великолепных сумчатых в мире.

Заведует Отделом природных ресурсов Гарри Фрит, один из виднейших биологов Австралии, известный, в частности, блестящими исследованиями экологии различных австралийских уток и гусей, а также глазчатой сорной курицы. Коренастый, с курчавыми волосами, с лицом,

выдубленным солнцем и ветром, а глаза — ехиднее надо поискать — таков внешний вид Гарри. Как работник он деловой, въедливый и на первый взгляд суховатый. Гарри Фрит уже помог нам письмами (и короткой беседой с Крисом, который встречался с ним на пути в Новую Зеландию); это благодаря его советам наши съемки до сих пор проходили так успешно. Теперь мы хотели снять несколько эпизодов, посвященных канберрской лаборатории, а для этого требовались разрешение и поддержка Гарри. Я прежде никогда с ним не встречался, и когда нас ввели в его кабинет, он показался мне человеком хотя и очень приятным. но внушающим немалый страх. Чувствовалось — малейший неверный шаг, и он замкнется, а тогда добиться от него сочувствия будет так же трудно, как от горы Эверест, Услышав, что нам хотелось бы снять несколько эпизодов из их работы, Гарри довольно угрюмо посмотрел на меня.

— Я отведу вас к загонам и познакомлю с ребятами, — сказал он. — Я-то не против, снимайте, но последнее слово за ребятами. Они безумно заняты, пусть сами решают хотят ли тратить время на вас. Если пошлют вас подальше, я ничего не смогу поделать.

И он ободряюще улыбнулся.

Надеясь, что «ребята» окажутся чуточку более покладистыми. мы пошли за Гарри Фритом к загонам, в которых содержали и разводили различные виды кенгуру и валлаби. Здесь мы познакомились с Джеффом Шерменом, рослым, чрезвычайно обаятельным австралийским ученым, одним из лучших в мире знатоков биология сумчатых. Втолкнув нас, так сказать, в логово льва, Гарри вернулся к своим делам, предоставляя мне самому налаживать отношения с Джеффом. К счастью, это оказалось намного легче, чем я ожидал. Этот симпатичный человек был так влюблен в свою работу, что охотно разговаривал со всяким, кто проявлял к ней малейший интерес.

— Мы собираем информацию, которая помогает нам в изучении диких популяций, — рассказывал он. — Например,

измеряем кенгурят в сумках и следим, как они растут. Это позволяет вычертить кривые роста, а по ним можно определить возраст пойманных диких детенышей. А кроме того, мы осматриваем зубы — это очень важно, ведь по степени стертости зубов также можно установить возраст кенгуру. По этому признаку мы составляем представление о возрастном составе той или иной популяции на воле. Проработаем этот вопрос здесь, в лаборатории, потом отправляемся в поле и метим пробы из дикой популяции кенгуру, чтобы можно было их опознать. А затем каждый раз, когда их поймаем повторно, проверяем зубы и смотрим, развиваются ли они у диких кенгуру так же, как у наших.

— А как с плодовитостью самок? — спросил я.

— Ужасно, — ответил Джефф. — Это все равно что поточная линия на заводе Форда. Посмотришь — один детеныш развивается в чреве, второй висит на соске в сумке, а третий уже бегает, но еще сосет.

Я спросил Джеффа, как происходят роды у кенгуру, — предмет, который всегда меня интересовал, — и тут он меня ошарашил.

— Ах, роды, — небрежно произнес он. — У меня есть небольшая лента на эту тему, могу показать.

— Вы засняли роды? — Я не верил своим ушам. — Но мне всегда казалось, что мало кто наблюдал роды у кенгуру, не говоря уже о том, чтобы снять их.

— Да, пожалуй, мы это сделали впервые, — сказал он. — Но ведь у нас все отработано до тонкостей, мы можем предсказать роды с точностью до нескольких часов.

Крис и Джеки в это время стояли у другого загона, флиртуя с очень милым и не по возрасту развитым валлаби, отделенным от них проволочной сеткой. Я подбежал к Крису.

— Крис, знаешь, что мне сейчас сказал Джефф Шермен?

— Что? — безучастно спросил Крис, продолжая совращать валлаби.

— Он сказал, что у него есть лента, на которой запечатлены роды кенгуру!

— В самом деле? — произнес Крис, слегка озадаченный моим волнением; по его лицу было заметно, что он не видит ничего особенного в том, что у кого-то есть лента, на которой запечатлены роды кенгуру. — Ну и что?

— Как ну и что? — возмутился я. — Пустая голова, неужели ты не понимаешь, что мало кто вообще видел роды у кенгуру. А уж чтобы снять их!.. Насколько мне известно, Джефф первым в мире сделал это.

— Гм. — Взор Криса стал более осмысленным. — А что, это так интересно?

— Конечно, интересно, — сказал я. — Когда детеныш появляется на свет, он всего-то с орех величиной. Это по сути дела зародыш, и чтобы попасть в сумку матери, ему еще Бог весть сколько до нее карабкаться.

— Похоже, это и в самом деле интересно. — Крис слегка воодушевился. — Как по-твоему, Джефф разрешит нам воспользоваться его лентой?

Мы подошли к Джеффу, который только что извлек голенького и довольно непривлекательного кенгуренка из сумки матери и теперь с сосредоточенным видом взвешивал его в мешочке.

— Джефф, — льстиво заговорил я, — не могли бы вы дать нам свою ленту про роды у кенгуру?

— Пожалуйста, — сразу ответил он, однако тут же окатил меня холодным душем: — Только сперва спросите у Гарри.

— Разумеется, — сказал я, — я так и сделаю. Но скажите, если лента вдруг нам не подойдет, есть надежда снять этот эпизод заново?

— Конечно, это очень просто, у нас много самок, которые вот-вот должны родить, но опять же вам надо получить разрешение Гарри.

— А если Гарри даст согласие, вы не будете возражать? — спросил я, добиваясь полной ясности.

— Ни капельки, — ответил Джефф. — Я с радостью вам помогу.

Мы заранее условились с Гарри позавтракать вместе, и за ленчем я ловко уклонялся от разговора о родах у сумчатых, пока он не поглотил изрядное количество бараньих котлет и пинту-другую пива, после чего его суровые лицо самую малость смягчилось. Тогда я сделал глубокий вдох и приступил:

— Гарри… Джефф Шермен говорит, что у вас есть лента, на которую сняты роды кенгуру.

Гарри холодно посмотрел на меня.

— Есть, — осторожно произнес он,

— А нельзя нам снять с нее копию, чтобы включить в свой фильм?

— Почему же нельзя. Но решить этот вопрос должен Джефф.

— О, — сказал я, — тогда все в порядке, он уже согласился, только велел получить ваше подтверждение.

Гарри принял к сведению мои слова, и в глазах его сверкнула какая-то искорка.

— Но предположим, — я поспешно налил ему еще пива, — что эта лента не совсем подходит для телевидения?

— Предположим… что тогда?

— Можно будет снять этот эпизод заново?

— Полагаю, — сухо произнес Гарри, — что вы уже заручились согласием Джеффа Шермена?

— В общем-то, да, — признался я. — Но он сказал, что последнее слово за вами.

— Я не возражаю, — сказал Гарри. — Если Джефф считает, что съемки не помешают его работе и он может это организовать для вас, я нисколько не возражаю.

Я облегченно вздохнул и улыбнулся Кристоферу.

— Заруби себе на носу, дружище, — это будет гвоздь нашего фильма. Если сумеем заснять!

После ленча, ликующие, мы вернулись к Джеффу Шермену и сообщили ему, что Гарри не возражает. Джефф порадовался вместе с нами и живо установил в своем кабинете проектор, чтобы прокрутить заветную ленту. Увы,

она нас разочаровала. Мы увидели все подробности, столь важные для Джеффа как ученого, но для телевидения этот материал не годился. Теперь вступал в силу план номер два: снимать эпизод заново.

— Пожалуй, вернее всего ориентироваться на Памелу, — сказал Джефф, пристально глядя на большеглазого серого кенгуру, который торопливо хватал своими обезьяноподобными передними лапами куски моркови и энергично их пережевывал. — Ей рожать примерно через неделю, а если она подведет, у нас есть в запасе Мерилин или Марлен, у них срок сразу за ней.

— И какой же порядок мы установим? — спросил я.

— Понимаете, — объяснил Джефф, — первый признак — это когда самка принимается чистить сумку. Обычно она это делает за несколько часов до родов. Если вы в это время будете где-нибудь поблизости, мы вам позвоним, и вы успеете установить свои светильники и камеры.

— А камеры и свет ее не испугают? — поинтересовался Крис.

— Ни капли, — ответил Джефф. — Она у нас очень спокойная.

И потянулось ожидание. Первое время мы ходили вокруг загона, словно будущие отцы вокруг родильного дома, и снимали каждое движение Памелы. Но так как кроме родов (если получится) нам хотелось запечатлеть на пленку все аспекты «проблемы кенгуру», Гарри и Бивэн Бауэн повезли нас на «участок» под Канберрой (этакое небольшое хозяйство площадью в каких-нибудь 200 тысяч акров), где они изучали один из вопросов биологии кенгуру.

— Мы пытаемся выяснить ряд вещей, — рассказывал Гарри, пока мы катили по жухлой траве между эвкалиптами. — Прежде всего нам важно разобраться в передвижениях группы кенгуру, узнать, какое расстояние они покрывают, скажем, за неделю или за месяц. Способ один: поймать их и снабдить метками, чтобы можно было опознать на расстоянии в бинокль. Мы надеваем на них цветные

воротнички с номерами. Вы увидите, как это делается. Далее мы хотим установить, насколько сильно развита у кенгуру избирательность к пище. Возьмите, к примеру, Восточную Африку, она кормит тьму разного зверья, и если животные до сих пор не превратили страну в сплошную пылевую пустыню, то только потому, что они стенофаги, то есть каждый вид антилоп поедает какие-то определенные растения и почти совсем не трогает другие, которые в свою очередь служат кормом для антилоп другого вида. А вот когда завозят новый вид, который ест все без разбора, тут-то и происходит нарушение биологического равновесия природных ресурсов и кладется начало эрозии. В той же Восточной Африке основной ущерб причиняют несчетные стада тощих, совершенно непривлекательных на вид коров и коз, готовых жевать все, что попало. Возможно, мы выясним, что и здесь происходит нечто в этом роде, что кенгуру — стенофаг и фактически причиняет меньше вреда, чем кролик или овца. Но даже если это подтвердится, нам еще предстоит адский труд — убедить в этом овцеводов.

Он рассмеялся:

— Помню, как-то на севере я убеждал рисоводов, что полулапчатый гусь — вовсе уж не такой вредитель. Так меня чуть не линчевали, а однажды здоровенный верзила вытащил меня из машины, и была бы мне крышка, если бы не Бивэн.

— Вот уж не думал, что борьба за охрану животных может принимать такие жестокие формы!

— Представьте себе! Но вообще-то кенгуру и впрямь встали настоящей проблемой. Я знаю фермы, где численность кенгуру чуть не втрое превысила поголовье овец. Несомненно, это вредит интересам овцеводов и что-то надо предпринять. Мы надеемся, что сможем управлять численностью популяций, и тогда отпадет надобность варварски истреблять кенгуру. Почему бы не устроить так, чтобы и овцы были сыты, и кенгуру целы?

Уже некоторое время ехали вдоль колючей проволоки, как вдруг на краю этого огромного поля заметили странное

сооружение. Вдоль ограды тянулся сужающийся ход, одной стенкой его служила сама ограда, а другой — проволочная сетка. Ход заканчивался небольшим загоном площадью около трехсот квадратных метров.

— Это ловушка, — объяснил Гарри. — А способ лова такой: сперва вы находите кенгуру, потом потихоньку гоните их так, чтобы они бежали вдоль ограды. Постепенно увеличиваете скорость, но только очень осторожно — если вы поспешите, они испугаются, перескочат через ограду — и поминай как звали. Главное, выбрать такую скорость, чтобы они ровно бежали вдоль ограды и через ход попадали прямо в загон. А уж тогда нажимай, спеши перехватить их, пока они не выпрыгнули из ловушки.

Он высунулся из кабины, прокричал что-то Бивэну, который вел второй лендровер, и обе машины, сорвавшись с места, начали кружить по огороженному полю в поисках кенгуру. Носиться со скоростью пятидесяти с лишним километров в час по ухабам, то и дело сворачивая, чтобы не врезаться в эвкалипт, — удовольствие не из приятных. Первыми, кого мы спугнули, оказались несколько эму, и эти глупыши, испуганные и ошеломленные, вместо того чтобы бежать в сторону, бросились нам наперерез, а очутившись перед машинами, окончательно потеряли голову — не догадались свернуть, затопали впереди нас, работая своими ножищами так усердно, что едва не касались ими собственного клюва. Так мы доехали до ограды, но эму, к моему удивлению, и не подумали остановиться, а продолжали мчаться прямо на нее. Один с ходу проскочил насквозь, расставшись с изрядным количеством перьев, другой боком задел колючую проволоку и отскочил обратно, отступил на несколько шагов и затем сделал новый рывок, на сей раз успешный; правда, и он оставил возле ограды столько перьев, что хватило бы на небольшую подушку.

— Вот почему фермеры не любят и эму, — сказал Гарри. — Они без конца ломают ограду.

Мы колесили еще с четверть часа, вдруг Бивэн

посигналил нам. Мы посмотрели в его сторону и увидели с десяток серых кенгуру, которые неподвижно сидели на опушке небольшого леса, настороженно глядя на нас. Гарри сделал лихой поворот вокруг дерева, и мы помчались прямо на кенгуру, а Бивэн заехал с другой стороны, отрезая им путь к отступлению. При нашем приближении кенгуру тронулись с места. Сначала они прыгали словно нехотя, но когда машины увеличили скорость, кенгуру испугались и побежали всерьез. Используя хвост как орган равновесия, они совершали такие огромные прыжки, что дух захватывало от этого зрелища. Скоро нам удалось завернуть их, они поскакали вдоль ограды к ловушке, и обе машины сразу развили бешеную скорость. Я никогда не поверил бы, что можно нестись по такой местности со скоростью восьмидесяти километров в час. Надо было не только держаться изо всех сил, чтобы не выскочить из машины через тент или ветровое стекло, но и постоянно быть начеку, чтобы тебя не застал врасплох крутой поворот, когда впереди возникало очередное деревцо.

Кенгуру не на шутку встревожились, некоторые из них останавливались, намереваясь прыгнуть через ограду, но всякий раз мы прибавляли скорость и срывали им попытку. А вот и ловушка впереди. Еще один резкий бросок обоих лендроверов, и перепуганные насмерть кенгуру, промчавшись по ходу, очутились в тупике. Мы резко затормозили, выскочили и ринулись в загон прямо к мечущимся животным.

Есть только один верный способ поймать кенгуру: хватать его за хвост, но так, чтобы не пострадать от его могучих задних ног, которые могут и насмерть зашибить. Пленник будет прыгать на месте до тех пор, пока не выдохнется или пока кто-нибудь из ваших товарищей не подоспеет на помощь и не ухватится за какую-нибудь другую часть тела животного. Действуя таким образом, мы скрутили всех кенгуру одного за другим. Солнце нещадно палило, и бедняжки тяжело дышали и обливались потом от жары и усталости. На каждого кенгуру осторожно надели аккуратные целлулоидные воротнички разных цветов и с разными

номерами, после чего пленников поочередно вынесли из загона и отпустили. Большинство из них, не скрывая радости, сразу пускалось вскачь, но один кенгуру, ростом поменьше, застыл на месте с отупелым взглядом, когда его опустили на землю. Гарри подошел и легонько шлепнул его, кенгуру тотчас в ярости повернулся к нему, и завязался на редкость потешный боксерский поединок. Гарри наступал на кенгуру, стараясь прогнать его, а тот пытался подловить Гарри на удар. А так как кенгуру был вдвое меньше человека, это напоминало отважный поединок Давида с Голиафом. В конце концов кенгуру решил, что выпустить Гарри кишки не удастся, и с явной неохотой поскакал вдогонку за своими сородичами.

Теперь уже совсем немного оставалось ждать родов, и мы поселились в мотеле, расположенном менее чем в километре от лаборатории. Ох, и задала нам жару эта Памела! Три дня подряд одна за другой следовали ложные тревоги, причем она устраивала их с таким расчетом, чтобы вконец расстроить нам нервы. Стоило нам сесть за стол, или лечь в ванну, или погрузиться в сладкий сон — вдруг срочный вызов к телефону, и Джефф сообщает, что, по всем признакам, Памела собирается рожать. Мы начинали лихорадочно одеваться (если новость застигала нас в ванне или в постели), выскакивали со всем снаряжением во двор, втискивались в лендровер, и машина с ревом срывалась с места. Наше странное поведение явно заинтриговало владельца мотеля и других постояльцев, и они стали поглядывать на нас с опаской; пришлось во избежание недоразумений объяснить, чего мы добиваемся. После этого все начали болеть за нас и дружно бросались к окнам с поощрительными возгласами, когда мы неслись к лендроверу, роняя части снаряжения и сбивая друг друга с ног. А примчимся к загону — Памела как ни в чем не бывало уплетает какое-нибудь лакомство и с легким недоумением смотрит на нас: с какой это стати мы удостоили ее новым визитом?

Наконец однажды вечером владелец мотеля ворвался в

столовую, где мы в это время обедали, и. сообщил, что Джефф Шермен только что позвонил и сказал, что у Памелы вот-вот начнутся роды, это уж совершенно точно. Опрокинув бутылку вина и разметав по полу салфетки, словно осенние листья, мы пулей вылетели из столовой, провожаемые криками «давай!» и пожеланиями удачи. Крис сгоряча так быстро тронул машину, что я еще стоял одной ногой на земле, когда он дал газ; с невероятным усилием, едва не вывихнув позвоночник, я ухитрился подтянуть ногу, и мы понеслись по дороге к лаборатории.

— Ну, на сей раз без обмана, — встретил нас Джефф. — Я абсолютно уверен.

Памела не могла выбрать лучшего времени. Стоял кромешный мрак, было страшно холодно, и все покрывала обильная роса. Мы поспешно развесили дуговые лампы и установили камеры. Памела сидела, прислонясь к ограде, и предусмотрительно чистила передними лапами свою сумку. Она делала это очень старательно, тщательно вычесывая когтями шерстку. Если не следить за сумкой, в ней накапливается липкое вещество вроде серы в наших ушах; это вещество Памела и извлекала теперь. Мы засняли ее за работой, потом сели и выжидательно уставились на роженицу. Чистка продолжалась еще с полчаса, затем Памела удрученно посмотрела вокруг и удалилась в другой конец загона, чтобы подзакусить.

— Похоже, придется немного подождать, — сказал Джефф.

— А вы уверены, что это не очередная ложная тревога? — спросил я.

— Нет-нет, теперь уж точно. Она не стала бы так тщательно чистить сумку, если бы не готовилась рожать.

Поеживаясь от холода, мы глядели на Памелу; Памела, мерно работая челюстями, глядела на нас.

— Зайдем пока в будку, — предложил Джефф. — Там теплее. А то, если руки окоченеют, вы не справитесь с камерами.

Мы втиснулись в маленькую будку, и на радость всей компании я достал бутылку виски, которую предусмотрительно захватил с собой. Между глотками мы по очереди выходили и с надеждой смотрели на Памелу, но все оставалось по-старому.

— Н-да, вот это работенка, — заметил Джим. — Всю ночь не спать, глушить виски и ждать, когда появится на свет какой-то кенгуренок… В жизни не переживал ничего подобного.

— Вот и хорошо, есть чем пополнить твою коллекцию необычайных происшествий, вроде случая с феном или с морской болезнью на понтонном мосту, — отозвался Крис.

— При чем тут фены и понтонные мосты? — заинтересовался Джефф.

Мы объяснили ему, что Джим не простой смертный, с ним на каждом шагу случается что-нибудь из ряда вон выходящее.

— Заставьте его рассказать, как у него велосипед застрял в дымоходе, — сказал я.

— Что? — удивился Джим. — В дымоходе? Это как же?

— Врет он, — возмутился Джим. — Не было ничего такого.

— А я помню, как ты мне об этом рассказывал, — возразил я. — Правда, подробности забыл, но помню, что история была захватывающая.

— Нет, вы скажите, — в Джеффе заговорил ученый, — как это вам удалось засунуть велосипед в дымоход?

— Да врет же он, говорю вам, — ответил Джим. — У меня сроду не было велосипеда, так что я его никак не мог засунуть в дымоход.

Не сомневаясь, что все так и было, как я сказал, просто Джим из скромности не хочет рассказывать о своем подвиге, Джефф и его сотрудники весь следующий час посвятили разбору того, как он мог справиться с такой задачей, и каждая новая догадка еще больше распаляла Джима.

Его выручил один из помощников Джеффа, который

распахнул дверь и сказал:

— Боевая тревога! Кажется, началось.

Мы живо выбрались из будки и заняли свои места. Памела металась по загону, и было видно, что ей не по себе. Наконец она вырыла неглубокую ямку и села в нее, прислонившись спиной к ограде, причем хвост лежал на земле у нее между ног. Некоторое время она пребывала в такой позе, потом ей, очевидно, опять стало не по себе, потому что она легла на бок и полежала так несколько секунд, после чего встала. Попрыгав, она вернулась к ямке и уселась в прежней позе. Тот факт, что на нее были направлены дуговые лампы, две кинокамеры и глаза десятка зрителей, ее нисколько не смущал.

— Пожалуй, пора пускать камеры, — сказал Джефф.

Обе камеры застрекотали, и в ту же секунду, как по сигналу, появился на свет детеныш. Он упал на хвост Памелы и остался лежать там — розовато-белый поблескивающий шарик не больше первого сустава моего мизинца. Я примерно знал, что увижу, и все-таки за все годы, что мне приходится наблюдать животных, редко доводилось видеть такое удивительное и поистине невероятное зрелище. По существу, перед нами был зародыш — ведь со времени зачатия прошло всего тридцать три дня. Абсолютно слепой, аккуратно сложенные вместе задние ножки совсем не действуют — в таком состоянии кенгуренок был исторгнут на свет Божий, а тут ему еще предстояло взбираться вверх по обросшему шерстью животу матери и отыскивать вход в сумку. Напрашивалось сравнение с безногим слепцом, карабкающимся сквозь густой лес к вершине Эвереста, тем более что малыш не получал никакой помощи от Памелы. Мы установили (и наш фильм может это подтвердить), что мать (вопреки распространенным утверждениям) не облизывает шерсть, чтобы проложить дорожку для детеныша. Как только кенгуренок родился, он, причудливо, почти по-рыбьи, извиваясь, покинул хвост и начал пробираться вверх сквозь шерсть. Памела не уделяла ему никакого внимания.

Нагнувшись, она вылизала низ живота и хвост, потом принялась наводить чистоту *позади* ползущего малыша, который, очевидно, оставлял на шерсти влажный след. Несколько раз ее язык задел детеныша, но я уверен, что это было чисто случайно, а не намеренно.

Медленно и упорно пульсирующий розовый шарик прокладывал себе путь сквозь густой мех. От рождения малыша до того момента, когда он достиг края сумки, прошло около десяти минут. Существо весом всего в какой-нибудь грамм (вес пяти-шести булавок!) сумело одолеть такой подъем — это само по себе было чудом, но ведь ему надо было решить еще одну задачу. Выводковая сумка не уступает по размерам большой дамской сумке, и такую огромную площадь, да еще обросшую мехом, лилипутик должен был обследовать, чтобы найти сосок. Этот поиск длится до двадцати минут. Стоит детенышу захватить ртом сосок, как последний сразу разбухает так, что кенгуренок прочно пристает к нему — настолько прочно, что если вы попробуете оторвать его от соска, нежные ткани рта кенгуренка будут изранены в кровь. Кстати, видимо, поэтому возникло совершенно ошибочное представление, будто детеныши кенгуру рождаются «из соска», иначе говоря, отпочковываются от него.

Но вот наконец малыш перевалил через край выводковой сумки и скрылся внутри; можно было останавливать камеры и выключать свет с сознанием, что нами сняты замечательные, уникальные кадры. Крис и Джим были в восторге. Это и в самом деле было незабываемое зрелище. и я уверен, что даже самый закоренелый враг кенгуру из числа овцеводов был бы восхищен непреклонной решимостью, с какой детеныш выполнил геркулесов труд. Его произвели на свет недоразвитым и вынудили совершить столь тяжкое восхождение — так неужели он не заслужил права спокойно жить в своей выстланной мехом колыбели с центральным отоплением и встроенным молочным баром? Я от души надеюсь, что исследования Гарри Фрита, Джеффа

Шермена и их товарищей позволят спасти самое крупное среди сумчатых от полного истребления.

Часть третья.
ИСЧЕЗАЮЩИЕ ДЖУНГЛИ

Конечно, Бобру было б лучше всего
Добыть подержанную кольчугу…
«Охота Ворчуна»

ПРИБЫТИЕ

Я сидел под деревом, усыпанным огромными алыми цветами, и задумчиво потягивал пиво, когда послышался рокот моторной лодки. С высокой кручи открывался вид на широкие лесные просторы — словно персидский ковер с зелеными, красными, золотыми и кирпичными нитями, — а внизу, между крутыми берегами, глянцевой бурой веретеницей извивалась река Тембелинг. И сидел я около рестхауза на границе самого большого в Малайе Национального парка, раскинувшегося во все стороны громадного лесного массива.

Я сделал еще глоток; татаканье подвесного мотора звучало все громче. Интересно, кого везет эта лодка? Наконец она вышла из-за поворота и направилась к пристани подо мной. Насколько я мог разглядеть, она была битком набита компанией чрезвычайно веселых сикхов, которые, чтобы скрасить однообразное путешествие вверх по реке, не очень благоразумно, зато от души воздали должное какой-то опьяняющей жидкости. Любопытно было наблюдать, как они не совсем уверенно сходили на берег и, смеясь и обмениваясь шутками, брели вверх по косогору. Проходя мимо дерева, под которым я восседал в одиночестве, они подчеркнуто вежливо приветствовали меня жестами и поклонами. Я поклонился и помахал им в ответ, и они проследовали к небольшой постройке — второму рестхаузу, приютившемуся среди деревьев за несколько сот метров от первого. Один из сикхов

задержался на пристани — заплетающимся языком он отдавал какие-то распоряжения лодочнику; вскоре и он, тяжело дыша, поднялся вверх по склону. Это был человек лет шестидесяти, с благородным лицом и великолепной, как у деда-мороза, бородой, в слегка сдвинутом набекрень тюрбане.

—Добрый вечер, добрый вечер! — приветствовал он меня, как только подошел поближе, махая рукой и благодушно улыбаясь. — Какой чудесный день, не правда ли?

Я лично провел этот жаркий, душный день без толку в неимоверно колючих зарослях, пиявки высосали из меня все соки, но не хотелось огорчать моего нового знакомца.

— Чудесный! — крикнул я в ответ.

Улыбающийся сикх остановился рядом со мной, с трудом переводя дух.

— Видите ли, мы сюда на рыбалку приехали, — объяснил он.

— В самом деле? — сказал я. — А что, здесь хорошая рыбалка?

— Чудесная, чудесная! — ответил он. — Лучшая рыбалка во всей Малайе.

Он поглядел на пивную кружку с видом человека, который в жизни не видал ничего подобного, но готов пойти на любой риск.

— Не хотите кружечку? — спросил я.

— Дорогой сэр, вы слишком добры, — сказал он и поспешно опустился на стул.

По моей просьбе официант принес здоровенную кружку пива, и мой новый приятель с такой силой сжал ее в руках, словно боялся, что она убежит.

— Желаю вам наилучшего здоровья, — сказал сикх и одним духом осушил полкружки, после чего задумчиво рыгнул и вытер губы белоснежным носовым платком.

— Это то, что мне было нужно, — солгал он. — От такого путешествия упаришься.

Около получаса сикх потчевал меня довольно запутанной и чрезвычайно забавной лекцией об искусстве

рыбной ловли, и мне было искренне жаль, когда он наконец встал и, пошатываясь, объявил, что ему пора идти.

— Но вы должны позволить нам ответить на ваше радушие, — серьезно сказал он. — Приходите часам к шести в наш домик, выпьем рюмочку винца, хорошо?

Мне уже доводилось выпивать «рюмочку винца» с сикхами, и я знал, что это дело обычно затягивается до рассвета, но он так настаивал, что отказаться, право же, было бы свинством. Я вынужден был согласиться, и он направился зигзагами к своему рестхаузу, приветливо махая мне через плечо. В это время подошли Джеки и Крис.

— С кем это ты беседовал? — поинтересовался Крис. — С дедом-морозом?

— Это был очень милый сикх, — ответил я. — Он пригласил меня на шесть часов, выпить рюмочку вина.

— Надеюсь, ты отказался, — встревожилась Джеки. — Ты ведь знаешь эти пьяные оргии.

— Знаю, — подтвердил я, — но отказаться было невозможно. Да ты не бойся, я попрошу Криса, чтобы он пришел за мной часиков в семь.

— Почему непременно меня? — недовольно спросил Крис. — Кажется, я все-таки режиссер, а не какой-нибудь странствующий эмиссар Общества трезвенников.

В шесть часов, приняв ванну и переодевшись, я отправился в маленький рестхауз и был радушно встречен компанией рыболовов. Их было пятеро; четверо — дюжие молодцы, пятый — крохотного роста важный человечек в огромных розовых очках. После церемонии взаимных представлений мне налили бокал таких размеров, что я мысленно возблагодарил себя за предусмотрительный уговор с Крисом. Естественно, завязалась беседа о рыбной ловле и съемке животных. Когда эти темы были исчерпаны, наступила короткая пауза, все выпили по второй. А затем вдруг (до сих пор не помню, как это получилось) речь зашла о гомосексуализме. Превосходная, благодарная тема, и мы основательно ее обсудили, вспомнили и Оскара Уайльда, и

Петрониуса, сонеты Шекспира и «Аравийские ночи» Бертона, «Каму Шутру» и «Благоуханный сад». Появился Крис, его усадили за стол и снабдили бокалом, и плавное течение беседы нисколько не нарушилось.

Все это время важный человечек в непомерно больших очках сидел и помалкивал, крепко держа свой бокал и изучая сквозь очки каждого очередного оратора. Наконец (после того, как мы подробно обсудили причины упадка и крушения Римской империи) была исчерпана и эта тема, и воцарилась тишина. Маленький человек только и ждал этой минуты. Он наклонился, пристально посмотрел на меня и прокашлялся. Все выжидательно уставились на него.

— А по-моему, мистер Даррелл, — внушительно произнес он, одной меткой фразой подытоживая все наши разглагольствования, — по-моему, так: каждому — свое хобби.

Глава седьмая. ПЕВЦЫ НА ДЕРЕВЬЯХ

Из нор появились ползучие твари
И воззрились на них с удивлением.
«Охота Ворчуна»

Таман Негара (прежнее название — Национальный парк имени короля Георга V) был создан в 1937 году. Это огромный сплошной массив девственного леса площадью свыше четырех тысяч квадратных километров на стыке штатов Келантан, Паханг и Тренгану. Лишь небольшая часть парка легкодоступна для обычных посетителей. В основном же массив хотя и поддается исследованию, но с огромным трудом. Неудивительно, что здесь до сих пор есть совсем неизведанные районы. В пределах парка вы можете увидеть (если вам повезет) чуть ли не всех представителей фауны малайских джунглей. Одна из важнейших его функций заключается в том, что он служит убежищем для немногих уцелевших суматранских носорогов — их теперь насчитывается всего несколько сот. Подобно другим азиатским носорогам суматранских, или двурогих, носорогов нещадно истребляли, чтобы заполучить рог — его размалывают в порошок и отправляют в Китай, где по бешеной цене сбывают престарелым, одряхлевшим и бесплодным, искренне верящим, что это средство увеличивает половую потенцию. Мне совершенно непонятно, почему жители этой чудовищно перенаселенной страны тратят время и энергию на подобное занятие, но факт остается фактом: из-за этого суеверия почти все азиатские виды носорога находятся на грани полного истребления. И так как найти их становится все труднее, началось избиение носорогов Африки.

Парк, несомненно, изобилует животными, однако нам от этого было не легче. Во-первых, попробуй отыщи их в густом

лесу с высоченными деревьями; во-вторых, отыскав, попробуй-ка их снять! Все же мало-помалу нам удалось составить представление об обитателях парка и их повадках. В их числе были небольшие стада гауров, мощных, красивых диких быков шоколадно-коричневой или черной масти, с белыми чулками и изящно изогнутыми толстыми белыми рогами. С утра гауры пасутся на полянах в лесу, потом, когда начинает припекать солнце, уходят в прохладу под тень деревьев и дремлют до тех пор, пока не спадет жара, а вечером, стряхнув лень, встают и всю ночь бродят по лесу в поисках корма. Гаур — огромное, могучее животное, его очень легко привести в страшную ярость, поэтому мало какой хищник отваживается помериться с ним силой. Два главных его врага — конечно, тигр и леопард. Тигров в Малайе, судя по всему, становится все меньше, но леопард еще сравнительно широко распространен. Тигр, бывает, схватывается с взрослым гауром, леопард же, уступающий тигру и ростом и силой, как правило, предпочитает нападать на молодняк. А вообще-то в лесу хватает дичи, с которой легче справиться, чем с диким быком.

Большинство обитателей леса ночью бодрствует. После захода солнца наступают быстротечные сумерки, лес и небо залиты бледным, прозрачным зеленоватым светом. Вдруг в небе возникает множество черных крапинок, они плывут над деревьями, волна за волной, будто столбы дыма. Это — летучие собаки; звонко гукая, они летят в глубь заповедника за кормом. Весь день летучие собаки провисели вниз головой на сухом дереве ниже по течению, километрах в трех от рестхауза. Право, не знаю, чем их так привлекло это голое дерево, но они висели на нем большими гроздьями, похожие на плохо закрытые зонтики, под нещадно палящими лучами солнца; время от времени они расправляли крылья и энергично ими обмахивались, чтобы охладить свои тела.

Когда летучие собаки снимаются с сухого дерева и рваными гомонящими тучами летят в свои «угодья», — значит, началась ночная смена.

И вот стронулись с места гауры; тигры и леопарды, зевая, потянулись и оценивающе, словно гурманы, принюхались к волнующим ночным запахам леса. На хрупких ножках толщиной с карандаш вышли из своих убежищ крохотные оленьки цвета красного дерева, с изящным камуфлирующим узором из белых пятен и полос. Излюбленная добыча почти всех хищников, оленьки сознают свою уязвимость и постоянно живут в состоянии предельного напряжения, граничащего с истерией. Они буквально порхают среди зеленых зарослей, малейший шум или движение — и они уносятся прочь так стремительно, что глазом не уследишь; невольно спрашиваешь себя: как хищники ухитряются их ловить? Вверху, в густых зеленых кронах, где дневной хор неутомимых, одержимых арфисток-цикад сменился более искусным оркестром древесных лягушек, другие твари пробуждаются от сна с мыслью о пище. Тупайи — похожие на белок, но с длинными ост-рыми мордочками и розовыми носиками, которые непрерывно подрагивают, будто стрелка счетчика Гейгера, — снуют по ветвям и перебегают с дерева на дерево по лианам, опутавшим все стволы своими петлями, словно катаются по американским горам. С первого взгляда простительно принять тупайю за неудачную помесь белки и крысы, и вы бы, пожалуй, удивились, а возможно, и возмутились, скажи вам кто-нибудь, что перед вами — ваш родич, а ведь тупайя сродни многочисленной группе приматов, объединяющей и лемуров, и человекообразных обезьян, и аборигенов, и членов парламента. Больше того, от таких вот милых зверьков и произошли все приматы, но посмотрите на них, когда они, громко вереща что-то друг другу или уплетая жуков с развязностью дебютантки, дорвавшейся до перепелов, мечутся среди листвы, — не видно, чтобы они мучались угрызениями совести.

А вот другой ночной бродяга — толстый лори, чем-то напоминающий маленького, серебристо-розового игрушечного мишку. Его огромные совиные глаза глядят на вас из-за веток с таким отчаянием, словно лори находится на

грани острого и необратимого нервного расстройства. Впечатление усугубляется тем, что кто-то наставил ему синяков. Обычно лори передвигается с живостью и прытью пожилого и весьма тучного священника, страдающего грудной жабой и вросшими ногтями. Подобная медлительность помогает подкрадываться к добыче, но она обманчива: попробуйте-ка поймать лори на дереве — он разовьет поразительную скорость!

Следом за лори появляется бинтуронг — странное создание, смахивающее на неряшливо сделанный коврик, с любопытными раскосыми глазами и кисточками на ушах. Вот он бредет по ветвям с видом лунатика, используя свой цепкий хвост как якорь во время остановок. Его «мельница» все перемелет: плоды, зеленые орехи, древесных лягушек, птенцов, яйца — он все пожирает с великой охотой. Бинтуронг тоже принадлежит к числу злополучных созданий, которым китайцы приписывают волшебные свойства. Спрос на кровь, кости и внутренности бинтуронга огромен, и численность этих миролюбивых, безобидных, абсолютно лишенных каких-либо магических свойств животных непрерывно сокращается.

Но вот все жители леса на ногах, и тогда наконец появляются самые внушительные: слоны. В жаркую дневную пору они стоят, покачиваясь, и дремлют в каком-нибудь прохладном уголке, теперь же стряхнули оцепенение и бредут в свои угодья; огромные серые тени так легко скользят сквозь подлесок, что слышится только слабый шелест листвы, словно от ласкового ветерка. Подчас слоны идут через заросли настолько тихо и осторожно, что вы заметите их лишь по звуку, над которым они не властны: гулкому, протяжному бурчанию в животе. Слоны обожают воду, и даже самые пожилые и степенные «матриархи» и «патриархи» стада при виде водоема превращаются в игривых котят.

Мы имели возможность наблюдать и снимать старую самку с детенышем, которого она под вечер привела к речке,

чтобы освежиться. Войдя в воду, она остановилась в раздумье, точно проверяла температуру, потом сделала еще несколько шагов и медленно легла. В это время малыш, замешкавшийся на крутом спуске, тоже подошел к речке и от восторга взвизгнул потешным фальцетом, напоминающим звук жестяной дудочки. Затем он бросился в воду и поспешил к матери: она, лежа на боку, неторопливо поливала себе спину и голову. Для нее тут, конечно, было неглубоко, не то что для малыша. Впрочем, глубина его не испугала, он знай себе шагал, пока не скрылся с головой, только хобот торчал из воды, будто перископ. Вот он дошел до матери и, радостно повизгивая. вскарабкался на ее влажный бок. И тут началась игра в «подводную лодку». Слоненок нырял и кружил под водой, атакуя мать с разных сторон, а она ловила его хоботом и вытаскивала за ухо на поверхность. Мы наблюдали за ними около часа, пока не стемнело, — малыш все еще с неослабевающей энергией предавался своим подводным маневрам.

Когда над лесом, расписывая небо алыми, золотыми и голубыми полосами, занимается заря, большинство ночных животных уже укрылись в своих дуплах или норах, и на сцену выходят дневные животные. Звучит могучий, звонкий птичий хор; меж капелек утренней росы коротко прострекочет то одна, то другая цикада, готовясь к большому концерту, который они дадут в жаркие часы. Внезапно в лесу раздается самый характерный для него звук — буйные, ликующие крики гиббонов. Этих древесных певцов можно встретить повсюду, и во все часы дня слышится их веселое гиканье, переходящее в крещендо, которое в свою очередь сменяется истерическим хихиканьем. Самый крупный из гиббонов — сиаманг, огромная черная обезьяна; его горло во время «пения» раздувается до размеров небольшого грейпфрута и издает звуки поразительной силы и мощи.

День, когда нам посчастливилось увидеть сиамангов, стал для нас памятным во многих отношениях. Рано утром Крис объявил, что непременно должен снять меня и Джеки на

вершине холма, расположенного вниз по течению. Убедить его, что эти кадры с таким же успехом можно снять в более доступном месте, оказалось невозможно, и мы отправились в путь на большой долбленке с подвесным мотором. Пристав к длинному светлому галечному пляжу, мы взвалили на плечи тяжелое снаряжение, вошли в лес и начали подъем. С каждым шагом склон становился круче, и нас все сильнее донимала жара. Подлесок малайских джунглей состоит из самых колючих и зловредных кустарников, с какими мне когда-либо доводилось соприкасаться. Идешь — кругом невинно мерцают смахивающие на папоротник нежные, светло-зеленые растения, такие хрупкие на вид, что кажется, они способны завянуть от одного вашего грубого слова. Поэтому вы очень бережно стараетесь убрать их с дороги, и тут оказывается, что снизу каждый лист усыпан острыми, как игла, кривыми шипами. Растение тотчас вонзает эти абордажные крючья в вашу плоть и одежду, и чем сильнее вы вырываетесь, тем глубже они впиваются, пока вы, обливаясь кровью, не начинаете чуствовать себя одним из мучеников периода раннего христианства. Джим еще чаще, чем я, попадался в плен к этим кровопийцам, поэтому мы продвигались крайне медленно. Поминутно приходилось останавливаться и помогать Джиму выпутаться, а заодно зажимать ему рот, чтобы он своими криками не распугал животных, которых мы надеялись увидеть. Наконец, окровавленные и взмокшие от неимоверных усилий, мы достигли небольшой поляны на вершине холма и присели передохнуть.

Малайские джунгли славятся обилием пиявок, но почему-то именно на этой поляне их было особенно много, и они отличались небывалой прожорливостью. Правда, в первые минуты мы не увидели ни одной пиявки. Не знаю уж, как они ухитряются проведать о появлении человека, — то ли по колебаниям почвы, вызванным шагами, то ли по запаху, — но не успели мы сесть и закурить, как из кустов выполз настоящий живой ковер. Пиявки, словно маленькие черные

гусеницы-землемеры, ковыляли через листья к нам. Иногда они останавливались и, вытянувшись торчком, вертели головой так, будто старались уловить запах. В этом лесу просто не было спасения от пиявок; оставалось только надеяться, что они не присосутся к одной из менее доступных частей вашего тела. Ведь они проникают в малейшие дырочки и двигаются с легкостью пушинки, так что вы ни о чем не подозреваете, пока вдруг не обнаруживаете, что на вас, словно мелкий инжир, висят раздувшиеся от крови черные паразиты. Есть лишь два средства справиться с ними (разумеется, при условии, что вы их заметили): зажженная сигарета или щепотка обыкновенной соли. С их помощью можно заставить пиявку отпустить свою хватку и отвалиться. Если же вы неосмотрительно начнете их отрывать, челюсти останутся в вашей плоти, и за свои муки вы будете к тому же награждены хорошей гноящейся ранкой.

Итак, мы сидели, стараясь отдышаться после подъема, полчища пиявок пожирали нас.

— Прелестно! — с горечью произнес Джим. — Мне чудом удалось спасти несколько граммов крови от этих проклятых растений, а теперь последние жалкие остатки будут высосаны из меня этой дрянью.

Его настроение нисколько не улучшилось, когда Крис упавшим голосом признал, что вершина этого холма не подходит для задуманных им кадров. Мы собрали свое снаряжение и с полным грузом пиявок побрели вниз. Спустившись на песчаный бережок, мы укрылись от посторонних глаз, разделись и с помощью горящих сигарет помогли друг другу избавиться от пиявок.

— Итак, — сказал Джим, натягивая брюки, — какую потеху Крис придумал для нас теперь? Может, поплывем через реку, Джерри? Глядишь, если повезет, встретим крокодила. Вот будет эпизод!

— Могу сказать, о чем я думаю, — медленно произнес Крис. — По-моему, если вы одолеете на лодке вон те пороги, могут получиться довольно впечатляющие кадры.

Я поглядел на участок, о котором он говорил: через всю реку, будто потемневшие старые зубы, выстроились огромные коричневые камни. Протискиваясь между ними, вода разбивалась на бурлящие извилистые струи, и напор был ничуть не меньше, чем в пожарном рукаве.

— А ты, часом, не рехнулся? — осторожно спросил я.

— Нет, — ответил Крис. — Это только на вид страшновато.

— Верно! — горячо подхватил Джим. — Зато представляешь себе, как будет приятно, когда ты пройдешь там, а он скажет, что эти кадры ему, пожалуй, ни к чему.

После долгого спора мы решили предоставить лодочнику рассудить нас. К моей великой досаде, он заявил, что с удовольствием проведет лодку через пороги. Ничего не поделаешь… Джим и Крис заняли позиции с камерами, а мы с Джеки сели в лодку и тронулись в путь. Эта лодка еще утром, в начале нашего путешествия, показалась мне не очень-то надежной, когда же мы стали приближаться к порогам, я и вовсе потерял веру в ее прочность и ходовые качества. А лодочнику вся эта затея явно доставляла огромное удовольствие, он лихо работал шестом, время от времени издавая буйные «гиббоньи» крики, явно выражавшие упоение, которого мы с Джеки совершенно не разделяли. И так как он стоял на корме, а мы сидели ближе к носу, то, когда долбленка достигла порогов, все брызги достались нам. Большие шипящие волны ударили в скулы лодки и приняли нас в свои объятия; через тридцать секунд мы промокли столь же основательно, как если бы попытались одолеть пороги вплавь. К моему удивлению, мы миновали каменную преграду невредимыми и вышли на более спокойный участок.

— Великолепно! — орал Крис, прыгая на берегу. — А теперь повторите, чтобы мы могли снять вас крупным планом.

Бормоча непечатные эпитеты по адресу нашего режиссера, мы вторично форсировали пороги.

— Ну, вот что, — сказала Джеки, когда вторая попытка

была успешно завершена, — с меня хватит. Отвезите-ка меня обратно в рестхауз, чтобы я могла переодеться.

Крис сразу понял, что дело пахнет бунтом, и согласился.

— В самом деле, — сказал он, — оставим Джеки в рестхаузе, а сами поднимемся вверх и еще поснимаем. Джим выразительно посмотрел на меня.

Водворив в рестхауз мою промокшую и раздраженную супругу, мы отправились вверх против течения. Приблизительно через полчаса подвесной мотор вдруг издал какие-то странные хлопки и заглох. В наступившей давящей тишине Джим просвистел несколько тактов из песни о жертвах кораблекрушения.

— Что с ним случилось? — спросил Крис, возмущенно глядя на мотор.

— Заглох, — ответил я.

— Без тебя вижу,-отрезал Крис, — но почему?

Тем временем лодочник, всем своим видом выражая недоумение, набросился на мотор и принялся потрошить его гаечным ключом. Наконец, радостно улыбаясь, он извлек из внутренностей мотора какую-то часть, которая — даже я это сразу понял — была безнадежно искалечена, и сообщил, что должен вернуться в рестхауз, чтобы заменить эту необходимую деталь.

— Ну, нам-то незачем с ним возвращаться, — заметил Крис. — Подождем здесь.

— Кто-нибудь из нас отправится с ним, — твердо сказал я. — Я уже попадался на такие удочки. Он заболтается с женой своего лучшего друга и пропадет дня на три. Я предлагаю сделать так: мы с тобой останемся здесь со снаряжением, а Джим пусть едет с ним.

Мы выгрузили снаряжение на песок, проводили взглядом лодку с Джимом и углубились в обсуждение эпизодов. которые надеялись снять, когда (и если) Джим вернется. Сидя на корточках спиной к реке, мы ничего не замечали вокруг, и то, что произошло затем, немало потрясло нас обоих. Я повернул голову, чтобы швырнуть в реку

окурок. и вдруг увидел метрах в пяти от нас приближающуюся с изрядной скоростью исключительно крупную и грозную на вид королевскую кобру. Голова с шеей возвышалась сантиметров на пятнадцать над водой, а сама змея была не менее трех метров в длину и, судя по ее большим сверкающим глазам, обладала довольно скверным характером Продолжая плыть тем же курсом, она неизбежно пристала бы к берегу как раз между Крисом и мной. И хотя я страстный натуралист, столь тесное общение с королевской коброй мне вовсе не улыбалось.

— Берегись! — заорал я, вскакивая на ноги.

Крис бросил испуганный взгляд через плечо, тоже вскочил, и мы дружно обратились в бегство.

Тут, в соответствии с лучшими образцами литературы о джунглях, королевской кобре полагалось злобно зашипеть, броситься на нас и несколько раз обвиться вокруг тела Криса, а в ту самую секунду, когда ее зубы должны были вонзиться в трепещущую яремную вену Криса, мне надлежало размозжить ей голову метким выстрелом из пистолета. Несомненно, все так бы и вышло, если бы не три вещи: во-первых, у меня не было пистолета, во-вторых, кобра явно не читала нужных книг, и, в-третьих, она испугалась нас не меньше, чем мы ее. Она плыла тихо-мирно по своим делам, нацелившись на симпатичный песчаный бережок, на котором торчали два гнилых пня, Внезапно — о ужас! — пни превратились в людей! Если можно говорить о выражении лица змеи, то у этой кобры оно было чрезвычайно удивленным. Она круто затормозила, остановилась и несколько секунд смотрела на нас, высунувшись из воды почти на полметра. Я утешал себя тем, что смерть от укуса кобры, если верить книгам по герпетологии, не так уж мучительна. Однако змея отнюдь не собиралась тратить на нас драгоценный яд. Она повернулась кругом и полным ходом поплыла вверх по реке. В тридцати метрах от нас кобра выбралась на берег и ринулась в лес с такой скоростью, словно за ней гнались по пятам.

— Ну вот, — сказал я Крису, — теперь ты сам убедился, какая опасная тварь эта королевская кобра. Бросается на людей без малейшего повода!

— Что ты хочешь этим сказать? — не понял Крис. — Она же испугалась нас ничуть не меньше, чем мы ее.

— Вот именно. И тем не менее о королевских кобрах пишут, что они нападают ни с того ни с сего.

— Жаль, что здесь нет Джима, — задумчиво произнес Крис. — Вот было бы разговору на целый день.

Когда Джим наконец вернулся с лодкой, мы прошли еще три — пять километров вверх по реке и высадились на берег, чтобы исследовать лес и проверить, не подойдет ли он для задуманных нами съемок. Не успели мы отшагать и двухсот метров, как на гребне холма, справа от нас, раздались дикие вопли. Эта какофония напоминала пение гиббонов, но голоса были басистее и громче, и каждый крик заканчивался странной, гулкой дробью, словно кто-то стучал пальцами по барабану.

— Сиаманг! — сказал лодочник, и глаза Криса загорелись одержимостью.

— Попробуем подойти поближе и снять несколько кадров, — прошептал он.

Мы осторожно начали подниматься на бугор, стараясь поменьше шуметь, но с громоздким грузом продвигаться бесшумно сквозь обильно уснащенные шипами и колючками заросли было невозможно. Впрочем, сиаманги были слишком увлечены своими вокальными упражнениями, чтобы обращать на нас внимание, ибо пение не прерывалось. Мы подходили все ближе к деревьям, на которых, по нашему расчету, сидели обезьяны, и уже приготовились увидеть певцов, когда голоса вдруг смолкли. И сразу в лесу стало так тихо, что на фоне этой тишины шум от нашего продвижения казался гулом идущих напролом танков. Внезапно лодочник остановился и указал вверх своим тесаком.

— Сиаманг! — повторил он с довольным видом. На макушке стройного дерева, метрах в двадцати пяти над нами,

устроилась пятерка сиамангов с поблескивающей на солнце угольно-черной шерстью: взрослые самец и самка, два юнца и детеныш. Лениво свесив длинные руки с тонкими кистями, они небрежно восседали на ветвях, и я обратил внимание, как любопытно они распределились: самец сидел на толстом суку лицом к остальной четверке, которая примостилась на другом суку, метрах в четырех от него и чуть пониже. Можно было подумать, что он читает им небольшую лекцию о древней сиамангской музыке. А чтобы мы не воображали, что незаметно подкрались к нему, он то и дело поглядывал на нас и поднимал брови, точно его шокировал наш неряшливый вид. В конце концов сиаманг смирился с мыслью, что аудитория пополнилась новыми слушателями, и сосредоточил все внимание на своей семье. Глядя в бинокль, я увидел, как он уселся поудобнее, разинул рот и запел.

Первые три-четыре крика были короткими и отрывистыми; в это время с горлом гиббона происходило что-то удивительное, оно все больше раздувалось по мере того, как он накачивал воздух в розовый, словно светящийся горловой мешок. Наконец мешок достиг нужных размеров, и началась настоящая песня. Интересно, что после каждого, если так можно сказать, куплета горловой мешок начинал опадать, а следующий куплет снова накачивал его воздухом. Насколько я понимаю, именно эта «граммофонная труба» издавала странную барабанную дробь в конце куплетов, когда из мешка вырывался воздух. После очередного куплета наступала короткая пауза, во время которой семья, увлеченно слушавшая певца, продолжала пожирать его глазами. А затем самка и один из юнцов, иногда поддержанные самым маленьким, разражались пронзительными отрывистыми криками — очевидно, своего рода аплодисментами; во всяком случае, так их воспринимал самец, потому что он тут же опять принимался петь.

Это длилось около четверти часа; всякий раз, как он останавливался, семья поощряла его продолжать, и он все больше возбуждался — ни дать ни взять исполнитель

популярных песенок, который взвинчивает себя, чтобы последним, заключительным номером уложить поклонников наповал. Сначала он своими длинными руками срывал листья с ближайших веток, потом начал подпрыгивать на суку. Это вызвало настоящую овацию; тогда он забегал взад-вперед, согнув руки в локтях и болтая кистями с присущим гиббонам милым кокетством, чем окончательно привел семью в состояние экстаза. Финал был поистине великолепным — певец лихо прыгнул в воздух, камнем пролетел метров десять, совершенно расслабив руки и ноги, и вдруг, когда уже казалось, что сейчас ему придет конец, небрежно вытянул длинную руку, поймал подвернувшуюся ветку и закачался на ней этаким черным косматым маятником, изливая в песне всю душу.

Встреча с этим прилежным и увлеченным хоровым коллективом доставила мне истинную радость. Сиаманги очень серьезно относились к своим музыкальным упражнениям и пели с наслаждением. Приятно сознавать, что в этом огромном заповедном лесу никогда не переведутся стаи гиббонов, весело поющих друг для друга в беседках из зеленой листвы.

Глава восьмая. ЯСЛИ ДЛЯ ВЕЛИКАНА

Он прыгал и скакал, он ползал и барахтался,
Пока не упал без сил.
«Охота Ворчуна»

Киносъемки — дело мудреное, и нет ничего удивительного в том, что через три дня после нашего отъезда из Национального парка можно было увидеть, как я стою на верхней перекладине высокой стремянки, Крис и Джим лежат внизу на траве, а Джеки и некоторые другие лица выстроились в круг, словно игроки в крикет во время подачи. Причиной столь странных маневров было одно из самых любопытных животных, каких мне когда-либо доводилось встречать.

Из Таман Негара мы отправились в долгий путь до городка Дунгун на восточном побережье, где надеялись посмотреть на одну из крупнейших в мире рептилий, а по пути нам попалась другая рептилия, не столь крупная, но ничуть не менее интересная. Часть пути пролегала по лесистым холмам, и дорога состояла из сплошных крутых поворотов: в жизни не помню, чтобы мне приходилось столько петлять. Поворотов было такое количество и они так часто следовали один за другим, что Джим, лежавший в кузове лендровера, в конце концов попросил нас остановиться. Он возлежал среди снаряжения, словно какой-нибудь римский император, причем для вящего сходства прижимал к груди большущий ананас, приобретенный нами в деревне, которую мы недавно проехали. Лицо Джима было цвета зеленого горошка — тревожный признак.

— Что с тобой? — спросил Крис.

— Меня укачало, — робко произнес Джим.

— О, господи! А от чего тебя *не* укачивает?

— Я не виноват, — обиженно возразил Джим. —

Сплошные петли да повороты. Только настрою желудок, как вы уже закладываете новый вираж.

— В самом деле, давайте сделаем остановку, — вмешалась Джеки. — Заодно позавтракаем.

Джим с тоской посмотрел на нее.

— Ты думаешь, мне до завтрака? — осведомился он.

— А я хочу есть, — безжалостно ответила Джеки.

Мы достали наши припасы и разместились на обочине; пока мы ели, Джим упорно смотрел в другую сторону. Наевшись холодного мяса и закусив ананасом, мы прилегли отдохнуть. В это время я заметил среди деревьев поодаль двух необычного вида птиц. Я достал бинокль и пошел по дороге в их сторону. Когда же подошел ближе, то обнаружил, что на макушке деревьев затеяла любовные игры пара вилохвостых дронго. Эти птицы величиной с черного дрозда, у них закругленные хохолки, а два наружных хвостовых пера сильно удлинены и заканчиваются расширенными опахалами, напоминающими ракетки; оперение снизу сине-зеленое с металлическим отливом, сверху — черное с матовым блеском. Они бегали по ветвям, пританцовывая и выписывая хвостами замысловатые кривые; они взлетали и пикировали друг на друга, и тогда опахала на конце хвостовых перьев становились похожими на странных круглых жуков, летящих вдогонку за птицами. Время от времени дронго что-то кричали низкими, хриплыми голосами.

Тут мое внимание привлекла небольшая сероватая ящерица, которая сновала по стволу, слизывая длинным языком древесных муравьев, поднимавшихся цепочкой в свою зеленую обитель. Но ящерица показалась мне бесцветной и неинтересной, и я уже хотел перевести бинокль обратно на дронго, когда эта маленькая рептилия выкинула такую штуку, что я, фигурально выражаясь, подскочил в воздух на несколько метров, — вдруг ни с того ни с сего на горле у нее вырос какой-то треугольный белый лоскут, похожий на парус. Несколько секунд ящерица то выдвигала, то убирала этот «воротничок», потом прыгнула в воздух, а

когда начала падать, по бокам у нее раскрылись два широких, как у бабочки, крыла. Зафиксировав их в расправленном положении, ящерица легко пролетела около полусотни метров до следующего дерева. И тогда мне стало ясно, что эта заурядная с виду зверюшка, от которой я готов был отвернуться, на самом деле была одной из самых замечательных рептилий на свете. Я давно мечтал увидеть эту ящерицу, известную под именем *Draco volans* — летучий дракон, и с первой минуты нашего пребывания в Малайе упорно всех о ней расспрашивал. Сведения, которые я получил, были довольно скупыми. «Попадаются», — говорили мне таким тоном, из которого явствовало, что можно прожить в Малайе полсотни лет и ни разу не встретить летучих драконов, — и тут же переводили разговор на другую тему.

И вот передо мной настоящий, живой летучий дракон, которого я уж и не чаял увидеть! Я издал вопль, исполненный такой муки, что мои товарищи сорвались с места и бросились ко мне. Но прежде чем они добежали, *Draco volans* снова взлетел и скрылся в лесу.

— Что случилось? — спросила Джеки; она явно решила, что меня укусила какая-нибудь опасная тварь.

— *Draco volans, Draco volans,*- бессвязно твердил я.

Глаза моих спутников выражали изрядное недоумение.

— А что такое *Draco volans*» — спросила Джеки.

— Это такая летучая ящерица, — нетерпеливо ответил я. — Только что была здесь, летала с дерева на дерево.

— Солнечный удар, — рассудительно произнес Джим. — Я сразу смекнул, как только услышал его речь.

— Говорю вам, она была тут! Перелетала вон с того дерева на то, а когда вы побежали сюда, махнула в лес.

— Ты приляг, отдохни, и все пройдет, — сказал Джим. — А я выжму тебе на лоб ананасного сока.

Никакие мои слова не могли убедить их, ибо они тоже привыкли считать летучего дракона мифом. И мы поехали дальше, причем всю дорогу я не давал им покоя, все твердил

о летучих ящерицах.

На ночь мы остановились в маленьком городке, где нас приютили — честь им и хвала — супруги Аллены, милейшие люди. После обмена любезностями мы вернулись к разговору о летучем драконе; Джеффри Аллен (кстати, превосходный фотограф-анималист) с легким недоумением слушал колкости, которыми мы обменивались.

В конце концов он не выдержал:

— Что это вы так расшумелись из-за какого-то летучего дракона?

Не будь он нашим хозяином, я бы его тут и нокаутировал, но Джеффри нас приютил, и к тому же он налил мне особенно большую порцию виски, поэтому я сдержал свой порыв и постарался объяснить ему, что произошло.

— Увидеть летучего дракона — давнишняя моя мечта. С первого же дня в Малайе я всех допрашиваю о летучих ящерицах, а толку не больше, чем если бы я попытался взять интервью в монастыре ордена молчальников. Вдруг. по дороге сюда, мне на глаза попадается такая ящерица, а эти недоумки, с которыми я принужден путешествовать. отказываются мне верить!

— Странно, почему они не верят, — небрежно произнес Джеффри, — у меня их полный сад.

— Как? — Я не поверил своим ушам. — В вашем саду?

—Ну да,-подтвердил Джеффри.-У меня их десятки, летают целыми днями.

— Это все тропики, — серьезно молвил Джим, обращаясь к Крису. — Стоит кому-нибудь здесь поселиться — рано или поздно сойдет с ума.

— Как по-вашему, их можно снять? — спросил я Джеффри.

— А почему же нет, — ответил он. — Правда, они очень подвижные. Да вы завтра утром сами посмотрите и решите.

На рассвете я потащил Джеки, Джима и Криса в сад и с радостью убедился, что Джеффри ни капельки не

преувеличивал — куда ни повернись, всюду, будто бумажные голуби, порхали с дерева на дерево летучие драконы. Джим пристегнул к себе камеру и попробовал снять их в полете, заставив нас колотить палками по стволам, чтобы ящерицы летели на него. После часа-другого подобных упражнений мы взмокли, а Джим заснял около полуметра пленки и заверил нас, что лучших кадров пустого неба еще никому не удавалось получить.

— Это бесполезно. — объявил он, — Пока я ловлю этих тварей видоискателем и навожу фокус, они уже успевают приземлиться. Боюсь, у нас ничего не выйдет.

— Есть только один выход, — сказал я. — поймать ящерицу.

— И что мы с ней будем делать? — спросил Крис.

— А вот что. — ответил я, — поднимемся на второй этаж и выбросим ее из окна спальни, как только Джим скажет, что готов.

— Гм…— скептически молвил Крис. — Впрочем, ладно, рискнем.

Вооружившись бамбуковыми шестами с петлей на конце, мы следующие два часа посвятили ловле летучих драконов. В результате удалось высмотреть и поймать двух ящериц поглупее, после чего мы отправились на веранду, чтобы выпить по вполне засуженному стаканчику, прежде чем приступать к съемкам. Я воспользовался случаем и поближе изучил добычу.

Белый горловой мешок дракона чем-то напоминал удлиненную ягоду клубники. Обычно он сложен и его не видно, но когда дракон хочет произвести впечатление (насколько я мог судить, самец вспоминал про это украшение, лишь когда кто-нибудь посягал на его территорию), он накачивает ее воздухом, и мешок то раздувается, то спадает с промежутком примерно в одну секунду. Еще более необычны крылья: ребра рептилии удлинены и на них, будто на спицах зонтика, держится перепонка. Когда крылья прижаты к бокам — опять-таки будто сложенный зонтик, — их и не различишь,

настолько тонка кожа. Летучий дракон производил удивительное впечатление гостя из далекой-далекой древности. Глядя, как он, реагируя на прикосновение руки, то расправлял, то складывал крылья, нетрудно было представить себе, как эволюция превратила сходных ящериц в известных нам ныне птиц.

Утолив жажду и слегка поостыв, мы начали подготовку к съемке. Чтобы получше запечатлеть на пленке полет и получить четкое изображение крыльев, надо было снять дракона силуэтом на фоне неба. Поэтому Крис и Джим, с камерами в руках, легли на траву, а Джеки, Джеффри и его жена Бетти стали поодаль и приготовились схватить ящерицу, прежде чем она успеет улизнуть.

Расставив по местам свою бригаду, я поднялся в спальню, извлек одну ящерицу из банки, в которую мы их заточили, и, по сигналу распростертых на земле операторов, швырнул ее в воздух. Дракон немедленно расправил крылья и спланировал на газон, где его ловко перехватил Джеффри. Однако операторы остались недовольны результатом, пришлось снова подниматься на второй этаж и бросать ящерицу в окно. После двадцать пятого раза мне и ящерицам это занятие слегка осточертело. Я объявил перерыв, и мы обсудили проблему за кружкой холодного пива.

Вся беда заключалась в том, что, когда я выбрасывал дракона из окна спальни, камеры успевали захватить лишь маленький кусочек неба с силуэтом ящерицы. Окно явно не подходило.

— А если взять стремянку? — предложил Джеффри. — Ее можно поставить где угодно.

Загоревшись новой идеей, мы отправились в кладовку и извлекли на свет Божий две до крайности разболтанные трехметровые лестницы. Если за нами в этот день наблюдал какой-нибудь непосвященный человек, он вправе был принять просторный сад Джеффри за территорию местной психиатрической больницы. Мы с Крисом, пошатываясь, волокли неуклюжего деревянного «жирафа», впереди

шествовал Джим, который поминутно ложился навзничь на траву, а сзади плелись Джеффри, Джеки и Бетти, которые несли необходимые предметы снаряжения и двух летучих драконов в банке из-под варенья. Наконец, когда мы завершили третий круг, Джим выбрал место, мы воздвигли стремянку и приступили к операции. Был уже полдень, и вся Малайя нагрелась до температуры, при которой тело человека плавится.

Голый по пояс, напялив на голову огромную ветхую соломенную шляпу, одолженную у Джеффри, я крепко сжал в одной руке летучего дракона и начал взбираться по лестнице. Стремянка скрипела, трещала и шаталась так, что я опасался за свое благополучие не меньше, чем какой-нибудь новичок, впервые огибающий мыс Горн на яхте. Удостоверившись, что «перехватчики» на местах, а Крис и Джим лежат на спине подле стремянки, я подбросил дракона в воздух. Мне не пришлось наблюдать его полет, потому что стремянка неодобрительно относилась к резким движениям, и мой великолепный бросок из-за головы заставил это хрупкое сооружение угрожающе раскачиваться. Когда я наконец укротил его, то увидел, что Крис уже на ногах и довольно улыбается мне.

— Отлично, — сказал он. — Но все-таки лучше несколько раз повторить для полной уверенности.

Черт дернул меня вспомнить про этих летучих драконов… Под жгучим солнцем я почти до самого вечера качался на стремянке, словно какой-нибудь на редкость бездарный циркач, и время от времени подбрасывал ящериц в воздух. Наконец Джим объявил, что доволен снятыми кадрами, мы удалились в прохладные комнаты и приняли душ, предварительно выпустив на волю наших «звезд».

Они до того изнемогли от всей этой кутерьмы, что даже не стали спасаться бегством, а примостились на ближайшей ветке, сердито глядя на нас. Сообщаю для сведения, что весь эпизод (а удался он превосходно) на экране занял пятнадцать секунд и что ни одна душа не похвалила нас за наше

достижение. Надеюсь, все те, кто мечтает стать оператором-анималистом, хорошенько поразмыслят над этим отрезвляющим примером, прежде чем выбирать профессию.

Когда путешествуешь по Малайе, важно не впадать в отчаяние от множества переправ. В большинстве тропических стран реки и речки образуют не менее сложную и запутанную систему, чем кровеносные сосуды в теле человека, и чтобы добраться до места назначения, приходится пересекать до полу-сотни водных преград. Через мелкие вы проноситесь очертя голову, лихо вспахивая мутную воду радиатором, через реки поглубже вас перетаскивают, если боги дождей милостивы к вам, но действительно широкие и могучие потоки, по виду которых кажется, что они состоят из густого, тягучего хереса, можно преодолеть только на пароме.

С паромами — как с автобусами, в различных частях света это дело поставлено по-разному; малайские паромы отличает то, что они всегда стоят у противоположного берега, когда вы подъезжаете к реке, и приходится ждать по меньшей мере полчаса, а то и больше. Иногда скучное ожидание скрашивалось тем, что рядом с дорогой простирались прелестные мангровые болота с деревьями, опирающимися на причудливо скрещивающиеся корни, погруженные в восхитительно липкий и зловонный ил. Кто только не обитал тут! Там, где море подходило совсем близко и вода в болоте была солоноватая, водились ильные прыгуны, удивительные рыбы, голова которых так похожа на голову бегемота. Да и повадками ильный прыгун напоминает бегемота, он так же любит лежать у самой поверхности воды, выставив любопытствующие выпученные глаза. Но у ильных прыгунов есть свой, особый талант, способный при первой встрече с ними посеять тревогу и смятение в вашей душе, буде вы принадлежите к числу людей, убежденных, что истинное место рыбы — под водой. Этим рыбам очень нравится гладкая поверхность ила между корнями мангров; выбравшись из воды, они носятся по илу, будто по катку, порой даже взбираются на переплетение корней.

Другой приметный житель этих благоухающих болот — пестрый, как бабочка, краб-сигнальщик, обитающий в норках в иле. На берегах тропических рек всегда можно увидеть участки сырой почвы, где в огромных количествах скапливаются бабочки. Утоляя жажду, они то расправляют, то складывают свои крылышки, и ничем не приметный кусок берега внезапно вспыхивает настоящим фейерверком красок. В мангровых болотах аналогичную эстетическую функцию выполняют крабы-сигнальщики. Покинув свои норы, они тихонько продвигаются вперед, причем непрерывно машут огромной клешней, одним и тем же жестом приманивая самок и устрашая соперников. Время от времени сверкающий на солнце краб останавливается, чтобы сунуть в рот лакомый комочек ила, из которого он извлекает свое питание — мельчайшие водоросли. Это выглядит очень потешно, как если бы какой-нибудь гурман расположился в выгребной яме и трапезничал там, помогая себе палочками для еды. Да и вся картина в целом совершенно необычная. Подходишь к обширному участку лоснящегося ила — словно какие-то разноцветные блики ныряют в многочисленные норки, которыми испещрена темная гладь. Присаживаешься на корточках и терпеливо ждешь; и вот уже показалась одна, вторая, третья клешня. Медленно и чрезвычайно осторожно крабы высовываются из своих убежищ и тут же останавливаются, чтобы удостовериться, что опасность миновала. Блестящие панцири напоминают алые, листовые, зеленые и желтые огоньки. И пусть краб стоит неподвижно, проверяя, нет ли угрозы, — его большая клешня все время подергивается взад и вперед, словно от тика. Если у вас хватит выдержки сидеть неподвижно, самые храбрые в конце концов отважатся отойти от норы, а когда они примутся за еду, то и более робкие, видя, что опасаться нечего, внезапно вынырнут на поверхность, и на глазах у вас однообразная серая гладь разом преобразится в калейдоскопически пестрый персидский ковер. Причем сходство с калейдоскопом на этом не кончается: если вам наскучил один узор, достаточно

пошевельнуть рукой — и, словно по волшебству, перед вами опять ровная, блестящая серая гладь. Крабы отступают в свои норки столь стремительно, что за ними просто не уследишь. Не ил, а «волшебная дощечка» из магазина игрушек с возникающими на ней красочными замысловатыми узорами, которые вы можете стереть одним движением руки.

Удивительно, но после шестой или седьмой переправы мои спутники совершенно перестали интересоваться как манящими крабами, так и ильными прыгунами. Они расхаживали взад-вперед по берегу и возмущались медлительностью паромщиков. Стремясь их умиротворить, я объяснял, что паромщики не спешат из осторожности, которая в этих местах вполне оправданна. Мое объяснение воспринималось с легким недоверием, пока я в подтверждение своих слов не рассказал, что дней десять — двенадцать назад огромный автобус, битком набитый бесшабашными малайцами, въехал на паром, а тот ни с того ни с сего опрокинулся и утопил больше половины пассажиров. Джим немедленно осведомился, почему бы нам не добираться до цели по суше.

Только у пятнадцатой переправы нам встретились первые указания на то, что рептилия, ради которой мы отправились в такую даль, существует на самом деле. Паром задержался несколько дольше обычного, и крабы на прилегающем болоте уже перестали нас развлекать. Но у дороги стоял домик, и я заметил, что в него то и дело заходят люди, которые тут же появляются вновь, держа в руках заманчивые на вид бутылки. И так как, все мы остро нуждались в какой-нибудь освежающей влаге, я предложил Джеки исследовать этот феномен. Разумеется. я не рассчитывал найти в этой хижине, чуть ли не шалаше, столь экзотический напиток, как пиво, но в полдень, после нескольких часов езды на колесах, меня вполне устроила бы и кока-кола. Мы вошли в домик и — представьте себе! — увидели ломящиеся от всякой всячины полки. а также большой, уютно жужжащий холодильник с солидным

запасом чудесного, холодного пива. Пока нас обслуживали, я заметил на краю прилавка большую тарелку, в которой лежало нечто вроде огромных, потускневших от частого пользования мячей для игры в пинг-понг.

— Ты только посмотри! — обратился я к Джеки.

— Что это такое? — спросила она подозрительно.

— Это, — я взял в руки один шарик, — яйца Dermochelys coriacea.

— Кого-кого?

— Того самого существа, из-за которого мы потратили столько времени, сил и денег, лишь бы посмотреть на него, — ответил я. — Это яйца кожистой черепахи.

Кожистая черепаха — не только одна из крупнейших, но и одна из интереснейших рептилий в мире. Она достигает трех метров в длину и весит около тонны(*3). В отличие от других представителей подкласса, обладающих твердым роговым щитком, ее спина покрыта кожей, но выступающие костные пластины-кили посреди спины свидетельствуют о родстве кожистой черепахи с обычными черепахами. Сведения об этом мощном и довольно унылом создании весьма скудные. Питается кожистая черепаха рыбой и другими морскими жителями, а иногда и водорослями; вероятно, некогда она была распространена гораздо шире, чем теперь. К тому времени, когда мы организовали свою экспедицию, было известно всего три места размножения кожистых черепах — в Пуэрто-Рико, на Цейлоне и в Малайе (там, куда мы направлялись). На беду черепах, откладываемые ими яйца очень вкусны, поэтому места размножения в Пуэрто-Рико и на Цейлоне подверглись непомерной эксплуатации. и в конце концов черепахи ушли оттуда. Таким образом, берег под Дунгуном оставался последним местом в мире, где можно было осмотреть ясли кожистой черепахи. Я стремился попасть туда по двум причинам: во-первых, если вы не подстережете кожистую черепаху, когда она выходит на берег откладывать яйца, вы можете ее вообще не увидеть; во-вторых, государственные

организации Малайи недавно ввели в действие весьма разумный способ охраны черепах, и мне хотелось убедиться, насколько он эффективен.

Берег, о котором идет речь, представляет собой пляж километров на восемь — десять; право на сбор черепашьих яиц принадлежало одному местному жителю и приносило ему изрядный доход, так как яйца эти считаются деликатесом. Увы, подобно большинству людей, концессионер думал только о прибыли, ему было невдомек, что постепенно, из года в год, он изводит черепах, откладывающих золотые яйца. Тут-то и вмешалось правительство совместно с Малайским обществом естествоиспытателей. Было решено ежегодно закупать определенное количество гнезд по рыночной цене; яйца собирали, выводили черепашат и выпускали на волю. Таким образом, был соблюден обоюдный интерес: спасена кожистая черепаха и обеспечена семья концессионера. На бумаге подобное решение выглядело чрезвычайно дельным и прогрессивным, но я знал по горькому опыту, что самые замечательные постановления об охране животных на деле чаще всего терпят провал.

Приободренные видом яиц, мы поспешили завершить последний этап нашего путешествия и прибыли в маленький аккуратный городок Дунгун. Из книг и статей мы знали, что для съемки понадобится освещение, так как черепахи выходят на берег только по ночам. Наладить освещение для съемок на пляже в пятидесяти — шестидесяти километрах от ближайшего источника электроэнергии довольно сложно, но эту проблему для нас любезно разрешило Министерство сельского хозяйства Малайи, прислав в Дунгун электрика и переносной генератор. Электрик, кругленький коротыш, встретил нас и, радушно улыбаясь, сообщил, что забронировал номера в китайском отеле — лучшем в городе. Отель был чистенький и опрятный, правда, несколько спартански обставленный; нам с Джеки посчастливилось попасть в номер рядом с ванной.

Я намеренно говорю «посчастливилось», ибо это

соседство позволило мне провести кое-какие научные исследования на тему о чистоплотности китайцев. Стена, отделявшая нашу комнату от ванной, сантиметров на пятнадцать не доходила до потолка, так что мы могли слышать каждое движение и с точностью до капли определить. сколько воды вытесняли из ванны купающиеся. Первые двое ограничились быстрым, но довольно основательным омовением, после чего удалились, весело насвистывая, но третий был человеком другого склада.

Он ворвался в ванную бегом, точно за ним гнались, захлопнул дверь и так энергично щелкал задвижкой, что я испугался, как бы он ее не оторвал. Такого начала было достаточно, чтобы приковать мое внимание, и я продолжал слушать, словно завороженный, сидя на своей кровати. Заперев дверь, он минут пять-шесть не мог отдышаться, будто ждал, что к нему вломятся преследователи. Уж не спасается ли он от какой-нибудь малайской банды?.. А что, если я пойду мыться и увижу его окровавленный труп на вешалке для полотенец?.. В конце концов ему, очевидно, удалось победить страх, потому что дыхательные упражнения прекратились, и он принялся, насколько я мог судить… стегать ванну. Странные звуки доносились через перегородку в нашу комнату — избиваемая ванна гудела, точно соборный колокол. Концерт затянулся, я уж хотел постучать в стену и сказать, что это не лучший способ скрыть свое пребывание от преследующих головорезов, но тут музыка кончилась. Дальше, судя по звукам, он принялся драить пол сухой щеткой; этого занятия ему тоже хватило надолго. Наконец, хорошенько отстегав ванну и надраив пол, он пустил воду. Некоторое время царила полная тишина, если не считать шума воды, и я представил себе, как он стоит, безмолвный, объятый страхом, глядя на наполняющуюся ванну.

Через четверть часа я забеспокоился. Даже самая большая ванна не вместит такого количества воды! Я озабоченно посмотрел на пол возле стены, но не заметил никаких признаков просачивающейся влаги. Может, он

утонул? Пустив воду, поскользнулся, упал и теперь лежит в ванне лицом вниз… Пойти и постучаться? Моя тревога за его судьбу несколько умерилась, когда он неожиданно завернул краны и (опять-таки ничего не утверждаю, только предполагаю, так как мог положиться лишь на свой слух) прыгнул в ванну с семиметровой высоты. Нужно было слышать этот гром и плеск! Завороженные мысленным видением того, что происходило у нас за стеной, мы с Джеки сидели на краешке кровати, нервно глотая пиво и ожидая следующего откровения. Оно не заставило себя ждать. Человек-невидимка громко зафыркал, словно водяной буйвол, наслаждающийся жизнью в особенно смачной луже. и начал выбрасывать в воздух каскады воды, которые гулко шлепались обратно в ванну. Я по сей день убежден. что он пользовался кастрюлей или еще каким-нибудь подручным средством, ибо человеческие ладони, даже самые широкие, не способны захватить столько воды. Когда он вошел в ванную, я просто так, для интереса посмотрел на часы. и вот теперь, снова взглянув на них, обнаружил, что прошло полчаса, как он заперся. Стрелки моих часов отмерили еще сорок пять минут, а он все продолжал фыркать, булькать и расплескивать воду.

— Господи, что он там такое творит? — сказала Джеки.

— Наверно, это какой-нибудь особенно рослый китаец, — предположил я.

— Но ведь он не моется, а просто расплескивает воду. Прошло еще полчаса, шум не прекращался.

— Не может он столько мыться, — убежденно произнесла Джеки.

— Но чем-то он занят, — возразил я. — Если ты мне поможешь, мы пододвинем к стене вон тот комод, я влезу на него и погляжу в щелку.

— Этого нельзя делать!

— Почему нельзя? Это же научное исследование. Я напишу для «Ланцета» статью, которая принесет мне богатство и славу.

— Неприлично смотреть в щелку на людей, когда они моются, — твердо сказала Джеки.

— Хочешь, я спою для него несколько строф из «Бурного океана»? — предложил я.

— Нет, — ответила Джеки. — Но я хотела бы знать, чем он там занят.

Не подозревая, какой зловещий интерес вызвала у нас его деятельность, китаец плескался и булькал, словно разбушевавшаяся русалка во хмелю, потом вдруг воцарилось безмолвие.

— Слава Богу, — сказала Джеки, — наконец-то кончил.

— Или же выплеснул всю воду из ванны, — добавил я.

Долго тянулась жуткая тишина, прерываемая лишь глубокими вздохами. Внезапно — мы даже подскочили от неожиданности! — он пустил душ на полную мощь и снова принялся фыркать и булькать.

— Нет, я больше не могу, — не выдержал я. — Сейчас пододвину к стене комод и погляжу. Видит Бог, я и сам не прочь понежиться в ванне, но ты обратила внимание, что он сидит там почти два часа?!

Невзирая на протесты Джеки, я взялся за комод и уже заканчивал передвижку, когда, к моей величайшей досаде, китаец выключил душ, щелкнул задвижкой и с такой поспешностью покинул ванную, будто угадал мои намерения. Я метнулся к двери и рванул ее, рассчитывая хоть одним глазком взглянуть на редкостного водолюба, но в коридоре было пусто.

Это происшествие так на меня подействовало, что все остальные дни, пока мы жили в гостинице, я в перерывах между съемками стерег лестничную площадку, мечтая увидеть неуловимого поборника чистоты. Я даже придвинул к стене комод и водрузил на него стопку книг, но единственным, кого мне удалось рассмотреть в щель под потолком, был моющийся под душем Крис — зрелище до того непривлекательное, что на этом я прекратил свой эксперимент.

В первый же день мы отвезли на черепаший пляж нашего кругленького электрика и генератор. Пляж находился довольно далеко от Дунгуна, по соседству с рыбачьей деревушкой, в которой жили сборщики яиц. Длинную полосу ослепительно белого песка окаймляли пальмы. Сборщики не преминули нам сообщить, что до семи часов черепах не будет, зато после семи они могут появиться в любую минуту. Когда черепаха откладывает яйца, ее ничто не в состоянии отвлечь от этого занятия, вы можете даже потрогать ее руками, но пока она ползет через пляж и роет яму, лучше не пугать ее, не то она поспешит обратно в море и поминай как звали. Отсюда следовало, что мы должны, как только обнаружим черепаху, подкрасться к месту, облюбованному ею для гнезда, и тихонько наладить генератор, а когда начнется кладка яиц, включить свет и снимать. Но пляж был огромный, и заранее не угадаешь, где именно черепаха выйдет из воды, — значит, будь готов к тому, чтобы тащить генератор легкой трусцой с полкилометра, а то и больше. Мы устроили пробный забег, чтобы проверить, как это у нас получится, и я сразу же решил, что слово «переносной» в приложении к этому генератору — величайший эвфемизм, какой я когда-либо слышал. Во-первых, эта махина весила минимум тонну и была снабжена двумя такими крохотными ручками, что за них не ухватиться. Добавьте и тот факт, что с каждым шагом нога по щиколотку уходила в песок, и вы поймете, почему мы очень скоро оказались на грани истерического припадка.

Оставив в деревне электрика с его дьявольским изобретением, мы поехали в Дунгун обедать, а в половине седьмого погрузились со всем своим снаряжением на лендровер и отправились на черепаший пляж. Был чудесный, теплый, безлунный вечер — идеальный с точки зрения черепах. Подъехав к деревне, мы увидели возле дороги прыгающих и возбужденно размахивающих руками старосту, несколько сборщиков яиц и нашего электрика. Выяснилось, что в эту самую минуту в каких-нибудь трехстах метрах

ползет по пляжу крупная самка. Невероятная удача! Покряхтывая под тяжестью камер и переносного генератора, мы затрусили следом за сборщиком, которому принадлежала честь открытия. Тяжело дыша, все в поту и в песке (ибо каждый из нас шлепнулся не меньше раза) мы прибыли к месту, где трудилась черепаха.

Я знал, что морские черепахи бывают очень большими, но никак не ожидал увидеть такую громадину. Казалось, на берегу лежит опрокинутая лодка. Голова — как у крупной собаки; огромные глаза кинозвезды печально глядели в пространство из-под тяжелых век. Задними ластами, поразительно подвижными и похожими на руки, она вырыла в песке яму свыше метра шириной и около полуметра глубиной, затем аккуратно сложила ласты лопаткой и выгребла влажный песок, так что получилось чашевидное углубление для яиц. Вся эта процедура потребовала от черепахи стольких усилий, что она совсем запыхалась. Время от времени она прерывала работу для отдыха, издавая при этом протяжный вздох со всхлипом, так что сердце обливалось кровью. Из глаз ее обильно текла слизь, которая смазывает глазное яблоко, предохраняя его от морской воды, и висящие под каждым глазом длинные струйки вкупе с страдальческими вздохами создавали впечатление, что душа черепахи объята чувством безысходного горя. Очень любопытно выглядел панцирь: цветом и формой он напоминал хорошо смазанное седло, только цепочка маленьких пирамидальных костных выступов в центре нарушала иллюзию.

Черепаха трудилась около получаса, затем, очевидно довольная достигнутым, несколько изменила положение тела, так что ее хвост и задняя часть тела оказались над ямой. Внезапно, без всяких видимых усилий, она начала кладку. Прямо в гнездо упало первое яйцо — белое, поблескивающее в свете ламп, точно огромная жемчужина. После небольшой паузы последовала сразу целая очередь; яйца сыпались, будто здоровенные градины. Большинство было размером с

бильярдный шар, но попадались и поменьше — с мячик для игры в пинг-понг, даже с маленький шарик. Не знаю, вылупляется ли что-нибудь из недомерков, во всяком случае, из девяноста с лишним яиц мы насчитали штук десять — пятнадцать деформированных. После кладки черепаха принялась засыпать гнездо песком, работая преимущественно задними ластами и время от времени делая перерывы, чтобы получше утрамбовать песок. Движениями, напоминающими ход косы, черепаха своими широкими «веслами» загребала песок и бросала за спину, где его утаптывали задние ласты. Когда вся яма была заполнена. черепаха накрыла ее своим могучим телом, чтобы окончательно утрамбовать песок. Потом подвинулась примерно на метр вперед и начала как попало швырять песок назад передними ластами. Я поначалу не понял смысл этого маневра. но потом сообразил, что черепаха попросту маскирует гнездо. Ровная, гладкая площадка сразу бросилась бы в глаза, а слой беспорядочно насыпанного песка делал гнездо неотличимым от окружения. Удостоверившись, что все следы уничтожены. черепаха поволокла свое огромное трехметровое тело к воде, Это был трудный и долгий процесс, она ползла около получаса, делая большие перерывы для отдыха, во время которых вздыхала, зевала и выдувала пузыри, и длинные струйки слизи под ее глазами все больше обрастали песчинками. Наконец она достигла воды, и набежавшая волна умыла ее. Несколько минут черепаха лежала, наслаждаясь прикосновением воды, потом заскользила дальше по влажному песку. Волны накатывались на нее и вдруг оторвали от песка. Тотчас она из тяжеленного увальня превратилась в ловкое и быстрое существо. Легла на бок, не без ехидства помахала нам одним ластом на прощание и проворно удалилась.

За первой черепахой последовали другие, и около полуночи, сняв нужные нам кадры, мы возвратились в Дунгун — усталые, но счастливые.

На следующее утро мы вновь приехали на пляж. Теперь нам хотелось посмотреть (и снять), что делается для спасения

кожистой черепахи. Речь шла о недавно разработанных мерах, которые впервые испытали в предыдущем сезоне. Руководил операцией сотрудник Министерства рыбного хозяйства, он же был нашим гидом.

Как я уже говорил, у концессионера выкупали по рыночной цене гнезда, затем их осторожно раскапывали и переносили яйца на другой, огороженный участок пляжа. Здесь выкапывали новую яму положенных размеров, клали в нее яйца и тщательно засыпали их песком, стараясь возможно точнее воспроизвести настоящее гнездо. Возле гнезда ставили маленький деревянный крест, на котором записывали дату кладки, количество яиц, а потом и количество вылупившихся черепашат. С этими крестиками, выстроившимися правильными рядами, огороженный участок напоминал военное кладбище лилипутов.

В первом году было выкопано девяносто пять гнезд, что отвечало примерно восьми тысячам яиц; из них вылупилось больше трех тысяч черепашат. Обычно детеныши, вылупившись, выбираются на поверхность и со всех ног бегут через пляж к морю. В силу какой-то загадочной телепатии большинство морских хищников, таких, как акулы и барракуды, угадывают, где можно ожидать появления вкусных черепашат. Они выстраиваются вдоль мелководья, и детенышам надо одолеть этот кровожадный барьер. Многие гибнут, а если еще учесть рвение сборщиков яиц, то будущее кожистой черепахи выглядит довольно мрачно. Чтобы можно было обойти ненасытных акул и барракуд, каждую «могилку» своевременно окружают проволочной сеткой; теперь детеныши, вылупившись, никуда не уйдут. Их собирают в ведра и тазы и вывозят на катере министерства на три — пять километров в море, где выпускают, рассеивая на большой площади. Так у них гораздо больше шансов выжить.

Только что вылупившиеся черепашата не похожи на своих могучих родителей. Они около десяти сантиметров в длину и выглядят очень мило в своем ярком зелено-желтом наряде в мелкую полоску. Никто не знает, какой срок нужен

этим полосатым малышам, чтобы достигнуть зрелости, но полагают, что проходит от двадцати до тридцати лет, прежде чем они возвращаются на родной пляж, чтобы вырыть ямы уже для своего потомства.

Пока что меры, принятые малайцами, приносят большой успех, и я надеюсь, что так будет и впредь. Что просторный белый пляж у Рантау всегда будет служить надежными яслями для этих исполинов моря.

ПОДВЕДЕМ ИТОГ

Незаметно и тихо он сгинул,
Ведь Ворчун был на деле Мычун.
«Охота Ворчуна»

Вот и завершилось наше путешествие, во время которого мы проехали по трем странам свыше семидесяти тысяч километров и познакомились с десятками интереснейших животных. Чувствую, однако, что, сделав упор на них за счет всего остального, я создал однобокое и чересчур радужное представление об охране животных. Постараюсь исправить свою ошибку.

Прежде всего, что такое охрана животных? Не только спасение от гибели таких видов, как такахе, сумчатая белка или кожистая черепаха, — это важное дело, но оно составляет лишь часть проблемы. Бессмысленно охранять тот или иной вид, если при этом не охраняют его среду обитания. Уничтожьте или хотя бы измените эту среду, и вид погибнет так же неизбежно, как если бы вы устроили поголовный отстрел. Охрана животных означает, что надо охранять леса и луга, озера и реки, даже море. Это необходимо не только для спасения фауны, но для будущего самого человека — обстоятельство, которого многие люди явно не учитывают.

Мы получили в наследство невыразимо прекрасный и многообразный сад, но беда в том, что мы никудышные садовники. Мы не позаботились о том, чтобы усвоить простейшие правила садоводства. С пренебрежением относясь к нашему саду, мы готовим себе в не очень далеком будущем мировую катастрофу не хуже атомной войны, причем делаем это с благодушным самодовольством малолетнего идиота, стригущего ножницами картину Рембрандта. Из года в год, повсеместно мы создаем пылевые пустыни и поощряем эрозию, сводя леса и подвергая луга чересчур интенсивному выпасу, загрязняем промышленными отходами одно из наших главных достояний — воду,

плодимся, словно крысы, и еще удивляемся, почему не хватает пищи на всех. Мы настолько оторвались от природы, что возомнили себя богами. Такое воззрение никогда не приносило добра.

Средний человек эгоистично относится к миру, в котором живет. Когда я показываю посетителям моих питомцев, один из первых вопросов (если животное не наделено располагающей внешностью), который они задают, неизменно гласит: «А какая от него польза?» При этом они подразумевают, какая польза *им* от этого животного. На такой вопрос можно ответить только вопросом: «А какая польза от Акрополя?» Разве животное непременно должно приносить человеку утилитарную пользу, чтобы за ним признавали право на существование? Вообще, спрашивая: «Какая от него польза?», вы требуете, чтобы животное доказало свое право на жизнь, хотя сами еще не оправдали своего существования.

Знакомясь с охраной животных в Новой Зеландии, Австралии и Малайе, я видел одну и ту же знакомую удручающую картину. Малочисленные отряды преданных своему делу, плохо оплачиваемых и перегруженных работой людей сражаются против равнодушия общественности софистики политиков и промышленных воротил. Вообще говоря, люди безучастны только потому, что не отдают себе отчета в размахе бедствия. Опаснее всего апатия политических деятелей, ибо речь идет о вопросах, которые можно решить лишь на высшем уровне. Большинство политиков не станут рисковать своей карьерой ради животных. Во-первых, они считают, что дело того не стоит. во-вторых, они смотрят на борцов за охрану животных с таким же пренебрежением, как на какую-нибудь старую деву, причитающую над любимым мопсиком. В Новой Зеландии не кто-нибудь, а министр, член правительства, заявил мне, что никакой беды не случится, если какие-то альбатросы покинут свое гнездовье. Дескать, остров, где они обосновались, лежит так далеко, что люди, интересующиеся альбатросами, все

равно туда не доберутся, так стоит ли беспокоиться? Я ответил, что в Европе есть немало картин и скульптур, которые мне вряд ли доведется увидеть, однако я не стану на этом основании предлагать, чтобы их уничтожили.

Если государственные деятели рассуждают так, на что надеяться борцам за охрану животных? Кто-нибудь скажет самоуспокоенно: «Но ведь есть большие Национальные парки, там дикие животные в полной безопасности». Мало кто осознает, что большинство Национальных парков отнюдь не являются неприкосновенными. Стоит обнаружить на их территории золото, или олово, или алмазы, как государство сразу разрешит производить горные работы, — и что останется тогда от заповедника? Это не ложная тревога, такие вещи случались. Как раз сейчас, когда я пишу эти строки, в Новой Зеландии собираются заложить рудники на острове, который считается одним из важнейших заповедников в стране, последним убежищем уникальных видов птиц. Есть много мест, где животный мир формально охраняется — охота и отлов запрещены. Но это чисто бумажная защита, не осуществляемая на деле по той простой причине, что — либо из-за равнодушия, либо из-за отсутствия средств — не создан аппарат для претворения запрета в жизнь. А это все равно что говорить: не смейте убивать соседа, если же вы это сделаете, мы не сможем вам помешать, потому что у нас нет полиции.

В последнее время люди постепенно начинают осознавать, как важно охранять диких животных и их среду обитания. Поздновато спохватились, ведь многих видов (их перечень составляет два пухлых тома) уже нет, а в целом ряде случаев численность вида сведена до такого минимума, что нужны поистине героические усилия, чтобы спасти его.

Всю жизнь меня чрезвычайно заботит эта проблема. По-моему, во многих случаях, если принять надлежащие меры, можно сохранить животное в его природной среде, но часто это оказывается невозможным, во всяком случае пока. Убедительным примером может служить бескрылый пастушок острова Инэксесэбл в архипелаге

Тристан-да-Кунья. Эта крохотная птица обитает только на названном острове, вся площадь которого — около десяти квадратных километров. Ее нет больше нигде в мире. Формально она строго охраняется, и это превосходно, но один мой друг орнитолог, служащий на флоте, заходил со своим эсминцем на Тристан-да-Кунья, и среди различных сувениров, предложенных местными, жителями морякам, он увидел неряшливо сделанные чучела бескрылых пастушков. Если учесть, что вся популяция этих птиц исчисляется несколькими сотнями (остров больше просто не прокормит), представляете себе, какой ущерб приносит такая расправа? На островах Тристан-да-Кунья нет никаких инспекторов, которые охраняли бы бескрылого пастушка, да их там и держать непрактично. Между тем стоит случайно завезти на этот клочок суши крыс, или свиней, или кошек, или еще кого-нибудь из приспешников человека, и бескрылый пастушок может исчезнуть в несколько недель или месяцев, как исчез дронт. Вот вам проблема. Как спасти такого пастушка? Допустим, остров объявят заповедником, но крысы, свиньи и кошки могут об этом и не узнать, и если не будет наблюдения (а на это нужны деньги), никто не поручится, что заповедник не окажется еще одним бумажным мероприятием. Нет, чтобы спасти пастушка, ему нужно предоставить надежное убежище в таком месте, где он сможет жить и плодиться, не опасаясь четвероногих и двуногих хищников.

Случай с бескрылым пастушком не единственный, в мире насчитываются *тысячи* видов, которым грозит та же участь. В одном месте уничтожается среда, в другом месте люди истребляют само животное столь безжалостно, что воспроизведение не покрывает убыль. А то и просто в стране, где обитают такие виды, никогда не слышали об охране животных и людям на это наплевать.

Было время, когда в ответ на предложение отлавливать представителей вымирающих видов и разводить их в неволе на вас обрушивались доброжелательные и не очень далекие

защитники животных из числа тех, кто простодушно полагает, будто звери на воле ведут идиллическое существование. Однако постепенно даже эти люди уразумели, что подчас нет другого способа спасти вид. За последние сто лет было много убедительных примеров. Скажем, олень Давида водился только в садах при Императорском дворце в Пекине. Ценой немалых трудностей (ибо бамбуковый занавес в ту пору был даже толще, чем в наши дни) удалось доставить несколько экземпляров этого замечательного оленя в Европу. И очень кстати, потому что во время боксерского восстания стадо в садах Императорского дворца погибло. С большим трудом покойный герцог Бедфордский собрал немногие экземпляры, разбросанные по зоопаркам Европы, и создал небольшое стадо в Вобернском аббатстве. Понемногу оно росло и теперь насчитывается около четырехсот голов. Пары для развода разосланы в большинство крупнейших зоопарков мира, а недавно одну пару отправили даже на родину, в Китай.

Можно рассказать о таком же успехе с зубром, гавайской казаркой, североамериканским бизоном и многими другими животными. Наиболее свежий и яркий пример — белый орикс. За ним гонялись на автомобилях, вооруженные пулеметами, на него охотились даже (хороший «спорт»!) с самолетов, и в конце концов численность этих великолепных животных сократилась настолько, что стало ясно: орикс обречен. Никаких законов, которые охраняли бы его, не было, и охотников ничуть не волновала угроза полного истребления орикса. Тогда из числа уцелевших отловили несколько экземпляров и переправили по морю в Америку, где они теперь успешно размножаются. Когда-нибудь, если на их родине изменится отношение к охране животных, можно будет привезти несколько пар для развода и снова заселить те места, на которых орикса извели.

Рассуждая о судьбе вида, люди всегда неверно толкуют цифры. «Ну, их много», — говорят обычно, увидев полторы сотни представителей какого-нибудь вида, причем

говорящему невдомек, что, быть может, эти полторы сотни — последние. Даже самый многочисленный вид можно очень быстро истребить, пример тому — странствующий голубь, которого в Северной Америке было столько, что, пожалуй, нигде на свете не знали таких скоплений птиц. По скромным подсчетам, некоторые стаи насчитывали 2 230 272 000 голубей. Когда они устраивались на деревьях на ночлег, под их тяжестью обламывались сучья. Тут было известное основание сказать: «Их много»! А так как их было много, начался беспардонный отстрел. Собирали яйца, убивали птенцов — потому что их было много. Последний странствующий голубь умер в безбрачии в Цинциннатском зоопарке в 1914 году. Если бы кому-нибудь пришло в голову взять четыре-пять представителей этого плодовитого вида и разводить их в неволе, странствующий голубь мог бы уцелеть. А затем, когда в Северной Америке изменилось отношение к охране животных, можно было бы вернуть его домой.

Борцы за охрану животных и зоопарки совсем недавно осознали эти простые вещи. Теперь большинство зоопарков понимает, что их задача — не только служить местом раз-влечения и познания, но и держать и разводить вымирающие виды. Зоопарки должны стать своего рода резерватом, который предотвратит истребление сотен видов животных.

В 1959 году именно для такой цели я учредил зоопарк на острове Джерси (Нормандские острова). Как только зоопарк твердо стал на ноги, я преобразовал его в Джерсейский трест охраны животных. Задачи треста очень просты: во-первых, попытаться создать плодовитый резерв видов, которые в местах обитания не охраняются вовсе или охраняются только на бумаге, и тем самым спасти их от полного уничтожения. Больше того, мы надеемся когда-нибудь вернуть на родину пары для развода. Во-вторых, внушить людям, насколько необходима охрана животных, разумная охрана, основанная на том, что нам известно об устройстве нашего мира, и

учитывающая нужды человечества. У нас маленькая коллекция, зато наш зоопарк— первый в мире, всецело занятый охраной вымирающих животных для создания резерва. И так как у нас маленькая коллекция, нам нужна ваша помощь.

Если вам понравилась эта книга и если вы с удовольствием читали другие мои книги, вам не нужно объяснять, что вы обязаны этим удовольствием животным. Теперь я прошу *вас* помочь *мне* спасти некоторых из этих животных. Быть может, вы никогда в жизни не увидите тех, кого будете выручать из беды, но разве это так важно? Вы ведь не чувствуете себя обманутыми, не видя тех, кому помогают ваши взносы, когда происходит сбор средств в какой-нибудь фонд?

В отличие от нас, животные не властны над своим будущим. Они не могут добиваться автономии, у них нет членов парламента, которых они могли бы засыпать жалобами, они не могут даже заставить профсоюзы объявить забастовку и потребовать лучших условий. Их будущее, само их существование — в наших руках. Джерсейский трест охраны животных приготовил множеству вымирающих видов убежище, где они могут жить и размножаться, не опасаясь врагов, будь то люди или звери. А в дальнейшем, когда позволят условия, мы надеемся вернуть их вместе с их потомством в исконные места обитания. Можно сказать, что мы создали своего рода стационарный Ноев ковчег. Работа эта не терпит проволочки. Есть много животных, которым ваша помощь необходима сейчас; через десять, даже через пять лет будет поздно, они исчезнут с лица земли. Вступив в наш трест, вы сделаете для них огромное дело, так что отложите эту книгу и напишите мне. Возможно, с вашей помощью удастся спасти десятки видов.

Примечания

1 Здесь Даррелл допустил ошибку, слив воедино два самостоятельных вида. Notornis mantelli обитала на Северном острове и полностью вымерла (вернее, была истреблена) задолго до появления европейцев. Она известна (и описана как вид) по костным остаткам. На Южном острове обитает другой вид такахе (N. hochstelteri). Эту-то птицу и видел Даррелл. Внешне оба вида были, по-видимому, очень похожи. — Прим. ред.

2 Речь, несомненно, идет об эму-альбиносе. — Прим. ред.

3 Дж. Даррелл допускает ошибку: вес наиболее крупных кожистых черепах не превышает 600 килограммов. — Прим. ред.

Послесловие

Джеральд Даррел – ученый, писатель, общественный деятель.

Когда читаешь книгу, и особенно когда она тебе нравится, всегда хочешь побольше узнать об авторе, о его жизни, его взглядах, его работе и планах. Книги Джеральда Даррела очень популярны у нас, и многим, вероятно, будет интересно поближе познакомиться с этим поистине замечательным человеком.

Джеральд Даррел – англичанин, но родился он не в Англии, а в Джамшедпуре, в Индии, в 1925 году. Он рано потерял отца, и ему было три года, когда семья вернулась в 1928 году в Англию. Климат Англии оказался неподходящим для маленького Джерри, его двух старших братьев и сестры. К этому прибавились финансовые затруднения, и в 1933 году семья Даррелов перебралась сначала на континент, а затем в 1935 году обосновалась на небольшом островке Корфу в Средиземном море. Именно здесь неосознанная тяга к животным, проявившаяся у Джерри с первых дней жизни, оформилась и превратилась в путеводную нить, которая определила всю дальнейшую жизнь зоолога и писателя Джеральда Даррела. Остров Корфу с его мягкими, ласковыми, залитыми солнцем пейзажами, с белоснежными пляжами и темно-зелеными пятнами виноградников, с серебристыми рощами олив, с меловыми горами и лазурным небом оказался той средой, где на смену чисто эмоциональной, подсознательной склонности маленького мальчика пришла любознательность, потребность в точных наблюдениях, в эксперименте и, наконец, в обобщении, в элементарном синтезе, что свойственно уже истинному натуралисту. И хотя фауна Корфу небогата, и Джерри не мог тогда и предполагать, с какими интересными животными встретится он впоследствии и какие увидит страны, можно смело говорить, что как зоолог и борец за сохранение животных на Земле Джеральд Даррел родился именно на Корфу.

По возвращении в Лондон, Даррел, еще будучи подростком, был вынужден искать работу. И он нашел работу по вкусу: он стал продавцом в зоологическом магазине. Не очень блестящая и перспективная должность, но она представляла возможность общаться с животными, а это было главным для юноши. Кроме того, он мог посещать колледж и получил доступ к библиотекам. До сих пор Джеральд Даррел вспоминает этот этап своей жизни с теплотой и благодарностью судьбе.

По окончании колледжа вопрос о будущем, о «настоящей» работе снова всплыл на повестку дня. Теперь нужно было всерьез зарабатывать на жизнь. И снова Джеральд Даррел выбирает единственно возможный для него вариант: он отправляется в пригородный лондонский зоопарк Уипснейд и нанимается туда простым рабочим по уходу за животными. Он снова строит жизнь так, чтобы быть постоянно с животными.

Работа в зоопарке не только расширила кругозор Даррела, он научился там обращению с крупными, подчас опасными животными, освоил методы их содержания, кормления, разведения. Все это очень понадобилось ему в будущем.

Работа в зоопарке Даррела полностью не удовлетворяла, хотя Уипснейд – один из лучших зоопарков мира: животные там живут в сравнительно нетесных вольерах, но Даррелу хотелось увидеть их в родной стихии, на их родине. Поэтому он с восторгом принимает предложение отправиться в Западную Африку, в Камерун. Целью этой экспедиции был отлов животных для зоопарка. Можно ли было мечтать о большем?

Результаты экспедиции превзошли, однако, все ожидания. Поездка в Камерун произвела на Даррела такое сильное впечатление, что по возвращении в Европу он ощущает непреодолимую потребность рассказать о ней. Так появилась его первая литературная проба – книга "Перегруженный ковчег". Книга имела колоссальный успех и

была распродана буквально в несколько дней. Она сразу и бесповоротно сделала молодого безвестного любителя животных знаменитостью, всеобщим любимцем, показала, что в нем заложен незаурядный талант писателя. Можно смело сказать, что уже в "Перегруженном ковчеге" Джеральд Даррел создал свой собственный стиль, совершенно законченный и необычайно привлекательный. Во всяком случае была сделана серьезная заявка на рождение нового писателя.

Поездка в Камерун оказалась лишь прологом к серии замечательных путешествий. В 1948 году Даррел совершает вторую экспедицию в Африку, затем едет в Южную Америку: в Гвиану, Парагвай, Аргентину. А далее следует новая поездка в Африку, по знакомым уже местам. Из каждой поездки Даррел помимо коллекций привозит массу новых идей и впечатлений. И эти впечатления не остаются мертвым капиталом. О каждой из своих экспедиций Даррел пишет книги: за "Перегруженным ковчегом" появляются "Гончие Бафута", потом "Земля шорохов", "Под пологом пьяного леса", "Зоопарк в моем багаже". И с каждой новой книгой все больше растет популярность и мастерство Джеральда Даррела.

На первых порах роль "охотника за живыми животными" полностью устраивала Даррела. Однако ее неизбежно отравляла ложка дегтя: после экспедиции, когда к каждому из привезенных животных он успевал привязаться, с ними приходилось расставаться. Это было так несправедливо, так тягостно! Выход был один, и он был ясен с самого начала: нужен собственный зоопарк. И вот после долгих поисков, неудач и огорчений в 1959 году Даррел его основал. На небольшом участке земли, арендованном на острове Джерси (один из Нормандских островов), были размещены первые клетки и вольеры. Отныне Даррел ловил зверей для себя. Правда, сразу же возникли финансовые затруднения, но Даррел стал тратить на содержание и пополнение зоопарка весь гонорар за свои книги, и молодой зоопарк постепенно

окреп.

Создавая зоопарк, Даррел стремился не только избавиться от необходимости расставания с полюбившимися ему животными. Были у него и другие, более важные цели. Поэтому Джерсийский зоопарк стал не простым зоопарком. Дело в том, что в это время Даррел начинает все большее внимание уделять судьбе животных в широком плане, их будущему, которое к середине XX столетия окрасилось в самые мрачные тона. Многие животные оказались на грани полного уничтожения. В связи с этим пришлось пересмотреть современную роль зоопарков: именно в зоопарках, и только в зоопарках, может быть сохранен резерв (или, как сейчас говорят, "банк") размножающихся животных тех видов, на спасение которых в естественных условиях почти не осталось надежд. Со временем при благоприятных условиях такой резерв может стать исходным материалом для повторного расселения, для восстановления угасших видов в тех местах, откуда их вытеснил человек. Так была спасена от гибели нене, небольшая казарка с Гавайских островов; так «воскрес» огромный дикий бык – зубр; так, собственно говоря, получил возможность сохраниться американский журавль, жемчужина среди птиц мира; так спаслись еще несколько видов птиц и зверей. Международный союз охраны природы и природных ресурсов (МСОП) придает этому методу особое значение, и Джеральд Даррел был одним из первых, кто применил его на практике, кто в качестве основной, главной задачи зоопарка признал работу по созданию резерва, «банка» редких животных.

Первые опыты и успехи Джерсийского зоопарка привлекли внимание официальных учреждений и некоторых частных лиц, занимающихся вопросами охраны природы. Были собраны необходимые средства, в основном за счет Международного фонда охраны животных и Общества охраны животных, и зоопарк был преобразован в Джерсийский трест охраны животных. Его почетным президентом стала английская принцесса Анна, а директором,

разумеется, Джеральд Даррел. И сейчас Джерсийский трест с успехом работает над проблемой сохранения редких и исчезающих животных. Надо сказать, что Даррел не просто директор, он душа треста, и все гонорары за книги он по-прежнему передает на его укрепление.

Заслуги Даррела в области охраны редких видов животных получили должное признание. В 1972 году состоялась первая конференция, которая подвела итоги международных усилий по созданию в зоопарках резерва редких животных. Местом проведения конференции был избран Джерси. И это не случайно: к этому времени трест заслужил отличную репутацию.

В своей вступительной речи на открытии конференции Даррел подчеркнул, что, несмотря на определенные успехи в разведении редких животных, впереди ожидаются серьезные трудности. Неясны еще перспективы самого последующего процесса «репатриации» привыкших к условиям неволи животных; неизвестно, не скажется ли отрицательно длительное скрещивание близкородственных индивидуумов; не нарушится ли целостность генофонда; да и многое другое, что нельзя предсказать, может отразиться неблагоприятно. Однако Даррел выразил надежду, что трудности в конце концов будут преодолены, и на заключительной экскурсии продемонстрировал ряд крайне интересных примеров накопления резерва видов, которым угрожает исчезновение. Работа Джерсийского треста продолжается, и нам остается только пожелать успеха сотрудникам этих учреждений.

Однако сам Джеральд Даррел прекрасно понимает, что одним созданием подобных питомников судьбы животных не изменить. Земля принадлежит людям, она будет неуклонно меняться, и поэтому очень важно пробудить в людях чувство ответственности за животный мир нашей планеты. А чувство ответственности рождается из любви, из знания. Поэтому все книги Джеральда Даррела, от первой до последней, посвящены этой задаче – заставить человека по-новому взглянуть на природу, на существа, ее населяющие, заставить

его полюбить "младших братьев" и кое-чем, хотя бы немногим, поступиться ради их спасения, ради того, чтобы сохранить Землю во всей ее красоте и богатстве. Каждая книга Даррела – это прекрасный пример активной, действенной, настойчивой пропаганды.

Даррел не ограничивался книгами. Он выступает по телевидению, читает доклады о животных по радио, снимает о них фильмы.

В 1962 году Джеральд Даррел по поручению Международного фонда охраны животных совершает поездку в Новую Зеландию, Австралию и Малайю, знакомится с состоянием охраны природы этих стран. Почти везде видит он тревожную картину: жадность и равнодушие превращают в пустыню цветущие уголки, животным не остается места на Земле, их попросту сметают как ненужный сор. И снова Даррел бросается в бой: он пишет чудесную книгу "Путь кенгуренка", где дает по-настоящему тонкий анализ положения животных, он показывает серию телепередач, в которых знакомит зрите ля с повадками, привычками, образом жизни птиц и зверей и одновременно просит, убеждает: смотрите, как они хороши, как много мы потеряем нужного, необходимого нам самим же, если животные исчезнут! Какое преступление совершим, если не убережем их от гибели! И как в сущности немного нужно, чтобы помочь им!

Сейчас почти в каждой стране созданы национальные парки, заповедники, резерваты, охватывающие сотни тысяч квадратных километров. Многих это успокаивает, дает повод говорить: разве этого мало для того, чтобы гарантировать спасение животных? Есть ли повод для беспокойства? Да, отвечает Даррел, есть. Национальные парки и заповедники – это хорошо, но недостаточно. Стоит на их территории оказаться месторождению нефти, золота или, не дай бог, урана, и едва ли статус неприкосновенности, которым обладают национальные парки, окажется достаточным препятствием для дельцов. Поэтому, пока каждый человек,

будь то частное лицо или государственный деятель, не поймет всей важности проблемы охраны животных, никаких гарантий нет и быть не может. Все творчество Даррела, вся его общественная деятельность направлены на то, чтобы подготовить действительно надежную почву для таких гарантий.

Нельзя не сказать несколько слов о Дарреле как писателе. Человек XX века устал от сутолоки больших городов, от шума, от вечной спешки и нервного напряжения. Поэтому книги о природе, в частности о животных, пользуются сейчас огромным спросом, и множество авторов осваивают сейчас этот жанр. Но у Джеральда Даррела нет соперников: его книги ожидаются с нетерпением и расходятся с молниеносной быстротой. В чем причина такого исключительного успеха? Мне кажется, прежде всего в обаянии самого Даррела. в его доброте, в его милом характере, в умении находить везде друзей. Но это – дух книги. А кроме духа есть еще и мастерство писателя: способность необыкновенно тонко видеть основную сущность природы незнакомой страны, подмечать наиболее характерные ее черты наряду с умением подбирать, находить удивительно верные, удивительно новые, нестандартные, подчас совершенно неожиданные, но всегда объемные средства передачи своих впечатлений и переживаний. Именно это делает повествование Даррела легким, живым и выразительным. У него счастливым образом сочетаются умение видеть и умение рассказывать, а ведь в этом-то и проявляется настоящий талант.

Главные герои книг Даррела – животные. Среди них нет противных, некрасивых, безобразных: все они по-своему хороши, и для каждого из них Даррел находит теплые слова. Именно поэтому образы животных у Даррела так сугубо индивидуальны и так до слез трогательны. Они запоминаются так, будто ты сам их видел, сам заботился о них, сам любил. После Сетона-Томпсона я положительно затрудняюсь назвать другого такого мастера анималистического портрета.

И еще одна прекрасная черта творчества Джеральда Даррела – его неподражаемый юмор. Юмор Даррела – доброжелательный, спокойный, но тонкий и вездесущий. Юмор не как самоцель, а как жизненная философия, как способ подчеркнуть что-либо наиболее важное, наиболее типичное, как средство борьбы с трудностями. Юмористическое восприятие всего, что не касается трагической судьбы животных, составляет одну из самых привлекательных черт характера Даррела.

Нужно добавить, что книги Джеральда Даррела имеют огромную познавательную ценность. Как бы мимоходом, исподволь он может рассказать о жизни животного так много, что другому специалисту-зоологу добавить почти нечего. И все эти сведения абсолютно достоверны, далеки от претензий на сенсационность. Тому, что пишет Даррел, можно верить на сто процентов. "Перегруженный ковчег", как я уже говорил, – первое произведение Даррела, "Гончие Бафута" – как бы продолжение, рассказ о второй поездке в Западную Африку в Камерун. Много лет прошло с тех пор, как Джеральд Даррел странствовал по тропическому лесу и травянистым равнинам Камеруна. Много совершилось событий. Камерун обрел долгожданную свободу, в стране строят новую жизнь сыновья тех, кто сопровождал Даррела во время странствий. Но так же прекрасны остались девственные леса, и все так же звенит в них по ночам хор насекомых и древесных лягушек, а лемуры-галаго неторопливо перебираются с ветки на ветку. Молодая республика много внимания уделяет вопросам охраны природы, охраны животных, и в том, что находится для этого желание и средства, есть доля заслуги Джеральда Даррела.

В. Флинт.